

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 15, выпуск 4, 2026

NAUCHNYI DIALOG

Volume 15, Issue 4, 2026

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 15, выпуск 4, 2026

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620014, г. Екатеринбург, ул. Попова, д. 18, оф. 217
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cnior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Архангельск	Санкт-Петербург
	Благовещенск	Саранск
	Брянск	Смоленск
	Екатеринбург	София (Болгария)
	Казань	Ташкент (Узбекистан)
	Краснодар	Трабзон (Турция)
	Курск	Тула
	Махачкала	Самарканд (Узбекистан)
	Москва	Ургенч (Узбекистан)
	Новосибирск	Фергана (Узбекистан)
	Пенза	Элязыг (Турция)
	Ростов-на-Дону	Эрзинджан (Турция)
	Самара	Якутск
	Авторы, имеющие ученую степень	85 %

© Центр научных и образовательных проектов, 2026

Дата выхода в свет 18.05.2026

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 15, Issue 4, 2026

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Editorial Office Address	620014, Yekaterinburg, Popova St., 18, office 217
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus)
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed © LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2026

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Лариса Николаевна Ребрина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Волгоград)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я з ы к о з н а н и е . М е д и а к о м м у н и к а ц и и . Ж у р н а л и с т и к а

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Л и т е р а т у р о в е д е н и е . Ф о л ь к л о р и с т и к а

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

И с т о р и ч е с к и е н а у к и

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)
Иван Иванович Думинка, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Larisa N. Rebrina, Doctor of Philology, professor (Russia, Volgograd)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аверина А. В. Типы связи в бессоюзных предложениях немецкого языка	9
Алимов Т. Э., Аджеминова Э. Р. Когнитивно-прагматические механизмы эвфемизации алкоголизации в русской и узбекской лингвокультурах	37
Баранникова Т. Б., Сулейманова Ф. Н., Ханбалаева С. Н. Лексикографический аспект синонимии в дагестанском языкознании : история вопроса, проблемы и перспективы	62
Былькова С. В., Шалков Д. Ю. Языковая репрезентация продакт-плейсмента в отечественной литературе : культурно-семиотическая специфика прагматонимов.....	86
Влавацкая М. В. Метод суггестивного анализа как инструмент выявления механизмов речевого воздействия в дискурсе гороскопов (на материале английского языка)	108
Грибер Ю. А., Ивлева А. И., Элькинд Г. В. Когнитивная репрезентация цвета у людей с расстройствами аутистического спектра : лингвистический и психолингвистический анализ.....	129
Зубкова О. С., Логвина С. А. Реляционная природа эвфемизации : когнитивно-дискурсивный подход	152
Иванян Е. П., Клошина А. М., Мирошниченко М. Р. Вербальная и жестовая репрезентация ментальных девиаций в русском дискурсе.....	177
Чайлак Х., Токарев Г. В. Сопоставление русских и турецких наивных мер	198
Шидловская Д. Ю. Репрезентация семантики каузации в английских фразеологических единицах с глаголами семантических полей «Толкать» и «Тянуть»	218

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА

Буженинов А. Э., Ли Тяньин. Лингвокультурный типаж «Филолог» в русских и китайских креолизованных текстах	241
Петкова Д. П. Медиакультура и доверие к медиа : эмпирическое исследование в Болгарии.....	260

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Абдуллаева С. Х., Доспанова Д. У., Пулатова В. И. Современная британская антиутопия : типологические особенности жанра в «Слепой вере» Б. Элтона.....	277
Мещанский А. Ю., Савелова Л. А. Блокадная тема в творчестве российских драматургов XXI века	295

Осьмухина О. Ю., Миронов Н. М. Специфика воплощения образа вампира в новеллистике Серебряного века («Он», «Материнская любовь» Е. Нагродской)	317
Сердечная В. В., Жаткин Д. Н. Русская критическая, переводческая и творческая рецепция поэмы Уильяма Блейка «Мильтон»	337
Шаравин А. В., Вороничев О. Е., Гришечкина А. М. Языковая игра с именем вождя (Ленин) в рассказах Л. Добычина	368

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алтын К., Кёмюрджю Э. Положение женщин в государственном управлении Ак-Коюнлу в XV веке (Сарай-хатун и Деспина-хатун)	390
Буяров Д. В. Развитие системы высшего образования в Королевстве Камбоджа в первой четверти XXI века	409
Васильев А. Д. Привилегии государственной службы в Якутии в 1780—1840-е годы	432
Нарышкин А. А. Антиколониальная политика Коминтерна в Африке южнее Сахары (1920—1930-е годы)	450
Науменко О. Н., Махмудов У. Б., Сатимов Б. М. Реформирование советского исторического образования в 1920-х — начале 1940-х годов (на материалах Хорезмской области Узбекской ССР) в контексте распространения нацизма в Германии... ..	467
Науменкова Е. О. Трансформация образа СССР во время Второй мировой войны на страницах центральной и региональной британской прессы	486
Нестеров А. Г., Ни Мэн. Концепция гуманитарного сотрудничества в контексте инициативы «Один пояс — один путь»	506
Сафронова А. М. Первый аптекарский огород в Екатеринбурге (1739—1753)	523
Хазиев Р. А., Полянина О. А. «Приискание» служащих в системе земского и городского самоуправления Уфимской губернии в конце XIX — начале XX веков	542
Челик А., Бингёль Х. Трансформация образа России в учебниках истории Турции в контексте государственной исторической политики периода холодной войны (1945—1991 годы)	560
АВТОРАМ	589
CONTENTS	595

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Алёна Михайловна Ключина, д-р филол. наук (Самара)
Анна Викторовна Аверина, д-р филол. наук (Москва)
Анна Игоревна Ивлева, канд. техн. наук (Казань)
Григорий Валериевич Токарев, д-р филол. наук (Тула)
Григорий Витальевич Элькинд, научный сотрудник (Смоленск)
Денис Юрьевич Шалков, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)
Диана Юрьевна Шидловская, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Елена Павловна Иванян, д-р филол. наук (Самара)
Марина Витальевна Влавацкая, д-р филол. наук (Новосибирск)
Мария Романовна Мирошниченко, аспирант (Самара)
Ольга Станиславовна Зубкова, д-р филол. наук (Курск)
Сабина Низамиевна Ханбалаева, д-р филол. наук (Москва)
Светлана Андреевна Логвина, канд. пед. наук (Курск)
Светлана Викторовна Былкова, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)
Татьяна Борисовна Баранникова, д-р филол. наук (Махачкала)
Фатимат Назимовна Сүлейманова, канд. филол. наук (Махачкала)
Ханифе Чайлак, д-р филол. наук (Трабзон, Турция)
Юлия Александровна Грибер, д-р культурологии (Смоленск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Аверина А. В. Типы связи в бессоюзных предложениях немецкого языка / А. В. Аверина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 9—36. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-9-36.

Averina, A. V. (2026). Types of Relations in Asyndetic Sentences in German. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 9-36. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-9-36. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Типы связи в бессоюзных предложениях немецкого языка

Аверина Анна Викторовна
orcid.org/0000-0002-3117-6362
доктор филологических наук,
профессор кафедры грамматики
и истории немецкого языка
Anna.averina@list.ru

Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)

Types of Relations in Asyndetic Sentences in German

Anna V. Averina
orcid.org/0000-0002-3117-6362
Doctor of Philology,
Professor, Department of German
Grammar and History
Anna.averina@list.ru

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель публикации — выделить критерии, по которым можно определить вид связи, характерный для некоторых типов бессоюзных сложных предложений в немецком языке. В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из корпуса DWDS, а также из немецкой художественной литературы. Предложено определение понятия «бессоюзные предложения». Путем использования трансформационного анализа, описательного метода и метода компонентного анализа показано, что вводимые союзами придаточные предложения обладают различной степенью интегрированности в структуру предложения, что, в свою очередь, объясняет сложности при определении типа отношений в бессоюзном предложении. Разработаны критерии, позволяющие определить характер связи в бессоюзном предложении: степень смысловой спаянности частей; наличие одного или нескольких фокусных экспонентов; способность быть в скопусе отрицания в главной части; способность реализовать функцию одного из членов главного предложения. В соответствии с критериями предложена дифференциация бессоюзных предложений: (1) бессоюзные предложения с подчинением; (2) бессоюзные предложения с сочинением. Бессоюзные предложения первого типа обладают различной степенью интегрированности в структуру целого высказывания. Показано, что интерпретация семантики отношений между частями бессоюзного сложносочиненного предложения во многом определяется типом текста.

Ключевые слова:

бессоюзная связь; немецкий язык; сочинительная связь; подчинительная связь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The present study aims to establish criteria for identifying the type of relation characteristic of certain asyndetic complex sentences in German. The research is based on examples extracted from the DWDS corpus and German literary texts. A definition of the term “asyndetic sentences” is proposed. By employing transformational analysis, descriptive methods, and componential analysis, the paper demonstrates that subordinate clauses introduced by conjunctions exhibit varying degrees of integration within the sentence structure, which, in turn, accounts for the difficulties in determining the type of relation in asyndetic constructions. A set of criteria is developed to identify the nature of the connection in asyndetic sentences, including: the degree of semantic cohesion between the parts; the presence of one or multiple focal exponents; the ability to fall within the scope of negation in the main clause; and the capacity to function as a constituent of the main clause. Based on these criteria, a differentiation of asyndetic sentences is proposed: (1) asyndetic sentences with subordination; (2) asyndetic sentences with coordination. Asyndetic sentences of the first type display varying degrees of integration into the overall utterance. It is shown that the interpretation of semantic relations between the parts of an asyndetic compound sentence is largely determined by the text type.

Key words:

asyndetic connection; German language; coordination; subordination

УДК 811.112.2'367.335

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-9-36

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Типы связи в бессоюзных предложениях немецкого языка

© Аверина А. В., 2026

1. Введение = Introduction

В современных лингвистических исследованиях бессоюзная связь трактуется неоднозначно. Так, в русистике и в некоторых работах по сопоставлению грамматических систем немецкого и русского языков преобладает точка зрения, что бессоюзные предложения представляют собой особый тип сложных предложений, которые не могут быть отнесены ни к сложносочиненным, ни к сложноподчиненным [Белошапкова, 1967; Валгина, 1973; Ширяев, 1986; Белунова и др., 2016; Пирогов и др., 2006]. Есть и иная позиция, согласно которой в предложениях с бессоюзной связью могут иметь место как отношения сочинения, так и подчинения [Admoni, 1986; Schendels, 1982; Moskalskaja, 2004; Тестелец, 2001]. Можно обратить в связи с этим внимание на то, что схожие в немецком и русском языках структуры получают различную интерпретацию. Так, например, в грамматике немецкого языка Г. Хельбига и Й. Буши [Helbig et al., 1996] предложения типа (1) представлены как бессоюзные сложноподчиненные, в работе Я. Г. Тестельца [Тестелец, 2001, с. 264] предложения типа (2) рассматриваются как бессоюзные сложносочиненные, хотя типы передаваемой семантики между частями предложений и в русском, и в немецком языке схожи, то есть речь идет о функционально-семантических эквивалентах, сравним:

(1) *Hätte er weiter wirklich kaufen wollen, so hätte er todsicher bei zwölfhundert aufgehört* (E. M. Remarque. *Drei Kameraden*) // *Захотел бы он действительно купить — остановился бы однозначно на двенадцати сотнях* (здесь и далее перевод наш. — А. А.).

(2) *Посмотришь — слюнки текут, а как начнешь — на селедку тянет.* [НКРЯ].

Мы исходим из того, что тип связи в сложном предложении не зависит от типа союза; в бессоюзном предложении его можно установить через определение критериев сочинения и подчинения; сама подчинительная связь является неоднородной, то есть существуют пограничные случаи

между сочинением и подчинением, а помимо сочинения и подчинения в сложном предложении может иметь место и взаимоподчинение. Взаимоподчинение, или, как отмечает А. М. Пешковский, «взаимное подчинение» — то отношение, которое выражено однородно в обоих соотносящихся частях сложного предложения [Пешковский, 2001, с. 468]. В связи с этим следующие вопросы нуждаются в дополнительном освещении:

- критерии сочинения и подчинения в сложносочиненных (далее в нашей работе — ССП) и сложноподчиненных предложениях (далее в нашей работе — СПП) с союзами;
- неоднородность подчинительной связи;
- признаки сочинения/подчинения в бессоюзном предложении;
- критерии, на основе которых можно судить о взаимоподчинении предложений в составе сложного.

Решение данных вопросов позволит осуществить системное представление отношений сочинения / подчинения / взаимоподчинения без привязки к союзам. Этим определяется **актуальность** проводимого исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что в данной работе:

- показано, что придаточные предложения немецкого языка могут быть дифференцированы по степени интегрированности в структуру сложного предложения;
- выявлены критерии, определяющие характер связи в немецком бессоюзном предложении;
- предложена дифференциация бессоюзных предложений по типу связи между предложениями;
- типы отношений между простыми предложениями в составе сложного представлены в виде многочленной оппозиции «сочинение» — «взаимоподчинение» — «подчинение».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель публикации — выделить критерии, по которым можно определить вид связи, характерный для некоторых типов бессоюзных сложных предложений в немецком языке. Цель определила следующие задачи:

- (1) предложить определение термина «бессоюзное предложение»;
- (2) проанализировать критерии сочинения и подчинения;
- (3) показать неоднородность подчинительной связи в придаточных предложениях немецкого языка;
- (4) рассмотреть в соответствии с предложенными критериями бессоюзные предложения немецкого языка, в которых имеют место отношения сочинения или подчинения.

При решении поставленных задач были использованы следующие методы исследования: описательный, метод контекстуального и компонентного анализа, а также трансформационный метод. Посредством использования *описательного метода* были раскрыты особенности семантики отношений между частями сложного бессоюзного предложения; метод *компонентного анализа* позволил выстроить типы бессоюзных предложений немецкого языка; метод *контекстуального анализа* был использован для выявления влияния типа текста на интерпретацию семантики, передаваемой в бессоюзном сложном предложении с сочинительной связью. Метод *трансформации* позволил определить тип связи в бессоюзных сложных предложениях.

В качестве **материалов исследования** послужили данные корпуса DWDS и примеры, отобранные из немецкой художественной литературы. Всего было отобрано и проанализировано свыше 500 примеров, содержащих различные типы бессоюзных предложений немецкого языка. Корпус DWDS содержит 13 000 000 000 примеров из текстов немецких газет и журналов (*Berliner Zeitung, Tagesspiegel, die Zeit*), публичных выступлений политиков и разговорной речи. В процессе анализа были использованы примеры из газет и журналов, из текстов политических дебатов и разговорной речи. Обращение к текстам художественной литературы можно объяснить тем, что, во-первых, потребовался более широкий контекст употребления бессоюзных сложных предложений, а во-вторых, важно было показать взаимосвязь между семантикой отношений между частями предложений в составе сложного и типом композиционно-речевой формы в художественном тексте. В отдельных случаях приводились примеры из Национального корпуса русского языка для того, чтобы подчеркнуть универсальность ряда явлений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. К вопросу об определении бессоюзного предложения

В традиционных немецких грамматиках показано, что придаточные предложения могут вводиться подчинительными союзами, относительными местоимениями или быть частью бессоюзного предложения, как, например, это имеет место в случае со сложноподчиненными предложениями с придаточными условия типа (1) (см. [Admoni, 1986; Moskalskaja, 2004; Hentschel et al., 2013; Helbig et al., 1996]). Э. Хенчель и Х. Вайдт пишут в связи с этим, что придаточные предложения немецкого языка реализуют функции одного из членов главного предложения [Hentschel et al., 2013], на эту же особенность обращает внимание и Н. Н. Семенюк [Семенюк, 2010]. Так, анализируя развитие сложноподчиненного предложения в не-

мецком языке XII—XVIII веков, она отмечает, что различная степень зависимости придаточного предложения от главного связана с тем, что придаточное предложение может быть включено в состав главного в качестве обязательного или факультативного члена предложения [Семенюк, 2010, с. 18]. Г. Хельбиг и Й. Буша [Helbig et al., 1996] предлагают описание типов бессоюзных предложений с подчинением. Так, например, они указывают на то, что придаточные предложения бывают двух типов: вводимые союзами или относительными местоимениями и бессоюзные. В бессоюзных придаточных предложениях могут отсутствовать формальные параметры, на основе которых можно судить о подчинении. Это имеет место в сложно-подчиненных предложениях с придаточными объектными:

(3) *Er sagte ihm, er, der Kapitän, müsse die Mannschaft wieder aufrichten.* [DWDS: Zeitungskorpus] // Он сказал ему, что он, капитан, должен восстановить команду.

В приведенном примере в придаточном предложении имеет место порядок слов главного предложения: глагол занимает второе место. Тем не менее обе части предложения (главное — *er sagte ihm* и придаточное — *er, der Kapitän, müsse die Mannschaft wieder aufrichten*) образуют единое смысловое и интонационное целое, то есть в данном случае можно говорить о включении (по терминологии Г. Хельбига и Й. Буши — *Einbettung*) главного предложения в придаточное.

Рассмотрим типы бессоюзных придаточных предложений, которые выделены в работе Г. Хельбига и Й. Буши:

1) Придаточные объектные:

(4) *Er sagt ihm, sie sei eine Hexe, die zu Hause Tiere an die Wand hängt.* [DWDS: Gegenwartskorpora mit freiem Zugang] // Он говорит ему, что она ведьма, которая вешает животных на стену дома.

2) Придаточные субъектные:

(5) *In Computerspielen „symbolische Tode“ zu sterben — das sei wichtig.* [DWDS: Zeitungskorpus] // Умереть «символической смертью» в компьютерных играх — это важно.

3) Условные придаточные:

(6) *Kommt er morgen, können wir alles besprechen* [Helbig et al., 1996, S. 644].

4) Придаточные предложения уступки:

(7) *War die Arbeit auch schwer, sie musste (doch) geschafft werden* [Helbig et al., 1996, S. 644] // Хотя работа и было сложной, ее необходимо было выполнить.

Анализ предложенных Г. Хельбигом и Й. Бушей типов предложений позволяет обратить внимание на то, что следует учитывать роль не только

союзов, но и других частей речи (модальных частиц, наречий и т. д.) в установлении связей в сложном предложении. Мы полагаем, что предложение (7) все же содержит показатели связи: это частица *auch* в первой части предложения и частица *doch* во второй части предложения. Без этих слов интерпретация отношений между частями предложения вряд ли возможна. Можно привести и другие, схожие высказывания, в которых использованы частицы *ja*, *doch*, *eben*, *halt* и т. д., союзные скрепы типа *zwar ... aber*; *zwar ... nur*; *zwar ... jedoch*, *zwar ... jedoch*. Термин **союзная скрепа** заимствован из работы М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой: они обозначают данным термином показатели связи в сложном предложении, не относящиеся к союзам [Черемисина и др., 2010, с. 108]. Обращает на себя внимание и тот факт, что эти показатели могут быть использованы в обеих частях сложного предложения. Так, слово *zwar* способствует выражению уступительных отношений в сочетании с *aber*; *nur*; *trotzdem*, *jedoch* или *doch*. В синтаксической структуре предложения *zwar* может занимать позицию в предполье (9) или в среднем поле предложения (8). Это позволяет допустить, что по своим синтаксическим свойствам *zwar* сближается с фокусными частицами, в сочетании с другими показателями, например, с наречием *jedoch* в высказывании передается concessивная семантика, например:

(8) *Das kostet **zwar** etwas Leistung, garantiert **jedoch** einen erfreulich geringen Wartungsaufwand* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Хотя это требует определенных затрат, но зато гарантирует приятно низкие эксплуатационные расходы.*

(9) ***Zwar** sind knapp zwei Drittel der Öko-Fonds reine Aktienfonds, es gibt **jedoch** auch Renten- und gemischte Fonds* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Хотя чуть менее двух третей эко-фондов являются фондами только для акций, существуют также фонды с фиксированным доходом и смешанные фонды.*

Определенного рода коннектор — это и ударная частица *SCHON*, при использовании которой в высказывании может быть передано значение адверзативности:

(10) *Einige Bezirke gewähren die Jugendhilfen bislang sehr großzügig, andere sparen dagegen **SCHON*** [DWDS: Zeitungskorpus] // *Некоторые районы до сих пор предоставляют молодежи помощь очень щедро, в то время как другие, напротив, экономят.*

В приведенном примере *SCHON* служит для выражения контраста между частями сложного предложения.

В ряде случаев имеет место комбинаторное сочетание частицы *zwar* с ударной частицей *SCHON*:

(11) *Das hat **zwar** auf kurze Sicht keine Auswirkungen auf den Gaspreis, den die Endverbraucher zahlen müssen; mittelfristig aber **SCHON**.* [DWDS:

Zeitungskorpus] // *Хотя в краткосрочной перспективе это не повлияет на цену на газ, которую должны платить конечные потребители; но в среднесрочной перспективе — повлияет.*

Ни одна из частей предложений (7) — (11) не может быть опущена без нарушения смыслового соотношения между частями сложного предложения, то есть частицы и наречия модифицируют эти отношения. Используемые в (7)—(11) частицы сближаются по своему функциональному назначению с союзами, но союзами при этом не являются. Как известно, модальные частицы выступают в роли коннекторов, то есть связующих элементов (см.: [Abraham, 2013; Аверина, 2021]). Возникает вопрос о том, можно ли считать предложения типа (7) — (11) бессоюзными. Если исходить из того, что к союзным (ССП или СПП) относятся предложения, вводимые союзами в классическом смысле этого слова, то речь идет, вне всякого сомнения, о бессоюзных предложениях. Тем не менее предложения данного типа отличает наличие показателей связи, уточняющих отношения между частями предложения. Можно допустить, что речь идет о промежуточном, переходном типе предложений, занимающих срединную позицию между союзными и бессоюзными предложениями. Если исходить из того, что смысловое соотношение частей предложений данного типа определяется обобщенным грамматическим значением употребленных частиц, то можно выделить особый тип сложных предложений — предложения с показателями связи. Наблюдения подобного рода есть в работе Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной: анализируя предложения с союзными скрепами, они отмечают, что «сведение всех синтаксических отношений между предикативными частями сложных предложений к сочинению или подчинению существенно обедняет ту картину действительности, которую уже позволяет увидеть состояние сегодняшних синтаксических знаний. Оппозиция “сочинение — подчинение”, помещенная в вершину классификационного дерева, становится тормозом для синтаксической мысли, мешая увидеть и осознать существование качественно других отношений. Такими отношениями, не говоря о нередко наблюдаемой нейтрализации оппозиции “сочинение — подчинение”, являются отношения, передаваемые разными типами двухместных скреп; это, в частности, и отношения взаимного подчинения, и отношения, которые можно осмыслить как некий синтез сочинения и подчинения, дающий новое качество» [Колосова и др., 1986, с. 79].

По всей видимости, в предложениях (7)—(11) имеет место взаимоподчинение, поскольку в каждой части предложения присутствует свой показатель связи, в то время как в предложениях (4)—(6) имеет место бессоюзная связь.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1) бессоюзная связь имеет место в том случае, если в сложном предложении отсутствуют какие-либо связующие элементы: союзы, союзные слова, относительные местоимения, частицы и т. д.;

2) если смысловые отношения между предложениями возникают при использовании модальных слов, частиц или наречий, то можно говорить о варианте, занимающем промежуточное положение между союзной и бессоюзной связью — о сложных предложениях с показателями связи;

3) наряду с сочинением и подчинением можно говорить о промежуточном типе связи — взаимоподчинении. Взаимоподчинение имеет место в том случае, если в обеих частях сложного предложения использованы модальные слова, частицы, наречия в комбинаторном сочетании друг с другом, а опущение одной из частей сложного предложения ведет к нарушению целостности всего высказывания.

Остановимся подробнее на вопросе о критериях сочинения и подчинения.

3.2. Критерии сочинения и подчинения в союзном и бессоюзном предложении

В традиционных немецких грамматиках принято считать, что позиция глагола на последнем месте является первым признаком того, что предложение является зависимым от главного. Анализ фактического материала показывает, что данное правило имеет немало исключений. Г. Хельбиг и Й. Буша справедливо указывают на то, что предложения с семантикой оптативности типа (12) *Wenn es doch immer so wäre in Berlin! // Если бы так в Берлине было всегда!* [DWDS: Zeitungskorpus] не являются подчиненными, хотя порядок слов в них может соответствовать порядку слов придаточного предложения [Helbig et al., 1996]. Имеют место и такие случаи, в которых предложение с изменяемой формой глагола занимает второе место, как и в главном, однако является зависимым, то есть придаточным предложением (см. пример (4)). Для определения зависимости придаточного предложения от главного важным представляется учет других параметров — смыслового и просодического.

Смысловый параметр получает детальное рассмотрение в работе Х. Вегенер [Wegener, 2000]. Разницу между сочинением и подчинением она видит, во-первых, в том, что придаточное предложение находится в скопусе, или в сфере действия оператора главного предложения. Во-вторых, интегрированность проявляется при этом на уровне не только синтаксиса, но и просодии. Так, например, в предложении:

(13) *Ich glaube, Peter kommt heute noch* (пример [Wegener, 2000, с. 37]) // Я думаю, Петр еще придет сегодня —

зависимая часть образует с главным одно целое. Отличие предложения (13) от предложения типа:

(13') *Ich glaube, dass Peter heute noch kommt // Я думаю, что Петр сегодня еще придет* —

заключается в том, что в первом случае оно обладает большей утвердительной силой.

Х. Вегенер рассматривает сложноподчиненные предложения с придаточными причины, уступки и условия с позиции степени их зависимости от главной части и обращает внимание на то, что они различны в плане смысловой спаянности частей: высокая степень зависимости прослеживается в сложноподчиненных предложениях с семантикой условия; средняя — в сложноподчиненных предложениях с семантикой причины, слабо выраженная степень зависимости имеет место в предложениях со значением следствия. На этом основании она делает вывод о том, что синтаксическая связь теснее в том случае, если в семантическом отношении части предложения тесно связаны друг с другом [Там же]. На смысловую спаянность частей в сложноподчиненном предложении (далее — СПП) обращает внимание и Е. В. Гулыга, отмечая, что сложносочиненные и сложноподчиненные предложения «связаны при этом зоной постепенных переходов» [Гулыга, 1971, с. 194].

Таким образом, мы видим, что такие два параметра, как просодия и смысловая спаянность частей сложного предложения, позволяют определить степень интегрированности его частей, на основании чего можно судить о подчинении.

Как скалярную величину рассматривает подчинение Ж.-Ф. Марилье [Marillier, 2000]. Он обращает внимание не только на просодическую интегрированность и зависимость придаточного от ядерного компонента главного предложения, но и на такие признаки подчинения, как 1) интеграция на уровне поверхностной структуры (придаточные предложения, способные предшествовать или следовать главному, считаются интегрированными); 2) способность быть в сфере действия ограничительной частицы или модального слова, используемого в главном предложении (*Er sagte nur, dass er krank war // Он сказал только, что был болен*); 3) способность иметь один сфокусированный компонент в сложном предложении (в дезинтегрированном придаточном есть собственный сфокусированный элемент); 4) наличие коррелятов в главном предложении всегда свидетельствует о высокой степени интегрированности придаточного предложения в главное (*Peter ist deshalb zu spät gekommen, weil er keinen Parkplatz gefunden hat // Петр потому пришел поздно, что не нашел места для парковки*) [Там же].

Можно согласиться с выделенными в работе Ж.-Ф. Марилье критериями подчинения — отметим только, что позиция придаточного предложения не всегда может быть однозначным показателем его интегрированности: так, например, придаточные следствия занимают позицию после главного, однако при использовании коррелятов в матричном (то есть главном) предложении можно говорить о высокой степени проявления спаянности частей:

(14) *Zur selben Zeit schlug sein Komplize eine Glasflasche mit solcher Wucht gegen die hintere Tür, dass die Scheibe zersprang* [DWDS: Zeitungskorpus] // *'В то же время его сообщник с такой силой ударил стеклянную бутылку о заднюю дверь, что стекло разбилось.*

Еще один значимый критерий, на основе которого можно судить о подчинении, — способность зависимого предложения быть в скопусе отрицания, использованного в главном предложении. На это обращают в своих работах особое внимание С. Кристофаро [Christofaro, 2003] и Д. Паули [Pauly, 2013]: речь идет не просто о возможности использования отрицания в главном предложении, но и о добавлении еще одного предложения, вводимого союзом *sondern* («Ein Nebensatz ist dann im Skopus der Negation, wenn er durch die Konjunktion *sondern* mit einem weiteren Nebensatz koordiniert werden kann» // Придаточное предложение тогда находится в скопусе отрицания, если оно связано с другим придаточным посредством употребления союза *sondern*) [Pauly, 2013, S. 119]. Это можно проследить на следующем примере:

(15) *Die Wirtschaftskrise wurde nicht behoben, weil alle sich durchgeboxt haben, sondern weil der Staat sich nicht aus der Verantwortung stehlen wollte.* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Экономический кризис был разрешен не потому, что все были в тупике, а потому, что государство не хотело уходить от ответственности.*

В приведенном высказывании первое предложение, вводимое союзом *weil*, находится в скопусе отрицания главного предложения: информация, которую содержит данное предложение, уже известна из предконтекста и не является новой.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что при определении степени интегрированности придаточного предложения с главным важная роль отводится выявлению семантической спаянности частей, немалое значение имеет просодический фактор, наличие коррелятов в главном предложении и способность быть в скопусе отрицания, использованного в матричном предложении. При определении типа связи учитывается и то обстоятельство, что зависимое предложение реализует функции одного из членов главного предложения. Мы исходим из того, что данные закономерности, определяющие тип связи между предложениями и степень их

интегрированности, могут быть применимы как к союзным, так и к бессоюзным предложениям.

Остановимся подробнее на вопросе о том, почему в бессоюзных предложениях могут иметь место отношения сочинения и подчинения.

Как уже было отмечено, в работах отечественных русистов бессоюзные предложения зачастую представлены как отдельный самостоятельный тип предложений. Е. Н. Ширяев дает следующую характеристику отличий между союзными и бессоюзными предложениями: союз — это «экспликация того, что уже задано лексико-семантическим содержанием предикативных конструкций», «семантика союза или союзного слова полностью эксплицирует заложенные в содержании отношения» [Ширяев, 1986, с. 67], то есть в союзном предложении отношения дифференцированы. В бессоюзном предложении смысловые отношения обладают дифференцированными и недифференцированными значениями, и определение семантических отношений во втором типе предложений зачастую затруднено. Для обоснования данной позиции Е. Н. Ширяев предлагает результаты проведенного эксперимента. Так, предложение *Кончился шторм — рыбаки снова вышли в море* получает различную интерпретацию носителями языка: и как причинно-следственные отношения, и как временные, и как содержащие сложную гамму смысловых отношений (причина и следствие в сочетании с временной зависимостью). На этом основании Е. Н. Ширяев делает вывод о том, что «недифференцированные смысловые отношения в бессоюзных предложениях — безусловная языковая реальность» [Там же, с. 70]. Еще один аргумент Е. Н. Ширяева в пользу того, что бессоюзные предложения образуют особый тип, базируется на наблюдении, что невозможно дать непротиворечивое определение сочинению / подчинению на основе чисто семантической характеристики отношений: существуют отношения, которые оформляются и как сочиненные, и как подчиненные [Там же, с. 108].

В связи с этим можно заметить, что не только в русском, но и в немецком языке недифференцированные смысловые значения могут иметь место и в сложноподчиненных, и в сложносочиненных предложениях. Так, например, сочинительный союз *und* / *и* в немецком языке может иметь место в предложениях, в которых находят оформление отношения уступки или причины, сравним следующие высказывания:

(16) *Das ist gut zehn Jahre her, und wir leiden noch immer darunter* [DWDS: Zeitungskorpus] (значение уступки) // *Прошло уже десять лет, а мы все еще страдаем от этого.*

(17) *Der Lehrer nickt, und Abdulghaffur macht vor Freude einen Hüpfen.* [DWDS: Zeitungskorpus] (значение причины) // *Учитель кивает, и Абдул-гафур подпрыгивает от радости.*

(18) *Необрабатываемые края заготовки сдерживают расширение, металлу деваться некуда, и он начинает вздуваться, приобретая объемную форму* [НКРЯ] (значение причины и следствия).

Аналогичную ситуацию мы имеем и при употреблении некоторых подчинительных союзов. Так, в предложениях с союзом *wenn* может быть реализована как временная, так и условная семантика, например:

(19) *Wenn die Sonne ihre Metallhülle beleuchtet, sind sie oft von der Erde aus sichtbar* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Когда солнце освещает их металлическую оболочку, их часто можно увидеть с Земли.*

Объяснение данного феномена дает М. Л. Котин: по его наблюдениям, грамматическая семантика союзов восходит к темпоральным значениям, поскольку две пропозиции имели ранее временное соотношение друг с другом: «Die genuine temporale Grundfunktion der Konjunktionen ergibt sich aus dem ontologischen Zeitbezug des Verbs bzw. der Proposition. Eine Konnexion von zwei oder mehreren Propositionen kann nur als deren Gleichzeitigkeit oder Aufeinanderfolge konzipiert werden» [Kotin, 2011, с. 313] // Исходная временная основная функция союзов проистекает из онтологического временного отношения глагола или пропозиции. Связь двух или более пропозиций может быть одновременной или последовательной.

Относительно второго аргумента, предложенного Е. Н. Ширяевым [Ширяев, 1986], что существуют отношения, которые оформляются и как сочиненные, и как подчиненные, отметим следующее: даже при общности семантики существуют различия между сочинительными и подчинительными отношениями. Так, например, в немецком языке отношения причины могут быть оформлены посредством сочинительного союза *denn* (19) и подчинительного союза *weil* (18):

(20) *Nach Konzerten am Donnerstag und Freitag will er seine Stimme schonen, weil schon am Sonntag gleich zwei Neujahrskonzerte in der Komischen Oper anstehen.* [DWDS: Zeitungskorpus] // *После концертов в четверг и пятницу он хочет сохранить свой голос, потому что уже в воскресенье в Комической опере запланированы два новогодних концерта.*

(21) *Das ist nicht einfach, denn es geht um komplizierte Zusammenhänge aus der Laserphysik* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Это непросто, потому что речь идет о сложных взаимосвязях из лазерной физики.*

При использовании подчинительных союзов изменяемая форма глагола занимает последнее место в предложении, в случае с сочинительным союзом (в (21) речь идет о союзе *denn*) глагол занимает второе место. Различия между предложениями с *weil* и *denn* заключаются прежде всего в том, что придаточное предложение с *weil* может предшествовать главному, в то время как часть предложения, вводимого союзом *denn*, — не

может. Существуют и другие отличия, рассмотренные в работе Э. Ланга [Lang, 1977, с. 172—173] применительно к немецким союзам. Так, разницу между высказываниями с *weil* и *denn* он объясняет следующим образом: в предложении типа:

(22) *x ist teilbar, denn x ist gerade // x делится, потому что x является четным* —

часть предложения, вводимая союзом *denn*, воспринимается как истинная, или как некая данность, что, в свою очередь, оказывает влияние на всю модель умозаключения, которая имеет место в высказывании. Вводимое союзом *denn* предложение выступает в роли антецедента первой посылки логической схемы *modus ponens*, в то время как предшествующая часть предложения выполняет функцию консеквента¹. [Там же, с. 173]. Поясним особенности данной логической схемы. Как отмечается в работах логиков, *modus ponens* является одним из вариантов выражения силлогизма, содержащего сложную посылку $A \rightarrow B$, простую посылку *A* и следствие *B*. Например, высказывание (22) может быть представлено следующим образом:

$A \rightarrow B$: *Wenn x gerade ist, dann ist x teilbar.*

A: *x ist gerade.*

B: *x ist teilbar.*

$A \rightarrow B$: *если x четное, то x делится.*

A: *x четное.*

B: *x делится.*

В предложениях типа (22) часть, вводимая союзом *denn*, представляет собой данное, то есть речь идет об известной информации. Это позволяет говорить о том, что сложносочиненные предложения причины отличаются от сложноподчиненных особенности информационной структуры. В свою очередь это находит проявление в просодическом оформлении предложения: в (21) и (22) каждая часть сложного предложения имеет свой интонационный контур.

Таким образом, недифференцированные отношения характерны не только для частей бессоюзного, но и для сложносочиненного и сложноподчиненного предложения, поэтому аргумент в пользу того, что отношения между частями предложения в бессоюзном предложении не всегда могут быть четко определены, не является весомым. Даже при общности грамматической семантики существуют отличия между сложносочиненным и сложноподчиненным предложением на других уровнях: на уровне инфор-

1 В оригинале: Der durch denn eingeleitete Konjunktssatz figuriert als Instanz des Antezedens der ersten Prämissse des *modus ponens*, der erste Konjunktssatz als Instanz der Konsequenz [Lang, 1977, с. 173].

мационной структуры, смысловой спаянности частей и просодии. На этом основании представляется целесообразным говорить о существовании отношений сочинения и подчинения в бессоюзном предложении.

Позиция, что бессоюзное предложение может быть отнесено к разряду сложносочиненных или сложноподчиненных предложений, представлена в ряде отечественных и зарубежных работ [Тестелец, 2001; Reis et al., 2010; Pauly, 2013 и др.]. Так, Я. Г. Тестелец пишет, что если две непосредственно соединяемые клаузы представляют собой составляющие, то «либо одна полностью входит в другую (подчинение), либо они вовсе не пересекаются (сочинение), и третий способ логически невозможен» [Тестелец, 2001, с. 264].

Обобщая сказанное, отметим следующее:

— критериями подчинения в немецком сложном предложении можно считать следующие: смысловая спаянность частей; наличие единого фокусного экспонента; зависимость наклонения придаточного предложения от главного; ограничения иллокутивной силы; способность придаточного предложения быть в скопусе отрицания главного предложения и реализация функций одного из его членов;

— недифференцированные отношения могут иметь место не только в бессоюзном, но и в некоторых случаях в сложном предложении, части которого соединены между собой союзной связью;

— даже при общности передаваемой в СПП и ССП семантики между ними существуют отличия, обусловленные информационной структурой предложения.

Применительно к сложноподчиненному предложению можно говорить о различной степени зависимости его частей: по всей видимости, существуют такие варианты СПП, в которых подчинение граничит с сочинением, а возможно и взаимоподчинение. В свою очередь, это обуславливает и сложности определения сочинительных / подчинительных отношений в бессоюзном сложном предложении. Остановимся подробнее на неоднородности подчинения в немецких сложноподчиненных предложениях, вводимых союзами.

3.3. Неоднородность подчинительной связи в СПП немецкого языка

Сложности, связанные с определением типа связи в бессоюзных предложениях, можно объяснить тем, что даже в СПП, вводимых союзами, можно проследить различную степень зависимости придаточного предложения от главного. Обозначенная проблематика поднималась в отечественной германистике еще в 70—80-е годы прошлого века в работах Е. В. Гулыги [Гулыга, 1971] и О. И. Москальской [Moskalskaja, 2004], есть наблюдения над предложениями, занимающими промежуточное положение между ССП и СПП в английском языке [Куралева и др., 2016]. В за-

рубевой германистике также отмечается, что подчинение не является гомогенным [Valentin, 2000], в связи с чем существует немало работ, посвященных описанию иллокутивно самостоятельных и иллокутивно не-самостоятельных придаточных предложений [Frey, 2011; Coniglio, 2011; Abraham, 2013], некоторые вопросы были освещены в публикациях автора [Averina, 2020; Аверина, 2025].

Дифференциация придаточных предложений, вводимых союзами, по степени интегрированности в структуру сложного предложения — тема отдельного исследования. В данной публикации приведем лишь отдельные наблюдения над неоднородностью подчинения в немецком союзном предложении.

Классический вариант проявления высокой степени интегрированности придаточных можно проследить на примере предложений с семантикой условия, вводимых союзом *wenn*. Рассмотрим следующее высказывание:

(23) *Das wird der Polizei nur dann gelingen, wenn sie einen ersten Blick auf die Geschichte zurückwirft.* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Полиции это удастся только в том случае, если она серьезно взглянет на историю.*

В (23) придаточное предложение не может быть опущено без нарушения грамматической правильности высказывания; придаточное и главное образуют единое смысловое целое, при этом значение условия не может быть выражено посредством использования подчинительной связи; имя существительное *Geschichte*, выступающее в роли предложного дополнения, несет на себе основное ударение всего СПП; в придаточном предложении не могут быть использованы какие-либо модальные показатели, отражающие субъективную перспективу говорящего, что можно увидеть, применив прием трансформации (см. (23a)); придаточное предложение может находиться в скопусе отрицания, использованного в главном (см. (23b)), сравним:

(23a) *Das wird der Polizei nur dann gelingen, wenn sie (*ja, *vielleicht, *anscheinend) einen ersten Blick auf die Geschichte zurückwirft* // *Полиции это удастся только в том случае, если она (*ведь, *наверное, *очевидно) серьезно взглянет на историю.*

(23b) *Das wird der Polizei nicht dann gelingen, wenn sie einen ersten Blick auf die Geschichte zurückwirft, sondern, wenn sie den Ernst der Lage erkennt* // *Полиции это удастся не в том случае, если она серьезно взглянет на историю, а в том случае, если она осознает всю серьезность ситуации'*

Напротив, низкая степень интегрированности имеет место в случае с аппозитивными относительными придаточными, которые не выполняют роль какого-либо члена предложения матричной части — это так называемые *weiterführende Nebensätze* [Moskalskaja, 2004]. Их функция заключается в том, что они продолжают повествование, «двигая» вперед сюжет, например:

(24) *Weitere 14 Spezialisten wurden nach Sri Lanka entsandt, wo sie rund 100 Kilometer südlich von Columbo im Raum Galle eine mobile Trinkwasseraufbereitungsanlage installieren* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Еще 14 специалистов были направлены в Шри-Ланку, где они устанавливают передвижную установку по очистке питьевой воды в районе Галле, примерно в 100 километрах к югу от Коломбо.*

В данном случае придаточное предложение может быть опущено без нарушения грамматической и смысловой целостности главного предложения; в нем могут быть употреблены любые показатели эпистемической модальности, отражающие субъектную перспективу говорящего (см. (24a)), придаточное предложение не может быть в скопусе отрицания матричного предложения (см. (24b)), сравним:

(24a) *Weitere 14 Spezialisten wurden nach Sri Lanka entsandt, wo sie (+ja, +vielleicht, +anscheinend) rund 100 Kilometer südlich von Columbo im Raum Galle eine mobile Trinkwasseraufbereitungsanlage installieren* // *Еще 14 специалистов были направлены в Шри-Ланку, где они (+ведь, +наверное, +очевидно) устанавливают передвижную установку по очистке питьевой воды в районе Галле, примерно в 100 километрах к югу от Коломбо.*

(24b*) *Weitere 14 Spezialisten wurden nach Sri Lanka nicht entsandt, wo sie rund 100 Kilometer südlich von Columbo im Raum Galle eine mobile Trinkwasseraufbereitungsanlage installieren, sondern...*

Таким образом, можно говорить о различной степени проявления интегрированности придаточных предложений. Помимо рассмотренных нами интегрированных и неинтегрированных типов придаточных предложений существуют и другие, промежуточные типы, что, в свою очередь, нуждается в отдельном дополнительном исследовании и в более детальном освещении, что выходит за рамки данной публикации.

3.4. Критерии подчинения и дифференциация бессоюзных предложений немецкого языка

Мы полагаем, что характер связи в бессоюзном предложении позволят определить следующие критерии:

- (1) степень смысловой спаянности частей сложного предложения;
- (2) наличие единого фокусного экспонента, что связано с просодической целостностью частей сложного предложения;
- (3) скопус отрицания и
- (4) способность / неспособность зависимого предложения реализовать функции одного из членов главного предложения.

Можно допустить, что использование соответствующего наклонения в бессоюзном предложении во многом определяется интенцией говорящего и не является однозначным показателем подчинения.

Рассмотрим, каким образом обозначенные критерии позволяют судить о типе связи в бессоюзном сложном предложении. Приведем в качестве примеров следующие высказывания:

(25) *Sie sagen, Sie wollen diskutieren und machen es nicht* [DWDS: Gesprochene Sprache] // *Вы говорите, Вы хотите обсудить, но не делаете этого.*

(26) *Manche sagten, er sei gar kein richtiger Mensch, sondern eine Mischung aus einem Menschen und einem Bären, eine Art Waldwesen* [P. Süskind. Das Parfum] // *Некоторые говорили, что он был вовсе не настоящим человеком, а смесью человека и медведя, своего рода лесным существом.*

(27) *Einer, der früher zur See gefahren war, behauptete, er sehe aus wie der Angehörige eines wilden Indianerstammes in Cayenne, welches jenseits des großen Ozeans liege* [P. Süskind. Das Parfum] // *Один из тех, кто раньше ходил в море, утверждал, что он похож на представителя дикого индейского племени в Кайенне, которое находится за Великим океаном.*

Придаточные предложения в (25)–(27) обладают высокой степенью иллюкутивной автосемантии — в них могут быть использованы любые показатели, указывающие на субъектную перспективу высказывания. Наряду с этим использовано сослагательное наклонение, которое определяется интенцией говорящего — если он подчеркивает дистанцированность от излагаемой информации, то в высказывании может быть использована форма *Konjunktiv I*. Функция главного предложения заключается в указании на источник информации, то есть это своего рода дополнительный маркер эвиденциальности. В сложных предложениях (25)–(27) присутствует единый фокусный экспонент: в (25) максимальное фразовое ударение несут на себе глаголы *diskutieren* и *machen*; в (26) — имя существительное *Mischung* в функции предикатива; в (27) — обстоятельство места *Cayenne*, служащее для определения именного сказуемого. Можно обратить внимание на то, что предложения такого рода могут быть в скопусе отрицания главного предложения, что можно увидеть на примере трансформированных высказываний:

(25a) *Sie sagen nicht, Sie wollen diskutieren, sondern Sie sagen, Sie wollen streiten* // *Вы не говорите, Вы хотите обсудить, а Вы говорите, Вы хотите поспорить.*

(26a) *Manche sagten nicht, er sei gar kein richtiger Mensch, sondern er sei ein Übermensch* // *Некоторые не говорили, что он был вовсе не настоящим человеком, а говорили, он был сверхчеловеком.*

(27a) *Einer, der früher zur See gefahren war, behauptete nicht, er sehe aus wie der Angehörige eines wilden Indianerstammes in Cayenne, sondern er sei einem Wolf ähnlich* // *Один из тех, кто раньше ходил в море, не утверждал,*

что он похож на представителя дикого индейского племени в Кайенне, а говорил, он похож на волка.

Способность зависимых предложений быть в скопсе отрицания главного, наличие единого фокусного экспонента и смысловая спаянность частей позволяют говорить о том, что в данном случае речь идет о подчинительной связи, допускающей появление субъектной перспективы в придаточном предложении. В смысловом отношении вряд ли можно считать главные предложения самостоятельными: используемый в них предикат требует объектной валентности, который и заполняет придаточное предложение.

Рассмотрим еще один тип бессоюзных сложных предложений:

(28) *Hätte der Schrei nicht den Nebel zerrissen, dann wäre er an sich selber ertrunken — ein grauenvoller Tod* [P. Süskind. Das Parfum] // *Если бы крик не разорвал туман, он утонул бы сам по себе — ужасная смерть.*

Сослагательное наклонение в (28) не может быть заменено на изъявительное. Если одна из частей содержит изъявительное наклонение, то аналогичное наклонение имеет место и в другой части:

(29) *Machst du es nicht, werden sich Menschen zu dir gesellen, die genau diese Schwachstelle auszunutzen wissen* [DWDS: Gesprochene Sprache] // *Если вы этого не сделаете, к вам присоединятся люди, которые точно знают, как использовать это уязвимое место.*

Предложения данного типа отличает порядок слов: глагол занимает первое место и не может быть сдвинут в другую позицию. Не представляется возможным и включение маркеров субъектной перспективы — модальных слов (*vielleicht, wahrscheinlich* и т. д.), модальных частиц (*ja, wohl, doch* и т. д.) в придаточные предложения с условным значением. Мы полагаем, что это связано с передаваемой в высказываниях семантикой гипотетичности: речь идет о мыслимых, воображаемых фактах.

М. Райс и А. Вёлльштайн [Reis et al., 2010], анализируя предложения данного типа, обращают внимание на то, что в них могут иметь место два основных ударения (см. (30)), что нехарактерно для предложений, вводимых союзом *wenn* (см. (30a)), сравним:

(30) *Wenn ich MillioNÄR wäre, würde ich es tun* (пример М. Райс, А. Вёлльштайн [Там же, с. 148]) // *Если я был миллионером, я бы это сделал.*

(30a) *Wäre ich MillioNÄR, würde ich es TUN* (пример М. Райс, А. Вёлльштайн [Там же]) // *Будь я миллионером, я бы это сделал.*

В свою очередь, это является свидетельством неинтегрированности бессоюзного предложения *Wäre ich MillioNÄR* в структуру целого высказывания. Еще один фактор, ставящий под сомнение его подчиненность, — неспособность быть в скопсе отрицания главной части, что

можно проследить на примере предложения (29), применив прием трансформации (29a):

(29a*) *Machst du es nicht, werden sich Menschen zu dir gesellen, sondern...*

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что предложения типа (28), (29), (30a) не являются интегрированными. Тем не менее их можно считать подчиненными на том основании, что они выполняют роль одного из членов главного предложения:

(30b) *Als Millionär würde ich es tun // Как миллионер я бы это сделал.*

Если считать, что порядок слов и смысловая спаянность частей в (28), (29) и (30a) тоже способны отражать подчинение, то можно допустить, что высказывания данного типа можно рассматривать как сложноподчиненные предложения с неинтегрированной частью.

В бессоюзных предложениях с сочинительной связью можно говорить о слабой смысловой спаянности частей. Анализ фактического материала позволил сделать наблюдение о том, что во многих случаях интерпретация смысловых отношений между частями бессоюзных сложносочиненных предложений определяется не только их содержанием, а также типом текста. Если речь идет о художественном тексте, то определенную роль играет тип композиционно-речевой формы (повествование, описание, рассуждение). Рассмотрим подробнее зависимость передаваемых в бессоюзном предложении значений от типа композиционно-речевой формы.

В бессоюзных предложениях, употребленных в композиционно-речевой форме «описание», передаются отношения соединения, или аддитивные отношения:

(31) *Oben waren von Fenster zu Fenster Leinen gespannt und hing Wäsche. Im Hof lagerte Holz; in einer offenstehenden Werkstatt kreischte eine Säge und flogen Späne. Neben der Tür im Hof war ein Wasserhahn* [B. Schlink. Der Vorleser] // *Наверху, от окна к окну, было натянуто белье и развешано белье. Во дворе хранились дрова; в открытой мастерской визжала пила и летели щепки. Рядом с дверью во дворе был кран с водой.*

(32) *Die Gegend ist flach, allenfalls leicht hügelig. Es gibt keine Bäume. Der Tag ist ganz hell, die Sonne scheint, die Luft flimmert, und die Straße glänzt vor Hitze* [B. Schlink. Der Vorleser] // *Местность равнинная, в лучшем случае слегка холмистая. Там нет деревьев. День очень яркий, светит солнце, воздух мерцает, а улица сияет от жары.*

(33) *Frau Schmitz bügelte; sie hatte eine Wolldecke und ein Leintuch über den Tisch gebreitet und nahm ein Wäschestück nach dem anderen aus dem Korb, bügelte es, faltete es und legte es auf den einen der beiden Stühle* [B. Schlink. Der Vorleser] // *Госпожа Шмитц гладила; она растелила на столе шер-*

стяное одеяло и льняную скатерть, вынимала из корзины одну вещь за другой, гладила, складывала и клала на один из двух стульев.

Связано это с тем, что описание служит для создания статичной картины. Как отмечают О. Н. Русецкая и В. А. Лазарева, содержанием композиционно-речевой формы «описание» является «соположительная связь, что определяет характер грамматической связи — соединительную коррелятивную связь. КРФ “динамическое описание” определяет координированную, присоединительную связь между предложениями, построенную как бы на произвольной ассоциации движения мысли, без логической необходимости» [Русецкая, Лазарева, 2009, с. 118].

Предметным содержанием композиционно-речевой формы «рассуждение» является логическое развитие мыслей, рассуждение по поводу какой-либо темы или проблемы. Исследователи обращают внимание на то, что в рассуждении можно проследить две операции — комментирование и аргументирование. Особая роль отводится при этом доказательствам, опровержениям, сужениям [Там же]. По всей видимости, комментирование и аргументирование определяют и тип связи в бессоюзных предложениях, употребленных в композиционно-речевой форме «рассуждение»: как правило, речь идет об отношениях причины или следствия, например:

(34) *Die dreckige Lüge maß sich die Macht an in diesem Lande. Sie brüllt in den Versammlungssälen, aus den Mikrofonen, aus den Spalten der Zeitungen, von der Filmleinwand. Sie reißt das Maul auf und aus ihrem Rachen kommt ein Gestank wie von Eiter und Pestilenz: der vertreibt viele Menschen aus diesem Lande [...]* [K. Mann. Mephisto] // *Грязная ложь захватывает власть в этой стране. Она ревет в залах заседаний, из микрофонов, с газетных полос, с киноэкрана. Она разевает рот, и из ее пасти исходит зловоние, подобное зловонию гноя и мора: оно изгоняет многих людей с этой земли.*

(35) *Schweigen ist eine gute Waffe; ich habe während meiner Schulzeit, wenn ich vor den Direktor oder vors Kollegium zitiert wurde, immer konsequent geschwiegen* [H. Böll. Ansichten eines Clowns] // *Молчание — хорошее оружие; в школьные годы, когда меня цитировали перед директором или перед коллегией, я всегда неизменно хранил молчание.*

В (34) автор представляет метафорическое описание ситуации, сложившейся в Германии в период национал-социализма. Последнее предложение отрывка содержит бессоюзное предложение, первая часть которого описывает причину событий, вторая — следствие. В (35) автор рассуждает о том, что молчание может послужить орудием борьбы с теми, с кем нет и не может быть взаимопонимания: между предложениями возникают причинно-следственные отношения.

Композиционно-речевая форма «сообщение» рассказывает о событии в его временном развитии. В силу специфики этой формы в художественном тексте применительно к нему используется термин *повествование*. Оно является ведущей композиционно-речевой формой. Признаком повествования является монологичность. Повествование персонажей реализуется в их прямой речи (как монолог персонажа), реже — в форме несобственно-прямой, или внутренней речи [Гончарова и др., 2005, с. 167—168]. Согласно О. Н. Русецкой и В. А. Лазаревой суть смыслового содержания сообщения, или повествования — «изображение последовательного ряда событий или перехода предмета из одного состояния в другое» [Русецкая и др., 2009, с. 117]. Они обращают внимание на то, что структурным формальным содержанием данной формы являются временная последовательность и динамическая смена фаз. Это находит проявление и в семантике бессоюзной связи: между частями предложения возникают темпоральные, concessивные и adversativные (36), следственные (37) или каузальные отношения (38) и (39):

(36) *Einmal fiel ihr mitten in einem Tennismatch der Schläger aus der Hand, sie blieb auf dem Platz stehen und blickte träumend in den Himmel, ein anderes Mal ließ sie während des Essens den Löffel in die Suppe fallen; meine Mutter schrie auf, beklagte die Flecken auf Kleid und Tischttuch; Henriette hörte das gar nicht ...* [H. Böll. Ansichten eines Clowns] // *Однажды во время теннисного матча у нее выпала ракетка из рук, она осталась стоять на корте и задумчиво смотрела в небо, в другой раз во время еды уронила ложку в суп; моя мать вскрикнула, выразила свое недовольство из-за пятен на платье и скатерти; Генриетта даже не услышала этого.*

(37) *Die Luft erschien ihm staubig, raß, lungenbrennend, die Landschaft hart, er stieß sich an den Steinen* [P. Süskind. Das Parfum] // *Воздух показался ему пыльным, едким, обжигающим легкие, пейзаж суровым, он натывался на камни.*

(38) *Ich tat auch dies eigentümlich gehetzt und verbissen; es war mir alles zuviel* [B. Schlink. Der Vorleser] // *Я тоже делал это очень поспешно и настойчиво; все это было для меня слишком.*

(39) *Kein Geld für ein Taxi; und ich hätte zum ersten Mal im Leben wirklich eins gebraucht: mein Knie war geschwollen, und ich humpelte mühsam quer über den Bahnhofsvorplatz in die Poststraße hinein; zwei Minuten nur vom Bahnhof bis zu unserer Wohnung, sie kamen mir endlos vor* [H. Böll. Ansichten eines Clowns] // *Денег на такси не было; и я действительно нуждался в нем впервые в жизни: мое колено распухло, и я с трудом пробирался через привокзальную площадь к Почтовой улице; всего две минуты от вокзала до нашей квартиры, они показались мне бесконечными.*

Бессоюзные предложения данного типа отличает наличие своего фокусного экспонента в каждой части, а входящие в состав сложного простые предложения обладают иллокутивной силой и самостоятельны в смысловом отношении даже в том случае, если в целом высказывании передается темпоральная, concessивная, adversativная или каузальная семантика.

Таким образом, можно говорить о широком спектре значений, передаваемых в бессоюзных предложениях с сочинительной связью.

4. Заключение = Conclusions

Цель исследования заключалась в разработке критериев, позволяющих определить тип отношений в бессоюзных сложных предложениях немецкого языка. Анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Придаточные предложения, вводимые союзами, обладают различной степенью синсемантии: существуют придаточные предложения с высокой и низкой степенью интегрированности, есть варианты СПП, в которых подчинение соответствующего придаточного предложения граничит с сочинением. Такого рода градуальность объясняет сложности при определении типа отношений в бессоюзном предложении.

2. Бессоюзные предложения немецкого языка могут быть дифференцированы на два типа: с подчинением и с сочинением. Тип связи «подчинение» позволяют определить следующие признаки: наличие одного фокусного экспонента; смысловая спаянность частей; способность быть в скопусе отрицания главного предложения и реализация функций одного из членов главного предложения. Форму наклонения в предложении определяет интенция говорящего. В бессоюзных предложениях с подчинением прослеживаются варианты с высокой и низкой степенью интегрированности предложений. Неинтегрированные предложения, или предложения с низкой степенью интеграции отличает собственный просодический рисунок и неспособность быть в скопусе отрицания главного предложения. Семантика отношений в бессоюзных сложносочиненных предложениях определяется их содержанием, а также типом текста. На примере употребления бессоюзных предложений в различных композиционно-речевых формах было показано, что для описания характерны аддитивные отношения; для рассуждения — причины и следствия; для повествования — значения времени, уступки, следствия и причины. Части бессоюзного сложносочиненного предложения обладают иллокутивной силой, слабой степенью смысловой спаянности частей и различным просодическим рисунком, то есть У каждой из частей присутствует свой фокусный экспонент.

3. Бессоюзная связь отличает предложения без каких-либо связующих элементов. Если смысловые отношения между предложениями возникают при использовании модальных слов, частиц или наречий, то можно говорить о варианте, занимающем промежуточное положение между союзной и бессоюзной связью, — о предложениях с показателями связи.

4. Наряду с сочинением и подчинением можно говорить о промежуточном типе связи — взаимоподчинении. Взаимоподчинение имеет место в том случае, если в обеих частях сложного предложения использованы такие показатели как модальные слова, частицы, наречия в комбинаторном сочетании друг с другом.

Перспективным представляется более детальное исследование таких вопросов, как взаимоподчинение, зоны пересечения сочинения и подчинения, омонимия сочинительных и подчинительных союзов в немецком языке, а также дифференциация придаточных предложений немецкого языка, вводимых союзами, по степени их интегрированности в структуру сложного предложения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/en> (accessed 27.11.2024).
2. DWDS — *Bundestagskorpus* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024).
3. DWDS — *Gegenwartskorpus* mit freiem Zugang [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024).
4. DWD — *Gesprochene Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 30.11.2024).
5. DWDS — *Zeitungskorpora* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 15.03.2024).
6. Böll H. Ansichten eines Clowns / H. Böll. — München : deutscher Taschenbuch Verlag GmbH&Co.KG, 1998. — 237 S.
7. Schlink B. Der Vorleser / B. Schlink. — Bern : Diogenes Taschenbuch Verlag, 1995. — 207 S.
8. Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders / P. Süskind. — Zürich : Diogenes Verlag, 1994. — 319 S.

Литература

1. Аверина А. В. Модальные частицы в немецком языке / А. В. Аверина. — Москва : МГОУ, 2021. — 142 с.
2. Аверина А. В. Иллокутивная сила обстоятельственных придаточных предложений (на материале немецкого языка) / А. В. Аверина // Научный диалог. — 2025. — № 8. — С. 9—39. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-8-9-39>.

3. *Белунова Н. И.* К вопросу о бессоюзном сложном предложении в современном русском языке / Н. И. Белунова, А. Б. Черняева // *Международный научный журнал «Инновационная наука»*. — 2016. — № 6. — С. 105—109.
4. *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 1973. — 422 с.
5. *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке / В. А. Белошапкова. — Москва : Просвещение, 1967. — 130 с.
6. *Гончарова Е. А.* Интерпретация текста. Немецкий язык : учеб. пособие / Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина. — Москва : Высшая школа, 2005. — 368 с. — ISBN 5-06-005421-7.
7. *Гулыга Е. В.* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е. В. Гулыга. — Москва : Высшая школа, 1971. — 206 с.
8. *Колосова Т. А.* О принципах классификации сложных предложений / Т. А. Колосова, М. И. Черемисина // *Вопросы языкознания*. — 1984. — № 6. — С. 69—80.
9. *Куралева Т. В.* Сочинительная и подчинительная связь в английском языке : точки пересечения / Т. В. Куралева, А. С. Вахрамеева // *Научный диалог*. — 2016. — № 1. — С. 32—42.
9. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 545 с. — ISBN 5-94457-019-9.
10. *Пирогов Н. А.* Бессоюзные сложные предложения русского и немецкого языков в сопоставительном плане (на материале художественной литературы) / Н. А. Пирогов, М. А. Зенченко // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика*. — 2006. — № 6 (61). — С. 19—23.
11. *Русецкая О. Н.* Композиционно-речевые формы и структурная организация текста / О. Н. Русецкая, В. А. Лазарева // *Вестник АмГУ*. — 2009. — Выпуск 44. — С. 116—118.
12. *Семенюк Н. Н.* Развитие сложного предложения в немецком языке XII—XVIII вв. / Н. Н. Семенюк. — Москва, Калуга : Эйдос, 2010. — 170 с. — ISBN 978-5-902948-81-X.
13. *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. — Москва : РГГУ, 2001. — 805 с. — ISBN 5-7281-0343-X.
14. *Черемисина М. И.* Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. — Москва : УРСС, 2010. — 226 с. — ISBN 978-5-397-00982-9.
15. *Ширяев Е. Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е. Н. Ширяев. — Москва : Наука, 1986. — 227 с.
16. *Abraham W.* Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen / W. Abraham. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2013. — 707 S. — ISBN 9783823347422.
17. *Admoni W.* Der deutsche Sprachbau / W. Admoni. — Москва : Просвещение, 1986. — 336 с.
18. *Averina A.* Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung : Tiefenstruktur und Semantik / A. Averina // *Sprachwissenschaft*. — 2020. — Bd. 45. — № 4. — S. 425—471.
19. *Coniglio M.* Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen / M. Coniglio. — Berlin : De Gruyter, 2011. — 230 S. — ISBN 9783050051697.
20. *Christofaro S.* Subordination / S. Christofaro. — Oxford, New York : Oxford University Press, 2003. — 372 S. — ISBN 9780199252794.

21. Frey W. On the types of adverbial clauses allowing root phenomena / W. Frey // Main Clause Phenomena. — New Horizons : John Benjamins Publishing Company, 2012. — Pp. 405—428.
22. Helbig G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. — Leipzig : Langenscheidt, 1996. — 735 S.
23. Hentschel E. Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. — Berlin : Walter de Gruyter, 2013. — 484 S. — ISBN 9783110629651.
24. Kotin M. L. Konnektoren als prototypische Tempusmarker / M. L. Kotin // Konnektoren im Deutschen und im Sprachenvergleich. Beschreibung und grammatische Analyse. — Tübingen : Narr, 2011. — S. 311—323. — ISBN 978-3-8233-6558-7.
25. Lang E. Semantik der koordinativen Verknüpfung / E. Lang. — Berlin : Akademie-Verlag, 1977. — 320 S.
26. Marillier J.-F. Syntaktische vs. semantische Subordination / J.-F. Marillier // Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2000. — S. 69—83.
27. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O. I. Moskalskaja. — Москва : Академия, 2004. — 352 с. — ISBN 5-7695-1400-0.
28. Reis M. Zur Grammatik (vor allem) konditionaler V1-Gefüge im Deutschen / M. Reis, A. Wöllstein // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. — 2010. — Bd. 29. — Heft 1. — S. 111—179.
29. Schendels E. I. Deutsche Grammatik. Morphologie, Syntax, Text / E. I. Schendels. — Москва : Высшая школа, 1982. — 401 S.
30. Valentin P. Was ist Subordination? / P. Valentin // Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2000. — S. 13—22.
31. Wegener H. Koordination und Subordination — semantische und pragmatische Unterschiede / H. Wegener // Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2000. — S. 33—44.

*Статья поступила в редакцию 29.12.2025,
одобрена после рецензирования 29.03.2026,
подготовлена к публикации 30.04.2026.*

Material resources

- Böll, H. (1998). *Ansichten eines Clowns*. München: deutscher Taschenbuch Verlag GmbH&Co. KG. 237 S. (In Germ.).
- DWD — *Gesprochene Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 30.11.2024). (In Germ.).
- DWDS — *Bundestagskorpora*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024). (In Germ.).
- DWDS — *Gegenwartskorpora mit freiem Zugang*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024). (In Germ.).
- DWDS — *Zeitungskorpora*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 15.03.2024). (In Germ.).
- NCR — *National Corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpora.ru/en> (accessed 27.11.2024). (In Russ.).
- Schlink, B. (1995). *Der Vorleser*. Bern: Diogenes Taschenbuch Verlag. 207 S. (In Germ.).

Süskind, P. (1994). *Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich: Diogenes Verlag. 319 S. (In Germ.).

References

- Abraham, W. (2013). *Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 707 S. ISBN 9783823347422. (In Germ.).
- Admoni, W. (1986). *Der deutsche Sprachbau*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 336 p. (In Germ.).
- Averina, A. (2020). Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik. *Sprachwissenschaft*, 45 (4): 425—471. (In Germ.).
- Averina, A. V. (2021). *Modal particles in the German language*. Moscow: Moscow State University. 142 p. (In Russ.).
- Averina, A. V. (2025). The illocutionary force of circumstantial subordinate clauses (based on the material of the German language). *Nauchnyy dialog*, 8: 9—39. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-8-9-39>. (In Russ.).
- Beloshapkova, V. A. (1967). *Complex sentence in modern Russian*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 130 p. (In Russ.).
- Belunova, N. I., Chernyaeva, A. B. (2016). On the issue of a non-union complex sentence in modern Russian. *International scientific journal "Innovative Science"*, 6: 105—109. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I., Kolosova, T. A. (2010). *Essays on the theory of complex sentences*. Moscow: URSS. 226 p. ISBN 978-5-397-00982-9. (In Russ.).
- Christofaro, S. (2003). *Subordination*. Oxford, New York: Oxford University Press. 372 S. ISBN 9780199252794. (In Germ.).
- Coniglio, M. (2011). *Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen*. Berlin: De Gruyter. 230 S. ISBN 9783050051697. (In Germ.).
- Frey, W. (2012). On the types of adverbial clauses allowing root phenomena. In: *Main Clause Phenomena*. New Horizons: John Benjamins Publishing Company. 405—428. (In Germ.).
- Goncharova, E. A., Shishkina, I. P. (2005). *Interpretation of the text. German language: studies. Manual*. Moscow: Higher School. 368 p. ISBN 5-06-005421-7. (In Russ.).
- Gulyga, E. V. (1971). *Theory of compound sentences in modern German*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 206 p. (In Russ.).
- Helbig, G., Buscha, J. (1996). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Leipzig: Langenscheidt. 735 S. (In Germ.).
- Hentschel, E., Weydt, H. (2013). *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin: Walter de Gruyter. 484 S. ISBN 9783110629651. (In Germ.).
- Kolosova, T. A., Cheremisina, M. I. (1984). On the principles of classification of complex sentences. *Questions of linguistics*, 6: 69—80. (In Russ.).
- Kotin, M. L. (2011). Konnektoren als prototypische Tempusmarker. In: *Konnektoren im Deutschen und im Sprachenvergleich. Beschreibung und grammatische Analyse*. Tübingen: Narr. 311—323. ISBN 978-3-8233-6558-7. (In Germ.).
- Kuraleva, T. V., Vakhrameeva, A. S. (2016). Compositional and subordinate connection in English: points of intersection. *Nauchnyy dialog*, 1: 32—42. (In Russ.).
- Lang, E. (1977). *Semantik der koordinativen Verknüpfung*. Berlin: Akademie-Verlag. 320 S. (In Germ.).

- Marillier, J.-F. (2000). Syntaktische vs. semantische Subordination. In: *Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 69—83. (In Germ.).
- Moskalskaja, O. I. (2004). *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Moscow: Akademiya Publ. 352 p. ISBN 5-7695-1400-0. (In Germ.).
- Peshkovsky, A. M. (2001). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 545 p. ISBN 5-94457-019-9. (In Russ.).
- Pirogov, N. A., Zenchenko, M. A. (2006). Non-union complex sentences of the Russian and German languages in comparative terms (based on the material of fiction). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 6 (61): 19—23. (In Russ.).
- Reis, M., Wöllstein, A. (2010). Zur Grammatik (vor allem) konditionaler V1-Gefüge im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 29 (1): 111—179. (In Germ.).
- Rusetskaya, O. N., Lazareva, V. A. (2009). Compositional speech forms and structural organization of the text. *Bulletin of the AmSU*, 44: 116—118. (In Russ.).
- Schendels, E. I. (1982). *Deutsche Grammatik. Morphologie, Syntax, Text*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 401 S. (In Germ.).
- Semenyuk, N. N. (2010). *The development of complex sentences in the German language of the XII—XVIII centuries*. Moscow, Kaluga: Eidos. 170 p. ISBN 978-5-902948-81—X. (In Russ.).
- Shiryaev, E. N. (1986). *An unconnected complex sentence in modern Russian*. Moscow: Nauka Publ. 227 p. (In Russ.).
- Testele, Ya. G. (2001). *Introduction to general syntax*. Moscow: RGGU. 805 p. ISBN 5-7281-0343—X. (In Russ.).
- Valentin, P. (2000). Was ist Subordination? In: *Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 13—22. (In Germ.).
- Valgina, N. S. (1973). *Syntax of the modern Russian language*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 422 p. (In Russ.).
- Wegener, H. (2000). Koordination und Subordination — semantische und pragmatische Unterschiede. In: *Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 33—44. (In Germ.).

*The article was submitted 29.12.2025;
approved after reviewing 29.03.2026;
accepted for publication 30.04.2026.*

Информация для цитирования:

Алимов Т. Э. Когнитивно-прагматические механизмы эвфемизации алкоголизации в русской и узбекской лингвокультурах / Т. Э. Алимов, Э. Р. Аджеминова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 37—61. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-37-61.

Alimov, T. E., Adjeminova, E. R. (2026). Cognitive-Pragmatic Mechanisms of Euphemization of Alcoholization in Russian and Uzbek Linguistic Cultures. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 37-61. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-37-61. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Когнитивно-прагматические механизмы эвфемизации алкоголизации в русской и узбекской лингвокультурах

Алимов Тимур Эрмекович^{1,2}
orcid.org/0000-0002-9207-8547
кандидат филологических наук
alimovcom@mail.ru

Аджеминова Эльвина Рифатовна²
orcid.org/0000-0001-5493-4624
доктор философии (PhD)
по филологическим наукам
nochkaelvi@gmail.com

¹ Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

² Ферганский государственный университет
(Фергана, Республика Узбекистан)

Cognitive-Pragmatic Mechanisms of Euphemization of Alcoholization in Russian and Uzbek Linguistic Cultures

Timur E. Alimov^{1,2}
orcid.org/0000-0002-9207-8547
PhD in Philology
alimovcom@mail.ru

Elvina R. Adjeminova²
orcid.org/0000-0001-5493-4624
Doctor of Philosophy (PhD)
in Philology
nochkaelvi@gmail.com

¹ Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

² Fergana State University
(Fergana, Republic of Uzbekistan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель исследования — выявить особенности эвфемистической репрезентации алкоголизации в русской и узбекской лингвокультурах. Материалом послужили данные словарей Е. П. Сеничкиной и М. Омонтурдиева, отобранные за десятилетний период с учётом контекстов речевого функционирования. Методом сплошной выборки было выделено 286 эвфемистических единиц, распределённых по восьми тематическим группам и проанализированных с применением количественного, стилистического, когнитивно-фреймового и прагматического методов. Установлено, что в обеих лингвокультурах ядро номинативного поля образуют эвфемизмы, обозначающие процесс употребления алкоголя и состояние опьянения, тогда как наименования напитков, ёмкостей, мест и мотивов занимают периферийные позиции. Выявлены доминирующие механизмы эвфемизации: метафора и метонимия, генерализация, расплывчатость выражения, литота и ироническое переосмысление. Показано, что русский корпус количественно более развёрнут и характеризуется значительной долей ироничных прозвищ пьющих и образных метафор с мифологическими и культурными ассоциациями, тогда как узбекский корпус опирается преимущественно на бытовые и физиологические образы, что связано с более жёстким религиозно-культурным табу. Подчёркивается, что в обоих языках преобладают разговорно-просторечные и фамильярно-шутливые единицы узуса.

Ключевые слова:

эвфемистические номинации алкоголизации; фреймовая семантика; когнитивно-прагматические механизмы; русская и узбекская лингвокультуры; метафора; метонимия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The present study aims to explore the specific features of euphemistic representation of alcoholization in Russian and Uzbek linguistic cultures. The research is based on the data extracted from the dictionaries by E. P. Senichkina and M. Omonturdiyev, covering a ten-year period and taking into account the contexts of actual speech use. Employing the method of continuous sampling, a total of 286 euphemistic units were identified, classified into eight thematic groups, and analyzed through quantitative, stylistic, cognitive-frame, and pragmatic approaches. The findings reveal that in both linguistic cultures, the core of the nominative field is constituted by euphemisms denoting the process of alcohol consumption and the state of intoxication, while the designations of beverages, containers, locations, and motives occupy peripheral positions. The dominant mechanisms of euphemization include metaphor and metonymy, generalization, vagueness of expression, litotes, and ironic reinterpretation. It is demonstrated that the Russian corpus is quantitatively more extensive and is characterized by a significant proportion of ironic nicknames for drinkers and figurative metaphors with mythological and cultural connotations, whereas the Uzbek corpus predominantly relies on everyday and physiological imagery, which is associated with stricter religious and cultural taboos. The study emphasizes that in both languages, colloquial, familiar, and jocular units dominate in actual usage.

Key words:

euphemistic nominations of alcoholization; frame semantics; cognitive-pragmatic mechanisms; Russian and Uzbek linguistic cultures; metaphor; metonymy

УДК [811.512.133'373.49+811.161.1'373.49]:616.89-008.441.13

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-37-61

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Когнитивно-прагматические механизмы эвфемизации алкоголизации в русской и узбекской лингвокультурах

© Алимов Т. Э., Аджеминова Э. Р., 2026

1. Введение = Introduction

В современных обществах употребление алкоголя сохраняет статус одной из наиболее противоречивых и чувствительных тем, расположенных на пересечении медицинских, правовых, религиозных и морально-этических представлений. С одной стороны, алкоголь присутствует в традиционных моделях общения, праздниках и семейных ритуалах, с другой стороны, он воспринимается как источник социальных рисков и девиантного поведения. Это напряженное сочетание нормы и её нарушения приводит к формированию особых способов вербализации пьянства, в том числе к широкому использованию эвфемистических номинаций, позволяющих смягчать или маскировать негативно оцениваемые аспекты алкоголизации. В русской и узбекской лингвокультурах данная сфера дополнительно осложняется различиями религиозных установок, исторического опыта и бытовых практик, что делает сопоставительное изучение алкогольной эвфемии особенно релевантным в русле антропоцентрической лингвистики и лингвокультурологии.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении тематической структуры, когнитивных механизмов и прагматических функций эвфемистических номинаций алкоголизации в русском и узбекском языках, а также в описании того, как посредством этих номинаций конструируется социально приемлемый образ пьянства в двух лингвокультурах. Для достижения указанной цели предполагается решить ряд взаимосвязанных задач, а именно реконструировать тематическую организацию номинативного поля алкоголизации в русском и узбекском языках, определить доминирующие модели смысловой трансформации табуированного содержания и их когнитивное основание, охарактеризовать стилистическую принадлежность и коммуникативно-прагматическое функционирование

изучаемых единиц и сопоставить полученные данные с учетом культурно-исторических различий между двумя лингвокультурами.

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) впервые в сопоставительном аспекте систематизированы эвфемистические номинации алкоголизации в русском и узбекском языках; 2) впервые реконструирован фрейм «ситуация употребления алкоголя» применительно к эвфемистической номинации, установлена его тематическая организация; 3) выявлены межъязыковые различия в распределении номинативных ресурсов и в типах когнитивно-прагматических механизмов эвфемизации; 4) показана зависимость способов эвфемистической репрезентации алкоголизации от культурно-религиозных и коммуникативных установок двух лингвокультур.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили две выборки эвфемистических единиц, репрезентирующих ситуацию употребления алкоголя в русской и узбекской лингвокультурах. Первая выборка сформирована на основе «Словаря эвфемизмов русского языка» Е. П. Сеничкиной [Сеничкина, 2008], вторая — на основе «Ўзбек тилининг қисқача эвфемик лугати» М. Омонтурдиева [Омонтурдиев, 2006] (Краткий эвфемистический словарь узбекского языка). В корпус включались только те лексические единицы и фразеологизмы, которые (а) обладают прямой или метонимической соотнесённостью с ситуацией употребления алкоголя, состоянием опьянения либо участниками и атрибутами данной ситуации и (б) характеризуются устойчивым эвфемистическим узусом, явно противопоставляющим данное выражение нейтральному или прямому наименованию. Формально и семантически близкие варианты сводились к одной лемме, устойчивые словосочетания и фразеологизмы фиксировались как цельные номинации.

Материал отбирался методом сплошной выборки из указанных словарных источников с последующей верификацией в контекстах. Далее применялся комплекс методов. Во-первых, была проведена семантическая классификация отобранных единиц с распределением их по тематическим группам, соотнесённым с различными аспектами фрейма «ситуация употребления алкоголя». Под *тематической группой* понимается совокупность слов и выражений, отражающих определённый участок действительности и объединённых общим родовым значением. Опираясь на методологию, предложенную Е. П. Сеничкиной, мы выделили в каждой выборке восемь гиперсемантических групп: 1) процесс употребления алкоголя; 2) лицо (человек), употребляющий алкоголь; 3) алкогольные напитки; 4) ёмкости для алкогольных напитков; 5) место распития; 6) состояние опьянения;

7) количество выпитого; 8) мотив (причина) употребления. Во-вторых, для каждой группы произведён количественный подсчёт единиц, позволивший выявить пропорции и доминанты в номинативном поле «алкоголизация» в русском и узбекском языках. В-третьих, был выполнен анализ стилистической маркированности эвфемизмов с распределением их по основным регистрам. Наконец, с позиций когнитивно-прагматического подхода осуществлялся анализ мотивов употребления эвфемистических номинаций и приёмов смысловой трансформации, а также функциональное описание прагматического узуса, где для каждого примера устанавливались доминирующие коммуникативные функции, с последующим сопоставлением их распределения по слотам фрейма и образным моделям.

В лингвистической традиции эвфемия долгое время описывалась преимущественно в лексикографико-стилистической перспективе как «смягчающая» замена табуируемых или социально нежелательных наименований и как разновидность вторичной номинации, обеспечивающая более приемлемое оформление «неудобного» содержания [Кацев, 1988; Крысин, 1994; Москвин, 2017; Сеничкина, 2012]. На этой основе формируются более узкие трактовки, согласно которым она рассматривается либо как частный случай синонимии [Алексикова, 2009, с. 262], либо как механизм нормативной коррекции речевого поведения в зоне социально чувствительных тем [Баранова и др., 2021, с. 33], либо как стилистический ресурс вежливости и коммуникативной экономии [Романов, 2021, с. 28]. Однако подобное понимание недостаточно объясняет когнитивную мотивированность эвфемистических переименований и их динамику в дискурсе, поскольку остаётся открытым вопрос о том, как именно перестраивается знание о табуированных явлениях и почему устойчивыми оказываются определённые модели замещения.

Когнитивно-семиотический поворот в гуманитарных науках уточнил статус эвфемии и углубил её понимание. В рамках фреймовой семантики [Fillmore, 1982], теории концептуальной метафоры и метонимии [Lakoff et al., 1980], когнитивной грамматики и теории номинации эвфемия описывается как особый тип вторичной номинации [Телия, 1977, с. 129], сопровождаемый изменением профиля концепта [Болдырев и др., 2010, с. 7] и переразметкой его фреймовой структуры [Бабина и др., 2008]. Особое внимание уделяется феноменам «эвфемистической изосемии» [Вавилова, 2003, с. 41] и реноминации [Щербинина, 2006, с. 352], при которых различные способы названия сохраняют семантическую эквивалентность, изменяя лишь перспективу восприятия. В этом ключе эвфемизация предстает как когнитивный механизм концептуальной деривации, обеспечивающий репрофилирование знания за счёт переосмысления исходных признаков и

их интеграции в модифицированную структуру. В русле данного подхода Л. В. Порохницкая трактует эвфемизмы как результат переработки знания о негативно оцениваемых реалиях в соответствии с культурными нормами и ценностными установками сообщества, подчёркивая ведущую роль метафорических и метонимических сдвигов, при которых нежелательный смысл переносится в иной, культурно более приемлемый семантический домен [Порохницкая, 2014]. Среди средств вербализации представлений об алкоголе показательны метафоры типа *огненная вода*, *зелёный змий*, в которых физически и морально опасное вещество концептуализируется либо как дающее тепло, либо как демонизированное существо, что одновременно смягчает прямое название и усиливает оценочно предостерегающий компонент.

Когнитивно-прагматическую сторону эвфемии дополняет концепция фокусировки и дефокусировки смысла, предложенная О. К. Иришхановой. Эвфемизация в её интерпретации представляет собой частный случай управляемого перераспределения смыслового фокуса, при котором нежелательные или «опасные» компоненты значения выводятся на периферию сознания, а в центр внимания выдвигаются нейтральные, социально одобряемые или оценочно размытые признаки [Иришханова, 2014]. Так, обороты *принять на грудь*, *смочить горло*, *чуть-чуть расслабиться* дефокусируют собственно факт опьянения и профилируют нейтральный акт приёма чего-либо внутрь, физиологическую или эмоциональную составляющую, тогда как табуированная реализация сценария пьянства остаётся за пределами фокуса. Аналогичный эффект создают гиперонимы и перифразы, например, *спиртное*, *горячительные напитки* вместо прямого наименования *водка*, которые сохраняют связь с исходным концептом, но увеличивают дистанцию между словом и его «жёсткой» референтной зоной.

Прагматико-дискурсивные исследования дополняют когнитивное описание, показывая, как эвфемизмы функционируют в различных сферах коммуникации и выполняют функции смягчения, маскировки и переоценки социально чувствительных явлений. Показано, что в политическом и медийном дискурсах эвфемия служит инструментом регулирования публичной чувствительности и имиджевого позиционирования [Заботкина и др., 2022; Malyuga et al., 2025], в экономическом и миграционном — способом вуалирования кризисных и конфликтных явлений [Алимов и др., 2025; Шубина и др., 2025], в рекламном — элементом убеждающей риторики [Малюга и др., 2024; Antipova et al., 2021]. В эколингвистическом ключе эвфемия трактуется как ресурс «бережной» коммуникации и профилактики стигматизации уязвимых групп [Басинская, 2023; Зверева, 2023; Alimov et al., 2024]. Для настоящей работы важно, что алкогольная

эвфемия вписывается в тот же функциональный ряд, так как она позволяет смягчать и переоформлять обсуждение социально неоднозначного явления — употребления алкоголя.

Опираясь на подход Е. П. Сеничкиной, в данном исследовании эвфемистическими номинациями алкоголизации считаются лексемы и выражения, которые: 1) обозначают нежелательный или проблемный денотат в соответствии с действующими этическими, религиозными и социокультурными нормами сообщества; 2) демонстрируют семантическую опосредованность или расплывчатость, то есть не называют табуированное явление прямо, а профилируют нейтральный, бытовой, физиологический или иронически переосмысленный признак; 3) обеспечивают формальное «улучшение» образа исходного денотата по сравнению с прямой номинацией, снижая степень стилистической резкости; 4) фиксируются в устойчивом употреблении и распознаются носителями как более допустимый или шутивно-защитный способ говорить о пьянстве. Указанные единицы в рамках настоящего исследования рассматриваются как эвфемистические номинации алкоголизации и составляют объект дальнейшего количественного и когнитивно-прагматического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Процедура отбора включала качественный анализ около четырёхсот иллюстративных контекстов 2000—2010 годов общим объёмом порядка 120 000 слов, на основе которых был сформирован аннотируемый подкорпус эвфемистических номинаций алкоголизации. В подкорпус вошли 286 единиц, удовлетворяющих критериям эвфемичности, принятым в работе. Из них 164 единицы представлены в русском языке и 122 — в узбекском. Каждая единица интерпретировалась как реализация фрейма «ситуация употребления алкоголя» с выделением соответствующего фреймового компонента, то есть процесса, актора, напитка, сосуда, локуса, состояния, количества и мотива, в русле фреймовой семантики Ч. Филлмора [Fillmore, 1982], когнитивной теории номинации Л. В. Порохницкой [Порохницкая, 2014] и концепции фокусировки и дефокусировки смысла О. К. Ирисхановой [Ирисханова, 2014]. На этой основе были выделены восемь тематических групп эвфемизмов, охватывающих основные референты ситуации употребления алкоголя в обоих языках, что отражено на диаграмме (рис. 1).

Системное сопоставление показывает (см. рис. 1), что ядро номинативного поля в обоих языках формируют эвфемистические номинации процесса употребления алкоголя и состояния опьянения. В русском материале на эти две группы приходится 104 единицы (состояние опьянения:

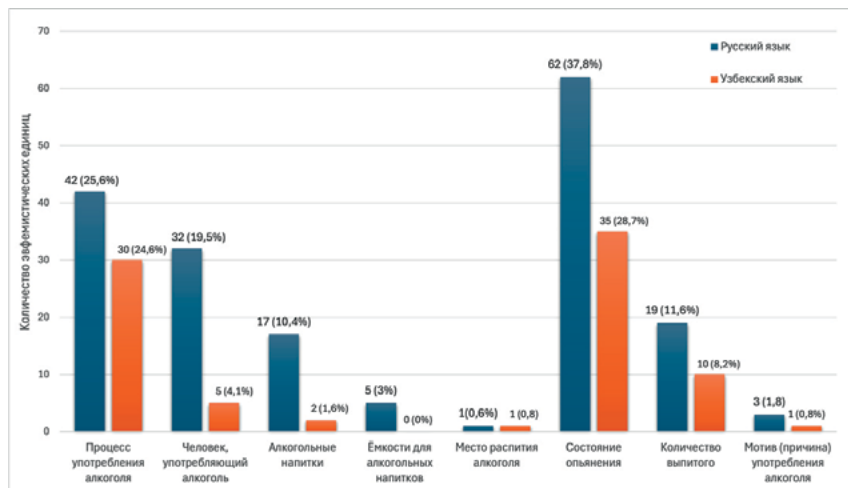

Рис. 1. Распределение эвфемистических единиц алкоголизации по тематическим группам в русском и узбекском языках

$N = 62$; 37,8 %, процесс употребления: $N = 42$; 25,6 %), что суммарно составляет 63,4 % выборки. В узбекском — 65 единиц (состояние опьянения: $N = 35$; 28,7 %, процесс употребления: $N = 30$; 24,6 %), то есть около 53 % корпуса. Тем самым подтверждается, что именно динамика события и его результативное состояние являются центральными слотами фрейма «алкоголизация», требующими наибольшей эвфемистической обработки. Периферийными оказываются обозначения напитков, ёмкостей, места и мотивов распития, что отражается как в количественных показателях, так и в когнитивной структуре фрейма: соответствующие аспекты либо отодвигаются на фон, либо вербализуются нейтральными средствами. Отметим, что ряд глагольных эвфемистических конструкций по своей внутренней форме совмещают процессуальный и количественный компоненты; в статистическом распределении (см. рис. 1) они отнесены к группе «количество выпитого», однако ниже привлекаются и как иллюстрации переосмысления сценария действия.

3.1. Эвфемистическое фреймирование процесса употребления алкоголя

Тематическая группа, репрезентирующая процесс употребления алкоголя, в русском корпусе насчитывает ($N = 42$; 25,6 %), в узбекском — лишь ($N = 30$; 24,6 %). В обеих лингвокультурах именно этот слот фрейма выступает зоной максимальной когнитивной обработки, где концентрируются

механизмы метафоризации, метонимизации и перераспределения смыслового фокуса.

В русском языке процесс питья систематически выводится из собственно физиологического плана и задаётся через метафорику физического действия и технико-производственной операции, ср.: *закладывать, залить за галстук, запускать за воротник, раздавить бутылочку, крутить, трихнуть за галстук, сообразить на троих* и др. В рамках фрейма «ситуация употребления алкоголя» это означает, что центральный слот «приём алкоголя внутрь» последовательно репрофилируется в ряд вторичных сценариев, а именно: «манипулировать предметом», «совершать механическое действие», «выполнять коллективную операцию». Сюда же примыкают метафорические модели типа «ПИТЬЁ КАК ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ», ср. *приносить жертву Вакху, совершать возлияние Бахусу*; «ПИТЬЁ КАК ТРУД И ЗАНЯТИЕ», ср. *заниматься хмельным делом*. В пределах модели «ПИТЬЁ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОРТ» функционируют прежде всего квазивэфемистические единицы *перепить, кто кого перепьёт, пить на спор, пить на скорость*, а также иронические перифразы *чемпион по выпивке, рекордсмен по выпивке*. Их общая особенность состоит в том, что прямое обозначение пьянства редуцируется, а сама ситуация интерпретируется через слоты спортивного фрейма: соперничество, победа, скорость, рекорд, превосходство. В результате акт питья включается в систему социально распознаваемых и культурно кодированных сценариев: на второй план отступает телесно-физиологическое содержание ситуации, тогда как в фокус выдвигаются ритуальные, деятельностные, коллективные и соревновательные параметры. Именно такое смещение профиля поддерживает устойчивость соответствующих номинаций в русском узусе.

Узбекский корпус демонстрирует сходную тенденцию, однако с иным образным наполнением и иной конфигурацией фреймовых акцентов. Здесь преобладают эвфемизмы с глагольной семантикой «отправления», «завершения», «опробования», ср.: *юзта отмоқ (выпить сто грамм), юзта-юзта қилмоқ (пить по сто грамм), юзта-юзта олмоқ (брать по сто грамм), юзта-юзта отмоқ (опрокидывать по сто грамм), юз-юз урмоқ (ударить по сто грамм), юз-юз қилмоқ (устраивать «по сто грамм»), ютиб юбормоқ (проглотить залпом), туқиб юбормоқ (всадить в себя порцию спиртного), пиёла бўшатмоқ (опустошить пиалу), қадаҳ бўшатмоқ (опустошить бокал), татиб кўрмоқ (попробовать на вкус), таъмини кўрмоқ (попробовать вкус)*. В зону актуального профилирования выдвигаются периферийные компоненты сценария действия — пробование, опустошение сосуда, повторимость количественного шага, тогда как собственно акт употребления алкоголя и последующее опьянение остаются имплицитными и

фоновыми. Концептуализация процесса питья как «проверки качества», ср. *синаб қўрмақ* (*попробовать, испытать*), *сифати аниқламоқ* (*определить качество*), как «поддержки горла», ср. *томоқ қўлламоқ* (*поддержать горло, смочить горло*) или как ритмически организованного действия «по сто», ср. *юзта-юзта* (*по сто грамм*), свидетельствует о систематическом смещении фокуса с табуированного ядра фрейма на операциональные и ритуально-количественные характеристики события. Тем самым узбекские глагольные эвфемизмы не столько прямо называют акт алкоголизации, сколько конструируют его как последовательность функционально нейтральных шагов внутри более широкого сценария застольного взаимодействия, при котором факт опьянения оказывается дефокусирован и как бы «растворён» в описании процесса.

При сопоставлении русского и узбекского материала становится очевидным, что различия касаются не только набора образов, но и способа организации фрейма «ситуация употребления алкоголя». В русском корпусе доминируют культурно маркированные и иронические модели, интегрирующие процесс питья в мифологизированные, игрово-ритуальные и квазикультовые сценарии. Тем самым актуализируется культурный слой фрейма, а акт употребления репрофилируется в событие участия в «игре» или «культе», что снижает степень прямой репрезентации девиантности и переводит её в регистр смехового осмысления. В узбекском корпусе, напротив, преобладают бытовые и телесно-практические образы, опирающиеся на опыт физического действия, телесного усилия и пошаговой организации застолья. В результате в актуальный фокус выдвигаются операциональные и физиологические компоненты сценария, тогда как сам факт опьянения и его вербализация систематически дефокусируются, что позволяет говорить о двух разных типах концептуального доминирования. Так, русская модель тяготеет к культурно-символическому и игровому профилированию события, узбекская — к телесно-практическому и нормативно-религиозному «заземлению» фрейма, коррелируя с более жёстким табу на открытое обсуждение алкоголизации и предпочтением не прямых, функционально мотивированных описаний.

3.2. Эвфемистическое конструирование фигуры пьющего

Группа «человек, употребляющий алкоголь» количественно значительно различается в двух выборках. В русском корпусе насчитывается ($N = 32$; 19,5 %), в узбекском — всего ($N = 5$; 4,1 %), что свидетельствует о разной степени «фокусировки» акторного слота. В русском языке личность пьющего оказывается в центре оценочного внимания, в узбекском — преимущественно выводится на периферию, а фокус переносится на действие и состояние.

В русском материале фигура пьющего концептуализируется через разветвлённую сеть номинаций, опирающихся на несколько пересекающихся когнитивных моделей. Во-первых, задействуется метафора «ЧЕЛОВЕК КАК УЧАСТНИК КУЛЬТА И ИГРЫ», ср. *поклонник Бахуса, приверженец Бахуса, угодник Бахуса, любитель выпить*, которая вписывает пьющего в квазирелигиозный или игрово-ритуальный сценарий и тем самым репрофилирует его статус, где вместо прямого обозначения девиантного поведения актуализируется роль «посвящённого» участника особого сообщества. Во-вторых, используется семантика социальной девиации («асоциальный», «асоциальная категория населения»), переводящая характеристику на уровень социальной типизации и дистанцирующая говорящего от объекта оценки. В-третьих, продуктивна метонимическая стратегия, при которой фигура пьющего обозначается через телесные и поведенческие маркеры, такие как *клюквенный нос, фрамбауз, выводить вавилоны, писать кренделя ногами*. Тем самым мы видим, что акторный слот насыщается вторичными признаками, а прямое имя пьяницы систематически дефокусируется за счёт реноминации. Ироническая переоценка и игровое обыгрывание этих признаков создают типичный для русской лингвокультуры эффект совмещения осуждения и смеховой разгрузки, когда социально неодобряемый тип поведения признаётся и одновременно «разряжается» посредством комического профилирования.

В узбекском корпусе, напротив, устойчивые эвфемистические номинации пьющего человека практически не образуют самостоятельного продуктивного ряда. Актор либо обозначается относительно нейтрально или почти прямо, ср. *майхўр (любитель спиртного), араққа мойил киши (человек, склонный к употреблению спиртного)*, либо выводится за пределы прямой номинации через описательные конструкции типа *ул кишининг ўзга аҳвали (у этого человека «другое» состояние)*, где в зону фокуса попадает не личность, а её изменённое состояние, что свидетельствует о слабой лексической разработанности акторного слота и его систематическом вытеснении на периферию. Внимание смещается к результативному состоянию и к самому сценарию опьянения, тогда как индивидуальный носитель девиации остаётся обезличенным. Подобная стратегия может интерпретироваться как способ снятия прямой персональной маркировки порока, где культура избегает открытого навешивания ярлыков на конкретного человека, предпочитая дефокусировать субъект и говорить либо о типизированном носителе свойства, либо о временном «ином состоянии». Это демонстрирует принципиально разные модели обработки акторного компонента фрейма, так, русская система центрирует его и активно развивает ряды иронических реноминаций, узбекская — минимизирует и маскирует,

усиливая тем самым нормативно-религиозный контроль над самим фактом обсуждения пьянства.

3.3. Эвфемистические наименования алкогольных напитков и ёмкостей

Группа «алкогольные напитки» количественно представлена менее всего по сравнению с ядром фрейма, однако именно здесь максимально концентрируются метафорические механизмы эвфемизации. В русском материале данная группа включает 10,4 % номинаций (N = 17), в узбекском корпусе фиксируется 1,6 % единиц от общего числа проанализированных языковых фактов (N = 2). При этом слот «НАПИТОК» демонстрирует высокую степень концептуальной деривации, когда исходный денотат «спиртной напиток» систематически перепрофилируется через разные домены опыта, что позволяет смещать фокус с опасных свойств алкоголя на культурно и социально легитимированные характеристики.

В русском корпусе это реализуется через разветвлённый ряд номинаций *горячительное, крепкие напитки, сорокаградусная, огненная вода, живая вода, жидкая валюта, зелёный змей, злая водица, дары Вакха, увеселительный напиток*. Указанные единицы воплощают несколько пересекающихся моделей, среди которых «НАПИТОК КАК ТЕПЛО и ЗАЩИТА», «НАПИТОК КАК МИФИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО», «НАПИТОК КАК РЕСУРС и ЦЕННОСТЬ», означающие, что вместо профилирования химически сильнодействующей субстанции на передний план выдвигаются функции согревания, приобщения к особому мифологизированному миру или обладания ценным ресурсом. Тем самым достигается когнитивный эффект дефокусирования табуированного ядра сценария и одновременно создаётся амбивалентная оценка, сочетающая игровое обыгрывание и частичное оправдание употребления.

В узбекском материале, несмотря на компактность группы, прослеживается своя устойчивая конфигурация образов. Номинации типа *тентак сув (глупая вода), шайтон суви (вода злого духа), захри қотил (смертельный яд), оқ оғу (белый яд) и ақлни олувчи нарсa (то, что отнимает разум)* выстраивают модель «АЛКОГОЛЬ КАК ДЕВИАНТНАЯ СУБСТАНЦИЯ», которая разрушает тело и сознание. Здесь фрейм напитка профилируется не через комфорт и ценность, а через поражающий эффект, угрозу жизни и утрату разума, что усиливает аксиологически негативный вектор и коррелирует с жёстким религиозно-нравственным табу на употребление алкоголя. Параллельно функционируют более нейтральные перифразы *узум суви (виноградная вода), оқбўта (белое облачко), чашма (родник)*, смещающие фокус на исходное сырьё или уподобляющие напиток воде и чаю. Особое место занимает религиозно маркированная номинация *обирахмат (благо-*

датная вода), поскольку её прямое словарное значение связано не с алкоголем, а с представлением о благодатных осадках, ниспосланных свыше. Поэтому в данном контексте она может рассматриваться только как контекстуально-ироническая перифраза, сакрализирующая или маскирующая запретный денотат. Однако и в этом случае сохраняется дистанция между прямой номинацией *арақ* (водка) и смягчённым обозначением, за счёт чего «жёсткая» референтная зона оказывается отодвинутой на фон.

Отдельного внимания заслуживает тематическая подгруппа «ёмкости для напитков», которая в русском корпусе представлена пятью номинациями: *литровка*, *литровочка*, *маленькая*, *махонькая*, *мерзавчик*. Здесь последовательно реализуется метонимический сдвиг от содержимого к сосуду, когда в качестве профилируемого признака актуализируется объём и размер тары, а сам алкогольсодержащий продукт дефокусируется. Ёмкость становится самостоятельным объектом эвфемистического именования, ее образ заполняет соответствующий слот фрейма, и ее именования закрепляются в узусе. В узбекском материале сопоставимая подгруппа не формируется, поскольку лексемы *пиёла* (*пиала*), *рюмка* (*рюмка*), *стакан* (*стакан*), *қадаҳ* (*бокал*) активно участвуют в глагольных конструкциях типа *пиёла бўшатмоқ* (*выпить пиалу до дна*), *рюмка уриштирмоқ* (*чокнуться рюмками*), но остаются компонентами предикативного комплекса, не выступая самостоятельными эвфемистическими наименованиями. Данное расхождение указывает на неодинаковую степень концептуальной проработанности атрибутивных элементов сценария питья, при этом в русской традиции ёмкость может выступать как носитель оценочного и игрового потенциала, тогда как в узбекской она функционирует преимущественно как технический элемент описания действия и не выносится в отдельный объект эвфемизации.

3.4. Локус и мотивы употребления алкоголя

Тематическая группа «место распития алкоголя» в обеих выборках остаётся статистически маргинальной (в русском корпусе N = 1; 0,6 %, в узбекском корпусе N = 1; 0,8 %), что указывает на периферийный характер локативного слота во фрейме «алкоголизация». В русской выборке единственная единица *увеселительное заведение* репрофилирует исходные денотаты кабак, бар, питейное заведение в более нейтральный и оценочно смягчённый домен «пространство развлечения», где фокус переносится с функции систематического употребления алкоголя на функцию досуга и развлечения. В узбекской традиции аналогичный приём реализуется в эвфемистических наименованиях типа *роҳат* (*наслаждение*), *роҳат хат олишхонаси* (*отделение по приёму писем «наслаждения»*), закреплённых в сатирическом дискурсе и замещающих прямые номинации чайханы или нелегальной точки продажи спиртного, то есть формально обозначается

«отделение писем» или магазин сладостей, а фактически актуализируется сценарий регулярных возлияний. В обоих случаях локус вербализуется через внешне «невинное» пространство, а компонент «место употребления алкоголя» переводится в имплицитную зону и восстанавливается за счёт фоновых знаний адресата. Таким образом, локативный слот фрейма заполняется за счёт механизмов дефокусировки табуированного признака и фокусировки на социально приемлемой институциональной или коммерческой оболочке, что особенно показательно для дискурсивных практик, где прямое обозначение питейного заведения нежелательно.

Ещё более периферийным оказывается мотивационный слот. В русском корпусе он представлен лишь $N = 3$; 1,8 %, в узбекском корпусе $N = 1$; 0,8 %, что свидетельствует о том, что культурно чувствительные причины употребления алкоголя преимущественно оставляются за пределами эксплицитной номинации и реконструируются по контексту. Русские выражения типа *заливать горе*, *заливать тоску*, *принимать для храбрости* моделируют ситуацию в терминах целенаправленного компенсаторного действия, при котором физическое употребление спиртного репрофилируется в инструмент достижения психологической цели, такой как снижение тревоги или преодоление страха. Внутри фрейма «алкоголизация» это приводит к смещению фокуса с биохимического воздействия вещества на сферу эмоциональных состояний субъекта и тем самым частично легитимирует поведение через апелляцию к человеческой слабости. Узбекская формула *соғлиқ учун (для здоровья)* функционирует по сходному принципу, где мотив «заботы о здоровье» и благопожелательный ритуальный компонент выводятся на передний план, тогда как собственно мотив опьянения остаётся фоновым. Здесь мотив употребления интегрируется в сценарий коллективного тоста и праздничного взаимодействия, что снижает степень индивидуальной ответственности и переводит оценку в ритуально-нормативный регистр. Отсутствие продуктивного ряда мотивационных эвфемизмов в узбекском корпусе в целом, как и единичность соответствующих единиц в русском, отражает общую стратегию лингвокультурного избегания прямой рефлексии причин пьянства, то есть мотивационный слот либо заполняется стереотипными формулами с позитивным или нейтральным содержанием, либо остаётся имплицитным, что ещё раз подтверждает доминирующую роль механизмов дефокусирования при вербализации наиболее чувствительных аспектов сценария алкоголизации.

3.5. Эвфемистическое моделирование состояния опьянения и количества выпитого

Наиболее развернутой в обеих выборках оказывается группа, обозначающая состояние опьянения, в русском корпусе — $N = 62$; 37,8 %,

в узбекском корпусе — $N = 35$; 28,7 %. В структуре фрейма «ситуация употребления алкоголя» данный фрагмент выступает как центральный результативный слот, в котором максимально концентрируются когнитивные операции переосмысления телесных и ментальных состояний субъекта. Именно здесь проявляется напряжённое взаимодействие двух разнонаправленных тенденций, а именно стремления смягчить прямое именование нежелательного результата и одновременно необходимости эксплицировать изменённость состояния как социально значимый факт.

Русский материал демонстрирует чёткую внутреннюю стратификацию данной группы: одна подсистема лексем описывает лёгкую степень опьянения, другая — тяжёлую. В первую входят номинации *навеселе, под мухой, под градусом, подшофе, с мухой в голове, тёпленький, в подпитии, на кураже*, которые опираются на метафорические модели «тепла», «возвышения» и «наличия постороннего агента». Здесь репрофилируются периферийные сенсорные и эмоциональные признаки, когда акцент переносится на лёгкий подъём настроения, ощущение тепла, присутствие некоторой внешней силы, «подкручивающей» состояние субъекта, тогда как компонент «сильно изменённая работоспособность» остаётся в имплицитной зоне. Вторая подсистема охватывает обозначения тяжёлой степени опьянения, ср. в *стельку, никакой, минус ноль, на автопилоте, некрепок на ногах, перебрать, хлебнуть лишнего*, где актуализируются образы утраты контроля, технической перегрузки, перехода в иной режим функционирования. В этом случае результативный слот заполняется признаками нарушенной координации, автоматизированного поведения, «выключения» обычного режима субъективного контроля. В обоих подпластах работает механизм смены профиля, поскольку вместо прямого признака «пьяный» в фокус выдвигаются телесные ощущения, параметры двигательной сферы, образ внешней силы или техники, что позволяет одновременно признать факт изменённого состояния и снизить прямую оценочную жёсткость.

Узбекский материал воспроизводит общий когнитивный каркас, но наполняет его иным типом образности. Эвфемистические конструкции с глагольным компонентом *маст бўлмоқ* сгруппированы вокруг моделей «ТЕЛО КАК ПРЕДМЕТ и СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ» и «СОЗНАНИЕ КАК ИСТОЧНИК СВЕТА и ЭНЕРГИИ», ср. *қарахт бўлмоқ (оценеть), лақиллаб қолмоқ (еле держаться на ногах), гишт бўлиб қолмоқ (окаменеть), тахта бўлиб қолмоқ (задеревенеть), қотиб қолмоқ (застыть), кўлаб кетмоқ (перебрать), оламдан ўтмоқ (отключиться от реальности), ўчиб қолмоқ (вырубиться), учиб қолмоқ (вырубиться), тайёр бўлиб олмоқ (стать готовым), кайф ошмоқ (быть под сильным кайфом), иккита бўлиб кўринмоқ (двоиться в глазах)* и др. Состояние опьянения

здесь концептуализируется как окаменение, превращение тела в инертный объект, «выключение» или «перегорание» сознания, раздвоение воспринимаемой реальности. Внутри фрейма результативный слот заполняется не сглаженными, а, напротив, гиперболизированными признаками деградации телесного и ментального контроля, тогда как собственно факт предшествующего употребления алкоголя остаётся фоном. Такая конфигурация указывает на иной баланс между эвфемизацией и стигматизацией, когда смягчается эксплицитное указание на акт пьянства как волевой выбор, но максимально усиливается образ разрушительного последствия. Иконичность телесно-грубых метафор делает оценку опьянения практически однозначной, что коррелирует с более жёсткой религиозно-нравственной санкцией в узбекской лингвокультуре.

Группа «количество выпитого» также демонстрирует системные типологические различия при том, что в обоих случаях реализуется сходная фреймовая задача маскировки или концептуальной переорганизации восприятия меры употребления. В русском корпусе такие единицы ($N = 19$; 11,6 %) распределяются между моделями «МАЛО ВЫПИТЬ» и «МНОГО ВЫПИТЬ» при явном доминировании второй. Выражения *закладывать за галстук, заливать за галстук, запускать за галстук, пропускать за галстук, накатить, накачаться, прикладываться к бутылке* переводят количественный слот фрейма в плоскость динамического действия. Количество выпитого кодируется не через числовые показатели, а через интенсивность и повторяемость действия, и фокус смещается с параметра «объём» на параметр «характер манипуляции». В результате создаётся эффект эвфемистической «размытости» меры, поскольку очевидно, что речь идёт о значительном потреблении, но степень превышения нормы не поддаётся точной вербализации и поэтому воспринимается менее однозначно.

В узбекском корпусе единиц ($N = 10$; 8,2 %) количественный аспект, напротив, эксплицируется преимущественно через числительные и меры: *бир икки хўллаганман (я только один-два раза намочил губы), юзта отмоқ (выпить «соточку»), юзта-юзта қилмоқ (делать по сто грамм), юзта-юзта олмоқ (брать по сто грамм)* и др. Здесь количественный слот организуется как последовательность дискретных шагов, поскольку каждая порция репрезентируется как формально ограниченная единица, тогда как суммарный объём остаётся вне фокуса. Модель «по сто грамм» придаёт высказыванию видимость точности, но на уровне фрейма выполняет эвфемистическую функцию маскировки общей меры за счёт акцентирования ритма повторяющегося действия. Таким образом, в русской традиции количественный параметр прячется за образом интенсивного действия, а в узбекской — за игрой с числовой нормой и поэтапной структурой сце-

нария. В обоих случаях происходит дефокусирование прямого указания на «много выпито», однако используются разные когнитивные ресурсы: в одном случае — динамика действия, в другом — псевдоточная счётность.

3.6. Стилистический профиль эвфемистических подсистем

Стилистический анализ показал, что в обоих языках эвфемистические номинации алкоголизации концентрируются в зоне сниженной, разговорной и просторечной лексики (рис. 2).

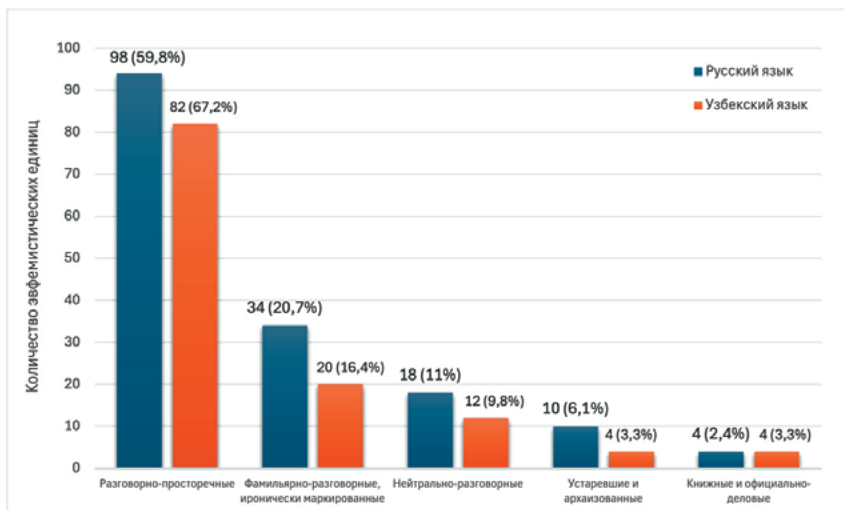

Рис. 2. Стилистическое распределение эвфемистических единиц алкоголизации в русском и узбекском языках

Данные, представленные на диаграмме (рис. 2), свидетельствуют о том, что в русском корпусе разговорно-просторечные эвфемизмы составляют 59,8 % выборки ($N = 98$), фамиллярно-разговорные и иронически маркированные единицы — 20,7 % ($N = 34$), нейтрально разговорные единицы — 11,0 % ($N = 18$), устаревшие единицы — 6,1 % ($N = 10$), книжные и официально деловые единицы — 2,4 % ($N = 4$). В узбекском материале доля разговорно-просторечных единиц ещё выше ($N = 82$; 67,2 %), фамиллярно-шутливые единицы составляют 16,4 % ($N = 20$), нейтрально разговорные единицы — 9,8 % ($N = 12$), архаизованные и официально-книжные единицы — по 3,3 % ($N = 4$). Эти данные подтверждают, что механизмы эвфемизации алкоголизации формируются прежде всего в зоне неформального, разговорно-просторечного общения, тогда как официальный и медийно-нормативный регистр оперирует лишь ограниченным набором

относительно нейтральных замен. Подобное распределение объясняется тем, что именно в неофициальной коммуникации возникает наибольшая потребность в тонком управлении смысловым фокусом, смягчении оценки и снижении конфронтационного потенциала высказывания. Так, в русской традиции это достигается преимущественно за счёт иронического переосмысления и игровых метафор, тогда как в узбекской — за счёт телесно-бытовых образов и ситуативного юмора при общей тенденции к маскировке прямого наименования запрещённого объекта.

3.7. Прагматические функции эвфемистических номинаций алкоголизации

В целях уточнения коммуникативного статуса анализируемых единиц отдельного рассмотрения требует их прагматическая нагрузка. На основе количественных данных, суммированных на диаграмме (рис. 3), были выделены и сопоставлены основные функции эвфемистических номинаций алкоголизации в русском и узбекском корпусах, а также их распределение по тематическим слотам фрейма «ситуация употребления алкоголя».

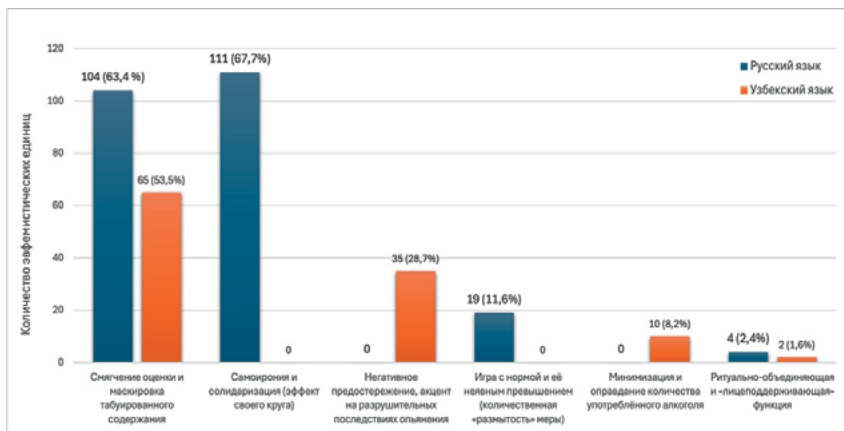

Рис. 3. Распределение прагматических функций эвфемистических номинаций алкоголизации по тематическим слотам фрейма в русском и узбекском языках

В прагматическом отношении полученные данные свидетельствуют о том, что ведущими функциями алкогольных эвфемизмов в обоих языках выступают смягчение оценки и маскировка табуированного содержания. Это в первую очередь касается единиц, относящихся к слотам «процесс употребления алкоголя» и «состояние опьянения» (слоты 1 и 6). В русском корпусе на них суммарно приходится 63,4 % (N = 104) единиц (процесс употребления: N = 42; 25,6 %, состояние опьянения: N = 62; 37,8 %),

в узбекском — 53,3 % (N = 65) единиц (процесс употребления: N = 30; 24,6 %, состояние опьянения: N = 35; 28,7 %). В подавляющем большинстве контекстов эти номинации оформляют ситуацию как менее резкую, «обыденную», нередко и игровую или ритуализованную. В русском корпусе функция смягчения систематически сочетается с самоиронической и солидаризационной. Ироничные прозвища пьющего и метафорические обозначения напитков, а также образные перифразы состояния опьянения, сосредоточенные преимущественно в слотах «человек, употребляющий алкоголь», «алкогольные напитки» и «состояние опьянения» (слоты 2, 3 и 6; в совокупности N = 111; 67,7 %), создают эффект «своего круга», в пределах которого девиантное поведение частично нормализуется через смеховую разрядку. Для узбекского корпуса, напротив, более типична комбинация маскировки прямого наименования с подчёркиванием разрушительных последствий, где телесно-грубые метафоры состояния опьянения (слот 6; N = 35; 28,7 %) выполняют функцию негативного предостережения и поддерживают религиозно-нравственный запрет при сохранении не прямой вербализации самого факта употребления.

Отдельные тематические группы реализуют более специализированные прагматические функции. Так, выражения, относящиеся к слоту «количество выпитого» (слот 7), в русском корпусе представлены единицами, составляющими 11,6 % (N = 19), и преимущественно служат для языкового «обыгрывания» понятия нормы и идеи её неявного превышения: динамика действия создаёт эвфемистическую «размытость» меры и позволяет избегать прямого указания на чрезмерность потребления. В узбекском корпусе данный слот репрезентирован несколько меньшим числом единиц материала (N = 10; 8,2 %); конструкции с числительными демонстрируют прагматику минимизации и оправдания, при которой количественный параметр формально эксплицируется, но подаётся как совокупность внешне умеренных «шагов». Эвфемистические наименования локуса и мотива употребления (слоты 5 и 8) занимают периферийное положение. Так, в русском корпусе присутствует в совокупности 4 единицы (N = 4; 2,4 %; а именно: место распития: N = 1; 0,6 %, мотив: N = 3; 1,8 %), в узбекском — 2 единицы (N = 2; 1,6 %; а именно: место распития: N = 1; 0,8 %, мотив: N = 1; 0,8 %). Формулы типа «увеселительное заведение» обеспечивают ритуально-объединяющий эффект и реализацию речевой тактики «сохранения лица» (или минимизации потери лица), поскольку они оформляют ситуацию как социально приемлемую форму досуга или заботы о здоровье, снижают конфронтационный потенциал прямого высказывания о пьянстве и перераспределяют ответственность за акт употребления с индивидуально-го выбора на коллективный и ритуализованный сценарий.

Таким образом, результаты сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что эвфемистические номинации алкоголизации в русском и узбекском языках при общей фреймовой организации характеризуются различной культурно обусловленной семантической наполненностью. Дифференциация в распределении когнитивных механизмов и доминирующих образных моделей отражает неодинаковые стратегии концептуализации и вербализации табуированного опыта, что позволяет рассматривать алкогольную эвфемию как маркер национально-культурных установок.

4. Заключение = Conclusions

Проведённое исследование позволило описать эвфемистические номинации алкоголизации в русском и узбекском языках в единой когнитивно-прагматической рамке с опорой на фреймовую семантику, теорию концептуальной метафоры и метонимии, а также концепцию фокусировки и дефокусировки смысла. Реконструкция фрейма ситуации употребления алкоголя показала, что в обеих лингвокультурах его ядро формируют эвфемистические обозначения процесса употребления и состояния опьянения, тогда как номинации напитков, ёмкостей, места и мотивов употребления занимают периферийные позиции. Тем самым подтверждается, что основные усилия эвфемизации сосредоточены вокруг динамики табуированного события и его результативных последствий для субъекта, а не вокруг внешних атрибутов ситуации.

Сопоставление тематических групп продемонстрировало, что при общей фреймовой архитектуре русская и узбекская подсистемы эвфемизмов алкоголизации существенно различаются по степени лексической развернутости и характеру образности. Русский корпус количественно богаче, в нём значительно более полно репрезентирован акторный слот, что проявляется в разветвлённой системе ироничных прозвищ пьющего человека и метафорических наименований алкогольных напитков. Узбекский корпус более компактен и ориентирован преимущественно на описания процесса и состояния, причём фигура пьющего намеренно выводится на периферию, а оценка фокусируется на телесных и психических последствиях опьянения. Это отражает разные культурные сценарии обработки табуированного опыта: в русском — преобладают самоирония и игровое обыгрывание, в узбекском — акцент на разрушительности состояния и жёсткой религиозно-нравственной санкции.

Анализ когнитивных механизмов показал, что в обеих лингвокультурах эвфемизация реализуется через сходный набор процедур метафорической и метонимической деривации, генерализации и семантической «размытости», иронической реноминии и управления смысловым фокусом.

Вместе с тем распределение указанных механизмов по слотам фрейма и выбор доминирующих образов дифференцируются. В русском материале преобладают культурно-мифологические и игрово-ритуальные метафоры, в узбекском — систематически актуализируются телесно-бытовые и религиозно маркированные представления. Можно утверждать, что обе системы демонстрируют управляемое перераспределение фокуса между табуированным ядром и периферийными признаками, однако в русском языке это перераспределение часто сопровождается смеховой переработкой и снижением напряжения, в узбекском — сохраняет более строгий аксиологический вектор и ориентировано на предотвращение открытой стигматизации при одновременном усилении предостерегающего эффекта.

Стилистический анализ подтвердил, что эвфемистические номинации алкоголизации в обоих языках концентрируются преимущественно в зоне разговорно-просторечной и фамильярно-шутливой лексики, тогда как официальный и медийно-нормативный регистр оперирует ограниченным набором относительно нейтральных замен. Это согласуется с когнитивно-прагматической трактовкой эвфемии как механизма гибкого управления смысловым фокусом, который особенно востребован в неформальной коммуникации, где необходимо одновременно обозначить социально неоднозначный опыт и смягчить его оценку. В совокупности полученные результаты позволяют рассматривать алкогольную эвфимию как чувствительный индикатор национально-культурных установок в отношении пьянства, фиксирующий баланс между нормой и девиацией, осуждением и оправданием, табуированием и вербализацией.

Отдельно следует указать на ограниченность эмпирической базы, обусловленную спецификой источников. Анализ опирался преимущественно на словарные фиксации и письменные контексты 2000—2010 годов. Тем самым за пределами рассмотрения остаются наиболее новые слои молодёжного сленга, а также эвфемистические практики, характерные для устной спонтанной речи и цифрового общения. Данное обстоятельство не умаляет полученных результатов, но задаёт важный вектор дальнейших исследований, предполагающий расширение корпуса за счёт современных медийных и устно-разговорных данных и проверку выявленных когнитивно-прагматических закономерностей на более широком материале.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Омонтурдиев А.* Ўзбек тилининг қисқача эвфемик лугати / А. Омонтурдиев. — Тошкент : Фан, 2006. — 135 б.
2. *Сеничкина Е. П.* Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — Москва : Флинта ; Наука, 2008. — 458 с. — ISBN 978-5-9765-0219-2.

Литература

1. *Алексикова Ю. В.* Эвфемия как частный случай синонимии / Ю. В. Алексикова // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2009. — № 6. — С. 261—267.
2. *Алимов Т. Э.* Когнитивно-семантические механизмы эвфемизации бедности в русском и узбекском медийном дискурсе / Т. Э. Алимов, Р. А. Сафина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 183—212. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-183-212.
3. *Бабина Л. В.* Когнитивные основы формирования окказиональных значений сложных слов, образованных по модели N + N / Л. В. Бабина, Д. А. Шепелева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2008. — № 2. — С. 39—50.
4. *Баранова К. М.* Эвфемизация речи на современном этапе развития английского языка / К. М. Баранова, О. В. Афанасьева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2021. — № 1 (41). — С. 32—41. — DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.04.
5. *Басинская М. В.* Эвфемизмы в экологическом дискурсе современного английского языка / М. В. Басинская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — № 4. — С. 1134—1139. — DOI: 10.30853/phil20230179.
6. *Болдырев Н. Н.* Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) / Н. Н. Болдырев, Ю. В. Алексикова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 2. — С. 5—11.
7. *Вавилова Л. Н.* К вопросу об эвфемизации современной русской речи / Л. Н. Вавилова // Русская и сопоставительная филология : системно-функциональный аспект. — Казань : [б. и.], 2003. — С. 40—44.
8. *Ермоленкина Л. И.* Дискурсивная интеграция в коммуникативном пространстве конвергентного радио / Л. И. Ермоленкина // Язык и культура. — 2021. — № 54. — С. 8—24. — DOI: 10.17223/19996195/54/1.
9. *Заботкина В. И.* Когнитивные механизмы эвфемизации манипулятивного характера / В. И. Заботкина, Е. М. Позднякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 55—64. — DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64.
10. *Зверева М. И.* Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.5 / М. И. Зверева. — Санкт-Петербург, 2023. — 164 с.
11. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке : семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 320 с. — ISBN 978-5-9551-0678-6.
12. *Кацев А. М.* Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. — Ленинград : Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, 1988. — 80 с.
13. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. — 1994. — № 1—2. — С. 28—49.
14. *Малюга Е. Н.* Прагматическая пресуппозиция в заголовках англоязычных бизнес-медиа как элемент манипулятивной риторики / Е. Н. Малюга, Г. О. Петросян // Вест-

ник Томского государственного университета. Филология. — 2024. — № 91. — С. 104—130. — DOI: 10.17223/19986645/91/6.

15. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. — Москва : URSS, 2017. — 262 с. — ISBN 978-5-9710-4522-9.

16. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Л. В. Порохницкая. — Москва, 2014. — 45 с.

17. Романов С. И. Лингвокультурологический аспект эвфемизмов русского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. И. Романов. — Тула, 2021. — 175 с.

18. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). — Москва : Наука, 1977. — С. 129—221.

19. Шубина Э. Л. Эвфемизация в рамках миграционного дискурса в немецкой публицистике / Э. Л. Шубина, Р. С. Шелехова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 156—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176.

20. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. — Москва : URSS, 2006. — 360 с. — ISBN 978-5-382-00631-4.

21. Alimov T. E. Structural organization of the euphemistic text of the Uzbek language on the example of the nominative field “O‘lmok” (“to die”) / T. E. Alimov, G. N. Davlatova, K. R. Sultanova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2024. — Vol. 15. — № 4. — Pp. 1128—1147. — DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147.

22. Antipova A. S. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse / A. S. Antipova, M. D. Rabeson, O. V. Smirnova // Training, Language and Culture. — 2021. — Vol. 5. — № 2. — Pp. 73—89. — DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89.

23. Fillmore C. J. Frame semantics / C. J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm : Selected Papers from SICOL-1981. — Seoul : Hanshin Publ., 1982. — Pp. 111—137.

24. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980. — 256 p. — ISBN 978-0-226-46801-3.

25. Malyuga E. N. A functional-pragmatic approach to wealth-related euphemisms study in business discourse / E. N. Malyuga, B. Tomalin // Russian Journal of Linguistics. — 2025. — Vol. 29. — № 3. — Pp. 473—491. — DOI: 10.22363/2687-0088-44130.

Статья поступила в редакцию 06.12.2025,
одобрена после рецензирования 11.04.2026,
подготовлена к публикации 30.04.2026.

Material resources

Omonturiev, A. (2006). *Euphemism of the Uzbek language*. Tashkent: Fan Publ. 135 p. (In Kyrgyz.).

Senichkina, E. P. (2008). *Dictionary of euphemisms of the Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka. 458 p. ISBN 978-5-9765-0219-2. (In Russ.).

References

Alexikova, Yu. V. (2009). Euphemism as a special case of synonymy. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 6: 261—267. (In Russ.).

- Alimov, T. E., Davlatova, G. N., Sultanova., K. R. (2024). Structural organization of the euphemistic text of the Uzbek language on the example of the nominative field “O‘lmok” (“to die”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15 (4): 1128—1147. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147.
- Alimov, T. E., Safina, R. A. Cognitive-Semantic Mechanisms of Poverty Euphemization in Russian and Uzbek Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 183—212. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-7-183-212>. (In Russ.).
- Antipova, A. S., Rabeson, M. D., Smirnova, O. V. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary *Russian socio-cultural media discourse. Training, Language and Culture*, 5 (2): 73—89. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89.
- Babina, L. V., Shepeleva, D. A. (2008). Cognitive foundations of the formation of occasional meanings of complex words formed according to the N + N model. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 39—50. (In Russ.).
- Baranova, K. M., Afanasyeva, O. V. (2021). Euphemization of speech at the present stage of the development of the English language. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*, 1 (41): 32—41. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.41.1.04. (In Russ.).
- Basinskaya, M. V. (2023). Euphemisms in the ecological discourse of modern English. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 16 (4): 1134—1139. DOI: 10.30853/phil20230179. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N., Alexikova, Yu. V. (2010). The cognitive aspect of euphemization (based on the material of the English language). *Questions of cognitive linguistics*, 2: 5—11. (In Russ.).
- Ermolenkina, L. I. (2021). Discursive integration in the communicative space of convergent radio. *Language and culture*, 54: 8—24. DOI: 10.17223/19996195/54/1. (In Russ.).
- Fillmore, C. J. (1982). Frame semantics. In: *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981*. Seoul: Hanshin Publ. 111—137.
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 320 p. ISBN 978-5-9551-0678-6. (In Russ.).
- Katsev, A. M. (1988). *Linguistic taboo and Euphemia*. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. 80 p. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1994). Euphemisms in modern Russian speech. *Russian Studies*, 1—2: 28—49. (In Russ.).
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press. 256 p. ISBN 978-0-226-46801-3.
- Malyuga, E. N., Petrosyan, G. O. (2024). Pragmatic presupposition in the headlines of English-language business media as an element of manipulative rhetoric. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 91: 104—130. DOI: 10.17223/19986645/91/6. (In Russ.).
- Malyuga, E. N., Tomalin, B. (2025). A functional-pragmatic approach to wealth-related euphemisms study in business discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 29 (3): 473—491. DOI: 10.22363/2687-0088-44130.
- Moskvin, V. P. (2017). *Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language*. Moscow: URSS. 262 p. ISBN 978-5-9710-4522-9. (In Russ.).
- Porokhnitskaya, L. V. (2014). *Conceptual foundations of euphemism in language (based on the material of English, German, French, Spanish and Italian)*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 45 p. (In Russ.).

- Romanov, S. I. (2021). *The linguocultural aspect of the euphemisms of the Russian language*. PhD Diss. Tula. 175 p. (In Russ.).
- Shcherbinina, Yu. V. (2006). *Verbal aggression*. Moscow: URSS. 360 p. ISBN 978-5-382-00631-4. (In Russ.).
- Shubina, E. L., Shelekhova, R. S. (2025). Euphemization within Migration Discourse in German Journalism. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 156—176. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-3-156-176>. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1977). Secondary nomination and its types. In: *Language nomination (Types of names)*. Moscow: Nauka Publ. 129—221. (In Russ.).
- Vavilova, L. N. (2003). On the question of the euphemization of modern Russian speech. In: *Russian and comparative philology: a systemic and functional aspect*. Kazan: [b. i.]. 40—44. (In Russ.).
- Zabotkina, V. I., Pozdnyakova, E. M. (2022). Cognitive mechanisms of manipulative euphemization. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 55—64. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64. (In Russ.).
- Zvereva, M. I. (2023). *Euphemisms in modern journalism as indicators of the state of the linguistic environment*. PhD Diss. St. Petersburg. 164 p. (In Russ.).

*The article was submitted 06.12.2025;
approved after reviewing 11.04.2026;
accepted for publication 30.04.2026.*

Информация для цитирования:

Баранникова Т. Б. Лексикографический аспект синонимии в дагестанском языкознании : история вопроса, проблемы и перспективы / Т. Б. Баранникова, Ф. Н. Сулейманова, С. Н. Ханбалаева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 62—85. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-62-85.

Barannikova, T. B., Suleymanova, F. N., Khanbalaeva, S. N. (2026). Lexicographic Aspects of Synonymy in Dagestani Linguistics: Historical Background, Challenges, and Prospects. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 62-85. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-62-85. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лексикографический аспект синонимии в дагестанском языкознании: история вопроса, проблемы и перспективы

Баранникова Татьяна Борисовна^{1,2}

orcid.org/0000-0002-2484-6348

доктор филологических наук, профессор,

¹кафедра английского языка;

²кафедра английской филологии

tatyanabarannikova@mail.ru

Сулейманова Фатимат Назимовна³

orcid.org/0009-0003-8962-947X

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник сектора
русского языка и литературы

fsulejmanova@mail.ru

Ханбалаева Сабина Низамиевна⁴

orcid.org/0000-0002-8142-2074

доктор филологических наук, доцент,

корреспондирующий автор

sabinamgimo@mail.ru

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова (Махачкала, Россия)

² Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия)

³ Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи (Махачкала, Россия)

⁴ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия)

Lexicographic Aspects of Synonymy in Dagestani Linguistics: Historical Background, Challenges, and Prospects

Tatyana B. Barannikova^{1,2}

orcid.org/0000-0002-2484-6348

Doctor of Philology, Professor,

¹Department of English;

²Department of English Philology

tatyanabarannikova@mail.ru

Fatimat N. Suleymanova³

orcid.org/0009-0003-8962-947X

PhD in Philology, Senior Researcher,
Department of Russian Language
and Literature

fsulejmanova@mail.ru

Sabina N. Khanbalaeva⁴

orcid.org/0000-0002-8142-2074

Doctor of Philology, Associate Professor,

corresponding author

sabinamgimo@mail.ru

¹ Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov (Makhachkala, Russia)

² Dagestan State University (Makhachkala, Russia)

³ Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy named after A. A. Takho-Godi (Makhachkala, Russia)

⁴ Moscow State Institute of International Relations (University) Russian Foreign Ministry (Moscow, Russia)

© Баранникова Т. Б., Сулейманова Ф. Н., Ханбалаева С. Н., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается лексикографический аспект синонимических исследований дагестанских языков. Актуализированы основные сложности, возникающие при лексикографической интерпретации синонимов — как в общей лексикографии, так и в дагестанском языкознании, а также намечены подходы к их решению. Ключевой проблемой является недостаток в дагестановедении современных, теоретико-методологически разработанных словарей синонимов. Долгое время единственным подобным трудом оставался «Краткий словарь синонимов лезгинского языка» А. Г. Гюльмагомедова, который нуждается в дополнении и переиздании с учетом изменившейся языковой ситуации. Цель работы — апробирование научно обоснованных подходов к лексикографированию синонимов и подготовка материалов для обновления указанного словаря. Материалом исследования послужили данные современных лексикографических источников, лингвистического эксперимента, авторская и переводная литература, язык СМИ, разговорная речь. Уточняются терминологический аппарат и методика лексикографирования синонимов. Обобщены научные данные, полученные за полувековой период после выхода словаря в 1982 году. Заявлены корректировка существующих и составление новых словарных статей. Доказано, что трудности лексикографической интерпретации синонимов во многом проистекают из нечеткости используемой терминологии и методологии.

Ключевые слова:

синонимия; лексикографический аспект; дагестанское языкознание; словарь синонимов лезгинского языка; методика лексикографирования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper examines the lexicographic dimension of synonymy research in the languages of Dagestan. It highlights the principal difficulties encountered in the lexicographic treatment of synonyms, both within general lexicography and specifically in Dagestani linguistics, and outlines potential approaches to addressing these issues. A key challenge is the lack of up-to-date, theoretically and methodologically developed synonym dictionaries in Dagestani studies, while the only existing work of this kind, A. G. Gyulmagomedov's *Concise Dictionary of Synonyms of the Lezgin Language*, requires supplementation and revision to reflect the current linguistic situation. The aim of this study is to test scientifically grounded methods for the lexicographic representation of synonyms and to prepare materials for the updated edition of the aforementioned dictionary. The research draws on data from contemporary lexicographic sources, linguistic experimentation, original and translated literature, media language, and colloquial speech. The paper clarifies the terminology and methodology for lexicographically documenting synonyms, summarizes scholarly findings accumulated over the half-century since the dictionary's publication in 1982, and proposes revisions to existing entries as well as the creation of new ones. It is demonstrated that many of the challenges in the lexicographic interpretation of synonyms stem from the vagueness of the terminology and methodology currently in use.

Key words:

synonymy; lexicographic aspect; Dagestani linguistics; Lezgin synonym dictionary; methodology of lexicographic documentation

УДК 811.351+ 81'373.421+81'374

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-62-85

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лексикографический аспект синонимии в дагестанском языкознании: история вопроса, проблемы и перспективы

© Баранникова Т. Б., Сулейманова Ф. Н., Ханбалаева С. Н., 2026

1. Введение = Introduction

Синонимическая система дагестанских языков на протяжении уже пяти десятилетий привлекает особое внимание исследователей: А. Г. Гюльмагомедов [Гюльмагомедов, 1982], Т. Б. Баранникова [Баранникова, 2006], З. З. Курбанова [Курбанова, 2016], Х. А. Юсупов [Юсупов, 2021], Д. Ю. Юсуфова [Юсуфова, 2022] и др. Тем не менее синонимия остается недостаточно изученной областью дагестанского языкознания. Одной из причин выступает то, что, несмотря на возросший интерес к исследованию синонимов в русле новых направлений (когнитивной, компьютерной, корпусной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и др.), они продолжают оставаться «горячей точкой» языкознания в целом. Дискуссионными по-прежнему являются определение и классификация синонимов, а также другие базовые понятия теории синонимии [Re-thinking synonymy..., 2010; Белов, 2022; Баранникова и др., 2022 и др.]. Существенным направлением, способствующим углубленному изучению синонимов, представляется лексикографический аспект исследуемого явления, однако вопросы их словарной интерпретации относятся к наименее разработанным как в теории синонимии, так и в лексикографии, и это характерно как для отечественного (см.: [Козырев и др. 2015; Козырев и др., 2021; Бабенко, 2019; Lexicographic Study of Synonymy..., 2021 и др.]), так и для зарубежного языкознания [Gouws, 2012; Kheira et al., 2018; Popović, 2023 и др.].

В связи с вышесказанным подчеркнем, что в синонимических исследованиях дагестанских языков, проводимых зачастую «на глазок», без четкого обозначения теоретико-методологической и методической основы, вопросы инвентаризации и лексикографической разработки синонимов ощущаются наиболее остро, на что обращалось внимание в ряде публикаций [Баранникова, 2006; Юсупов, 2021; Юсуфова, 2022 и др.]. Давно на-

зрела необходимость составления словарей синонимов по всем дагестанским языкам, однако единственным подобным трудом в дагестановедении долгое время до публикации в 2024 году словаря-перечня синонимов даргинского языка [Юсупов, 2024] оставался толково-дифференцирующий «Краткий словарь синонимов лезгинского языка» А. Г. Гюльмагомедова [Гюльмагомедов, 1982], ставший библиографической редкостью. Как отмечал сам автор, составление такого словаря сопряжено со значительными трудностями: «Вообще, составление любого словаря является делом нелегким: автору приходится на ходу решать многие вопросы, которые еще не нашли в языкознании теоретического осмысления. Что касается трудностей, с которыми сталкивался автор при выполнении данной работы, то они поджидали составителя на каждом шагу. Их количество и сложность возрастали прямо пропорционально этапам составления каждой отдельной словарной статьи и завершения работы в целом» [Гюльмагомедов, 1982, с. 137—138]. Особенно сложно разобраться с зоной нормативной сочетаемости синонимов, так как лингвистическая ситуация претерпела изменения за последние 15–20 лет: в лезгинском языке появилось множество заимствований, а валентность некоторых слов расширилась.

2. Материалы, методы, обзор = Materials, Methods, Review

В конкретные задачи настоящего исследования входят: а) уточнение используемой терминологии и методики лексикографирования синонимов; б) подготовка и описание материалов, нацеленных на внесение изменений и дополнений в отдельные синонимические ряды (СР) «Краткого словаря синонимов лезгинского языка», а также в) пополнение его новыми словарными статьями.

Намерение продолжить работу по лексикографированию синонимии лезгинского языка основано, с одной стороны, на изменениях, произошедших за период со времени публикации этого словаря, с другой — на возможности обобщения и практического применения данных, полученных после его выхода в свет в результате проведенных исследований, упомянутых выше. Так, часть лексем, представленных в «Кратком словаре...», устарела в связи со сменой политических эпох (*вождь, класс, революция, ударник* и др.), а также отмечается усиление потока русизмов (через русский язык — и англицизмов) в дагестанских языках, что связано с научно-техническим прогрессом. Источниками дополнительного языкового и иллюстративного материала, помимо вышеуказанных научных исследований, послужили данные словарей, опубликованных в XXI веке (полный список приведен в библиографии). При необходимости эти данные сравнивались с более ранними лексикографическими трудами. Также источ-

никами послужили авторская и переводная литература, язык СМИ, живая разговорная речь и диалектные элементы.

Основной метод инвентаризации материала — выборка из лексикографических источников — был дополнен дефиниционным анализом, структурно-семантическим анализом, сопоставительным методом, компонентным анализом, переводом, контекстуальным анализом, лингвистическим экспериментом, включающим обратный перевод и опрос информантов (представителей различных профессиональных, гендерных, возрастных категорий и выходцев из разных районов Южного Дагестана и Северного Азербайджана), и другими методами, нашедшими применение при разработке фрагментов лезгинско-русского и англо-русского словарей стилистических синонимов [Баранникова, 2006].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исходные позиции в трактовке понятий «синоним», «тип синонима», «стиль», «стилистически маркированная лексика», «стилистический синоним», «нестилистический синоним» и др.

Теоретико-лингвистическая база настоящей публикации построена на логическом подходе к определению и классификации синонимов, разработанном в докторской диссертации Т. Б. Баранниковой [Баранникова, 2006] и прошедшем апробацию в ряде последующих диссертационных исследований по синонимии других языков: чеченского [Абдулазимова, 2012], лакского [Курбанова, 2016], табасаранского [Юсуфова, 2022]. В настоящей работе мы придерживаемся дефиниции на основе логического требования к определению понятия через ближайший род и видовые отличия: «Синонимы — это языковые единицы, называющие один и тот же объект под воздействием как экстралингвистической, так и лингвистической действительности, вступающие в системные отношения субституции и выполняющие коммуникативно-прагматическую функцию» [Баранникова, 2006, с. 13]. В соответствии с внеязыковой / языковой обусловленностью межэлементных отношений, прежде всего отличающей данный класс единиц от смежных и схожих лингвистических объектов [Левицкий, 1988; Баранникова, 2006], были выделены экстралингвистические и лингвистические синонимы; последние подразделены на стилистически окрашенные и стилистически нейтральные; затем в составе стилистических синонимов разграничиваются межстилевые / внутрителиевые синонимы, а нестилистические синонимы в соответствии с критерием взаимозаменяемости подразделяются на структурно-свободные, показывающие высокую степень взаимозаменяемости (так называемые «абсолютные», словообразовательные, аббревиальные и иные виды синонимов), и структурно-связанные,

характеризующиеся низкой степенью взаимозаменяемости (диахронические, диалектные, сочетаемостные и др.) [Баранникова, 2006, с. 15].

Поставленная задача уточнения и дополнения состава имеющегося словаря синонимов лезгинского языка предполагает обозначение исходных позиций по ряду дискуссионных вопросов дифференциации и лексикографической интерпретации стилистически маркированной лексики. Спорными представляются как мнения о целостности и самостоятельности ее отдельных разрядов, так и высказывания об их нивелировании или интеграции. В лингвистике по-прежнему остро стоит проблема разграничения функционально-речевых разновидностей языка, достаточно активно обсуждавшаяся в работах 70—80-х годов XX века, см. труды Т. Г. Винокур [Винокур, 1980], Е. Ф. Петрищевой [Петрищева, 1984], Л. И. Скворцова [Скворцов, 1980] и др. Особую актуальность она имеет для дагестанских языков, лексико-стилистическая система которых остается малоизученной теоретически и фрагментарно дифференцированной в лексикографических источниках.

Основной недостаток большинства лексико-стилистических делений состоит в том, что они производятся на основе одновременного использования различных принципов классификации (сфера употребления, временной параметр, происхождение, пространственные характеристики и проч.), что противоречит требованиям логики. Мы предлагаем определять разряды функционально-стилистической лексики с опорой на общий инвариантный признак, выявленный Ю. С. Степановым в пяти категориальных значениях слова «стиль» (разновидность языка, функциональный стиль, общепринятая манера исполнения типа речевого акта, индивидуальная манера исполнения речевого акта, языковая парадигма эпохи) и заключающийся в «отборе и комбинации наличных языковых средств, их трансформаций» [Степанов, 1990, с. 494]. Данный признак лежит в основе нашего понимания стилистической синонимии как «вторичной номинации объектов, актуальных для определенной функционально-речевой сферы, посредством отбора и трансформации имеющихся языковых средств» [Баранникова, 2006, с. 22].

Исходя из вывода Ю. С. Степанова об исторической изменчивости принципов отбора материальных элементов стиля, мы полагаем, что функционально-стилистическую лексику современных языков следует характеризовать в соответствии со следующими принципами отбора в высказывании: ситуация общения (официальная / неофициальная), социальный престиж референтов (престижный / непрестижный), эстетическая ценность лексической единицы (возвышенная, мин. / макс.; сниженная, мин. / макс.) [Там же]. Сравним синонимический ряд в лезгинском языке: *хизан* «семья», *килфет*, *паб-аял*(ар). В соответствии с указанными принципами отбора синоним *килфет* имеет квалификацию «книжн.» вви-

ду его возвышенной (в минимальной степени) эстетической ценности, уместности употребления в официально-возвышенных сферах общения и неуместности использования в разговорно-неформальном общении, а также предпочтительности его использования при описании референтов, имеющих социально престижные характеристики (например: *килфетдин кыл* «глава семьи»; *еке килфет авайбур квердавай тилимил жезва* «постепенно уменьшается количество тех, у кого большие семьи» [Бабаханов, 2023]). Синоним *наб-аял(ар)*, букв. «жена-ребенок (дети)», определяется как «разг.» вследствие неуместности использования в официальном общении (например, как стилистическая ошибка воспринимается: *Президентди абурун наб-аялдиз Кремльдиз эверна* «Президент пригласил их **семейство** в Кремль»), сниженной (в минимальной степени) эстетической ценности и применения при описании бытовых ситуаций и менее престижных референтов: *и неречли наб-аял авайди яни?* «этот сопляк тоже семейный (букв. «имеющий семью») что ли?». Синоним *хизан* считается стилистически нейтральным, так как он одинаково уместен в официальных и неформальных сферах общения, при описании социально престижных и непрестижных референтов, а также не обладает выраженной эстетической ценностью. Ср.: *Президентди абурун хизандиз Кремльдиз эверна, гыана килфетдин кылиз тебрик авун патал* «Президент пригласил их семью в Кремль, для того чтобы (официально) поздравить главу семейства»; ср. также: *Кведлагайдини, ам наб-аял авай, чранвай, хизандин кыл тир* [ФН] «И во-вторых, он (Михаил Семенович Урди) был семейным (букв. «семью имеющим»), состоявшимся человеком, (целым) главой семьи».

Однако на практике ввиду изменчивости и взаимопроницаемости стилей нередко возникают сложности с чётким определением функционально-стилистического значения исследуемых единиц. Подобная проблема, особенно характерная для так называемых младописьменных языков, была отмечена в конце 70-х годов XX века. Исследователи З. Ю. Кумахова и М. А. Кумахов правомерно связывали ее со спецификой развития функционально-стилевых систем этих языков в рамках общенародного, а не письменно-литературного языка [Кумахова и др., 1979]. На материале дагестанских языков данный аспект практически не изучен.

Решить проблему выделения и дифференциации функционально-стилистической лексики, на наш взгляд, помогает подход, основанный на концепции субъязыков, предложенной в 70—80-е годы XX века Ю. М. Скребневым. Согласно ей, частные языковые системы (субъязыки), обслуживающие определенные речевые сферы, неоднородны по своему составу и включают три класса языковых единиц: абсолютно специфические, относительно специфические, неспецифические (нейтральные) [Скребнев, 1985, с. 22].

Уточняя соотношение понятий субъязыка и стиля, Ю. М. Скребнев использует термин *стиль* для обозначения совокупности признаков, дифференцирующих отдельные субъязыки, то есть абсолютно специфических конstituентов данного языка. На основании выделенных нами признаков стилистической синонимии (активность номинативной деятельности, социальная обусловленность и принадлежность лексических единиц к абсолютно специфическому классу определенного субъязыка) стилистическими синонимами в первую очередь следует признать ряды, содержащие традиционно выделяемые разряды книжной, разговорной, поэтической и просторечной лексики [Баранникова, 2006, с. 21].

Предлагаем квалифицировать синонимические ряды с архаизмами, варваризмами, диалектизмами и терминами, которые также включаются некоторыми лингвистами в состав стилистически маркированной лексики, как лингвистические нестилистические, поскольку они формируются в результате языковых процессов, не связанных с функционально-стилистической дифференциацией языковых средств. При условии же использования архаической или другой единицы из перечисленных выше в качестве средства функционально-стилистической номинации она вступает в иной тип оппозиции со стилистически нейтральным словом и переходит в разряд стилистических синонимов. Проиллюстрируем это примерами. Так, одни устаревшие церковнославянские лексемы, используемые в языке русской поэзии (*длань*, *дщерь* и т. д.) и синонимизирующиеся со стилистически нейтральными номинантами (*ладонь*, *дочь* и т. д.), приобретают характеристики стилистических (поэтических) синонимов, другие же архаизмы, используемые в качестве средства официально-деловой (канцелярской) речи (*проситель* — *податель сего*, *ходатай*) и приобретающие черты терминов, входят в состав стилистических (книжных) синонимов, третьи, остающиеся вне указанных сфер (*тюрьма* — *острог*), образуют ряды нестилистических (диахронических) синонимов. Примечательно при этом, что в близкородственном белорусском языке подобных тенденций использования старославянизмов не отмечается [Абрамова, 1990]. Сравним также с лезгинским языком, являющимся языком иных литературных традиций, в котором устаревшие слова либо переходят большей частью в разряд книжных (*политика* — *сиясат* (книжн.), *культура* — *меденият* (книжн.)), реже — поэтических, либо, вытесняясь из обращения, входят в разряд нестилистических (диахронических) синонимов (*школа* — *мектеб*). Аналогично как к стилистическим, так и к нестилистическим могут принадлежать ряды, содержащие заимствованную лексику, термины, диалектизмы и др. Относительно квалификации рядов, содержащих экспрессивную лексику, в соответствии с проводимой нами концепцией, полагаем,

что она может образовывать как экстралингвистические (*побледневший* — *побелевший* (о лице)), так и лингвистические (стилистические) синонимы (*бледный* — *зеленый* (разг.)).

Следует отметить, что изложенные исходные позиции по ряду основополагающих понятий основаны на фундаментальных методологических принципах — теории познания, логики, диалектической связи теории и метода, языка и мышления, а также социальной обусловленности языка.

3.2. Образцы словарных статей, составленных по собранным материалам

Развивая подход А. Г. Гюльмагомедова, который впервые в дагестанской практике составления словарей использует прием перевода доминанты синонимического ряда на русский язык [Гюльмагомедов, 1982], мы считаем целесообразным не только перевод доминанты, но и представление словарных статей и всех комментариев на русском языке, а иллюстративный материал следует давать в оригинальном и русскоязычном вариантах, чтобы издание стало доступно не только для узкопрофильных специалистов, но и для широкой аудитории.

Например, синонимический ряд с доминантой *врач* описан А. Г. Гюльмагомедовым так:

Врач «врач» — Доктор — Духтур (духтур) — Гьяким

Вичихъ высший образование аваз инсанар сагъар хъийизвай кас (букв. «Имея высшее (медицинское) образование, исцеляющий людей человек»; перевод здесь и далее по тексту (где не указан переводчик и нет сноски) наш. — Т. Б., Ф. С., С. Х.).

1. — (понятийные различия отсутствуют. — Т. Б., Ф. С., С. Х.). 2. *Врач* официальный документа, *доктор* образование авай инсанри, *духтур*, *духтур* гъар йикъан рахунра ишлемишда «*Врач* используется в официальных документах, *доктор* — образованными людьми, *духтур* / *духтур* — в повседневном общении». 3. *Гьяким* куьгъне хъанва «*Гьяким* устарело». 4. — [Гюльмагомедов, 1982] (валентностные, словообразовательные и прочие различия отсутствуют. — Т. Б., Ф. С., С. Х.). Далее идет иллюстративная зона.

На современном этапе развития лезгинского языка, с учетом новой лингвистической ситуации и новых лексикографических данных, эта словарная статья могла бы выглядеть несколько иначе: доминантой ряда (стилистически нейтральным, наиболее употребительным и наименее экспрессивным словом) выступает, по нашему мнению, синоним *духтур*, являющийся фонетически адаптированным вариантом заимствованного из русского языка латинизма *доктор*, ранее считавшийся разговорным (см. выше), а в настоящее время активно вытесняющий доминанту *врач* и свой прототип (то есть лексику *доктор*) и ныне употребляемый во всех стилях

(как в каждодневном общении, так и в публицистическом и художественном дискурсах). Ср.: *Духтурар кьутармишунай «За спасение врачей»* [ДШ]; *Инин почтадин дараматдин вилик, бахтунай хьиз, граф Лев Николаевич Толстойни адан духтур Маковицкийдал зун дуьшуьш хьана* [МЭ] «Перед зданием местной почты, на свое счастье, я встретил графа Льва Николаевича Толстого и его семейного **врача** Маковицкого».

Объем настоящего синонимического ряда может быть расширен за счет таких членов, как *тлебиб*, *жерягь*, *лукьман*, *даьми* (в ряду выделены курсивом). Ср.:

Духтур «врач, доктор» — **врач, доктор, духтир, гьаким, тлебиб, жерягь, лукьман, даьми**

Вследствие внесенных уточнений и добавлений обновленная словарная статья рассматриваемого ряда представлена нами в следующей редакции:

1. **Понятийные (экстралингвистические) различия**, имеющие место между доминантой данного ряда *духтур* и синонимом *жерягь* «лекарь-самоучка, костоправ» [Лезгинско-русский словарь ..., 1966; Селимов, 2001; Гюльмагомедов, 2012; Бабаханов, 2023], используемым также в значении «знахарь» [Акимов, 2017], проходят по линии *дипломированный / недипломированный специалист*: *Гила гзаф жерягьарни пайда хьанва, виликдай абуроз кьадагьа тир, амма гила абуроз инсанриз куьмек гузва* [НШ] «Сейчас стало много **лекарей** (самоучек), раньше они были под запретом, но теперь (они) многим помогают».

2. **Стилистические характеристики**. Синонимы *врач* и *доктор* как уместные преимущественно в официальных сферах общения и при описании социально престижных референтов, обладающие (в минимальной степени) эстетически возвышенной ценностью, квалифицируются нами как «книжн.». Данная стилистическая характеристика находит подтверждение и в ответах информантов, считающих, что *доктор* в современном лезгинском языке употребляется при упоминании о конкретном враче в официальной устной речи либо когда намереваются подчеркнуть уровень профессионализма и говорят о специалисте уважительно. Эта характеристика подтверждается примерами из художественной прозы: *Гатфарин и накамахь Самур округда, михьивилер хуьнин управлениедин начальник, доктор Антон Никифорович Ефимов багьдихь элкьвенвай яргьи айвандал кьекьвейдалай гуьгьуьниз адан са кьиле авай столдихь ацукьна* (К. Меджидов) «В это весеннее утро в Самурском округе, пройдя по обращенному к саду длинному балкону, начальник санитарного управления **доктор** Антон Никифорович Ефимов расположился за столом с одной из его сторон». Сравним также выбранные информантами как наиболее уместные варианты перевода фразы из официальной речи «режим, предписанный больному

врачом»: **докторди** азарлудаз тайинарнавай яшамиш хьунин кьайда / **врачди** азарлудаз тайинарнавай яшамиш хьунин кьайда.

Лексема *лукьман*, зафиксированная А. Г. Гюльмагомедовым [Гюльмагомедов, 2003] и Ю. М. Халиловым [Халилов, 2020] как «устаревшая», в нашей трактовке, как и в трехтомном толковом словаре [Гюльмагомедов, 2012], квалифицирована как «поэт». О приобретении данной единицей качества средства функционально-стилистической номинации в сфере поэзии, на наш взгляд, могут свидетельствовать ее отмеченность образной коннотацией (образность связана с древними представлениями, отраженными в устаревшем значении слова — «чародей» [Лезгинско-русский словарь ..., 1966; Словарь арабских и персидских заимствований ..., 2001]) и максимально возвышенная эстетическая ценность, как и употребительность при описании социально престижных референтов: *Пертвилизни лукьман я вун* (А. Ашурагаев), букв. «Даже ярости **целитель** ты». Аналогичным образом к поэтическим синонимам анализируемого ряда нами относится и устаревшая единица *тлебиб* [Гюльмагомедов, 2003; Гюльмагомедов, 2012]. Например: *Абдугьамид, устад гьабиб, жуван кьадар-кьисмет течиз, / Куьз дердиниз тежез тлебиб, яд сунадихь ишезва вун?* [ЧИА] «Дорогой мастер Абдугамид, своей не ведая судьбы, / Зачем с неутолимой печалью (букв. не находя **избавителя от горя**, то есть **целителя**) о чужой красавице тоскуешь ты?».

Относительно синонима *духтур* отметим, что он по-прежнему сохраняет разговорно-просторечный оттенок, это подтверждается предпочтительностью выбора данного члена СР в бытовых ситуациях информантами различных профессиональных, гендерных и возрастных категорий: *духтурдиз алад* «сходи к врачу». Употребление небольшой частью опрошенных вариантов *духтурдиз вач / алад* или *врачдин патав вач*, на наш взгляд, свидетельствует как о незавершенности процесса стилистической нейтрализации в речи современных носителей ранее разговорного синонима *духтур*, так и о приобретении официально-книжной окраски синонимом *врач*.

3. Происхождение и возраст синонимов. Арабские заимствования *гьаким* (высок.) в значении «врач», *жсерягь*, а также *даъми*, квалифицируемые как «устаревшие» [Халилов, 2020], отнесены нами к архаическим (диахроническим) синонимам, так как в качестве средств функционально-стилистической номинации в тех или иных функционально-речевых сферах в нашем материале они не встретились. Устаревшие лексемы *лукьман* и *тлебиб*, которые тоже являются арабизмами [Словарь арабских и персидских заимствований ..., 2001; Гюльмагомедов, 2012], образуют ряды стилистических синонимов.

4. Языковые нестилистические различия. Диахронические синонимы-заимствования *гьаким*, *жсерягь*, *даъми* отличаются в анализируемом

ряду, соответственно, меньшей частотностью и ограниченной сочетаемостью по отношению к лексическим единицам, обозначающим новые объекты и современных референтов (например: перевод фразы «главный врач новой больницы» с использованием синонимов *гъаким, жерягъ, даъми* — «Цийи азарханадин / больницадин килин гъаким (или жерягъ / даъми)» — воспринимается как стилистическая погрешность).

Что касается внутрстилевой синонимической пары *доктор* — *врач*, то ее члены, не обладая семантическими и стилистическими различиями, показывают некоторые **валентностные особенности**. При уважительном обращении к врачу (пол не имеет значения) употребляется синоним *доктор (духтур)* в позиции после имени и без указания фамилии: *Мурсал доктор / духтур, Фаизат доктор / духтур, а не Мурсал врач, Фаизат врач; ср.: Уъкуьнин хийиар, Мурсал духтур* «Доброе утро, доктор Мурсал».

Помимо указанных членов СР, поясним относительно лексемы *медик*, зафиксированной в словаре М. М. Гаджиева в значении «врач» — **медик** (1. доктор. 2. студент, обучающийся медицине) [Гаджиев, 1950]), что в современных словарях, на которые мы опираемся в данном исследовании, эта лексема не представлена, однако добавим, что она, хотя и не часто, но употребляется в речи (преимущественно — в публицистике) в обобщающем значении «медицинский работник, лицо медицинской профессии», то есть выступает скорее гиперонимом по отношению к членам рассматриваемого ряда (по этой причине она и не включена в него): *Яру Армиядин сагъламвилин къаравулда акъвазнавай медикрин 46 процент дишегъляр тир* [НИ] «Среди **медицинских работников**, стоявших на страже здоровья Красной Армии, 46 % составляли женщины»; *Ички галачир уьмуьр патал **медикрихъ** галаз санал спортивный общественностни женгиник экеч* [Ун *важиблу* я [ИС] «Важно, чтобы спортивная общественность тоже вместе с **медиками** вступила в борьбу за жизнь без алкоголя».

Аналогичные добавления могут быть внесены в синонимический ряд (7 слов, данных А. Г. Гюльмагомедовым) к слову *аллагъ* «аллах», он был дополнен еще четырьмя лексемами: *Зулжалал, Аллагътаала, Цававайди, Фелек*. Таким образом, теперь этот ряд может насчитывать 11 лексем:

Аллагъ «аллах, бог» — **Гъуц(ар), Халикъ, Худа, Первердигар, Агъа, Ребби / рабби, Зулжалал, Аллагъ Таала (Аллагътаала) / Таала, Цававайди / Цавараллайди, Фелек**.

Среди характеристик членов синонимического ряда А. Г. Гюльмагомедов указал на отсутствие понятийных, стилистических и прочих различий, отмечена была только их архаическая окраска. Анализ современного состояния функционально-стилевой системы лезгинского языка, многолетние наблюдения за происходящими в ней изменениями, сопоставление

материалов в современных словарях и нестандартизированные опросы информантов (при решении вопросов, касающихся определения стилистической маркированности членов СР, мы полагались главным образом на мнение информантов-филологов) позволили нам выявить у членов рассматриваемого ряда определенные различия. Ср.:

1. **Понятийные (экстралингвистические) различия.** Синонимы *гъуцар*, *аллагъар* (только во множественном числе) в значении «божества» употребляются при описании референтов домонотеистического периода: *Ал-Лат*, *Ал-‘Узза ва гъакI Манат — исламдилай виликан девиррин диши гъуцарин тIварар* [МП] «Ал-Лат, Ал-Узза, а также Манат — имена богинь доисламского периода»; *Чи аллагъар виликра къудратлу гъуцар тир* (З. Ризванов) «Наши **боги** прежде были могущественными **божествами**». Все остальные члены СР имеют форму множественного числа, но, как правило, в таковой не употребляются.

2. **Стилистические характеристики.** Полагаем, что в современной языковой ситуации ввиду высокой социальной престижности референта данного ряда (*Аллах*) все его члены обладают возвышенной эстетической ценностью и подвергаются в процессе функционирования определенной дифференциации. Так, члены СР *ребби* / *рабби*, *Аллагъ-Таала* (*Аллагътаала*) / *Таала*, помимо религиозного, встречаются в художественном, публицистическом и народно-разговорном стилях и начинают приобретать соответствующие функционально-стилистические ореолы. Ср.: *Я Ребби, вуч ятIа зи тахсир, гунагъ?* [ТIЭ] «О **Аллах**, в чем же моя вина, (мой) грех?». *Эй, рабби худа, вун гъахъ язава «О Боже, ты справедлив»* [Нагиев, 2011].

Синонимы же *халикъ*, *худа*, *первердигар*, *Агъа*, *Зулжалал* составляют главным образом элементы фольклорных и художественных текстов и за пределами фольклора и авторской литературы почти не употребляются. Их максимально возвышенная эстетическая ценность дает нам основания для квалификации этих членов СР в качестве поэтизмов. Ср.: *Дуъзарай вун худади вичи* [НШ] «Пусть тебя сам **бог** поправит» (недоброе пожелание); *И фана дуъньяда жедай къван крар / Халикъ Зулжалалдин фарман язава* (Рухун Магъмуд) «В этом бренном мире все, что ни случается, / Происходит по указу **Бога Зуль-Джаляля**». *Вири шейэрин Халикъ, / Гъар са мазрукъдин разикъ, / Гъам магъбудвилiz лайих, / Агъа, тек сад вун я хъи* «Всех вещей **Создатель**, / Каждого нуждающегося (в хлебе) кормилец, / Также поклонения достойный, **Боже**, лишь ты один!» [ЕЭ]. Примечательно, что некоторые члены представленного ряда могут образовывать внутрителисье связи и заменять друг друга в выражениях типа *Халкъ авур Сад Аллагъ* (*Сад Илагъи*) / *Первердигар / Халикъ / Худа* «Создатель», хотя писатели нередко выбирают сочетание *Халкъ авур Халикъ* («Сотворивший Созда-

тель» — в таких выражениях обычно с прописной буквы), предположительно, из-за игры слов. *Первердигарди* (можно также заменить на *Сад Аллагьди / Худади / Халикьди*) *чи уьмуьр абад авурай* «Создатель нашу жизнь да благоустроит»; *Шукур хьу(ра)й Ваз, чаз шафакъат устадар / Авай аям халкь авур, Сад Илагь!* «Хвала тебе, единый Бог, сотворивший для нас время, в котором есть учителя-заступники» [МК].

Обратим также внимание на лексико-семантический вариант словарной единицы *фелек* — 2) «бог» [Лезгинско-русский словарь ..., 1966], семантически связанный с передаваемыми в 1-м значении мифологическими представлениями («небесная сфера, небесный свод» [Там же]): в домонотеистический период так называли бога Небосвода, олицетворявшего судьбу, рок, фортуна [Нагиев и др., 2008]. Слово по сей день сохраняет все указанные значения, сравним: в астрономии — «небесный свод / купол, небесная сфера» [Лезгинско-русский словарь ..., 1966; Халилов, 2020; Бабаханов, 2023]; «небеса» (то есть *божественные силы*. — прим. Т. Б., Ф. С., С. Х.); «судьба, участь, рок, удача» [Акимов, 2017; Халилов, 2020]: *фелекди чин тагун / элкьуьрун* «судьба / удача отвернулась / небеса отвернулись»). А. Г. Гюльмагомедов [Гюльмагомедов, 2003; Гюльмагомедов, 2012] считал возможным квалифицировать *фелек* в значении «бог» как поэтизм, что совпадает и с проводимой нами концепцией.

3. Происхождение и возраст синонимов. *Аллагь* (араб.), *гьуи*(ар) (устар., язык.), *халикь* (араб., устар.), *худа* (перс., устар.), *первердигар* (перс., устар.), *ребби / рабби* (араб., устар.). Наряду с отмеченными лексемами, устаревшими можно считать также тюркизм *Агъа* [Гюльмагомедов, 1982; Гюльмагомедов, 2003] и арабизм *Зулжалал* [Гюльмагомедов, 1982]. *Аллагь-Таала (Аллагьтаала) / Таала* (араб.) [Селимов, 2001; Гюльмагомедов, 2003], *фелек* (араб.) [Словарь арабских и персидских заимствований ..., 2001; Гюльмагомедов, 2012]. Как было отмечено выше, в современных условиях активизации использования данной заимствованной и устаревшей лексики в различных дискурсах происходит изменение и расширение процесса ее синонимизации.

4. Языковые нестилистические различия. Нестилистические синонимы могут быть представлены на примере диалектизма *Цававайди*, букв. «в Небе существующий», и синонима *Цавараллайди* «в Небе сущий», букв. «на Небесах находящийся»: *И йикъара чун самаса кардали алапат жезва: дуьньяда тлугъвал (пандемия) гьатнавайла, диндин гьевчи-чехи фекъийри Цававайдавай мергьамет тлалабзавач ...* [КъА] «В наши дни удивляет еще другое: в то время как мир охвачен пандемией, священнослужители всех рангов у Всевышнего милости не просят ...». Вместе с тем считаем возможным предположить, что из-за ограниченной валентности

обоих синонимов (встречаются преимущественно в народно-разговорном стиле, реже — в публицистике) они могут со временем образовать и иной тип синонимической связи в качестве разговорных синонимов.

Следует также добавить, что слова *уру*, *къадир*, зафиксированные в «Кратком (неполном) словаре древнелезгинских слов» со значением «Господь», являются устаревшими и в настоящее время не употребляются. По этой причине они не были включены в приведенный синонимический ряд [КСДС]. *Къадир* в современном лезгинском языке означает «ценность, значимость, значение».

В соответствии с принципами отбора, упомянутыми выше, нам представляется целесообразным дополнить «Краткий словарь синонимов лезгинского языка» рядом новых статей. В частности, были отобраны, составлены и описаны ряды со следующими доминантами: *адаватлу* «справедливый», *ажайб* «удивительный», *азарлу* «больной», *азиз* «милый», *азим* «много», *айру* «особенный», *алакъун* «способность», *ашкара* «очевидный», *гагъ* «иногда, порой, временами», *дегълиз* «коридор», *ими* «дядя» (со стороны отца), *кланиди* «любимая», *ламу* «влажный», *мани* «песня, мотив», *надинж* «шаловливый», *партал* «одежда», *саягъ* «способ», *синих* «недостаток», *чуклул* «нож», *якъин тир* «достоверный», *ялтах* «лестец» и др.

Приведем пример описания:

Азарлу (уъзурлу) «больной, нездоровый, не имеющий здоровья» — *начагъ, нахуш, сагъсуз, нефинж, кефсуз, хенек, хесте / хаста, кефи квачир(ди) / кефи авачир(ди), мерез хъанвай(ди), шулу*.

1. Понятийные (экстралингвистические) различия. Кроме объединяющего все эти лексемы значения «больной», некоторые из них имеют дополнительные семантические оттенки. Так, считаем необходимым дать в приведенном синонимичном ряду следующие словосочетания (по степени усиления признака): *кефи квачир(ди) / кефи авачир(ди)* «(тот,) которому нездоровится», *мерез хъанвай(ди)* «пораженный тяжелым / смертельным недугом, умирающий».

2. Стилистические различия. В трехтомном толковом словаре [Гюльмагомедов, 2012] лексеме *хесте* присвоена помета «поэт.». Проведенный нами анализ также показал, что синонимы *нахуш, хесте* встречаются чаще в художественных (в большинстве своем поэтических) текстах при описании социально престижных референтов, экспрессивно маркированы (передают различные степени интенсивности заболевания) и характеризуются максимальной эстетически возвышенной ценностью, что позволяет квалифицировать их как поэтические синонимы:

Яргъа ава завай а руш, / Такваз, зи чан хъанва нахуш (Агъмад Зиядов) — букв. «Вдали от меня та девушка, / Не видя (её), моя душа заболела

(букв. стала **больной**)»; *Заз ван хъана, вун я лугъуз нахуш гъал, / Хабар це заз ви дердин дармандикай* [Агъ] — букв. «Я слышал, что ты **больна**, / Сообщи мне о лекарстве от твоего горя»;

Зун я хесте, Вун я Лукъман: Зи дердиниз ая дарман [ХТ] — «Гнетёт меня один **недуг** (букв. «Я **больна**)», / Мне лекарем будь, добрый друг» (перевод Б. Нифтиевой).

Относительно синонима *начагъ* «больной», не имеющего стилистических помет в большинстве словарей, внесем ясность: ввиду того, что он встречается в нашем материале при обозначении социально престижных референтов в официальных ситуациях общения и отличается минимально возвышенной эстетической ценностью, мы склонны квалифицировать его как «книжн.». Например: «... *Чи фикирдалди, ихътин серенжемди «вейпар» себеб яз начагъ жезвай агъалийрин къадар тлимил хъуниз таъсирда*», — *къейднава С. Меликова РФ-дин Госдумадиз рекъе тунвай чарче* [АМ] — «Считаем, что такая мера повлияет на снижение количества жителей (республики), заболевших (букв. **больными становящихся**) из-за употребления вейпа», — пояснил С. Меликов в направленном в Госдуму РФ письме». Ср. также:

Начагъ я дуьнья, кесиб хъыз кармашзавай азарди (З. Кафланов) — букв. «**Болен** мир, как бедняк, которого замучила болезнь».

К стилистическим синонимам следует отнести и представленную в «Лезгинско-русском словнике» К. Х. Акимова [Акимов, 2017] словарную единицу *шулу* — «*больной, слабый*» со значением «больной», так как, по нашим наблюдениям, она употребляется в основном по отношению к животному миру (народно-разг.), реже — как более стилистически сниженное, пренебрежительное — к человеку, поэтому квалифицируется нами как просторечие.

3. Происхождение и возраст синонимов. *Азарлу* (*уъзуьрлу*) является иранским заимствованием, из иранских языков пришли также слова *нахуш* (перс.), *хесте* / *хаста* (перс.), *хенек* (иранизм) и полукалька *мерез* (уст., перс. «тяжелый недуг» [Селимов, 2001]) *хъанвай(ди)*. *Начагъ* — персидско-арабское; *сагъсуз* и *кефсуз* — арабско-тюркские заимствования, словосочетание *кефи* (араб.) *квачир(ди)* / *авачир(ди)* тоже является полукалькой. Иноязычные заимствования *нахуш*, *хесте* приобретают в лезгинском языке, как видим, характеристики стилистических (поэтических) синонимов, *начагъ* — книжное; устаревшее заимствование *мерез* в составе словосочетания *мерез хъанвай(ди)* относится к понятийным (экстралингвистическим) синонимам; *сагъсуз* и *кефсуз*, остающиеся вне указанных речевых разновидностей использования, образуют ряды нестилистических (словообразовательных) синонимов.

4. **Языковые нестилистические различия** синонимов ряда обусловлены прежде всего их несходными **словообразовательными** характеристиками. Считаем важным пояснить эти различия: слово *азарлу* (*уьзуьрлу*) образовано от ираноязычной лексемы *азар* / *уьзуьр* со значениями «болезнь, недуг» (перен. «мучение, страдание») [Словарь арабских и персидских заимствований ..., 2001; Селимов, 2001] при помощи продуктивного суффикса прилагательного *-лу*, проникшего в лезгинский язык из тюркских языков [Султанова и др., 2015]. *Начагъ* складывается из персидской приставки *на-* со значением «не» и арабской лексемы со значением «здоровый» [Словарь арабских и персидских заимствований ..., 2001]. *Кефсуз* состоит из искаженного арабского корня *кайф* со значениями «наслаждение», «довольствие», «хорошее расположение духа» [Селимов, 2001] и тюркского суффикса *-суз* «без», первый компонент словосочетания *кефи квачир(ди)* / *авачир(ди)* тоже образован от арабского корня со значением «состояние дел» [Словарь арабских и персидских заимствований ..., 2001]. По такому же принципу (араб. корень [Там же] + тюрк. суфф.) образовано и слово *сахъсуз*. Несмотря на различное происхождение аффиксов вышеприведенных синонимов, они обладают высокой степенью взаимозаменяемости.

Сочетаемостьные особенности. Лексема *азарлу* используется и в переносном значении: *Азарлу Ватан* (Слтал Мислимаг) — «Нездоровая Родина» (речь идет о некоторых процессах в обществе), что неприемлемо, к примеру, для синонимов *кефсуз*, *нефинж*, *хенек* в данном контексте, а синонимы *сахъсуз* и *начагъ* удачно сочетаются с лексемой *Ватан* (*Сагъсуз / Начагъ Ватан* — «Нездоровая Родина») и, на наш взгляд, способны заменить первоначальное — *Азарлу Ватан*. А синонимы *сахъсуз*, *кефсуз*, *нефинж*, *хенек*, *начагъ* взаимозаменяемы в словосочетании *сахъсуз (кефсуз / нефинж / хенек / начагъ) гьал* — «больной (или болезненный) вид».

Такой нам видится микроструктура словарных статей приложения к «Краткому словарю синонимов лезгинского языка». В соответствии с предлагаемой легендой нами проведено развёрнутое описание синонимических рядов с доминантами *духтур* «врач, доктор», *аллагъ* «аллах, бог», *азарлу* «больной, нездоровый».

4. Заключение = Conclusion

Подводя итоги проведенного исследования, резюмируем, что, несмотря на значительный полувековой интерес дагестанских лингвистов к изучению синонимии местных языков, вопросы инвентаризации и лексикографирования синонимов, способствующие их систематизации и более углубленному исследованию, продолжают оставаться наименее разрабо-

танными. Причины сложившейся ситуации мы видим прежде всего в нечеткости терминологии и методики лексикографирования.

В настоящей работе (вследствие предварительной попытки уточнения базовой и сопутствующей терминологии, а также методических основ лексикографической интерпретации синонимов) обобщены научные и фактологические данные, полученные после выхода «Краткого словаря синонимов лезгинского языка» А. Г. Гюльмагомедова (1982), разработаны материалы для дополнения и расширения указанного словаря новыми статьями.

Полагаем, что проведенная работа, содержащая некоторые идеи и материалы, вносит определенный вклад в развитие лексикографирования синонимов в дагестанском языкознании. Настоящее исследование носит экспериментальный характер и, возможно, содержит некоторые неточности, поэтому мы готовы к адекватному восприятию критики и открыты к сотрудничеству, так как считаем, что это поможет нам сделать новый шаг — более четко наметить перспективы дальнейшего исследования и реализовать их.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АГъ — *Ахцегъ Гъажи*. Заз ван хъана... («Слышал...») [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.lezgichal.ru/node/728> (дата обращения 31.10.2025).
2. *Акимов К. Х.* Лезгинско-русский словник / К. Х. Акимов. — Махачкала : Мавел, 2017. — 400 с. — ISBN 978-5-9907953-8-5.
3. АМ — *А. Магъмудов*. Къадагъа авун теклифзава («Предлагаем запретить») [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://lezgigazet.ru/?nationals=kadaga-avun-teklifzava> (дата обращения 24.10.2025).
4. *Бабаханов М. Б.* Лезгинско-русский словарь [Электронный ресурс] / М. Б. Бабаханов. — 2023. — Режим доступа : <https://lezgikim.narod.ru> (дата обращения 17.12.2024).
5. *Гаджиев М. М.* Русско-лезгинский словарь / М. М. Гаджиев ; под ред. Г. А. Аликберова. — Махачкала : Издательство Дагестанского филиала АН СССР, 1950. — 965 с.
6. *Гюльмагомедов А. Г.* Краткий словарь синонимов лезгинского языка / А. Г. Гюльмагомедов. — Махачкала : [б. и.], 1982. — 148 с.
7. *Гюльмагомедов А. Г.* Словарь лезгинского языка [Электронный ресурс] / А. Г. Гюльмагомедов. — Махачкала, 2003. — Режим доступа : https://lezgikim.narod.ru/Pages/Biblioteka_Slovari.html?ysclid=mhqu10w9np872746282 (дата обращения 11.08.2025).
8. *Гюльмагомедов А. Г.* Словарь лезгинского языка : в 3 т. / А. Г. Гюльмагомедов. — Махачкала : ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. — 698 с. — ISBN 978-5-94434-201-0.
9. ДШ — *Д. Шерифалиев*. Духтурар къутармишунай («За спасение врачей») [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://lezgigazet.ru/?nationals=duhturarkutarmishunaj> (дата обращения 04.04.2025).

10. ЕЭ — *Етим Эмин*. Рабби («Всевышний») // Лезги газет. — 2018. — № 5 (1 февраль). — 4 с.
11. ИС — *И. Садуллаева*. Ичкини спорт сад-садахъ галаз къдач («Алкоголь и спорт друг с другом не сочетаются») / И. Садуллаева // Кюринские известия. — 2011. — № 7 (25 февраль).
12. КСДС — *Краткий* (неполный) словарь древнелезгинских слов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://alpania-mez.ucoz.org/load/fajly/lezginskaja_biblioteka/slovar_drevnelezginskikh_slov/11-1-0-134 (дата обращения 26.02.2026).
13. КъА — *Къ. Акимов* Лезги гыкаядин алем («Мир лезгинского рассказа»). — Магъачкъала : Мавел, 2023. — 144 с.
14. *Лезгинско-русский словарь* / сост. Б. Б. Талибов, М. М. Гаджиев ; под ред. Р. Гайдарова. — Москва : Советская энциклопедия, 1966. — 603 с.
15. МК — *М. Кюреви*. Етим Эмин (1840–1880) / М. Кюреви. — Москва : Азбука–2000, 2020. — 23 с.
16. МП — *Мугаммад* Пайгъамбардин уьмуьрдай («Из жизни Пророка Мухаммеда») [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://lezgigazet.ru/?nationals=mugammad-rajambardin-umurdaj-2> (дата обращения 20.10.2025).
17. МЭ — *М. Эфендиев*. Заз Лев Толстой ва адан хзан чидай (Я знал Льва Толстого и его семью) / пер. Г. Магомедшерифова. — Переизд. на лезгинском и русском языках. — Дербент : [б. и.], 2024. — 203 с.
18. *Нагиев Ф. Р.* Меридианы жизни и концепция мысли / Ф. Р. Нагиев. — Махачкала : Деловой мир, 2011. — 146 с.
19. НИ — *Н. Ибрагимов*. Лацу халат алайбурун игитвилер («Подвиг людей в белых халатах») [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://lezgigazet.ru/?nationals=laczu-halat-alajburun-igitviler> (дата обращения 22.09.2025).
20. НШ — *Н. Шихнабиев*. Жерягъ («Костоправ») [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://proza.ru> (дата обращения 10.03.2025).
21. *Селимов А. А.* Словарь ориентализмов лезгинского языка / А. А. Селимов. — Махачкала : ДГПУ, 2001. — 544 с.
22. *Словарь* арабских и персидских заимствований в лезгинском языке / сост. С. М. Забитов, И. И. Эфендиев. — Махачкала : [б. и.], 2001. — 174 с.
23. ТГЭ — *Тагъиржал*. Эмиралы Лугъуз-лугъуз... (стихотворение о любви) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.lezgichal.ru/node/820> (дата обращения 05.05.2025).
24. ФН — *Ф. Нагиев*. Терсепулда йиф (Ночь в Терсепуле). Повести и рассказы. — Махачкала : Даггиз, 1996. — 240 с.
25. *Халилов Ю. М.* Лезги ч'аланни азербайжан ч'алан гафалаг / Ю. М. Халилов. — Баку : [б. и.], 2020. — 503 с.
26. ХТ — *Хрюг Тагир*. Одна девушка журавлю (Са руша дурнадиз) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://stihi.ru/2017/10/29/11472?ysclid=mh44orq0qo747511600> (дата обращения 23.10.2025).
27. ЧА — *Чилихъ Абдулгъамид*. Яд сунадихъ ишезва вун («О чужой красавице тоскуешь ты») / [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.lezgichal.ru/node/723> (дата обращения 18.02.2025).
28. *Юсупов Х. А.* Словарь синонимов даргинского языка (около 12500 синонимов) / Х. А. Юсупов. — Махачкала : Алеф, 2024. — 812 с. — ISBN 978-5-00212-577-7.

Литература

1. *Абдулазимова Т. Х.* Синонимы и синонимические отношения в лексике чеченского языка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / Т. Х. Абдулазимова. — Махачкала, 2012. — 19 с.
2. *Абрамова Е. И.* Параллельные синонимические ряды в русском и белорусском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. И. Абрамова. — Минск, 1990. — 18 с.
3. *Бабенко Л. Г.* Проект словаря синонимико-антонимических комплексов: проблемы лексикографической интерпретации типовой семантики и пути их решения / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 42—60. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-42-60.
4. *Баранникова Т. Б.* Стилистическая синонимия в лексике разносистемных языков : лезгинского, русского, английского : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.20 / Т. Б. Баранникова. — Махачкала, 2006. — 38 с.
5. *Баранникова Т. Б.* Проблема перевода синонимов : логико-типологический подход / Т. Б. Баранникова, С. Х. Битокова, С. Н. Ханбалаева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 32—54. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-32-54.
6. *Белов В. А.* Когнитивные основания лексической синонимии имен существительных / В. А. Белов // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2022. — Т. 8. — № 2. — С. 3—23. — DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-1.
7. *Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. — Москва : Наука. 1980. — 237 с. — ISBN 978-5-9765-2203-9.
8. *Козырев В. А.* Синонимическая лексикография: традиции и тенденции развития / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2015. — № 1 (62). — С. 32—38.
9. *Козырев В. А.* Синонимические словари: пространство выбора / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. — 2021. — № 1 (1). — С. 8—21. — DOI: 10.34680/VERBA-2021-1(1)-8-21.
10. *Кумахова З. Ю.* Функциональная стилистика адыгских языков / З. Ю. Кумахова, М. А. Кумахов. — Москва : Наука, 1979. — 359 с.
11. *Курбанова З. З.* Лексические синонимы лакского языка в сопоставлении с русским и английским : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / З. З. Курбанова. — Махачкала, 2016. — 22 с.
12. *Левицкий В. В.* Типы лексических микросистем и критерии их различия / В. В. Левицкий // Научные доклады высшей школы: филологические науки. — 1988. — № 5. — С. 66—73.
13. *Нагиев Ф. Н.* Теонимы в лезгинской лексике / Ф. Н. Нагиев, Р. Ф. Нагиев // Народы Дагестана. — 2008. — № 2. — С. 57—60.
14. *Петрищева Е. Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. — Москва : Наука, 1984. — 222 с.
15. *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи / Л. И. Скворцов ; отв. ред. Ф. П. Филин. — Москва : Наука, 1980. — 352 с.
16. *Скребнев Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев ; под ред. О. Б. Сиротининой. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1985. — 210 с.
17. *Степанов Ю. С.* Стил / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 494—495.

18. Султанова А. В. Сопоставительный анализ аффиксального словообразования имен прилагательных в лезгинском и английском языках / А. В. Султанова, А. С. Алисултанов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2015. — № 3. — С. 73—77.

19. Юсупов Х. А. Словарь синонимов даргинского языка : проблемы словника и структуры словарной статьи / Х. А. Юсупов // Вопросы современной дагестанской лексикологии и лексикографии : сборник статей / Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. — Махачкала : Алеф, 2021. — Выпуск I. — С. 108—115.

20. Юсуфова Д. Ю. Лексическая синонимия в разносистемных языках : табасаранском, русском, английском : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Д. Ю. Юсуфова. — Мытищи, 2022. — 28 с.

21. Gouws R. Synonymy and synonyms in Lexicography / R. Gouws // *Jahrbuch für Lexikographie*. — 2012. — Vol. 28 (1). — Pp. 307—333. — DOI: 10.1515/LEXI.2012-0016.

22. Kheira B. D. Distinctive Synonymy in Translation Dictionaries / B. D. Kheira, A. B. Belkaid // *International Journal of Academic Research and Reflection*. — 2018. — Vol. 6. — № 3. — P. 48.

23. *Lexicographic Study of Synonymy: Clarifying Semantic Similarity between Words* / Gulnara Gimaletdinova, Liliia Khalitova, Valery Solovyev, Vladimir Bochkarev // *Computación y Sistemas*. — 2021. — Vol. 25. — № 3. — Pp. 667—675. — DOI: 10.13053/CyS-25-3-4028.

24. Popović A. H. Synonymy from a Prototype Theory Perspective and its Symbiosis with Polysemy : Towards a New Dictionary of Synonyms / A. H. Popović // *Lexikos*. — 2023. — Vol. 33. — Pp. 1—23. — DOI: doi.org/10.5788/33-1-1773.

25. *Re-thinking synonymy : semantic sameness and similarity in languages and their description*. — Helsinki : [b. i.], 2010. — 105 p.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025,
одобрена после рецензирования 18.03.2026,
подготовлена к публикации 02.05.2026.

Material resources

AG — Akhtseg' Gyazhi. *Zaz van khiana...* ("I heard..."). Available at: <https://www.lezgichal.ru/node/728> (accessed 31.10.2025). (In Lezg.).

Akimov, K. Kh. (2017). *Lezgin-Russian dictionary*. Makhachkala: Mavel. 400 p. ISBN 978-5-9907953-8-5. (In Russ., Lezg.).

AM — A. Magmudov. *Kadag'a avun teklifzava* ("We propose to ban"). Available at: <https://lezgigazet.ru/?nationals=kadaga-avun-teklifzava> (accessed 24.10.2025). (In Lezg.).

Babakhanov, M. B. (2023). *Lezgin-Russian dictionary*. Available at: <https://lezgikim.narod.ru> (accessed 17.12.2024). (In Russ., Lezg.).

CHIA — Ch'ilikh Abdulgamid. *Yad sunadikh ishezva vun* ("You cry about someone else's beauty"). Available at: <https://www.lezgichal.ru/node/723> (accessed 18.02.2025). (In Lezg.). *Dictionary of Arabic and Persian borrowings in the Lezgin language*. (2001). Makhachkala: [b. i.]. 174 p. (In Russ., Lezg.).

DSh — D. Sherifaliev. *Dukhturar kutarmishunai* ("For saving doctors"). Available at: <https://lezgigazet.ru/?nationals=duhturar-kutarmishunaj> (accessed 04.04.2025). (In Lezg.).

EE — Etim Emin Rabbi ("The Most High"). (2018). *Lezgi newspaper*, 5: P. 4. (In Lezg.).

- FN — F. Nagiyev. *Tersepulda yif (Night in Tersepul). Novels and stories.* (1996). Makhachkala: Daggiz. 240 p. (In Lezg.).
- Gadzhiev, M. M. (1950). *Russian-Lezgin dictionary.* Makhachkala: Publishing house of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences. 965 p. (In Russ., Lezg.).
- Gaidarov, R. (ed.). (1966). *Lezgin-Russian dictionary.* Moscow: Sovetskaya Encyclopedia. 603 p. (In Russ., Lezg.).
- Gyulmagomedov, A. G. (1982). *Brief dictionary of synonyms of the Lezgin language.* Makhachkala: [b. i.]. 148 p. (In Russ., Lezg.).
- Gyulmagomedov, A. G. (2003). *Dictionary of the Lezgin language.* Makhachkala. Available at: https://lezgikim.narod.ru/Pages/Biblioteka_Slovari.html?ysclid=mhqu10w9np872746282 (accessed 11.08.2025). (In Russ., Lezg.).
- Gyulmagomedov, A. G. (2012). *Dictionary of the Lezgin language: in 3 volumes.* Makhachkala: IYALI DNC RAS. 698 p. ISBN 978-5-94434-201-0. (In Russ.).
- HT — Hurug Tagir. *One girl for the crane. (Sa rusha durnadiz).* Available at: <https://stihi.ru/2017/10/29/11472?ysclid=mh44orq0qo747511600> (accessed 23.10.2025). (In Russ., Lezg.).
- IS — I. Sadullaeva. (2011). Ichkini sport sad-sadakh galaz kyadach (“Alcohol and sports do not go together”). In: *The Kyurinski News*, 7. (In Lezg.).
- K'A — K' Akimov. *Lezgi g'ikayadin alem (“The World of Lezgin Stories”).* (2023). Makhachkala: Mavel. 144 p. (In Lezg.).
- Khalilov, Yu. M. (2020). *Lezgi chalanni azerbaizhan chalan gafalag.* Baku: [b. i.]. 503 p. (In Lezg., Azer.).
- KSDS — *Brief (incomplete) dictionary of Old Lezgin words.* Available at: https://alpania-mez.ucoz.org/load/fajly/lezginskaja_biblioteka/slovar_drevnelezginskikh_slov/11-1-0-134 (accessed 26.02.2026). (In Lezg.).
- ME — M. Efendiev. *Zaz Lev Tolstoy va adan khzan chidai (I knew Leo Tolstoy and his family).* (2024). Derbent: [b. i.]. 203 p. (In Russ., Lezg.).
- MK — M. Kurevi. (2020). *Etim Emin (1840-1880).* Moscow: ABC-2000. 231 p. (In Russ.).
- MP — *Mugammad Paygambardin umurday (“From the life of the Prophet Muhammad”).* Available at: <https://lezgigazet.ru/?nationals=mugammad-pajgambardin-umurday-2> (accessed 20.10.2025). (In Lezg.).
- Nagiyev, F. R. (2011). *Meridians of Life and the Concept of Thought.* Makhachkala: Business World. 146 p. (In Russ.).
- NI — N. Ibragimov. *Latsu halat alayburun igitviler (“The feat of people in white coats”).* Available at: <https://lezgigazet.ru/?nationals=laczu-halat-alajburun-igitviler> (accessed 22.09.2025). (In Lezg.).
- NS — N. Shikhnaiev. *Zheryag' (“The Chiropractor”).* Available at: <https://proza.ru> (accessed 10.03.2025). (In Lezg.).
- Selimov, A. A. (2001). *Dictionary of Orientalisms of the Lezgin Language.* Makhachkala: DSPU. 544 p. (In Russ., Lezg.).
- TIE — Tlagryzhal Emirali. *Lug'uz-lug'uz... (a poem about love).* Available at: <https://www.lezgichal.ru/node/820> (accessed 05.05.2025). (In Lezg.).
- Yusupov, Kh. A. (2024). *Dictionary of synonyms of the Dargin language.* Makhachkala: Alef Publishing House. 812 p. ISBN 978-5-00212-577-7. (In Darg.).

References

- Abdulazimova, T. Kh. (2012). *Synonyms and synonymous relations in the vocabulary of the Chechen language.* Author's abstract of PhD Diss. Makhachkala. 19 p. (In Russ.).

- Abramova, E. I. (1990). *Parallel synonymous series in the Russian and Belarusian languages*. Author's abstract of PhD Diss. Minsk. 18 p. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2019). Draft Dictionary of Synonymic-Antonymic Complexes: Problems of Lexicographic Interpretation of Typical Semantics and Ways to Solve Them. *Nauchnyi dialog*, 10: 42—60. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-10-42-60>. (In Russ.).
- Barannikova, T. B. (2006). *Stylistic synonymy in the vocabulary of languages with different systems: Lezgin, Russian, English*. Author's abstract of Doct. Diss. Makhachkala. 38 p. (In Russ.).
- Barannikova, T. B., Bitokova, S. Kh., Khanbalaeva, S. N. (2022). Problem of Synonym Translation: A Logical-Typological Approach. *Nauchnyi dialog*, 11 (10): 32—54. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-10-32-54>. (In Russ.).
- Belov, V. A. (2022). Cognitive bases of lexical synonymy of nouns. *Scientific result. Issues of theoretical and applied linguistics*, 8 (2): 3—23. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-1. (In Russ.).
- Gouws, R. (2012). Synonymy and synonyms in Lexicography. *Jahrbuch für Lexikographie*, 28 (1): 307—333. DOI: 10.1515/LEXI.2012-0016.
- Kheira, B. D., Belkaid, A. B. (2018). Distinctive Synonymy in Translation Dictionaries. *International Journal of Academic Research and Reflection*, 6 (3): P. 48.
- Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. (2015). Synonymous lexicography: traditions and development trends. *Bulletin of Cherepovets State University*, 1 (62): 32—38. (In Russ.).
- Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. (2021). Synonymous dictionaries: space of choice. *Verba. North-West linguistic journal*, 1 (1): 8—21. DOI: 10.34680/VERBA-2021-1(1)-8-21. (In Russ.).
- Kumakhova, Z. Yu., Kumakhov, M. A. (1979). *Functional stylistics of the Adyghe languages*. Moscow: Nauka. 359 p. (In Russ.).
- Kurbanova, Z. Z. (2016). *Lexical synonyms of the Lak language in comparison with Russian and English*. Author's abstract of PhD Diss. Makhachkala. 22 p. (In Russ.).
- Levitsky, V. V. (1988). Types of lexical microsystems and criteria for their distinction. *Scientific reports of higher education: philological sciences*, 5: 66—73. (In Russ.).
- Lexicographic Study of Synonymy: Clarifying Semantic Similarity between Words. (2021). *Computación y Sistemas*, 25 (3): 667—675. DOI: 10.13053/CyS-25-3-4028.
- Nagiyev, F. N., Nagiyev, R. F. (2008). Theonyms in the Lezgin Lexicon. *Peoples of Dagestan*, 2: 57—60. (In Russ.).
- Petrishcheva, E. F. (1984). *Stylistically colored vocabulary of the Russian*. Moscow: Nauka. 222 p. (In Russ.).
- Popović, A. H. (2023). Synonymy from a Prototype Theory Perspective and its Symbiosis with Polysemy: Towards a New Dictionary of Synonyms. *Lexikos*, 33: 1—23. DOI: doi.org/10.5788/33-1-1773.
- Re-thinking synonymy: semantic sameness and similarity in languages and their description*. (2010). Helsinki: [b. i]. 105 p.
- Skrebnev, Yu. M. (1985). *Introduction to Colloquialisms*. Saratov: Saratov University Publishing House. 210 p. (In Russ.).
- Skvortsov, L. I. (1980). *Theoretical foundation of speech culture*. Moscow: Nauka. 352 p. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1990). Style. In: *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 494—495. (In Russ.).

- Sultanova, A. V., Alisultanov, A. S. (2015). Comparative analysis of affix word formation of adjectives in the Lezgin and English languages. *News of the Dagestan State Pedagogical University. Social and human sciences*, 3: 73—77. (In Russ.).
- Vinokur, T. G. (1980). *Regularities of stylistic use of linguistic units*. Moscow: Nauka. 237 p. ISBN 978-5-9765-2203-9. (In Russ.).
- Yusufova, D. Yu. (2022). *Lexical synonymy in languages of different systems: Tabasaran, Russian, English*. Author's abstract of PhD Diss. Mytishchi. 28 p. (In Russ.).
- Yusupov, Kh. A. (2021). Dictionary of synonyms of the Dargin language: problems of the vocabulary and structure of the dictionary entry. In: *Issues of modern Dagestan lexicology and lexicography: collected articles / Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa, I. Makhachkala*: Alef Printing House. 108—115. (In Russ.).

*The article was submitted 02.12.2025;
approved after reviewing 18.03.2026;
accepted for publication 02.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Былкова С. В. Языковая репрезентация продакт-плейсмента в отечественной литературе : культурно-семиотическая специфика прагматонимов / С. В. Былкова, Д. Ю. Шалков // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 86—107. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-86-107.

Bylkova, S. V., Shalkov, D. Yu. (2026). Linguistic Representation of Product Placement in Russian Literature: Cultural and Semiotic Specifics of Pragmatonyms. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 86-107. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-86-107. (In Russ.).

Web of Science®

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Языковая репрезентация продакт-плейсмента в отечественной литературе: культурно-семиотическая специфика прагматонимов

Былкова Светлана Викторовна

orcid.org/0000-0002-8853-0684

кандидат филологических наук, доцент,
декан социально-гуманитарного
факультета, и. о. заведующего кафедрой
документоведения и языковой
коммуникации
svetbyl7592@rambler.ru

Шалков Денис Юрьевич

orcid.org/0000-0002-5353-0086

кандидат филологических наук,
доцент кафедры документоведения
и языковой коммуникации,
заместитель декана
социально-гуманитарного факультета,
корреспондирующий автор
shalkovdenis@yandex.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Linguistic Representation of Product Placement in Russian Literature: Cultural and Semiotic Specifics of Pragmatonyms

Svetlana V. Bylkova

orcid.org/0000-0002-8853-0684

PhD in Philology, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Social Sciences
and Humanities, Acting Head
of the Department of Documentation
and Language Communication
svetbyl7592@rambler.ru

Denis Yu. Shalkov

orcid.org/0000-0002-5353-0086

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Documentation
and Language Communication,
Deputy Dean of the Faculty of Social
Sciences and Humanities,
corresponding author
shalkovdenis@yandex.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Былкова С. В., Шалков Д. Ю., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается продакт-плейсмент как нарративная стратегия художественного дискурса. Одним из продуктивных способов целенаправленной или неосознанной языковой репрезентации указанного культурно-семиотического феномена является использование прагматонимов, которые представляют собой любое словесное обозначение бренда, марки товара или вида предлагаемых услуг. Цель исследования — рассмотреть метафилогические тактики и «технические» приёмы интегрирования продакт-плейсмента в художественный текст, а также представить их типологию. Целостное и системное описание литературного продакт-плейсмента позволяет проследить его эволюцию от функционирования прагматонимов как квазирекламных вставок (в литературе XIX и XX веков) до коммерчески мотивированных рекламных интеграций (в современной массовой литературе). Органично встраиваясь в ткань повествования или лирического сюжета, прагматонимы во взаимодействии с другими элементами эстетической реальности играют важную роль в реализации идиориторики и смысловой концепции произведения. Авторы приходят к выводу, что бренд становится сложным знаком и обретает семантически ёмкое наполнение. Утверждается, что упоминание товаров и услуг способствует созданию культурно-исторического фона, который позволяет интерпретировать особенности менталитета и ценностные ориентиры персонажей, а также связанные с ними сюжетные ситуации.

Ключевые слова:

художественный дискурс; нарративная стратегия; бренд; нативная реклама; квазирекламная вставка; глуттоним.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines product placement as a narrative strategy within the framework of literary discourse. One of the most productive methods for the deliberate or unconscious linguistic representation of this cultural and semiotic phenomenon is the use of pragmatonyms, which encompass any verbal designation of a brand, trademark, or type of service. The aim of this research is to explore the metaphilological tactics and technical methods of integrating product placement into literary texts, as well as to propose a typology of such integrations. A comprehensive and systematic analysis of literary product placement enables us to trace its evolution — from the use of pragmatonyms as quasi-advertising insertions in 19th- and 20th-century literature to commercially motivated advertising integrations in contemporary mass-market fiction. By organically embedding themselves into the fabric of narrative or lyrical plots, pragmatonyms, in interaction with other elements of the aesthetic reality, play a crucial role in the realization of idiostylistics and the semantic concept of a work. The authors conclude that a brand functions as a complex sign, acquiring semantically rich connotations. It is argued that references to goods and services contribute to the creation of a cultural and historical background, which, in turn, allows for the interpretation of characters' mentalities, value systems, and associated plot developments.

Key words:

literary discourse; narrative strategy; brand; native advertising; quasi-advertising insertion; gluttonym.

УДК 811.161.1'373.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-86-107

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Языковая репрезентация продакт-плейсмента в отечественной литературе: культурно-семиотическая специфика прагматонимов

© Былкова С. В., Шалков Д. Ю., 2026

1. Введение = Introduction

В современной исследовательской и научно-популярной литературе продакт-плейсмент (от англ. *product placement* — «размещение продукции») интерпретируется как разновидность маркетинговых коммуникаций, зародившаяся в США в начале XX столетия и ставшая эффективным способом продвижения торговых марок, вплетённых в событийную ткань художественного произведения. Определённый товар, бренд или услуга может упоминаться в кино, литературе, газетах, журналах, теле- и радиопередачах, компьютерных играх, комиксах, популярных песнях, музыкальной видеопродукции, мультфильмах, а также в различных медиапроектах (блогах, стримах, подкастах, интервью) [Bылkova et al., 2020].

Скрытая реклама функционирует в разноформатном контенте, который, как правило, обладает сюжетной динамикой и адресован среднестатистическому носителю языка. Органично интегрируясь в транслируемый информационный поток в соответствии с его тематикой, идиориторикой, смысловыми интенциями и лингвостилистическими особенностями, продакт-плейсмент модифицирует вербальные или визуальные образы, которые, по утверждению О. П. Березкиной, способны проникать «в подсознание увлечённого сюжетом и игрой» читателя (зрителя, слушателя) и задавать векторы потребительского поведения [Березкина, 2017].

Эстетическая роль продакт-плейсмента и его функциональная значимость неоднократно становились предметом научных изысканий. Авторитетные культурологические и филологические исследования акцентируют внимание на различных аспектах литературного продакт-плейсмента как специфической социально-коммуникативной технологии. В частности, рассматривается комплекс эмоционально-экспрессивных, информационно-

стилистических и текстообразующих функций прагматонимов [Шведова, 2011]; особенности стилизации и шаржирования «рекламных имён» в свете теории прецедентности [Крюкова, 2004]; коммуникативно-прагматические эффекты и риски внедрения рекламных вставок в сюжетно-тематическую и мотивно-образную структуру произведений массовой литературы [Мубаракшина, 2020; Полетаева, 2010; Разумов, 2008; Селиванова и др., 2021; Таскина, 2019]; повествовательные стратегии формирования положительного отношения к бренду и критерии идентификации продакт-плейсмента в художественном тексте [Булгакова, 2024]; суггестивный потенциал интертекстуальных и парафрастических включений (аллюзий, проекций, параллелей, реминисцентного фона, прямых, видоизменённых и завуалированных цитат, ассоциативно-метафорических микрополей) в сфере маркетинговых коммуникаций, в том числе рецептивные механизмы взаимодействия рекламы с вербальными и аудиовизуальными составляющими кинематографа и литературы [Маргарян, 2017]; а также иные вопросы.

Актуальность представленного исследования обусловлена повышенным интересом современной литературоведческой науки к тем структурно-семантическим компонентам художественного универсума, которые активно и плодотворно рецептируются не только в отечественном, но и в мировом литературном процессе; их культурологическая интерпретация позволяет осмыслить концептуально-мировоззренческие нарративы эстетической реальности, обусловленные индивидуально-авторскими интенциями. Научная новизна исследования видится в целостном и системном описании литературного продакт-плейсмента, что позволяет проследить эволюцию указанного феномена от использования прагматонимов как квазирекламных вставок (в литературе XIX и XX столетий) до коммерчески мотивированных рекламных интеграций (в современной массовой литературе).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Специалисты в области нативной рекламы выделяют несколько каналов распространения продакт-плейсмента, среди них — визуальный (зрительный); двигательно-эмоциональный (динамический, функциональный, драматический, мотивационно-потребностный, кинестетический, игровой); разговорный (вербальный, аудиальный) и цифровой (виртуальный, персонализированный, интерактивный, VR-интеграции). Визуальный продакт-плейсмет предполагает, что рекламируемые товары или услуги становятся неотъемлемой частью иллюстративного материала или же демонстрируются на экране; двигательно-эмоциональный — творчески обыгрывает присутствие продвигаемого продукта в кадре или в нарративной структуре текста, что связано с использованием того или иного товара по его прямому функ-

циональному назначению; разговорный — воплощается в речи персонажей; цифровой — представляет собой виртуальную вставку продукта в уже существующий контент [Eagle et al., 2018]. Несмотря на универсальный характер технологий продакт-плейсмента и их способность нивелировать коммуникативные барьеры, скрытая (неявная) реклама изначально получила широкое распространение в кинематографе, а уже затем в разных формах проникла в художественную литературу [Кожина, 2014].

В работах, посвящённых истории зарождения и специфике функционирования продакт-плейсмента, приводятся многочисленные примеры использования брендов, торговых марок и банковских продуктов как в сюжете, так и в названиях художественных фильмов. Так, хирург Евгения Беляева из российского драматического фильма «Вызов» (2023) пользуется онлайн-приложением банка «Тинькофф», чтобы отправить матери денежный перевод из космоса. В фильме «Дьявол носит Prada» (2006) название элитного модного бренда вынесено в заглавие, в котором закодирована спиралевидная динамика ценностных ориентиров и мировоззренческих принципов главного редактора нью-йоркского глянцевого журнала Миранды Пристли. Героиня, втайне от родителей бегущая на свидание с бутылкой *Coca-Cola*, показана в одной из сцен испанского телесериала «Семья Серрано» (2003—2008). Сюжет приключенческой драмы «Изгой» (2000) связан с деятельностью почтовой службы *Federal Express*. Джеффри по прозвищу Чувак из американской фарсовой комедии «Большой Лебовски» (1998) предпочитает алкогольный коктейль с нетривиальным названием «Белый русский», основным ингредиентом которого является водка *Smirnoff*. Персонаж комедийной драмы «Форрест Гамп» (1994) распаковывает коробку с подаренными ему кроссовками фирмы *Nike*. Ироничная фраза-императив «Храните деньги в *сберегательной кассе!* Если, конечно, они у вас есть» звучит в культовой советской комедии Л. И. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» (1973). Список подобных примеров можно расширить.

Креативно модифицируя эстетическую реальность и уникальный образно-символический мир литературных произведений, продакт-плейсмент генерирует их нарративные стратегии и реализует многосоставный арсенал «технических» приёмов и моделей интегрирования того или иного продукта (товара, бренда или услуги) в событийно-смысловой ряд, композиционно-логическую и идейно-тематическую парадигму художественного текста [Шалков и др., 2024]. Обозначенный подход способствует всестороннему раскрытию быта и нравов соответствующей исторической эпохи, а также помогает осознать аксиологический потенциал личности дескриптора, его социокультурные и эмоционально-психологические особенности, включая своеобразие авторского мышления и мировидения [Маргарян, 2017].

Коммуникативно-прагматические, лингвотерапевтические, конативные, когнитивные, респонсивные и мировоззренческие эффекты продакт-плейсмента как культурно-семиотического феномена обусловлены управляемым воссозданием «потребительских паттернов через идентификацию зрителя / читателя с героем фильма, сериала, телевизионной программы, книги», вследствие чего наименование бренда, упомянутое в сюжете, кадре, диалоге или названии произведения, начинает функционировать как особый «знак, который не только указывает на производителя товара, но и связывается в сознании аудитории с образом персонажа», демонстрирующего социально одобряемые качества (силу, смелость, успешность, внешнюю привлекательность, принципиальность) или статусные характеристики [Булгакова, 2024, с. 82].

В настоящем исследовании понятие «литературный продакт-плейсмент» интерпретируется расширительно: это не столько целенаправленная осознанная реклама как оказание услуги по продвижению того или иного продукта, сколько любое упоминание торговой марки с учётом последующего эффекта возрастания её известности, который носит, как правило, случайный, сопутствующий характер. Наименования товаров или услуг в качестве специфических знаков времени позволяют автору всесторонне описать изображаемую эпоху. Причём упоминание брендов в художественном тексте может оказаться для них позитивным, а может и наносить им репутационный ущерб. Речь идёт прежде всего о низовой (массовой) литературе первой четверти XXI столетия, в частности, о таких жанрах, как иронические детективы, фэнтези, «гламурные» и женские (дамские, «розовые», любовные) романы [Таскина, 2019].

Цель предпринятого исследования — рассмотреть различные метафизические тактики и «технические» приёмы интегрирования продакт-плейсмента в художественный текст, а также представить их типологию. Одним из наиболее частотных и продуктивных способов неосознанной или целенаправленной языковой репрезентации продакт-плейсмента в художественном дискурсе является использование прагматонимов, под которыми понимается любое словесное обозначение марки товара или вида предлагаемых услуг [Курбанова, 2014; Шведова, 2011].

Материалом исследования послужили лирические, эпические и лироэпические произведения отечественной литературы: роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; стихотворения В. В. Маяковского, Н. С. Гумилёва и О. Э. Мандельштама; роман В. В. Набокова «Машенька»; современные иронические детективы Д. Донцовой, Т. В. Устиновой, Т. В. Поляковой, Г. М. Куликовой; «гламурная» проза О. В. Робски; романы С. С. Минаева и В. О. Пелевина.

Для всестороннего раскрытия культурно-семиотической специфики прагматонимов как языковых маркеров продакт-плейсмента в русской литературе (от классической до современной) используются компоненты генетического, дистрибутивного, интертекстуального, сравнительного, концептуально-интерпретационного, историко-культурологического и историко-литературного методов анализа. В работе последовательно осуществлён структурно-функциональный, герменевтический подход к интерпретации модусов эстетической реальности и способов развёртывания уникальных художественно-онтологических сценариев.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Прагматонимы как языковые маркеры продакт-плейсмента в художественном дискурсе

Прагматоним представляет собой разновидность онима; собственное имя того или иного объекта практической деятельности человека (отдельной вещи, товара, сорта, марки, модели). Наименования брендов, продуктов или услуг рассматриваются как полифункциональные языковые знаки, выполняющие ряд специфических функций, среди которых номинативно-выделительная (идентифицируют уникальный предмет среди класса однородных); информативная (прямо или косвенно передают информацию об определённом продукте и его свойствах); рекламно-маркетинговая (выступают инструментом продакт-плейсмента); коммуникативно-прагматическая (замещают представление о бренде в конкретной речевой ситуации); суггестивная (оказывают внушающее воздействие на сознание реципиента, его поведенческие и ценностно-смысловые установки); аттрактивная (способны привлечь внимание потенциальных потребителей) и ряд других [Посиделова и др., 2023].

Прагматонимы как языковые маркеры продакт-плейсмента органично встраиваются в ткань повествования или лирического сюжета и во взаимодействии с другими элементами эстетической реальности играют важную роль в реализации идейно-художественной концепции автора. Обретая статус минимальной, «атомарной», структурно-семантической единицы литературного продакт-плейсмента, прагматонимическая лексика может выполнять идентифицирующие функции. В частности, прагматонимы сообщают значимую информацию об отличительных свойствах персонажей, таких как социальный статус, психологическое состояние, внешний облик, бытовые привычки или гастрономические предпочтения.

Кроме того, наименования объектов материальной культуры конкретизируют и детализируют сюжетные локусы произведения, а свойственная им хронологическая валентность трансформирует соответствующие праг-

матонимы в своеобразные знаки-символы эпохи. Сочетая в себе денотативное (прямое, конкретное) и коннотативное (переносное, ассоциативно-метафорическое) значение, прагматонимы как единицы художественного семиозиса реализуют верифицирующие функции: лингвоэстетическая объективация предметных деталей помещает литературных героев в узнаваемый вещный мир, воссоздаёт «эффект присутствия» и наделяет событийную динамику необходимой жизненной достоверностью.

3.2. Изобразительно-характерологические функции прагматонимов в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Маркетинговое понятие «продакт-плейсмент» в его терминологическом значении неприменимо к роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823—1831). Однако если рассматривать использование конкретных названий товаров, брендов и других явлений материальной культуры в художественной литературе как специфическую нарративную стратегию, то роман действительно содержит подобные элементы. Кроме того, в произведении обнаруживается разнородный пласт лексем-глуттонимов (класс имён собственных; разновидность прагматонимов, включающая наименования блюд, напитков и продуктов питания; в широком смысле к глуттонимам относят и нарицательные существительные, так или иначе связанные с пищей и применяемые для обозначения единиц гастрономического дискурса), которые выполняют оценочную, характерологическую и изобразительную функции [Трачук и др., 2024].

Гастрономическое эмоционально-семантическое поле вводится упоминанием ресторана французской кухни *Talon*, который был открыт поваром Пьером Талоном в Петербурге на Невском проспекте в начале XIX века: «К *Talon* помчался: он уверен, / Что там уж ждёт его Каверин» [Пушкин, 1978]. Описывая образ жизни Евгения Онегина, А. С. Пушкин подробно воспроизводит меню престижного ресторана. Среди излюбленных блюд главного героя названы «*roast-beef* окровавленный», «трюфли, роскошь юных лет», страсбургский «пирог нетленный», «живой» лимбургский сыр и «золотой» ананас. В черновых набросках к 1-й главе романа, которые приводятся в комментариях В. В. Набокова, этот список дополняют *vol-au-vent* (пикантная закуска из слоёного теста в форме башенки с мясной, рыбной или грибной начинкой), жаркое из рябчика, «двойной бекас» и *vinaigrette* [Набоков, 1999]. Симптоматично, что авторские размышления о причинах необычайно раннего охлаждения чувств «пылкого повесы» органично встроены в гастрономический контекст: «Нет: рано чувства в нём остыли; / Ему наскучил света шум; / <...> Затем, что не всегда же мог / *Beef-steaks* и страсбургский пирог / Шампанской обливать бутылкой... » [Пушкин, 1978]. Указанные глуттонимы в совокупности

с метонимическим оборотом «ещё бокалов жажда просит / залить горячий жир котлет» структурируют хронотоп Петербурга как центра светской жизни, идентифицируют типологические черты «лишнего человека», участвуют в предметно-образном воплощении поднимаемых в произведении проблем — как бытовых, так и бытийных.

«Винная карта» «Евгения Онегина» включает «вдовы Клико или Моза / благословенное вино» (популярные марки французских вин), а также знаменитое «вино кометы» — элитное шампанское урожая 1811 года, который ознаменовался появлением Большой кометы исключительной яркости. В 4-й главе произведения содержится лирическое отступление, в котором А. С. Пушкин рассуждает о быстротекущем времени и неизбежном взрослении человека, противопоставляя два сорта вина — «Аи» и «Бордо». Сорт «Аи» ассоциируется с юношескими страстями и напоминает поэту «блестящую», но «пустую» любовницу, тогда как «Бордо» относится к тем винам, которые готовы «тихий разделить досуг», подобно лучшему другу, проверенному годами.

Кулинарная атрибутика используется А. С. Пушкиным в том числе и с целью противопоставления жизненного уклада поместных и столичных дворян — жителей русской провинции, великосветского Петербурга и барской Москвы начала XIX столетия. Праздничное угощение в честь именин Татьяны Лариной, описанное в 5-й главе романа, включает напитки, блюда и десерты, наименования которых переводят повествовательную стратегию в иронический регистр, генерируя контрастные сенсорно-смысловые микрополя: пристальное внимание гостей приковывает не столько смятение виновницы торжества, сколько, «к несчастию, пересоленный» жирный пирог, жаркое, бланманже (холодный желеобразный десерт из миндального или коровьего молока), брусничная и яблочная вода (сладкие прохладительные напитки из брусничного и яблочного сока, разбавленного водой), а также цимлянское (шипучее вино, получившее название в честь станицы Цимлянской на Дону). Гастрономические предпочтения семейства Лариных и их соседей могут быть дополнены солёными грибами, блинами, квасом, ягодным вареньем и домашними наливками как атрибутами патриархального быта. Элитное французское шампанское («Вошёл: и пробка в потолок, / Вина кометы брызнул ток» [Пушкин, 1978]), которое подчёркивает взыскательный вкус и высокий социальный статус Евгения Онегина, родившегося «на берегах Невы», сменяется по приезду в деревню недорогим цимлянским вином, которое подают к столу на именинах Татьяны.

В качестве квазирекламных вставок можно рассматривать и другие прагматонимы, которые обозначают бренды, популярные в России в начале XIX столетия. Речь идёт о карманных часах парижской фирмы Breguet,

цилиндре «*à la Bolivar*» и дуэльных пистолетах марки «Лепаж». Лексема «брегет» упоминается в романе трижды (и в прямом, и в метафорическом значении): неторопливые прогулки Онегина по бульвару продолжают до тех пор, «пока недремлющий брегет / не прозвонит ему обед»; «желудок — верный наш брегет» — напоминает о времени очередной трапезы, нарушая однообразный ритм провинциальной жизни; «звон брегета» подсказывает заядлым театрам, что «новый начался балет». Чёрная широкополая шляпа-боливар, один из главных атрибутов онегинского гардероба, становится семантически ёмкой художественной деталью — знаком либеральных социально-политических воззрений его владельца: Симон Боливар, по фамилии которого был назван головной убор, известен как национальный герой Венесуэлы, наиболее влиятельный из руководителей войны за независимость испанских колоний в Южной Америке. И наконец, для рокового поединка с Владимиром Ленским Евгений Онегин выбирает пистолеты знаменитого французского оружейника Жана Лепаж, которые, по свидетельству Ю. М. Лотмана, считались «лучшим дуэльным оружием» [Лотман, 1983, с. 304].

Функционирование прагматонимов в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» обладает мощным смыслопорождающим потенциалом: внутренний мир персонажей раскрывается через внешние атрибуты, что делает описание быта и нравов соответствующей исторической эпохи более реалистичным и всесторонне дополняет характеристику героя, открывающего галерею «лишних людей» в отечественной литературе. Прагматонимы как лексические маркеры и элементарные структурно-семантические единицы литературного продукт-плейсмента формируют метапоэтику художественного дискурса и получают глубинное культурно-семиотическое наполнение [Шведова, 2011]. Более того, многочисленные наименования значимых социокультурных реалий и объектов материально-бытовой сферы обретают статус сложных знаков, органично связанных с реализацией как ситуативных, так и системных коммуникативно-прагматических эффектов.

3.3. Специфика функционирования прагматонимов как структурно-семантической матрицы сюжетных мотивов в литературе XX века

В отличие от А. С. Пушкина, В. В. Маяковский жил и творил в эпоху, когда производство рекламы начало приобретать массовый характер. Уже в ранней поэзии В. В. Маяковского отмечается прагматонимическая лексика как особая структурно-семантическая матрица, задающая вектор развития лирического сюжета. Образно-тематический комплекс духовной порабощённости людей, нравственного неблагополучия общества и социальной несправедливости мира, в котором неизменно властвуют ненавистные поэту «сытые», «жирные», формирует дискурсивно-эстетическую модель

урбанистического пространства в стихотворении «Вывескам» (1913), где рекламные вывески — «железные книги» — становятся «квинтэссенцией городского бытия» [Скрипка, 2004, с. 43]. Выявляя потребительскую сущность современной цивилизации, В. В. Маяковский парадоксально сопрягает мрачные саркофаги «похоронных процессий» с «весёлостью пёсней» созвездий «Магги». В лирической миниатюре речь идёт о бульонных кубиках, изобретённых швейцарским предпринимателем и кулинаром Юлиусом Магги в конце XIX столетия. Известно, что кубики куриного экстракта изображались на световых рекламных щитах фирмы «Магги» в виде россыпи звёздочек — именно таков социокультурный генезис оригинального метафорического образа. Ассоциативное эмоционально-семантическое поле, включающее «копчёные сиги», «златокудрые брюквы», «флейту золоченой буквы» и «фаянсовых чайников маки» (метонимические субституты жестяных рекламных вывесок), задаёт ментальные конфигурации урбанистического пейзажа, воплощающего не что иное, как новые реалии буржуазного мироустройства.

Кроме упоминания кубиков «Магги», в творчестве В. В. Маяковского встречаются и другие торговые марки. Так, в стихотворении «Барышня и Вульворт» (1925), созданном во время пребывания в Нью-Йорке, поэт в стиле «qui pro quo» воспроизводит диалог лирического героя и рекламной модели — «мисс семнадцать лет», которая находится в витрине магазина и усердно, «до сияния лучика», точит бритвенные ножи. В иронической матапозитике стихотворного сюжета «ржавые лезвия фирмы “Жиллет”» обретают символическую наполненность и становятся эмблемой американской массовой культуры: «богатств буржуйских особые источники» демонстрируют фальшь, лицемерие и социально-экономические противоречия капиталистического мира, которым заправляет «долларовый воротила».

Продакт-плейсмент в многоплановом творческом наследии В. В. Маяковского представлен не только отдельными сюжетно-образными элементами, но и полноценными текстами, связанными с определёнными рекламными интеграциями. Упоминания популярных товаров и услуг достаточно частотны в художественной системе поэта, который активно сотрудничал с их производителями. Начиная с 1923 года, в разгар НЭПа, В. В. Маяковский в тандеме с художником-авангардистом А. М. Родченко создаёт рекламные плакаты — креолизованные тексты, информационная «фактура» которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин и др., 1990, с. 180—181]. Креолизованная торговая реклама, заказчиками которой были ГУМ, Моссельпром, Мосполиграф, Моссукуно, Резинотрест, Госиздат, Чаеуправление, активно

продвигала товары массового потребления и обладала ярко выраженной патриотической направленностью: «Приезжий с дач, из городов и сёл, / нечего / в поисках / трепать подошвы — / сразу / в ГУМе / найдёшь всё / аккуратно, / быстро / и дёшево!»; «Где наилучшее / производство монпасе? / Запомните все: / нигде / кроме / как в Моссельпроме»; «Резинотрест — / защитник в дождь и слякоть. / Без галош / Европе — / сидеть и плакать» [Маяковский, 1957]. Рифмованные слоганы в сочетании с соответствующим визуально-образным рядом (иллюстративным материалом) формировали целостную функционально-прагматическую систему, представляющую собой поликодовый рекламный текст. Культурологический феномен коммерческой, социально-агитационной и политической рекламы в творческом наследии В. В. Маяковского 20-х годов XX столетия может стать предметом отдельного рассмотрения.

Бульонные кубики «Магги» встречаются и в творчестве другого известного поэта Серебряного века — Н. С. Гумилёва. В стихотворении «Экваториальный лес» (1918) интертекстуальный локус, вынесенный в заглавие, обозначает не столько физическое, сколько ментальное пространство — внутренние страхи и психологические комплексы страдавшей, но сильной и мужественной личности, оказавшейся в жёстких, поистине экстремальных условиях. Сюжетный мотив столкновения дикой природы с урбанистической цивилизацией усиливается соположением пейзажных зарисовок и гастрономических деталей: каменные склоны Абиссинских гор, пылающие закаты и «особенный запах... лесов» — всё это резко контрастирует с описанием ночной трапезы «исхудалого, небритого», обезумевшего европейца, который перед смертью пил неразбавленный абсент, «клат сардинки на мяса сухого ломоть», «неумело и жадно», подобно «пилюлям», «проглатывал кубики магги».

Принципиально иную эстетическую роль играет упоминание бульонного экстракта «Магги» в романе В. В. Набокова «Машенька» (1926), сюжетно-тематическую основу которого составляет жизнь «семи русских потерянных теней», волею судьбы оторванных от Родины и оказавшихся в дешёвом берлинском пансионе госпожи Дорн. Точно воспроизводя особенности эмигрантского быта, автор описывает внешность Куницына, одного из гостей пожилого поэта Антона Сергеевича Подтягина («Это был старый господин с желтоватыми усами, подстриженными на английский манер, солидный, очень опрятно одетый, в сюртуке и полосатых штанах...»), а затем вскользь отмечает, что «Подтягин его потчевал бульоном магги» [Набоков, 1990]. Неслучайно именно в этот момент в комнате появляется Лев Глебович Ганин — центральный персонаж произведения. Не в силах смириться со своим нынешним существованием Ганин пытается

вновь обрести «утерянный рай», погружаясь в воспоминания о дореволюционной России и первой светлой юношеской любви к Машеньке. Бульонные кубики в этом контексте становятся семантически ёмкой предметной деталью, которая подчёркивает бедственное положение русской эмиграции, лишённой будущего.

В качестве сюжетоорганизующей матрицы лексема *жиллет* функционирует и в стихотворении О. Э. Мандельштама «Пластинкой тоненькой жиллета...» (1936). Согласно концепции немецкого исследователя Р. Дутли, лезвие бритвы выступает у О. Э. Мандельштама как метафорический аналог тотального освобождения от всепоглощающей «щетины спячки» и, возможно, как один из действенных способов изгнать мучительную мысль о добровольном уходе из жизни [Дутли, 2005]. По свидетельству биографов поэта, именно бритвой фирмы «Жиллет» О. Э. Мандельштам воспользовался при попытке покончить с собой на Лубянке в мае 1943 года.

В отрывке из уничтоженных стихов О. Э. Мандельштама под названием «Захочешь жить, тогда глядишь с улыбкой...» (1931) усложнённая индизобразительная ассоциативно-метафорическая образность, задающая траекторию исследования законов мироздания при помощи особой поэтической оптики, породила отождествление человеческого глаза с хрусталиком «кравчей птицы», непохожим на «стекляшку», и фотоаппаратом известной марки («Не разбирайся, щёлкай, милый кодак»), который способен беспристрастно фиксировать бесценный опыт существования, когда «сетчатка голодна». Прагматоним «кодак», реализующий различные коммуникативно-прагматические, эмоционально-стилистические и собственно эстетические функции, фигурирует и в ряде других стихотворных текстов, например, у Б. К. Лившица («Куоккала»), А. С. Головиной («Голубиные города»), В. А. Луговского («Акрополь»).

3.4. Прагматонимическая лексика как языковой маркер продакт-плейсмента в современной массовой литературе

Продакт-плейсмент особенно широко распространён в современной массовой литературе [Разумов, 2008]. В 2003 году был опубликован иронический детектив Д. Донцова «Филе из Золотого Петушка», где многократно упоминались полуфабрикаты одноимённой торговой марки. Поддавшись настойчивым уговорам промоутера и желая «угостить бунтующий желудок», главная героиня, Виола Тараканова, вместо булочки, йогурта, орешков, сухофруктов или сыра приобретает куриное филе и не разочаровывается: «Да, похоже у “Золотого петушка” есть один изъян: его изделия слишком вкусные и потому станут моментально исчезать» [Донцова, 2010]. Автор подробно комментирует достоинства вынесенного в заглавие бренда: широкий, «на любой вкус», ассортимент («нежнейшее

филе», сочное «бёдрышко», «крылышки с приправами»); низкие цены («всего шестьдесят девять рублей за килограмм»); высокое качество (продегустированный цыплёнок «показался свежим»); быстрота и удобство приготовления («ужин приготовился через десять минут»; «и хлопот никаких, просто бросили в сковородку, и готово»); простота хранения («сунете в холодильник, пригодится»).

Вокруг другого продукта, упомянутого в названии, построен сюжет романа «Принцесса на Кириешках» (2004). В 8-й главе книги рассказывается о том, как во время пожара, вспыхнувшего в многоквартирном доме, в спальне на кровати спасатели обнаруживают тела задохнувшихся от дыма Васи и Нели. Перед этим погибшие пили виски и использовали в качестве закуски сухарики «Кириешки». Пустой пакетик из-под них смог уцелеть, случайно оказавшись в ботинке мужчины. Названный продукт в качестве характерологической детали фигурирует и в других эпизодах детектива: в частности, в одном из них говорится о том, как Ася предложила главной героине, Евлампии Романовой, попробовать «очень вкусные» сухарики, однако, получив её отказ, Ася с улыбкой «положила в рот несколько сухариков и захрустела» [Донцова, 2010].

В другом фрагменте романа находящаяся за рулём героиня рассуждает о происхождении названия «Кириешки», выдвигая сразу несколько версий (может быть, владельца фирмы зовут Кириллом или же к ним имеет отношение Кириенко, бывший премьер-министр ельцинской эпохи), но в итоге приходит к выводу, что сухарики скорее всего названы так «для лёгкости запоминания». Словно в подтверждение собственных мыслей, героиня сочиняет несколько рифмованных рекламных слоганов: «Съел “Кириешки” — не нужны пельмешки»; «Папа, мама, я — дружная семья, на диване сидим, в телик глядим, “Кириешки” едим» [Донцова, 2010].

Название лекарственного средства для длительной терапии пациентов с избыточным весом швейцарской фармацевтической компании содержится в детективе Т. В. Устиновой «Закон обратного волшебства» (2004): «Там на коробках должно быть написано “Хоффманн — Ля Рош”», — говорит одна из сотрудниц аптеки другой. И далее автор поясняет, что именно «так красиво и очень “загранично” называлась фирма», производящая «волшебный препарат “Ксеникал”» [Устинова, 2021], который, блокируя усвоение организмом жиров из пищи, помогает контролировать массу тела и поддерживать её на достигнутом оптимальном уровне.

«Фармакологический» контекст присутствует и в книге Г. М. Куликовой «Спасите звезду, или Блондинка за левым углом» (2006): её героиня, страдающая аллергией, даёт коту кличку Кларитин. Вдова Лариса Артемьева, от имени которой написан детективный роман Т. В. Поляковой

«Бочка нош-пы и ложка яда» (2004), живёт на наследство мужа — известного беллетриста, скончавшегося от цирроза печени. На годовщину его смерти она собирает в загородном доме компанию гостей, которые начинают погибать при разных обстоятельствах: один из них утонул, другую сбил автомобиль, ещё один разбился в результате неудачного падения, престарелую тётку Ларисы задушили, а падчерицу героини находят отравленной. Хозяйка дома осознаёт, что, скорее всего, именно она — главная цель убийцы. В какой-то момент Лариса обнаруживает упаковку ношпы, которая может пролить свет на череду загадочных смертей. Название книги Д. Донцовой «Но-шпа на троих» (2003), обыгрывает устойчивое выражение «сообразить на троих», отражающее реалии советского быта и задающее повествованию иронический тон, типичный для серии детективов про Евлампия Романову.

Макаронеры фирмы «Макфа» в течение нескольких лет постоянно упоминались в романах Т. В. Поляковой, Д. Донцовой, Г. М. Куликовой, А. Марининой. В частности, в романе «Леди Феникс» (2006) Т. В. Полякова описывает «Макфу» как продукт, не грозящий прибавлением веса: по словам одной из героинь произведения, макаронные изделия этой марки производят «из твёрдых сортов пшеницы, поэтому их есть можно сколько душе угодно — ни грамма не прибавишь» [Полякова, 2014]. В романе Д. Донцовой «Ромео с большой дороги» (2006) макароны «Макфа» фигурируют в аналогичном контексте, подчёркивающим их пользу для здоровья и абсолютную безвредность для женской фигуры: «Перешли на родную “Макфу” и кушаем аппетитнейшие “гнезда” с грибочками в своё удовольствие! И ко всему прочему — от них не толстеешь» [Донцова, 2013].

В произведениях С. С. Минаева, воспроизводящих жизнь московской элиты и «золотой молодёжи», литературный продакт-плейсмент используется для создания реалистичной картины их быта и указания на статус персонажей в социальной иерархии. Так, в романе «Духless» (2006) среди известных мировых брендов как характерных атрибутов благополучной жизни названы джинсовые лоферы Patric Cox, футболка Mochino, юбка Missoni, виски Jameson, а также ряд других популярных марок алкоголя, табака, одежды, обуви, часов, сумок, автомобилей. В «Media Sapiens. Повести о третьем сроке» (2007) медиасреда и мир рекламщиков раскрываются через многочисленные бренды, характеризующие среду и психологию персонажей, для которых техника Apple, автомобили Mercedes и водка Absolut — это язык и мерило успеха.

Культурно-семиотическая интерпретация идиостиля С. С. Минаева подтверждает целесообразность функционирования подобных иноязычных вкраплений в рамках макроконтекста: для автора «количество атри-

бутов “красивой жизни” обратно пропорционально духовному наследию человека»; иными словами, «чем больше брендовой одежды, дорогих аксессуаров и известных общественных мест связано с персонажем, тем беднее и однообразнее его духовный мир и широта мировоззрения в целом» [Мубаракшина, 2020, с. 133].

Сходную эстетическую роль прагматонимы играют и в так называемой современной «гламурной» прозе. Например, в романе О. В. Робски «День счастья — завтра» (2005) несколько раз упоминаются сумки Louis Vuitton и обувь премиального сегмента Jimmy Choo; в романе «Замуж за миллионера, или Брак высшего сорта» (написанном в соавторстве с К. А. Собчак) (2007) локальные прагматонимы вводятся для формирования ироничной атмосферы действия (автомобильная марка «Ламборгини» контрастирует с вином «Изабелла» «из картонного пакетика»); в романе «Casual-2: Пляска головой и ногами» (2009) фигурирует одежда из сети магазинов «Снежная Королева»; в сборнике рассказов «Жизнь заново» (2011) автор, раскрывая закулисные интриги «красивой» жизни на Рублёвке, описывает достоинства фирмы Swarovski, уделяя особое внимание качеству и цене предоставляемых услуг. В творчестве В. О. Пелевина прагматонимы обретают инвертированную, отрицательно маркированную семантику. Напитки Pepsi и Sprite, сопровождающие повседневную жизнь героев романа «Generation “П”» (1997), становятся частью мифологии нового российского общества, символом навязанных извне западных ценностей.

Среди основных функций прагматонимической лексики в произведениях С. С. Минаева, В. О. Пелевина, О. В. Робски — моделирование лингвоэтического портрета типичного представителя высшего общества; критика одержимости успехом и его нарочитой демонстрации; воссоздание атмосферы роскоши, праздности и гламура; ироническое разрушение стереотипов, позиционирующих известный бренд как индикатор социального положения его обладателя. В этом смысле названия известных торговых марок в произведениях указанных авторов целесообразно расценивать как «анти-продакт-плейсмент», то есть своего рода очернение упоминаемых брендов.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в контексте классической и современной русской литературы бренд как культурно-семиотический феномен становится не просто наименованием товара, а сложным знаком-символом, который обладает функциональной значимостью. Упоминание торговой марки может указывать на социальный статус, вкусовые предпочтения, мировоззренческие целеустановки, особенности менталитета, потребительские привычки

ки, поведенческие реакции или образ жизни тех или иных персонажей. Вместе с тем продакт-плейсмент функционирует как один из компонентов, конструирующих эстетическую реальность художественного текста. Наименования товаров и услуг могут использоваться для создания культурного фона, который помогает интерпретировать поступки героев или связанные с ними сюжетные ситуации.

Среди основных метафилологических тактик и «технических» приёмов интегрирования продакт-плейсмента в художественный текст целесообразно выделить следующие:

1) включение прагматонимов в заглавия художественных произведений как инструмент декодирования нарративных стратегий автора («Филе из Золотого Петушка», «Принцесса на Кириешках», «Но-шпа на троих» Д. Донцовой; «Бочка ношпы и ложка яда» Т. В. Поляковой);

2) использование прагматонимической лексики в качестве структурно-семантической матрицы художественного текста (упоминание бульонных кубиков «Магги», бритвенных лезвий фирмы «Жиллет», фотоаппарата «Кодак» в творчестве В. В. Маяковского, Н. С. Гумилёва, О. Э. Мандельштама, В. В. Набокова);

3) функционирование прагматонимов (эргонимов — названий кафе, ресторанов, театров, магазинов; глуттонимов — наименований блюд, десертов, напитков) как сюжетоорганизующих компонентов, модифицирующих хронотоп произведения (ресторан *Talon* и его меню в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; компания *Swarovski* и сеть фирменных магазинов «Снежная Королева» в произведениях О. В. Робски);

4) встраивание прагматонимов в описание образа жизни, быта, повседневных привычек и предпочтений персонажа (часы фирмы *Breguet*, цилиндр «*à la Bolivar*» в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; популярные марки одежды, обуви, часов, сумок, украшений, алкоголя, табачной продукции, автомобилей в произведениях С. С. Минаева, В. О. Пелевина, О. В. Робски);

5) связывание торговой марки с событийно-смысловыми компонентами и сюжетными мотивами художественного текста (дуэльные пистолеты «Лепаж» в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; макароны «Макфа», сухарики «Кириешки», лекарственный препарат «Ксеникал» в детективах Д. Донцовой, А. Марининой, Т. В. Поляковой, Г. М. Куликовой).

6) отождествление образов-персонажей и зооморфных образов с именем бренда (кот Кларитин в детективе Г. М. Куликовой «Спасите звезду, или Блондинка за левым углом»).

Выступая в текстах художественной литературы как инструмент прямой или косвенной рекламы, прагматонимы и другие дериваты рекламо-

подобных вставок могут выполнять информационно-стилистические, культурологические и эмоционально-экспрессивные функции, связанные с ключевыми принципами формирования логико-семантической структуры того или иного произведения и его метапоэтики. Социальные и культурные коды как структурные элементы идиориторики художественного произведения следует рассматривать в историческом, аксиологическом и семиотическом контекстах.

С одной стороны, продакт-плейсмент демонстрирует значимые изменения в языке, культуре и экономической сфере; а с другой — нередко используется в пародийно-ироническом или саркастическом ключе, что подчёркивает абсурдность чрезмерного потребления: зависимость литературных персонажей от брендов оказывает прямое влияние на их личные отношения и ценностные ориентиры. Более того, названия торговых марок способны вызвать у читателя ярко выраженную эмоциональную реакцию, особенно если упомянутый бренд ассоциируется с положительными или негативными перипетиями в судьбе действующих лиц. Иллюстрируя креативное взаимодействие художественно-онтологических сценариев и коммерческих номинаций, продакт-плейсмент отражает динамику нарративных стратегий и лингвокогнитивных моделей литературного произведения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Донцова Д.* Принцесса на Кириешках / Д. Донцова. — Москва : Эксмо, 2010. — 348 с. — ISBN 978-5-699-39991-8.
2. *Донцова Д.* Ромео с большой дороги / Д. Донцова. — Москва : Эксмо, 2013. — 382 с. — ISBN 978-5-699-56105-6.
3. *Донцова Д.* Филе из Золотого Петушка / Д. Донцова. — Москва : Эксмо, 2010. — 348 с. — ISBN 978-5-699-44572-1.
4. *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. В. Маяковский. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. — Т. 5. — 480 с.
5. *Набоков В. В.* Собрание сочинений : в 4 т. / В. В. Набоков. — Москва : Правда, 1990. — Т. 1. — 416 с.
6. *Полякова Т. В.* Леди Феникс / Т. В. Полякова. — Москва : Эксмо, 2014. — 314, [1] с. — ISBN 978-5-699-73878-6.
7. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1978. — Т. 5. — 527 с.
8. *Устинова Т. В.* Закон обратного волшебства / Т. В. Устинова. — Москва : Эксмо, 2021. — 316, [1] с. — ISBN 978-5-04-155940-3.

Литература

1. *Березкина О. П.* Product Placement. Технологии скрытой рекламы / О. П. Березкина. — Санкт-Петербург : Питер, 2009. — 206 с. — ISBN 978-5-388-00351-5.
2. *Булгакова А. А.* Литературный продакт плейсмент как стратегия формирования положительного отношения к бренду / А. А. Булгакова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского : Филологические науки. — 2024. — Т. 10 (76). — № 3. — С. 80—90. — DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-3-80-90
3. *Дутли Р.* Век мой, зверь мой. Осип Мандельштам : биография / Р. Дутли ; пер. с нем. К. Азадовского. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2005. — 432 с. — ISBN 5-7331-0346-9.
4. *Кожина О. М.* Продакт плейсмент в России и его восприятие потенциальными потребителями : монография / О. М. Кожина. — Москва : Московский гуманитарный университет, 2014. — 104 с. — ISBN 978-5-98079-963-2.
5. *Крюкова И. В.* Рекламное имя : от изобретения до прецедентности / И. В. Крюкова. — Волгоград : Издательство ВГПУ «Перемена», 2004. — 286 с. — ISBN 5-88234-653-3.
6. *Курбанова М. Г.* Эргонимы современного русского языка : семантика и прагматика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. Г. Курбанова. — Астрахань, 2014. — 191 с.
7. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : пособие для учителя / Ю. М. Лотман. — Ленинград : Просвещение, 1983. — 416 с.
8. *Маргарян С. С.* Литература и реклама : взаимодействие и взаимовлияние / С. С. Маргарян // Одиннадцатая годовичная научная конференция : сборник научных статей. — Ереван : Российско-Армянский (Славянский) университет, 2017. — Ч. II. — С. 349—361.
9. *Мубаракишина А. М.* Роль когнитивного контекста в семиотической интерпретации иноязычных вкраплений в романе Сергея Минаева «Духless» / А. М. Мубаракишина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 132—136. — DOI: 10.26170/pl20-06-14.
10. *Набоков В. В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина; под ред. А. Н. Николюкина / В. В. Набоков. — Москва : Интелвак, 1999. — 1004 с. — ISBN 5-93264-001-4.
11. *Полетаева О. Б.* Массовая литература как объект скрытой рекламы : литературный продакт плейсмент : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. Б. Полетаева. — Тюмень, 2010. — 176 с.
12. *Посиделова В. В.* Современные коммуникативные технологии : стратегии воздействия и влияния : научно-практическое пособие / В. В. Посиделова, Д. Ю. Шалков. — Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД РФ, 2023. — 128 с.
13. *Разумов Р. В.* Рекламные имена в текстах массовой литературы / Р. В. Разумов // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сборник научных статей / под общ. ред. Е. Н. Лагузовой. — Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2008. — С. 91—103.
14. *Селиванова Е. А.* Анализ функций заголовков (на материале иронических детективов Дарьи Донцовой) / Е. А. Селиванова, В. В. Калько // Праксема : Проблемы визуальной семиотики. — 2021. — № 1 (27). — С. 157—179. — DOI: 10.23951/2312-7899-2021-1-157-179.
15. *Скрипка Т. В.* Концепция человека в дореволюционном творчестве В. В. Маяковского : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. В. Скрипка. — Таганрог, 2004. — 205 с.

16. *Сорокин Ю. А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — Москва : Наука, 1990. — С. 180—186.
17. *Таскина Д. О.* Продакт-плейсмент как новая составляющая литературы / Д. О. Таскина // Постулат. — 2019. — № 11 (49). — С. 21.
18. *Трачук М. А.* Культурно-историческая обусловленность английских глуттонимов — названий блюд / М. А. Трачук, Л. В. Молчкова // Вестник международного института рынка. — 2024. — № 1. — С. 100—104.
19. *Шалков Д. Ю.* Жанровый диалог как эйдос нарративного текста (на примере пасторального канона) / Д. Ю. Шалков, В. В. Колмакова, Е. С. Шилова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2024. — № 5 (188). — С. 151—157.
20. *Шведова Н. Л.* Прагматонимы в произведениях художественной литературы : рекламная и стилистическая функции / Н. Л. Шведова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — № 10 (64). — С. 67—71.
21. *Bylkova S.* TV and Internet interviews in the structure of media education : Transformation of the ontological paradigm / S. Bylkova, D. Shalkov // E3S Web of Conferences : 8. Ser. «Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020». — 2020. — P. 18010. — DOI: 10.1051/e3sconf/202021018010.
22. *Eagle L.* Product Placement in Old and New Media : Examining the Evidence for Concern / L. Eagle, S. Dahl // Journal of Business Ethics. — 2018. — Vol. 147 (3). — Pp. 605—618. — DOI: 10.1007/s10551-015-2955-z.

*Статья поступила в редакцию 11.12.2025,
одобрена после рецензирования 21.04.2026,
подготовлена к публикации 05.05.2026.*

Material resources

- Dontsova, D. (2010). *Fillet of the Golden Cockerel*. Moscow: Eksmo. 348 p. ISBN 978-5-699-44572-1. (In Russ.).
- Dontsova, D. (2010). *The Princess on Kirieshki*. Moscow: Eksmo. 348 p. ISBN 978-5-699-39991-8. (In Russ.).
- Dontsova, D. (2013). *Romeo from the high road*. Moscow: Eksmo. 382 p. ISBN 978-5-699-56105-6. (In Russ.).
- Mayakovsky, V. V. (1957). *Complete works: in 13 volumes, 5*. Moscow: State Publishing House of Fiction. 480 p. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2010). *Collected works: in 4 volumes, 1*. Moscow: Pravda. 416 p. (In Russ.).
- Polyakova, T. V. (2014). *Lady Phoenix*. Moscow: Eksmo. 314, [1] p. ISBN 978-5-699-73878-6. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1978). *Complete works: in 10 volumes, 5*. Leningrad: Nauka: Leningrad Branch. 527 p. (In Russ.).
- Ustinova, T. V. (2021). *The law of reverse magic*. Moscow: Eksmo. 316, [1] p. ISBN 978-5-04-155940-3. (In Russ.).

References

- Berezkina, O. P. (2009). *Product Placement. Hidden advertising technologies*. St. Petersburg: Peter. 206 p. ISBN 978-5-388-00351-5. (In Russ.).

- Bulgakova, A. A. (2024). Literary product placement as a strategy for forming a positive attitude to the brand. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University: Philological Sciences*, 10 (76) / 3: 80—90. DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-3-80-90. (In Russ.).
- Bylkova, S., Shalkov, D. (2020). TV and Internet interviews in the structure of media education: Transformation of the ontological paradigm. *E3S Web of Conferences: 8. Ser. «Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020»*. P. 18010. DOI: 10.1051/e3sconf/202021018010.
- Dutli, R. (2005). *My age, my beast. Osip Mandelstam: a biography*. Saint Petersburg: Academic Project. 432 p. ISBN 5-7331-0346-9. (In Russ.).
- Eagle, L., Dahl, S. (2018). Product Placement in Old and New Media: Examining the Evidence for Concern. *Journal of Business Ethics*, 147 (3): 605—618. DOI: 10.1007/s10551-015-2955-z.
- Kozhina, O. M. (2014). *Product placement in Russia and its perception by potential consumers: a monograph*. Moscow: Moscow University of the Humanities. 104 p. ISBN 978-5-98079-963-2. (In Russ.).
- Kryukova, I. V. (2004). *Advertising name: from invention to precedent*. Volgograd: Publishing House of VGPU “Change”. 2 86 p. ISBN 5-88234-653-3. (In Russ.).
- Kurbanova, M. G. (2014). *Ergonyms of the modern Russian language: semantics and pragmatics*. PhD Diss. Astrakhan. 191 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1983). *A. S. Pushkin's novel “Eugene Onegin”. Comment: a teacher's manual*. Leningrad: Prosveshchenie Publ. 416 p. (In Russ.).
- Margaryan, S. S. (2017). Literature and advertising: interaction and mutual influence. In: *Eleventh Annual Scientific Conference: collection of scientific articles, II*. Yerevan: Russian-Armenian (Slavic) University. 349—361. (In Russ.).
- Mubarakshina, A. M. (2020). The role of the cognitive context in the semiotic interpretation of foreign language inclusions in Sergei Minaev's novel “The Spiritless”. *Political Linguistics*, 6 (84): 132—136. DOI: 10.26170/pl20-06-14. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (1999). *Comments on “Eugene Onegin” by Alexander Pushkin*. Moscow: Inteltvak Publ. 1004 p. ISBN 5-93264-001-4. (In Russ.).
- Poletaeva, O. B. (2010). *Mass literature as an object of hidden advertising: literary product placement*. PhD Diss. Tyumen. 176 p. (In Russ.).
- Posidelova, V. V., Shalkov, D. Y. (2023). *Modern communication technologies: strategies of influence and influence: a scientific and practical guide*. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 128 p. (In Russ.).
- Razumov, R. V. (2008). Advertising names in the texts of mass literature. In: *Semantics and functioning of linguistic units in different types of speech: a collection of scientific articles*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 91—103. (In Russ.).
- Selivanova, E. A., Kalko, V. V. (2021). Analysis of headline functions (based on the material of ironic detectives by Daria Dontsova). *Praxema: Problems of visual semiotics*, 1 (27): 157—179. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-1-157-179. (In Russ.).
- Shalkov, D. Y., Kolmakova, V. V., Shilova, E. S. (2024). Genre dialogue as an eidos of a narrative text (on the example of the pastoral canon). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 5 (188): 151—157. (In Russ.).
- Shvedova, N. L. (2011). Pragmatonyms in works of fiction: advertising and stylistic functions. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 10 (64): 67—71. (In Russ.).

- Skripka, T. V. (2004). *The concept of man in the pre-revolutionary work of V. V. Mayakovsky*. PhD Diss. Taganrog. 205 p. (In Russ.).
- Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Creolized texts and their communicative function. In: *Optimization of speech impact*. Moscow: Nauka Publ. 180—186. (In Russ.).
- Taskina, D. O. (2019). Product placentum as a new component of literature. *The postulate, 11* (49): P. 21. (In Russ.).
- Trachuk, M. A., Molchkova, L. V. (2024). Cultural and historical conditionality of English glutton names of dishes. *Bulletin of the International Market Institute, 1*: 100—104. (In Russ.).

*The article was submitted 11.12.2025;
approved after reviewing 21.04.2026;
accepted for publication 05.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Влавацкая М. В. Метод суггестивного анализа как инструмент выявления механизмов речевого воздействия в дискурсе гороскопов (на материале английского языка) / М. В. Влавацкая // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 108—128. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-108-128.

Vlavatskaya, M. V. (2026). Suggestive Analysis Method as a Tool for Identifying Speech Influence Mechanisms in English-Language Horoscope Discourse. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 108-128. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-108-128. (In Russ.).

Web of Science®

DOAJ

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Метод суггестивного анализа как инструмент выявления механизмов речевого воздействия в дискурсе гороскопов (на материале английского языка)

Влавацкая Марина Витальевна
orcid.org/0000-0001-5619-9416
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра иностранных языков
гуманитарного факультета
vlavaczka@corp.nstu.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Suggestive Analysis Method as a Tool for Identifying Speech Influence Mechanisms in English-Language Horoscope Discourse

Marina V. Vlavatskaya
orcid.org/0000-0001-5619-9416
Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Languages
Faculty of Humanities
vlavaczka@corp.nstu.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются механизмы суггестивного воздействия, заложенных в дискурсе гороскопов. Дается определение суггестии как особого психологического способа воздействия суггестора на суггеренда. Выявлены ее характерные признаки: осознанность, навязчивость, целенаправленность, с одной стороны, некритическое восприятие информации и полное доверие, с другой. Источниками материала выступили тексты англоязычных гороскопов, размещенные на сайтах Horoscope.com и Yourtango.com. В работе предлагается и обосновывается метод суггестивного анализа с целью выявления механизмов речевого воздействия в текстах гороскопа. Разработано три этапа анализа. В качестве первого этапа предлагается структурно-композиционный анализ, а именно: определение и описание традиционных элементов гороскопа. В качестве второго этапа предложен лингвостилистический анализ, то есть выделение специальных языковых средств и стилистических приемов. На третьем этапе выполнялось выявление механизмов речевого воздействия в гороскопических текстах на социально-психологическом уровне. Установлено, что к основным механизмам суггестивного речевого воздействия относятся создание эффекта личностной ориентированности, актуализация воображения и формирование атмосферы доверия. Отмечается, что эти приемы обеспечивают эффективное манипулирование восприятием адресата сообразно специфике жанра.

Ключевые слова:

суггестия; суггестор; суггеренд; гороскоп; композиция текста; стилистические средства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the mechanisms of suggestive influence embedded in horoscope discourse. Suggestion is defined as a specific psychological method through which a suggestor exerts influence on a suggestee. The research identifies its key characteristics: on the one hand, conscious, intrusive, and purposeful manipulation; on the other, uncritical perception and complete trust on the part of the recipient. The empirical material consists of English-language horoscope texts sourced from Horoscope.com and Yourtango.com. The paper proposes and substantiates a method of suggestive analysis aimed at revealing the mechanisms of speech influence in horoscope texts. The method comprises three analytical stages. The first stage involves structural and compositional analysis, including the identification and description of traditional horoscope elements. The second stage entails linguostylistic analysis, focusing on the selection of specific linguistic means and stylistic devices. The third stage is dedicated to identifying speech influence mechanisms at the socio-psychological level. The findings demonstrate that the primary mechanisms of suggestive speech influence include the creation of a personalized effect, the activation of imagination, and the establishment of an atmosphere of trust. It is noted that these techniques ensure effective manipulation of the recipient's perception in accordance with the genre's specifics.

Key words:

suggestion; suggestor; suggestee; horoscope; text composition; stylistic devices.

УДК 811.111'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-108-128

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Метод суггестивного анализа как инструмент выявления механизмов речевого воздействия в дискурсе гороскопов (на материале английского языка)

© Влавацкая М. В., 2026

1. Введение = Introduction

Феномен суггестии определяют как внушение информации без критического анализа, которое изменяет мысли, убеждения и поведение суггеренда (реципиента). Для преодоления сопротивления нужно вводить информацию в его подсознание через пассивное восприятие, чтобы она воспринималась как собственная мысль [Бехтерев, 1999]. Суггестия — сложный и многогранный феномен, который определяется как процесс внушения, осуществляемый посредством вербальных и невербальных средств коммуникации, направленный на изменение когнитивных, эмоциональных и поведенческих установок реципиента. Данное явление имеет глубокие корни в человеческой психике и социальной коммуникации.

Суггестивность — это «сознательно осуществляемое внушение, направленное на установление доверия к говорящему со стороны реципиента и воспринимаемое реципиентом без критической оценки» [Гончаренко, 2007, с. 23]. При этом суггестивное воздействие будет успешным только в случае полного доверия суггеренда, которое позволит ему принять любую информацию положительно без должного анализа. Суггестивное влияние осуществляется суггестором сознательно. Характерным признаком суггестии является навязчивость.

Механизмы суггестии включают в себя использование различных лингвистических стратегий на разных уровнях языка, включая такие стилистические средства выражения, как метафоры, риторические вопросы, парадоксы и другие языковые приемы, которые способствуют проникновению информации в подсознание суггеренда.

Суггестивное воздействие исследуется в различных типах дискурса, среди которых медицинский [Гончаренко, 2008], психофизиологический, включая гипноз [Гончаров, 2017], рекламный [Зырянова и др., 2023], поли-

тический [Жарина и др., 2019], культурологический [Марков и др., 2025], а также такие типы дискурса, как медитативный, магический, психотерапевтический и религиозный, которые рассматриваются как «суггестивные типы коммуникации, реализующие протективную функцию нейтрализации бытовых фобий, а также влияния внешних негативных факторов на реципиента» [Ермолаева, 2017, с. 124] и т. д.

Суггестивное воздействие на реципиента заметно прослеживается в астрологическом дискурсе, а именно в гороскопических текстах. И, несмотря на то, что астрология признана учеными как лженаука (что даёт повод для критики [Van de Moortel, 2006]), непредсказуемость и сложность жизненных ситуаций продолжают мотивировать индивидов обращаться к астрологическим предсказаниям.

В данном исследовании рассматривается дискурс гороскопов. Термин *дискурс* означает «совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [Чернявская, 2014, с. 58—59], в данном случае практики создания и использования гороскопов как астрологических прогнозов судьбы человека.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа суггестивного воздействия вообще и в гороскопических текстах в частности. Этот аспект важен для суггестивной лингвистики, которая среди прочего изучает механизмы и способы такого влияния в контексте астрологических прогнозов [Черепанова, 1999]. Психолингвистический подход к изучению гороскопов позволяет выявить и проанализировать когнитивные и эмоциональные процессы, лежащие в основе восприятия и интерпретации астрологических текстов, что, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию феномена суггестии в массовой коммуникации.

Проблема суггестивного воздействия в астрологических, в том числе гороскопических, текстах уже давно привлекает внимание лингвистов. Так, Е. Н. Азначеева, исследуя проблему когнитивных и семиотических оснований астрологической системы, пришла к выводу, что на основе аналогии и синхронизации определяется полисемантизм и амбивалентный смысл астрологических знаков, а также специфический характер астрологических архетипов и ключевых концептов [Азначеева, 2011].

Е. Р. Савицкайте в дискурсе гороскопов исследует эмоциональность и образность как маркеры авторитетности, доказывая, что в них наряду с референтной и конативной (апеллятивной) функциями реализуется и эмотивная функция: «В сознании адресата гороскопы обладают дополнительной значимостью, а значит и авторитетностью» [Савицкайте, 2013, с. 207].

Л. З. Кулова доказывает, что астрологический дискурс характеризуется особыми способами представления информации, которые оказывают эффективное влияние на формирование общественного мнения и поведенческих норм [Кулова, 2015b].

Результаты исследования гороскопических текстов А. М. Мубаракшиной свидетельствуют о наличии весьма распространенных суггестивных тактик в аспекте речевой коммуникации. Среди них используются методы речевого воздействия, включая термины, метафорическую и эмоционально окрашенную лексику, использование символического языка и метод контраста, который обеспечивает так называемый прогностический плюрализм [Мубаракшина, 2021b].

В аспекте выявления суггестивного воздействия в текстах гороскопа было обнаружено, что успешное суггестивное воздействие достигается в них за счет комплексного использования психологических и лингвистических способов. Астрологи применяют специфические техники, варьирующиеся в зависимости от целей, но обладающие скрытым суггестивным потенциалом. Суггестивный анализ выявляет композиционно-содержательные, лингвистические и стилистические элементы с заложенными механизмами воздействия. Наиболее часто в тексте гороскопа используются техники личностной ориентированности, активации воображения и создания атмосферы доверия [Польховская, 2024; Влавацкая, 2025].

В рамках серии исследований, посвященных языковой и психологической специфике гороскопических текстов, в данной статье разрабатывается метод суггестивного анализа, непосредственно направленного на выявление лингвистических и неязыковых особенностей суггестивного речевого воздействия на читателя в дискурсе гороскопов и идентификацию его психологических механизмов.

Научная новизна заключается в систематизации имеющихся теоретических знаний о суггестивном речевом воздействии и создании алгоритма проведения суггестивного анализа как специально разработанного и научно обоснованного инструмента выявления суггестивных механизмов речевого воздействия на читателя-адресата в дискурсе гороскопов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования являются гороскопы для знака Рыб, размещенные на англоязычных сайтах Horoscope.com и Yourtango.com. Гороскопы представляют собой прогностические тексты, как правило, представленные в письменной форме и имеющие явную или скрытую авторскую установку воздействия на адресата.

Функция гороскопа состоит в том, чтобы заинтересовать читателя, убедить его в правдивости предсказаний, поэтому текст гороскопа составляется с определенной целью — внушить адресату то, что, следуя изложенным в нем рекомендациям, достижение поставленной цели является возможным, а негативные последствия могут быть предотвращены [Фаттахова и др., 2022].

По структуре тексты гороскопа, как правило, состоят из двух частей: 1) описание положения дел посредством констатации и интерпретации позиции небесных светил и ее влияния на предстоящие события в жизни человека; 2) представление рекомендаций к дальнейшим действиям, которые могут относиться к разным аспектам жизни и деятельности индивида [Мубаракшина, 2021a].

Текст гороскопа вербализует прогноз, охватывающий как краткосрочные, так и долгосрочные события в жизни человека, переданный специальными языковыми средствами и основанный на прагматической установке автора-астролога. В гороскопе содержатся рекомендации, направленные на усиление положительных сценариев и предотвращение негативных последствий при неблагоприятном развитии событий [Мубаракшина, 2021b]. Гороскопу, как и тексту любого жанра, присущи характерные признаки, при помощи которых его можно идентифицировать; они относятся к категории индивидуальных, гетеросуггестивных и аутосуггестивных текстов [Черепанова, 1999, с. 9]. Коммуникативно-прагматическая функция текстов гороскопа заключается в предоставлении информации о потенциальных событиях в будущем, а также в воздействии на реципиента с целью рекомендации или убеждения его в целесообразности осуществления определенных действий или событий [Грушецкая, 2023].

В прагмалингвистическом аспекте языковая суггестия определяется как «ситуация речевого воздействия суггестора на суггерендов с целью корректировать установку последних путем организации подачи информации таким образом, чтобы ее восприятие осуществлялось без критической оценки, бессознательно» [Юданова, 2004, с. 7].

В гороскопе сочетаются такие виды дискурса, как астрологический, магический, медийный и профетрический. Дискурсивные особенности гороскопических текстов проявляются на семиотическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. С точки зрения семантики, гороскопы включают архетипические образы, которые выражены через знаки Зодиака [Фаттахова и др., 2022]. Реализация прагматической составляющей гороскопа сближает его с магическим дискурсом. Прагматические характеристики гороскопа — «тотальная направленность», жизнеутверждающий призыв к определённому действию, применение специальной терминологии, об-

ращение к авторитетному источнику, использование ключевых слов, отражающих когнитивные доминанты [Мубаракшина, 2015б, с. 82].

С дискурсом гороскопов отчасти коррелирует понятие «окультиный дискурс», которое означает направление, изучающее коммуникацию в институциональной деятельности за пределами науки и официальной религии. Окультиный дискурс содержит в себе характеристики астрологического, магического и алхимического типов дискурса, социокультурные особенности которых определяются символическими и социальными значениями практик [Tomchakovska et al., 2022].

При исследовании языка текстов гороскопов посредством функционально-когнитивного стилистического подхода — с позиций того, как языковые конструкции влияют на формирование смысла и понимание текста, было установлено, что они привлекают внимание читателей весьма размытым, но увлекательным языком, который содержит элементы, активирующие воображение читателей [Efleih et al., 2025].

Изучение литературы, посвященной суггестивному речевому воздействию, свидетельствует об отсутствии единого подхода к выделению уровней и методологии анализа в тексте гороскопов. По этой причине при разработке метода суггестивного анализа речевого влияния астролога-суггестора на читателя-суггеренда в текстах гороскопа мы опираемся на работы разных ученых.

Так, механизмами создания суггестивного воздействия на читателя в дискурсе гороскопов являются следующие:

а) **структурно-композиционные** элементы текста (его композиция, включая констатацию и интерпретацию, сценарий, тип предложений, рекомендации, архетипы знаков в тексте и т. д.) [Мубаракшина, 2021а];

б) **лингвостилистические средства** выражения:

— на лексическом уровне (астрологическая лексика и терминология, лексические интенсификаторы, лексемы с положительными коннотациями, слова с абстрактным значением и т. д.);

— на грамматико-синтаксическом уровне (модальные глаголы, степени сравнения прилагательных, повелительное наклонение, сложноподчинённые предложения, односоставные предложения и т. д.);

в) **стилистические средства и приемы** (метафоры, фразеологизмы, олицетворение, цитирование, противопоставление и т. д.).

Комплексный анализ и интерпретация эмпирических данных, осуществлённые на двух уровнях, позволяют выявить и описать психологические механизмы суггестивного речевого воздействия, характерные для текстов гороскопов. Эффективность данного воздействия обусловлена социально-психологическими факторами, а именно — склонностью рецепи-

ента к некритическому восприятию и принятию внушаемой информации на веру. Взяв за основу концепцию Л. З. Куловой [Кулова, 2015а], *психологическими механизмами* мы называем следующие:

- авторитет астролога, который заключается в том, что активное использование астрологической лексики и терминологии может заметно повысить статус автора гороскопа;

- степень доверия к астрологу возрастает, если он демонстрирует навыки психологического воздействия, то есть кажется убедительным без использования им специализированной астрологической терминологии;

- эффект личностной ориентированности текста достигается за счет использования астрологом определенных лингвистических средств, например, обращения или местоимения *Вы*, которые создают впечатление, что текст был лично предназначен данному индивиду;

- игра воображения суггеренда связана с прогностической деятельностью астролога: он описывает будущие позитивные события, которые соответствуют целям и желаниям читателя, тем самым формируя у него ожидание их скорого наступления;

- акцент на внутреннем мире суггеренда выступает способом формирования эмпатической связи между ним и астрологом: подробное описание эмоциональных чувств и состояний индивида способствует созданию иллюзии эмпатии со стороны астролога-суггестора и усилению его воздействия на читателя-суггеренда

- эффект сакральности предполагает формирование у индивида состояния покорности и подчинения вследствие иррационального страха перед возможным возмездием со стороны высшего порядка или Высших сил.

Наряду с апробацией суггестивного метода анализа в исследовании применялись анализ, синтез, обобщение, а также методы дефиниционного анализа (оценка смыслового объема и структуры терминов) и лингвистического анализа (позволяющего всесторонне и глубоко исследовать используемые языковые средства на разных уровнях языка, а также выявлять степень их воздействия на суггеренда).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Схема проведения суггестивного анализа в текстах гороскопа

Метод суггестивного анализа текстов гороскопа представляет собой научный подход, включающий операции, направленные на выявление механизмов речевого воздействия, реализуемых автором-суггестором и предназначенных читателю-суггеренду. Данный метод способствует обнаружению структурно-композиционных элементов, языковых средств и стилистических приемов в гороскопе, при помощи которых активируются

психологические механизмы речевого влияния. Целью применения этого метода следует считать выявление специфических тактик воздействия на адресата, обладающих скрытым суггестивным потенциалом. Схему проведения суггестивного анализа представим следующим образом:

- определение структурно-композиционных элементов текста;
- композиция текста;
- сценарий текста;
- тип предложений;
- рекомендации;
- архетипы знаков;
- выделение лингвостилистических особенностей текста гороскопа;
- на лексическом уровне;
- на грамматико-синтаксическом уровне;
- стилистические средства и приёмы;
- обобщение, анализ и интерпретация полученных данных, а также идентификация зашифрованных автором-астрологом механизмов психологического воздействия на адресата-читателя.

Далее проведем апробацию метода суггестивного анализа. В качестве материала исследования выступили два текста гороскопа на английском языке, прогнозирующие события для знака Рыб (Pisces).

3.2. Механизмы суггестивного речевого воздействия в гороскопах: анализ текстов сайта Horoscope.com

Сначала рассмотрим **структурно-композиционные** элементы текста.

Данный гороскоп состоит из предложений, содержащих в себе как **констатацию**, так и **интерпретацию**. В основном предложения состоят из двух смысловых отрезков: в первом — описывается событие или действие, которое предсказывается Рыбам (констатация), во втором — объясняется причина или цель предсказанного (интерпретация): *The sun drifts through your creative, compassionate sign between the end of February and the end of March, so have fun celebrating your birthday month!* (С конца февраля до конца марта солнце будет находиться в вашем знаке зодиака, который ассоциируется с творчеством и состраданием. Это отличное время, чтобы отметить свой день рождения, наслаждаясь энергией этого периода!) (здесь и далее перевод наш. — М. В.).

Текст гороскопа включает **положительный сценарий**, реализуемый в одном сложносочиненном предложении. Несмотря на то, что его вторая часть содержит в себе описания возможных негативных событий, автор завершает его позитивно: *Looking at things as they are rather than how you wish they were isn't always easy, but you're a lot more capable of dealing with unpleasantness than you seem!* (Воспринимать реальность такой, какая она

есть, а не такой, какой вы её себе представляете, порой нелегко, но вы способны справиться с трудностями гораздо лучше, чем это может показаться!). В предложении используется прием контраста, который компенсирует негативные тенденции в одной области жизни удачами в другой.

Содержание гороскопа строится на описании архетипа — ключевого образа, традиционно соотносимого с представлениями о характере и мировоззрении людей, рожденных под определенным знаком Зодиака: у Водолея — это свобода, у Рака — это материнство, у Скорпиона — страсть [Мубаракшина, 2021a, с. 102]. Рыбам традиционно приписываются следующие характеристики: это обычно творческие и оптимистичные интроверты, которые погружены в эзотерику и больше проживают в своём воображаемом мире, нежели в реальном. Астролог опирается на архетип, соотносительный с данным знаком Зодиака, чтобы обосновать свои прогнозы для людей этого знака, описывая модель их характера и поведения следующим образом: *as the ultimate optimist of the zodiac; psychic and intuitive skills; your subconscious via daydreams and visions; as an introvert* (как самый оптимистичный представитель зодиака; экстрасенсорные и интуитивные способности; ваше подсознание через мечты и видения; как интроверт) и т. п.

Текст данного гороскопа построен на объёмных описаниях и разъяснениях и не содержит каких-либо рекомендаций: *As an introvert, you thrive in peacefulness and solitude, so your ideal birthday celebration might be kayaking solo around a placid lake or reading your favorite book by the pool, followed by a delicious dinner with your BFF or closest family members* (Как интроверт, вы цените спокойствие и уединение, поэтому идеальным вариантом для празднования вашего дня рождения может стать прогулка на байдарке по тихому озеру в одиночку или чтение любимой книги у бассейна, за чем последует вкусный ужин с вашим лучшим другом (подругой) или ближайшими родственниками).

Далее перейдем к определению языковых средств и выявлению зашифрованных в них суггестивных механизмов на лексическом уровне.

Текст, описывающий события, включает в себя лексику, обладающую позитивными коннотациями, что усиливает эмоциональность восприятия материала и пробуждает игру воображения суггеренда: *As an introvert, you thrive in peacefulness and solitude, so your ideal birthday celebration might be kayaking solo around a placid lake or reading your favorite book by the pool, followed by a delicious dinner with your BFF or closest family members* (перевод см. выше).

Авторитет астролога в глазах читателя поддерживается за счет использования астрологической лексики: *Larger doses of reality will begin to surface during the Neptune retrograde cycle between the end of June and the end*

of the year, which can cause a lot more pessimism and subsequent disappointment (Многие аспекты реальности начнут проявляться с большей интенсивностью в период ретроградного цикла Нептуна, который будет длиться с конца июня до конца года; это может привести к усилению пессимистических настроений и последующему разочарованию).

Вводное словосочетание *as usual* подразумевает то, что предстоящее событие будет чем-то обычным для Рыб. Читателю кажется, что гороскоп создан специально для него, так как затрагивает его внутренний мир. Тем самым автор-астролог стремится создать у читателя ощущение личного к нему обращения: *And as usual, Pisces, you can continue to rely on your keen psychic and intuitive skills to observe and reflect on the world around you* (Рыбы! Как всегда, вы можете полагаться на свою развитую интуицию и экстрасенсорные способности: продолжайте наблюдать за миром и размышлять о его загадках). Кроме того, для создания эффекта личностной ориентированности в качестве обращения вместо местоимения *You* используется имя собственное — знака Рыб (*Pisces*).

Лексический интенсификатор *surprisingly accurate* пробуждает воображение читателя, придавая нейтральному значению соседней лексемы позитивный оттенок: *Interpreting messages from your subconscious via day-dreams and visions gives you surprisingly accurate information about your life path next year* (Анализ тайных посланий вашего подсознания, выраженных через сны и видения, может предоставить на удивление точную информацию о том, как будет складываться ваша жизнь в следующем году).

На грамматико-синтаксическом уровне автор гороскопа использует сложноподчинённые предложения с целью поддержания авторитета астролога, сначала предсказывая события, а потом подкрепляя их астрологически доказательными объяснениями: *As the ultimate optimist of the zodiac, you get permission from the Universe to stay in your own little dream world because your home planet Neptune continues to be influenced by your idealistic sign all year* (Как самый оптимистичный представитель зодиака, вы получаете благословение Вселенной на то, чтобы пребывать в своем уютном мире фантазий, ведь ваша родная планета Нептун продолжает находиться под влиянием вашего идеалистического знака в течение всего года).

Модальные глаголы астролог использует для того, чтобы продемонстрировать варианты празднования предстоящего знаменательного события, тем самым заставляя суггеренда полагаться на игру воображения и получить определенный эмоциональный отклик: *As an introvert, you thrive in peacefulness and solitude, so your ideal birthday celebration might be kayaking solo around a placid lake or reading your favorite book by the pool, followed by a delicious dinner with your BFF or closest family members* (см. перевод выше).

Эффект личностной ориентированности достигается при помощи сравнительной степени прилагательного: *Looking at things as they are rather than how you wish they were isn't always easy, but you're a lot more capable of dealing with unpleasantness than you seem!* (... вы способны справляться с трудностями гораздо лучше...).

Среди стилистических приемов присутствует олицетворение: Вселенная — *Universe* — наделяется субъектностью, она «благословляет». Это позволяет читателю испытать чувство умиротворения после первоначальной эмоции страха, что способствует созданию атмосферы сакральности. Дальнейшее повествование характеризуется позитивной тональностью, что усиливает положительное восприятие описываемых событий: *As the ultimate optimist of the zodiac, you get **permission from the Universe** to stay in your own little dream world because your home planet Neptune continues to be influenced by your idealistic sign all year* (...вы получаете благословение Вселенной...).

Используя в тексте метафоры, автор гороскопа наделяет астрологическое знание эмоциональной выразительностью, что способствует актуализации и усилению его сакрального измерения в культурном сознании реципиента: ***Larger doses of reality will begin to surface during the Neptune retrograde cycle between the end of June and the end of the year, which can cause a lot more pessimism and subsequent disappointment*** (многие аспекты реальности начнут проявляться с большей интенсивностью...).

Итак, систематизируем полученные результаты суггестивного анализа (табл. 1).

Таблица 1

Результаты суггестивного анализа речевого воздействия
в тексте гороскопа на сайте Horoscope.com

1. Структурно-композиционные элементы	
Равное соотношение смысловых отрывков (констатация / интерпретация). Наличие описания архетипа знака. Положительный сценарий текста. Наличие объемных описаний. Отсутствие рекомендаций.	
2. Лингвистические средства	3. Механизмы суггестивного речевого воздействия
2.1. Лексический уровень	
Лексемы с положительными коннотациями	Игра воображения
Астрологическая лексика	Авторитет астролога
Вводное словосочетание	Эффект личностной ориентированности
Лексический интенсификатор	Игра воображения

Окончание табл. 1

Имя собственное	Эффект личностной ориентированности
<i>2.2. Грамматико-синтаксический уровень</i>	
Модальные глаголы	Игра воображения
Сложноподчиненные предложения	Авторитет астролога
Сравнительная степень прилагательных	Эффект личностной ориентированности
Обращение	Эффект личностной ориентированности
<i>2.3. Стилистические средства</i>	
Олицетворение	Эффект сакральности
Метафора	Эффект сакральности

Так, апробация метода суггестивного анализа показала, что к числу основных механизмов суггестивного воздействия на читателя в данном тексте принадлежат игра воображения, эффект личностной ориентированности, авторитет астролога и эффект сакральности. В тексте гороскопа также используются средства, создающие иллюзию персонального обращения к адресату благодаря использованию приема личностной ориентированности при помощи таких языковых средств, как вводное словосочетание *as usual*, имя собственное *Pisces* и сравнительная степень прилагательных *more*. Далее, чтобы подтвердить свой профессиональный авторитет, автор гороскопа использует астрологическую лексику и сложноподчинённые предложения. Суггестивный механизм активации воображения создается при помощи использования лексических интенсификаторов, лексем с положительными коннотациями и модальных глаголов, что позволяет суггестору заставить суггеренда представить себя в кругу описываемых событий. Эффект сакральности, формируемый посредством олицетворения и метафоризации, усиливает суггестивное воздействие текста, приобретая устойчивость за счёт актуализации экзистенциального страха перед непостижимостью Вселенной.

3.3. Механизмы суггестивного речевого воздействия в гороскопах: анализ текстов сайта Yourtango.com

Вторым текстом для анализа был выбран текст гороскопа для Рыб с англоязычного сайта «Yourtango.com».

Начнем с рассмотрения структурно-композиционных характеристик текста.

Астролог выстроил текст гороскопа при помощи коротких предложений, которые содержат констатацию или интерпретацию. В своём предсказании он отдаёт предпочтение предложениям с констатацией, таким

образом закрепляя свой авторитет специалиста-астролога: *It's lovely to be as nice and gentle as you are, Pisces, but it's even nicer to be able to respect yourself at all times* (Быть таким добрым и заботливым, как вы, Рыбы, — это замечательно, но еще лучше всегда сохранять к себе уважение). в предложении имеется обращение к Рыбам.

Сценарий гороскопического текста выстроен в исключительно позитивной модальности. Предсказание открывается и завершается выражением благодарности, отличается выраженной комплиментарностью в адрес представителей знака Рыб: *You are the person who comes to the rescue of anybody who is in trouble* (Вы тот человек, который приходит на помощь любому, кто попал в беду). Данный прием используется, чтобы усилить эффект личностной ориентированности.

Это подтверждается и включением в прогноз информации об архетипе Рыб, представляемых как один из самых добрых, милых и готовых пожертвовать собой знаков зодиакального круга: *Soft-hearted, empathetic Pisces, what would we do with you? You are the person who comes to the rescue of anybody who is in trouble. You never fail to show love and compassion...you are simply the best, and everyone in your life adores you to pieces* (Мягкосердечные, чуткие Рыбы, что бы мы с вами сделали? Вы тот человек, который приходит на помощь любому, кто попал в беду. Вы никогда не перестаете проявлять любовь и сострадание... вы просто лучший, и все в вашей жизни обожают вас).

Предложения в данном тексте не такие объёмные, как в первом прогнозе, а скорее наоборот, достаточно минималистичные: *It's time for you to compartmentalize your emotions, meaning you need to honor each of your feelings as legit* (Настало время выразить свои чувства, и это подразумевает необходимость признания их всех без исключения как имеющих право на существование).

В тексте также даны небольшие рекомендации: *Show yourself that you come before anybody else. Make yourself into your Valentine* (Докажи себе, что ты лучше всех. Стань идеалом).

На следующем этапе анализа перейдем к выявлению языковых средств на лексическом уровне и зашифрованного в них суггестивного речевого воздействия.

2.1. При описании архетипа знака Рыб автор прибегает к использованию лексем с положительными коннотациями, тем самым располагая к себе, презентуя себя как авторитетного специалиста: *It's lovely to be as nice and gentle as you are, Pisces, but it's even nicer to be able to respect yourself at all times* (Быть таким добрым и заботливым, как вы, Рыбы, — это замечательно, но еще лучше всегда сохранять к себе уважение).

Местоимение *You* в начале предложений, описывающих представителей знака Рыб, позволяет создать эффект личностной ориентированности: *You are the person who comes to the rescue of anybody who is in trouble* (Вы тот человек, который приходит на помощь любому, кто попадает в беду).

Помимо этого, автор обращается к читателям, используя имя собственное, рассчитывая на усиление того же эффекта: *Soft-hearted, empathetic Pisces, what would we do with you?* (Мягкосердечные, чуткие Рыбы, что бы мы с вами сделали?).

2.2. На грамматико-синтаксическом уровне созданию суггестивного воздействия способствовали следующие средства.

Односоставные предложения несут в себе главную мысль: краткие емкие предложения способны заставить адресата представить возможные варианты развития событий, то есть добиться активизации его воображения: *Make yourself into your Valentine!* (Стань идеалом!).

Использование глаголов в форме повелительного наклонения побуждает читателя к действиям, формируя эффект персональной адресации и способствуя повышению доверия к астрологу: *Show yourself that you come before anybody else* (Докажи себе, что ты лучше всех).

Использование превосходной степени прилагательного служит для подчёркивания исключительности знака Рыб по сравнению с другими знаками Зодиака (буквально — превосходства), что свидетельствует о целенаправленном программировании астрологом эффекта личностной адресации: *Being the sweetest sign of the Zodiac puts you at peril, however, as people like to take advantage of those who are endlessly giving, as you are* (Однако, будучи самым милым знаком Зодиака, вы подвергаете себя опасности, поскольку люди для своих личных целей часто используют тех, кто бесконечно щедр, как вы). В данном контексте можно наблюдать использование коммуникативных стратегий, направленных на создание иллюзии личностной ориентированности, что способствует формированию у адресата ощущения собственной значимости и повышает уровень доверия к источнику информации (в данном случае — к астрологу). Такой эффект достигается за счёт персонализации сообщения и акцентирования внимания на индивидуальных особенностях собеседника.

Среди стилистических средств и приемов были зафиксированы следующие.

Фразеологизм *adores you to pieces* усиливает эмоциональную выразительность высказывания, способствуя формированию у адресата чувства собственной значимости и оказывая влияние на его внутренний мир: *You are simply the best, and everyone in your life adores you to pieces* (Вы просто великолепны, и все вокруг обожают Вас).

В одном из предложений автор-астролог прибегает к метафоре, апеллируя к эмоциональной сфере читателя. Такой приём повышает убедительность рекомендаций: *Make yourself into your Valentine* (Стань идеалом).

Представим полученные результаты анализа данного текста гороскопа (табл. 2).

Таблица 2

Результаты суггестивного анализа речевого воздействия
в тексте гороскопа на сайте Yourtango.com

<i>Структурно-композиционные элементы</i>	
Преобладание смысловых отрывков с констатацией. Наличие описания архетипа знака. Положительный сценарий текста. Отсутствие объемных описаний. Наличие рекомендаций.	
<i>Лингвистические средства</i>	<i>Механизмы суггестивного речевого воздействия</i>
<i>Лексический уровень</i>	
Лексемы с положительными коннотациями	Авторитет астролога
Местоимение «You»	Эффект личностной ориентированности
Имя собственное	Эффект личностной ориентированности
Лексика, выражающая чувства и эмоции	Акцент на внутреннем мире суггеренда
<i>Грамматико-синтаксический уровень</i>	
Односоставные предложения	Игра воображения
Повелительное наклонение	Элемент доверия
Превосходная степень прилагательных	Эффект личностной ориентированности
Обращение	Эффект личностной ориентированности
<i>Лингвостилистические средства</i>	
Фразеологизм	Акцент на внутренний мир суггеренда
Метафора	Элемент доверия

Апробация метода суггестивного анализа показала, что в проанализированном тексте гороскопа для знака Рыб астролог применяет такие суггестивные речевые механизмы, как личностная адресация, формирующая эффект индивидуализированного подхода, создание атмосферы доверия, акцентуация внутреннего мира адресата, опора на авторитет и стимуляция воображения, что в совокупности способствует повышению восприимчивости к рекомендациям и усиливает их убеждающий эффект. Вкладывая в текст множественные маркеры личностной ориентированности — разно-

образные формы обращения к читателю и усилительные конструкции с использованием превосходной степени прилагательных, — автор формирует у адресата ощущение личной вовлечённости, достигает заинтересованности. Метафоры и императивы выступают инструментами психологического воздействия, способствуя формированию доверия к астрологу и признанию его авторитета. Фразеологизмы и лексика с положительными коннотациями закрепляют эмоциональную привязанность и готовность к принятию информации. Односоставные предложения усиливают эффект внушения, облегчая безусловное принятие прогноза и стимулируя воображение, что способствует внутреннему проживанию заложенных в тексте установок.

4. Заключение = Conclusions

В ходе проведенного исследования было установлено, что эффективное суггестивное воздействие в текстах гороскопов достигается посредством комплексного использования лингвостилистических средств и психологических тактик, которые применяются в зависимости от поставленной цели, обладая скрытым суггестивным потенциалом, способствующим формированию у суггерента заданных или желаемых когнитивных, эмоциональных и поведенческих состояний.

Исследование доказало, что гороскопы оказывают суггестивное влияние на человека за счёт самовнушения, помогая ему найти точку опоры в нестабильной и непредсказуемой реальности. Основным способом тогда становится эффект самоидентификации, который характеризуется тем, что человек стремится идентифицировать себя с тем содержанием, которое предложено ему в тексте гороскопа, и, таким образом, произвольно запрограммировать себя на совершение определённых действий и линию поведения.

Предложенный в статье метод суггестивного анализа текстов гороскопического содержания представляет собой специализированный подход, направленный на идентификацию и тщательное изучение механизмов суггестивного речевого воздействия, оказываемого на читателя-суггерента в текстах астрологических прогнозов. На разных этапах суггестивного анализа гороскопов выделяются их структурно-композиционные элементы, а также лингвистические средства и стилистические приемы, в которых изначально заложены механизмы суггестивного воздействия на реципиента.

В ходе апробации метода было установлено, что к основным механизмам суггестивного речевого воздействия относятся создание эффекта личностной ориентированности, актуализация воображения и формирование атмосферы доверия. Эти приёмы обеспечивают эффективное манипулирование восприятием адресата сообразно специфике жанра.

Таким образом, применение метода суггестивного анализа в качестве инструмента выявления механизмов речевого воздействия в дискурсе гороскопов выявило наличие факторов, подтверждающих сознательное планирование и использование астрологом-суггестором специальных психологических тактик, направленных на достижение конкретных коммуникативно-прагматических, эмоционально-оценочных и поведенческих целей в отношении читателя-суггеренда.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Pisces — *Horoscope.com* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.horoscope.com/us/horoscopes/yearly/2023-horoscope-pisces> (accessed 25.01.2016).
2. Pisces — *Yourtango.com* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.yourtango.com/2022357037/new-years-2023-heartfelt-specific-advice-zodiac-signs-ruby-miranda> (accessed 25.01.2016).

Литература

1. Азначева Е. Н. Астрологический дискурс : семиотический и когнитивный аспекты / Е. Н. Азначева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 33 (248). — С. 19—21.
2. Бехтерев В. М. Объективное изучение личности / В. М. Бехтерев // Избранные труды по психологии личности : в 2 т. / ред. Г. С. Никифоров. — Санкт-Петербург : Алтея, 1999. — 281 с. — ISBN 5-89329-066-6.
3. Влавацкая М. В. Выявление суггестивного речевого воздействия в текстах гороскопа / М. В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18. — Выпуск 10. — С. 4557—4566. — DOI: 10.30853/phil20250618.
4. Гончаренко Н. В. Суггестивные характеристики медицинского дискурса : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. В. Гончаренко. — Волгоград, 2007. — 24 с.
5. Гончаренко Н. В. Суггестивность медицинского дискурса / Н. В. Гончаренко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2008. — № 2 (26). — С. 12—16.
6. Гончаров Г. А. Суггестия : теория и практика. Великая сила гипноза / Г. А. Гончаров. — Москва : Изд-во Ridero, 2017. — 366 с. — ISBN 978-5-4490-1738-3.
7. Грушецкая Е. Н. Коммуникативно-прагматический аспект текстов гороскопов и прогнозов / Е. Н. Грушецкая // Аномалия в языке, гармония в речи : Сборник научных статей / Редколлегия : Н. Н. Бартош (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Учреждение образования "Минский государственный лингвистический университет", 2023. — С. 142—146.
8. Ермолаева Е. В. Медитативный, магический, психотерапевтический и религиозный дискурсы в сопоставительном освещении / Е. В. Ермолаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 2 (68). — Ч. 2. — С. 124—126.
9. Жарина О. А. Суггестивная стратегия моделирования хронотопа в политическом дискурсе современного зарубежного медиапространства / О. А. Жарина, А. А. Дмитрова // БГЖ. — 2019. — № 4 (29). — С. 227—232. — DOI: 10.26140/bgj3-2019-0804-0050.

10. *Зырянова И. Н.* Суггестивный потенциал синтаксических особенностей текстов экологической рекламы (на материале русского и английского языков) / И. Н. Зырянова Е. Н. Санина // Известия Байкальского государственного университета. — 2023. — Т. 33. — № 4. — С. 772—781. — DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(4). 772-781.
11. *Кулова Л. З.* Особенности речевого воздействия в астрологическом типе дискурса / Л. З. Кулова // Ученые записки ОГУ. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2015а. — № 1. — С. 159—160.
12. *Кулова Л. З.* Специфика речевого воздействия на адресата в дискурсе гороскопов / Л. З. Кулова // Вестник Брянского государственного университета. — 2015b. — № 3. — С. 227—231.
13. *Марков А. В.* Суггестия : границы и перспективы культурологического понятия / А. В. Марков, О. А. Штайн // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2025. — № 2 (124). — С. 88—99. — DOI: <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-2124-88-99>.
14. *Мубаракишина А. М.* Дискурсивные особенности гороскопического текста / А. М. Мубаракишина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021а. — № 4 (66). — С. 101—105. — DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-101-105.
15. *Мубаракишина А. М.* Суггестивный потенциал гороскопического текста / А. М. Мубаракишина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021б. — № 1 (63). — С. 6—7. — DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-77-83.
16. *Польховская А. А.* Суггестия как способ психологического воздействия на человека в гороскопических текстах / А. А. Польховская // Наука. Технологии. Инновации : сборник научных трудов 17 Всероссийской научной конференции молодых ученых, Новосибирск, 4—8 дек 2023 года. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2024. — С. 68—72.
17. *Савицкайте Е. Р.* Эмоциональность и образность — Речевые маркеры авторитетности в Дискурсе гороскопов (на примере русского и немецкого языков) / Е. Р. Савицкайте // Вестник Воронежского государственного технического университета. — 2013. — Т. 9. — № 5—2. — С. 202—207.
18. *Фаттахова Н. Н.* Противительные отношения в гороскопическом тексте / Н. Н. Фаттахова, А. М. Мубаракишина // Филология и культура. — 2022. — № 1 (67). — С. 110—115. — DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-110-115.
19. *Черепанова И. Ю.* Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного / И. Ю. Черепанова. — Москва : «КСП+», 1999. — 416 с. — ISBN 5-89692-021-0.
20. *Чернявская В. Е.* Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1 (38). — С. 54—61.
21. *Юданова Е. Т.* Суггестивная функция языковых средств англоязычного политического дискурса : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. Т. Юданова. — Санкт-Петербург, 2004. — 20 с.
22. *Efleih R. A.* A Functional Cognitive Stylistic Study of Online Horoscopes Predictions / R. A. Efleih, E. A. Jaafar // Journal of the College of Education for Women. — 2025. — № 36 (2). — Pp. 44—74.
23. *Tomchakovska Yu.* English Occult Discourse As a Cultural Phenomenon / Yu. Tomchakovska, O. Tomchakovskiy, N. Mikava, K. Lesnevskaya // Wisdom. — 2022. — № 2 S (3). — Pp. 270—280.

24. Van de Moortel K. Astro-Logics : a Critical View on Astrology Techniques / K. Van de moortel. — Ghent : [b. i.], 1997—2006. — 80 p. — ISBN 90-804099-1-X.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025,
одобрена после рецензирования 08.03.2026,
подготовлена к публикации 30.04.2026.

Material resources

- Pisces — *Horoscope.com*. Available at: <https://www.horoscope.com/us/horoscopes/yearly/2023-horoscope-pisces> (accessed 25.01.2016).
Pisces — *Yourtango.com*. Available at: <https://www.yourtango.com/2022357037/new-years-2023-heartfelt-specific-advice-zodiac-signs-ruby-miranda> (accessed 25.01.2016).

References

- Aznacheeva, E. N. (2011). Astrological discourse: semiotic and cognitive aspects. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 33 (248): 19—21. (In Russ.).
Bekhterev, V. M. (1999). Objective study of personality. In: *Selected works on personality psychology: in 2 volumes*. St. Petersburg: Althea. 281 p. ISBN 5-89329-066-6. (In Russ.).
Cherepanova, I. Yu. (1999). *The Witch's House. The Language of the Creative Unconscious*. Moscow: "KSP+". 416 p. ISBN 5-89692-021-0. (In Russ.).
Chernyavskaya, V. E. (2014). Phantoms and Syndromes of the Discursive Paradigm. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (38): 54—61. (In Russ.).
Efleih, R. A., Jaafar, E. A. (2025). A Functional Cognitive Stylistic Study of Online Horoscopes Predictions. *Journal of the College of Education for Women*, 36 (2): 44—74.
Ermolaeva, E. V. (2017). Meditative, magical, psychotherapeutic and religious discourses in a comparative perspective. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 2 (68) / 2: 124—126. (In Russ.).
Fattakhova, N. N., Mubarakshina, A. M. (2022). Adversative Relations in the Horoscopic Text. *Philology and Culture*, 1 (67): 110—115. DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-110-115. (In Russ.).
Goncharenko, N. V. (2007). *Suggestive characteristics of medical discourse*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 24 p. (In Russ.).
Goncharenko, N. V. (2008). Suggestivity of medical discourse. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (26): 12—16. (In Russ.).
Goncharov, G. A. (2017). *Suggestion: theory and practice. The great power of hypnosis*. Moscow: Ridero Publishing House. 366 p. ISBN 978-5-4490-1738-3. (In Russ.).
Grushetskaya, E. N. (2023). Communicative and pragmatic aspect of horoscope and forecast texts. In: *Anomaly in language, harmony in speech: Collection of scientific articles*. Minsk: Educational Institution "Minsk State Linguistic University". 142—146. (In Russ.).
Kulova, L. Z. (2015a). Features of speech impact in the astrological type of discourse. *Scientific notes of OSU. Series: Humanitarian and social sciences*, 1: 159—160. (In Russ.).
Kulova, L. Z. (2015b). Specifics of speech impact on the addressee in the discourse of horoscopes. *Bulletin of Bryansk State University*, 3: 227—231. (In Russ.).
Markov, A. V., Stein, O. A. (2025). Suggestion: Boundaries and Prospects of a Cultural Concept. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2 (124): 88—99. DOI: <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-2124-88-99>. (In Russ.).

- Mubarakshina, A. M. (2021a). Discursive Features of the Horoscopic Text. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 4 (66): 101—105. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-101-105. (In Russ.).
- Mubarakshina, A. M. (2021b). Suggestive potential of horoscopic text. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 1 (63): 6—7. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-77-83. (In Russ.).
- Polkhovskaya, A. A. (2024). Suggestion as a method of psychological influence on a person in horoscopic texts. In: *Science. Technologies. Innovations: collection of scientific papers of the 17th All-Russian scientific conference of young scientists, Novosibirsk, December 4—8, 2023*. Novosibirsk: Publishing house of NSTU. 68—72. (In Russ.).
- Savitkaite, E. R. (2013). Emotionality and Imagery — Speech Markers of Authority in the Discourse of Horoscopes (using the Russian and German languages as an example). *Bulletin of the Voronezh State Technical University*, 9 (5—2): 202—207. (In Russ.).
- Tomchakovska, Yu., Tomchakovskiy, O., Mikava, N., Lesnevskaya, K. (2022). English Occult Discourse as a Cultural Phenomenon. *Wisdom*, 2 S (3): 270—280.
- Van de moortel, K. (1997—2006). *Astro-Logics: a Critical View on Astrology Techniques*. Ghent: [b. i.]. 80 p. ISBN 90-804099-1-X.
- Vlavatskaya, M. V. (2025). Identification of suggestive speech impact in horoscope texts. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 18 (10): 4557—4566. DOI: 10.30853/phil20250618. (In Russ.).
- Yudanov, E. T. (2004). *Suggestive Function of Linguistic Means of English-Language Political Discourse*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 20 p. (In Russ.).
- Zharina, O. A., Dmitrova, A. A. (2019). Suggestive strategy of chronotope modeling in the political discourse of the modern foreign media space. *BGZh*, 4 (29): 227—232. DOI: 10.26140/bgzh-2019-0804-0050. (In Russ.).
- Zyryanova, I. N., Sanina, E. N. (2023). Suggestive potential of syntactic features of environmental advertising texts (based on the Russian and English languages). *Bulletin of the Baikal State University*, 33 (4): 772—781. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(4).772-781. (In Russ.).

*The article was submitted 05.11.2025;
approved after reviewing 08.03.2026;
accepted for publication 30.04.2026.*

Информация для цитирования:

Грибер Ю. А. Когнитивная репрезентация цвета у людей с расстройствами аутистического спектра : лингвистический и психолингвистический анализ / Ю. А. Грибер, А. И. Ивлева, Г. В. Элькинд // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 129—151. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-129-151.

Griber, Yu. A., Ivleva, A. I., Elkind, G. V. (2026). Cognitive Representation of Color in Individuals with Autism Spectrum Disorder: A Linguistic and Psycholinguistic Analysis. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 129-151. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-129-151. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Когнитивная репрезентация цвета у людей с расстройствами аутистического спектра: лингвистический и психолингвистический анализ

Грибер Юлия Александровна ¹

orcid.org/0000-0002-2603-5928

доктор культурологии, профессор
кафедры социологии и философии,

корреспондирующий автор

y.griber@gmail.com

Ивлева Анна Игоревна ²

orcid.org/0000-0002-2670-6795

кандидат технических наук,
старший научный сотрудник
ivleva.anna.igorevna@yandex.ru

Элькинд Григорий Витальевич ¹

orcid.org/0009-0003-8865-6054

научный сотрудник Лаборатории цвета
grishaelkind@mail.ru

¹ Смоленский

государственный университет

(Смоленск, Россия)

² Казанский федеральный университет
(Казань, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в Смоленском
государственном университете при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 22-18-00407-П,
<https://rscf.ru/project/22-18-00407/>

Cognitive Representation of Color in Individuals with Autism Spectrum Disorder: A Linguistic and Psycholinguistic Analysis

Yulia A. Griber ¹

orcid.org/0000-0002-2603-5928

Doctor of Cultural Studies, Professor,
Department of Sociology and Philosophy,

corresponding author

y.griber@gmail.com

Anna I. Ivleva ²

orcid.org/0000-0002-2670-6795

PhD in Technical,
senior research scientist
ivleva.anna.igorevna@yandex.ru

Grigory V. Elkind ¹

orcid.org/0009-0003-8865-6054

research scientist, Color Laboratory
grishaelkind@mail.ru

¹ Smolensk State University
(Smolensk, Russia)

² Kazan Federal University
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:

The research was conducted at Smolensk State
University with financial support
from the Russian Science Foundation,
project № 22-18-00407,
<https://rscf.ru/en/project/22-18-00407/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу специфики мысленного представления, категоризации и семантического кодирования цвета людьми с расстройствами аутистического спектра. Новизна исследования заключается в комплексной оценке семантической значимости основных и высокочастотных неосновных цветоименований с помощью комбинации лингвистических и психолингвистических индексов, а также в определении областей цветового пространства, которые в словаре людей с аутизмом подвергаются лексическому уточнению. Отдельными задачами исследования стали выявление возможных различий в стратегиях выбора аутистами цветообозначений и реконструкция концептуальной карты цветоименований. В исследовании приняли участие 32 носителя русского языка с расстройством аутистического спектра (17 женщин и 15 мужчин) в возрасте 16–28 лет (средний возраст = 19,8, SD = 2.7) и аналогичная по полу, возрасту и уровню образования контрольная группа. Сбор данных проводился с помощью метода свободного перечисления. Исследование показало, что люди с расстройствами аутистического спектра имеют менее плотный и менее однородный по сравнению с нейротипичными носителями русского языка цветовой словарь. Они более традиционно и менее вариативно выражают оттенки и наиболее часто ориентируются в когнитивной репрезентации оттенков на их перцептивное сходство и ассоциативную близость.

Ключевые слова:

когнитивная репрезентация; цветовой словарь; цветовая категоризация; цветоименование; цветовая когнития; аутизм; русский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper investigates the distinctive features of mental representation, categorization, and semantic encoding of color among individuals with Autism Spectrum Disorder (ASD). The novelty of the present research lies in the integrated assessment of the semantic salience of basic and high-frequency non-basic color terms through a combination of linguistic and psycholinguistic indices. The study also identifies specific regions within the color space that undergo lexical refinement in the vocabulary of individuals with ASD. Particular research objectives include the identification of potential differences in color-naming strategies employed by autistic individuals and the reconstruction of a conceptual map of color terms. The empirical data were collected from 32 native Russian speakers diagnosed with ASD (17 females and 15 males, aged 16–28; mean age = 19.8, SD = 2.7) and a matched control group comparable in gender, age, and educational background. Data collection was conducted using a free-listing task. The findings demonstrate that individuals with ASD possess a less dense and less homogeneous color lexicon compared to neurotypical native speakers of Russian. Their expression of hue variation is more conventional and less diverse, with a predominant reliance on perceptual similarity and associative proximity in the cognitive structuring of color shades.

Key words:

cognitive representation; color lexicon; color categorization; color naming; color cognition; autism spectrum disorder; Russian language

УДК 81:1+159.937.511/.513+612.843.31

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-129-151

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Когнитивная репрезентация цвета у людей с расстройствами аутистического спектра: лингвистический и психолингвистический анализ

© Грибер Ю. А., Ивлева А. И., Элькинд Г. В., 2026

1. Введение = Introduction

Ключевыми процессами в структуре когнитивной переработки связанной с цветом информации являются мысленное представление оттенков, их категоризация и семантическое кодирование (см. подробнее: [Maule et al., 2023]). Различая миллионы оттенков, в коммуникации человек объединяет их в относительно небольшое количество цветовых категорий и для их обозначения использует специальные термины — цветоименования [Hidaka, 2024].

Система цветоименований определенного языка характеризуется заметной вариативностью, обусловленной как внутриязыковыми процессами, так и действием разнородных внешних факторов (см. подробнее: [Bosten, 2022]). Как следствие, цветоименования представляют собой многомерную модель, в центре которой находится носитель языка, задающий основные векторы дифференциации [Лукина, 2014].

Поскольку цветоименование — это метакогнитивный процесс, анализ паттернов выбора отдельных лексических единиц предоставляет важные сведения о структуре перцептивного цветового пространства, особенностях когнитивных операций, сопровождающих цветовую коммуникацию, о ключевых компонентах цветовой когниции и специфике взаимодействия между ними (см. подробнее: [Грибер, 2025]). Подобные исследования вносят важный вклад в понимание механизмов мышления и позволяют сделать выводы о связанных с цветом имплицитных когнитивных процессах и опыте, сопряженном с цветовыми предпочтениями и ассоциациями.

Продолжая изучение механизмов когнитивной переработки связанной с цветом информации, в настоящей статье мы впервые предлагаем анализ словаря цветоименований современных носителей русского языка

с расстройствами аутистического спектра (РАС). По данным Всемирной организации здравоохранения, такой диагноз на сегодняшний день имеет один из 127 человек в мире; при этом реальная распространенность аутизма выше, чем эти официальные данные, и с каждым годом количество случаев увеличивается [Autism, 2025].

Основываясь на имеющихся данных о характерной для аутизма специфике социального взаимодействия, а также об особенностях когнитивного и метакогнитивного уровней цветовой коммуникации (см., например: [A case study..., 2022; Kusuma Wardani et al., 2023; Liu, 2025]), мы предполагаем, что цветовой словарь современных носителей русского языка с расстройствами аутистического спектра будет иметь особую плотность и структуру. Учитывая, что многие повседневные действия требуют от людей с аутизмом использования тех же цветоименований, что и от нейротипичных людей, мы в то же время ожидаем высокого сходства между списками, полученными в экспериментальной и контрольной группах.

Новизна исследования заключается в комплексной оценке семантической значимости основных и высокочастотных неосновных цветоименований с помощью комбинации лингвистических и психолингвистических индексов, а также в определении областей цветового пространства, которые в словаре людей с аутизмом подвергаются лексическому уточнению. Отдельными задачами исследования стали выявление возможных различий в стратегиях выбора аутистами цветообозначений и реконструкция концептуальных карт цветоименований.

Насколько нам известно, подобный анализ на материале русского языка проводится впервые. Люди с расстройствами аутистического спектра не становились объектом подобного исследования и в других лингвокультурах.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

В исследовании приняли участие 32 носителя русского языка с расстройствами аутистического спектра (17 женщин и 15 мужчин). Все они на момент исследования являлись студентами Смоленского педагогического колледжа и принадлежали к возрастной группе 16—28 лет (средний возраст = 19.8, SD = 2.7). Для сопоставления их ответов мы сформировали из базы данных предыдущих этапов исследования (см. подробнее: [The Russian ..., 2026]) контрольную группу (N=32) с аналогичным распределением по полу (17 женщин и 15 мужчин) и возрасту (от 16 до 27 лет, средний возраст = 18.6, SD = 2.3).

Все участники имели нормальное цветовое зрение и нормальную или скорректированную до нормальной остроту зрения. Исследование про-

водилось в соответствии с рекомендациями Хельсинкской декларации и было одобрено этическим комитетом Смоленского государственного университета.

Данные собирались методом свободного перечисления (англ. — *elicitation task*), который в современной психолингвистике традиционно применяется для изучения состава и структуры семантического поля обозначений цвета в разных языках (см., например: [Davies et al., 1994; 1995; Jakovljević et al., 2018; Xu et al., 2023]), а также для описания диатопической (в пространстве) (см., например: [Basic color terms..., 2018; The Russian ..., 2026]) и диастратической (в обществе) (см., например: [Moreira et al., 2024]) вариативности систем цветоименований.

Участникам эксперимента было предложено перечислить все названия цвета — как моноксемные, так и составные, — которые они могли вспомнить в течение 5 минут. Такой «обманчиво простой» метод [Bernard, 2006, p. 301] позволяет исследователю быстро получить обширные данные для моделирования «концептуальной сферы» [Del Viva et al., 2023, p. 2] изучаемой группы — определения состава и структуры мысленного перечня элементов, которые образуют рассматриваемый домен [Stausberg, 2022].

Поскольку участники записывали свои ответы самостоятельно, полученные списки содержали опечатки и грамматические ошибки. Поэтому до начала анализа мы провели многоступенчатую очистку данных с помощью специально созданного алгоритма, апробированного в работе с предыдущими массивами (см. подробнее: [The Russian ..., 2026]).

В списках четверти участников из экспериментальной группы мы обнаружили повторы отдельных цветоименований и их последовательностей, причем у троих из них — многократные. Например, самый длинный из полученных списков включал 42 слова, но содержал всего 9 неповторяющихся цветоименований.

Один из участников включил в список 7 несуществующих цветоименований (*самайный, саргутный, сигрохромовый, саанитовый, самровый, сапо, сахроновый*), которые тоже были изъяты из базы данных в ходе очистки. В результате составленный список сократился с 31 до 26 позиций.

Анализ данных проводился с помощью специализированных компьютерных программ и включал сравнение списков участников из экспериментальной и контрольной групп по шести параметрам:

- (1) длина и вариативность списков;
- (2) частотность (F%) отдельных цветоименований;
- (3) «популярность» цветоименований, которая оценивалась с использованием функции Ципфа («ранг – частотность») [Lindsey et al., 2014];

(4) корреляция рангов средней позиции цветоименований в экспериментальной и контрольной группах;

(5) когнитивная (семантическая) значимость (англ. — *cognitive salience*) цветоименований, которая определялась с помощью S-индекса по формуле (1):

$$S = F / (N \times mP), \quad (1)$$

где F — частотность (количество участников, назвавших цветоименование), N — общее количество участников, mP — средняя позиция цветоименования в списке [Sutrop, 2001].

(6) Для сравнения стратегий выбора цветоименований носителями языка с аутизмом и без рассчитывались показатели степени семантической близости (англ. — *adjacency, ADJ*) отдельных цветоименований в двух группах [Uusküla and Bimler, 2016; Bimler and Uusküla, 2018]:

$$ADJ(i,j) = \exp [(\sum_p SEP_{pij}) / c_{ij}], \quad (2)$$

где SEP_{pij} — расстояние (англ. — *separation*) между терминами i и j в списке участника p , которое определяется по формуле $SEP_{pij} = \ln |s_{pi} - s_{pj}|$, c_{ij} — количество участников, в списках которых присутствуют оба термина i и j .

Для визуализации степени семантической близости использовались концептуальные карты, построенные на основе многомерного шкалирования (англ. — *multidimensional scaling, MDS*) с помощью модуля PROXSCAL в составе пакета SPSS 28.0, и дендрограммы, созданные в MATLAB на основе алгоритма Уорда [Ward, 1963].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Длина и вариативность списков

Люди с расстройствами аутического спектра назвали в общей сложности 470 цветоименований, среди которых 99 — уникальных. База данных, полученных в контрольной группе, была почти в два раза больше и включала 887 цветоименований, среди которых 212 были уникальными. Длина отдельных списков варьировалась у участников с аутизмом от 3 до 30 цветоименований (в среднем 15.7 — у женщин и 14.1 — у мужчин) и от 18 до 41 — в контрольной группе (в среднем 27.5 — у женщин и 27.9 — у мужчин).

Участники с аутизмом в подавляющем большинстве случаев использовали для описания цвета прилагательные (рис. 1) — как правило, простые (*синий*) (90.6 %), иногда — модифицированные по темноте (*тёмно-синий*) (4.0 %) или сложные (*жёлто-зелёный*) (1.9 %); в редких

случаях в их ответах встречались существительные (*индиго*) (2.6 %). В контрольной группе прилагательные тоже преобладали, однако здесь они в три раза чаще имели сложную структуру, включающую два и более компонента (*серо-буро-малиновый*) (5.9 %) и модификаторы по яркости (*ярко-жёлтый*) (1.6 %), которые участники с аутизмом практически не использовали (рис. 2). Более распространена в контрольной группе была также модель описания цвета с помощью существительного (*фуксия*) (4.7 %) и сочетания существительного и прилагательного (*белый перламутр*) (1.2 %) (табл. 1).

Рис. 1. Структура цветоименований в экспериментальной группе

Рис. 2. Структура цветоименований в контрольной группе

3.2. Частотность цветоименований

В таблицах 2 и 3 представлены списки цветоименований, предложенных не менее чем пятью участниками из экспериментальной (n=21)

Таблица 1

Соотношение (%) разных по структуре цветоименований
в списках людей с аутизмом (экспериментальная группа)
и без (контрольная группа)

Структура цветоименования	Условное обозначение	Пример	Экспериментальная группа	Контрольная группа
прилагательное	П	<i>изумрудный</i>	90.6 %	82.3 %
прилагательное, модифицированное по светлоте	мСП	<i>тёмно-синий</i>	4.0 %	3.4 %
прилагательное, модифицированное по яркости	мяП	<i>ярко-жёлтый</i>	0.2 %	1.6 %
сложное прилагательное	сП	<i>жёлто-зелёный</i>	1.9 %	5.9 %
прилагательное + прилагательное	П+П	<i>мутный зелёный</i>	0.2 %	0.1 %
существительное	С	<i>индиго</i>	2.6 %	4.7 %
прилагательное + существительное	П+С	<i>морской волны</i>	0.2 %	1.2 %
<i>цвет</i> + прилагательное + существительное	цвет+П+С	<i>цвет морской волны</i>	0.2 %	0.3 %
существительное + существительное	С+С	<i>марсала-фуксия</i>	0.0 %	0.2 %
существительное + прилагательное	С+П	<i>охра-зелёный</i>	0.0 %	0.1 %
существительное + прилагательное + существительное	С+П+С	<i>бедро испуганной нимфы</i>	0.0 %	0.1 %

и контрольной групп (n=41). В двух выборках эти наиболее частотные цветоименования составили 80 % и 73 % соответственно. В таблицах приведены сведения о частотности цветоименований (F и %F, то есть абсолютная величина и процент участников, указавших термин), средняя позиция термина (mP) и индекс когнитивной значимости (S) для каждого термина; также указаны соответствующие ранги (R_F , R_{mP} , R_S).

В обоих наборах данных лидирующие позиции занимают 12 основных цветоименований русского языка, которые, однако, располагаются в двух группах в несколько ином порядке (темно-серый фон в табл. 2 и 3). В списке участников с аутизмом наибольшую частотность имеют *синий*, *красный* и *жёлтый*; в контрольной группе — *чёрный*, *синий* и *красный*. Семь из де-

Таблица 2

Перечень наиболее частотных цветоименований,
полученных от людей с расстройствами аутистического спектра

Цветоименование	F	F%	R _F	mP	R _{mP}	S-индекс	R _S
синий	31	96.9	1.0	4.81	4	0.20140	3
красный	30	93.8	2.0	2.00	1	0.46875	1
жёлтый	29	90.6	3.0	4.28	3	0.21174	2
чёрный	27	84.4	4.0	7.33	6	0.11511	6
зелёный	25	78.1	6.0	4.04	2	0.19338	4
фиолетовый	25	78.1	6.0	6.68	5	0.11695	5
белый	25	78.1	6.0	8.72	9	0.08959	7
розовый	24	75.0	8.0	8.54	8	0.08782	8
оранжевый	23	71.9	9.0	9.13	10	0.07872	9
голубой	21	65.6	10.0	8.43	7	0.07785	10
серый	19	59.4	11.5	10.21	13	0.05815	11
коричневый	19	59.4	11.5	10.74	14	0.05528	12
салатовый	12	37.5	13.0	10.17	12	0.03687	13
малиновый	11	34.4	14.0	13.36	18	0.02573	15
золотой	10	31.2	15.5	11.56	16	0.02433	16
бежевый	10	31.2	15.5	9.80	11	0.03189	14
бирюзовый	8	25.0	17.0	14.00	19	0.01786	17
серебряный	7	21.9	18.5	14.40	21	0.01085	21
сиреневый	7	21.9	18.5	14.14	20	0.01547	19
тёмно-синий	6	18.8	19.5	11.17	15	0.01679	18
бордовый	6	18.8	19.5	12.67	17	0.01480	20

Примечание. Термины, образованные от одних и тех же названий объектов, объединены и обозначены цветоименованием с наибольшей частотностью. Для каждого цветоименования приведены абсолютная частота (F), относительная частота (F%), средняя позиция в списке (mP) и индекс когнитивной значимости (S), а также соответствующие ранги (R_F, R_{mP}, R_S). Термины перечислены в порядке убывания частоты. Термины, составляющие первый сегмент функции Ципфа (рис. 4, вверху), выделены темно-серым цветом, термины второго и третьего сегментов — светло-серым.

Таблица 3

Перечень наиболее частотных цветоименований
в контрольной группе

Цветоименование	F	F%	R _F	mP	R _{mP}	S-индекс	R _S
чёрный	31	96.9	1.0	7.87	4	0.12309	4
красный	30	93.8	2.5	2.63	1	0.35646	1
синий	30	93.8	2.5	6.47	3	0.14490	3
голубой	29	90.6	5.5	9.59	8	0.09450	7
розовый	29	90.6	5.5	13.38	14	0.06773	11
белый	29	90.6	5.5	8.28	6	0.10945	6

Окончание табл. 3

Цветонаименование	F	F%	R _r	mP	R _{mp}	S-индекс	R _s
серый	29	90.6	5.5	13.34	13	0.06793	10
жёлтый	28	87.5	8.5	7.89	5	0.11090	5
зелёный	28	87.5	8.5	5.07	2	0.17258	2
фиолетовый	27	84.4	10.5	9.48	7	0.08900	8
оранжевый	27	84.4	10.5	10.67	9	0.07908	9
коричневый	25	78.1	12.0	12.48	11	0.06260	12
бежевый	23	71.9	13.0	18.30	30	0.03928	16
золотой	22	68.8	14.0	19.50	32	0.03205	18
бирюзовый	20	62.5	15.5	13.40	15	0.04664	13
бордовый	20	62.5	15.5	15.75	20	0.03968	15
малиновый	19	59.4	17.0	17.68	29	0.03358	17
салатовый	18	56.2	18.0	13.00	12	0.04327	14
серебряный	17	53.1	19.0	19.64	33	0.02228	22
пурпурный	14	43.8	20.0	15.64	19	0.02797	20
персиковый	11	34.4	22.5	16.91	25	0.02033	26
фуксия	11	34.4	22.5	16.36	23	0.02101	25
лиловый	11	34.4	22.5	15.09	18	0.02278	21
алый	11	34.4	22.5	10.91	10	0.03151	19
коралловый	10	31.2	26.0	15.90	22	0.01965	27
хаки	10	31.2	26.0	14.40	18	0.02170	24
сиреневый	10	31.2	26.0	14.00	16	0.02232	21
изумрудный	9	28.1	28.5	20.22	34	0.01391	29
охра	9	28.1	28.5	17.22	27	0.01633	28
болотный	8	25.0	30.0	23.50	39	0.01064	33
тёмно-зелёный	7	21.9	31.5	19.00	31	0.01151	31
лазурный	7	21.9	31.5	17.29	28	0.01265	30
лимонный	6	18.8	33.0	17.17	26	0.01092	32
оливковый	5	15.6	37.0	15.80	21	0.00989	34
тёмно-синий	5	15.6	37.0	16.40	24	0.00953	35
серо-буро-малиновый	5	15.6	37.0	18.40	31	0.00849	36
молочный	5	15.6	37.0	21.60	38	0.00723	39
фиалковый	5	15.6	37.0	21.20	36.5	0.00737	37.5
фисташковый	5	15.6	37.0	20.40	35	0.00766	36
медный	5	15.6	37.0	21.20	36.5	0.00737	37.5

Примечание. Термины, образованные от одних и тех же названий объектов, объединены и обозначены цветонаименованием с наибольшей частотностью. Для каждого цветонаименования приведены абсолютная частота (F), относительная частота (F%), средняя позиция в списке (mP) и индекс когнитивной значимости (S), а также соответствующие ранги (R_r, R_{mp}, R_s). Термины перечислены в порядке убывания частоты. Термины, составляющие первый сегмент функции Ципфа (рис. 4, внизу), выделены темно-серым цветом, термины второго сегмента — светло-серым.

вяти следующих за ними неосновных цветоименований в словаре людей с расстройствами аутистического спектра ($R_{A-F}=13-19.5$) в контрольной группе тоже являются наиболее употребительными ($R_{KГ-F}=13-19$): *салатовый, малиновый, бежевый, золотой, бирюзовый, серебряный, бордовый*.

В экспоненциальном снижении частотности цветоименований ($F\%$) наблюдается несколько выраженных «скачков» [Borgatti, 1998]. В экспериментальной группе наиболее отчетливый спад происходит после *серого* и *коричневого* ($R_{A-F}=11.5$), на границе между основными и неосновными цветоименованиями (рис. 3 вверху). В контрольной группе подобный скачок тоже есть, однако еще один, более заметный, наблюдается между *серебряным* ($R_{KГ-F}=19$) и *пурпурным* ($R_{KГ-F}=20$) (рис. 3 внизу).

Единичные наименования в ответах аутистов обозначают преимущественно теплые оттенки: *жёлтые (персиковый, светло-жёлтый, ярко-жёлтый, шафрановый, лимонный, песчаный)*, *оранжевые (рыжий, коралловый, охра, морковный)*, *коричневые (миндальный, бурый, американо, кофейный, деревянный, дубовый, карий, каштановый)*, *красные (тёмно-красный, гранатовый, алый, вишнёвый, рубиновый)*, *зелёные (мятный, изумрудный, оливковый, лайм, хаки, тёмный зелёный, мутный зелёный, светло-зелёный)*, *сине-зелёные (цвет морской волны, циановый, тиффани, аквамаринный)*. Лексическому уточнению подвергаются также ахроматические ненасыщенные оттенки с низкой интенсивностью (*молочный, пудровый, бронзовый, телесный, льняной, суконный, бледный, жемчужный, пепельный, тёмно-серый, хромовый, железный*), которые, согласно проведенным

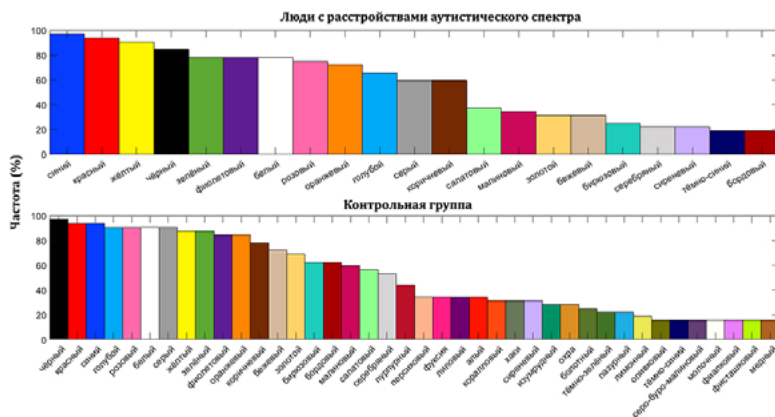

Рис. 3. Относительная частота ($F\%$) цветоименований в экспериментальной (вверху, $n=21$) и контрольной (внизу, $n=41$) группах; цвет столбцов соответствует денотативным значениям цветоименований

ранее исследованиям, у людей с расстройствами аутистического спектра чаще вызывают сенсорный и эмоциональный комфорт (ср.: [Kusuma Wardani et al., 2023; Liu, 2025]). В ответах контрольной группы подобного крена в сторону более детальной лексикализации определенных групп оттенков мы не обнаружили.

3.3. Популярность цветоименований: функция Ципфа

Используя те же списки наиболее распространенных терминов (цветоименований, которые были предложены не менее чем пятью участниками) (табл. 2 и 3), мы рассчитали для каждого из двух наборов данных функцию Ципфа (англ. — *Zipf-функция*), которая отражает популярность термина.

В больших массивах лингвистических данных функция Ципфа, как правило, имеет два сегмента, с двумя экспонентами, разделяющими слова, составляющие ядро лексикона, и менее популярную лексику для конкретных сфер коммуникации [Ferrer i Cancho et al., 2003]. Применительно к словарю цвета, два сегмента функции Ципфа должны были бы отражать разделение между основными и неосновными цветоименованиями. Однако недавние исследования цветовой лексики в различных языках [Lindsey et al., 2014; Jakovljevic et al., 2018; Del Viva et al., 2023], в том числе русском [The Russian ..., 2026], показали, что для анализа цветового словаря лучше подходит Zipf-функция с большим количеством сегментов. Она позволяет разделить неосновные цветоименования на дополнительные части и показать, какие из них наиболее часто используются в повседневной коммуникации и, возможно, могут со временем претендовать на роль основных, а какие используются редко.

В результате работы алгоритма на наших данных мы обнаружили существенные различия структуры цветового словаря в двух выборках.

В контрольной группе цветовой словарь имел три отчетливо выраженных сегмента. Первый сегмент ожидаемо составляли 12 основных цветоименований: *чёрный, красный, синий, белый, голубой, серый, розовый, жёлтый, зелёный, фиолетовый, оранжевый и коричневый*. Их назвали подавляющее большинство участников ($F \geq 78.1\%$). Как следствие, наклон этого сегмента был близким к нулю и составлял (-0.07) . Второй сегмент был более наклонным (-1.37) и включал 15 неосновных цветоименований $(71.9\% \geq \%F \geq 31.2\%)$: *бежевый, золотой, бирюзовый, бордовый, малиновый, салатовый, серебряный, пурпурный, персиковый, фуксия, лиловый, алый, коралловый, хаки, сиреневый*. Все остальные неосновные цветоименования с частотностью менее 30 % попали в третий сегмент (наклон -2.22).

У людей с расстройствами аутистического спектра цветовой словарь имел четыре выраженных сегмента. Первые два образовывали основные

цветонаименования, которые отчетливо распадались на две группы: шесть первичных основных (*синий, красный, жёлтый, чёрный, зелёный, белый*) и *фиолетовый* ($F \geq 78.1\%$, наклон -0.13) и вторичные основные *розовый, оранжевый, голубой, серый и коричневый*, которые по сравнению с контрольной группой имели гораздо более низкую частотность ($75.0\% \geq F \geq 59.4\%$) и более заметный наклон (-0.67). Неосновные цветонаименования составляли еще два сегмента: группа более популярных ($37.5\% \geq F \geq 31.2\%$) включала *салатовый, малиновый, золотой и бежевый* (наклон -1.03). Остальные цветонаименования с частотностью менее 25% входили в четвертую группу (наклон -2.11).

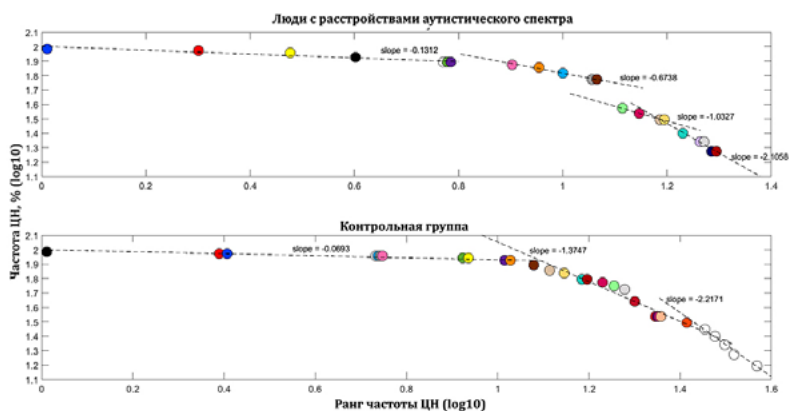

Рис. 4. Функция Ципфа: популярность цветонаименований; цвет маркеров соответствует денотативным значениям цветонаименований

Примечание. Люди с расстройствами аутистического спектра (вверху): Сегмент 1 — шесть первичных основных цветонаименований (*синий, красный, жёлтый, чёрный, зелёный, белый*) и *фиолетовый* ($R_{A-F}=1-6$). Сегмент 2 — 5 вторичных основных цветонаименований ($R_{A-F}=7-11.5$): *розовый, оранжевый, голубой, серый и коричневый*. Сегмент 3 — 4 наиболее популярных неосновных цветонаименования ($R_{A-F}=13-15.5$): *салатовый, малиновый, золотой и бежевый*. Сегмент 4 — неосновные цветонаименования с низкой популярностью ($R_{A-F}=17-19.5$). Контрольная группа (внизу): Сегмент 1 — 12 первичных основных цветонаименований ($R_{K-F}=1-12$). Сегмент 2 — 15 наиболее популярных неосновных цветонаименований ($R_{K-F}=13-26$): *бежевый, золотой, бирюзовый, бордовый, малиновый, салатовый, серебряный, пурпурный, персиковый, фуксия, лиловый, алый, коралловый, хаки, сиреневый*. Сегмент 3 (белые маркеры) — неосновные цветонаименования с низкой популярностью ($R_{A-F}=28.5-37$).

3.4. Корреляция рангов (средних позиций) цветонаименований

Кроме частотности, мы рассчитали среднюю позицию (mP) каждого из цветонаименований и присвоили им соответствующие ранги (табл. 2 и 3): чем ниже значение ранга, тем чаще соответствующий термин встречался

ближе к началу списков — его называли в числе первых. Корреляция полученных в двух группах значений представлена на графике (рис. 5).

Для 21 цветоименования, присутствующего в списках людей с аутизмом и без (табл. 3 и 4), частотные ранги демонстрируют высокую корреляцию ($\rho_{RF}=.781$, $p<.001$), что указывает на высокое сходство цветового лексикона в двух группах. Наиболее сильно ($\rho_{RF}=.822$, $p<.001$) коррелируют первичные основные цветоименования (*красный, зелёный, жёлтый, синий, чёрный* и *белый*). В группе вторичных неосновных цветоименований корреляция снижается до умеренной ($\rho_{RF}=.549$, $p<.001$). Наиболее заметно различаются ранги у *розового* ($R_{A-F}=8$ и $R_{KT-F}=14$) и *фиолетового* ($R_{A-F}=5$ и $R_{KT-F}=7$), которые люди с аутизмом называли раньше, а также у коричневого ($R_{A-F}=14$ и $R_{KT-F}=11$), который, наоборот, у людей с аутизмом чаще встречался ближе к концу списков. В группе частотных неосновных цветоименований наблюдается значительная дисперсия рангов, и статистически значимая корреляция между ними отсутствует.

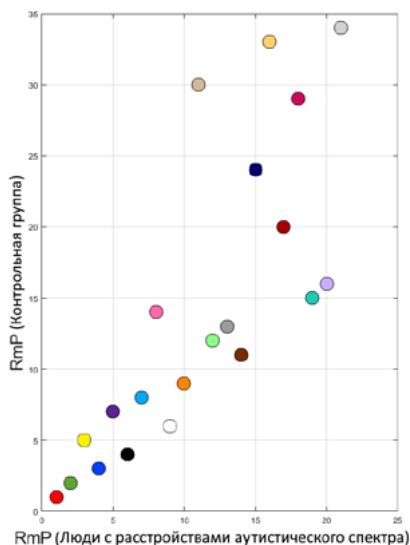

Рис. 5. Корреляция рангов (средних позиций) цветоименований у людей с аутизмом (ось x) и без (ось y) (n=21); цвет маркеров соответствует денотативным значениям цветоименований

3.5. Индекс когнитивной значимости

Чтобы объединить показатели частотности термина и его средней позиции в списке, мы использовали индекс когнитивной значимости. Наи-

большую когнитивную значимость в обеих выборках имел *красный*, за которым в контрольной группе следовали остальные пять первичных основных цветоименований (*зелёный, синий, чёрный, жёлтый и белый*), а в экспериментальной группе — также *фиолетовый*.

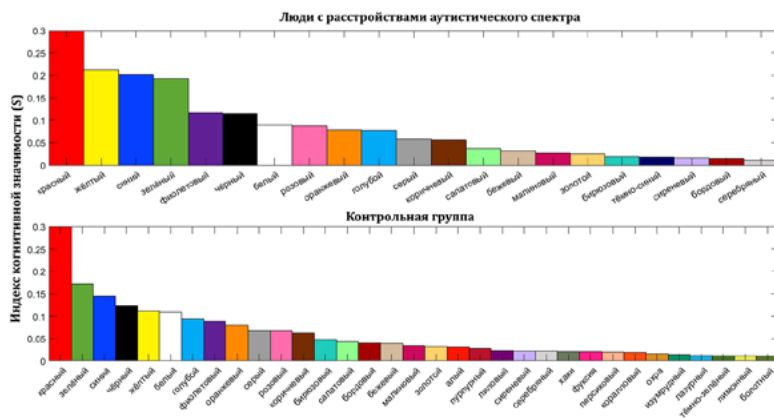

Рис. 6. Когнитивная значимость цветоименований у людей с расстройствами аутистического спектра (вверху, $n=21$) и без (внизу, $n=41$); цвет столбцов соответствует денотативным значениям цветоименований

Руководствуясь рекомендациями авторов проведенных ранее исследований [Bimler et al., 2021], мы представили корреляцию между средней позицией (mP) и частотностью (F) еще одним способом — в форме диаграммы рассеяния. Горизонтальная ось диаграммы показывает частоту (или распространенность) термина, которая уменьшается слева направо. Вертикальная ось отражает приоритетность цветоименования (позицию в списке); этот показатель уменьшается сверху вниз.

Слева вверху в обеих группах находятся 12 основных цветоименований, которые первыми приходят на ум, когда человека просят подумать о названиях цветов. На графике хорошо видно, что у нейротипичных носителей русского языка (рис. 7 справа) приоритетность основных цветоименований уменьшается более быстрыми темпами, чем у людей с расстройствами аутистического спектра (рис. 6 слева), в то время как частотность, наоборот, снижается более медленно. После резкого начального спада в обеих группах в последовательности терминов наблюдается похожий переход ко второму линейному сегменту, менее крутому, поскольку прогрессивное падение частоты в этой группе увеличивается.

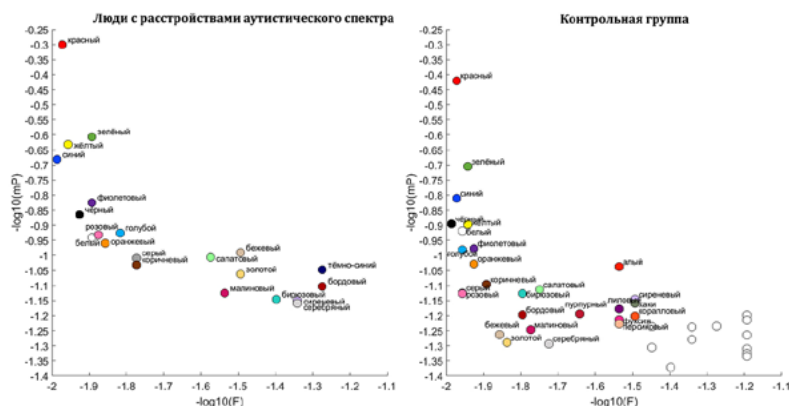

Рис. 7. Диаграмма рассеяния: соотношение частотности (ось x) и средней позиции (ось y) цветоименований у носителей русского языка с расстройствами аутистического спектра (слева) и без (справа); цвет маркеров наиболее частотных цветоименований соответствует их денотативным значениям; маркеры менее частотных цветоименований не окрашены

3.6. Концептуальные карты цветоименований

Концептуальные карты, построенные на основе многомерного шкалирования показателей степени семантической близости (ADJ) цветоименований в полученных списках, показывают, что у носителей русского языка с аутизмом и без для ментальной репрезентации цветоименований наиболее важными являются принципиально различные темы.

В концептуальной карте людей с расстройствами аутистического спектра группы образуются по перцептивному сходству и ассоциативной близости (рис. 8 слева). Наиболее близко друг к другу располагаются *красный, жёлтый и зелёный; фиолетовый и чёрный; серый и бежевый; бордовый и тёмно-синий; серебряный и золотой; салатовый, сиреневый и бирюзовый.*

Концептуальная карта людей без аутизма отражает другие стратегии активизации узлов семантической сети (рис. 8 справа): контрастные ассоциации для первичных оппонентных терминов (*синий и жёлтый, красный и зелёный, белый и чёрный*) и кластеры различных по форме неосновных цветоименований, передающих тонкие хроматические нюансы и оттенки в пределах одного тона (*болотный, изумрудный, фисташковый, оливковый, тёмно-зелёный, хаки, салатовый; бордовый, малиновый, коралловый, пурпурный, алый; золотой, серебряный, лимонный, охра, медный, молочный; фиалковый, лиловый, сиреневый; розовый, персиковый, фуксия*) (ср.: [Bolton, 1978]).

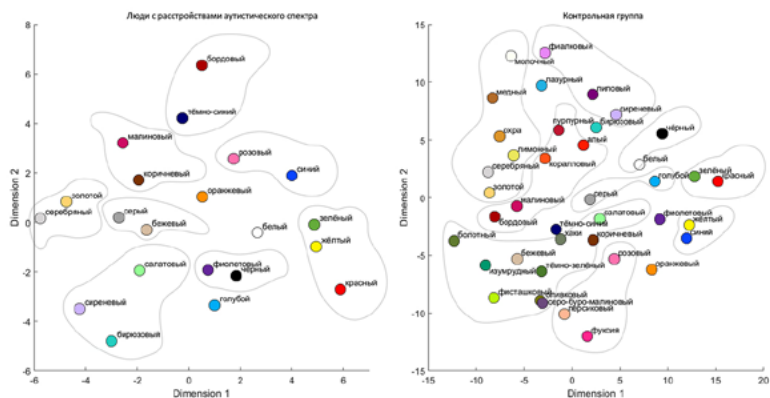

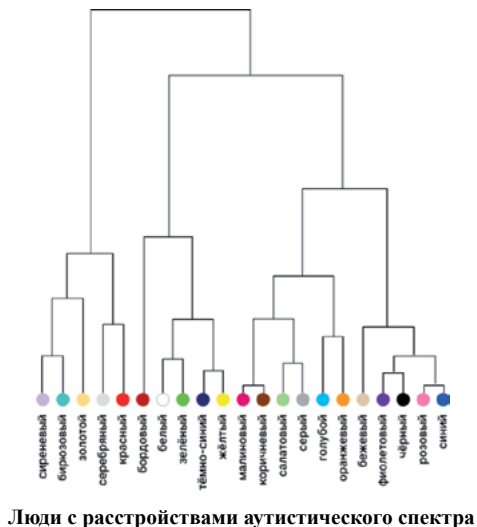
Рис. 8. Концептуальные карты, построенные на основе многомерного шкалирования показателей степени семантической близости цветонаименований в списках носителей русского языка с аутизмом (слева) и без (справа); цвет маркеров соответствует денотативным значениям цветонаименований

Дендрограммы, построенные на основе кластерного анализа полученных данных, показывают группы ассоциативно связанных друг с другом цветоименований, члены которых чаще встречаются вместе (рис. 9). Появление одного члена кластера, как правило, активирует ментальное представление других членов и, следовательно, делает более вероятным их включение в список. Члены одного кластера имеют схожие значения индекса когнитивной значимости (S) и низкие значения индекса степени семантической близости (ADJ) (чем ниже значения ADJ, тем выше порядковая близость в списках).

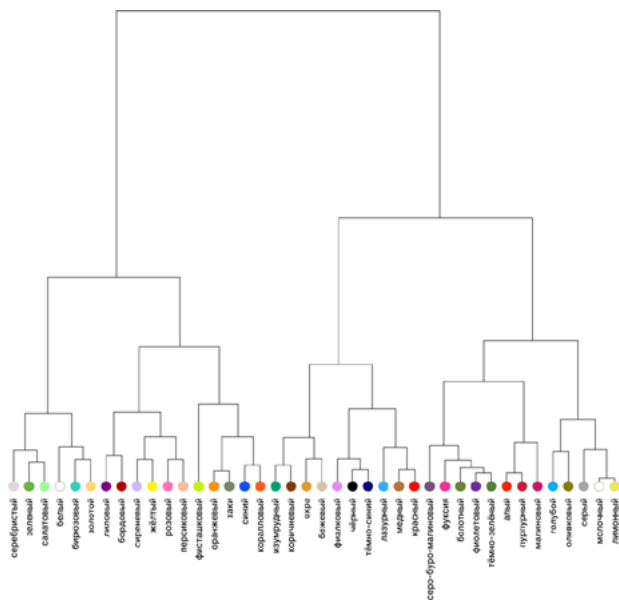
4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволило получить обширные наборы достоверных данных о специфике словаря цвета современных молодых носителей русского языка с расстройством аутистического спектра и с помощью комбинации лингвистических и психолингвистических индексов провести их комплексную оценку.

Мы обнаружили, что люди с расстройствами аутистического спектра имеют менее плотный по сравнению с нейротипичными носителями русского языка цветовой словарь. Они более традиционно и менее вариативно выражают оттеночность, предпочитая развившие качественное значение относительные прилагательные, образованные от названий предметов с характерным цветом; редко используют сложные цветоименования и практически никогда — инвентарь аффиксов.

Люди с расстройствами аутистического спектра

Контрольная группа

Рис. 9. Дендрограммы, построенные на основе кластерного анализа списков носителей русского языка с аутизмом (вверху, $n=21$) и без (внизу, $n=41$); цвет маркеров соответствует денотативным значениям цветоименований

Как и у нейротипичных носителей русского языка, цветовой словарь людей с аутизмом имеет «ядро», которое, однако, характеризуется более неоднородной структурой.

У носителей без аутизма «ядро» словаря цвета составляют 12 базовых (основных) цветонаименований русского языка (*красный, зелёный, жёлтый, синий, чёрный, белый, голубой, коричневый, фиолетовый, оранжевый, серый, розовый*), а также ряд часто употребляемых неосновных цветонаименований. В контрольной группе эти цветонаименования имеют высокую частотность ($F \geq 31.2\%$) и высокий показатель индекса семантической значимости ($0.35 \geq S \geq 0.02$).

У людей с аутизмом цветонаименования «ядра» образуют три узла — два состоят из первичных и вторичных основных цветонаименований, третий составляет небольшая группа популярных и в контрольной группе неосновных: *салатовый, малиновый, золотой и бежевый* (частотность: $F \geq 31.2\%$; индекс семантической значимости: $0.47 \geq S \geq 0.03$). При этом основные цветонаименования *жёлтый, фиолетовый, голубой, розовый*, а также высокочастотные неосновные *бежевый, золотой, серебряный, малиновый, тёмно-синий, бордовый* в структуре ментальной репрезентации цветонаименований людьми с аутизмом обладают большей семантической значимостью и когнитивной выделенностью.

На периферии плотность цветового словаря носителей русского языка с расстройствами аутистического спектра заметно повышается. С помощью менее употребительных и единичных цветонаименований лексическому уточнению подвергаются преимущественно «теплые» области цветового пространства — желтая, оранжевая, красная, зеленая, сине-зеленая (ср.: [Kusuma Wardani et al., 2023]). Более детальной и вариативной становится лексикализация ахроматических, ненасыщенных оттенков с низкой интенсивностью, которые у людей с расстройствами аутистического спектра чаще вызывают сенсорный и эмоциональный комфорт (ср.: [Liu, 2025]).

Различаются также стратегии выбора и группировки терминов, характерные для построения представителями каждой из групп концептуальных карт. Наиболее важной темой для людей с аутизмом является перцептивное сходство и ассоциативная близость оттенков, в то время как люди без аутизма чаще используют в ментальной репрезентации контрастные ассоциации и конкурирующие цветонаименования внутри одной цветовой категории.

Представленные в статье новые эмпирические данные имеют значительный теоретический и прикладной потенциал. Они могут найти применение в дальнейшем междисциплинарном обсуждении специфики ме-

ханизмов цветовой когниции при аутизме, прежде всего — в контексте анализа причин и последствий установленной вариативности цветового словаря у людей с аутизмом и без. Основные результаты проведенного исследования вносят вклад в понимание структуры когнитивной репрезентации цвета при аутизме, важной при создании комфортной среды для людей с особыми потребностями.

Описание структуры, семантических узлов и стратегий когнитивной репрезентации цветоименований людьми с расстройствами аутистического спектра может быть продолжено на материале других возрастных групп и лингвокультур.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Грибер Ю. А. Метакогнитивные механизмы цветовой коммуникации / Ю. А. Грибер // Современная зарубежная психология. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 20—29. — DOI: 10.17759/jmfp.2025140302.
2. Лукина А. Е. Понятие «языковой вариативности» в отечественной и зарубежной лингвистической традиции / А. Е. Лукина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2014. — Т. 11. — № 1. — С. 7—11.
3. Autism [Electronic resource] // World Health Organization. — Access mode : <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/autism-spectrum-disorders> (accessed 12.11.2025).
4. Bimler D. Individual variations in color-concept space replicate across languages / D. Bimler, M. Uusküla // Journal of the Optical Society of America. A, Optics, image science, and vision. — 2018. — Vol. 35. — № 4. — Pp. B184—B191. — DOI: 10.1364/JOSAA.35.00B184.
5. Bimler D. Two indices are better than one : building on Robbins, Nolan, and Chen) / D. Bimler, M. Uusküla // Field Methods. — 2021. — Vol. 33. — № 1. — Pp. 42—51. — DOI: 10.1177/1525822X20945063.
6. Bolton R. Black, white, and red all over : the riddle of color term salience / R. Bolton // Ethnology. — 1978. — Vol. 17. — № 3. — Pp. 287—311. — DOI: 10.2307/3773198.
7. Bosten J. M. Do you see what I see? Diversity in human color perception / J. M. Bosten // Annual Review of Vision Science. — 2022. — Vol. 8. — № 1. — Pp. 101—133. — DOI: 10.1146/annurev-vision-093020-112820.
8. Davies I. R. L. A practical field method for identifying probable basic colour terms / I. R. L. Davies, G. G. Corbett // Languages of the World. — 1995. — Vol. 9. — Pp. 25—36.
9. Davies I. R. L. The basic color terms of Russian / I. R. L. Davies, G. G. Corbett // Linguistics. — 1994. — Vol. 32. — Pp. 65—89.
10. Del Viva M. M. The Italian colour lexicon in Tuscany : elicited lists, cognitive salience, and semantic maps of colour terms / M. M. Del Viva, S. Castellotti, G. V. Paramei //

Humanities and Social Sciences Communications. — 2023. — Vol. 10. — № 90. — DOI: 10.1057/s41599-023-02393-4.

11. *Ferrer i Cancho R.* Least effort and the origins of scaling in human language / R. Ferrer i Cancho, R. V. Sole // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. — 2003. — Vol. 100. — № 3. — Pp. 788—791. — DOI: 10.1073/pnas.0335980100.

12. *Hidaka K.* The Art of Color Categorization / K. Hidaka. — Cham : Palgrave Macmillan, 2024. — 193 p. — ISBN 9783031476891.

13. *Jakovljević I.* The colour lexicon of the Serbian language — A study of dark blue and dark red colour categories / I. Jakovljević, S. Zdravković // Psihologija. — 2018. — Vol. 51. — № 2. — Pp. 197—213. — DOI: 10.2298/PSI160521002J.

14. *Kusuma Wardani N.* Colour preference on Picture Therapy Cards in children with ASD / N. Kusuma Wardani, B. Fefiana Mustikasari // KNe Social Sciences. — 2023. — Vol. 8. — № 15. — Pp. 244—251. — DOI: 10.18502/kss.v8i15.13938.

15. *Lillo J.* Basic color terms (BCTs) and categories (BCCs) in three dialects of the Spanish language : interaction between cultural and universal factors / J. Lillo, F. Gonzalez-Perilli, L. R. Prado-León, A. D. Melnikova, L. Álvaro, J. A. Collado, H. Moreira // Frontiers in Psychology. — 2018. — Vol. 9. — № 761. — DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00761.

16. *Lindsey D. T.* The color lexicon of American English / D. T. Lindsey, A. M. Brown // Journal of Vision. — 2014. — Vol. 14. — № 17. — DOI: 10.1167/14.2.17.

17. *Liu L.* Analysing the impact of sensory processing differences on color and texture preferences in individuals with autism spectrum disorder / L. Liu // Humanities and Social Sciences Communications. — 2025. — Vol. 12. — № 1408. — DOI: 10.1057/s41599-025-05753-4.

18. *Maule J.* The Development of Color Perception and Cognition / J. Maule, A. E. Skelton, A. Franklin // Annual review of psychology. — 2023. — Vol. 74. — Pp. 87—111. — DOI: 10.1146/annurev-psych-032720-040512.

19. *Moreira H.* Color blindness and semantic knowledge : cognition of color terms from elicited lists in dichromats and normal observers / H. Moreira, L. Álvaro, J. Lillo // Color Research & Application. — 2024. — Vol. 9. — № 5 — Pp. 420—432. — DOI: 10.1002/col.22925.

20. *Nair A. S.* A case study on the effect of light and colors in the built environment on autistic children's behavior / A. S. Nair, R. S. Priya, P. Rajagopal, C. Pradeepa, R. Senthil, S. Dhanalakshmi, K. W. Lai, X. Wu, X. Zuo // Frontiers in psychiatry. — 2022. — Vol. 13. — № 1042641. — DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1042641.

21. *Stausberg M.* Free-listing / M. Stausberg // The Routledge handbook of research methods in the study of religion. — 2nd ed. — London : Routledge, 2022. — Pp. 554—564. — ISBN 9781032119823.

22. *Sutrop U.* List task and a cognitive salience index / U. Sutrop // Field Methods. — 2001. — Vol. 13. — Pp. 263—276.

23. *The Russian colour lexicon and its diatopic variation : elicited lists, cognitive salience of colour terms, and neologism boom* / Yu. A. Griber, A. I. Ivleva, V. D. Solovyev, G. V. Paramei // Humanities & Social Sciences Communications. — 2026. — DOI: 10.1057/s41599-026-07021-5.

24. *Ward Jr. J. H.* Hierarchical grouping to optimize an objective function / Jr. J. H. Ward // Journal of the American Statistical Association. — 1963. — Vol. 58. — № 301. — Pp. 236—244. — DOI: 10.1080/01621459.1963.10500845.

25. Wijk H. Color discrimination, color naming and color preferences in 80-year-olds / H. Wijk, S. Berg, L. Sivik, B. Steen // *Aging Clinical and Experimental Research*. — 1999. — Vol. 11. — № 3. — Pp. 176—185. — DOI: 10.1007/BF03399660.

26. Xu M. A comparison of basic color terms in Mandarin and Spanish / M. Xu, J. Zhu, A. Benítez-Burraco // *Color Research & Application*. — 2023. — Vol. 48. — № 6. — Pp. 709—720. — DOI: 10.1002/col.22863.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 27.02.2026.

References

- Autism. *World Health Organization*. Available at: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/autism-spectrum-disorders> (accessed 12.11.2025).
- Bimler, D., Uusküla, M. (2018). Individual variations in color-concept space replicate across languages. *Journal of the Optical Society of America. A, Optics, image science, and vision*, 35 (4): B184—B191. DOI: 10.1364/JOSAA.35.00B184.
- Bimler, D., Uusküla, M. (2021). Two indices are better than one: building on Robbins, Nolan, and Chen). *Field Methods*, 33 (1): 42—51. DOI: 10.1177/1525822X20945063.
- Bolton, R. (1978). Black, white, and red all over: the riddle of color term salience. *Ethnology*, 17 (3): 287—311. DOI: 10.2307/3773198.
- Bosten, J. M. (2022). Do you see what I see? Diversity in human color perception. *Annual Review of Vision Science*, 8 (1): 101—133. DOI: 10.1146/annurev-vision-093020-112820.
- Davies, I. R. L., Corbett, G. G. (1995). A practical field method for identifying probable basic colour terms. *Languages of the World*, 9: 25—36.
- Davies, I. R. L., Corbett, G. G. (1994). The basic color terms of Russian. *Linguistics*, 32: 65—89.
- Del Viva, M. M., Castellotti, S., Paramei, G. V. (2023). The Italian colour lexicon in Tuscany : elicited lists, cognitive salience, and semantic maps of colour terms. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10 (90). DOI: 10.1057/s41599-023-02393-4.
- Ferrer i Cancho, R., Sole, R. V. (2003). Least effort and the origins of scaling in human language. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 100 (3): 788—791. DOI: 10.1073/pnas.0335980100.
- Griber Yu. A. (2025). Metacognitive mechanisms of color communication. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 14 (3): 20—29. DOI: 10.17759/jmfp.2025140302. (In Russ.).
- Griber, Yu. A., Ivleva, A. I., Solovyev, V. D., Paramei, G. V. (2026). The Russian colour lexicon and its diatopic variation: elicited lists, cognitive salience of colour terms, and neologism boom. *Humanities & Social Sciences Communications*. DOI: 10.1057/s41599-026-07021-5.
- Hidaka, K. (2024). *The Art of Color Categorization*. Cham: Palgrave Macmillan. 193 p. ISBN 9783031476891.
- Jakovljević, I., Zdravković, Z. (2018). The colour lexicon of the Serbian language — A study of dark blue and dark red colour categories. *Psihologija*, 51 (2): 197—213. DOI: 10.2298/PSI160521002J.
- Kusuma Wardani, N., Fefiana Mustikasari, B. (2023). Colour preference on Picture Therapy Cards in children with ASD. *KnE Social Sciences*, 8 (15): 244—251. DOI: 10.18502/kss.v8i15.13938.

- Lillo, J., Gonzalez-Perilli, F., Prado-León, L. R., Melnikova, A. D., Álvaro, A. L., Collado, J. A., Moreira, H. (2018). Basic color terms (BCTs) and categories (BCCs) in three dialects of the spanish language: interaction between cultural and universal factors. *Frontiers in Psychology*, 9 (761). DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00761.
- Lindsey, D. T., Brown, A. M. (2014). The color lexicon of American English. *Journal of Vision*, 14 (17). DOI: 10.1167/14.2.17.
- Liu, L. (2025). Analysing the impact of sensory processing differences on color and texture preferences in individuals with autism spectrum disorder. *Humanities and Social Sciences Communications*, 12 (1408). DOI: 10.1057/s41599-025-05753-4.
- Lukina, A. E. (2024). The concept of “linguistic variability” in the Russian and foreign linguistic tradition. *Bulletin of SUSU. The series “Linguistics”*, 11 (1): 7—11. (In Russ.).
- Maule, J., Skelton, A. E., Franklin, A. (2023). The Development of Color Perception and Cognition. *Annual review of psychology*, 74: 87—111. DOI: 10.1146/annurev-psych-032720-040512.
- Moreira, H., Álvaro, L., Lillo, J. (2024). Color blindness and semantic knowledge: cognition of color terms from elicited lists in dichromats and normal observers. *Color Research & Application*, 9 (5): 420—432. DOI: 10.1002/col.22925.
- Nair, A. S., Priya, R. S., Rajagopal, P., Pradeepa, C., Senthil, S., Dhanalakshmi, S., Lai, K. W., Wu, X., Zuo, X. (2022). A case study on the effect of light and colors in the built environment on autistic children’s behavior. *Frontiers in psychiatry*, 13 (1042641). DOI: 10.3389/fpsy.2022.1042641.
- Stausberg, M. (2022). Free-listing. In: *The Routledge handbook of research methods in the study of religion*. 2nd ed. London: Routledge. 554—564. ISBN 9781032119823.
- Sutrop, U. (2001). List task and a cognitive salience index. *Field Methods*, 13: 263—276.
- Ward, Jr. J. H. (1963). Hierarchical grouping to optimize an objective function. *Journal of the American Statistical Association*, 58 (301): 236—244. DOI: 10.1080/01621459.1963.10500845.
- Wijk, H., Berg, S., Sivik, L., Steen, B. (1999). Color discrimination, color naming and color preferences in 80-year-olds. *Aging Clinical and Experimental Research*, 11 (3): 176—185. DOI: 10.1007/BF03399660.
- Xu, M., Zhu, J., Benítez-Burraco, A. (2023). A comparison of basic color terms in Mandarin and Spanish. *Color Research & Application*, 48 (6): 709—720. DOI: 10.1002/col.22863.

*The article was submitted 17.10.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 26.04.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Зубкова О. С. Реляционная природа эвфемизации : когнитивно-дискурсивный подход / О. С. Зубкова, С. А. Логвина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15. — № 4. — С. 152—176. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-152-176.

Zubkova, O. S., Logvina, S. A. (2026). Relational Nature of Euphemization: A Cognitive-Discourse Approach. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 152-176. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-152-176. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Реляционная природа эвфемизации: когнитивно- дискурсивный подход

Зубкова Ольга Станиславовна
orcid.org/0000-0003-3900-321X
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных
языков
и профессиональной коммуникации
olgaz4@rambler.ru

Логвина Светлана Андреевна
orcid.org/0000-0003-4086-9707
кандидат педагогических наук,
докторант
кафедры иностранных языков
и профессиональной коммуникации,
корреспондирующий автор
svet.logvina@mail.ru

Курский
государственный университет
(Курск, Россия)

Relational Nature of Euphemization: A Cognitive-Discourse Approach

Olga S. Zubkova
orcid.org/0000-0003-3900-321X
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department
of Foreign Languages and
Professional Communication
olgaz4@rambler.ru

Svetlana A. Logvina
orcid.org/0000-0003-4086-9707
PhD in Pedagogy, Doctoral degree seeker,
Department of Foreign Languages
and Professional Communication,
corresponding author
svet.logvina@mail.ru

Kursk State University
(Kursk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена авторская реляционная модель эвфемизации как многоуровневого механизма смысловой регуляции, формируемого на пересечении когнитивных операций, прагматических установок и социокультурных норм. Модель включает пять уровней: контекстуальный, интенциональный, реляционный, семантический и дискурсивный. Введено различие между перлокутивным эффектом (на уровне эвфемистического выражения) и перлокутивным актом (на уровне эвфемистического текста и дискурса). Выделены ключевые когнитивно-прагматические механизмы: селективное внимание, прагматическая фильтрация, метапрагматическая и прогностическая оценка. Предложена типология реляционных векторов эвфемизации, отражающих стратегические установки (этические, регулятивные, институциональные, экономические, медицинские, образовательные и др.). В качестве материалов привлекаются современные примеры из повседневной, медиальной и институциональной коммуникации. Приводятся примеры эвфемизмов для понятий «безработный», «инвалид» и др. Подчеркивается, что эвфемизация, будучи реляционно организованной когнитивной процессуальностью, обеспечивает многоплановую настройку речевого поведения, направленную на формирование приемлемых траекторий интерпретации (реляционных векторов), смягчение социально чувствительных аспектов коммуникации и поддержание дискурсивного баланса.

Ключевые слова:

эвфемизация; реляционная природа эвфемизации; перлокутивный акт; когнитивная процессуальность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents an original relational model of euphemization as a multilevel mechanism for semantic regulation, shaped at the intersection of cognitive operations, pragmatic orientations, and sociocultural norms. The proposed framework comprises five levels: contextual, intentional, relational, semantic, and discursive. It distinguishes between perlocutionary effect (at the level of euphemistic expression) and perlocutionary act (at the level of euphemistic text and discourse). Key cognitive-pragmatic mechanisms are identified, including selective attention, pragmatic filtering, metapragmatic evaluation, and predictive assessment. A typology of relational vectors of euphemization is introduced to reflect strategic orientations such as ethical, regulatory, institutional, economic, medical, educational, etc. Modern examples from everyday, media, and institutional communication illustrate these concepts. Specific cases include euphemisms for terms like “unemployed” or “disabled.” The study emphasizes that euphemization, organized relationally within cognitive processes, configures multifaceted adjustments in speech behavior aimed at establishing acceptable interpretive trajectories (relational vectors), mitigating socially sensitive aspects of communication, and maintaining discursive balance.

Key words:

euphemization; relational nature of euphemization; perlocutionary act; cognitive processuality.

УДК 81'373.49

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-152-176

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Реляционная природа эвфемизации: когнитивно-дискурсивный подход

© Зубкова О. С., Логвина С. А., 2026

1. Введение = Introduction

В условиях усиления социокультурной чувствительности, повышения этической рефлексии и усложнения коммуникативных практик современного общества эвфемизация приобретает особую значимость как неотъемлемый элемент языковой адаптации и символического посредничества. Всё чаще она рассматривается не просто как локальный приём смягчения или замещения нежелательных выражений, а как полноценная форма метаязыковой рефлексии, связанной с осознанием границ приемлемого, регулированием интерпретации и управлением восприятием.

В этой парадигме эвфемизм становится индикатором не только нормативной языковой компетенции, но и когнитивной и прагматической компетенций носителя языка — его способности гибко ориентироваться между нормой, ожиданием и риском коммуникативной неудачи. Эвфемистические практики, таким образом, проявляют себя как формы стратегически мотивированного управления языковыми средствами, зависящего от множества факторов: от прагматической задачи и интенции говорящего до социокультурного контекста, уровня табуированности тематики, коммуникативного жанра и даже ожидаемой модальности восприятия со стороны адресата.

Такой подход открывает возможность интерпретировать эвфемизацию как механизм когнитивной саморегуляции, при котором язык перестаёт быть нейтральным каналом передачи информации и превращается в активный инструмент социального действия [Залевская, 2015], этической адаптации и концептуального моделирования действительности. С помощью эвфемизации субъект выстраивает границы допустимого, маркирует зоны чувствительности, сигнализирует о принадлежности к определённо-му коммуникативному сообществу и одновременно формирует устойчивые когнитивные схемы, в которых реальность не только отражается, но и конструируется заново — с учётом аксиологических, этических и социальных параметров.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В конце XIX — начале XX веков эвфемизация рассматривалась преимущественно в рамках историко-лингвистического подхода как реакция на табу и средство замещения «запрещённых» слов «разрешёнными» [Kerbrat-Orecchioni, 2002; Horak, 2010 и др.]. Эвфемизация в этот период осмысливается как вынужденная языковая мера, обеспечивающая соблюдение социокультурных норм речевого поведения. Мы согласны с мнением В. П. Москвина и полагаем, что формирование непротиворечивой концепции эвфемии в методологическом пространстве современного филологического знания находится в стадии формирования: «Думается, понятие эвфемии нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении. По уточнению данного понятия окажется возможным составление реестра функций и способов эвфемистической номинации, который, на наш взгляд, до сих пор далек от исчерпывающей полноты» [Москвин, 2001, с. 58].

С развитием социолингвистики и прагматики эвфемизация приобретает более широкое толкование — как дискурсивно мотивированный процесс управления высказыванием. Современные исследователи указывают, что эвфемизация используется не только для соблюдения этикетных норм, но и для искажения, смягчения или переосмысления информации [Порохницкая, 2014; Порохницкая и др., 2023; Орлова, 2020].

На современном этапе исследования эвфемизации в центре внимания научных работ оказываются её механизмы, формы реализации и коммуникативные эффекты. Значительное внимание уделяется способам образования эвфемизмов как операциональной части процесса эвфемизации [Ковшова, 2019; Реброва, 2020; Хакимова, 2018], а также вопросам стилистической принадлежности языковых единиц, которые в определённых контекстах способны выполнять эвфемизирующую функцию [Киселева, 2015; Кузнецова, 2017]. Вводится и уточняется понятие эвфемистического потенциала как степени способности единицы участвовать в эвфемизации [Кутинова, 2019; Порохницкая, 2014].

В ряде исследований акцент смещается на прагматический и социокультурный аспекты эвфемизации [Ахматова, 2020; Пастухова, 2019; Цатурян, 2020]. Эвфемизация трактуется как процесс смысловой адаптации, направленный на регулирование уровня социальной приемлемости и эмоциональной окраски высказывания.

Также противопоставляются различные векторы эвфемизации: с одной стороны — как способа смягчения и поддержания бесконфликтной коммуникации [Голубкова, 1982; Шанский, 1978, Jamet et al., 2010], с другой — как потенциально агрессивного приёма, направленного на сокрытие или манипуляцию [Орлова, 2020; Mironina et al., 2023; Walker et al., 2021].

Подобное противопоставление подчёркивает амбивалентность эвфемизации и её стратегическую роль в речевом воздействии.

В актуальных когнитивно-дискурсивных подходах эвфемизация определяется как динамический процесс смыслового преобразования, реализующийся в зависимости от прагматических условий, интенций говорящего и реактивных ожиданий адресата. Разграничиваются понятия: эвфемизм — языковая единица, эвфемизация — процесс трансформации, эвфемия — стратегическая установка [Саакян, 2010; Зверева, 2017].

В этом контексте эвфемизация перестаёт быть сугубо лексико-стилистическим явлением: она приобретает статус интегративного когнитивно-дискурсивного механизма, связывающего языковую репрезентацию, ментальные сценарии и нормативные ожидания общества. Её анализ требует привлечения не только лингвистических, но и междисциплинарных инструментов — от когнитивной семантики и прагматики до социологии знания и этической философии языка. В нашем исследовании мы рассматриваем когнитивные способности как совокупность ментальных операций, обеспечивающих осознание, интерпретацию и целенаправленное использование языковых ресурсов в процессе коммуникативного взаимодействия. Именно такая когнитивная активность позволяет субъекту не только строить речевые высказывания, но и гибко адаптировать их к многоуровневым прагматическим условиям [Зубкова, 2014, с. 244], формируя образы, регулируя интерпретационные рамки и управляя перцептивным восприятием речи.

В контексте настоящего исследования данный аспект является обязательным элементом методологической базы, поскольку когнитивное моделирование коммуникативного баланса по своей природе предполагает включение сложных когнитивных механизмов: моделирование образа, соотнесение с нормативными установками, актуализацию эмоционально-прагматического компонента и формирование стратегий смыслового смягчения.

Таким образом, можно согласиться с тезисом о том, что эвфемизация представляет собой когнитивный механизм, лежащий в основе процессов осмысления, категоризации и репрезентации социальной действительности [Болдырев, 2018]. На уровне индивидуального сознания эвфемизация отражает когнитивную установку на переработку дискомфортной, стигматизированной или табуированной информации, преобразуя её в приемлемую, интерпретируемую и безопасную форму. Это перераспределение смыслов осуществляется через активацию ментальных моделей, фреймов и концептов, в которых речевая форма служит не просто знаком, а инструментом концептуального смягчения и социальной фильтрации. Таким образом, эвфемизация функционирует как интерфейс между языковой системой и когнитивным аппаратом индивида, обеспечивая не только коммуни-

кативную эффективность, но и когнитивный комфорт, защиту самооценки, соблюдение норм «лица» (по Гоффману, Браун и Левинсон) и соответствие социокультурным ожиданиям. В нашем понимании, эвфемизация как когнитивный механизм особенно актуальна в ситуациях речевого риска, неопределённости или конфликтной чувствительности, где выбор языковой формы становится отражением более глубоких ментальных стратегий регулирования социального взаимодействия.

Теоретической основой нашего исследования служат идеи когнитивной лингвистики, в рамках которых эвфемизм трактуется как репрезентант эвфемистического знания, объективирующийся в культурных фреймах и сценариях. Используемые методы включают концептуальный анализ, фреймовую семантику и реконструкцию когнитивных моделей. В данном исследовании прагматический подход применяется к анализу эвфемизации как речевой стратегии [Болдырев, 2018 с. 247], направленной на смягчение потенциально конфликтных или табуированных высказываний. Эвфемизация рассматривается как прагматически обусловленный процесс, реализующийся через косвенные иллокутивные акты, стратегии вежливости (positive / negative politeness), а также через перлокутивное влияние на адресата [Horak, 2010 и др.]. Она функционирует в рамках конвенционализированных сценариев обхода [Саакян, 2024], маскировки и риторического сглаживания, являясь инструментом формирования смысла.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эвфемизация как акт осознанного языкового выбора

Опираясь на выводы, полученные в современной парадигме психолингвистики, мы понимаем осознанный языковой выбор как важнейший компонент речемыслительной деятельности, отражающий уровень когнитивного контроля, метаречевой осведомлённости и способности к саморегуляции в процессе коммуникации. В данном исследовании мы исходим из понимания языкового выбора как когнитивно мотивированного процесса, базирующегося на универсальном предметном коде, который обеспечивает интерпретационную целостность и когнитивную согласованность коммуникативного акта. В отличие от «автоматизированного» речевого поведения осознанный выбор лексических и синтаксических средств предполагает включение механизмов метаязыковой рефлексии, при которых субъект способен критически оценивать речевые единицы, предвидеть их перлокутивный эффект и адаптировать высказывание к ситуации. Эвфемизация, как правило, не происходит спонтанно: она представляет собой результат когнитивного и метаязыкового контроля, при котором говорящий осознаёт потенциальный эффект определённого выражения на адресата и, соотносясь

с актуальными коммуникативными условиями, сознательно выбирает менее маркированную, нейтральную или положительно окрашенную форму. Это свидетельствует о способности индивида к рефлексивному отстранению от обозначаемого объекта и прагматической оценке лексических единиц с точки зрения их социокультурной и эмоциональной релевантности.

Такая стратегия особенно ярко проявляется в тех случаях, когда речь идёт о социальной чувствительности или необходимости соблюдения норм политической корректности [Perez, 2024]. Так, например, замена номинации *инвалид* на *человек с ограниченными возможностями* иллюстрирует не только лексическую трансформацию, но и глубокий сдвиг в концептуализации объекта: от редуктивного обозначения через дефицит («неполноценность») к инклюзивной формуле, подчеркивающей достоинство личности и её права. Это не просто эвфемизм в традиционном понимании, а акт включения этических и социальных установок в языковое поведение, в том числе с опорой на международные правозащитные дискурсы.

Примером подобной метаязыковой стратегии может служить переход от прямой номинации *уборщица* к эвфемистической форме *технический ассистент по санитарии*. Здесь осуществляется не только лексическая трансформация, но и концептуальное переосмысление роли субъекта в социальной иерархии, что соответствует стремлению к снижению стигматизации и институциональному формированию новой лексической нормы. В сфере трудовых отношений выражение *уволен* нередко заменяется на *освобождён от должности*, *прекратил сотрудничество с компанией*, *перешёл к реализации новых карьерных задач* и т. п. В каждом из этих случаев говорящий не просто описывает ситуацию, но интерпретирует её, формируя перцептивный фокус адресата и задавая эмоционально допустимую рамку восприятия.

Таким образом, как нам представляется, эвфемизация в данном аспекте может рассматриваться как рефлексивная лингвистическая стратегия, демонстрирующая высокий уровень коммуникативной осознанности и готовности говорящего адаптировать речевые средства в соответствии с социальными ожиданиями, нормами этикета и идеологической конъюнктуры. Она служит важным индикатором социокультурной чувствительности и одновременно — инструментом концептуального управления в дискурсе.

3.2. Отражение нормы как механизм языковой саморегуляции

Эвфемизация представляет собой одну из ключевых форм языковой адаптации к системе общественных норм, охватывающей морально-этические, религиозные, идеологические и культурно-обусловленные табу. В данной функции эвфемизм (как результат эвфемизации) выступает не

только как средство вербального смягчения, но и как когнитивный механизм саморегуляции речевого поведения, обеспечивающий динамический баланс между потребностью в эксплицитном выражении смысла и необходимостью сохранить нормативную корректность, эмоциональное равновесие и социальную гармонию.

С точки зрения когнитивной лингвистики, эвфемизация активирует целый ряд ментальных операций, направленных на динамическую регуляцию речевого поведения в условиях социальной и этической чувствительности. По нашему мнению, среди них особую роль играют:

— *селективное внимание*, которое активизирует процессы избирательного восприятия и структурирования информации, в результате чего в ментальном лексиконе говорящего формируется акцентное или, напротив, фоновое представление компонентов содержания; в процессе речевого оформления это проявляется в смещении перцептивного фокуса: говорящий сознательно «подсвечивает» одни аспекты высказывания и «затеняет» другие, тем самым модулируя интерпретационные ожидания адресата и управляя степенью актуализации определённых концептов;

— *прагматическая фильтрация*, представляющая собой механизм предварительного отбора языковых средств с учётом их прагматической уместности и соответствия нормам социальной приемлемости; говорящий соотносит потенциальные формы выражения с актуальной коммуникативной ситуацией, социальной ролью участников и типом дискурсивного взаимодействия; на этом этапе активируются реляционные векторы между ментальной моделью объекта и внутренними критериями допустимости, формируя динамическую «решётку» фильтрации, которая определяет, какие элементы будут включены в речевую реализацию, а какие останутся имплицитными или будут трансформированы;

— *метапрагматическая оценка*, которая представляет собой регуляцию, направленную на контроль за соответствием высказывания нормам речевого этикета и коммуникативной культуры конкретного дискурсивного сообщества; на этом уровне активизируются механизмы самоконтроля говорящего, позволяющие соотнести стратегию оформления высказывания с ожидаемыми нормами вежливости, такта и коммуникативной гармонии; в данном контексте эвфемизация выполняет функцию поддержания социального равновесия в речевом акте и предотвращения потенциальной угрозы «лица» участников общения;

— *прогностическая оценка перлокутивного эффекта*, являющаяся одним из наиболее значимых компонентов эвфемизации в реляционной структуре данного феномена, что актуализирует обоснованное различие перлокутивного эффекта и перлокутивного акта.

Именно с перлокутивного эффекта фактически начинается регулятивная эвфемистическая стратегия. Несмотря на то, что сам эффект по своей природе является скорее краткосрочным, ситуативно обусловленным (например, немедленная реакция адресата — принятие, отторжение, снижение напряжённости), он выполняет иницилирующую функцию в формировании более устойчивого перлокутивного акта.

В отличие от мгновенного эффекта перлокутивный акт встраивается в структуру высказывания или текста и начинает определять организацию последующего дискурсивного пространства. Он проявляется в структурном и модальном выстраивании текста, задаёт допустимые рамки интерпретации и регулирует динамику смыслового развёртывания. Таким образом, эвфемистический акт не ограничивается выбором отдельной лексемы или локальной эвфемистической замены; напротив, он влияет на композицию высказывания в целом, формируя текстовую и дискурсивную стратегию, которая обеспечивает более устойчивую институциональную или социокультурную легитимизацию коммуникативного действия.

Именно в этом заключается различие между перлокутивным эффектом (краткосрочным, ситуативным) и перлокутивным актом (структурирующим, долговременным): первый может завершаться, например, успешным обходом конфликта или смягчением реакции аудитории на уровне лексемы или интонационной модальности, тогда как второй обеспечивает устойчивое вплетение эвфемистической стратегии в ткань высказывания или целого текста, закрепляя позицию говорящего и рамки допустимой интерпретации для аудитории.

Формирование такого перлокутивного акта напрямую связано с механизмами речевой саморегуляции. Она реализуется как форма речевого самонаблюдения (self-monitoring), в процессе которого говорящий выстраивает значение не как фиксированную семантическую сущность, а как контекстно обусловленную реляционную величину — то есть такую, смысл которой зависит от коммуникативной ситуации, социальных ролей участников, степени чувствительности темы и дискурсивной задачи. В этом отношении эвфемизм демонстрирует ярко выраженную реляционную природу эвфемизации, заключающуюся в способности модифицировать смысл в зависимости от типа взаимодействия между субъектом и объектом высказывания. Эвфемистическое выражение не существует в изоляции — его эвфемистический потенциал активируется лишь при наличии определённой интерпретативной рамки. Так, формула *вошёл в историю* может функционировать как эвфемизм в политическом дискурсе, маскируя отставку, поражение или скандал, тогда как в ином контексте она сохраняет буквальное, высокопатетическое значение. Выражение *санитарная операция*

в политическом дискурсе часто используется как эвфемизм, маскирующий определённые неприемлемые действия врага. Подобные формулы направлены на формирование положительных коннотаций, изымая из высказывания моральный и эмоциональный компонент. В санитарно-эпидемиологическом или биологическом контексте: может использоваться в прямом значении: например, *санитарная операция по уничтожению очага инфекции*. Это нейтральный термин, не несущий эвфемистической нагрузки. Данные примеры демонстрируют, что перлокутивный эффект носит краткосрочный и ситуативный характер и обычно реализуется на уровне отдельной лексемы или локального речевого выражения, которое позволяет достичь моментального смягчения или обхода конфликтного содержания.

В отличие от этого перлокутивный акт обладает структурирующей и долговременной природой: он формируется на уровне текста в целом или даже дискурса, определяя не только способы репрезентации содержания, но и общие рамки интерпретации, в которых выстраивается коммуникативное взаимодействие.

Таким образом, эвфемизация выступает здесь прежде всего как функция, которая может реализовываться либо локально — через отдельную лексику или выражение (создавая перлокутивный эффект), либо структурно — через композицию текста и дискурсивные практики (порождая перлокутивный акт с устойчивым влиянием на восприятие речи).

Подобная реляционная природа эвфемизации проявляется в ее способности формировать различные типы релятивных связей в ментальном лексиконе говорящего: между концептом объекта и коммуникативной установкой (эгоцентрическая модификация), между репрезентируемым содержанием и внутренними критериями допустимости (пороговая фильтрация), между образом объекта и его социальной категоризацией (иерархическая коррекция), а также между событием и его концептуально-ценностной интерпретацией (семантическая трансформация). Такая структура релятивных связей предполагает индивидуализированное восприятие референтного содержания речи и задаёт специфический формат когнитивно-прагматического взаимодействия между говорящим и слушающим. В процессе эвфемистической актуализации взаимодействие строится не на прямом соотношении лексики и денотата, а на опосредованной интерпретации, зависящей от ментальных фильтров, когнитивных установок и коммуникативной чуткости участников речевого события. В каждом из этих случаев с помощью эвфемизации формируется уникальная структура отношений, подчинённая целям прагматической нейтрализации, социальной корректности и когнитивной гибкости.

Таким образом, эвфемизация как языковая саморегуляция — это не просто смягчение или цензурирование, а сложный когнитивно-реляцион-

ный механизм, посредством которого субъект речи конструирует семиотическую конфигурацию, соответствующую культурной нормативности и речевой этике. Эвфемизм в этом аспекте функционирует как динамическая единица, способная переопределять значения в зависимости от контекста, цели и дискурсивного давления, что делает его важнейшим инструментом когнитивной навигации в социально чувствительных областях коммуникации.

3.3. Метаязыковая функция как элемент социальной идентичности

Эвфемизация не только выполняет функцию смягчения речевого воздействия и регуляции коммуникации, но также играет значимую роль в формировании и артикуляции социальной идентичности говорящего. В данном аспекте эвфемизм проявляет себя как средство метаязыковой самоидентификации, посредством которого индивид или коллективное дискурсивное сообщество осознанно позиционирует себя в социокультурном пространстве. Использование определённых эвфемистических стратегий, структур и лексем выступает как символическая декларация принадлежности к той или иной группе — профессиональной, идеологической, гендерной, политической или культурной.

В корпоративной и HR-коммуникации выражения типа *временно приостановлено сотрудничество* вместо *уволен*, *позиция оптимизирована* вместо *рабочее место ликвидировано*, *перераспределение кадрового потенциала* вместо *сокращение штатов* указывают на принадлежность к формализованной, иерархически структурированной корпоративной культуре, в которой прямота речи замещается риторикой лояльности, гибкости и стратегического позиционирования.

В медицинском и академическом дискурсе эвфемистические выражения, такие как *репродуктивная дисфункция* вместо *бесплодие*, *дополнительные образовательные потребности* вместо *задержка развития*, сигнализируют об этически ориентированной модели общения. Говорящий таким образом демонстрирует принадлежность к научному, инклюзивному и гуманистически ориентированному дискурсу, где недопустима стигматизация.

Даже в повседневной коммуникации с помощью эвфемизации маркируются определённые социальные установки. Например, употребление выражений *немного своеобразный*, *пожилой гражданин*, *человек с опытом зависимости* вместо более прямых, но потенциально дискриминирующих терминов (*чудак или странный*, *старик*, *пьяница*) указывает на принадлежность говорящего к инклюзивному, социально чуткому типу речевой идентичности.

Таким образом, эвфемизация выступает как механизм актуализации культурных кодов и коммуникативной адаптации. Реализуемая через неё метаязыковая регуляция обеспечивает не только контроль над степенью эксплицитности высказывания, но и управление идентификационным кодом речи — речевые формулы становятся сигналом принадлежности говорящего к определённому типу дискурсивного поведения и к соответствующей культурной норме. В этом контексте эвфемизм может рассматриваться как маркер культурной осведомлённости и символического утверждения ценностей, разделяемых данным сообществом. В этом смысле эвфемизм становится не просто способом сказать «иначе», но и средством сказать «от имени» — от имени профессионального сообщества, института, идеологии, класса или культурной нормы. Это придаёт *эвфемизации* важный статус в рамках дискурсивной и социокультурной идентификации, делая её объектом не только лингвистического, но и антропологического анализа.

3.4. Формирование вторичных значений

Одним из наиболее значимых следствий рефлексии в контексте эвфемизации является запуск процессов семантической деривации и когнитивной перестройки фреймовой структуры высказывания. Эвфемизация в этом аспекте представляет собой не только средство смягчения или цензурирования, но и мощный инструмент переосмысления и переконструирования реалий посредством вторичной номинации. Через эвфемистический механизм происходят смещение исходных значений, их реконтекстуализация и интеграция в новые концептуальные рамки, что влечёт за собой формирование дополнительных семантических уровней и концептов.

Формально данный процесс можно описать как семантическую деривацию, в рамках которой из базового (прямого) значения развивается вторичное — периферийное, образное, либо стилистически нейтрализованное. Эта деривация опирается на ряд когнитивных операций, в том числе на метафоризацию, метонимию, обобщение, гиперонимизацию и концептуальную транспозицию. Например, в случае с номинацией *клининговый сотрудник* происходят последовательные трансформации:

уборщица (базовая денотативная номинация с возможной социальной стигмой) → *технический ассистент* (нейтрализующее определение, акцентирующее функцию, а не статус) → *специалист по гигиене окружающей среды* (концептуальная перестройка, включающая экологический и профессиональный дискурс).

На каждом этапе происходит не просто лексическое варьирование, но изменение концептуальной структуры: базовый концепт ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ замещается фреймами «технический специалист»,

«экологический контроль», «гигиеническая безопасность» и др. Таким образом, эвфемизм функционирует как механизм когнитивного переноса, позволяющий говорящему переводить потенциально стигматизированный или социально чувствительный объект в альтернативный концептуальный мир, характеризующийся большей коммуникативной, этической и эмоциональной доступностью. В контексте теорий возможных миров (С. Крипке) и семантической истины (А. Тарский) эвфемизация может интерпретироваться как речевая операция, сопровождающаяся переносом высказывания из одного возможного мира — референциально точного, но социально дискомфортного — в другой, когнитивно допустимый и прагматически безопасный. При этом происходит преобразование истинностного статуса высказывания: оно сохраняет логико-семантическую правдоподобность, но встраивается в иную систему координат — не описания факта, а репрезентации допустимого смысла. Посредством лексической замены, оценочной переинтерпретации или концептуальной трансформации эвфемизм открывает доступ к таким мирам восприятия, где исходное содержание перестаёт быть угрозой для социального порядка, самооценки или этики взаимодействия и встраивается в нейтральные, нормативные или институционально легитимные модели интерпретации. В этом аспекте эвфемизация выступает не просто как языковая замена, а как когнитивно-прагматическая стратегия преобразования истины в рамках допустимого концептуального мира.

Таким образом, эвфемизация оказывает влияние не только на прагматический уровень высказывания, но и на более глубокие слои когнитивной репрезентации действительности. Участвуя в фреймовой перестройке восприятия, эвфемизм не просто заменяет знаки — он создаёт новые когнитивные рамки, в которых трансформируется интерпретация реальности. Эвфемизм может рассматриваться как «вербальный индикатор социокультурной рефлексии», особенно в публичном дискурсе, где он функционирует как механизм идеологической коррекции [Зубкова, 2014, с. 237]. Через эвфемистическую трансформацию формируются новые фреймные конфигурации, позволяющие социально чувствительным реалиям обрести иное концептуальное освещение. Это делает эвфемизм не просто средством языковой замены, но и мощным инструментом семантической динамики, выполняющим двойную функцию: управление значением и влияние на общественное восприятие и интерпретацию событий.

В данной работе эвфемизация рассматривается как форма вторичной номинации, способная не только нивелировать экспрессивную или стигматизирующую нагрузку, но и инициировать процессы концептуального обновления через создание новых интерпретационных рамок, соотносённых с допустимыми мирами восприятия. Через эвфемистическую замену активизиру-

ются когнитивные сценарии, в которых исходная семантика модифицируется и вписывается в альтернативные концептуальные миры — такие, где высказывание становится приемлемым, этически допустимым и социально нейтральным. Таким образом, эвфемизация не просто пересоздаёт номинацию, а переносит значение в иную модальность восприятия, структурированную согласно культурным, идеологическим и коммуникативным ограничениям.

По нашему мнению, эвфемизация обеспечивает когнитивный перенос высказывания в иные модальности восприятия, где переопределяются реляции между субъектами, действиями и социальными ролями. В каждом таком мире функционирует иная реляционная структура, в которой происходит переподчинение положения вещей: статус, оценка и смысл объекта формируются не за счёт его сущностных характеристик, а в результате изменения его дискурсивных связей. Так, в одном мире индивид может выступать как *обслуживающий персонал*, а в эвфемистически перестроенном — *уже как борец за чистоту, технический ассистент по санитарии или специалист по гигиеническим процессам*. Реляция, то есть соотношение между объектом и системой координат (нормами, ролями, институциями), позволяет перекодировать социальное значение и, соответственно, модифицировать отношение к нему — от снижения иерархического статуса к нейтрализации или даже символическому возвышению. Именно этот реляционный сдвиг и делает эвфемизацию не просто заменой обозначения, а инструментом концептуальной и идеологической реконфигурации социальной реальности.

Подчеркнём, что при эвфемизации происходит конструирование нового концепта, в котором реляционные связи между говорящим, объектом и социальным знанием перенастраиваются в соответствии с нормой приемлемости и идеологической репрезентации. В результате создаётся новая интерпретационная перспектива, встраивающая высказывание в культурно допустимую и социально ожидаемую модель дискурсивного поведения.

Реляционный вектор представляет собой дискурсивно обусловленную перспективу репрезентации денотата, при которой смещение значения происходит не на уровне внутренней семантической трансформации, а за счёт изменения отношений между говорящим, объектом и типом дискурса. Один и тот же денотат может быть эвфемистически представлен по-разному в зависимости от институциональной принадлежности, ценностной доминанты или коммуникативной установки, что приводит к формированию альтернативной онтологической репрезентации, характерной для определённого «допустимого мира» (в терминах семантики возможных или когнитивных миров Тарского).

Такие реляционные векторы не сводятся к стилевому варьированию или экспрессивной окраске: они задают различные типы дискурсивной ре-

презентации одного и того же объекта, формируя разные когнитивные траектории концептуализации и интерпретации. Таким образом, эвфемизация становится частью «когнитивной политики» дискурса, направленной на перестройку отношений между субъектом речи и обозначаемым, не нарушая формальной истинностной структуры высказывания, но существенно модифицируя его интерпретационный потенциал. А эвфемизм в этом аспекте следует рассматривать не как простую языковую замену или акт смягчения, а как реляционную переориентацию взгляда на предмет, осуществляемую через институциональные, идеологические и прагматические фильтры восприятия. Для эмпирической иллюстрации были сопоставлены различные способы репрезентации социально чувствительного денотата — «инвалидность» — в рамках типологически отличающихся дискурсивных систем. Ниже приведены наиболее репрезентативные случаи эвфемизации, в которых различие коммуникативных задач и фреймов приводит к варьированию эвфемистических формул и реляционных направлений (табл.).

Очевидно, что во всех случаях денотативный компонент «инвалидность» — остаётся семантически постоянным, но в зависимости от дискурсивной рамки и институционального фрейма изменяется фокус (от диагноза к правам, от барьера к уникальности), а также сдвигается центр реляции: с «*физической недостаточности*» → к «*социальному включению*» или даже → к «*силе духа*».

В качестве примера рассмотрим также случаи эвфемизации понятия «безработный». Здесь имеет место варьирование в зависимости от дискурсивной среды, коммуникативной установки и реляционного вектора, определяющего выбор лексических средств и когнитивную структуру репрезентации. В официально-административном дискурсе доминирует нормативно-статистический вектор, где предпочтение отдается таким эвфемизмам, как *гражданин, временно не занятый в экономике* или *лицо, зарегистрированное в центре занятости*. Эти формулировки встроены во фрейм правового статуса и процедурной регистрации, а их коммуникативная цель — устранить эмоциональную окраску и представить безработицу как техническую категорию.

В социально-политическом и медийном дискурсах используется смягчающе-нейтрализующий вектор, при котором безработный обозначается как *соискатель работы, активный участник рынка труда* или *человек в поиске новых профессиональных возможностей*. Такая формулировка предполагает временность состояния, активность и субъектность индивида, тем самым устраняются коннотации пассивности, маргинальности или социальной неполноценности.

Таблица

Эвфемизмы к слову *инвалид*

Тип дискурса	Реляционный вектор	Эвфемизм	Фрейм	Коммуникативная цель
Медицинский	Клиническо-диагностический	<i>Лицо с функциональными нарушениями</i>	Диагноз, физиологическое состояние	Объективизация, избегание эмоциональных суждений
Социальный / правовой	Институционально-защитный	<i>Лицо с ограниченными возможностями</i>	Защищаемая категория, правовая субъектность	Нейтрализация стигмы, акцент на правах и доступе
Инклюзивный / педагогический	Эгалитарно-гуманистический	<i>Человек с особыми образовательными потребностями</i>	Индивидуализация, адаптивность	Признание разнообразия, социальное равенство
Политкорректный / публичный	Этически нормативный	<i>Представитель особой социальной группы</i>	Групповая идентичность, уважительная репрезентация	Поддержание публичной приемлемости, демонстрация уважения
Психологический / терапевтический	Эмпатийно-поддерживающий	<i>Человек, сталкивающийся с вызовами в повседневности</i>	Личностная борьба, агентность	Уход от маркирования, акцент на субъективном переживании
Корпоративный / HR-дискурс	Лояльно-функциональный	<i>Сотрудник с адаптационной спецификой</i>	Рабочая адаптация, инклюзия в трудовом коллективе	Уважение, ответственность по политике diversity & inclusion
Художественный / медиа	Нарративно-социальный	<i>Необычный герой, человек с иной физической реальностью</i>	Идентичность, сюжетная уникальность	Эстетизация или нормализация инаковости через личную историю
Религиозный / гуманитарный	Экзистенциально-страдательный	<i>Испытанный судьбой, наделённый особой миссией</i>	Судьба, преодоление, одухотворённость	Сакрализация страдания, придание позитивной смысловой нагрузки

В психологическом и коучинговом дискурсах проявляется мотивационно-ресурсный реляционный вектор, где используются эвфемизмы вроде *специалист в период профессионального переосмысления* или *человек на этапе карьерного перехода*. Такие конструкции формируют фрейм роста, трансформации и индивидуального выбора, переводя ситуацию безработицы из сферы дефицита в пространство возможностей.

В экономических и социологических исследованиях доминирует аналитически-объективирующий подход, где предпочтение отдается терминам типа *экономически неактивное население* или *лица, исключённые из формальной занятости*. Здесь наблюдается тенденция к деперсонализации и формализованному описанию безработицы как элемента системного анализа.

В художественном и культурном дискурсе возможны эвфемистические обозначения *временно не у дел*, *герой на перепутье* или *жизнь вне офисных стен*, что соответствует нарративно-сюжетному вектору, в рамках которого безработица интерпретируется как жизненный кризис, внутренняя борьба или условие метафорического обновления.

Таким образом, эвфемизация понятия *безработный* демонстрирует широкий спектр лингвистических и концептуальных стратегий, в основе которых лежит не только стремление к смягчению, но и когнитивная переориентация восприятия — от уязвимости к активности, от дефицита к потенциалу, от социальной стигмы к индивидуальному ресурсу.

Именно в этом проявляется работа реляционного вектора эвфемии: эвфемизм выступает не просто как форма вежливости или смягчения, а как механизм концептуального переключения позиции говорящего относительно объекта. Он позволяет переопределить отношение к денотату, изменяя не его сущностные характеристики, а контекстуальные связи и интерпретационные рамки, в которых он представлен. Смена фокуса репрезентации не является стилистическим украшением или формальной вариацией: она маркирует позицию говорящего за счет выбранного реляционного вектора, отражая его ценностные ориентиры, институциональную вовлечённость и коммуникативную стратегию. Заметим, что в таком ключе эвфемизация выполняет функции социальной навигации, когнитивной фильтрации дискурсивной легитимизации, позволяя удерживать высказывание в пределах допустимого и соответствующего нормам определённого социального мира.

Современные исследования в области когнитивной лингвистики и критического дискурса-анализа демонстрируют, что эвфемизация не только выполняет коммуникативно-прагматическую и этикетную функцию, но также может выступать как механизм концептуального контроля над интерпретацией социальной реальности. Посредством метаязыковой рефлекс-

сии говорящий адаптирует выражение к контексту, а также стратегически влияет на когнитивные схемы восприятия, переопределяя значения в соответствии с желаемым интерпретационным вектором.

В нашем понимании, эвфемизация в данном контексте функционирует как инструмент семиотической фильтрации. В этом случае референтный компонент не устраняется, а трансформируется в рамках альтернативного фрейма, который активизирует желательную интерпретацию события или объекта, подменяя исходную категоризацию — зачастую без явного вмешательства в фактологический уровень высказывания. Таким образом, речь идёт о вербальном управлении концептами, через которое осуществляется активное переформатирование социального знания. На уровне повседневного общения эвфемизмы выполняют функцию регуляции межличностной чувствительности и поддержания коммуникативного комфорта. Однако в масштабах публичного и институционального дискурса они приобретают характер когнитивной инженерии — перестройки коллективных концептов, в том числе через внедрение новых понятийных рамок (*психоэмоциональная нестабильность* вместо *агрессия*, *альтернативная версия событий* вместо *ложь*, *антикризисное управление* вместо *сокращения и увольнения*).

Таким образом, эвфемизация — это не просто способ избежать неудобной формулировки или смягчить высказывание, а механизм смыслового контроля, посредством которого осуществляется репрезентация мира, регулирующая не только речевое поведение, но и более глубинные когнитивные стратегии интерпретации действительности. Через эвфемистические процедуры язык не просто адаптируется к нормам социума — он активно обозначает границы допустимого, задаёт концептуальные параметры восприятия и структурирует интерпретацию в рамках определённой дискурсивной и ценностной системы координат. Посредством метаязыковой регуляции говорящий не просто варьирует форму выражения, но формирует у адресата когнитивную траекторию восприятия, в рамках которой обозначаемый объект или ситуация концептуализируются в приемлемой форме.

Кроме того, эвфемизация может функционировать как инструмент легитимации — средство представления изменений, решений или ситуаций в социально одобряемом свете. Таким образом, эвфемизация в контексте концептуального контроля представляет собой механизм концептуального формирования значения, при котором язык используется не только для обозначения, но и для трансформации интерпретационных схем. Это делает эвфемизм важным средством когнитивной регуляции и культурной навигации, обеспечивающим соответствие дискурса социальным ожиданиям, ценностям и коммуникативным нормам.

4. Заключение = Conclusions

На основании проведённого анализа можно утверждать, что эвфемизация представляет собой многоуровневый когнитивно-дискурсивный процесс, в основе которого лежит построение и актуализация релятивных связей между ментальными моделями носителя языка, социокультурными нормами и прагматическими условиями конкретного коммуникативного акта.

Эвфемизация формирует динамическое отношение между концептом объекта и коммуникативной установкой говорящего, обеспечивая гибкую настройку содержания в зависимости от ситуативных ожиданий и степени социальной чувствительности темы.

Эвфемистические процедуры опираются на взаимосвязь между репрезентируемым содержанием и внутренними критериями допустимости, что обуславливает индивидуализированное восприятие и производство эвфемистических форм. Реляционные векторы эвфемизации задают иерархическое соотнесение между образом объекта и его социальной категоризацией, позволяя изменять статусные интерпретации и культурные коннотации высказывания. Кроме того, эвфемизация способствует концептуальной трансформации событий и объектов, переводя их в новые рамки интерпретации, согласованные с актуальными ценностными ориентирами дискурсивного сообщества.

Таким образом, эвфемизация выступает как реляционно организованная когнитивная стратегия, обеспечивающая не только вариативность речевых форм, но и формирование приемлемых траекторий интерпретации, что, в свою очередь, способствует поддержанию коммуникативного баланса и символической согласованности в условиях социальной и этической чувствительности современного дискурса.

На основании выполненного анализа реляционной природы эвфемизации можно утверждать, что данный процесс активирует целый комплекс ментальных операций, направленных на динамическую регуляцию речевого поведения в условиях социальной и этической чувствительности. Реляционные векторы эвфемизации не только формируют модальность речевого оформления, но и задают когнитивные траектории интерпретации, опосредуя взаимодействие между внутренними установками говорящего, социокультурными нормами и перцептивными ожиданиями адресата. В данном контексте ключевыми когнитивно-прагматическими механизмами реляционной эвфемизации являются:

- *селективное внимание*, обеспечивающее акцентное или фоновое представление компонентов содержания;
- *прагматическая фильтрация*, регулирующая допустимость языковых средств;

— *метапрагматическая оценка*, обеспечивающая контроль за соответствием высказывания нормам речевого этикета;

— и особенно значимая *прогностическая оценка*, которая охватывает как уровень перлокутивного эффекта, так и уровень перлокутивного акта; прогностическая оценка перлокутивного эффекта предполагает априорное моделирование мгновенной эмоциональной и когнитивной реакции адресата на отдельные лексемы и эвфемистические выражения; на этом уровне осуществляется прогноз непосредственного восприятия и интерпретации языковых единиц в рамках конкретного коммуникативного акта. Вместе с тем прогностическая оценка перлокутивного акта связана с более высоким уровнем — эвфемистического текста и дискурса — и направлена на моделирование пролонгированного, контекстуально опосредованного коммуникативного воздействия. Таким образом, прогностическая оценка представляет собой неотъемлемый компонент речевой саморегуляции, обеспечивающий упреждающее соотнесение коммуникативного действия с потенциальной реакцией адресата, нормами речевого поведения и контекстуальными ограничениями.

Однако для более глубокого понимания эвфемизации как сложного языкового механизма недостаточно анализа только когнитивного уровня. Эвфемистическое действие формируется и реализуется в системе социально ориентированных реляций, где значения, интенции и интерпретации определяются не только личными стратегиями говорящего, но и структурой коммуникативного взаимодействия в целом. Поэтому продуктивной представляется реализация реляционной модели эвфемизации, которая фокусируется на соотнесённости речевых решений с типом дискурса, ролевыми позициями участников и аксиологическим фоном высказывания. Именно в реляционном измерении эвфемизация раскрывается как динамически направленный процесс, встроенный в многомерную систему социальных, когнитивных и прагматических координат.

Реляционная модель описывает эвфемизацию как сложный когнитивно-дискурсивный процесс, в основе которого лежит не просто замена нежелательных слов, а динамически выстраиваемое речевое поведение, обусловленное системой отношений между участниками коммуникации, социокультурными нормами и типом дискурса. В рамках этой модели эвфемизация понимается как результат действия реляционного вектора — направленности речевого акта, определяемой коммуникативной интенцией, статусной асимметрией между говорящим и адресатом, а также прагматическим контекстом.

Модель включает несколько взаимосвязанных уровней. На контекстуальном уровне определяется социальная чувствительность обсуж-

даемой темы, её табуированность и дискурсивные ограничения. Интенциональный уровень связан с намерением говорящего — смягчить, замаскировать, обойти или переформулировать определённое содержание. На реляционном уровне осуществляется соотнесение коммуникативных ролей, степени социального напряжения и ожиданий адресата, в результате чего формируется тип эвфемистической направленности (например, институционально-защитной, эмпатийно-гуманистической, этически-регулятивной и др.). Семантический уровень отражает процессы концептуального переоформления: активацию определённых культурных фреймов, смещение смыслов, трансформацию ассоциативного поля. Наконец, дискурсивный уровень определяет специфику речевой реализации в зависимости от жанра и коммуникативной среды — медицинской, юридической, образовательной, публично-политической и т. д.

Таким образом, реляционная модель эвфемизации позволяет представить эвфемизацию не как локальное лексическое явление, а как регулятивную языковую стратегию, направленную на управление восприятием, минимизацию коммуникативного риска и обеспечение социальной приемлемости высказывания. Она интегрирует когнитивные, прагматические и этические параметры речевого действия и демонстрирует, что эвфемистические конструкции являются продуктом сложного взаимодействия между личностной интенцией, институциональной нормой и культурно обусловленным способом концептуализации реальности.

Эвфемизация осуществляется не стихийно, а как результат осознанного прогнозирования, в котором речевое поведение соотносится с социальными ожиданиями, этическими нормами и коммуникативной целесообразностью. Анализ прогностического потенциала данного феномена как элемента методологии филологического знания связан с исследованием механизмов, функций и контекстуальных вариаций в различных социолингвистических контекстах.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Ахматова Г. Х. Структурный, семантический и прагматический аспекты эвфемизмов в политическом дискурсе современного немецкого языка : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.04 / Г. Х. Ахматова. — Москва, 2020. — 22 с.

2. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Издательский ДомЯСК, 2018. — 480 с. — ISBN 978-5-6040760-9-5.

3. Голубкова Е. В. Номинативное варьирование как средство речевого этикета : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Голубкова. — Москва, 1982. — 288 с.

4. Залевская А. А. «Рефлексия» и «языковое сознание» : вопросы терминологии / А. А. Залевская // Вестник ТвГУ. Серия : Филология (4). — 2015. — С. 29—36.

5. Зверева М. И. Территория терминологического распутия вокруг понятия «Эвфемизм» / М. И. Зверева // Вестник ТГТТУ. — 2017. — № 2 (48). — С. 75—81.

6. Зубкова О. С. Метафорическая категоризация пространств профессиональных языков как рефлексия характера восприятия / О. С. Зубкова // Когнитивные исследования языка. — Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — С. 237—245.

7. Киселева С. А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военном-политическом дискурсе : структурно-семантический и прагматический аспекты : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / С. А. Киселева. — Москва, 2015. — 240 с.

8. Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы : устойчивые структуры в аспекте эвфемизации / М. Л. Ковшова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2019. — № 4. — С. 35—48. — DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-35-48.

9. Кузнецова Н. В. Феномен политкорректности в современном политическом дискурсе : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. В. Кузнецова. — Улан-Удэ, 2017. — 23 с.

10. Кутинова Е. В. Текстовый потенциал эвфемизмов (на материале германских языков) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Кутинова. — Мытищи, 2019. — 161 с.

11. Москвин В. П. Эвфемизмы : системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58-70.

12. Орлова О. С. Принцип непрямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. С. Орлова. — Москва, 2020. — 22 с.

13. Пастухова О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков) : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.20 / О. Д. Пастухова. — Челябинск, 2019. — 24 с.

14. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, французского, испанского и итальянского языков) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Л. В. Порохницкая. — Москва, 2014. — 413 с.

15. Порохницкая Л. В. Концептуальные предпосылки реализации дисфемистического потенциала эвфемизмов (на материале комментариев в социальных сетях) / Л. В. Порохницкая, В. В. Самойлова // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 3—2 (54). — С. 179—182.

16. Реброва Н. Е. Лексикографический статус эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации : (на материале английского и немецкого

языков) : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. Е. Еброва. — Ярославль, 2020. — 23 с.

17. Саакян Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / Л. Н. Саакян. — Москва, 2010. — 23 с.

18. Саакян Л. Н. Эвфемизм и эвфемия в фольклорных и сказочных текстах / Л. Н. Саакян // Русский язык за рубежом. — 2024. — № 4 (305). — С. 46—50. — DOI: 10.37632/PI.2024.305.

19. Хакимова М. М. Лексико-семантический анализ эвфемизмов в таджикском и английском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / М. М. Хакимова. — Душанбе, 2018. — 169 с.

20. Цатурян М. А. Лингвопрагматика эвфемизации и дисфемизации англоязычного и русскоязычного политического дискурса : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. А. Цатурян. — Майкоп, 2020. — 24 с.

21. Шанский Н. М. В мире слов / Н. М. Шанский. — Москва : Просвещение, 1978. — 319 с.

23. Horak A. L'euphémisme. Entre tradition rhétorique et perspectives nouvelles / A. Horak. — München : Lincom Europa, 2010. — 110 p.

24. Jamet D. Empreintes de l'euphémisme — Tours et détours / D. Jamet, M. Jobert. — Paris : L'Harmattan, 2010. — 395 p.

22. Kerbrat-Orecchioni C. Euphémisme / C. Kerbrat-Orecchioni // Charaudeau, D., Maingueneau, D. (dirs.). Dictionnaire d'analyse du discours. — Paris : Éd. du Seuil, 2002. — Pp. 241-242.

25. Mironina A. Euphemism as a linguistic strategy of evasion in political media discourse/ A. Mironina, G. Porchesku // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. — 2023. — Volume 9. — № 2. — Pp. 65—72. — DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1.

26. Perez C.-A. Euphemisms and Political Correctness / C.-A. Perez // Linguistic and Literary Broad Research and Innovation. — 2024. — Volume 13. — Issue 1. — Pp. 7—16.

27. Walker C. Controlling the narrative : Euphemistic language affects judgments of actions while avoiding perceptions of dishonesty/ C. Walker, M. Turpin, E. Meyers // Cognition. — 2021. — Volume 211. — Pp. 121—129. — DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104633.

Статья поступила в редакцию 21.06.2025,
одобрена после рецензирования 27.12.2025,
подготовлена к публикации 30.04.2025.

References

- Akhmatova, G. H. (2020). *Structural, semantic and pragmatic aspects of euphemisms in the political discourse of the modern German language*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2018). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language*. Moscow: Publishing House of RASK. 480 p. ISBN 978-5-6040760-9-5. (In Russ.).
- Golubkova, E. V. (1982). *Nominative variation as a means of speech etiquette*. PhD Diss. Moscow. 288 p. (In Russ.).
- Horak, A. (2010). *L'euphémisme. Entre tradition rhétorique et perspectives nouvelles*. München: Lincom Europa. 110 p. (In French).

- Jamet, D., Jobert, M. (2010). *Empreintes de l'euphémisme — Tours et détours*. Paris: L'Harmattan. 395 p. (In French).
- Kerbrat-Orecchioni, C. (2002). Euphémisme. In : Charaudeau D., Maingueneau D. (dirs.). *Dictionnaire d'analyse du discours*. Paris: Éd. du Seuil. 241-242. (In French).
- Khakimova, M. M. (2018). *Lexico-semantic analysis of euphemisms in Tajik and English*. PhD Diss. Dushanbe. 169 p. (In Russ.).
- Kiseleva, S. A. (2015). *Functioning of euphemisms in modern English military-political discourse: structural, semantic and pragmatic aspects*. PhD Diss. Moscow. 240 p. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2019). Euphemisms and phraseological units: stable structures in the aspect of euphemization. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 4: 35—48. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-35-48. (In Russ.).
- Kutinova, E. V. (2019). *The textual potential of euphemisms (based on the material of Germanic languages)*. PhD Diss. Mytishchi. 161 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, N. V. (2017). *The phenomenon of political correctness in modern political discourse*. Author's abstract of PhD Diss. Ulan-Ude. 23 p. (In Russ.).
- Mironina, A., Porchesku, G. (2023). Euphemism as a linguistic strategy of evasion in political media discourse. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*, 9 (2): 65—72. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-1.
- Moskvin, V. P. (2001). Euphemisms: system connections, functions and methods of education. *Voprosy Jazykoznanija*, 3: 58-70. (In Russ.).
- Orlova, O. S. (2020). *The principle of indirect nomination in riddles and euphemisms on the topic of birth and death*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Pastukhova, O. D. (2019). *Communicative and pragmatic features of euphemisms in political media discourse (based on the material of English and Russian languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 24 p. (In Russ.).
- Perez C.-Augusto. (2024). Euphemisms and Political Correctness. *Linguistic and Literary Broad Research and Innovation*, 13 (1): 7—16.
- Porokhnitskaya, L. V. (2014). *Conceptual foundations of euphemism in language (based on the material of English, French, Spanish and Italian)*. PhD Diss. Moscow. 420 p. (In Russ.).
- Porokhnitskaya, L. V., Samoilova, V. V. (2023). Conceptual prerequisites for realizing the dysphemistic potential of euphemisms (based on comments on social networks). *Cognitive studies of language*, 3—2 (54): 179—182. (In Russ.).
- Rebrova, N. E. (2020). *Lexicographic status of euphemisms as linguistic means of representing linguistic and cultural information: (based on the material of English and German languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Yaroslavl. 23 p. (In Russ.).
- Saakyan, L. N. (2010). *Euphemism as a pragmalinguistic category in the discursive practice of indirect speech persuasion*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Saakyan, L. N. (2024). Euphemism and euphemism in folklore and fairy-tale texts. *Russkii iazyk za rubezhom*, 4 (305): 46—50. DOI: 10.37632/PI.2024.305.4.008. (In Russ.).
- Shansky, N. M. (1978). *In the world of words*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 319 p. (In Russ.).
- Tsaturyan, M. A. (2020). *Linguopragmatics of euphemization and dysphemization of English and Russian-language political discourse*. Author's abstract of PhD Diss. Maikop. 24 p. (In Russ.).
- Walker, C., Turpin, M., Meyers, E. (2021). Controlling the narrative: Euphemistic language affects judgments of actions while avoiding perceptions of dishonesty. *Cognition*, 211: 121—129. DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104633.

- Zalevskaya, A. A. (2015). “Reflection” and “linguistic consciousness”: issues of terminology. *TvSU Bulletin. Series: Philology (4)*. 29—36. (In Russ.).
- Zubkova, O. S. (2014). Metaphorical categorization of the space of professional languages as a reflection of the nature of perception. In: *Cognitive studies of language*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 237—245. (In Russ.).
- Zvereva, M. I. (2017). The territory of the terminological crossroads around the concept of “Euphemism”. *Bulletin of the TGGPU*, 2 (48): 75—81. (In Russ.).

*The article was submitted 21.06.2025;
approved after reviewing 27.12.2025;
accepted for publication 30.04.2026.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Иванян Е. П. Вербальная и жестовая репрезентация ментальных девиаций в русском дискурсе / Е. П. Иванян, А. М. Ключина, М. Р. Мирошнichenko // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 177—197. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-177-197.

Ivanyan, E. P., Klyushina, A. M., Miroshnichenko, M. R. (2026). Verbal and Gesture Representation of Mental Deviations in Russian Discourse. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 177-197. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-177-197. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Вербальная и жестовая репрезентация ментальных девиаций в русском дискурсе

Иванян Елена Павловна¹

orcid.org/0000-0003-4782-0658

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, культуры речи
и методики их преподавания,
корреспондирующий автор
ivanyan@pgsga.ru

Ключина Алёна Михайловна¹

orcid.org/0000-0003-2465-348X

доктор филологических наук, профессор
кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации
klyushina@pgsga.ru

Мирошнichenko Мария Романовна^{1,2}

orcid.org/0009-0007-3971-9468

¹ аспирант кафедры русского языка,
культуры речи и методики
их преподавания;

² старший эксперт отдела
фоноскопических и лингвистических
экспертиз экспертно-
криминалистического центра
mr.miroshnichenko@sgspu.ru

² Самарский государственный
социально-педагогический университет
(Самара, Россия)

² Главное управление Министерства
внутренних дел России по Самарской области
(Самара, Россия)

Verbal and Gesture Representation of Mental Deviations in Russian Discourse

Elena P. Ivanyan¹

orcid.org/0000-0003-4782-0658

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language,
Speech Culture and Methods of Teaching,
corresponding author
ivanyan@pgsga.ru

Alena M. Klyushina¹

orcid.org/0000-0003-2465-348X

Doctor of Philology, Professor,
Department of English Philology
and Intercultural Communication
klyushina@pgsga.ru

Maria R. Miroshnichenko^{1,2}

orcid.org/0009-0007-3971-9468

¹ Postgraduate Student, Department
of Russian Language, Speech Culture,
and Methods of Teaching Them;

² Senior Expert, Phonoscopy
and Linguistic Examination
Department, Forensic Science Center
mr.miroshnichenko@sgspu.ru

Samara State University
of Social Sciences and Education
(Samara, Russia)

² Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs
of Russia for the Samara Region
(Samara, Russia)

© Иванян Е. П., Ключина А. М., Мирошнichenko М. Р., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу кинем, репрезентирующих ментальные девиации в современном русском дискурсе. Проведено исследование трех жестов-эмблем, соотносимых с вербальными эвфемизмами соответствующей тематической группы. Рассматриваются вопросы семантической, прагматической и когнитивной интерпретации жестов, а также их статус в системе визуальной семиотики. В качестве материалов привлекаются данные ассоциативного эксперимента, в котором участвовал 291 респондент. Материалы для анализа извлечены из толкований и комментариев респондентов. Применение методики ассоциативно-полевого анализа позволило выделить ядерные, околоядерные и периферийные зоны значений. Показано, что кинема 'махать ладонью у виска' отличается высокой степенью эвфемизации и вариативностью употребления. Выявлено, что кинема 'крутить пальцем у виска' демонстрирует прямую отрицательную номинацию и обладает конфликтным прагматическим потенциалом. Установлено, что кинема 'стучать пальцем по голове' интерпретируется как каузативный жест, побуждающий к размышлению. Уделяется внимание возрастным различиям интерпретаций: молодые респонденты чаще воспринимают жесты как игровые, старшие — как маркеры девиации. Доказано, что невербальные и вербальные средства формируют множественные перекрестные соответствия. Авторы приходят к выводу о типологической сопоставимости кинем и эвфемизмов и уточняют их прагматический статус.

Ключевые слова:

кинема; ментальные девиации; жесты-эмблемы; невербальная коммуникация; русский дискурс; ассоциативный эксперимент.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents an in-depth analysis of kinesic emblems that represent mental deviations within contemporary Russian discourse. The study focuses on three specific gestures that are closely associated with verbal euphemisms belonging to the corresponding thematic group. The research addresses the semantic, pragmatic, and cognitive interpretations of these gestures, as well as their status within the system of visual semiotics. The empirical data for the analysis are drawn from an associative experiment involving 291 respondents. The materials for investigation were extracted from the participants' definitions and comments. By applying the associative-field analysis methodology, the authors delineate the core, near-core, and peripheral zones of meaning. The findings demonstrate that the kinesic gesture of 'waving a hand near one's temple' exhibits a high degree of euphemization and considerable variability in usage. It is also revealed that the gesture of 'twirling a finger near one's temple' serves as a direct negative nomination and carries a conflict-prone pragmatic potential. Furthermore, the gesture of 'tapping a finger on one's head' is interpreted as a causative gesture that prompts reflection. Special attention is given to age-related differences in interpretation: younger respondents are more likely to perceive these gestures as playful, whereas older respondents tend to view them as markers of deviation. The study proves that verbal and non-verbal means establish multiple cross-referential correspondences. The authors conclude that there is a typological comparability between kinesic emblems and euphemisms, and they refine the pragmatic status of these phenomena.

Key words:

kinesic emblem; mental deviations; euphemisms; non-verbal communication; Russian discourse; associative experiment.

УДК 811.161.1'276.12+81'221.22

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-177-197

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Вербальная и жестовая репрезентация ментальных девиаций в русском дискурсе

© Иवानян Е. П., Ключина А. М., Мирошниченко М. Р., 2026

1. Введение = Introduction

Интерес к изучению коммуникации, включающей жесты, активно проявляется в научной среде со второй половины XX века. В 1952 году Р. Биртвистил ввел в научный оборот термин *кинесика* (наука о языке тела), см. [Birdwhistell, 1970]. Современные отечественные исследователи под кинесикой понимают как науку о языке тела и его частей [Крейдлин, 2001; Пронников, Ладанов, 2001], так и технику тела, своего рода совокупность жестов и способы их применения [Крейдлин, 2001].

Обзор научных работ по изучению языка жестов позволяет отметить следующее. Ключевой идеей научных публикаций является то, что анализ кинем помогает составить наивное представление о мире и некоторых особенностях национального характера, позволяя реципиенту судить об интенции субъекта по определенному набору жестов [Червоный и др., 2018]. Для подтверждения этой идеи перечислим некоторые из работ, выполненных в данном аспекте.

О. В. Кобзева изучает вербальную репрезентацию кинем в художественной литературе в разносистемных лингвокультурах [Кобзева и др., 2023]; в связи с фразеологическими единицами [Кобзева, 2014a]; в межкультурной коммуникации с целью правильной интерпретации кинем представителями разных культур [Кобзева, 2014b]. А. С. Голубев выявляет и описывает некоторые паттерны национального поведенческого портрета на примерах языковой репрезентации соматизмов *голова, глаза, брови* в русском и испанском языках [Голубева, 2022] и английском языке [Голубева, 2023]. Исследованию и описанию жестов разных культур посвящены в том числе следующие работы: французские жесты анализируются в книге [Calbris, 1990], итальянские — в статье [Kendon, 1992], книге [Poggi et al., 1997] и [СЯРЖ, 2001], а английские — в книгах [McNeill, 1992; Taylor, 1974]. Кроме того, существует ряд отечественных и зарубежных публикаций, в которых кинемы рассматриваются в качестве составного элемента

мультимодального дискурса [Гришина, 2017; Федорова, 2018; Ирисханова и др., 2018 и др.].

Данное же исследование выполнено в русле визуальной семиотики, сосредоточенной на понимании как сфере культурно-антропологического праксиса, учитывающей в коммуникации взаимодействие посредством оптически выраженных онтологически значимых смыслов. Жесты относятся к числу визуальных феноменов.

В избранном исследовательском ракурсе жест трактуется нами как знаковая единица, чья семиотическая природа сопоставима с природой вербального обозначения. Опираясь на положения визуальной семиотики и принимая во внимание прагматическую направленность интересующих нас жестов, мы определяем, что для исследуемых кинем характерно сочетание оценочного содержания, коммуникативной функции и культурно закреплённой интерпретации. Именно это позволяет анализировать их в единой рамке с вербальными эвфемизмами, что составляет одно из методологических оснований настоящей работы.

При таком подходе жесты, обозначающие ментальную девиацию, могут быть истрактованы как специфический подкласс кинем, в которых отклонение от нормы закреплёно не только на уровне значения, но и на уровне собственной комбинаторики, типовых контекстов и прагматических эффектов.

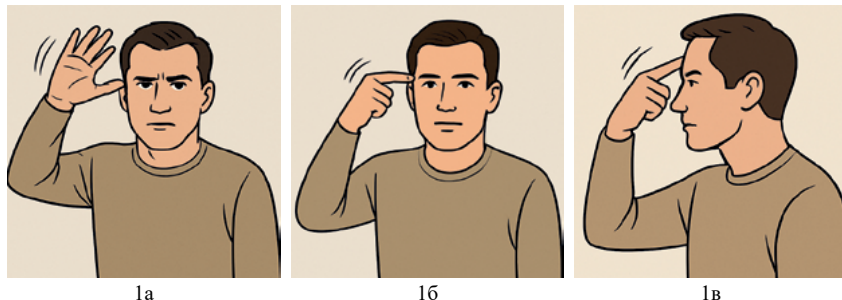
Жесты, подобно словам, демонстрируют контекстуально обусловленную вариативность значения: одна и та же кинема, будучи включённой в разные дискурсивные условия (адресация, ролевая асимметрия, жанр, паралингвистические маркеры), реализует разные семиотические варианты, функционально соизмеримые с лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) в вербальной системе. На этом фоне особый интерес представляет сопряжение жестов и слов с синонимическими значениями ментальных отклонений, а именно выявление устойчивых соответствий «кинема ↔ вербальный эквивалент», и прежде всего на уровне прагматических функций. Для фиксации этой сопряжённости необходимо привлечение данных интерпретаций носителей русского языка.

Для выявления семиотических представлений о значении, прагматическом статусе и коммуникативной уместности исследуемых кинем, репрезентирующих ментальные девиации, с последующим анализом их семантической корреляции с вербальными эвфемизмами соответствующей тематической группы, нами был проведен ассоциативный эксперимент.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для ассоциативного эксперимента в качестве означающих мы отобрали следующие кинемы, или жесты-эмблемы (в терминологии Г. Е. Крейд-

лина): ‘махать ладонью вверх-вниз, прикоснувшись большим пальцем к виску’ (рис. 1а), ‘крутить указательным пальцем у виска’ (рис. 1б), ‘стучать указательным пальцем о голову’ (рис. 1в). Означаемым названных кинем выступают ментальные девиации ‘глупость’, ‘сумасшествие’, ‘ненормальность’.

1а 1б 1в

Рис. 1. Предлагаемые для интерпретации жесты-эмблемы

Fig. 1. Emblematic gestures proposed for interpretation

Респондентам было предложено кратко описать значение кинемы, а также смоделировать коммуникативную ситуацию, в которой она была бы уместна и прагматически оправдана. В паспортизацию анкетировемых были включены такие данные, как возраст, пол, город проживания и уровень образования. Ответы аккумулировались при помощи онлайн-платформы Google Forms.

Методологической основой исследования стал ассоциативный эксперимент. Статистическая информация о половозрастных данных принявших участие респондентов, а также об уровне образования участвующих была просчитана автоматически благодаря возможностям сервиса Google Forms.

Семиотические представления, закрепленные за рассматриваемыми жестами, реконструировались на основе определения статистически устойчивых коллокаций (словосочетаний), а также ключевых слов. Ключевые слова извлекались из массива ответов респондентов в ассоциативном эксперименте (толкования и комментарии открытого типа). После лемматизации и исключения служебной лексики нами были выделены статистически устойчивые единицы. Результаты ассоциативно-полевого анализа мы систематизировали в поля для каждого жеста отдельно с дальнейшим проведением тематической, оценочной и прагматической анкеровок.

Поскольку к эмблематичным кинемам относят те, которые имеют самостоятельное лексическое значение и выступают аналогами речевых вы-

сказываний [Крейдлин 2002, с. 79; Gawne et al., 2024; Payrató, 2024], предложенные респондентами толкования кинем 1а, 1б, 1в были проанализированы в соответствии с методикой поля. В основу анализа легли принципы ассоциативной полевой теории, согласно которым смысл единицы (в данном случае — кинемы) раскрывается через сеть ассоциативных связей, фиксируемых в результате свободного ассоциативного эксперимента, ср.: [Кавинкина, 2012, с. 25—31; Мартинович, 1993]. В рамках данной методики полученные вербальные реакции (интерпретации респондентами наблюдаемых кинем) были структурированы по частотности и тематическим кластерам, что позволило выделить ядро, околожердную зону и периферию ассоциативного поля каждой кинемы, ср.: [Гридина и др., 2015]. Такая структура соответствует общим принципам моделирования ассоциативных полей в психолингвистике и семиотике, ср.: [Кудрина, 2012; Кавинкина, 2012; Citraro et al., 2023], позволяя не только зафиксировать восприятие кинемы носителями языка, но и выявить ее ментальную репрезентацию как культурно-языковой знаковой единицы.

В опросе принял участие 291 респондент. Аудиторию опроса составили преимущественно женщины (96,5 %). Наибольшее количество анкет получено от респондентов в возрасте 29—39 лет (172 анкеты). Младшему участнику опроса на момент анкетирования исполнилось 16 лет (1 анкета), старшему — 57 лет (1 анкета). 79,1 % респондентов обладают высшим образованием, практически поровну распределены ответившие, имеющие среднее (10,1 %) и среднее специальное (10,8 %) образование.

География эксперимента обширна. Контурная карта анкетирования продемонстрирована следующими регионами: Центральная Россия, Северо-Западный федеральный округ, Поволжский федеральный округ, Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. В опросе также приняли участие респонденты из Республики Беларусь (1 анкета).

Для кинем 1а, 1б, 1в были составлены ассоциативные поля с тематической анкерровкой на основе наиболее частотных коллокаций (см. ниже таблицы 1а, 1б, 1в). Также полученные данные были представлены в виде ассоциативных картограмм с распределением ключевых слов на ядерную, околожердную и периферийную зоны (см. ниже рис. 2а, 2б, 2в).

Гипотеза. Предполагается, что кинемы 1а, 1б и 1в образуют ядро невербальных средств, репрезентирующих семантику ментальных девиаций, в том числе отклонения от нормативного поведения и нарушения когнитивной адекватности. При этом каждому из представленных жестов присущ устойчивый индивидуализированный смысл, соотносимый с вербальными эвфемизмами соответствующей тематической группы. С прагмати-

ческой точки зрения кинемы 1а, 1б и 1в представляют собой стабильно воспроизводимые прагматические формулы, через которые закрепляется социальная оценка, моделируется степень допустимости поведения и транслируется культурно признанная норма.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семантика, прагматика и вербальные корреляты кинемы ‘махать ладонью вверх-вниз, прикоснувшись большим пальцем к виску’

Как показывают полученные данные, ассоциативное поле кинемы 1а формируется на основе коллокаций с преимущественно признаковой семантикой (табл. 1).

Таблица 1

Ассоциативное поле социального представления кинемы
‘махать ладонью вверх-вниз, прикоснувшись большим пальцем к виску’

Table 1

Associative field of the social representation of the kineme
‘waving the hand up and down while touching the temple with the thumb’

Тематическая анкеровка	Коллокации (их количество)
‘ненормальное поведение лица’ (качественная характеристика лица по поведенческому признаку)	ку-ку (49), с ума сошел (26), поехала / слетела крыша (16), с приветом (13), не в себе (12), сумасшедший (12), кукуха поехала / улетела (8), с головой не в порядке (8), ненормальный (7), (он) того (5), чокнутый (5), ветер в голове (4), не все дома (3), не в своем уме (3), фляга / крыша свистит (2), большой на голову (1), голова не на месте (1), из ума вышел (1), клоун (1), крыша едет, дом стоит (1), не дружит с головой (1), шут гороховый (1)
‘ненормальное поведение’ (характеристика действий лица)	абсурдно (1), неадекватно (1), рехнулся (1), свихнулся (1), странно себя ведет (1), чудит (1)
‘интеллектуальные способности’ (качественная характеристика лица по интеллектуальному признаку)	дурачок (14), глупый (9), тупой (3), лотух (2), без ума (1), недалекий (1), олух (1)
‘коммуникативные особенности, интенции’ (характеристика речевых действий лица)	говорит чушь (8), дразнится (6), вешает лапшу на уши (4), говорит лишнее (1)

Отметим, что анализ коллокаций, сопровождавших интерпретации кинемы 1а, позволил выявить один из устойчивых ситуативных контекстов

ее употребления, а именно дискурс дорожного взаимодействия. Среди коммуникативных ситуаций, актуальных для кинемы 1а, респонденты описывали следующие: «останавливать автомобиль», «показать возмущенно лихачу на авто, нарушающему правила: совсем сбрендил», «уступил место парковки другому автомобилю, а тот не заехал». Таким образом, кинема 1а приобретает дополнительную прагматическую нагрузку в дорожной ситуации. Далее представим полевую картограмму для кинемы 1а (рис. 1).

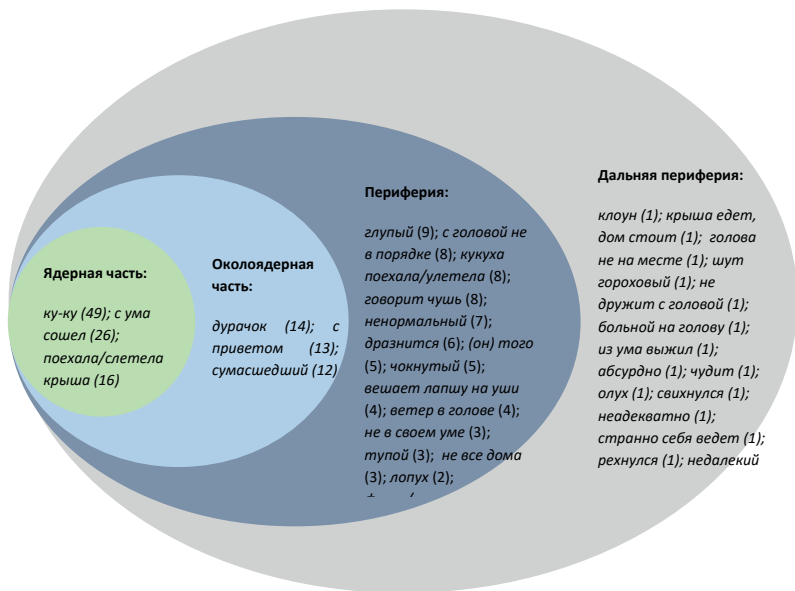

Рис. 1. Картограмма коллокатов кинемы 'махать ладонью вверх-вниз, прикоснувшись большим пальцем к виску'

Fig. 1. Cartogram of collocates for the kineme 'waving the hand up and down while touching the temple with the thumb'

Ядерную и околоядерную зоны поля составляют словосочетания, отражающие качественные характеристики субъекта, высокочастотно выраженные именными коллокатами, обозначающими отклонение от нормы психического состояния. Все эти номинации обладают признаковым значением и формируют когнитивное ядро поля, в котором доминирует эвфемистическая стратегия интерпретации: в 76 % случаев (из общего массива реакций) для толкования значения кинемы 1а респонденты прибегают к эвфемистическим выражениям. В частности, такие реакции, как ку-ку,

не в себе, он того, с приветом, кукуха поехала, не в своем уме, из ума выжил, представляют собой устойчивые культурно маркированные эвфемизмы, выполняющие функцию коммуникативного «амортизатора». Прямые стигматизирующие номинации (*сумасшедший, дурачок, глупый и т. п.*) встречаются реже и располагаются ближе к периферии поля. Кроме того, стилистически сниженные и экспрессивные выражения (*фляга свистит, крыша едет, дом стоит*) относятся к низкочастотным толкованиям.

Глагольные коллокации с семантикой девиантного поведения представлены низкочастотно (всего 6 случаев, или менее 3 %), включая такие реакции, как *рехнулся, неадекватно, свихнулся, чудит, абсурдно / странно себя ведет*. Кроме того, периферийную зону составляют интерпретации, связанные с интеллектуальными характеристиками (*дурачок, тупой, глупый, недалекий*) и коммуникативным поведением (*вешает лапшу на уши, говорит чушь, дразнится*), что свидетельствует о попытке некоторых информантов соотносить наблюдаемый жест не с психическим состоянием как таковым, а с речевыми интенциями.

Считаем концептуально значимым следующее. В ряде ответов респонденты пытались осмыслить значение кинемы через ее псевдоэтимологическое объяснение. Так, отдельная группа респондентов предлагала для кинемы 1а образную ассоциацию со слоновыми ушами, указывая на визуальное сходство жеста с преувеличенным движением ладоней, имитирующим форму или качание ушей животного (3 респондента). Эта интерпретация выходит за рамки прямого оценочного смысла и демонстрирует работу механизма иконической метафоризации, при которой значение конструируется не через концепт состояния, а через наглядный зрительный образ. Таким образом, в ряде случаев наблюдается смещение фокуса с оценочной функцией кинемы 1а на ее игровой, карикатурный и даже зооморфный аспект. Другие участники эксперимента интерпретировали жест как вариант приветствия и отсюда выводили значение *с приветом* как устойчивый эвфемизм, описывающий состояние неадекватности. В некоторых случаях жест трактовался как жест прощания (аналог *пока*), что подкрепляло смысловую линию интерпретации: *он не понимает; он в своем мире; с ним можно попрощаться*.

Эти объяснения отражают стремление респондентов не просто отреагировать на визуальный стимул, но и сконструировать мотивированную интерпретацию значения через аналогию с другими знакомыми жестами, используя элементы народной этимологии, культурных клише и визуального метафорического мышления. Подобный способ осмысления знака характерен и для интерпретации вербального языка. Таким образом, наблюдаемый механизм смыслообразования демонстрирует общий когнитивный

паттерн — стремление к мотивированности знака и поиску внутренней логики в его форме, будь то слово или жест.

Стоит также отметить, что ряд респондентов сопровождали описание кинемы функционально-стилистическими пометами, равно как это актуально и для единиц вербального языка. Так, кинема 1а характеризовалась как свойственная детскому общению (6 респондентов) или как устаревшая (2 респондента). Таким образом, выявлено: в интерпретации вербальных единиц носители языка стремятся обнаружить внутреннюю мотивированность формы через псевдоэтимологические или образные связи подобно тому, как в осмыслении невербального знака респонденты задействуют те же когнитивные механизмы (иконическую метафоризацию, ассоциативную аналогию и стилистическую маркировку), что указывает на типологическое единство процессов смыслообразования в вербальной и невербальной семиотике.

Что касается возрастной анкеровки, отметим следующее: у респондентов ≤ 20 лет заметно чаще фиксируется чтение кинемы 1а «привет / прощание» ($\approx 31\%$), при этом доли «интеллектуальная слабость» ($\approx 21\%$) и «психическая девиация» ($\approx 17\%$) ниже. В группе ≥ 50 лет, напротив, доминируют негативно-оценочные интерпретации: «психическая девиация» и «интеллектуальная слабость» по 50 % каждая, тогда как примеры толкований кинемы 1а как «приветов / прощаний» единичны. То есть молодые чаще видят в 1а ритуально-контактный жест, старшие же — маркер девиантности.

3.2. Семантика, прагматика и вербальные корреляты кинемы ‘крутить указательным пальцем у виска’

По результатам ассоциативно-полевого анализа следует отметить, что кинема 1б насчитывает значительно меньше вариантов коллокатов в сравнении с кинемой 1а (26 против 39), что может указывать на закрепление за кинемой 1б конкретных значений. Это свидетельствует об успешном освоении данного жеста носителями языка в качестве устойчивой, высококонвенционализованной эмблемы с ограниченным набором интерпретаций.

Как показывают полученные данные, ассоциативное поле кинемы 1б также формируется на основе коллокаций преимущественно с признаковой семантикой (табл. 2, рис. 2), однако распределение коллокатов по ядерной и периферийным зонам демонстрирует иные закономерности.

В ядерной зоне ассоциативного поля кинемы 1б оказываются слова и выражения, в значении которых актуализирована сема ‘глупость’. Следовательно, кинема 1б используется в ситуации оценки лица с точки зрения низкого уровня его интеллектуальных способностей.

Представленные номинации ядерной зоны обладают признаковым значением, однако в отличие от компонентов ядерной зоны кинемы 1а только

Таблица 2

Ассоциативное поле социального представления
кинемы ‘крутить указательным пальцем у виска’

Table 2

Associative field of the social representation of the kineme
‘rotating the index finger at the temple’

Тематическая анкеровка	Коллокации (их количество)
‘ненормальное поведение’ (качественная характеристика лица по поведенческому признаку)	<i>с ума сошел (46), ку-ку (37), сумасшедший (20), ненормальный (11), не в ладах с головой (6), неадекватный (5), не в себе (5), не в своем уме (4), кукуха/крыша поехала (4), (он) того (3), тю-тю (3), чокнутый (3)</i>
‘ненормальное поведение’ (характеристика действий лица)	<i>свихнулся (3), долбанулся (1), обалдел (1), спятил (1), чокнулся (1)</i>
‘интеллектуальные способности’ (качественная характеристика лица по интеллектуальному признаку)	<i>дурак (55), глупый (32), тупой (7), недалекого ума (6), идиот (5), дебил (4), нехорошо с мозгами (4)</i>
‘коммуникативные особенности, интенции’ (характеристика речевых действий лица)	<i>говорит чушь / глупости (16), побуждение подумать головой (7)</i>

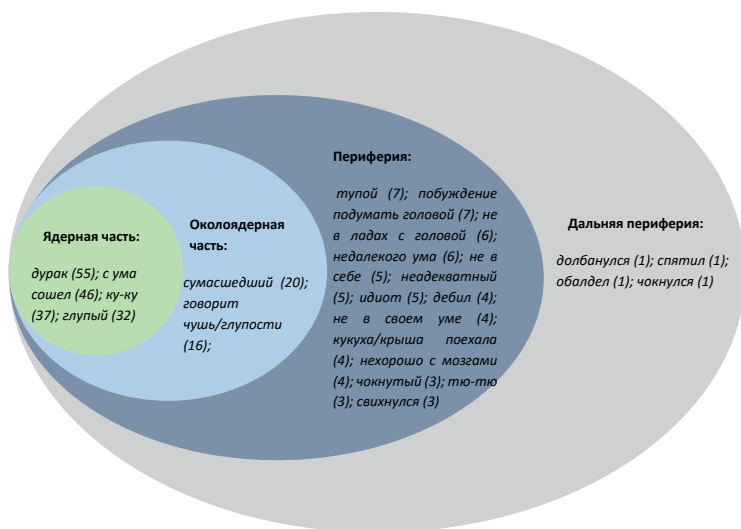

Рис. 2. Картограмма коллокатов кинемы ‘крутить указательным пальцем у виска’

Fig. 2. Cartogram of collocates for the kineme ‘rotating the index finger at the temple’

в половине случаев относятся к эвфемизмам (*ку-ку*). В ядерной зоне расположен пейоратив — *дурак* (55 коллокатов среди общего числа), а также прилагательное *глупый* с устойчивой отрицательной коннотацией (32 коллоката). Заметим, что и околядерная зона не содержит эвфемистических выражений (*сумасшедший, говорит чушь / глупости*). Такие закономерности характеризует кинему 1б как семиотически менее эвфемистичную по сравнению с кинемой 1а. В ее интерпретациях наблюдается тенденция к прямой, недвусмысленной номинации с негативной оценкой характеристик объекта. Значение кинемы 1б, таким образом, менее эвфемизировано, а сам жест маркирован выражением резкой, зачастую уничижительной оценки, при этом не обладающий тем компенсаторным игровым или ироническим потенциалом, который характерен для кинемы 1а, что, в частности, подтверждают такие комментарии респондентов относительно функционально-стилистического статуса кинемы 1б, как «более грубый жест», «резкий».

Типовым контекстом употребления кинемы 1б, согласно интерпретациям респондентов, является ситуация открытого конфликта или напряженного спора, в которой жест используется как инструмент резкой, часто грубой оценки оппонента. Вместе с тем, несмотря на доминирующее восприятие кинемы 1б как грубого и конфликтогенного жеста, в ответах респондентов представлены и альтернативные трактовки, отмечающие его уместность в детском или игровом дискурсе. Несколько участников эксперимента интерпретировали данный жест как элемент несерьезного, шутового взаимодействия, допустимый в общении с детьми или близкими, в котором он теряет агрессивную направленность и приобретает характер мягкой иронии или карикатурного поддразнивания (12 респондентов).

Возрастные группы до 20 и после 50 лет соглашаются в том, что кинема 1б является жестом для обозначения «девиации / нормативного отступления». Заметим, что у группы ≤ 20 лет высокочастотна трактовка «интеллектуальная слабость» при низкочастотной трактовке «психическая девиация», а у респондентов ≥ 50 лет сильнее смещение именно к «психической девиации», тогда как «интеллектуальная слабость» упоминается реже.

3.3. Семантика, прагматика и вербальные корреляты кинемы 'стучать указательным пальцем о голову'

Ассоциативно-полевой анализ интерпретаций кинемы 1в выявил ее качественно отличающуюся семантико-прагматическую специфику по сравнению с кинемами 1а и 1б. В обеих возрастных группах респондентов доминирует каузативно-регулятивная интерпретация кинемы 1в («включи голову / подумай»).

Образная интерпретация кинемы 1в проявляется в ряде комментариев респондентов, в которых фиксируется сравнение головы с деревом

в фольклорно сниженной интерпретации (*ты дерево, голова дубовая / садовая / деревянная*), то есть недогадлив или неспособен к осмыслению. Ср. о «природных» метафорах со вторичными субъектами сравнения, соотносимыми с семантикой дерева как образа ленивого косного мышления: [Иванян, 2017, с. 331]. В этом случае жест выступает как внешнее маркирование когнитивной инертности, но через культурно освоенную и ироничную метафору. Кроме того, жест осмысляется через представление о голове как сосуде, в который должно быть «что-то вложено» — мысль, знание, разум. Поясним сказанное.

В отличие от преимущественно оценочных или стигматизирующих значений первых двух кинем, кинема 1в практически однозначно трактуется респондентами как каузативная, направленная на побуждение адресата к размышлению или переоценке сказанного и сделанного, см. коллокаты в таблице (табл. 3) и на схеме (рис. 3). В центре смысловой интерпретации данной кинемы — целеустановка «подумай», «осознай», «включи голову», что позволяет квалифицировать ее не как признаковую, а как побудительную, функционально ориентированную на изменение ментального состояния собеседника.

Таблица 3

Ассоциативное поле социального представления кинемы
‘стучать указательным пальцем о голову’

Table 3

Associative field of the social representation
of the kineme ‘tapping the head with the index finger’

Тематическая анкеровка	Коллокаты (их количество)
‘ненормальное поведение’ (качественная характеристика лица по поведенческому признаку)	<i>дурак (10), дундук (3), не в своем уме (2), (он) того (2)</i>
‘ненормальное поведение’ (характеристика действий лица)	<i>не представлено</i>
‘интеллектуальные способности’ (качественная характеристика лица по интеллектуальному признаку)	<i>мозги работают у меня / я умный / пришла идея (11), глупый (10), нет мозгов (7), тупой (7), вот я дуручка! (6), голова дубовая / садовая / деревянная (4), не хватает мозгов (2), пустая голова (1)</i>
‘коммуникативные особенности, интенции’ (характеристика речевых действий лица)	<i>включи голову / мозги / подумай (161), задумался (15), думать надо было (9)</i>

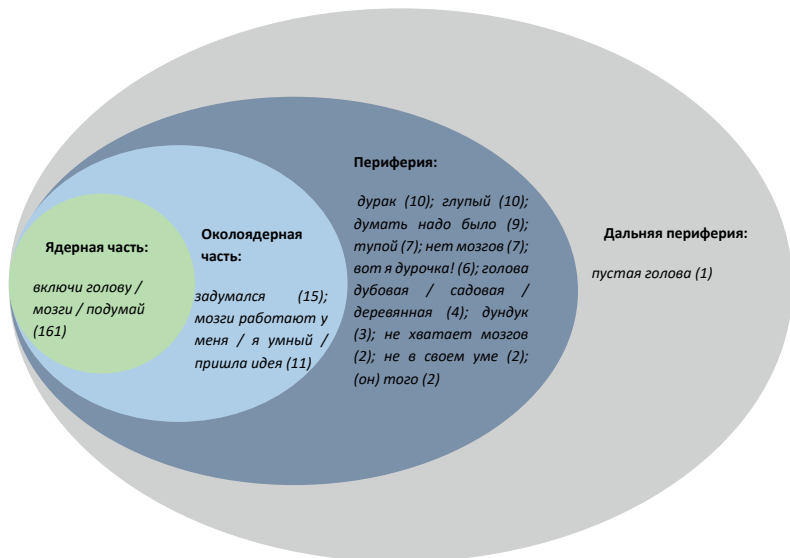

Рис. 3. Картограмма коллокатов кинемы ‘стучать указательным пальцем о голову’

Fig. 3. Cartogram of collocates for the kineme ‘tapping the head with the index finger’

Типовым дискурсивным контекстом жеста обозначаются некоторая иерархически асимметричная коммуникативная ситуация, в которой субъект, обладающий более высоким социальным статусом или авторитетом (родитель, учитель, начальник), адресует жест тому, кто рассматривается как зависимый, обучаемый или подотчетный (ребенок, ученик, подчиненный). Кинема 1в соотносится с коммуникативными параметрами вербального наставления, совета, назидания, порицания. Отметим, что кинема 1в, в отличие от 1а и 1б, допускает самоадресное употребление (реализуется в самоадресной функции). Так, жест может сопровождать обращение к самому себе в ситуациях внутренней рефлексии, необходимости сконцентрироваться или взять себя в руки (*Вот я дуручка! Думай, Вася, думай!*).

Важно, что в противоположность кинемам 1а и 1б, кинема 1в не несет негативной коннотации, а в некоторых случаях, напротив, используется в функции самокомплимента (*мозги работают у меня / я умный / пришла идея*). Таким образом, кинема 1в функционирует не как форма оценки, а как регулятивный и / или мотивационный жест, встроенный в дискурсы педагогического, воспитательного или административного взаимодействия.

Обобщая результаты, полученные в ходе проведенного эксперимента, отметим, что все три исследуемые кинемы с позиции Г. Е. Крейдлина могут

относиться к разряду риторических жестов, то есть к таким невербальным действиям, которые сопровождают или заменяют речевые высказывания, обладающие ярко выраженной художественной направленностью (оценочной, экспрессивной или побудительной), см.: [Крейдлин, 2002, с. 77]. Охарактеризованный нами статус подтверждается не только семантикой жестов, но и характером их вербальных интерпретаций: респонденты нередко оформляли свои толкования в форме вопроса, риторического вопроса или восклицания (*Ты в своем уме?*, *Он что, ку-ку?*, *с ума сошел, что ли?!*, *Ну ты подумай!* *Вот я дуручка!* и др.), что указывает на тесную связь кинем с дискурсивной структурой экспрессивных актов речи. Такие формы реакций свидетельствуют о восприятии кинемы как семиотического аналога речевого клише, выполняющего те же функции: оценки, сомнения, осуждения, призыва к размышлению и т. д.

Одним из ключевых различий между исследуемыми кинемами 1а, 1б и 1в является степень их эвфемистичности, которая, как показывает сопоставление полученных коллокаций, прямо пропорциональна количеству эвфемистических формул в ядерной зоне, что можно схематично представить на графике (рис. 4).

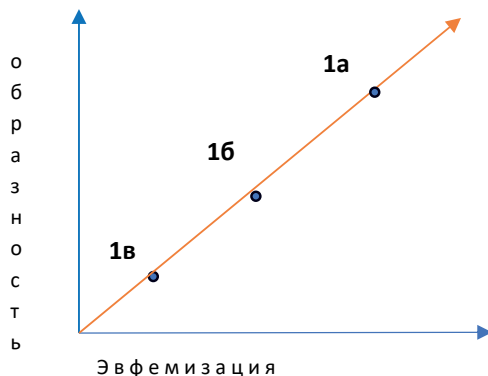

Рис. 4. Зависимость степени эвфемизации кинемы от степени ее образности

Fig. 3. Relationship between the degree of kineme euphemization and the degree of its iconicity

Кинема 1а демонстрирует максимальную степень семантического вуалирования, ее толкования насыщены эвфемизмами для обозначения психических отклонений при наличии вариантов образной интерпретации кинемы (уши слона / приветствие / прощание и др.). Кинема 1б, напротив, оформляется с помощью пейоративов, указывающих на интеллектуальную несостоятельность, и почти не включает эвфемистических номинаций, а

кинема 1в — с минимальным признаковым компонентом — представляет собой каузативный побудительный жест, наиболее конкретный и стилистически нейтральный. Данная закономерность соответствует механизму вербальной эвфемизации, в рамках которого ядерные средства вуалирования значения также тяготеют к максимально абстрактным языковым формам. Так, ядро языковых средств эвфемизации составляют местоимения, а также конструкции на их основе, выполняющие функцию смещения фокуса с прямо обозначаемого референта [Иванян, 2015; Al-Badri et al., 2022; Machin et al., 2023].

Что касается выявления корреляций кинем и вербальных средств на уровне прагматики, отметим, что по характеру семантики интерпретаций можно выделить жесты с преобладанием признаковой (1а, 1б) и глагольной (1в) направленности: первые фиксируют состояние, вторые — действие или побуждение к нему. Структурные различия между кинемами прослеживаются и в типовых коммуникативных контекстах: так, 1а ассоциируется преимущественно с дискурсом водителей и детским общением, 1б — с конфликтной или полемической речевой ситуацией, а 1в — с назидательно-воспитательной коммуникативной ситуацией.

Дополнительные стилистические пометы, зафиксированные в ответах респондентов, уточняют прагматическую нагрузку каждого жеста: 1а маркируется как детский или устаревший жест, 1б как грубый или шутливый, тогда как 1в не сопровождается эксплицитной стилистической маркировкой, что косвенно подтверждает его более нейтральный и регулятивный характер. Все это позволяет рассматривать кинемы как элементы когнитивно-прагматической системы, обладающие сложной внутренней структурой и функционирующие в речевом взаимодействии по аналогии с вербальными эвфемизмами и оценочными единицами.

Полученные данные также подтверждают, что отношение между вербальным и визуальным знаком носит характер «многие-ко-многим», а именно один вербальный эвфемизм соотносится с несколькими жестами, различающимися степенью образности и прагматической установкой. В свою очередь, один и тот же жест получает множество вербальных эквивалентов и перифраз, распределенных по ядерно-периферийным зонам ассоциативного поля. Таким образом, вербальные и визуальные средства формируют согласованные, но не изоморфные сети соответствий, в которых вариативность значения и функции определяется контекстом. Это объясняет, почему одна лексема может иллюстрироваться разными жестами, а один жест — активировать ряд синонимичных словесных репрезентаций в зависимости от коммуникативной задачи. Систематизируем наши наблюдения в виде схемы (рис. 5).

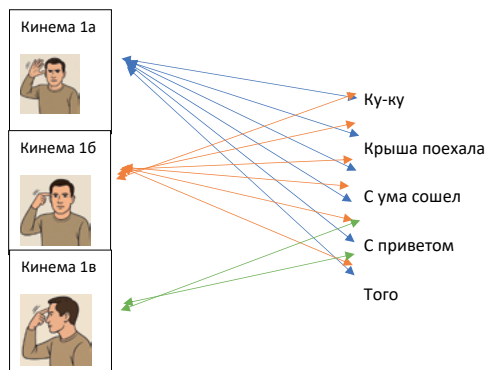

Рис. 4. Соотношение кинем и вербальных знаков со значением ‘ментальных отклонений’
Fig. 4. Correspondence between kinemes and verbal signs with the meaning ‘mental deviations’

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, кинемы, обозначающие ментальные отклонения, демонстрируют связь визуальных феноменов и их систем с культурной и антропологической практикой. Они не только передают оценку, но и формируют модели социального поведения, регулируют дистанцию между участниками коммуникации, задают рамки допустимого и закрепляют культурные представления о норме через ее визуализированное нарушение. Таким образом, жесты выступают как элементы культурного праксиса, отражая способы осмысления отклонения в коллективном опыте.

Во-вторых, определено, что совмещение кодов (вербального и невербального) дублирует семантику ментальных девиаций. Сообщение, таким образом, передается двумя независимыми, но согласованными каналами, что повышает помехоустойчивость, поскольку вероятность ошибочного декодирования снижается, так как один код подтверждает и уточняет другой. В корпусе примеров зафиксированы случаи, при которых описание жеста функционирует автономно, без вербального соседа-эвфемизма, в номинативной, а подчас и в предикативной позиции. Из этого следует, что невербальный знак способен реализовать те же синтаксико-семантические функции, что и словесная единица. Это подтверждает функциональную взаимозаменяемость вербального и невербального кодов в репрезентации ментальных девиаций и укрепляет тезис об их типологической сопоставимости.

В-третьих, методологически значимым оказалось согласование уровней корреляции между невербальными средствами репрезентации ментальных девиаций и вербальными эвфемизмами: семантического (гради-

ент эвфемии), прагматико-дискурсивного (стратификация уместности), когнитивного (иконическая метафоризация и элементы «народной этимологии») и структурного (зависимость степени завуалированности от образности / абстрактности; сходная роль абстрактных местоименных средств в вербальной эвфемии). Эти результаты также обосновывают типологическую сопоставимость невербальных кинем и вербальных эвфемизмов и допускают их анализ в единой аналитической рамке.

Таким образом, мы видим, как актуальные отрасли гуманитарного знания: лингвистика, кинесика, семиотика — интегрируют исследовательские результаты в мультидисциплинарном «поле» визуальной семиотики.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. СЯРЖ — Григорьева С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. — Москва ; Вена : Языки русской культуры ; Венский славистический альманах, 2001. — 256 с.

Литература

1. Голубева А. С. Вербализация мимики и жестов в русском и испанском языках на материале корпусных данных / А. С. Голубева // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2022. — Выпуск 9 (864). — С. 39—49. — DOI: 10.52070/2542-2197_2022_9_864_39.
2. Голубева А. С. Вербализация мимики и жестов на материале корпусных данных / А. С. Голубева // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2023. — № 10 (878). — С. 24—31. — DOI: 10.52070/2542-2197_2023_10_878_24.
3. Гридина Т. А. Ассоциативное поле слова «жест» и его доминанты / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Психолингвистика и современность : сборник трудов. — Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2015. — С. 105—111.
4. Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования / Е. А. Гришина. — Москва : ЯСК : Языки славянской культуры, 2017. — 744 с. — ISBN 978-5-94457-301-2.
5. Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке : монография / Е. П. Иванян. — Москва : ФЛИНТА, 2015. — 152 с. — ISBN 978-5-9765-2335-3.
6. Иванян Е. П. Метафоры педагогической речи : лингвоэкологический аспект / Е. П. Иванян // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов. — Москва : Изд-во МГОУ, 2017. — С. 331—333.
7. Кавинкина И. Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка : анализ гендерных стереотипов в коммуникации / И. Н. Кавинкина. — Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 176 с. — ISBN 978-3-8473-9157-9.

8. Кобзева О. В. Вербальная репрезентация кинем : связь с фразеологизмами / О. В. Кобзева // Наука, техника и образование. — 2014а. — № 3 (3). — С. 84—85.
9. Кобзева О. В. Вербальная репрезентация кинемы в межкультурной коммуникации / О. В. Кобзева // Наука, техника и образование. — 2014б. — № 2. — С. 84—85.
10. Кобзева О. В. Вербальная репрезентация кинемы в художественной литературе... / О. В. Кобзева, Е. Л. Федорова // Власть истории — История власти. — 2023. — Т. 9. — № 3 (45). — С. 50—60.
11. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика : Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с. — ISBN 5-86793-194-3.
12. Кудрина А. В. Ассоциативные поля цветов у детей и подростков / А. В. Кудрина // Экспериментальная психология. — 2012. — Т. 5. — № 2. — С. 92—103.
13. Мартинович Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента / Г. А. Мартинович // Вопросы психологии. — 1993. — № 2. — С. 93—99.
14. Пронников В. А. Язык мимики и жестов / В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. — Москва : Стелс, 2001. — 216 с. — ISBN 5-7873-0028-1.
15. Федорова О. В. О русской жестикуляции с лингвистической точки зрения (к выходу монографии Е. А. Гришиной) / О. В. Федорова // Вопросы языкознания. — 2018. — № 5. — С. 114—123. — DOI: 10.31857/S0373658X0001400-9.
16. Червоный А. М. Голова как элемент невербальной коммуникации... / А. М. Червоный, Г. Т. Поленова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 1 (79). — С. 393—398.
17. Al-Badri Z. K. G. A Systemic Functional Linguistic and Critical Discourse Analysis of a Selected Speech on COVID-19 / Z. K. G. Al-Badri, S. F. K. Al-Janabi // Arab World English Journal. — 2022. — Issue 8. — Pp. 314—329. — DOI: <https://dx.doi.org/10.24093/awej/call8.21>.
18. Birdwhistell R. L. Kinesics and context: Essays on body-motion communication / R. L. Birdwhistell. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1970. — 338 p. — ISBN 978-0-8122-1012-7.
19. Calbris G. Elements of meaning in gesture / G. Calbris. — Amsterdam : John Benjamins, 2011. — 378 p. — ISBN 978-90-272-2845-5.
20. Citraro S. Feature-rich multiplex lexical networks reveal mental strategies of early language learning / S. Citraro, M. S. Vitevitch, M. Stella // Scientific Reports. — 2023. — Vol. 13. — P. 1474. — DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-022-27029-6>.
21. Gawne L. Emblems : Meaning at the interface of language and gesture / L. Gawne, K. Cooperrider // Glossa : a journal of general linguistics. — 2024. — Vol. 9. — № 1. — Pp. 1—39. — DOI: <https://doi.org/10.16995/glossa.9705>.
22. Iriskhanova O. K. The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics... / O. K. Iriskhanova, A. Cienki // Issues in cognitive linguistics. — 2018. — № 4. — С. 25—36. — DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-25-36.
23. Kendon A. Gesture : Visible action as utterance / A. Kendon. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004. — 400 p.
24. Machin D. Representing people : Language and identity / D. Machin, A. Mayr. — 2nd ed. — London : SAGE, 2023. — 176 p. — ISBN 978-1-5297-7795-6.
25. McNeill D. Hand and mind: What gestures reveal about thought / D. McNeill. — Chicago : University of Chicago Press, 1992. — 416 p. — ISBN 978-0-226-56134-7.

26. Payrató L. Emblems / L. Payrató // *The Cambridge Handbook of Gesture Studies* / ed. A. Cienki. — Cambridge : Cambridge University Press, 2024. — Pp. 7—31. — DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108638869>.

27. Poggi I. Mani che parlano. Gesti e psicologia della comunicazione / I. Poggi, E. Magno Caldognetto. — Padova : Unipress, 1997. — 210 p. — ISBN 978-88-8098-018-4.

28. Taylor M. The structure of multimodal dialogue / M. Taylor. — Amsterdam : Elsevier, 1989. — 522 p. — ISBN 978-0-444-87329-5.

Статья поступила в редакцию 03.12.2025,
одобрена после рецензирования 14.04.2026,
подготовлена к публикации 30.04.2026.

Material resources

SYARZH — Grigorieva, S. A., Grigoriev, N. V., Kreidlin, G. E. (2001). *Dictionary of Russian Sign Language*. Moscow; Vienna: Languages of Russian Culture; Vienna Slavic Almanac. 256 p. (In Russ.).

References

Al-Badri, Z. K. G., Al-Janabi, S. F. K. (2022). A Systemic Functional Linguistic and Critical Discourse Analysis of a Selected Speech on COVID-19. *Arab World English Journal*, 8: 314—329. DOI: <https://dx.doi.org/10.24093/aweij/call8.21>.

Birdwhistell, R. L. (1970). *Kinesics and context: Essays on body-motion communication*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 338 p. ISBN 978-0-8122-1012-7.

Calbris, G. (2011). *Elements of meaning in gesture*. Amsterdam: John Benjamins. 378 p. ISBN 978-90-272-2845-5.

Chervony, A. M., Polenova, G. T. (2018). Head as an element of non-verbal communication *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 1 (79): 393—398. (In Russ.).

Citraro, S., Vitevitch, M. S., Stella, M. (2023). Feature-rich multiplex lexical networks reveal mental strategies of early language learning. *Scientific Reports*, 13: P. 1474. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-022-27029-6>.

Fedorova, O. V. (2018). On Russian gesticulation from a linguistic point of view (to the publication of the monograph by E. A. Grishina). *Questions of linguistics*, 5: 114—123. DOI: 10.31857/S0373658X0001400-9. (In Russ.).

Gawne, L., Cooperrider, K. (2024). Emblems: Meaning at the interface of language and gesture. *Glossa: a journal of general linguistics*, 9 (1): 1—39. DOI: <https://doi.org/10.16995/glossa.9705>.

Golubeva, A. S. (2022). Verbalization of facial expressions and gestures in Russian and Spanish based on corpus data. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9 (864): 39—49. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_9_864_39. (In Russ.).

Golubeva, A. S. (2023). Verbalization of facial expressions and gestures based on case data. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10 (878): 24—31. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_10_878_24. (In Russ.).

Gridin, T. A., Kononov, N. I. (2015). The associative field of the word “gesture” and its dominants. In: *Psycholinguistics and modernity: a collection of works*. Yekaterinburg: Publishing House of UrFU. 105—111. (In Russ.).

- Grishina, E. A. (2017). *Russian gesticulation from a linguistic point of view. Corps research*. Moscow: YASK: Languages of Slavic culture. 744 p. ISBN 978-5-94457-301-2. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K., Cienki, A. (2018). The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics... *Issues in cognitive linguistics*, 4: 25—36. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-25-36.
- Ivanyan, E. P. (2015). *Semantics of silence and means of its expression in Russian: monograph*. Moscow: FLINT. 152 p. ISBN 978-5-9765-2335-3. (In Russ.).
- Ivanyan, E. P. (2017). Metaphors of pedagogical speech: linguistic and ecological aspect. In: *Rational and emotional in Russian: a collection of works*. Moscow: Publishing House MGOU. 331—333. (In Russ.).
- Kavinkina, I. N. (2012). *Manifestation of gender in the speech behavior of native speakers of the Russian language: an analysis of gender stereotypes in communication*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 176 p. ISBN 978-3-8473-9157-9. (In Russ.).
- Kendon, A. (2004). *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press. 400 p.
- Kobzeva, O. V. (2014a). We throw verbal representation: connection with phraseological units. *Science, technology and education*, 3 (3): 84—85. (In Russ.).
- Kobzeva, O. V. (2014b). Verbal representation of kinema in intercultural communication. *Science, technology and education*, 2: 84—85. (In Russ.).
- Kobzeva, O. V., Fedorova, E. L. (2023). Verbal representation of kinema in fiction *Power of history — History of power*, 9 / 3 (45): 50—60. (In Russ.).
- Kreidlin, G. E. (2002). *Nonverbal semiotics: Body language and natural language*. Moscow: New Literary Review. 592 p. ISBN 5-86793-194-3. (In Russ.).
- Kudrina, A. V. (2012). Associative flower fields in children and adolescents. *Experimental psychology*, 5 (2): 92—103. (In Russ.).
- Machin, D., Mayr, A. (2023). *Representing people: Language and identity*. London: SAGE. 176 p. ISBN 978-1-5297-7795-6.
- Martinovich, G. A. (1993). Experience in a comprehensive study of the data of an associative experiment. *Questions of psychology*, 2: 93—99. (In Russ.).
- McNeill, D. (1992). *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: University of Chicago Press. 416 p. ISBN 978-0-226-56134-7.
- Payrató, L. (2024). Emblems. In: *The Cambridge Handbook of Gesture Studies*. Cambridge: Cambridge University Press. 7—31. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108638869>.
- Poggi, I., Magno Caldognetto, E. (1997). *Mani che parlano. Gesti e psicologia della comunicazione*. Padova: Unipress. 210 p. ISBN 978-88-8098-018-4.
- Pronnikov, V. A., Ladanov, I. D. (2001). *Language of facial expressions and gestures*. Moscow: Stealth. 216 p. ISBN 5-7873-0028-1. (In Russ.).
- Taylor, M. (1989). *The structure of multimodal dialogue*. Amsterdam: Elsevier. 522 p. ISBN 978-0-444-87329-5.

*The article was submitted 03.12.2025;
approved after reviewing 14.04.2026;
accepted for publication 30.04.2026.*

Информация для цитирования:

Чайлак Х. Сопоставление русских и турецких наивных мер / Х. Чайлак, Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 198—217. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-198-217.

Chaylak, H., Tokarev, G. V. (2026). A Comparative Study of Russian and Turkish Folk Measurement Units. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 198-217. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-198-217. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сопоставление русских и турецких наивных мер

Чайлак Ханифе¹

orcid.org/0000-0001-8280-4624
доктор филологических наук, доцент
caylakhanife@gmail.com

Токарев Григорий Валериевич²

orcid.org/0000-0002-2362-0902
доктор филологических наук,
профессор,
корреспондирующий автор
grig72@mail.ru

¹ Караденизский
технический университет
(Трабзон, Турция)

² Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)

A Comparative Study of Russian and Turkish Folk Measurement Units

Hanife Chaylak¹

orcid.org/0000-0001-8280-4624
Doctor of Philology, Associate Professor
caylakhanife@gmail.com

Grigory V. Tokarev²

orcid.org/0000-0002-2362-0902
Doctor of Philology, Professor,
corresponding author
grig72@mail.ru

¹ Karadeniz Technical University
(Trabzon, Turkey)

² Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(Tula, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению вербальных проявлений наивной картины мира. Предметом исследования стали наивные меры, представленные в русской и турецкой картинах мира. Проведено сопоставление указанных единиц с применением ономаσιологического, компонентного анализа, лингвокультурологической интерпретации. Под *наивной мерой* понимается лингвокультурная единица, которая используется при параметризации действительности. Утверждается, что наивные меры антропоцентричны. Отмечается, что в отличие от научных единиц измерения обыденные меры отражают отступления от нормы, стандарта. Указано, что наряду с сигнификативными признаками в значение могут входить оценочные и эмотивные. Выяснено, что эталонную основу меры выполняют образные основания единиц. Установлено, что измерительные символярии русских и турецких лингвокультур в целом совпадают. Сообщается, что основными образами, которые используются для выражения меры, выступают *соринка, крошка, капля, иголка, волос, рука, глаз, золото*. Выяснено, что русская лингвокультура демонстрирует более богатый состав единиц. Наивное сознание использует идентичные способы концептуализации и категоризации меры: репродуктивные, созерцательные, аналитические, интенсифицирующие тактики, а также тактики экстериоризации или интериоризации. В турецкой лингвокультуре выявлена тенденция эталонизации акустических образов. Доказано, что специфика параметризации выражена в выборе эталонов и их культурной интерпретации, которая обусловлена культурным континуумом.

Ключевые слова:

лингвокультурология; языковая наивная картина мира; наивные меры; русская лингвокультура; турецкая лингвокультура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the verbal manifestations of the naive worldview, focusing specifically on folk measurement units as represented in the Russian and Turkish linguistic pictures of the world. The study undertakes a comparative analysis of these units through the application of onomasiological and componential methods, complemented by linguocultural interpretation. The term folk measurement unit is understood as a linguocultural construct employed in the parameterization of reality. It is argued that such units are inherently anthropocentric, reflecting human-centered perspectives. In contrast to standardized scientific measures, folk measurements often exhibit deviations from established norms and standards. It is noted that, alongside denotative features, these units may also carry evaluative and emotive connotations. The research establishes that the prototypical foundations of folk measures are rooted in figurative imagery. Findings indicate a general correspondence between the measurement symbolaries of Russian and Turkish linguocultures. The principal images utilized for expressing measurement include *speck, crumb, drop, needle, hair, hand, eye, and gold*. It is revealed that the Russian linguistic culture demonstrates a richer inventory of such units. Naïve cognition employs similar strategies for conceptualizing and categorizing measures: reproductive, contemplative, analytical, intensifying tactics, as well as tactics of exteriorization or interiorization. In Turkish linguoculture, a tendency towards the standardization of acoustic imagery is observed. The study concludes that the specificity of parameterization is expressed through the selection of measurement standards and their cultural interpretation, which is shaped by the respective cultural continuum.

Key words:

linguoculturology; linguistic naive worldview; folk measurement units; Russian linguistic culture; Turkish linguistic culture.

УДК 811.161.1'37+811.512.157'37::17.023.34

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-198-217

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Сопоставление русских и турецких наивных мер

© Чайлак Х., Токарев Г. В., 2026

1. Введение = Introduction

Уже в трудах В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1985] косвенно делаются наблюдения о двух способах познания действительности: научном и наивном. Языкознание входит в число гуманитарных наук, предметом изучения которых становится наивная картина мира. Авторы, исследующие данный феномен, отмечают, что это представление действительности не нужно понимать как искажённое, неверное, упрощённое [Арутюнова, 1999; Вежицкая, 1997; Красных, 2016; Akarsu, 1998; Bakiner-Çekin; Çalışkan, 2020; Keskin, 2020; Cündioğlu, 2009; Saraç, 2016 и др].

Ю. Д. Апресян пишет: «Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, он “наивен” в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [Апресян, 1995, с. 350—351]. В данном утверждении автору удалось подчеркнуть универсальную и национально специфическую компоненты в наивной картине мира. Для науки интересны данные об их соотношении и степени представленности. Близкую мысль выражает турецкий исследователь Н. Уйгур: «Языковая картина мира — это то, как язык объясняет мир, как в нём он устроен и каким его видят носители данного языка» [Uygur, 1994, с. 127]. Из данного утверждения следует, что наивная картина мира отражает объяснение мира, присущее данному народу.

Наивная картина мира является результатом работы сознания в условиях обыденности, повседневности. Ф. Ёзкан замечает: «Люди принимают способы мышления и поведения в соответствии с тем, как они видят мир. Поэтому изучение их мировоззрения на самом деле означает изучение их состояний и установок. Люди на индивидуальном или общественном уровне формируют своего рода “восприятие мира”, связанное с их языком» [Özkan, 2012, с. 111].

Элементы наивной картины мира становятся достоянием культурной памяти, связанной с «...передачей и воскрешением культурного смысла...» [Ассман, 2024, с. 20], то есть передаются от поколения к поколению. Они формируют культурный символарий [Телия, 1999], который генерируется не отдельным человеком или группой людей, а всей лингвокультурной общностью. Знания, включённые в наивную картину мира, чаще всего основаны на наблюдениях, на чувственном восприятии действительности. Ввиду этого они приблизительны, неточны, эмоциональны, ср.: *у чёрта на куличках, рукой подать*. Данные знания, как правило, категоризируются в виде наивных понятий, эталонов, стереотипов, что придаёт им устойчивость и воспроизводимость. Объективация этих смыслов опирается на образ, аккумулирующий объяснение того или иного фрагмента действительности. Так, представления о сильном дожде русские связывают с водой, льющейся из ведра, а турки — из стакана. Безусловно, выбор образа обусловлен культурным опытом нации, климатическими условиями и т. д. Так, в турецкой лингвокультуре представления о чём-то тяжёлом воплощены с опорой на образ труп иноверца: *gâvur ölüsü gibi ağır*. Знак, репрезентирующий элемент картины мира, не сопровождается дефиницией. Её роль выполняет образ, он интерпретирует, объясняет явление действительности [Потебня, 1999]. Так, образное основание выражения *живого человека нет* указывает на полное отсутствие кого-либо. Для современной науки актуален комплекс проблем, связанных с изучением концептуализации и категоризации наивного и научного знания, что обусловлено прежде всего развитием искусственного интеллекта, адаптацией науки к условиям повседневной жизни.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом исследования является наивная картина мира, предметом — её элементы, наивные меры, представленные в русской и турецкой лингвокультурах. Цель исследования — проведение сопоставительного описания указанных единиц для определения их тождественных и специфических черт. Поставленная цель достигается путём использования следующих методов: ономастического анализа при выделении образных оснований, компонентного анализа при изучении семем анализируемых единиц, лингвокультурологического комментирования значений, сопоставительного анализа. Источником исследования стали Национальный корпус русского языка [НКРЯ], «Краткий словарь лингвокультурных единиц» [Токарев, 2020], картотеки авторов. Наивные меры были комплексно рассмотрены Г. В. Токаревым [Там же]. Результаты данного исследования отражены в выше указанном словаре. В турецкой лингвистике изучению наивных

мер посвящена статья М. Шенела [Şenel, 2011]. Сопоставительные исследования наивных мер данных лингвокультуры не проводились.

Исследование наивных представлений о мере находится в стадии разработки. Предприняты попытки теоретического осмысления наивной параметризации действительности [Акинжелова, 2008], проведено несколько сравнительно-сопоставительных исследований на материале различных языков. Объектами стали английский, белорусский, китайский, языки народов Кавказа [Артёмова, 2014; Башиева, 2001; Маяк, 2013, Цю Синь, 2019 и др.]. В работах подчёркивается, что особенностью объективации представлений о мере является фразеологичность семантики. Репрезентант наивных представлений о мере не рассматривается как особый, лингвокультурный знак.

2.1. Понятие наивной меры

В символатрии наивной картины мира особое место занимают наивные меры — единицы, которыми пользуется человек в ситуациях, требующих параметризации действительности. Например, *за тридевять земель, dünyanın öbür ucu* (дословно: другой конец света). Данные единицы наиболее чётко отражают разницу между наивным и научным познанием действительности. Так, если в научной картине мира расстояние измеряется в миллиметрах, сантиметрах, дециметрах и т. д., то в наивной — другими единицами: *глазом не достать, мышь не проскочит, под рукой*. В. Н. Телия относил подобные единицы к знакам культуры и для того, чтобы подчеркнуть их особую семиотическую природу, использовала приставку квази-: «...языковая единица награждается устойчиво ассоциируемым с ней смыслом, который и указывает на концепт, не являющийся её собственно языковым значением...» [Телия, 1996, с. 244].

Мера оформляется на основе некоего эталона. Для наивной меры его функцию выполняет признак, положенный в основу единицы. Культурно-ономасиологический механизм создания наивной меры заключается в том, что из многообразия явлений избирается одно, его образу приписывается функция культурного эталона. Так, русское и турецкое языковое сознание для выражения представлений о недостаточном количестве еды использует образ зуба. Однако каждая культура по-разному может видеть и интерпретировать данный образ. Русская рассматривает зуб как средство измельчения, пережёвывания пищи — на один зуб, турецкая обращает внимание на расстояние между зубами — *dişinin kovuğuna yetmez*. В данном примере русское сознание демонстрирует склонность к функциональному сценарию, турецкое — к созерцательному.

Как показывает наше исследование, в русской и турецкой лингвокультурах эталоны в целом совпадают: *соринка, крошка, капля, иголка, волос*,

рука, глаз, золото, — что свидетельствует об универсальном характере в оформлении символярия наивной культуры. Перечисленные выше явления прагматичны, включены в культурные практики народов. Но их интерпретация не всегда совпадает, как мы сможем убедиться ниже.

Небольшая группа наивных мер включает эталоны, являющиеся атрибутами данной культуры, не имеющие эквивалентов. Они могут называть уникальные в культурном смысле предметы: *ни копеечки, от а до ижицы*; прецедентные имена собственные: *до Москвы не перевешать, во всю ивановскую*; обрядовые сценарии: *одним миром мазаны, как чёрт ладана*; аллюзии к историческим событиям: *как швед* и др.

Для наивных мер характерны следующие признаки. Они антропоцентричны, то есть ориентированы на человека. Данные единицы параметризуют важные для человека аспекты: состояния, особенности коммуникации, знания и опыт, восприятие и понимание, эмоциональную реакцию и др. Они описывают и те фрагменты действительности, которых не касается научное сознание, например, полноту проявления внутренних и внешних качеств человека, родство и духовную близость и др. Их семантика отражает неточность, приблизительность: *без задних ног, большого сердца, вырви глаз* и др. Сигнификат допускает вопросы «сколько?», «насколько?», «в какой мере?», «в какой степени?». В отличие от научных единиц измерения обыденные меры отражают отступления от нормы, стандарта. Так, наивная мера фиксирует очень хороший слух *как локатор*, очень бледный цвет лица *как полотно, как мел*. Наивные меры имеют живую образность: *бог не обидел, до последней капли, за уши не оторвать*. С этой точки зрения данные единицы допускают характеристику в аспекте культурного кода, с которым соотносится базовый образ. Например, мера *в ажуре* 'очень хорошо' соотносится с фетишным кодом культуры, так как обладает базовым образом «предмет», *как собака* 'очень сильно, до предела, до крайности' — с биоморфным, *средней руки* 'ничем не примечательный по своим качествам, своему положению' — с антропоморфным, *хоть завались* 'очень много' — с акциональным. Вместе с сигнификативными признаками в значение могут входить оценочные и эмотивные. Так, мера *с воробыный нос, с гулькин нос* 'очень мало' выражает негативную оценку и эмотивность неодобрения: *Набрали ягод с гулькин нос*.

Сопоставительный аспект лингвокультурологических исследований освещает особенности национальных картин мира, специфику мировидения и миропонимания. Так, русской наивной мере *вагон и маленькая тележка* соответствует турецкая *bir dünya* (дословно: целый мир), которая обозначает большое количество чего-то. Буквальное прочтение образного основания отражает использование разных кодов культуры: рус-

ским наивным сознанием — фетишного, турецким — пространственного. *Dünya* (‘мир’, ‘планета’) выражает идею необъятности, бесконечности, богатства, сложности. Русской мере *душа в пятки ушла* соответствуют турецкие *Ödül patladı* (дословно: желчь взорвалась) // *Yüreği ağzına geldi* (дословно: сердце оказалось во рту). Образное основание каждой из приведённых единиц отражает национально специфический сценарий ощущения сильного испуга. Таким образом, выражение создает образ вселенской или космической меры, подчеркивая чрезмерность, масштаб.

Для выражения представлений о мере тесноты в русской лингвокультуре используется образ яблока: *яблоку негде упасть* (*Клуб был набит до отказа, яблоку негде упасть* (А. Рыбаков «Тяжелый песок»)) [НКРЯ], а в турецкой — *иголки* (*iğne atsan yere düşmezdi*). Дословный перевод: *Если бросишь иголку — она не упадёт на пол*. То есть так тесно, что нет места даже иголке: *Otobüs o kadar kalabalıktı ki, iğne atsan yere düşmezdi*. Два народа обращаются к разным единицам измерения тесноты: яблоку и иголке. Очевидно, что турки используют более интенсифицирующую стратегию.

Для выражения представлений о количестве людей, присутствующих в каком-либо месте, в русской лингвокультуре используется мера *живой человек*: *живого человека нет*. *Всё это на одной площади, заросло травой, и в будни нет тут живого человека* (Фонвизин «Письма из третьего заграничного путешествия») [НКРЯ], то есть языковое сознание прибегает к антропоморфному культурному коду. Для турецкой лингвокультуры актуален мифологический код, объективированный в выражении *İn cin top oynuyor* (дословно: феи и джинны играют в мяч): *Eskiden çok canlı olan o kasaba şimdi bomboş, in cin top oynuyor*. Образное основание данной единицы актуализирует ситуацию: джинны и духи играют в мяч. Согласно народным представлениям, эти существа появляются только в совершенно безлюдных, забытых местах. Компонент *играют в мяч* усиливает эффект пустоты, подчёркивая, что даже потусторонние существа здесь чувствуют себя свободно.

Культурно-когнитивные сценарии эталонизации меры могут совпадать. Так, для выражения ничтожного количества избирается образ водной стихии. Однако в русской культуре им становится море, в турецкой — океан, что отражает большую интенсивность. Ср.: *капля в море* (*Значит, на твою: моя стипендия — капля в море*) (И. Грекова «Перелом») [НКРЯ] // *Okyanusta bir damla (Afetzedelere yardım için yüz lira topladık ama bu, felaketin boyutu düşünüldüğünde okyanusta bir damla sadece*.

Можно наблюдать случаи, когда языковое сознание в обеих лингвокультурах прибегает к одному культурному коду, однако репрезентирует знания посредством разных образов. Так, в русском языке представления

о большом количестве репрезентируется посредством чего-то беспорядочно двузначного: *кишмя кишит. В этом городе кишмя кишат агенты самых разных разведок, — говорил он* (Д. Рубина «Окна») [НКРЯ]. В турецкой — это нечто кипящее: *İstanbul insan kaynıyor* (дословно: Стамбул кипит людьми): *Bu şehir, türlü istihbarat ajanlarıyla kaynıyor resmen.*

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Меры основательности в русской и турецкой лингвокультурах

А. П. Васильева отмечает: «У каждой этнической группы формирует своя индивидуальная этническая картина мира, которую отдельный социум воспринимает через призму опыта, образования, языка и культуры» [Васильева, 2024, с. 11]. Рассмотрим отдельные концептуальные аспекты наивной параметризации действительности в русском и турецком языках.

Одним из важных отрезков действительности для наивного сознания является степень основательности чего-либо. В русском языке данный параметр представлен большим числом единиц: *до дыр* ‘основательно, до износа’, *до конца ногтей* ‘всем существом, полностью’, *до последней запятой* ‘во всех подробностях’, *как по нитке* ‘подробно, основательно’, *на волоске* ‘неосновательно’. *Всё висело на волоске до последней минуты* (С. Спивакова «Не всё») [НКРЯ]. Что-либо некрепкое, неосновательно сделанное в русской лингвокультуре осмысливается с опорой на меру *сопля*. *Державишыйся на соплях стул приставил к стене, а себе взял другой* (А. Ростовский «По законам волчьей стаи») [НКРЯ]. Образ *сопли* объясняется наивным сознанием как то, что может склеить, однако это непригодное, ненадёжное средство.

Турецкой культурой избирается мифологический код для репрезентации аналогичных представлений. Данная мера выражена турецким выражением *Allah’a emanet*, которое дословно переводится как «доверено Аллаху». В турецком этикете данное выражение используется при прощании, как оберег: человек уезжает, и его как бы передают под защиту Аллаха. Однако в быденном дискурсе выражение было переосмыслено и стало употребляться как мера чего-то неосновательного, ненадёжного. Сделано так плохо, что только Аллах это может спасти. *Bu araba Allah’a emanet gidiyor, frene bastın mı dua et. Эта машина едет под покровительством Аллаха, нажмёшь на тормоз — молись.*

Так, для определения основательности боевой готовности в обеих лингвокультурах используется антропоморфный код. В русской лингвокультуре мерой основательности выступают зубы (*до зубов*: *Справа и слева стояли, прочно расставив ноги, ещё два воина, вооруженные до зубов* (А. Рубанов «Сажайте, и вырастет») [НКРЯ]. И русское, и турецкое языко-

вое сознание для выражения данной меры прибегает к образу тела человека *tepeden turnağa silahlıydı* (с головы до пят) *Askerler tamamen silahlanmıştı*.

Эталоном тщательности, основательности в русской лингвокультуре является иголка. Данный образ отражает представления о несущественных деталях. *Опиши всё до иголки, как ты найдёшь Киев, в каком виде представится тебе твоё новое житьё* (Н. В. Гоголь Письмо М. А. Максимовичу, 1 июля 1834) [НКРЯ]. В турецкой лингвокультуре актуализирован конструктивный сценарий: *en ince ayrıntısına kadar* (дословный перевод — до мельчайшей детали): *O, işi en ince ayrıntısına kadar anlattı* (Он объяснил дело до мельчайших подробностей).

Основательность объяснения в русском языке передаётся с опорой на образ пальцев руки: *как по пальцам* ‘со всеми подробностями, точно и ясно’. *Вот так. Все объяснил, как по пальцам...* (С. Бабаян «Ротмистр Неженцев») [НКРЯ]. В турецком — с опорой на представления о части *tek tek anlattı* (дословно — по одному): *Sana her şeyi tek tek anlattım ama hâlâ anlamıyorsun!*

Подвижная (живая) рука в русском языковом сознании становится эталоном ненадёжности, неосновательности. Вероятно, в данном случае эталон был выбран на основе смежности: рука — своеобразное орудие действия, живая рука, то есть подвижная, следовательно, и нечто обозначаемое через данный образ основательно не закреплённое: *На живую руку сбитые ворота с громким скрипом отворяются навстречу стада, и вот многообразными голосами его наполнилось село от верху до самого, так сказать, до низу* (А. И. Левитов «Расправа») [НКРЯ]. В турецкой лингвокультуре аналогичные представления репрезентируются с опорой на образ головы *baştan savma* (дословно: убрать с головы, то есть ‘не думая о чём-либо’). В данном случае актуализируется не материальный, а ментальный способ осмысления основательности. *Tesisatçı, tamiri baştan savma yapmış, ertesi gün boru yine patladı* (Сантехник сделал ремонт на скорую руку — на следующий день труба снова лопнула).

Можно наблюдать и полное совпадение когнитивных стратегий в выборе эталона для наивной меры. Так, к таким единицам следует отнести глаз: *У Нюры не было рецептов — всё приблизительно, на глаз, я так и готовлю до сих пор* (С. Спивакова «Не всё») [НКРЯ] // *göz kararı: Annem yemekleri hep göz kararı yapar*. Ещё одним примером является образ горы как меры основательной, надёжной защиты от чего-либо. Ср.: *за каменной горой* // *dağ gibi arkasında durmak: Babam arkamda dağ gibi durur, kimse bana zarar veremez*. Однако русское сознание гору видит впереди, она защищает: *как за каменной горой. Отмолит нас Панкратыч... мы все за ним, как... за каменной горой...* (И. С. Шмелев «Лето Господне») [НКРЯ]. В турецкой —

наоборот, сзади: *Dağ gibi arkasında durmak*. (дословно: стоять за кем-то, как гора): *Babam arkamda dağ gibi durur, kimse bana zarar veremez* (Отец за моей спиной как гора — никто меня не тронет).

Эталоном силы, глубины воздействия на человека в русской картине мира выступает проникновение до кишок, в турецкой — до костного мозга. Ср.: *до кишков. Особенно ежели он сперва весь до кишков на ветру промерз, после проголодался до самых костей?* (В. Белов «Привычное дело») [НКРЯ] // *iliklerine kadar* (дословно: до костного мозга): *Soğuk iliklerine kadar işledi* (Холод пробрал его до костного мозга).

В русской лингвокультуре степень интенсивности эмоций человека по поводу исключительно хороших свойств объекта передаётся эталоном на *зависть*, который является общим названием эмоционального переживания. *Выходило, что жизнь у меня получилась просто на зависть*. (А. Геласимов «Чужая бабушка») [НКРЯ]. Турецкая лингвокультура фиксирует внешнее проявление зависти: когда человек завидует, он прикусывает пальцы: *parmak ısırtacak kadar*. Эталоном выступает национально специфический жест: *Yeni arabası parmak ısırtacak kadar güzel* (Её новая машина настолько красивая, что можно пальцы укусить).

3.2. Меры времени в русской и турецкой лингвокультурах

Представления о времени в целом совпадают в русской и турецкой картинах мира. Это касается и сигнификативных значений мер, и образов, которые выступают в качестве эталонов. Ср.: *денно и ночью* ‘постоянно’: *Да мы об вас, маменька, денно и ночью бога молим, чтобы вам, маменька, бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху* (А. Н. Островский «Гроза») [НКРЯ] // *gece gündüz* (дословно: днём и ночью): *Savaşı kazanmamız için herkes gece gündüz dua ediyordu; до последнего дыхания* ‘до самой смерти’: *Я до последнего дыхания её любить буду* (В. Гроссман «Жизнь и судьба») [НКРЯ] // *Son nefesime kadar* (дословно: до последнего дыхания): *Они son nefesime kadar seveceğim; на всю жизнь* ‘навсегда, постоянно, до конца дней’: *Эта комичная история стала мне уроком на всю жизнь* (С. Спивакова «Не всё») [НКРЯ] // *Hayat boyu* (дословно: на всю жизнь): *İyi veya kötü, yaşadığım tüm anılar hayat boyu benimle kalacak* (Хорошие или плохие, все пережитые воспоминания останутся со мной на всю жизнь); *ни в жизни* ‘никогда’: *Не вернусь, голубчик. Ни в жизнь не вернусь* (И. С. Тургенев «Конец Чертопханова») [НКРЯ] // *Hayatta* (дословно: ни в жизни): *Hayatta onunla barışmam* (Я никогда с ним не помирюсь); *по гроб* ‘до конца жизни’: *Несмотря на трудность пути, на расстояние места, на новые огорчения и препятствия, не перестаёт думать о тебе верная по гроб* (И. И. Лажечников «Спасская лужайка») [НКРЯ] // *Mezara kadar* (дословно: по гроб жизни): *Gerçek dostluk, zorlu zamanlarda belli olur ve ölene*

dek sürer (Настоящая дружба проявляется в трудные времена и длится по гроб); *с колыбели* ‘с раннего возраста’: *Ребёнка нужно приучать к самостоятельности уже с колыбели!* (Д. Карапетян «Владимир Высоцкий. Воспоминания») [НКРЯ] // *Beşikten itibaren* (дословно: с колыбели): *Çocukların sorumluluk sahibi olması beşikten itibaren öğretilmeli* (Детей нужно приучать к ответственности с колыбели). Как видим, время суток, материальные знаки жизни человека: колыбель, гроб — становятся эталонами наивных мер. Отметим, что в русской картине мира используется более разнообразный репертуар. Так, для объективации представлений о длительности времени языковое сознание оперирует вербализованными эталонами: *пелёнка, седины, клюка* и др. Языковое сознание прибегает к фольклорным (при царе Горохе), мифологическим образам (с Адама и Евы), что составляет национальную специфику миропонимания времени.

Биоморфный код культуры избирается для объективации представлений об очень раннем времени. У русских эталоном меры выступает петух. В деревнях эта птица была естественными часами. С криком петухов, который раздавался с четырёх часов утра, отсчитывался новый день, всё просыпалось, пряталась нечистая сила. Турецкое сознание для объективации аналогичных представлений использует наблюдения за вороной, которая поедает свой помёт. Замечено, что в тёмное время суток ворона ничего не ест. Очень раннее время связывается с названными действиями вороны: *karga pisliğini yemeden*.

Ряд единиц отражает денотативную близость образов, то есть указывает на разные аспекты одного и того же явления или смежные реалии. Например, *в два огляда* ‘очень скоро, быстро’: *Бабуня, а можно, я подыму табуретку, кот на неё и прыгнет?.. — Это совсем другой коленкор, — сказала Луша. В два огляда кот был у мальчика на руках* (А. Санжаровский «Оренбургский платок») [НКРЯ] // *göz açır karaıncaya kadar* (дословно: пока не моргнёшь): *Yemeği göz açır karaıncaya kadar bitirdi*. Он съел еду в два огляда; *без году неделя* ‘очень недолго, недавно’: *Вот и сейчас комиссар дивизии раздражал его: без году неделя на фронте, а представляется ветераном, наверное, и в партию перед войной вступил, а уж Энгельс его не устраивает* (В. Гроссман «Жизнь и судьба») [НКРЯ] // *düni* (дословно: вчерашний): *Daha dün gelmiş şirkete, şimdi patronluk taşıyor* (Он без году неделя в компании, а уже командует, как шеф). Следует также отметить, что в русской картине мира более дискретно представлены знания о точности: *как из пушки, как часы, как штык*.

В русской лингвокультуре выше плотность наивных мер скорости: *быстрый на ногу, во весь дух, во всю прыть, во всю рысь, в один миг, в час по чайной ложке, высунув язык* и др. Наблюдается тождество в культурно-

когнитивной интерпретации скорости. Ср.: *в мгновение ока: В мгновение ока стало пусто вокруг. Только их двое осталось в середине круга — тот, умирающий, и он сам с палкой в руках, с гвоздём на конце, с картофельной на гвозде* (И. Грекова «Фазан») [НКРЯ] // *göz açıp kayıncaya kadar* (дословно: за миг моргания): *Düğün hazırlıkları göz açıp kayıncaya kadar tamamlandı* (Свадебные приготовления были завершены в мгновение ока).

3.3. Меры сходства в русской и турецкой лингвокультурах

Интересны эталоны сходства, к которым прибегает языковое сознание в разных лингвокультурах. Используя один и тот же — фетишный — код культуры — языковое сознание обращается к разным образам. Русское сознание апеллирует к парным предметам. Например, к сапогам: *Они с нашим Корнеевым — два сапога пара, оба без царя в голове* (В. Валеева «Скорая помощь») [НКРЯ]; к одинаковым предметам: *в копеечку*. Основанием для сходства становится вещество, из которого сделаны предметы: *из одного теста, кость в кость*; способ изготовления: *на один покрой, на одну колодку, одним лыком шиты, одним пальцем деланные, одного покроя*; сходное происхождение: *одного дуба жёлуди, одного поля ягоды, одного сукна епанча* и др.

Турецкое сознание использует иные когнитивные стратегии. Сходство устанавливается между предметами, которые подходят друг другу, например кастрюля и крышка: *tencere yuvarlanmış kapağını bulmuş tBu ikili sorun çıkarmayı sever; tencere yuvarlanmış kapağını bulmuş yani* (Эта пара любит создавать проблемы, они как кастрюля с крышкой).

Акустические характеристики также являются основанием для объективации стандартов тождества. Турецкое выражение *tıra tır* дословно объясняется как два сходных по звучанию слова: *Onlar tıra tır aynı* (Они буквально одинаковы). Эталон меры *Hık demiş* строится на сходстве звука, который вырывается из горла или носа. Звук указывает на связь с издающим его телом. *Bi çocuk babasına o kadar benziyor ki... Hık demiş burnundan düşmüş!* (Этот мальчик так похож на своего отца... Будто копия, как будто выпал у него из носа!).

На акустических характеристиках построена турецкая мера *tam tamına*, выражающая абсолютную точность, завершённость действия и соответствие ожиданиям. Ср. с русской *точь-в-точь*. Отличие турецкой меры от русской заключается в том, что первая делает акцент на завершённости действия. *Toplantı tam tamına 2 saat sürdü* (Совещание длилось ровно 2 часа). Таким образом, *tam tamına* выполняет не только семантическую функцию точного указания, но и культурно-образную, усиливая впечатление от события или действия через повтор и ритм слова.

Мерой разницы, различия в русской лингвокультуре выступает *небо и земля*: *Вот только лица у них отличались, как небо и земля, — у Гурова*

открытое и волевое, у Тернавского — надменное и бездушное (Н. Леонов «Лекарство от жизни») [НКРЯ]. В турецкой культуре в основу представлений о различиях кладётся высота гор — *arasında dağlar kadar fark var* (дословно: как горы): *Ahmet'le kardeşi arasında dağlar kadar fark var. Ahmet çok çalışkan, kardeşi ise tembelin teki* (Между Ахметом и его братом разница — как горы. Ахмет очень трудолюбивый, а его брат — настоящий лентяй). По всей вероятности, единицу измерения подсказал привычный для турецкого глаза ландшафт.

Мерой точности в обеих лингвокультурах выступает наименьшая денежная единица: в русской — копейка, в турецкой — куруш. Ср.: *А ещё никелевые и медные монеты: расчёт точный, до копеечки!* (Г. Садулаев «Таблетка») [НКРЯ] // *Borcunu kuruşu kuruşuna geri verdi* (Он вернул долг до копеечки). Тем самым лингвокультуры демонстрируют тождество стратегий концептуализации.

Представления о точности как отрицании перевеса в большую или меньшую стороны отражено в русской и турецкой лингвокультурах в выражениях *ни больше ни меньше*: *Мальчик получил титул издателя, а соблазнитель — редактора, с окладом ни больше ни меньше как пятьсот рублей в месяц...* (В. Ф. Ходасевич «О меценатах») [НКРЯ] // *ne eksik ne fazla* (дословно: ни больше ни меньше): *Patron, ona ne eksik ne fazla tam on bin lira prim verdi* (Начальник выдал ему премию ни больше ни меньше десять тысяч лир). Эта мера также отражает тождество стратегий концептуализации.

Для объективации представлений о степени точности используется русская мера *не в бровь, а в глаз*. Образное основание единицы указывает на ценность органа зрения по сравнению с бровью. Глаз выступает своего рода яблочком в мишени. Фигуральное попадание в него подчёркивает степень ценности действия: *Но остроумные сатирические номера, бывшие не в бровь, а в глаз, вызывали кое у кого неприятие (мягко говоря)* (И. А. Архипова «Музыка жизни») [НКРЯ]. Данной мере соответствует турецкая единица *Taşı gedigine koymak*, имеющая дословный перевод «поставить камень в углубление»: *Öğretmen öyle bir örnek verdi ki, herkes anladı — tam taşı gedigine koydu* (Учитель привёл такой пример, что все сразу поняли — поставил камень в углубление (не в бровь, а в глаз). Данный образ заимствован из речи каменщиков. Умение поставить камень на своё место в турецкой культуре оценивается как мастерство, точность.

3.4. Меры знания в русской и турецкой лингвокультурах

Мерой знания в русской лингвокультуре являются пальцы: *знать как свои пять пальцев*: *Наташа отпросилась в своём отделе и сопровождала меня как гид, знала завод как свои пять пальцев* (А. Рыбаков «Тяжелый

песок») [НКРЯ]. Выбор образа объясняется онтологическими характеристиками. Свои пять пальцев всегда перед глазами, пять пальцев не нужно запоминать. В турецкой лингвокультуре русской мере соответствует единица *avucumun içi gibi bilmek*, дословно: знать как свою ладонь. Как видим, образ, положенный в основу меры, с одной стороны, конкретнее: мы понимаем, что речь идёт о пальцах руки, а не ноги, с другой — языковое сознание фокусируется на ладони в целом, а не на каждом из пяти пальцев: *Bu şehri avucumun içi gibi bilirim, hangi sokakta ne var hemen söylerim* (Я знаю этот город как свою ладонь — могу сразу сказать, что где находится).

Мерой опыта в русской лингвокультуре является съеденная каша — *мало каши ел*: *Мало каши ел замечания мне делать*; в турецкой — хлеб: *Daha çok fırın ekmek yemesi lazım* (дословно: Ему ещё много хлеба съесть надо): *O bu işi yapacak seviyede değil, daha çok fırın ekmek yemesi lazım* (Он ещё не на том уровне, чтобы справиться с этой работой — ему ещё много хлеба съесть надо). Каша — традиционная русская еда. Косвенно съеденная каша указывает на возраст, а следовательно, и на опыт человека. В турецкой культуре выражение *fırın ekmek yemek* (есть хлеб из печи) означает не только физическое потребление пищи, но и приобретение жизненного опыта, обретение мудрости, зрелость. Выражение *есть больше хлеба из печи* подчёркивает, что процесс накопления опыта долгий и сложный, так как хлеб сначала замешивается из теста, а затем выпекается в печи — это также требует времени.

Полное совпадение наблюдается в фиксации неопытности человека. Для выражения меры используется антропоморфный культурный код, а именно употребление человеком чего-либо. Ср.: в русской лингвокультуре — *не по зубам*: *А такой живописец им не по зубам, нет...* (Д. Рубина «Белая голубка Кордовы») [НКРЯ] и в турецкой — *dişine göre değil* (дословно: не по зубам): *O işi Ahmet'e verme, bu onun dişine göre değil* (Не поручай эту работу Ахмету — она ему не по зубам).

В русской лингвокультуре мерой ума выступает лоб. Чем выше лоб, тем умнее человек: *Семи пядей во лбу — очень умный человек*. Пядь — древнерусская мера, равная расстоянию между большим пальцем и мизинцем. В турецкой культуре ум ассоциируется с ядом: *Yeni gelen çocuk kafası zehir gibi, anlatmadan anlıyor her şeyi* (Этот новый парень — голова! Всё схватывает на лету, почти ничего не нужно объяснять). Избрание яда в качестве эталона ума обусловлено свойством данного вещества мгновенно действовать. Умный человек, по мнению турок, умеет быстро принимать решения.

Ещё одной мерой большого ума в русской культуре выступает *палата*: *ума палата, в грехах, как в репях, а ума палата* (Л. Зорин «Глас народа») [НКРЯ]. Палата в русском сознании осмыслялась как довольно просторное

помещение. В турецкой лингвокультуре роль данной меры берёт на себя образ геометрической фигуры — *akıl küpü* (буквально: сосуд ума): *Ken-di hesabına not vermeyi unutmış ama herkese akıl veriyor; akıl küpü mübarek* (Сам себе оценку не поставил, а других поучает — просто ума палата). Как видим, русская лингвокультура обращается к пространственному коду культуры, помогающему выразить наличие чего-либо в большом количестве. Турецкая апеллирует к фетишному, фокусируя внимание на вместилище для какого-либо содержания.

В основу меры духовной близости в рассматриваемых лингвокультурах положен тождественный сценарий «...разливать водой дерущихся животных, когда другие средства их усмирения не помогают...» [Бирих и др., 1998, с. 87], воплощённый в единицах *не разлей вода*: *Мы теперь с ним как братья, не разлей вода* (М. Гиголашвили «Чертово колесо») [НКРЯ] // *aralarından su sızmaz* (дословно: водой не разольёшь): *Bizim aramızda su sızmaz; her konuda aynı fikirdeyiz* (Нас водой не разольёшь; по всем вопросам у нас одинаковое мнение).

Апелляцию к разным культурным кодам отражают меры *свой в доску* // *kafa dengi*. Выбор данного образа в русской лингвокультуре имеет разные объяснения: имелась в виду доска, на которой спали арестанты (в данном случае актуализировался лингвокультурный сюжет схожей судьбы), с древнерусской мерой, которая была противопоставлена заграничной (то есть использовал те же средства обмена, что и свои), с гробовой доской (намёк на преданность человека на протяжении всей жизни): *Vaşı начальник спишет это на ваше простодушие, но будет уверен, что вы свой в доску* (А. Шубин «Путь к благополучию») [НКРЯ]. Турецкая мера сформирована на основе антропоморфного культурного кода. Она имеет дословный перевод: человек с одинаковой головой. Тем самым языковое сознание в качестве критерия духовной близости определяет тождественный образ мыслей: *Голова — вместилище разума* // *Kafa dengi bir arkadaşla öylesine ihtiyacım var ki* (Мне так нужен друг по духу).

3.5. Меры опьянения в русской и турецкой лингвокультурах

Ещё одним аспектом наивной параметризации является опьянение. Следует заметить, что русский язык отличается большей детализацией в номинации состояний, связанных с опьянением, по сравнению с турецким: *в доску, в дребезги, в подпитии, под мухой, под шофе*. При этом преобладают меры, указывающие на высокую степень интенсивности. Мы не объясняем данный факт признаком популярности алкоголя в русской среде. Напротив, большое количество единиц с негативной оценочностью и эмотивностью, на наш взгляд, говорит о неприятии данного явления, к тому же лингвистике давно известно, что негативные явления традици-

онно в любом языке получают наибольшее число наименований. Образные основания русских мер указывают на физическое состояние человека (невозможность стоять (*в дугу, в умат, до полусмерти*), невозможность ходить (*до остекленения, едва держаться на ногах, еле можаху, на бровях, на кочерге*), говорить: *в доску, в драбадан* (то есть до состояния бессвязной речи), выполнять какое-либо действие (*дыка не вяжет*, то есть не может выполнять самую простую работу). Некоторые из данных образов являются индексами профессиональных занятий и опираются на коллективные представления о том, что их представители склонны употреблять спиртные напитки (*в лоскуты, в пень*).

Как известно, мусульманская культура не одобряет употребление алкоголя. Возможно, этим объясняется небольшое число наивных мер опьянения. Все они отражают высокую степень воздействия алкоголя. Языковое сознание делает акцент на том, что алкоголь лишает человека разума. Так, в основе меры *kafayı çekmek* лежит образное основание, объективирующее сценарий «вытягивания разума»: *Dün gece viski açır kafayı çektim, çok rahatladım* (Вчера вечером я открыл бутылку виски и хорошо напился, чтобы расслабиться). Этот же стандарт находим в наивной мере *kafayı bulmak* (дословно: потерять разум): *Dün gece çok içti, iyice kafayı buldu* (Вчера вечером он много выпил и совсем потерял контроль). Мера сильного опьянения выражена стандартизованным действием, когда человек уже не может держать бутылку. *Şişeyi devirmek* — дословно: опрокинуть бутылку, то есть влить в себя полностью её содержание.

Так же, как и в русской лингвокультуре, используются уничижительные стандарты. *Leş gibi sarhoş olmak* — дословно: напиться как падаль. Данный образ актуализирует смыслы «быть подобным животному», «бездействовать», «зловоние»: *Partiden sonra eve geldiğinde leş gibi sarhoştı, üstünü başını bile değiştiremeden kanepeye yığıldı* (После вечеринки он пришёл домой пьяный как свинья — даже не смог переодеться и рухнул на диван). Ср. с рус. *напился как свинья*: *Напился, как свинья, вот и не помнишь ничего!* (Я. Кудлак «Симбиоз» // «Наука и жизнь», 2009) [НКРЯ].

Турецкая лингвокультура актуализирует внимание на особенностях поведения пьяного человека: он ничего не видит, не воспринимает, не способен двигаться, что передаётся с опорой на стандарт *слепое бревно*: *kör kütük sarhoş olmak Dün gece Ahmet kör kütük sarhoş olmuş, ne dediğini bile hatırlamıyor* (Вчера вечером Ахмет напился в стельку — он даже не помнит, что говорил).

Сильное опьянение описывается с опорой на образ турецких национальных инструментов — *zil zurna sarhoş olmuş*: *zil* (цимбалы) и *zurna* (зурна). Данное выражение актуализирует акустический образ: распитие

спиртных напитков связано с шумом, весельем, потерей самоконтроля. *Dün gece Ahmet kör kütük sarhoş olmuş, evin yolunu bile bulamamış* (Вчера ночью Ахмет напился до беспамятства — даже дороги домой не нашёл).

Сопоставление наивных мер степени опьянения показывает важность для русских внешних, визуальных образов. Турецкое языковое сознание наряду с внешними образами актуализирует внутренние, ментальные, ассоциативные.

4. Заключение = Conclusions

Наивные меры являются одним из элементов обыденной картины мира. Эталоном измерения выступает образное основание, положенное в основу единицы. Русская и турецкая лингвокультуры пользуются идентичным символизмом, однако данные эталоны могут интерпретироваться по-разному. Сходство проявляется и в аспектах параметризации. В целом русская лингвокультура демонстрирует более богатый состав единиц. В ходе анализа не выявлено устойчивых тенденций при концептуализации и категоризации наивных мер. Так, по одним параметрам лингвокультура может склоняться к репродуктивным, созерцательным тактикам, по другим — напротив, к аналитизму, то же касается и интенсификации избранных параметров. При этом в турецкой лингвокультуре ощутима тенденция эталонизации акустических образов, на основании чего мы называем её *слушающей*. Таким образом, наивная картина мира демонстрирует склонность к универсальности по аспектам параметризации и необходимости в средствах её объективации. Выбор эталонов, их интерпретация полностью обусловлены культурным опытом и отражают разнообразные лингвокультурные сюжеты.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Акинжелова О. В. Концепт «мера» как фрагмент русской языковой картины мира (на материале пословиц, поговорок и фразеологизмов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. В. Акинжелова. — Липецк, 2008. — 270 с.
2. Артемова О. А. Вербализация метрических характеристик в белорусской и английской фразеологии / О. А. Артемова // Язык, сознание, коммуникация. — Москва : МАКС Пресс, 2014. — Выпуск 50. — С. 23—31. — ISBN 978-5-317-04681-1.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — 767 с.

4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
5. Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — Москва : Языки славянской культуры, 2024. — 368 с. — ISBN 5-94457-176-4.
6. Башиева С. К. Концепт «мера» (норма) в языковой картине мира народов Кавказа (на материале пословиц и поговорок) / С. К. Башиева // Эльбрус. — 2001. — № 1. — С. 222—235.
7. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Санкт-Петербург : Фолио-экспресс, 1999. — 704 с.
8. Васильева А. П. Особенности восприятия образа мира носителей якутского и русского языков (ассоциативное поле слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ) / А. П. Васильева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 9—38. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-9-38.
9. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. — Москва : Русские словари, 1997. — 416 с.
10. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2016. — 496 с. — ISBN 978-5-94244-051-0.
11. Маяк Е. П. Субстантивные меры в белорусских и английских паремиологических текстах : сравнительно-сопоставительный аспект / Е. П. Маяк // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 23 (683). — С. 43—54.
12. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. — Москва : Лабиринт, 1999. — 300 с.
13. Савчук С. О. Национальный корпус русского языка 2.0 : новые возможности и перспективы развития / С. О. Савчук, Т. А. Архангельская, А. А. Бонч-Осмоловская, О. В. Донина, Ю. Н. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, Б. В. Орехов, М. В. Подрядчикова // Вопросы языкознания. — 2024. — № 2. — С. 7—34. — DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.
14. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24.
15. Телия В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
16. Токарев Г. В. Краткий словарь русских лингвокультурных единиц / Г. В. Токарев. — Тула : ТППО, 2020. — 273 с. — ISBN 978-5-907146-73-0.
17. Фон Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Фон Гумбольдт. — Москва : Прогресс, 1985. — 451 с.
18. Цю Синь. Культурные коды обыденной меры денег в китайской и русской лингвокультурах / Цю Синь // Гуманитарные исследования. — 2019. — № 2 (70). — С. 67—74.
19. Akarsu B. Dil-kültür bağlantısı. İnkılap Kitabevi / B. Akarsu. — İstanbul : [b. i.], 1998. — 104 s.
20. Bakiner-Çekin A. Dil ve kültür üzerine / A. Bakiner-Çekin, H. Çalışkan // Language Teaching and Educational Research (LATER). — 2020. — № 3 (1). — S. 163—175.
21. Cündioğlu D. Dünya görüşü ve dil / D. Cündioğlu. — Ankara : Bİ'E Yayınları, 2009. — 303 s.

22. Keskin A. “Millî Kültür Dil-Dünya Görüşünün Yansıması Olarak Hitaplar” / A. Keskin // Karadeniz Araştırmaları. — 2020. — № XVII/67. — S. 763—797.
23. Özkan F. Sosyal Bilimler Dergisi / F. Özkan // Journal of Social Sciences. — 2012. — № 2 — S. 101—117.
24. Şenel M. Türkiye türkçesi ağızlarında ölçü birimleri / M. Şenel // Karadeniz. — 2011. — № 3 (12). — S. 80—93.
25. Saraç H. “Rus ve Türk Dil Dünya Görüşünde ‘Dağ’ Kavramı (Kültürelbilimsel Analiz) / H. Saraç // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. — 2016. — № 57. — S. 1581—1598.
26. Uygur N. Dilin gücü. Kabcacı Yayınevi / N. Uygur. — İstanbul : [b. i.], 1994. — 128 s.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025,
одобрена после рецензирования 14.04.2026,
подготовлена к публикации 05.05.2026.

References

- Akarsu, B. (1998). *Dil-kültür bağlantısı. İnkılap Kitabevi*. İstanbul: [b. i.]. 104 s. (In Turk.).
- Akinzhelova, O. V. (2008). *The concept of “measure” as a fragment of the Russian linguistic picture of the world (based on proverbs, sayings and phraseological units)*. PhD Diss. Lipetsk. 270 p. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected works. Integral description of language and system lexicography*. Moscow: Languages of Russian Culture. 767 p. (In Russ.).
- Artemova, O. A. (2014). Verbalization of metric characteristics in Belarusian and English phraseology. In: *Language, consciousness, communication*, 50. Moscow: MAKSS Press LLC. 23—31. ISBN 978-5-317-04681-1. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian Culture. 896 p. (In Russ.).
- Assman, Ya. (2024). *Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 368 p. ISBN 5-94457-176-4. (In Russ.).
- Bakiner-Çekin, A., Çalışkan, H. (2020). Dil ve kültür üzerine. *Language Teaching and Educational Research (LATER)*, 3 (1): 163—175. (In Turk.).
- Bashieva, S. K. (2001). The concept of “measure” (norm) in the linguistic worldview of the peoples of the Caucasus (based on proverbs and sayings). *Elbrus*, 1: 222—235. (In Russ.).
- Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (1999). *Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference*. Saint Petersburg: Folio-express. 704 p. (In Russ.).
- Cündioğlu, D. (2009). *Dünya görüşü ve dil*. Ankara: Bİ'E Yayınları. 303 s. (In Turk.).
- Keskin, A. (2020). “Millî Kültür Dil-Dünya Görüşünün Yansıması Olarak Hitaplar”. *Karadeniz Araştırmaları*, XVII/67: 763—797. (In Turk.).
- Krasnykh, V. V. (2016). *Dictionary and grammar of linguoculture*. Moscow: Gnosis. 496 p. ISBN 978-5-94244-051-0. (In Russ.).
- Mayuk, E. P. (2013). Substantive measures in Belarusian and English paremiological texts: a comparative aspect. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 23 (683): 43—54. (In Russ.).
- Özkan, F. (2012). Sosyal Bilimler Dergisi. *Journal of Social Sciences*, 2: 101—117. (In Turk.).

- Potebnya, A. A. (1999). *Thought and language*. Moscow: Labyrinth Publ. 300 p. (In Russ.).
- Qiu Xin. (2019). Cultural codes of the everyday measure of money in Chinese and Russian linguistic cultures. *Humanitarian Studies*, 2 (70): 67—74. (In Russ.).
- Saraç, H. (2016). “Rus ve Türk Dil Dünya Görüşünde ‘Dağ’ Kavramı (Kültürdilbilimsel Analiz). *Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*, 57: 1581—1598. (In Turk.).
- Savchuk, S. O., Arkhaneglskaya, T. A., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, Yu. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V., Kontrakachikova, M. V. (2024). National corpus of the Russian language 2.0: new opportunities and prospects for development. *Questions of linguistics*, 2: 7—34. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34. (In Russ.).
- Şenel, M. (2011). Türkiye türkçesi ağızlarında ölçü birimleri. *Karadeniz*, 3 (12): 80—93. (In Turk.).
- Teliya, V. N. (1999). Priority tasks and methodological problems of studying the phraseological composition of language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Languages of Russian Culture. 13—24. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1996). *Russian phraseology*. Moscow: Languages of Russian Culture. 288 p. (In Russ.).
- Tokarev, G. V. (2020). *A short dictionary of Russian linguistic and cultural units*. Tula: TPP. 273 p. ISBN 978-5-907146-73-0. (In Russ.).
- Uygur, N. (1994). *Dilin gücü. Kabcacı Yayınevi*. İstanbul: [b. i.]. 128 s. (In Turk.).
- Vasilyeva, A. P. (2024). Features of Worldview Perception Among Speakers of Yakut and Russian: Associative Field Analysis of Stimulus Words DYOL — SCHASTYE. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 9—38. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-8-9-38>. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian Dictionaries. 416 p. (In Russ.).
- Von Humboldt, V. (1985). *Language and philosophy of culture*. Moscow: Progress Publ. 451 p. (In Russ.).

*The article was submitted 25.08.2025;
approved after reviewing 14.04.2026;
accepted for publication 05.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шидловская Д. Ю. Репрезентация семантики каузации в английских фразеологических единицах с глаголами семантических полей «Толкать» и «Тянуть» / Д. Ю. Шидловская // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 218—239. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-218-239.

Shidlovskaya, D. Yu. (2026). Causative Semantics in English Phraseological Units with Verbs from Semantic Fields of “Push” and “Pull”. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 218-239. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-218-239. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Репрезентация семантики каузации в английских фразеологических единицах с глаголами семантических полей «Толкать» и «Тянуть»

Шидловская Диана Юрьевна
orcid.org/0000-0002-3852-7612
кандидат филологических наук,
кафедра английского языка в сфере
востоковедения и африканистики
shidlovskaya.diana@gmail.com

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Causative Semantics in English Phraseological Units with Verbs from Semantic Fields of “Push” and “Pull”

Diana Yu. Shidlovskaya
orcid.org/0000-0002-3852-7612
PhD in Philology, Department
of English in the Field
of Oriental and African Studies
shidlovskaya.diana@gmail.com

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуются особенности репрезентации каузативной семантики на материале английских фразеологических единиц с глаголами семантических полей «Толкать» и «Тянуть». Применяются описательный и интерпретационный методы, дефиниционный, компонентный, этимологический анализ, элементы контекстуального анализа, а также метод семантического толкования. Разработана семантическая типология каузативных отношений, включающая прямую и косвенную каузацию (инструментальную и опосредованную), автокаузацию (рефлексивную, партитивную и посессивную) и комбинированные типы. Выявлено, что фразеологические единицы с глаголами семантического поля «Толкать» чаще сохраняют каузативную семантику, тогда как единицы с глаголами семантического поля «Тянуть» склонны к ее утрате. Показано, что сохранение семантики каузации обусловлено актуализацией признаков каузирующего действия и оппозицией участников ситуации по признаку волитивности. Показано, что утрата каузативного компонента возникает при фокусном выделении некаузативных элементов прототипической ситуации и характерна преимущественно для фразеологических единиц с исходной семантикой автокаузации или конвенционализированными прототипами. Установлено, что механизм метафоризации определяется спецификой семантики прототипической ситуации и реализуется через комплекс признаков, включающих импликации и ассоциации с отрицательной оценочностью.

Ключевые слова:

фразеологическая единица; английский язык; семантика каузации; метафора толкания; глагольная семантика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper investigates the representation of causative semantics in English phraseological units (PUs) containing verbs from the semantic fields of “push” and “pull.” The study employs a combination of descriptive and interpretative methods, including definitional, componential, and etymological analysis, as well as elements of contextual analysis and the method of semantic explication. A semantic typology of causative relations is proposed, encompassing direct and indirect causation (instrumental and mediated), autocausation (reflexive, partitive, and possessive), and mixed types. The findings reveal that PUs with verbs from the “push” semantic field are more likely to retain causative semantics, whereas those with verbs from the “pull” field demonstrate a tendency toward the loss of this semantic component. The preservation of causative semantics is shown to be conditioned by the actualization of features of the causative action and the opposition of participants in the situation based on volitionality. Conversely, the loss of the causative component arises when non-causative elements of the prototypical situation are foregrounded, a phenomenon particularly characteristic of PUs with an initial semantics of autocausation or conventionalized prototypical scenarios. It is established that the mechanism of metaphorization is determined by the specifics of the prototypical situation’s semantics and is realized through a complex of features, including implications and associations with negative evaluative connotations.

Key words:

phraseological unit; English language; causative semantics; push metaphor; verbal semantics.

УДК 811.111'37+811.111'276.11

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-218-239

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Репрезентация семантики каузации в английских фразеологических единицах с глаголами семантических полей «Толкать» и «Тянуть»

© Шидловская Д. Ю., 2026

1. Введение = Introduction

Категория каузативности занимает одно из центральных мест в современной лингвистике, поскольку отражает универсальные механизмы осмысления действительности в терминах причинно-следственных связей. Изучение семантики каузации позволяет выявить особенности языковой репрезентации причинного взаимодействия между объектами и явлениями, а также определить роль каузативных отношений в процессах семантической деривации.

В отечественной и зарубежной лингвистике проблема вербализации семантики каузации получает широкое освещение [Дадуева, 2022; Недялков, Сильницкий, 1969; Сымолов, 2005; Храковский, 2021; Comrie, 2008; Pederson, 2017; Shibatani, 1976; Talmy, 2000]. Исследования проводятся на материале морфологических, лексических и синтаксических средств выражения каузации. Вместе с тем исследования по фразеологической репрезентации каузации представлены фрагментарно. Существующие работы выполнены преимущественно на материале устойчивых единиц русского языка [Всеволодова и др., 2008; Колесникова, 2018; Максапетян, 1984]. Исследования на материале английского языка также весьма немногочисленны [Каримова, 2017; Русецкая, 2007] и характеризуются вербоцентрическим подходом с опорой на теорию концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Значимость этих работ не подлежит сомнению. Однако мы считаем, что используемый подход имеет ограничения, поскольку не учитывает, что основанием для метафоризации могут служить признаки, напрямую не связанные с глагольным компонентом. Кроме того, как справедливо отмечают критики, теория концептуальной метафоры не может в полной мере объяснить своеобразие семантики фразеологических единиц [Баранов, 2003; Баранов и др., 2008, с. 102—109]. Таким образом, недостаточная разработанность

проблемы и фрагментарность подходов определяют актуальность изучения фразеологической репрезентации каузации как одного из приоритетных направлений современной лингвистики.

В настоящем исследовании представлен комплексный анализ английских фразеологических единиц, в основу которых положены каузативные ситуации. Целью исследования стало выявление особенностей репрезентации семантики каузации на материале английских фразеологических единиц (ФЕ) с глаголами семантических полей «Толкать» и «Тянуть». Указанные лексемы рассматривались в ряде работ [Резникова, 2023; A conceptual analysis..., 2025; Bjelogrić, 2016; Levin, 1993], однако в составе ФЕ они исследуются впервые, в чем состоит научная новизна исследования. Кроме того, новизна работы определяется комплексным подходом к описанию семантики исследуемых ФЕ, разработкой семантической типологии каузативных отношений с учетом специфики исследуемого материала, а также выявлением факторов, определяющих сохранение или утрату семантики каузации при метафоризации прототипических ситуаций, положенных в основу исследуемых единиц.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Отбор материала осуществлялся в два этапа. На первом этапе были отобраны английские глаголы семантических полей «Толкать» и «Тянуть». Основой для отбора материала послужила классификация Б. Левин [Levin, 1993], в которой глаголы объединены в соответствии с их семантикой. Согласно данной классификации, к семантическому полю «Тянуть» относятся глаголы *draw*, *heave*, *tug*, *yank*, а к полю «Толкать» — *jerk*, *press*, *shove*, *thrust* [Ibid., с. 137]. На основе анализа словарных дефиниций в выборку также вошли глаголы *drag* и *haul*, значение которых можно представить в виде следующего толкования: ‘X прилагает значительные усилия с целью переместить Y по земле или другой поверхности за собой или в направлении Z’.

Рассматриваемые глаголы, взаимодействуя со своими актантами, моделируют определенную ситуацию. В лингвистике термин *ситуация* трактуется неоднозначно. В настоящем исследовании в качестве рабочего принято определение, предложенное Ю. Д. Апресяном, согласно которому ситуация представляет собой выраженный средствами языка фрагмент реальной или воображаемой действительности, в котором объекты связаны друг с другом определенными отношениями [Апресян, 1995, с. 49].

Английские глаголы семантических полей «Толкать» и «Тянуть» моделируют следующую прототипическую ситуацию: X оказывает силовое воздействие на Y с целью перемещения Y из точки А в точку В в направле-

нии от источника силы (толчок), к нему или за ним (тяга), в результате чего У оказывается в точке В. Участник Х выполняет роль каузатора, участник У — роль пациенса. Воздействие каузатора является каузирующей ситуацией, изменение положения пациенса — каузируемой ситуацией. В зависимости от семантических особенностей вербализуемая ситуация может включать различные имплицативные признаки, в частности семантические следствия (импликации), связанные с каузируемой ситуацией.

На втором этапе проводился отбор ФЕ. Материал был извлечен методом сплошной выборки из лексикографических и фразеологических словарей английского языка, полный перечень которых приведен в списке источников и принятых сокращений. При отборе ФЕ учитывались два критерия: 1) наличие в составе ФЕ глаголов целевых семантических полей; 2) наличие у прототипа ФЕ семантики каузации и перемещения. На этом основании из выборки были исключены ФЕ *push / press someone's buttons* (Х воздействует на У и вызывает у У негативную эмоциональную реакцию) и *push at an open door* (Х легко добивается цели У). В первом случае затемняется компонент 'перемещение', так как глагол в составе словосочетания актуализирует компонент механического воздействия. Во втором случае нейтрализуется каузативный компонент, поскольку открытая дверь подразумевает отсутствие сопротивления и исключает необходимость силового воздействия.

Итоговый объем материала составил 15 ФЕ с глаголами семантического поля «Толкать» и 30 ФЕ с глаголами семантического поля «Тянуть». В работе представлены словарные формы ФЕ, вариативные компоненты которых обозначены при помощи знака «/», а переменные элементы выражены местоимениями *someone* (кто-то), *someone's* (чей-то), *one's* (свой), *oneself* (себя).

Проблема моделирования семантики ФЕ остается одной из наиболее дискуссионных в современной лингвистике. Среди существующих подходов можно выделить структурно-семантическое моделирование [Мокиенко, 1980], фреймовое моделирование [Баранов и др., 2008; Алефиренко, 2008], метафорическое концептуальное моделирование [Зыкова, 2014; Kövecses, 2024].

Методологическую основу настоящего исследования составляет интегральный подход к описанию языковых явлений, разработанный с учетом специфики анализируемого материала и опирающийся на труды Е. В. Падучевой [Paducheva, 1998; Падучева, 2004]. Значение прототипа ФЕ (буквальное значение словосочетания, положенного в ее основу) и актуальное значение ФЕ рассматриваются как две деривационно связанные модели *ситуации* — прототипической и актуальной. Семантика ФЕ описывается

через толкования, в которых участники ситуации представлены переменными X, Y, Z. Имплицитно выраженные участники или компоненты толкования заключаются в круглые скобки: (X), (Y), (Z). Каждому из участников приписывается определенная семантическая роль.

Для описания механизма метафоризации используется понятие *семантического фокуса*, позволяющее установить, какие признаки актуализируются в ходе переноса. Такой подход представляется наиболее продуктивным для анализа глагольных ФЕ, вербализующих целые ситуации. Поскольку исследование носит комплексный характер, в работе применяется ряд общенаучных и лингвистических методов: описательный и интерпретационный методы, дефиниционный, компонентный, этимологический анализ, элементы контекстуального анализа, а также метод семантического толкования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семантические типы каузации в английских ФЕ с глаголами семантических полей «Толкать» и «Тянуть»

В результате анализа прототипических ситуаций, вербализуемых исследуемыми ФЕ, выделены следующие семантические типы каузации: прямая каузация, косвенная каузация, автокаузация, а также комбинированные типы. Данная типология опирается на классическую типологию каузативных отношений [Недялков и др., 1969], но развивает ее применительно к фразеологическому материалу, что позволяет описать специфику фразеологической репрезентации каузативных отношений с учетом структурно-семантической усложненности ФЕ.

Прямая каузация отражает ситуацию непосредственного физического воздействия каузатора на пациенса и лежит в основе ФЕ с глаголами обоих семантических полей «Толкать» и «Тянуть»: *push someone to the wall* (X силой перемещает Y к стене); *push the boat out* (X силой перемещает лодку из локуса); *haul / drag someone over the coals* (X перемещает Y по углям); *pull up stakes* (X перемещает колья вверх) и др.

Косвенная каузация подразумевает не прямое воздействие каузатора на пациенса. В рамках данного исследования она дифференцируется нами на два типа: инструментальную и опосредованную. При инструментальной каузации воздействие на пациенса осуществляется при помощи инструмента. Например, на уровне прототипической ситуации в основе ФЕ *pull strings* (X перемещает (Y) при помощи нитей) таким инструментом являются нити, с помощью которых кукловод управляет марионеткой [ODI, с. 230]. ФЕ *pull rank on someone* (X перемещает свой ранг на Y с целью демонстрации власти) восходит к военной сфере, где погоны высту-

пают символом высокого звания и служат инструментом воздействия на пациенса [Ammer, 1997, с. 839]. Во ФЕ *pull / yank someone's chains* (X перемещает цепи, которые принадлежат Y) каузатор воздействует на пациенса через прикрепленные к нему цепи [FDI]. Представляется, что в данной ФЕ реализуется синкретизм роли пациенса и инструмента: цепи, принадлежащие Y, являются как объектом воздействия, так и инструментом влияния на их обладателя.

При опосредованной каузации X воздействует на Y, вызывая в нем изменения, которые по кауальной цепи приводят к изменениям у Z, связанным с Y определенными отношениями. При этом Y выполняет роль пациенса прямого воздействия, а Z — пациенса косвенного воздействия. Последний, как правило, выражен метонимически — через партитивные номинации с телесной семантикой: ФЕ *pull the rug from under someone's feet / someone* (X перемещает ковер из-под ног (Z), (вследствие этого (Z) падает)); *pull the wool over someone's eyes* (X перемещает парик на глаза (Z), (вследствие этого (Z) теряет способность видеть)); *shove someone or something down someone's throat* (X перемещает Y в горло (Z), (вследствие этого (Z) вынужден проглотить Y)). Например, во ФЕ *pull the rug from under someone / someone's feet* (дословно: вытягивать ковер из-под чьих-то ног / из-под кого-то) пространственные отношения концептуализируются как причинно-следственные: в прототипической ситуации каузатор, изменяя положение ковра, влияет на пространственные условия косвенного пациенса (Z), что приводит к утрате им (Z) опоры и равновесия.

Автокаузация описывает ситуацию кореферентности каузатора и пациенса и обозначает воздействие субъекта на самого себя [Бондарко, 1991, с. 255]. Данный тип каузативных отношений репрезентирован преимущественно ФЕ с глаголами семантического поля «Тянуть», так как глаголы данного поля обладают потенцией к рефлексивности и маркируют направленность усилия в сторону каузатора, что создает основу для формирования автокаузативных значений. В рамках настоящего исследования выделены три типа автокаузации, различающиеся по способу выражения: рефлексивная, партитивная и посессивная.

Рефлексивная автокаузация реализуется во ФЕ *pull / haul oneself up by the / one's (own) bootstraps* (X перемещает себя вверх за ремешки своих сапог). В прототипической ситуации каузатор воздействует на себя, используя ремешки сапог в качестве инструмента. Формальным маркером рефлексивности в структуре данной ФЕ выступает возвратное местоимение *oneself* (себя), эксплицирующее тождество каузатора и пациенса.

Следующий тип, партитивная автокаузация, выражает воздействие на себя путем манипуляции собственным телом или его частью. Данный

тип автокаузации положен в основу следующих ФЕ, в состав которых входит соматический компонент: *drag one's heels / feet* (X перемещает себя за **пятки** / **ноги**); *pull one's finger out* (X перемещает свой **палец** из локуса); *draw / pull in one's horns* (X перемещает свои **рога** внутрь) и др.

Посессивная автокаузация подразумевает воздействие на себя посредством манипуляции над объектом, принадлежащим каузатору. Так, во ФЕ *pull one's socks up* (X перемещает свои носки вверх) на уровне прототипической ситуации таким предметом являются носки. Подтягивая их, каузатор, вероятно, стремится привести в порядок свой внешний вид.

Комбинированные типы включают каузативно-автокаузативные и каузативно-бенефактивные отношения. Так, во ФЕ *push something out of one's mind* (X перемещает Y из своего разума) прямая каузация сочетается с партитивной автокаузацией: изменяя положение объекта в собственном ментальном пространстве, каузатор одновременно вызывает изменение своего внутреннего состояния.

Сочетание каузации с бенефактивными отношениями отмечается в прототипической ситуации, положенной в основу ФЕ *pull someone's chestnuts out of the fire* (X перемещает каштаны (Y) из огня). Здесь каузатор совершает действие в интересах «закадрового» участника, наличие которого маркируется притяжательным местоимением *someone's* (чь-то).

3.2. Особенности формирования значения английских ФЕ с глаголами семантического поля «Толкать»

Рассматриваемые в разделе ФЕ характеризуются низкой репрезентативностью, что, вероятно, обусловлено однородностью толчковых движений и ограниченным диапазоном их вариаций. В языковом плане данное поле глаголов отличается высокой специализацией и входит в состав более обширного поля глаголов воздействия, акцентирующих признак приложения силы для осуществления действия.

Анализ семантики исследуемых ФЕ выявляет два основных механизма метафорического переноса — с сохранением семантики каузации и с ее утратой. В обоих случаях возможна деагентивация субъекта.

3.2.1. Метафоризация с сохранением семантики каузации

Сохранение семантики каузации при метафорическом переносе значения из физической в психосоциальную область наблюдается во ФЕ, описывающих интеллектуальное воздействие, социальные, а также эмоционально-поведенческие изменения, инициируемые внешними факторами. К их числу относятся следующие единицы: *shove someone or something down someone's throat* (X заставляет Y принять Z, которое Y оценивает как отрицательное); *thrust (someone or something) into the public eye* (X делает так, чтобы Y стал объектом всеобщего внимания); *push someone to the wall* (X

создает такие условия для Y, при которых Y лишается возможности действовать независимо); *push someone over the edge* (X вызывает у Y потерю самообладания). В ходе метафоризации в семантический фокус попадают признаки, связанные с глаголом и его актантами. В частности, актуализируются глагольные признаки, описывающие резкое силовое воздействие внешнего источника силы, которое сопоставляется с неожиданным и неволевым изменением состояния пациенса. В центре внимания также оказывается соотношение сил между участниками ситуации: неволеивность и отсутствие контроля со стороны пациенса противопоставляются признакам каузатора как более сильного участника.

Метафора расширяет тематический класс слов, занимающих позицию субъекта-каузатора. Поэтому в этой роли могут выступать события или происшествия, которые трактуются нами как квазикаузаторы, поскольку они лишены собственно агентивных признаков. В качестве иллюстрации приведем контекстуальные употребления некоторых ФЕ: *The huge success of his novel thrust him into the public eye* [FDI] (Огромный успех его романа сделал его объектом всеобщего внимания). *When people are under so much stress, a simple thing like their car breaking down can push them over the edge* [CD] (Когда люди испытывают сильный стресс, даже самое незначительное событие, такое как поломка автомобиля, может вывести их из себя) (здесь и далее перевод наш. — Д. III.). В описанных ситуациях квазикаузаторами выступают успех романа и поломка автомобиля соответственно. Данные примеры свидетельствуют о сохранении каузативной семантики при одновременной деагентивации субъекта.

Сложная природа взаимодействия участников в каузативной ситуации обуславливает сложный механизм метафоризации, который может совмещать действие нескольких метафор или проявляться поэтапно. Например, во ФЕ *push someone to the wall* (дословно: толкать кого-то к стене) метафора каузированного перемещения сочетается с метафорой физического препятствия, где стена концептуализирует состояние безысходности и отсутствия выбора. Во ФЕ *push someone over the edge* (дословно: толкать кого-то через край) метафора каузированного перемещения взаимодействует с метафорой границы: первая описывает изменение состояния или поведения под влиянием внешних факторов, а вторая передает утрату эмоциональной стабильности и несет отрицательную оценочность. Предполагается, что отрицательная оценка мотивирована негативным восприятием перехода в зону «чужого» пространства.

Поэтапная метафоризация предполагает постепенный переход от конкретных значений к абстрактным. Так, во ФЕ *shove someone or something down someone's throat* (дословно: заталкивать кого-то или что-то в чье-то

горло) сдвиг проходит от значения каузированного перемещения к каузации физиологического действия, а через нее — к интеллектуальному воздействию. Современное значение ФЕ мотивировано импликацией принудительного проглатывания объекта, отождествляемого с навязыванием чужих идей или взглядов [DAIPV, с. 603].

Особый интерес представляет ФЕ *push something out of one's mind* (дословно: выталкивать что-то из своего разума) (X заставляет себя не думать о Z, которое оценивается им как отрицательное). В данном примере при метафоризации прототипической ситуации затемняется каузативный компонент, но актуализируется автокаузативный. Метафора выталкивания объекта за границы «своего» ментального пространства концептуализирует актуальную ситуацию сознательного избавления от нежелательного содержания сознания. При этом негативная оценочность, связанная с выходом за пределы «своего» пространства, нейтрализуется, поскольку объект изначально кодируется как нежелательный.

3.2.2. Метафоризация с утратой семантики каузации

Утрата каузативного значения обусловлена семантикой прототипической ситуации и смещением фокуса на компоненты, непосредственно не связанные с каузацией. Такая трансформация характерна для ФЕ, описывающих деятельность, поведение или состояние человека. Рассмотрим ФЕ *push the envelope* и *push boundaries* (X сознательно совершает действие, выходящее за рамки допустимого или уже достигнутого в области Z). Метафорический перенос здесь основан на смещении фокуса на усилие, прилагаемое каузатором для преодоления сопротивления окружающей среды, что ведет к вероятному расширению зоны его контроля или возможностей. Кроме этого, препятствие в виде границы или предельных характеристик самолета, вербализуемых компонентами *boundaries* (границы) и *envelope* (здесь — граница области полетных режимов) соответственно, метафорически концептуализирует социальные нормы поведения, а их перемещение отождествляется с радикальными или новаторскими действиями субъекта.

При метафоризации прототипической ситуации, лежащей в основе ФЕ *push one's luck* (дословно: толкать свою удачу) (X прикладывает чрезмерные усилия для достижения цели, так что рискует потерять все, что приобрел), актуализируется импликация утраты контроля над ценным объектом: глагол *push* (толкать) предполагает дистанцирование объекта и его выход за пределы контроля каузатора. Подобное смещение фокуса, вероятно, обусловлено общей тенденцией к акцентуации отрицательных явлений: утрата положительно оцениваемого предмета воспринимается как негативное событие в отличие от обладания им или близости к нему (ср. *hold luck* (быть успешным), *bring luck* (приносить удачу)).

Утрата семантики каузации также наблюдается у ФЕ, в которых глагол и его актанты моделируют прототипическую конвенциональную ситуацию — устойчивый фрагмент действительности, связанный со стереотипными представлениями или моделями поведения, а также исторически сложившимися социальными практиками, осознаваемыми или не осознаваемыми носителями. В таких ФЕ наблюдается высокий уровень абстракции от значений компонентов, а прототипическая ситуация метафорически осмысливается во всей ее целостности. Следовательно, в фокус внимания попадают связанные с ней ассоциации и импликации. Так, например, во ФЕ *push the boat out* (дословно: выталкивать лодку наружу) (X тратит много денег на Y) прототипическая ситуация выталкивания лодки восходит к шумным расточительным празднованиям моряков перед отплытием [PDEI, с. 179]. Значение этой ФЕ формируется на основе положительных ассоциаций, связанных с торжественным мероприятием и с сопутствующими ему крупными финансовыми тратами.

Во ФЕ *be pushing up (the) daisies* (дословно: толкать вверх маргаритки) (X находится в мертвом состоянии) утрата каузативного компонента сочетается с деагентивацией. Прототипическая ситуация отражает образ умершего, который выталкивает маргаритки из земли [ED]. Глагол *push* в форме прогрессива моделирует процесс роста растений. Значение ФЕ культурно обусловлено и опирается на дихотомию статики и динамики, жизни и смерти: динамическое действие толчка проецируется на состояние субъекта, а смерть отождествляется с плодородием, так как разлагающееся тело удобряет почву, способствуя росту растений. Выбор маргариток в качестве объекта не случаен: слово *daisy* (маргаритка) восходит к древнеанглийскому *daeges ēage* (глаза дня), поскольку эти цветы раскрываются на рассвете и закрываются с наступлением ночи [Ibid.]. Ночь традиционно ассоциируется со смертью, что усиливает символическую связь маргариток с конечностью бытия.

3.3. Особенности формирования значения английских ФЕ с глаголами семантического поля «Тянуть»

ФЕ с глаголами семантического поля «Тянуть» количественно превосходят ФЕ с глаголами семантического поля «Толкать», что, вероятно, обусловлено сочетанием экстралингвистических и когнитивных факторов. С одной стороны, тяговое движение представляет собой одну из базовых форм физического труда и активности человека. С другой стороны, данный тип движения является одним из ключевых концептов картины мира, значимость которого определяется его дейктической направленностью к субъекту, что отражает антропоцентрический характер восприятия этого физического действия.

В ходе анализа ФЕ с глаголами семантического поля «Тянуть» выявлена тенденция к ослаблению семантики каузации вплоть до ее полной утраты в процессе метафоризации. Однако некоторые ФЕ все же демонстрируют сохранение каузативного компонента в ядерной или периферийной зоне своих значений.

3.3.1. Метафоризация с сохранением семантики каузации

Сохранение каузативного компонента в структуре значения ФЕ отмечается у ФЕ, описывающих деструктивные формы межличностного взаимодействия: *pull rank on someone* (X использует свое высокое положение и заставляет Y сделать то, что требует X); *drag someone through the dirt / mud / mire* (X распространяет о Y оскорбительные сведения и вызывает разрушение репутации Y); *pull the rug from under someone* (X внезапно лишает Y поддержки и создает неблагоприятные условия для Y); *pull the wool over someone's eyes* (X сообщает Y ложные сведения и заставляет его поверить в Z, которое не является правдой); *pull / yank someone's chain* (X вербально воздействует на Y и вызывает у Y негативную реакцию). В данных ФЕ акцент смещается на признаки неволитивности и отсутствия сопротивления пациенса действиям каузатора. В результате метафоризации каузация приобретает преимущественно косвенный характер.

Несмотря на общую тенденцию к сохранению каузативного компонента в структуре значения указанных ФЕ, лежащая в их основе метафора имеет разную мотивировку. Так, во ФЕ *pull rank on someone* (дословно: тянуть ранг на кого-то) перенос из военной сферы в сферу социальных взаимодействий основан на аналогии между использованием власти с целью принуждения и демонстрацией звания как символа высокого положения в военной иерархии, предполагающей беспрекословное подчинение.

Во ФЕ *drag someone through the dirt / mud / mire* (дословно: тащить кого-то через трясину / топь / болото) метафора базируется на потенциальном отрицательном следствии действия каузатора — физическом загрязнении пациенса. Фокусное выделение этого компонента обусловлено его отрицательной оценочностью и ассоциациями, возникающими при осмыслении грязи как символического пространства перемещения. Грязь символизирует унижение, утрату чести и противопоставлена чистоте как положительно маркированному явлению.

ФЕ *pull the wool over someone's eyes* (дословно: натягивать шерсть на чьи глаза) отсылает к традиции ношения париков [Ammer, 1997, с. 840]. Глагол и его актанты моделируют ситуацию смещения парика на глаза субъекта, что приводит к временной потере зрения. Синтетический перенос из визуальной в интеллектуальную сферу концептуализирует искаже-

ние восприятия действительности через обман, как бы лишаящий жертву возможности «увидеть истину».

В основе ФЕ *pull the rug from under someone's feet / someone* (дословно: вытягивать ковер из-под чьих-то ног / из-под кого-то) лежит метафора, отождествляющая потерю устойчивости вследствие утраты физической опоры с социальной или профессиональной дестабилизацией.

Метафора во ФЕ *pull / yank someone's chain* (дословно: тянуть / дергать кого-то за цепь) базируется на сопоставлении физического побуждения к действию посредством цепей с психологическим воздействием, направленным на изменение эмоционального состояния пациенса или восприятия им действительности.

3.3.2. Метафоризация с сохранением семантики каузации в имплицитной форме

Каузативный компонент может сохраняться на периферии семантической структуры значения ФЕ, в зоне имплицитных смыслов. В качестве примера рассмотрим ФЕ *pull strings* (дословно: тянуть за нити) (X тайно использует свое влияние на Y для достижения цели Z или с целью помочь Z). В фокус внимания попадает каузирующая ситуация, инициируемая инструментом воздействия при «закадровом» положении каузатора. Отсутствие видимого инициатора действия интерпретируется как манипулятивное секретное воздействие. Метафора косвенной инструментальной каузации концептуализирует опосредованное влияние, при котором субъект достигает определенной цели через третьих лиц. В семантике данной ФЕ также могут актуализироваться бенефактивные отношения, если каузатор действует в интересах другого участника. Проиллюстрируем это примером: *I may be able to pull a few strings if you need the document urgently* [CD]. (Я, возможно, смогу воспользоваться своими связями, если тебе срочно нужен документ). В данной ситуации субъект предполагает возможность использования личных связей для помощи другому участнику.

3.3.3. Метафоризация с утратой семантики каузации

Утрата каузативной семантики в результате метафоризации характерна для большинства ФЕ с глаголами семантического поля «Тянуть». Это связано главным образом с исходной семантикой автокаузации и конвенционализацией прототипической ситуации.

Взаимосвязь между утратой каузативного компонента и исходной семантикой автокаузации объясняется смещением семантического фокуса на каузатора как участника с совмещенной ролью. В процессе метафоризации актуализируются признаки самостоятельности и контролируемости действий каузатора-пациенса. Такая тенденция наблюдается в следующих ФЕ, описывающих деятельность и поведение человека: *pull one's finger out* (X

начинает активную деятельность после периода бездействия); *drag one's heels / feet* (X работает медленно по причине отсутствия желания); *draw / pull in one's horns* (X ведет себя более осмотрительно, особенно в вопросах денежных трат); *pull / tear one's hair out* (X испытывает отрицательные эмоции Y).

Общность утраты каузативного компонента в указанных ФЕ контрастирует с разнообразием их мотивационных оснований. Так, значение ФЕ *drag one's heels / feet* (дословно: тащить свои пятки / ноги) мотивировано семантикой глагола *drag* (тащить), описывающего медленное перемещение с усилием.

В формировании значения ФЕ *draw / pull in one's horns* (дословно: втягивать свои рога) участвует зооморфная метафора, отождествляющая защитный инстинкт улитки с осторожностью и осмотрительностью.

Значение ФЕ *pull one's finger out* (дословно: вытягивать свои пальцы) формируется через сочетание метафоры и метонимии. Прототипическая ситуация репрезентирует перемещение пальцев из локуса, что символизирует готовность субъекта к работе. При этом палец метонимически ассоциируется с рукой как инструментом труда.

Во ФЕ *pull / tear one's hair out* (дословно: вытягивать / рвать свои волосы) утрата каузативного компонента сочетается с деагентивацией: субъект выполняет неагентивную роль экспериенцера негативного переживания. Семантика причинности проявляется лишь при контекстуальном употреблении ФЕ, где квазикаузативом состояния выступает определенное событие, например: *When they still weren't home by midnight, I was pulling my hair out* [CD] (Когда к полуночи их все еще не было дома, я не находила себе места). В данном примере каузирующей ситуацией является длительное отсутствие участников, а каузируемой — тревожное состояние экспериенцера.

В случае ФЕ *pull / tear one's hair out* трудно определить, реализуется ли перенос через «чистую» метафору или через метафору, опосредованную метонимией. Мы трактуем данный случай как взаимодействие метафоры и метонимии «проявление эмоции → эмоция», поскольку наблюдается категориальный сдвиг от действия к состоянию, основанный на метонимических связях между конкретным телесно-экспрессивным движением и соответствующей эмоцией.

Во ФЕ, прототипы которых отражают конвенциональные ситуации, утрата каузативной семантики связана с моделирующей, а не смыслообразующей функцией глагола и его актантов. К числу таких единиц относятся ФЕ, описывающие деструктивную речевую деятельность: *haul someone on the carpet* (X дает отрицательную оценку действиям Y); *haul / drag some-*

one over the coals (X грубо и злобно высказывает неодобрение действиям Y, считая их неприемлемыми); *not pull any/one's punches* (X честно и прямолинейно выражает свое отношение к Y или его действиям, игнорируя возможное влияние своих слов на Y). Кроме того, к ним также относятся ФЕ, связанные с областью деятельности человека: *pull out all the stops* (X делает все возможное для успешного достижения цели); *pull a rabbit out of the hat* (X неожиданно находит решение сложной проблемы); *pull the trigger* (X принимает окончательное решение или начинает определенный курс действий).

ФЕ со значением деструктивной речевой деятельности основаны на единой модели переноса из физической сферы в вербальную, но различаются по мотивировке. Во ФЕ *haul someone on the carpet* (дословно: тащить кого-то на ковер) прототипическая ситуация прозрачна и связана с узнаваемым социальным сценарием вызова человека к начальнику для выговора. Именно эти ассоциации актуализируются при метафорическом переносе и мотивируют как значение ФЕ, так и ее отрицательную оценочность. Несмотря на выпадение каузативного компонента, данная ФЕ может использоваться в контекстах, в которых эксплицируются причинно-следственные отношения, например: *I was hauled over the coals for taking the day off yesterday. I won't do that again!* [PDEI] (Меня вызвали на ковер из-за того, что я вчера взял выходной. Этого больше не повторится!). В данном примере сообщается, что критика со стороны X повлияла на поведение Y таким образом, что Y решил не допускать подобных действий в будущем.

Прототипическая ситуация в основе ФЕ *haul / drag someone over the coals* (дословно: тащить кого-то по углям) восходит к средневековой попытке, когда еретика тащили по раскаленным углям [Ammer, 1997, с. 865]. При метафоризации актуализируются ассоциации, связанные с ересью как предосудительным поступком, а также импликация причинения телесного ущерба пациенту. Эти же признаки мотивируют отрицательную оценочность ФЕ.

ФЕ *not pull any / one's punches* (дословно: не оттягивать свои удары) генетически связана с боксом [PDEI, с. 250]. Прототипическая ситуация отражает телесную динамику удара, акцентируя признак отсутствия сдерживания при атаке. Как и в предыдущем примере, перенос из физической сферы в вербальную основан на семантике причинения ущерба: речевая агрессия уподобляется силовому воздействию.

ФЕ, вербализующие различные аспекты профессиональной деятельности, восходят к ситуациям из различных сфер активности человека. Например, ФЕ *pull out all the stops* (дословно: вытягивать все регистры) связана с музыкальной практикой игры на органе, когда органист выдвигал

все регистровые рукоятки для достижения максимальной громкости [ODI, с. 278]. Метафорический перенос из области музыки в сферу деятельности основан на сопоставлении использования всех возможностей инструмента с приложением максимальных усилий для достижения цели.

ФЕ *pull a rabbit out of the hat* (дословно: тянуть кролика из шляпы) восходит к известному магическому фокусу с появлением кролика из цилиндра [CCDI, с. 190]. Значение ФЕ формируется посредством метафоры, основанной на аналогии между внезапным появлением кролика из пустого пространства и неожиданным разрешением проблемы.

ФЕ *pull the trigger* (дословно: тянуть за спусковой крючок) отражает прототипическую ситуацию спуска курка при стрельбе. В ходе метафоризации актуализируется признак необратимости действия (выстрела), который служит основой для концептуализации актуальной ситуации конечного выбора действий.

Отдельную группу составляют ФЕ, в которых утрата каузативного компонента связана со смещением фокуса на источник перемещения. К ним относятся ФЕ *pull / pluck something out of the / thin air* (X говорит первое, что приходит ему в голову) и ФЕ *pull someone's chestnuts out of the fire* (X совершает опасное действие в интересах Y). Во ФЕ *pull / pluck something out of the / thin air* (дословно: тянуть что-то из тонкого воздуха) метафорический перенос мотивирован ассоциациями с воздухом как с пространством, не имеющим материального содержимого. Перемещение объекта из такого пространства концептуализирует ситуацию необдуманного вербального действия и отсутствия содержательности высказывания.

Во ФЕ *pull someone's chestnuts out of the fire* (дословно: тянуть чьи-то каштаны из огня) метафора базируется на синтезе бенефактивной семантики и ассоциативного комплекса, связывающего огонь с опасностью, физическим ущербом или гибелью.

4. Заключение = Conclusion

В результате исследования установлено, что прототипические ситуации английских ФЕ с глаголами семантических полей «Толкать» и «Тянуть» репрезентируют различные типы каузативных отношений, демонстрируя сложное взаимодействие между событиями и их участниками. Выявлено, что для прототипов ФЕ с глаголами семантического поля «Толкать» характерна относительная гомогенность каузативных отношений и преобладание прямой каузации, что может указывать на прототипический характер концептуализации причинно-следственных связей через толчковое движение. В то же время прототипы ФЕ с глаголами семантического поля «Тянуть» демонстрируют более широкий спектр каузативных отно-

шений, включая прямую и косвенную каузацию, а также автокаузацию. Эта специфика обусловлена практической и онтологической значимостью тягового движения, которое также выступает связующим звеном между категориями движения и инструментальности.

Наличие комбинированных (каузативно-автокаузативных и каузативно-бенефактивных) типов отношений подчеркивает ситуационный характер семантики исследуемых ФЕ и отражает сложность взаимодействий внутри каузативных ситуаций, в которых могут участвовать как явные, так и имплицитные участники.

Основным механизмом формирования значения исследуемых ФЕ является метафора. Метонимия проявляется преимущественно во взаимодействии с метафорой. Выявлено, что при метафорическом переносе каузативный компонент может занимать центральное место в семантической структуре значения ФЕ, смещаться на ее периферию или полностью утрачиваться. Сохранение каузативного компонента обусловлено фокусным выделением признаков каузирующего действия ('импульсивное', 'грубое', 'неволевитивное'), связанных с семантикой глагола, а также характером отношений между пациенсом и каузатором, противопоставленных по признаку волевитивности. Это объясняет большую устойчивость каузативного компонента у ФЕ с глаголами семантического поля «Толкать», значение которых детерминировано акцентуацией импульса толчка как признака, маркирующего причинность действия и подчеркивающего агентивность каузатора при неволевитивности пациенса.

Установлено, что основным направлением метафоризации является перенос из физической области в социальную. Метафора каузированного перемещения концептуализирует деструктивные социальные взаимодействия и изменения, независимые от воли человека. Такой перенос имеет и онтологическое обоснование: в обеих областях взаимодействие предполагает участие как минимум двух участников.

Утрата каузативного компонента определяется двумя основными факторами: исходной семантикой автокаузации или конвенционализацией прототипической ситуации. Последняя обладает высокой степенью абстракции и монолитностью семантической структуры, в связи с чем метафоризация проходит по линии признаков, связанных с прототипической ситуацией в целом. При этом глагол выполняет моделирующую функцию, и его роль в семантическом преобразовании оказывается второстепенной.

Утрата каузативного компонента характерна для большинства ФЕ с глаголами семантического поля «Тянуть» и связана с закономерным смещением фокуса в сторону каузатору при тяговом движении. Утрата семантики каузации отмечается во ФЕ, вербализующих деятельность и

поведение человека, поскольку в центре внимания оказывается активный участник, а не причинно-следственная связь.

Проведенный анализ позволяет заключить, что механизм метафоризации детерминирован спецификой семантики прототипической ситуации и реализуется через комплекс мотивирующих признаков, включающих ассоциации и семантические следствия с отрицательной оценочностью.

Перспективы дальнейшего исследования включают анализ трансформаций значения исследуемых ФЕ в условиях вариативности и их контекстуальной реализации на базе корпусных данных.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Ammer C. The American Heritage dictionary of idioms / C. Ammer. — Boston : Houghton Mifflin Company, 1997. — 480 p.
2. CD — *Cambridge Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 25.08.2025).
3. CCDI — *Collins Cobuild Dictionary of Idioms*. — London : Harper Collins Publishers, 1995. — 513 p.
4. ED — *Online Etymology Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.etymonline.com/> (accessed 25.08.2025).
5. FDI — *Farlex Dictionary of Idioms* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed 25.08.2025).
6. DAIPV — *Spears R. A. McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs* / R. A. Spears. — New York : The McGraw-Hill Companies, Inc., 2005. — 1080 p.
7. LDCE — *Longman Dictionary of Contemporary English* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 25.08.2025).
8. MW — *Merriam Webster Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 25.08.2025).
9. ODI — *Siefring J. Oxford Dictionary of Idioms* / J. Siefring. — New York : Oxford University Press, 2004. — 352 p.
10. OALD — *Oxford Advanced Learner's Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 25.08.2025).
11. PDEI — *Gulland, D. M. The Penguin Dictionary of English Idioms* / D. M. Gulland, D. G. Hinds Howell. — New York : Penguin Putnam Inc., 1994. — 304 p.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. — Москва : Элпис, 2008. — 271 с. — ISBN 978-5-902872-16-0.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Издательство РАН, 1995. — Т. 2. — 767 с. — ISBN 5-88766-045-7.
3. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. — 2003. — № 2. — С. 73—94.

4. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Знак, 2008. — 656 с. — ISBN 5-9551-0235-3.
5. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / А. В. Бондарко. — Санкт-Петербург : Наука, 1991. — 371 с. — ISBN 5-02-028006-2.
6. Всеволодова М. В. Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Т. А. Яценко. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 208 с. — ISBN 978-5-382-00612-3.
7. Дадуева Е. А. Каузативные конструкции в бурятском языке: функционально-семантический и лингвокогнитивный аспекты : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.02 / Е. А. Дадуева. — Москва, 2022. — 335 с.
8. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / И. В. Зыкова. — Москва, 2014. — 510 с.
9. Каримова Л. Н. Когнитивные механизмы изменения значения глагола в составе английских фразеологических единиц : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Л. Н. Каримова. — Уфа, 2017. — 178 с.
10. Колесникова О. В. Национально-культурные особенности репрезентации каузальной семантики фразеологическими средствами русского языка / О. В. Колесникова // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 22—34. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-22-34.
11. Максапетян К. Г. Функционально-семантический анализ конструкций со значением «каузация состояния» в современном русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / К. Г. Максапетян. — Москва, 1984. — 188 с.
12. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. — Москва : Высшая школа, 1980. — 207 с.
13. Недялков В. П. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. — Ленинград : Наука, 1969. — 311 с.
14. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 608 с. — ISBN 5-94457-161-6.
15. Резникова Т. И. Нестандартные семантические переходы в типологической перспективе : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.20 / Т. И. Резникова. — Москва, 2023. — 334 с.
16. Русецкая Н. Н. Когнитивный анализ английских глагольных фразеологических единиц : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. Н. Русецкая. — Санкт-Петербург, 2007. — 166 с.
17. Сымолов М. Г. Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. Г. Сымолов. — Чебоксары, 2005. — 199 с.
18. Храковский В. С. Опыт сопоставительного анализа причинных и каузативных конструкций / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. — 2021. — № 5. — С. 7—25. — DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.7-25.
19. Benz A. A conceptual analysis of verbs of pushing and pulling / A. Benz, T. Soltad, O. Bott, M. Kahnberg, A. C. Schalley // Experiments in Linguistic Meaning (ELM). — 2025. — Vol. 3. — Pp. 43—52. — DOI: 10.3765/elm.3.5829.
20. Bjelogrić A. Pulling (Closer) and Pushing (Away) : Verbs Expressing Attraction and Repulsion in English / A. Bjelogrić // Belgrade English Language and Literature Studies. — 2016. — Vol. 8. — Pp. 51—67. — DOI: 10.18485/bells.2016.8.3.

21. Comrie B. Causatives and universal grammar / B. Comrie // Transactions of the Philological Society. — 2008. — Vol. 73. — № 1. — Pp. 1—32. — DOI: 10.1111/j.1467-968X.1974.tb01155.x.

22. Kövecses Z. Metaphorical Idioms in Extended Conceptual Metaphor Theory / Z. Kövecses // Yearbook of Phraseology. — 2024. — № 15 (1). — Pp. 101—118. — DOI: 10.1515/phras-2024-0006.

23. Levin B. English Verb Classes and Alternations : A Preliminary Investigation / B. Levin. — Chicago : The University of Chicago Press, 1993. — 348 p. — ISBN 0-226-47533-6.

24. Margetts A. Caused Accompanied Motion : Bringing and taking events in a cross-linguistic perspective / A. Margetts, S. Riesberg, B. Hellwig. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2022. — 437 p. — ISBN 978-90-272-5786-4.

25. Paducheva E. V. Thematic roles and the quest for semantic invariants of lexical derivation / E. V. Paducheva // Folia linguistica. — 1998. — Vol. 31. — № 3—4. — Pp. 349—363. — DOI: 10.1515/flin.1998.32.3-4.349.

26. Pederson E. Approaches to Motion Event Typology / E. Pederson // The Cambridge Handbook of Linguistic Typology. — Cambridge : Cambridge University Press, 2017. — Pp. 574—598. — ISBN 978-1-107-09195-5.

27. Shibatani M. The grammar of causative constructions / M. Shibatani. — New York : Academic Press, 1976. — 487 p. — ISBN 978-90-04-36854-5.

28. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Concept Structuring Systems / L. Talmy. — Cambridge, MA : MIT Press, 2000. — Vol. 1. — 558 p. — ISBN 978-0-262-28466-0.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025,
одобрена после рецензирования 14.04.2026,
подготовлена к публикации 05.05.2026.

Material resources

Ammer, C. (1997). *The American Heritage dictionary of idioms*. Boston: Houghton Mifflin Company. 480 p.

CCDI — *Collins Cobuild Dictionary of Idioms*. (1995). London: Harper Collins Publishers. 513 p.

CD — *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 25.08.2025).

DAIPV — Spears, R. A. (2005). *McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs*. New York: The McGraw-Hill Companies, Inc. 1080 p.

ED — *Online Etymology Dictionary*. Available at: <https://www.etymonline.com/> (accessed 25.08.2025).

FDI — *Farlex Dictionary of Idioms*. Available at: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed 25.08.2025).

LDCE — *Longman Dictionary of Contemporary English*. Available at: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 25.08.2025).

MW — *Merriam Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 25.08.2025).

OALD — *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 25.08.2025).

ODI — Siefiring, J. (2004). *Oxford Dictionary of Idioms*. New York: Oxford University Press. 352 p.

PDEI — Gulland, D. M., Hinds Howell, D. G. (1994). *The Penguin Dictionary of English Idioms*. New York: Penguin Putnam Inc. 304 p.

References

- Alefirenko, N. F. (2008). *Phraseology in the light of modern linguistic paradigms*. Moscow: Elpis. 271 p. ISBN 978-5-902872-16-0. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected works. Integral description of language and system lexicography*, 2. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 767 p. ISBN 5-88766-045-7. (In Russ.).
- Baranov, A. N. (2003). On the types of compatibility of metaphorical models. *Questions of Linguistics*, 2: 73—94. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. (2008). *Aspects of the theory of phraseology*. Moscow: Znak Publ. 656 p. ISBN 5-9551-0235-3. (In Russ.).
- Benz, A., Solstad, T., Bott, O., Kahnberg, M., Schalley, A. C. (2025). A conceptual analysis of verbs of pushing and pulling. *Experiments in Linguistic Meaning (ELM)*, 3: 43—52. DOI: 10.3765/elm.3.5829.
- Bjelogrić, A. (2016). Pulling (Closer) and Pushing (Away): Verbs Expressing Attraction and Repulsion in English. *Belgrade English Language and Literature Studies*, 8: 51—67. DOI: 10.18485/bells.2016.8.3.
- Bondarko, A. V. (1991). *Theory of functional grammar. Personality. Collateral*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 371 p. ISBN 5-02-028006-2. (In Russ.).
- Comrie, B. (2008). Causatives and universal grammar. *Transactions of the Philological Society*, 73 (1): 1—32. DOI: 10.1111/j.1467-968X.1974.tb01155.x.
- Dadueva, E. A. (2022). *Causative constructions in the Buryat language: functional, semantic and linguocognitive aspects*. Doct. Diss. Moscow. 335 p. (In Russ.).
- Karimova, L. N. (2017). *Cognitive mechanisms of verb meaning change in English phraseological units*. PhD Diss. Ufa. 178 p. (In Russ.).
- Khrakovsky, V. S. (2021). Experience of comparative analysis of causal and causative constructions. *Questions of linguistics*, 5: 7—25. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.7-25. (In Russ.).
- Kolesnikova, O. V. (2018). National-Cultural Features of Causal Semantics Representation by Phraseological Means of Russian Language. *Nauchnyy dialog*, 1: 22—34. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-22-34. (In Russ.).
- Kövecses, Z. (2024). Metaphorical Idioms in Extended Conceptual Metaphor Theory. *Yearbook of Phraseology*, 15 (1): 101—118. DOI: 10.1515/phras-2024-0006.
- Levin, B. (1993). *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. Chicago: The University of Chicago Press. 348 p. ISBN 0-226-47533-6.
- Maksapetyan, K. G. (1984). *Functional and semantic analysis of constructions with the meaning of “causation of state” in modern Russian*. PhD Diss. Moscow. 188 p. (In Russ.).
- Margetts, A., Riesberg, S., Hellwig, B. (2022). *Caused Accompanied Motion: Bringing and taking events in a cross-linguistic perspective*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 437 p. ISBN 978-90-272-5786-4.
- Mokienko, V. M. (1980). *Slavic phraseology*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 207 p. (In Russ.).
- Nedyalkov, V. P., Silnitsky, G. G. (1969). *Typology of causative constructions. Morphological causative*. Leningrad: Nauka Publ. 311 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1998). Thematic roles and the quest for semantic invariants of lexical derivation. *Folia linguistica*, 31 (3—4): 349—363. DOI: 10.1515/flin.1998.32.3-4.349.

- Paducheva, E. V. (2004). *Dynamic models in the semantics of vocabulary*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 608 p. ISBN 5-94457-161-6. (In Russ.).
- Pederson, E. (2017). Approaches to Motion Event Typology. In: *The Cambridge Handbook of Linguistic Typology*. Cambridge: Cambridge University Press. 574—598. ISBN 978-1-107-09195-5.
- Reznikova, T. I. (2023). *Non-standard semantic transitions in a typological perspective*. Doct. Diss. Moscow. 334 p. (In Russ.).
- Rusetskaya, N. N. (2007). *Cognitive analysis of English verbal phraseological units*. PhD Diss. St. Petersburg. 166 p. (In Russ.).
- Shibatani, M. (1976). *The grammar of causative constructions*. New York: Academic Press. 487 p. ISBN 978-90-04-36854-5.
- Symolov, M. G. (2005). *Ways of expressing causative relations in differently structured languages*. PhD Diss. Cheboksary. 199 p. (In Russ.).
- Talmy, L. (2000). *Toward a Cognitive Semantics. Concept Structuring Systems, 1*. Cambridge, MA: MIT Press. 558 p. ISBN 978-0-262-28466-0.
- Vsevolodova, M. V., Yashchenko, T. A. (2008). *Cause-and-effect relations in modern Russian*. Moscow: LKI Publishing House. 208 p. ISBN 978-5-382-00612-3. (In Russ.).
- Zykova, I. V. (2014). *The role of the conceptual sphere of culture in the formation of phraseological units as cultural and linguistic signs*. Doct. Diss. Moscow. 510 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.12.2025;
approved after reviewing 14.04.2026;
accepted for publication 05.05.2026.*

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА COMMUNICATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

.....

Александр Эдуардович Буженинов, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Дияна Петкова, PhD (София, Болгария)
Ли Тяньин, аспирант (Екатеринбург)

Информация для цитирования:

Буженинов А. Э. Лингвокультурный типаж «Филолог» в русских и китайских креолизированных текстах / А. Э. Буженинов, Ли Тяньин // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 241—259. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-241-259.

Buzheninov, A. E., Li Tianying. (2026). Linguocultural Type “Philologist” in Russian and Chinese Creolized Texts. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 241-259. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-241-259. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лингвокультурный типаж «Филолог» в русских и китайских креолизированных текстах

Буженинов Александр Эдуардович ¹

orcid.org/0000-0003-0116-6355

кандидат филологических наук, доцент
кафедры Иностранных языков
и межкультурных коммуникаций,
корреспондирующий автор
alexandrebougeninov@mail.ru

Ли Тяньин ²

orcid.org/0000-0002-5854-791X

аспирант кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации
на иностранных языках
980562198@qq.com

¹ Уральский государственный
университет путей сообщения
(Россия, Екатеринбург)

² Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Linguocultural Type “Philologist” in Russian and Chinese Creolized Texts

Alexander E. Buzheninov ¹

orcid.org/0000-0003-0116-6355

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
and Intercultural Communications,
corresponding author
alexandrebougeninov@mail.ru

Li Tianying ²

orcid.org/0000-0002-5854-791X

Postgraduate student, Department
of Linguistics and Professional
Communication in Foreign Languages
980562198@qq.com

¹ Ural State University
of Railway Transport
(Yekaterinburg, Russia)

² Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляются универсальные и этноспецифические образные и оценочные конститутивные признаки лингвокультурного типажа «Филолог» в русской и китайской лингвокультурах. Проанализированы креолизованные тексты, бытующие в Интернет-пространстве и репрезентирующие филолога как профессиональную типизируемую личность. Анализ показал значительные расхождения в репрезентации образа филолога в исследуемых лингвокультурах. Выяснено, что образный признак «внешний вид» в силу иконичности креолизованного текста является единственной универсальной характеристикой филолога. Отмечается, что русский филолог характеризуется преимущественно с позиций его речевых особенностей (владения грамотной речью и стремления прививать ее окружающим), а китайский филолог — с точки зрения его моральных и профессиональных качеств. Этноспецифичен также оценочный компонент креолизованных текстов. Выявлено, что филолог в китайской лингвокультуре предстает ответственным и мудрым человеком (в исключительно положительном свете), а российский филолог характеризуется аксиологической амбивалентностью: оценивается позитивно только с точки зрения самопрезентации как специалист, владеющий редкими и трудными для усвоения навыками. Предполагается, что негативная оценка связана с педантичностью филолога, его нетерпимостью к речевым ошибкам окружающих, а также с неактуальностью профессии филолога в настоящее время.

Ключевые слова:

лингвокультурный типаж; креолизованный текст; поликодовый текст; образный признак; лингвокультурология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper explores the universal and ethnically specific figurative and evaluative constitutive features of the linguocultural type “Philologist” in Russian and Chinese linguocultures. The analysis focuses on creolized texts circulating in the Internet space that represent the philologist as a professional, typified personality. The findings reveal significant discrepancies in the representation of the philologist’s image across the two linguocultures under study. It has been established that the figurative feature of “appearance,” due to the iconic nature of creolized texts, is the only universal characteristic of the philologist. The study observes that the Russian philologist is predominantly characterized through his or her speech peculiarities, such as mastery of standard language and a desire to instill linguistic correctness in others. In contrast, the Chinese philologist is portrayed primarily in terms of moral and professional qualities. The evaluative component of the creolized texts is also ethnically specific: in Chinese linguoculture, the philologist is depicted as a responsible and wise individual, consistently in a highly positive light, whereas the Russian philologist is characterized by axiological ambivalence—being positively assessed only in terms of self-presentation as a specialist with rare and difficult-to-acquire skills. It is suggested that negative evaluations may stem from the philologist’s pedantry, intolerance of others’ speech errors, and the perceived obsolescence of the profession in contemporary society.

Key words:

linguocultural type; creolized text; multimodal text; figurative feature; linguoculturology.

УДК 811.111'37:004.032.6+811.581:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-241-259

Научная специальность ВАК

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Лингвокультурный типаж «Филолог» в русских и китайских креолизованных текстах

© Буженинов А. Э., Ли Тяньин, 2026

1. Введение = Introduction

Одним из ключевых понятий современной антропологической лингвистики в аспекте изучения языковой личности является понятие лингвокультурного типажа (далее — ЛКТ). Теория ЛКТ активно разрабатывается учеными Волгоградской школы В. И. Карасика. Под ЛКТ понимается «типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик, 2002, с. 310]. Таким образом, теория ЛКТ занимается моделированием и описанием концептов типизируемой личности как культуросного и культуросного компонента языковой и концептуальной картин мира, а также ценностной картины мира как совокупности высших норм, определяющих поведение личности в той или иной лингвокультуре.

К настоящему времени описано более ста ЛКТ как представителей различных лингвокультур: русский интеллигент, английский сноб, светский парижанин, звезда Голливуда, юродивый, чиновник и др. Однако данные исследования проводятся в основном на материале данных опроса информантов-представителей различных лингвокультур и текстовых фрагментов различных типов дискурса. Исследования ЛКТ на материале креолизованных текстов немногочисленны [Шустрова и др., 2016; Кузина, 2023]. Между тем креолизованный текст — значимая часть современных каналов информации; его содержание зачастую является существенным индикатором коллективных представлений об ЛКТ как представителе лингвокультуры.

Теоретическая ценность исследования ЛКТ с учетом сопоставительного аспекта обуславливается необходимостью выявления уникальных и универсальных характеристик различных представителей соответствующих лингвокультурных общностей, то есть познания специфики национально-культурного мировидения.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предметом лингвокультурологического описания становится профессиональный типаж «Филолог» в сопоставительном аспекте на материале креолизованных текстов, бытующих в интернет-пространстве.

Актуальность настоящей работы предопределена активным развитием антропоцентрического подхода в лингвистике в целом и, в частности, необходимостью выявления универсальных и уникальных, этноспецифических характеристик различных типизируемых личностей, в том числе профессионального ЛКТ «филолог». Немаловажным и целесообразным представляется сопоставительный анализ исследуемого типажа в русской и китайской лингвокультурах в силу все возрастающих тесных связей между двумя странами в различных сферах, в том числе в науке и образовании. Креолизованные тексты, репрезентирующие образ лингвокультурного типажа «Филолог», отражают общественное мнение и представления о филологе как профессиональном деятеле в рамках рассматриваемых лингвокультур. Поэтому исследование особенностей менталитета, речевого поведения и иных характеристик филолога как типажа в перспективе позволит оптимизировать межкультурную коммуникацию представителей китайской и русской лингвокультур.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью настоящей статьи стало выявление универсальных и этноспецифических перцептивно-образных и оценочных характеристик профессионального ЛКТ «Филолог» в сопоставительном аспекте на материале русских и китайских креолизованных текстов.

Методологической базой настоящего исследования послужили работы по моделированию и описанию ЛКТ [Ярмахова, 2005; Дмитриева, 2007; Карасик, 2009; Мурзинова, 2009; Лутовинова, 2017; Чжан Цзин, 2022; Дубровская, 2023; Бोगоявленская и др., 2024; Ма Лия, 2024] и др., а также труды, посвященные исследованию креолизованных текстов [Ворошилова, 2013; Громова, 2013; Карташова и др., 2019; Пищерская, 2023; Кузина, 2023; Плотникова и др., 2025] и др.

Междисциплинарность анализа обеспечивается методикой комплексного исследования вербальной и визуальной составляющих креолизованных текстов для выявления концептуальной составляющей, что требует обращения к принципам семиотики, культурологической интерпретации и лингвокультурологии.

Под *креолизованным текстом* мы понимаем поликодовый текст, объединяющий визуальные и вербальные элементы, при этом под *поликодовостью* понимается «сочетание знаков различных семиотических систем»

[Ворошилова, 2013, с. 18]. На пересечении этих знаковых систем (вербальной и графической) посредством ассоциаций, культурных кодов и символов и создаются значения объекта для той или иной лингвокультуры. Обзор современных исследований креолизованных (и, шире, поликодовых) текстов [Ворошилова, 2013; Громова, 2013; Пищерская, 2023; Плотникова, Суслов, 2025; Davidson, 2009; Smith et al., 2022] позволяет выделить ряд их специфических черт:

- креолизованный текст имеет более сложную структуру (включает вербальную и невербальную (аудиальную, графическую) части);
- имеет более высокий коммуникативный потенциал, способен более эффективно передать заложенную информацию во времени и пространстве;
- зачастую имеет сатирическую направленность;
- часто отсылает к прецедентным феноменам той или иной культуры;
- во многом является визуальной (графической) метафорой.

Как указывает Р. Барт, «неязыковые объекты становятся по-настоящему значащими лишь постольку, поскольку они дублируются или ретранслируются языком» [Барт, 1975, с. 114]. Поэтому семиотический подход к креолизованному тексту как поликодовому образованию дополняется инструментарием лингвокультурологии в аспекте изучения концептуальной составляющей креолизованного текста: лингвокультурный типаж в первую очередь культурноспецифичная разновидность концепта, абстрактно-ментальная единица лингвокультурного моделирования национального менталитета, продуцирующего стереотипы, в том числе образ типичного представителя того или иного общества. Поэтому в нашем исследовании анализируются языковые средства (вербальная составляющая креолизованного текста) и изображения, символы, цвета и иные визуальные элементы (графическая составляющая) как инструменты объективации концепта — лингвокультурного типажа.

В работе применяется синтез структурно-системного и функционального подходов к исследованию ЛКТ «Филолог» в креолизованном тексте: выделяются и описываются вербальный и невербальный элементы креолизованного текста (лексические, стилистические, графические, иконические знаки), служащие для реализации той или иной функции креолизованного текста (эмотивной, экспрессивной, информативной, комической и др.).

В качестве материала использовались креолизованные тексты (мемы, комиксы, демотиваторы), находящиеся в свободном доступе на сервисах Yandex (95 изображений) и Baidu (64 изображения) по запросу: филолог / 语文学家.

Исследования ЛКТ на материале креолизированных текстов проводятся учеными Уральского школы политической лингвистики, анализирующими образы президентов США как репрезентанты того или иного ЛКТ. Так, в работе [Кузина, 2023] на материале политических карикатур рассмотрена личность Дональда Трампа, выявлены его негативные репрезентации как представителя ЛКТ «чудак», исследованного также в работе [Ярмахова, 2005]. На основе базового признака данного ЛКТ — «странность» — формируется негативный образ Д. Трампа как чудака: сумасбродного, эксцентричного человека.

В монографии [Шустрова и др., 2016] представлены ЛКТ афроамериканца, дикаря и обманщика как составляющие образа президента Б. Обамы. Исследователь отмечает, что ЛКТ супергероя в американских карикатурах использовался исключительно в пародийном ключе для усиления негативных оценок персонажа [Там же, с. 182—219]. Однако данные работы посвящены восприятию конкретных персоналий (американских президентов) с точки зрения их принадлежности к тому или иному ЛКТ, тогда как в фокусе нашего исследования находится обобщенный образ профессиональной личности филолога, репрезентируемый в креолизированных текстах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Креолизованные тексты, репрезентирующие образ того или иного ЛКТ, в первую очередь отражают перцептивно-образные и ценностные его характеристики, культурно специфичные для данного лингвокультурного сообщества.

Предложенный О. А. Дмитриевой [Дмитриева, 2007] алгоритм моделирования ЛКТ составляет так называемый паспорт ЛКТ, включающий следующие его перцептивно-образные характеристики: 1) внешний облик, 2) характер жилища, 3) семейное положение, 4) сфера деятельности, 5) досуг, 6) окружение, 7) речевые особенности.

Рассмотрим последовательно конститутивные признаки ЛКТ «филолог», репрезентированные в русских и китайских креолизированных текстах.

3.1. Конститутивные признаки ЛКТ «Филолог», репрезентированные в русских креолизированных текстах

Анализ фактического материала показал, что профилируемыми перцептивно-образными характеристиками ЛКТ «Филолог» в креолизированных текстах в русском интернет-пространстве являются прежде всего признаки внешнего вида типажа и его речевых особенностей.

Гендерный признак не является релевантным, мужчины и женщины-филологи фигурируют в креолизированных текстах в равной степени. С точки зрения внешности значительное количество изображений филологов

демонстрирует в качестве обязательного аксессуара филолога очки (35,7 % от общего числа изображений), а неременным атрибутом становится книга (45 %), например, рис. 1, 2, 3.

Рис. 1. Мем «Женщина-филолог»

Fig. 1. Meme «Woman-philologist»

Я - ФИЛОЛОГ

И ГОРЖУСЬ ЭТИМ!

Рис. 2. Мем «С днем филолога!»

Fig. 2. Meme «Happy philologist's day!»

Я - ФИЛОЛОГ

И ГОРЖУСЬ ЭТИМ!

Рис. 3. Мем «С днем филолога!»

Fig. 3. Meme «Happy philologist's day!»

Любопытен в связи с этим рис. 3, на котором изображение филолога условно, схематично, представлено в виде человечка, лишенного каких бы то ни было опознавательных признаков, кроме очков и книг, что еще больше подчеркивает типичность этих аксессуаров в репрезентации внешнего вида филолога.

Рис. 2 и 3 показывают также оценочную составляющую ЛКТ «Филолог». В данном случае это позитивная самопрезентация филолога (гордость своей профессией). На рис. 2. показана некая элитарность профессии филолога, ее высокий социальный статус, что помимо соответствующей надписи выражено и в вестиментарном коде: персонаж облачен в классический костюм, а также носит типичные для аристократа монокль и ци-

линдра (обе картинки посвящены профессиональному празднику филолога, отмечаемому 25 мая).

Еще один аспект позитивной самопрезентации заключается в возвышении профессиональных навыков и знаний филолога в сравнении с другими занятиями. Автор следующего мема (рис. 4) обращается к прецедентному феномену русской культуры — сказочному Змею Горынычу (также имеющему книгу и носящему очки), разговаривающему с рыцарем, который, по сюжету, пришел с ним сражаться. Назидательная реплика Змея, обладающего ценным навыком, а именно — знанием трех иностранных языков, подчеркивает его более высокий статус, более сложные умения, чем те, которыми обладает рыцарь, «филологически неподкованный», — управляться с оружием (обыгрывается полисемия глагола *владеть*, сочетающегося в русском языке с обоими существительными: *оружием* и *языками*).

Рис. 4. Мем «Змей Горыныч филолог»

Fig. 4. Meme «Zmey Gorynych the philologist»

Одной из важнейших характеристик филолога как профессионального деятеля являются его речевые особенности. Соответствующие креолизованные тексты высвечивают такую основную черту образа, как грамотная речь. В большинстве случаев это репрезентируется через элементы визуального оформления, подчеркивающие тонкую чувствительность филолога и его отношение к различным речевым ошибкам окружающих либо некоторым несовершенствам языковой системы. Зачастую подобная характеристика считается позитивной: владение грамотной речью постулируется как добродетель.

На рис. 5 вновь изображен изысканно одетый филолог, с повязанным вокруг шеи шарфом, с подчеркнuto тонкими аристократическими пальца-

Рис. 5. Мем «Недовольный филолог»

Fig. 5. Meme «Dissatisfied philologist»

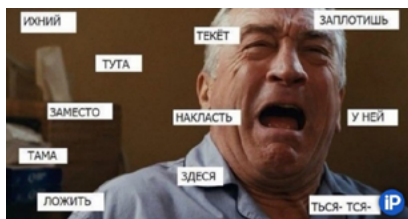

Рис. 6. Мем «Истерика филолога»

Fig. 6. Meme «Philologist's hysteria»

ми, выражающий недовольство из-за неправильного с логической точки зрения фразеологизма *выть белугой*: белуга, будучи рыбой, неспособна в принципе издавать звуки, тогда как похожее по звучанию название *белуха* относится к полярному млекопитающему, известному громкими криками.

Рис. 6 содержит в качестве вербальной составляющей название типичных неправильно произносимых или построенных языковых единиц, визуальная же часть показывает мужчину (филолога в данном контексте), которого эти неправильные формы в речи окружающих доводят до истерики. Данный мем опирается на прецедентный феномен из мира кино — сцену с плачущим персонажем, которого играет Роберт де Ниро в фильме «Все путем».

Однако перцептивно-образный признак «речевые особенности» показывается в креолизованных текстах и с негативной оценочностью. Так, обладание грамотной речью и профессиональная любовь к ней делают филолога зачастую излишне педантичным. Это приводит к тому, что филолог стремится обязательно поправить собеседника, указать ему на его оплошность, что нарушает императивы коммуникации. Комический эффект ЛКТ возникает при изображении этой черты филолога в гипертрофированном виде: филолог стремится поправить неграмотно выражающегося человека даже в самых неподходящих для того ситуациях.

На рис. 7 представлен комикс, основанный на прецедентном феномене — американском фильме-слэшере «Пятница, 13» о кровавом маньяке-убийце Джейсоне Вурхизе. В данном контексте ему удастся найти свою жертву, продемонстрировав тонкое знание психологии филолога: широко известная неправильная форма глагола **ложить* заставляет филолога исправить ее на правильную и тем самым провоцирует его выдать себя. По-

Рис. 7. Мем «Маньяк и жертва»
Fig. 7. Meme «Maniac and victim»

Рис. 8. Мем «Ограбление»
Fig. 8. Meme «Robbery»

добная ситуация изображена на рис. 8, где продемонстрирована коммуникативная неудача: стандартная фраза грабителя «Стоять! Это ограбление!» понята филологом исключительно в грамматическом аспекте — как неверно построенная дефиниция (**Стоять* — *это...*).

Необходимо отметить, что использование прецедентных феноменов, отсылающих к произведениям киноискусства, для построения карикатуры или мема чрезвычайно продуктивно. Еще один пример представлен на рис. 9, где кадр из классического хоррора «Сияние» по мотивам романа Стивена Kinga в сочетании с вербальным компонентом — грубейшими речевыми ошибками — представляют филолога как жертву, а неграмотно выражающиеся люди изображаются маньяком, орудующим топором. Использование в речи ошибок символически становится актом насилия над филологом.

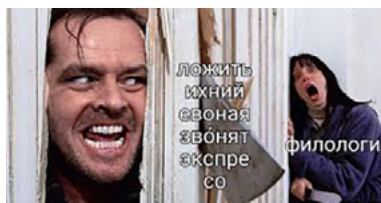

Рис. 9. Мем «Маньяк с топором и жертва»
Fig. 9. Meme «Maniac with an axe and victim»

Таким образом, гипертрофированная увлеченность грамотной речью негативно характеризует филологов: они часто бывают занудны, стремятся поправить собеседника так, что это ему неприятно, а порой и неуместно.

Еще один аспект негативной оценочности ЛКТ «Филолог» в русской лингвокультуре связан с оценкой самой профессии филолога (и, как следствие, филологического образования) как бесполезной и социально нестатусной.

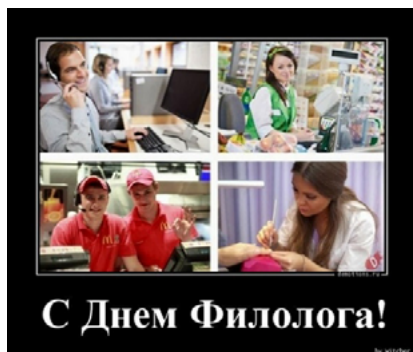

Рис. 10. Демотиватор «С днем филолога!»

Fig. 10. Demotivator
«Happy philologist's day!»

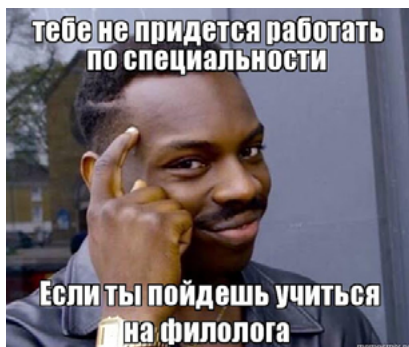

Рис. 11. Мем «Мужчина рассуждает о ненужности филологов»

Fig. 11. Meme «A man discusses the uselessness of philologists»

Креолизованных текстов подобного рода довольно много (22 % от общего количества изображений): суть их сводится к негативной характеристике профессии филолога как специалиста, вынужденного заниматься другими рабочими обязанностями, в первую очередь квалифицируемыми в обществе как низкостатусные, обладающие высокой конкуренцией (и, как следствие, низкооплачиваемыми). На рис. 10 ироничное поздравление с днем филолога контрастно сочетается с коллажем из подобных профессий: работник колл-центра, кассир в продуктовом магазине, специалист ногтевого сервиса и работник заведения быстрого питания. Иронический подтекст заключается в том, что все эти профессии не требуют специальных навыков и того усердного обучения, которое проходит будущий филолог.

Рис. 11 демонстрирует популярный мем с персонажем, который многозначительно улыбается и жестом призывает догадаться о чем-то, постулируемом как очевидность. В данном случае это фраза: «Тебе не придется работать по специальности, если ты пойдешь учиться на филолога». Вновь иронично обыгрывается ситуация на современном рынке труда, где профессия филолога настолько непопулярна, что будущий филолог должен готовить себя к ситуации невостребованности. В сочетании с визуальным компонентом данный посыл приобретает саркастические коннотации.

Ту же идею демонстрирует и рис. 12. Найти работу по специальности филологу нелегко, поэтому нужно попытаться найти хоть какую-нибудь

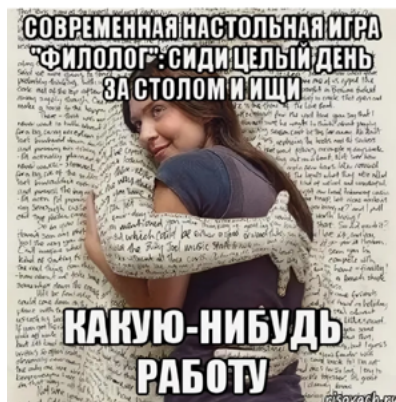

Рис. 12. Мем «Девушка обнимает текст»

Fig. 12. Meme «Girl hugs text»

другую. На картинке девушка-филолог заключена в объятия фигуры, сделанной из текста, символизирующего главное занятие филолога: работа с текстами. Эта профессиональная обязанность и становится неактуальной, так что филолог должен искать работу не по специальности. Текстовый фрагмент «современная настольная игра «Филолог» иронично высмеивает эту ситуацию: поиск работы становится для филолога своего рода квестом.

Таким образом, креолизованные тексты интернет-пространства, репрезентирующие ЛКТ «Филолог» в русской лингвокультуре, акцентируют внимание на внешнем облике филолога и речевых особенностях его как языковой личности. При этом с точки зрения оценочности ЛКТ «Филолог» характеризуется аксиологической амбивалентностью. С одной стороны, в рамках самопрезентации филолог показывается с положительной стороны как элитарная личность, владеющая сложной профессией, требующей особых навыков, осваиваемых с большим трудом. С другой стороны, в общественном коллективном сознании бытует и негативное отношение к филологу как типу: порицается лингвистическая занудность филолога, его стремление поправлять речевые ошибки собеседника зачастую в не подходящих для этого ситуациях. Также активно профилируется социальная незначительность профессии филолога в современном мире.

3.2. Конститутивные признаки ЛКТ «Филолог», репрезентированные в китайских креолизованных текстах

Китайская лингвокультура заметно отличается в репрезентации ЛКТ «Филолог» («语文学家») от русской.

Материал, собранный методом сплошной выборки в поисковой системе Baidu, показал, что профилируемыми характеристиками филолога являются внешний облик, моральные и профессиональные качества.

Рис. 13. «Китайский филолог»
Fig. 13. Picture «Chinese philologist»

Рис. 14. «Филолог занимается письмом»
Fig. 14. Picture «Philologist studies writing»

В китайских креолизированных текстах очки не являются столь частотным атрибутом филолога, однако тоже присутствуют (26 % от общего количества изображений). Чаще всего филолог предстает в виде зрелого или пожилого господина в строгой или национальной одежде, занимающегося чтением или письмом (рис. 13—16). Отсылки к письму как занятию китайского филолога значительно более частотны в мемах китайского сегмента, что может объясняться важностью изучения иероглифической письменности и каллиграфии в китайской филологической традиции.

Рис. 15. «Китайский филолог занимается письмом»
Fig. 15. Picture «Chinese philologist studies writing»

Рис. 16. «Китайский филолог»
Fig. 16. Picture «Chinese philologist»

Китайский филолог всегда аккуратно одет, преимущественно в национальную одежду даопао — длинное, до пола одеяние с перекрестным воротом, наподобие халата.

Важнейшей характеристикой филолога в китайской лингвокультуре являются профессиональные и тесно с ними связанные моральные качества филолога.

Рис. 17. «Мудрый филолог»

Fig. 17. Picture «Wise philologist»

На рис. 17. филолог представлен в виде убеленного сединами мудреца, окруженного учениками и изрекающего сентенцию. Учитель говорит: «Разве не стоит часто возвращаться к тому, что мы уже выучили? Мы можем даже получить от этого новые знания!». Таким образом, филолог — не только профессия (преподаватель или исследователь литературы, письма и т. д.), но и человек, обладающий опытом и мудростью.

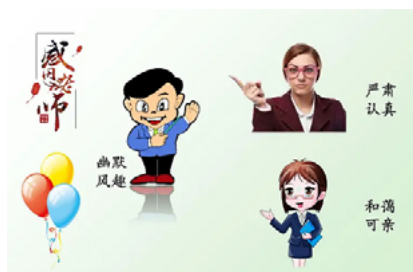

Рис. 18. «Качества филолога»

Fig. 18. Picture «Philologist's qualities»

Рис. 19. «Филолог и его качества»

Fig. 19. Picture «Philologist and his qualities»

Профессиональные черты филолога зачастую указываются в качестве вербального сопровождения графического образа. Иероглифы на рис. 18 означают: «юмористический и остроумный, серьезный и добросовест-

ный, приветливый и доступный». Рис. 19 содержит изображения филолога, вновь серьезного, мудрого господина, с подписями: «ответственность, миссия, приверженность».

Данные креолизованные тексты демонстрируют и позитивную оценочность ЛКТ «语文学家»: все приписываемые филологу качества отличаются ярко выраженной положительной оценкой.

Профилируется и разносторонность китайского филолога, его увлеченность искусствами. Иллюстрация из учебника по филологии (рис. 20) показывает филолога, играющего на музыкальном инструменте. Его лицо одухотворено и спокойно. Данное изображение основано на бытующем в Китае представлении о том, что музыка и искусства в целом воспитывают в личности спокойствие и созерцательность. Эту мысль подтверждает и умиротворяющий пейзаж на заднем фоне.

Рис. 20. «Филолог играет на музыкальном инструменте»

Fig. 20. Picture «philologist plays a musical instrument»

Таким образом, исследованные нами креолизованные тексты, репрезентирующие образ китайского филолога, показывают его исключительно в позитивном ключе как человека мудрого, доброжелательного, способного вести за собой учеников, характеризующегося важными профессиональными и личностными качествами: ответственностью, приверженностью своему делу, серьезностью и остроумием. Все это говорит и о достаточно высоком социальном статусе филолога и уважительном отношении к нему.

4. Заключение = Conclusions

Креолизованный текст является важным источником коллективных представлений того или иного этноса о лингвокультурном типаже как типичном представителе лингвокультуры.

Для русской лингвокультуры наиболее репрезентативными становятся внешний вид филолога (с главными атрибутами в виде очков и книги) и его речевые особенности: владение грамотной речью, стремление поправить

неправильно говорящего собеседника из любви к слову и приверженности соблюдению языковой нормы. Гендерная принадлежность филолога при этом не играет существенной роли: в одних и тех же контекстах филолог представлен в равной степени мужчиной или женщиной. Для китайской лингвокультуры наиболее частотна репрезентация внешнего вида филолога и его моральных и профессиональных качеств, таких как мудрость, ответственность и приверженность своей профессии. С точки зрения гендерной принадлежности, филолог практически всегда мужчина.

Универсальной характеристикой является внешний вид филолога, что объясняется в первую очередь иконическим характером креолизованного текста. Другие выявленные конститутивные признаки этноспецифичны.

С точки зрения оценочности китайские креолизованные тексты демонстрируют исключительно позитивный образ филолога: это ответственный, мудрый человек, уважаемый в обществе. Для русской лингвокультуры позитивная оценка характерна лишь с точки зрения самопрезентации: филолог обычно хвалит себя сам за владение сложными навыками и знаниями. Со сторонней точки зрения филолог часто показывается негативно: это излишне педантичный человек, буквоед, стремящийся всегда поправить собеседника для демонстрации своих знаний, тем самым нарушающий нормы коммуникации. Также профилируется негативное отношение к профессии филолога как низкостатусной и неактуальной: в мемах часто эксплуатируется факт того, что сложное и трудозатратное обучение филолога не окупается на рынке труда.

Заявленный вклад авторов: Ли Тяньин — разработка концепции и дизайна исследования, сбор материала и его интерпретация, подготовка текста статьи, 85 % Буженинов А. Э. — сбор материала, редактирование статьи, 15 % Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Li Tianying — development of the study concept and design, data collection and interpretation, article preparation — 85 % Alexander E. Buzheninov — data collection, article editing — 15 % The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.

Литература

1. Барт Р. Основы семиологии. Структурализм: «за» и «против» / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1975. — 469 с.
2. Богоявленская Ю. В. Лингвокультурный типаж «Филолог» в индивидуальном сознании носителей китайского языка / Ю. В. Богоявленская, Ли. Т. // Научный диалог. — 2024. — № 6. — Т. 13. — С. 43—59. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-43-59.

3. *Ворошилова М. Б.* Политический креолизированный текст : ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова. — Екатеринбург : ФГБОУ ВПО "Уральский гос. пед. ун-т", 2013. — 194 с. — ISBN 978-5-7186-0543-3.
4. *Громова Н. С.* Лингвокультурологический аспект анализа креолизированных текстов / Н. С. Громова // Язык и культура. — 2013. — № 4. — С. 137—141.
5. *Дмитриева О. А.* Лингвокультурные типажы России и Франции XIX века : автореферат диссертации ...доктора филологических наук : 10.02.20 / О. А. Дмитриева. — Волгоград, 2007. — 40 с.
6. *Дубровская Е. М.* Современное состояние теории лингвокультурных типажей / Е. М. Дубровская // Вестник РУДН. Серия : теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — № 2. — Vol. 15. — С. 393—414. — DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414.
7. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002 — 476 с. — ISBN 5-7333-0143-0.
8. *Карасик В. И.* Языковые ключи / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2009. — 406 с. — ISBN 978-5-94244-030-5.
9. *Карташова Е. П.* Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в саморепрезентации «человека творящего» / Е. П. Карташова, А. Р. Ахмедзянова // Вестник Марийского государственного университета. — 2019. — № 3 (35). — Т. 13. — С. 426—430. — DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-3-426-430.
10. *Кузина Ю. В.* Исследование концептуальной составляющей креолизованного текста : лингвокультурный типаж в англоязычном политическом дискурсе / Ю. В. Кузина // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3 (99). — С. 72—80.
11. *Лутовинова О. В.* Становление понятия «языковая личность» от «языка в человеке» до «человека в языке» / О. В. Лутовинова // Известия ВГПУ. — 2017. — № 1 (114). — С. 82—89.
12. *Ма Лия.* Понятийная составляющая лингвокультурного типажа «учитель» в китайском языке / Ма Лия // Вопросы современной лингвистики. — 2024. — № 1. — С. 52—64. — DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-52-64.
13. *Мурзинова И. А.* Лингвокультурный типаж «британская королева» : социокультурные характеристики / И. А. Мурзинова // Грани познания. — 2009. — № 4 (5). — С. 83—87.
14. *Пищерская Е. Н.* Креолизированный текст как объект изучения в лингвистике / Е. Н. Пищерская // Litera. — 2023. — № 5. — С. 55—65 — DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40748.
15. *Плотникова М. В.* Оскал империи : моделирование образа русского медведя в зарубежных поликодовых текстах / М. В. Плотникова, И. В. Суслов // Galactica media : Journal of media studies. — 2024. — № 4. — Т. 6. — С. 107—144.
16. *Чжан Цзин.* Лингвокультурный типаж «китайский купец» / Чжан Цзин // Сибирский филологический форум. — 2022. — № 4 (21). — С. 46—59. — DOI: 10.25146/2587-7844-2022-21-4-137.
17. *Шустрова Е. В.* Лингвокультурные типажы американских президентов / Е. В. Шустрова, Ю. В. Кузина, М. И. Девяткова, А. В. Куренная. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2016. — 276 с. — ISBN 978-5-7186-0811-3.
18. *Ярмахова Е. А.* Лингвокультурный типаж «английский чудак» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Ярмахова. — Волгоград, 2005. — 24 с.

19. Davison P. The language of internet memes / P. Davison // *The Social Media Reader*. — 2009. — Pp. 120—134.

20. Smith A. O. Memetics as informational difference : offering an information-centric conception of memes / A. O. Smith, J. Hemsley // *Journal of documentation*. — 2022. — № 78 (5). — Pp. 1149—1163. — DOI: <https://doi.org/10.1108/JD-07-2021-0140>.

Статья поступила в редакцию 04.12.2025,
одобрена после рецензирования 19.04.2026,
подготовлена к публикации 06.05.2026.

Material resources

AA — *Authors archive*. (In Russ.).

References

- Bart, R. (1975). *Fundamentals of semiology. Structuralism: the pros and cons*. Moscow: Progress Publ. 469 p. (In Russ.).
- Bogoyavlenskaya, Yu. V., Li T. (2024). Linguistic-Cultural Stereotype ‘Philologist’ in Individual Consciousness of Chinese Speakers. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 43—59. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-43-59>. (In Russ.).
- Davison, P. (2009). The language of internet memes. *The Social Media Reader*. 120—134.
- Dmitrieva, O. A. (2007). *Linguistic and cultural types of Russia and France of the XIX century*. Author’s abstract of Doct. Diss. Volgograd. 40 p. (In Russ.).
- Dubrovskaya, E. M. (2023). The current state of the theory of linguistic and cultural types. *Bulletin of the RUDN University. Series: theory of language. Semiotics. Semantics*, 2 (15): 393—414. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414. (In Russ.).
- Gromova, N. S. (2013). The linguistic and cultural aspect of the analysis of creolized texts. *Language and culture*, 4: 137—141. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena Publ. 476 p. ISBN 5-7333-0143-0. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2009). *Linguistic keys*. Moscow: Gnosis. 406 p. ISBN 978-5-94244-030-5. (In Russ.).
- Kartashova, E. P., Akhmedzyanova, A. R. (2019). The Internet meme as the main type of creolized text in the self-presentation of a “creative person”. *Bulletin of the Mari State University*, 3 (35) / 13: 426—430. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-3-426-430. (In Russ.).
- Kuzina, Yu. V. (2023). Investigation of the conceptual component of a creolized text: a linguistic and cultural type in English-language political discourse. *Political Linguistics*, 3 (99): 72—80. (In Russ.).
- Lutovinova, O. V. (2017). The formation of the concept of “linguistic personality” from “language in man” to “man in language”. *Izvestiya VGPU*, 1 (114): 82—89. (In Russ.).
- Ma Liya. (2024). The conceptual component of the linguistic and cultural type of “teacher” in the Chinese language. *Issues of modern linguistics*, 1: 52—64. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-52-64. (In Russ.).
- Murzinova, I. A. (2009). Linguistic and cultural type “British Queen”: sociocultural characteristics. *Facets of cognition*, 4 (5): 83—87. (In Russ.).
- Pishcherskaya, E. N. (2023). Creolized text as an object of study in linguistics. *Litera*, 5: 55—65 DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40748. (In Russ.).

- Plotnikova, M. V., Suslov, I. V. (2024). The Grin of Empire: modeling the image of the Russian bear in foreign polycode texts. *Galactica media: Journal of media studies*, 4 (6): 107—144. (In Russ.).
- Shustrova, E. V., Kuzina, Yu. V., Devyatkov, M. I., Kurennaya, A. V. (2016). *Linguistic and cultural types of American presidents*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 276 p. ISBN 978-5-7186-0811-3. (In Russ.).
- Smith, A. O., Hemsley, J. (2022). Memetics as informational difference: offering an information-centric conception of memes. *Journal of documentation*, 78 (5): 1149—1163. DOI: <https://doi.org/10.1108/JD-07-2021-0140>.
- Voroshilova, M. B. (2013). *Political creolized text: the keys to reading*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. Univ. 194 p. ISBN 978-5-7186-0543-3. (In Russ.).
- Yarmakhova, E. A. (2005). *Linguistic and cultural type “English eccentric”*. Author’s abstract of PhD Diss. Volgograd. 24 p. (In Russ.).
- Zhang Jing. (2022). The linguistic and cultural type of the “Chinese merchant”. *Siberian Philological Forum*, 4 (21): 46—59. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-21-4-137. (In Russ.).

*The article was submitted 04.12.2025;
approved after reviewing 19.04.2026;
accepted for publication 06.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Петкова Д. П. Медиакультура и доверие к медиа : эмпирическое исследование в Болгарии / Д. П. Петкова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 260—275. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-260-275.

Petkova, D. P. (2026). Media Culture and Media Trust: an Empirical Research in Bulgaria. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 260-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-260-275. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Медиакультура и доверие к медиа: эмпирическое исследование в Болгарии

Петкова Диана

orcid.org/0000-0002-0842-6466

PhD, профессор,
факультет журналистики
и массовых коммуникаций
dijanapp@uni-sofia.bg

Софийский университет
имени Святого Климента Охридского
(София, Болгария)

Благодарности:

Эмпирическое исследование было
проведено в рамках болгаро-словацкого
двустороннего проекта
“СМИ, социальные ценности
и дезинформация в XXI веке”,
поддержанного Национальным научным
фондом Болгарии, договор
№ КП-06-Словакия/3 от 13.08.2024

Media Culture and Media Trust: an Empirical Research in Bulgaria

Diana P. Petkova

orcid.org/0000-0002-0842-6466

PhD, Professor,
Faculty of Journalism
and Mass Communication
dijanapp@uni-sofia.bg

Sofia University
“St. Kliment Ohridski”
(Sofia, Bulgaria)

Acknowledgments:

The empirical research has been done
within the frames
of a Bulgarian-Slovakian bilateral
project, entitled “Media, Social Values
and Disinformation in the 21st century”,
supported by the National Science Fund
of Bulgaria, contract
№ КП-06-Словакия/3 from 13.08.2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Автор определяет медиакультуру как сложный феномен, включающий в себя ценности, идеологии и мировоззренческие установки, специфику аудитории, а также доверие как основополагающий принцип функционирования публичной и массовой коммуникации. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведённого в Болгарии, в рамках которого с помощью онлайн-анкетирования было опрошено 1000 респондентов. Инструментарий исследования включал вопросы закрытого и полужакрытого типа; для оценки ответов использовалась шкала Лайкерта. Анализ полученных данных свидетельствует о существенных трансформациях в отношении к медиа, особенно среди представителей молодого поколения. Отмечается, что одним из таких сдвигов является предпочтение онлайн-новостных ресурсов и социальных сетей традиционным СМИ. Сообщается, что вместе с тем расхождения в ответах респондентов указывают на глубокий кризис доверия к медиа среди опрошенных. Кроме того, результаты исследования доказывают, что часть респондентов легко подвержена влиянию дезинформации. Автор приходит к выводу о необходимости повышения уровня медиаграмотности в цифровой среде.

Ключевые слова:

медиакультура; установки; доверие к медиа; медиаграмотность; болгарские медиа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Media culture is a complex phenomenon that includes values, ideologies and world-views, specificities of the audiences and trust as a basic principle of public and mass communication. The paper presents the results of an empirical study conducted in Bulgaria where 1000 informants have been interviewed by means of an online questionnaire with closed and semi-closed questions using the Likert scale in the designed answers. From the received data there are evidences about significant transformations of the attitudes to the media, especially among the younger generations. One such shift is related to the preference of online news media and social media for the sake of the traditional media. However, the discrepancies in the provided answers to the questionnaire show that there is a huge crisis of media trust among the informants. Moreover, the results prove that some of the respondents can easily be susceptible to disinformation. This means that there is a high necessity of raising the awareness in the digital environment.

Key words:

media culture; attitudes; media trust; media literacy; Bulgarian media.

УДК 004.032.6+366.636:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-260-275

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Медиакультура и доверие к медиа: эмпирическое исследование в Болгарии

© Петкова Д. П., 2026

1. Введение = Introduction

Media culture has become in postmodernity the foundation on which social psychological attitudes, values and worldviews are built. It also presupposes the development of civil awareness and the assertion of individual and collective identities as never before. The mediatization of society represents a complex interaction between the media, on the one hand, and the diverse social strata and fragments of society. This fragmentation and diversification deepens even further in the new digital environment, which naturally creates the conditions for the proliferation of virtual identities and communities. Digital and Internet culture is one of the main factors of globalization in postmodern society and is often defined as a prerequisite for the construction of a global society and global culture. The “global village” postulated by McLuhan, if it seems a revolutionary theory for the era of the electronic media and television in particular, in the era of Internet becomes an element of everyday life. However, the contemporary media-based society is much less built on the principles of universalization and unification, of erasing cultural, ethnic and national characteristics, as most authors in the late 20th and early 21st centuries argued. On the contrary, through the digitalization of the modern world and the strengthening of the influence of the social networks, national and ethnic communities, including minorities, can be in the center of the public attention and can maintain their own identities.

Some researchers equate media culture with mass culture and believe that mass culture has arisen and spread only after the emergence of the mass media [Morin, 1983]. Other scholars link media and mass culture to technology and even postulate a model of direct interdependence, which is called by them the “growth model” [Hodkinson, 2017]. In this model the modern technologies inevitably lead to media convergence. “Convergence” has become one of the most frequently used terms in the media studies today, illustrating the process, in which new technologies are adopted by the media culture industries. According to Dwyer [2010], this implies both structural and cultural transformations of the media industries themselves. For example, the unification of the Internet

and television on different platforms and electronic devices creatively diversifies the existing television formats and multiplies the possibilities for segmenting audiences, who are no longer passive receivers but have the opportunity to actively participate in mass communication. Simultaneously, authors, such as Powell [2013], emphasize that the most common misconception regarding media convergence is to believe that its end result is the synthesis of different media into a single communication channel, while it actually represents a mutual enrichment and diversification of different media forms, as well as the creation of a heterogeneous and pluralistic cultural environment. Thus, it is also believed that digital communication contributes not only to the transformations of the relations between media and society, but it requires contemporary scholars to rethink the very concept of public communication [Hepp et.al., 2017].

Valkenburg et al. [2016] underline five media effects according to different media research theories: selectivity of media use (including psychological and other dispositions); content properties; indirectness of the media effects and transactionality (both interpersonal and intrapersonal). Although some authors like Valkenburgh claim that media do not influence human behavior directly and explicitly, other researchers, on the contrary, believe that media can affect behavior patterns, thoughts, tastes and worldviews. Slater [2015] proposes the “reinforcing spiral model” that provides a theoretical framework of the use of the media as a dynamic and endogenous process combining selective exposure and media effects. However, the contemporary theories of the media effects only outline new nuances of some well-known old media theories, such as “the cultivation theory” of Gerbner [1998], which was initially related to the electronic media and to the television in particular. According to Gerbner and his followers, the broadcast of violence on television is one of the main reasons for the development of violence and aggression in society [Hurley 2004].

In such a way, digital media culture emerges as a socially significant phenomenon that includes various aspects — from the development of technology, innovations and creative industries, to consumerism and marketing, human and cultural values, worldviews and tastes. Thus, several important elements can be underlined within the framework of the contemporary digital culture: the technology, the participative audience, the pluralization of the virtual communities and the selectivity of contents. This also means that in a pluralistic setting of various media, contents and audiences trust has become one of the most important pillars of media culture.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Media culture in postmodern times practically encompasses all spheres of life, so the in-depth study of it requires an interdisciplinary approach. The in-

fluence of the digital media is far from being limited to the study of consumerism, creative industries, marketing or advertising in the Internet environment. The postmodern world is filled with digital media products related to industries that are traditionally not associated with the media, such as healthcare, government, education, ecology and nature saving, etc. In such a way, in order to study media culture in the digital environment, researchers may have to apply a variety of approaches — communicational, cultural, philosophical or marketing approaches. On the one hand, media culture today can be considered a global, worldwide phenomenon that has its own characteristics, values and norms and imposes new global standards for media literacy. On the other hand, digital media culture is so personalized and individualized that a wide variety of subcultures have been created within the global culture, each one imposing their own codes, symbols and norms. The fragmentation of the society leads to the fragmentation and segmentation of mass communication, where the characteristics of social and cultural groups have gained increasing importance — these are groups by gender, age, professional and educational communities, as well as groups by ethnicity, religion, national and linguistic affiliations. This fact implies the diversity of approaches and methods that can be applied to study the complexity of the digital communication in the postmodern world. The interdisciplinary approach should also include research in the values, attitudes and behaviors of individuals in the digital environment, personal and group identification of individuals, virtual self-concepts and social roles, as well as the formation of public opinion in the social networks.

This paper studies the attitudes of the Bulgarians towards both the traditional and the social media as carriers of social values. The main focus is on the possible shifts in the perceptions during the last decades. Despite the various possibilities the study is based on two basic approaches. First, it uses the value approach in the social sciences. The main belief underlying the choice of this approach is that values are deeply embedded in the collective cultural consciousness and that all the basic processes that take place in the political and social life of the country, can be explained with existing value models. This approach has also been defined by media researchers as the approach of media axiology. The search for the truth and the verification of truth in the media is determined as much by universal professional standards as by basic values instilled in the culture, thus creating the particular value model of the given culture.

Also, the research shares the approach of symbolic interactionism, which has become particularly popular in communication sciences at the end of the 20th century. It gives priority to the concept of "self" that develops in communication with "others". The symbols, adopted by culture, on which individuals build their views and perceptions of the world, are the primary focus of the research-

ers — interactionists [Gumperz, 1989; Carbaugh, 2006]. Although symbolic interactionism includes the sociolinguistic approach, it is much broader than it, as it unites the individual psyche, language and its symbols, and the cultural environment, understood as material-technical and technological development. The change of the characteristics of the media environment contributes to the transformations of the social interaction and gives rise to new symbols that transform the worldviews of the human beings. Thus, from the perspective of symbolic interactionism, each era and each generation, depending on the social and technological development, has its own concepts and interpretations of media pluralism and democracy.

Following the value approach a questionnaire¹ with closed and semi-closed questions has been designed using the Google forms. 1000 Bulgarians were interviewed online from April to December 2025. In order to measure the attitudes and worldviews, the Likert scale has also been applied to the designed answers in the questionnaire.

A research with online questionnaire has both advantages and disadvantages. On the one side, it does not need all the paper work done and is thus, both efficient and time saving. On the other hand, such a study, despite its huge scope, cannot be representative for the Bulgarian citizens. From the analysis of the demographic data about the participants it is evident that mostly younger people participate in online surveys. The older age groups might not be so well represented by the online research. However, the data received from the online questionnaire can be used to outline some important transformations of the worldviews and social attitudes within the Bulgarian society. Moreover, as young adults are the future of any society, it is important to study the values of younger generations too.

Together with the investigation of the attitudes to the media the research focuses on the problem of media trust. In the recent years there have been several major studies in media trust. Tsfaty et al. [2022] investigate the news coverage in both general and topical media and find out proofs that the news coverage of some topics are trusted more than others. Moreover, according to the authors trust in the news coverage of a topic is a better predictor of the accuracy of perceptions in comparison to the general media trust. In another online survey conducted in Norway by Knudsen et al. [2022] the focus is put on how ordinary citizens define and understand media trust. According to the researchers the most important predictors of the levels of trust vary mainly by educa-

1 The questionnaire was developed by Prof. Dr. Diana Petkova and Prof. Dr.Sc. Andreana Eftimova from Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria and by Prof. Dr. Slavomir Galik, Prof. Dr. Norbert Vrabec, Prof. Dr. Sabina Galikova Tolnaiova and Prof. Dr. Viera Kacinova from “St. St. Cyril and Methodius” University in Trnava, Slovakia.

tion and satisfaction with democracy but not by other known predictors, such as political preferences and ideology. In a third study conducted by Stromback et.al. [2020] the researchers come to the conclusion about the distrust that many people show to the traditional media. According to the authors although there may be differences across different countries and regions the non-mainstream media by producing fake news can significantly undermine trust in mainstream media.

Thus, the limits of the present research in Bulgaria are clearly visible — the study does not focus on topical trust but outlines general media trust only. Also, it does not investigate predictors of the levels of trust but studies general attitudes and predispositions to the media. However, despite these limitations, based on the received data it is possible to reach some conclusions about the media culture and media literacy in Bulgaria.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Empirical Data

The data show that the majority of the interviewed people (651) belong to the age group “up to 25”, 123 informants are between 36 and 45 years old, 93 people are from 46 to 55 years old and almost similar number of people (92) belong to the age group 26—35. The two groups from 56 to 65 and over 65 years old are underrepresented in this study with respectively 25 and 16 informants only (Fig. 1). The majority of the respondents are female (738), while 255 are male. 7 people have not given answer about their sex (Fig. 2). More than half of the informants (517) have finished their high education, 245 claim to have Bachelor degree, 167 are Masters, 53 have defended PhD thesis and 18 have elementary education. (Fig. 3)

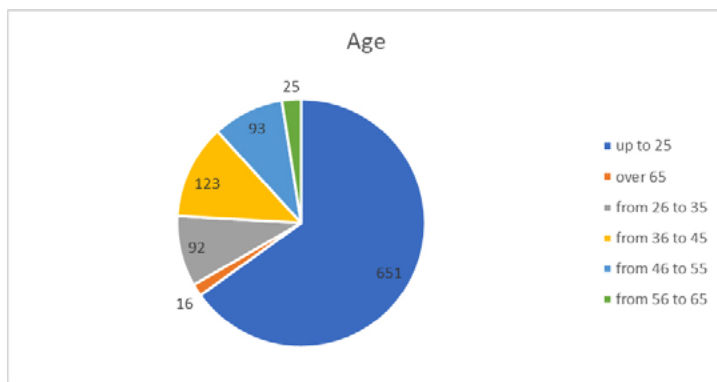

Fig. 1. Age of the respondents

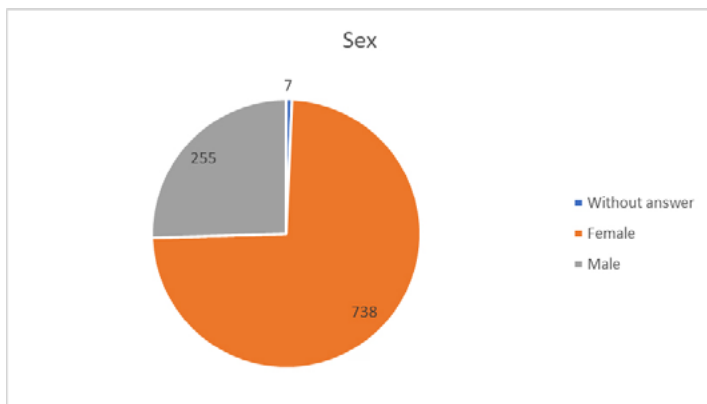

Fig 2. Sex of the respondents

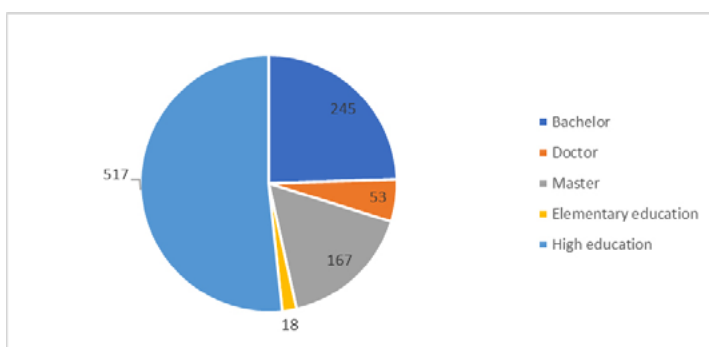

Fig. 3. Education of the respondents

The informants are asked what sources of information they usually refer to. The majority of the respondents (853) claim that they rely on news media on the web and 790 informants use social media (Facebook¹, Instagram¹, etc.) as a primary source of information. The electronic media (radio and television) is preferred by 642 people and 644 informants claim that they inform themselves from family and acquaintances. 344 participants prefer online blogs and forums and for 254 the state and the public institutions have become the primary source of information. Only 124 people inform themselves by the print media (Fig. 4).

¹ The social platform is owned by Meta Corporation, which is recognized as extremist and banned in the Russian Federation. // Социальная платформа принадлежит корпорации Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории Российской Федерации.

In this question the Likert scale is used as the informants are asked also to provide the frequency to which they rely on different sources of information.

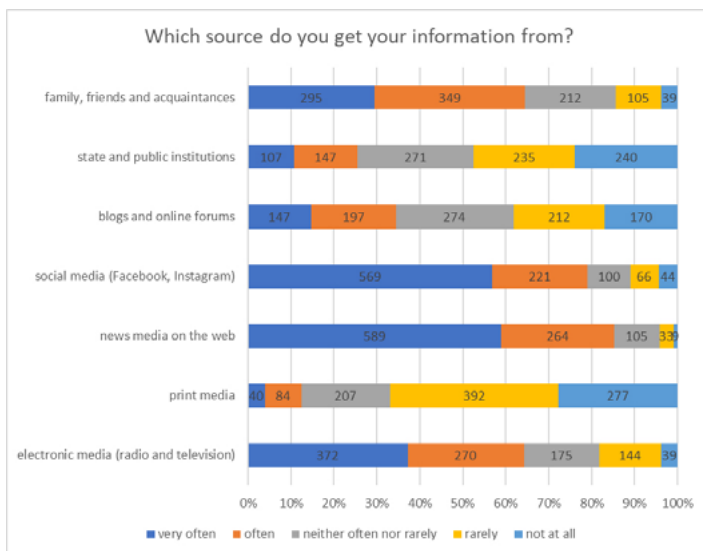

Fig. 4. Sources of information

The next question is again a Likert type one and the respondents are asked to what extent they trust different information sources. The same sources of information are given as an option for the answers as in the previous question. The highest trust is shown by the interviewees towards family, friends and acquaintances who are very often or often preferred sources of information (591) and towards the state and public institutions (491 respondents). Electronic media are trusted by 458 people and news media on the Internet by 373 people. Only 223 respondents think that social media can be trusted. Print media are trusted by 328 and blogs and online forums by 222 people. However, for all the sources of information there is a considerable lack of trust or uncertainty expressed (Fig. 5).

The respondents have also been asked what according to them the most important principles of media reporting are. The question is closed and they have to pick up between different options. These options are: truthfulness and objectivity; morality and ethics; legal norms and laws; respect and courtesy, politeness. All the above mentioned principles are considered “the most important” or “very important” by the majority of the respondents with a little priority given to “truthfulness and objectivity”. 981 people have chosen this principle as “the most important” or “very important” one. (Fig. 6).

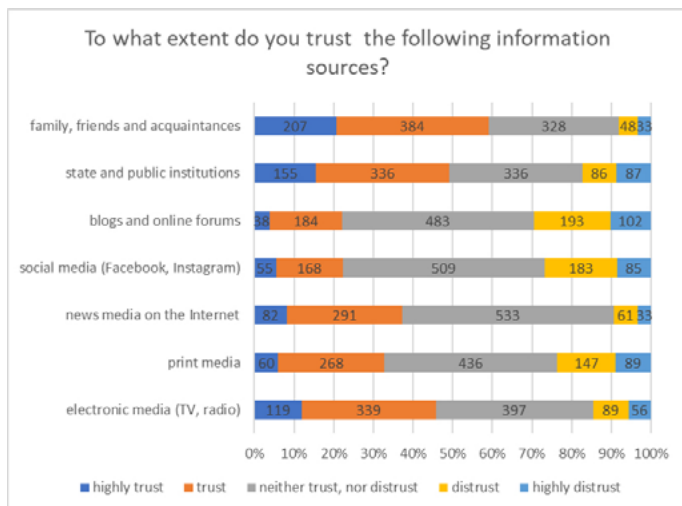

Fig. 5. Trust in different information sources

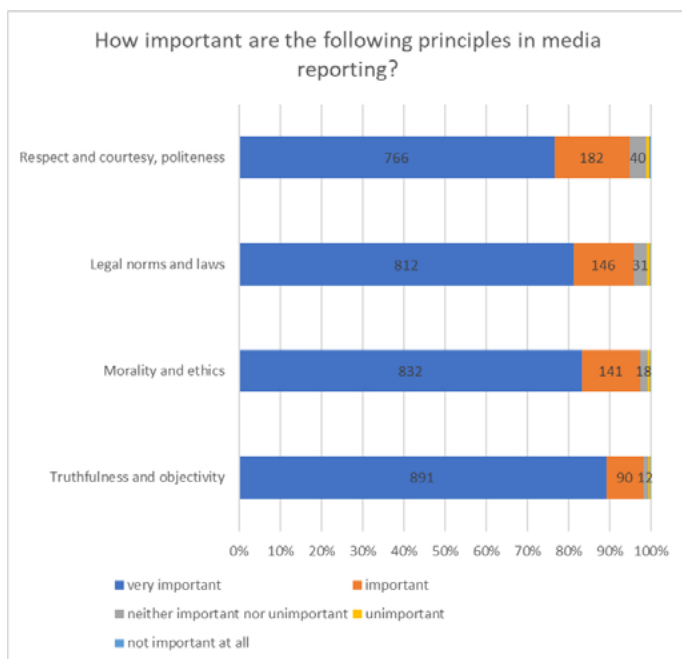

Fig. 6. The most important principles of Media Reporting

The next question in the questionnaire asks the participants what according to them the highest risks associated with the media are. The question is a closed one and the informants have to choose up to three different options.

The majority of the respondents (936 people) have answered that the biggest perceived threat by them is the possible manipulation of news. Providing erroneous and false information is perceived as “the biggest” or “big” risk by 922 informants. The fact that media can create unrealistic lifestyles and expectations is considered as a risk by 759 respondents. And on the fourth place of importance the participants have placed the possibility for the media to spread aggression and intolerance with 686 people considering it as the biggest or big risk. Out of the 1000 informants 659 claim that media can undermine education and culture, while 644 have chosen the option “they can threaten respect for human dignity, attack the integrity of a person, their personal, cultural, religious (etc.) identity”. Also, 570 informants believe that media can undermine feelings of happiness and security. Half of the respondents (541) have chosen the option “they can threaten health (physical and mental) / healthy lifestyle, lead to addictions, etc.” and 533 people believe that “they threaten good morals and decency”. Less accent is put by the informants on the limitations of the freedom of expression (498) and on the lack of support for individual and civic responsibility (456). (Fig. 7).

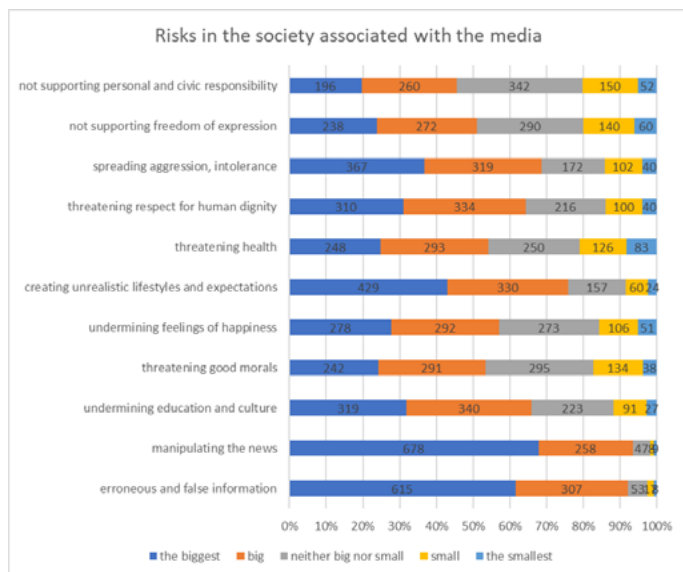

Fig. 7. The perceived risks in the society associated with the media

And finally the informants are asked how they check whether the information in the media is correct. This question tests the media literacy and the respondents can choose up to 3 options. The biggest number of interviewees (431) have answered that they check news media online, 306 people check in the social networks, 304 check whether the information sources are correctly cited, 303 ask family and friends and 284 refer to different websites to compare the data. Only 272 people rely on journalists whom they trust and 185 respondents check whether the sites provide contact data for feedbacks, 120 people look for controversies in the text and 65 informants do not check the information in the media at all. (Fig. 8).

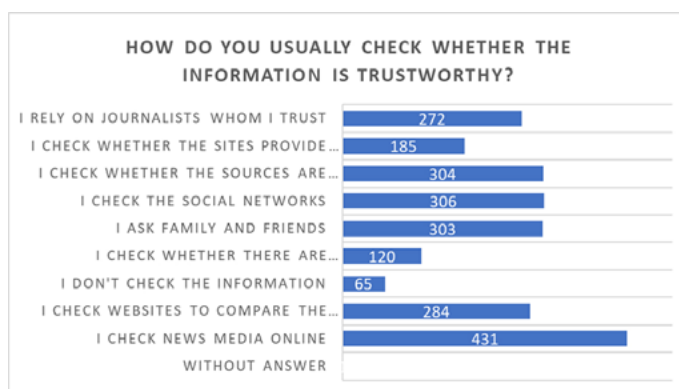

Fig. 8. Preferred methods to check the correctness of the information in the media

3.2. Media Trust and shifts in the attitudes towards the media

Based on the results received in the present research it is possible to outline some transformations of the social attitudes towards the media among the Bulgarians. In a previous representative survey conducted in 2016 by the Trend Agency the interviewed Bulgarians were asked which media they trust for providing the most accurate information. The majority of the informants at that time (54 %) have answered that they trusted the private televisions and 46 % relied on the public television (the Bulgarian national television). 37 % of the respondents preferred the social networks and 31 % prioritized the online news media [Marginalia 2016]. When these results from 2016 are compared with the data received in the present study it becomes obvious that there is a considerable shift in the perceptions of the media, especially among the younger generations. Although the present research is not representative, the results clearly indicate that contemporary audiences favor the digital mass communication for the sake of the traditional media, such as television and radio. In such a way, news me-

dia online and social media are considered primary sources of information by the majority of the respondents in the present study.

However, there are many discrepancies when the answers to the different questions in the questionnaire are compared. First, the most trusted information sources by the informants are family, friends and acquaintances but in fact these are secondary sources of information and they can rarely be reliable. Second, the state and public institutions, as well as the electronic media, are more trusted by the respondents but they are less often used as sources of information than the online news media and the social networks. Simultaneously there is a considerable distrust shown towards all the media in general. Also, while in the past journalists may have had more power to form the public opinion, nowadays fewer people rely on trustworthy professionals.

The informants underline that the biggest risks related to the media are the manipulation of news and creating a content with erroneous and false information and that the most important principle of reporting is truthfulness and objectivity. At the same time, a considerable number of the interviewed Bulgarians check the accuracy of the information in the social media or ask family and friends. It is a well-known fact that fake news and rumours are mostly spread by the social media. Thus, by using the social media or family and acquaintances as primary sources of information, there is a strong probability for the individuals to be misled by disinformation. In Bulgaria during the pandemic of COVID-19 rumours and conspiracy theories have predominated. The influence of the digital and social media has been so strong that the traditional media have failed in providing reliable news and opposing the mass disinformation. Only about 30 % of the Bulgarians have taken COVID-19 vaccines, while the majority of the population has remained unvaccinated due to the beliefs in conspiracy theories, spread by the digital and the social media. As a result according to the reports provided by the World Health Organization and EUROSTAT Bulgaria has recorded one of the highest excess mortality rate per population in the world during the pandemic of COVID-19 [Rangachev, Marinov, Mladenov 2022].

So, there are big controversies in the answers to the questions in the questionnaire. On the one hand, the respondents are aware of the risks that online news media and social media can present and they are considered by them as less reliable than the traditional media. On the other hand, the online media and the social media are the preferred sources of information. The lack of trust to the media in general in Bulgaria can be sustained because of cultural reasons too. It seems that societies that have been under authoritative regimes may show lack of trust in the official institutions, authorities and media. Simultaneously the new media cannot really fill the gaps in the knowledge of the audiences. Thus, it is possible that these gaps will be filled with inaccurate information.

All these results point to the conclusion that there is a crisis of values both in the society and in the media in Bulgaria.

The controversial answers to the questionnaire also show that there is, at least to some extent, lack of clarity and confusion among the respondents. In such a way, they can easily be influenced by disinformation and manipulation spread on the social media. Thus, the received data confirm that many participants in the media audience nowadays are not enough conscientious recipients of information. This fact underlines the strong necessity for media education and raising the awareness of the audiences about possible pitfalls of information.

4. Заключение = Conclusions

Mediatized society nowadays is represented by diverse social strata where there is a proliferation of virtual communities and identities. Media culture includes various aspects of human lives — from the technologies and creative industries, to the social and cultural values, ideologies and worldviews. Some of its most important contemporary transformations are related to the technological innovations, the participative audiences and the selectivity of contents. In a media environment where pluralism and variety have become its basic characteristics, media trust is one of the most important principles in mass communication. The research presented in this paper confirms the suggestions of the symbolic interactionism in the communication sciences that major technological changes lead to the rise of new symbols, meanings and worldviews. When compared to previous studies the data received show that there are obvious shifts in the perceptions of the Bulgarians about the media, especially among the younger generations. If in the past the most preferred sources of information have been the traditional media, in the era of digital communication the prioritized sources have become the online news media and the social media. This fact has led to many controversies. The more trusted media, such as the electronic media, are less used as sources of information and vice versa, although the social media are preferred, they are less trusted. Thus, it becomes clear that the informants may easily be misled by fake news and erroneous information. All these results are also proof of the crises of media values and media awareness in the Bulgarian society.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Carbaugh D. Cultures in Conversations / D. Carbaug. — London & New York : Routledge, 2005. — 184 p. ISBN 9781135606213.

2. Dwyer T. Media Convergence / T. Dwyer // Issues in Cultural and Media Studies. — UK : McGraw Hill, 2010. — 208 p. — ISBN 9780335239429.
3. Gerbner G. Cultivation analysis. an overview / G. Gerbner // Mass Communication and Society. — 1998. — Vol. 1. — Issue 3—4. — Pp. 175—194.
4. Gumperz J. J. Discourse Strategies / J. J. Gumperz. — Cambridge : Cambridge University Press, 1982. — 240 p.
5. Hepp A. Mediatization. Theorizing the Interplay between Media, Culture and Society / A. Hepp, S. Hjarvard, K. Lundby // Media, Culture and Society. — 2017. — Vol. 37. — Pp. 314—324.
6. Hodkinson P. Media, Culture and Society. An Introduction / P. Hodkinson. — London & New York : Sage, 2017. — 344 p. — ISBN 9781473998353.
7. Hurley S. Imitation, Media Violence and Freedom of Speech / S. Hurley // Philosophical Studies. — 2004. — Volume 117. — Pp. 165—218.
8. Knudsen E. How the public understands news media trust : an openended approach / E. Knudsen, S. Dahlberg, M. H. Iversen, M. P. Johannesson, S. Nygaard // Journalism. — 2022. — Vol. 23 (11). — Pp. 2347—2363. — DOI:10.1177/14648849211005892.
9. Marginalia. For 35 % of the Bulgarians 111 place in freedom of speech is deserved. A survey by Trend agency [Electronic resource]. — 2016. — Access mode : <https://www.marginalia.bg/za-35-ot-balgariite-111-to-myasto-po-svoboda-na-mediite-e-zasluzhen/> (accessed 21.02.2026).
10. Morin E. L'esprit du temps, Livre du Poche / E. Morin. — Paris : Grasset, 1983. — 277 p.
11. Powell H. Promotional Culture and Convergence : Markets, Methods, Media / H. Powell. — London : Routledge, 2013. — 238 p. — ISBN 9780415672801.
12. Rangachev A. The Impact and Progression of the COVID-19 Pandemic in Bulgaria in its First Two Years / A. Rangachev, G. K. Marinov, M. Mladenov // Vaccines. — 2022. — Vol. 10 (11). — P. 1901. — DOI: 10.3390/vaccines10111901.
13. Slater M. D. Reinforcing Spirals Model : Conceptualizing the relationship between media content exposure and the development and maintenance of attitudes / M. D. Slater // Media Psychology. — 2015. — Vol. 18 (3). — Pp. 370—395.
14. Strömbäck J. News media trust and its impact on media use : toward a framework for future research / J. Strömbäck, Y. Tsfati, H. Boomgaarden, A. Damstra, E. Lindgren // Annals of the International Communication Association. — 2020. — Vol. 44. — № 2. — Pp. 139—156. — DOI: 10.1080/23808985.2020.1755338.
15. Tsfati Y. Going Beyond General Media Trust: an Analysis of Topical Media Trust, its Antecedents and Effects on Issue (Mis)perceptions / Y. Tsfati, E. Strömbäck, E. Lindgren, A. Damstra, G. N. Boomgaarden, R. Vliegenthart // International Journal of Public Opinion Research. — 2022. — Vol. 34. — Pp. 1—12. — DOI: <https://doi.org/10.1093/ijpor/edac010>.
16. Valkenburg P. M. Media Effects. Theory and Research / P. M. Valkenburg, J. Peter, J. B. Walter // Annual Review of Psychology. — 2016. — Vol. 67. — Pp. 315—338.

Статья поступила в редакцию 29.01.2026,
одобрена после рецензирования 24.04.2026,
подготовлена к публикации 05.05.2026.

References

Carbaugh, D. (2005). *Cultures in Conversations*. London & New York: Routledge. 184 p. ISBN 9781135606213.

- Dwyer, T. (2010). Media Convergence. In: *Issues in Cultural and Media Studies*. UK: McGraw Hill. 208 p. ISBN 9780335239429.
- Gerbner, G. (1998). Cultivation analysis. An overview. *Mass Communication and Society*, 1 (3—4): 175—194.
- Gumperz, J. J. (1982). *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press. 240 p.
- Hepp, A., Hjarvard, S., Lundby, K. (2017). Mediatization. Theorizing the Interplay between Media, Culture and Society. *Media, Culture and Society*, 37: 314—324.
- Hodkinson, P. (2017). *Media, Culture and Society. An Introduction*. London & New York: Sage. 344 p. ISBN 9781473998353.
- Hurley, S. (2004). Imitation, Media Violence and Freedom of Speech. *Philosophical Studies*, 117: 165—218.
- Knudsen, E., Dahlberg, S., Iversen, M. H., Johannesson, M. P., Nygaard, S. (2022). How the public understands news media trust: an opened approach. *Journalism*, 23 (11): 2347—2363. DOI:10.1177/14648849211005892.
- Marginalia. For 35 % of the Bulgarians 111 place in freedom of speech is deserved. A survey by Trend agency. (2016). Available at: <https://www.marginalia.bg/za-35-ot-balgarite-111-to-myasto-po-svoboda-na-mediite-e-zasluzhenoi/> (accessed 21.02.2026).
- Morin, E. (1983). *L'esprit du temps, Livre du Poche*. Paris: Grasset. 277 p.
- Powell, H. (2013). *Promotional Culture and Convergence: Markets, Methods, Media*. London: Routledge. 238 p. ISBN 9780415672801.
- Rangachev, A., G. K. Marinov., Mladenov, M. (2022). The Impact and Progression of the COVID-19 Pandemic in Bulgaria in its First Two Years. *Vaccines*, 10 (11): 1901. DOI: 10.3390/vaccines10111901.
- Slater, M. D. (2015). Reinforcing Spirals Model: Conceptualizing the relationship between media content exposure and the development and maintenance of attitudes. *Media Psychology*, 18 (3): 370—395.
- Strömbäck, J., Tsfat, Y., Boomgaarden, H., Damstra, A., Lindgren, E. (2020). News media trust and its impact on media use: toward a framework for future research. *Annals of the International Communication Association*, 44 (2): 139—156. DOI: 10.1080/23808985.2020.1755338.
- Tsfati, Y., Strömbäck, E., Lindgren, E., Damstra, A., Boomgaarden, G. N., Vliegenthart, R. (2022). Going Beyond General Media Trust: an Analysis of Topical Media Trust, its Antecedents and Effects on Issue (Mis)perceptions. *International Journal of Public Opinion Research*, 34: 1—12. DOI: <https://doi.org/10.1093/ijpor/edac010>.
- Valkenburg, P. M., Peter, J., Walter, J. B. (2016). Media Effects. Theory and Research. *Annual Review of Psychology*, 67: 315—338.

*The article was submitted 29.01.2026;
approved after reviewing 24.04.2026;
accepted for publication 05.05.2026.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Александр Юрьевич Мещанский, канд. филол. наук (Архангельск)
Андрей Владимирович Шаравин, д-р филол. наук (Брянск)
Анна Михайловна Гришечкина, канд. пед. наук (Брянск)
Вера Владимировна Сердечная, д-р филол. наук (Краснодар)
Виктория Искандеровна Пулатова, д-р философии (Ташкент, Узбекистан)
Дилара Уракбаевна Доспанова, канд. филол. наук (Ташкент, Узбекистан)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Любовь Анатольевна Савелова, д-р филол. наук (Архангельск)
Никита Михайлович Миронов, исполнитель проекта (Санкт-Петербург)
Олег Евгеньевич Вороничев, д-р филол. наук (Брянск)
Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск, Санкт-Петербург)
Симела Христофоровна Абдуллаева, д-р философии (Ташкент, Узбекистан)

Информация для цитирования:

Абдуллаева С. Х. Современная британская антиутопия : типологические особенности жанра в «Слепой вере» Б. Элтона / С. Х. Абдуллаева, Д. У. Доспанова, В. И. Пулатова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 277—294. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-277-294.

Abdullaeva, S. Kh., Dospanova, D. U., Pulatova, V. I. (2026). Contemporary British Dystopia: Typological Features of the Genre in Ben Elton's "Blind Faith". *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 277-294. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-277-294. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Современная британская антиутопия: типологические особенности жанра в «Слепой вере» Б. Элтона

Абдуллаева Симела Христофоровна
orcid.org/0009-0001-7720-6846
доктор философии
по педагогическим наукам, доцент,
кафедра узбекского и русского языков
abdullaevsimela@gmail.com

Доспанова Дилара Уракбаевна
orcid.org/0009-0006-4594-4357
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра узбекского и русского языков
yarados@mail.ru

Пулатова Виктория Искандеровна
orcid.org/0000-0003-1560-6307
доктор философии по филологическим
наукам, и. о. доцента,
кафедра узбекского и русского языков,
корреспондирующий автор
vickyft9@mail.ru

Ташкентский университет
информационных технологий
имени Мухаммада ал-Хоразми
(Ташкент, Узбекистан)

Contemporary British Dystopia: Typological Features of the Genre in Ben Elton's "Blind Faith"

Simela Kh. Abdullaeva
orcid.org/0009-0001-7720-6846
Doctor of Philosophy in Pedagogy,
Associate Professor, Department
of Uzbek and Russian Languages
abdullaevsimela@gmail.com

Dilara U. Dospanova
orcid.org/0009-0006-4594-4357
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Uzbek and Russian Languages
yarados@mail.ru

Victoria I. Pulatova
orcid.org/0000-0003-1560-6307
Doctor of Philosophy in Philology,
Acting Associate Professor, Department
of Uzbek and Russian Languages,
corresponding author
vickyft9@mail.ru

Tashkent University
of Information Technologies
named after Muhammad al-Khwarazmi
(Tashkent, Uzbekistan)

© Абдуллаева С. Х., Доспанова Д. У., Пулатова В. И., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению жанровых особенностей антиутопии современного британского писателя Бена Элтона «Слепая вера» (2007). Востребованность исследования обусловлена отсутствием достаточного количества литературоведческих работ, посвященных этому роману. В качестве методов исследования выбраны жанрово-типологический и метод художественного анализа текста. Критериями для анализа послужили типологические черты произведения: идея власти, тема авторитарного государства, композиционные и стилевые особенности и пр. Новизна исследования видится в том, что впервые проведен подробный анализ романа «Слепая вера», уточняющий его жанровую природу с целью вписать его в британскую антиутопическую традицию. Исследование показало, что в тексте произведения указанные черты претерпели трансформацию. Установлено, что антиутопия «Слепая вера» содержит признаки как демографической (мотив перенаселения, акцентированный религиозный контекст, выраженный в мотивах профанирования сакральной библейской тематики и божьей кары, образ ребенка материального), так и классической (проблема прогресса и духовного регресса, специфические литературный код и образная система, осмысление оруэлловского новояза) разновидности жанра. Предлагается на основе этого определить роман Б. Элтона как комбинированный вариант жанровой модели антиутопии.

Ключевые слова:

антиутопия; типология; жанровая модель; демографическая антиутопия; проблема; мотив; новояз.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article undertakes a comprehensive examination of the generic and typological characteristics of Ben Elton's "Blind Faith" (2007), situating the novel within the broader framework of contemporary British dystopian literature. The study is motivated by the notable scarcity of scholarly attention devoted to this particular work within the field of literary criticism. Employing a combination of genre-typological analysis and close textual reading, the research identifies and interrogates the defining traits of the dystopian genre as manifested in Elton's narrative. Key analytical criteria include the representation of power structures, the portrayal of authoritarian governance, as well as distinctive compositional and stylistic devices. The originality of this investigation lies in its provision of the first in-depth critical assessment of "Blind Faith", thereby clarifying its generic identity and establishing its place within the British dystopian tradition. The findings reveal a significant transformation of conventional dystopian motifs within the text. Specifically, the novel exhibits characteristics of both demographic dystopia — evidenced by themes of overpopulation, a pronounced religious subtext involving the profanation of biblical motifs and divine retribution, and the materialization of childhood — and classical dystopia, as reflected in concerns over technological progress and spiritual decline, a distinctive literary code, an elaborate system of imagery, and a reinterpretation of Orwellian Newspeak. On this basis, it is proposed that Elton's novel be understood as a hybrid or composite variant of the dystopian genre model.

Key words:

dystopia; typology; genre model; demographic dystopia; problem; motif; Newspeak.

Современная британская антиутопия: типологические особенности жанра в «Слепой вере» Б. Элтона

© Абдуллаева С. Х., Доспанова Д. У., Пулатова В. И., 2026

1. Введение = Introduction

Мы живем в постоянно меняющемся обществе, во многих сферах которого сегодня отмечаются отрицательные тенденции развития, что не может не осмысляться в искусстве, всегда отражающем реальность. Антиутопия — это литературный жанр, дающий самую оперативную оценку событий в окружающем мире, а иногда и предсказывающий определенные факты. В современном литературоведении, в силу спорности и неоднозначности антиутопии как объекта исследования, существует значительное число трактовок и определений данного понятия. Мы разделяем точку зрения В. В. Костенковой, рассматривающей антиутопию как крупный самостоятельный жанр, «диалогически-дискуссионно связанный с утопией, характеризующий негативную социальную модель, экстраполирующую современные тенденции развития общества» [Костенкова, 2019, с. 40].

Поскольку на рубеже XX—XXI веков основной массив антиутопических произведений создавался в рамках американской литературы, многие британские антиутопии оставались вне исследовательского фокуса. В связи с этим представляется необходимым и актуальным рассмотрение романа «Слепая вера» («Blind Faith», 2007), созданного британским писателем Беном Элтоном, одной из интереснейших антиутопий XXI века. Анализ этого произведения посвящены единичные критические работы, что определяет востребованность исследования.

Бен (Бенджамин) Чарльз Элтон (1959) — современный британский писатель, который начинал свою творческую деятельность в 1980 году как стендап-комик, автор и соавтор сценариев комедийных телесериалов (так, он участвовал в написании сценария пилотной серии телесериала «Мистер Бин»). В конце 1980-х годов Элтон переключился на литературу и в 1989 году написал свой первый роман «Stark» (1989), охарактеризован-

ный составителями Энциклопедии британской литературы «Континуум» как произведение в «satirical sci-fi mode» [Grosvenor Myer, 2006, p. 313] // «сатирическом научно-фантастическом ключе» (здесь и далее перевод научного и публицистического текста наш. — В. П.), а Л. М. Эшвортом — как «комическая антиутопия» («comic dystopia») [Ashworth, 2013, p. 71].

Самым значимым произведением Элтона в указанной энциклопедии назван роман «Попкорн» («Popcorn», 1996), а роман «Gridlock» (1991) определен как «оригинальная антиутопическая фантазия, основанная на неустранимой аварии и сбое всей транспортной системы Лондона» [Grosvenor Myer, 2006, p. 313]. Поскольку этот роман пока не переведен на русский язык, обратимся к произведению более известному и близкому к жанровому канону антиутопии — роману «Слепая вера», написанному в 2007 году и опубликованному на русском языке в 2009 году в журнале и издательстве «Иностранная литература» [Элтон, 2009].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В русскоязычном литературоведении творчество писателя изучено недостаточно: ему посвящено лишь несколько работ. Так, в монографии и статье В. Г. Новиковой рассматриваются романы Элтона «Смерть за стеклом» («Dead Famous», 2001) и «Два брата» («Two Brothers», 2012) [Новикова, 2019] в контексте жанра британского социального романа; упоминается и антиутопия «Слепая вера» [Новикова, 2013]. В статье А. А. Смирновой изучается мотив книги в романе в сопоставлении с антиутопией Т. Толстой «Кысь» [Смирнова, 2017]. Единственным опытом специального исследования романа «Слепая вера» являются работы О. А. Пономаревой, в которых произведение определено как антиутопия «нового» типа, или «постантиутопия», поскольку оно комбинирует жанрообразующие черты классической антиутопии и признаки антиутопии «нового» типа: обновленную тематику и проблематику, пародийные образы [Пономарева, 2015, с. 93]. В частности, исследователь отмечает, что новая антиутопическая картина мира создает образ будущего за счет гротеска, но в постантиутопии нарушаются все пропорции и связи между компонентами через нарочитое повторение опорных ситуаций классических сюжетов, пародирующее собственно антиутопическую литературу [Пономарева, 2015, с. 93]. Добавим, что, таким образом, антиутопия становится ближе к антижанру. Во второй работе по теме автор отмечает обращение Элтона к оруэлловскому новоязу, свидетельствующее об архитектуральности романа [Пономарева, 2012]. Другая форма актуализации интертекстуальности — мифологический код — анализируется в работе И. Ю. Извековой, указывающей на использование авторами антиутопий мифа о Великом потопе, проник-

шего в антиутопическую литературу «не только как один из архетипических сюжетов, но также и в качестве изначального “титульного” мифа, определившего мифопоэтику конкретных произведений современной антиутопии», в числе которых И. Ю. Извекова упоминает и роман Элтона [Извекова, 2019]. В зарубежном литературоведении это произведение рассматривалось также лишь несколькими учеными. Так, азербайджанский литературовед М. Т. Хаджиева анализирует «Слепую веру» в своей диссертации в числе антиутопий, основанных на научных и технологических инновациях [Hajiyeva, 2024]. Турецкий ученый Г. Карака определяет роман как «постапокалиптический» и на материале этого и других произведений писателя исследует реализацию идеи «биовласти» М. Фуко [Karaca, 2020]. Дж. Хикмен и Дж. Паркер рассматривают произведение в числе «антиутопий рождаемости» (“fertility dystopias”) [Hickman et al., 2021]. А. Тенеску относит роман Элтона к постмодернизму и на основе этого произведения в числе прочих изучает образ города (в данном случае сквозь призму блога) [Tenescu, 2019].

Данное произведение также было выбрано в качестве материала исследования, поскольку оно трансформирует черты оригинальной жанровой модели антиутопии и отражает острые проблемы современности. Наше исследование предлагает более глубокий анализ романа, уточняющий его жанровую природу и позволяющий вписать его в британскую антиутопическую традицию. Текст романа «Слепая вера» рассматривается с помощью жанрово-типологического метода (в сопоставлении с жанровой моделью классических антиутопий) и с использованием метода художественного анализа текста.

Классическими образцами жанра являются произведения Г. Уэллса (наиболее показателен роман «Спящий пробуждается», 1910), Э. М. Форстера (повесть «Машина останавливается», 1909), Е. Замятина (роман «Мы», 1920), О. Хаксли (романы «О дивный новый мир» (1932) и «Обезьяна и сущность», (1948)), Дж. Оруэлла (роман «1984», 1949), Р. Брэдбери (роман «451 градус по Фаренгейту», 1953). Они заложили основу жанра, которая дополнялась и трансформировалась в более поздних образцах.

На наш взгляд, эту основу составляют, с точки зрения содержания, идея власти, выражаемая темой тоталитарного государства / общины и проблемой ограничения свободы; критика утопического мировоззрения; проблема прогресса науки (материального) и регресса человечества (духовного); комплекс мотивов (мотив уничтожения культуры, «профанирования сакральной библейской тематики» [Ланин, 1993], «разрушения родственных связей, отчуждения и распада семьи» [Шишкина, 2009], стандартизации, предупреждения, страха). С точки зрения композиции клю-

чевыми являются конфликт личности и системы; специфический топос; прием контраста; литературный код; герой, отличающийся от остальных; сюжет, содержащий типичные элементы; усложненный характер композиции в целом. С точки зрения стиля специфику антиутопии составляют: социальная сатира (пародия, парадокс, гротеск и ирония); специфическая художественная речь, насыщенная авторскими неологизмами и псевдонаучными терминами [Пулатова, 2023]. Поскольку в рамках одной статьи не представляется возможным проанализировать весь комплекс признаков, ограничимся жанрообразующими и наиболее показательными признаками: идеей власти, темой авторитарного государства, проблематикой, мотивом «профанирования сакральной библейской тематики», литературным кодом и стилистическими особенностями.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Идейное содержание романа «Слепая Вера»

Заглавие данной антиутопии подсказывает, что ее центральной категорией является религиозный контекст, однако выбранное автором название может иметь узкую и широкую интерпретацию. В узком смысле выражение «слепая вера» действительно указывает на религиозный контекст, воплощенный в мотиве профанирования библейской тематики. Общество, изображенное Элтоном, не религиозно в истинном понимании этого слова, поскольку служители Храма навязывают людям кардинально отличающуюся от традиционного христианства веру в *«странное божество под именем Бог-и-Любовь»* [Элтон, 2009, с. 15], заставляя подчиняться велениям *«...злобного, мстительного, безнадежно оторванного от реальности и непоследовательного существа, у которого хватает времени и охоты лезть в душу каждому человеку и выслушивать его молитвы и который тем не менее убивает и калечит всех без разбору»* [Элтон, 2009, с. 16]. Особенности этого «культа» повторяют и развивают идеи политической пропаганды в романе Э. Бёрджесса «Сумасшедшее семя» и программы Розы Макклюр, одной из телевизионных проповедниц, высмеянных в другой британской антиутопии конца XX века — романе Ф. Д. Джеймс «Дитя человеческое» (1992), — о том, что «Бог есть Любовь». Как и в романе Джеймс, здесь сохраняется только внешняя привлекательность атрибутики, в то время как сущность религии отменена или искажена до предела. Служители Храма призывают людей праздновать свадьбы как можно чаще, пусть даже брак длится всего несколько месяцев; всячески улучшать свое тело пластическими операциями, демонстрировать его как можно чаще, везде и всем и т. д. Собственно Храм, по мысли Элтона, это не религиозная организация, а орган, управляющий государством, так как *«законы теперь*

создает Храм, а правительство превращается в его административный придаток» [Элтон, 2009, с. 18]. Подобно средневековой церкви, имеет он и свой карательный орган — инквизицию, — выискивающий и наказывающий инакомыслящих «еретиков».

Ключ к широкому пониманию заглавия и основной идеи всего романа предлагает сам автор в одном из интервью: «It isn't about either Islam or Christianity — it's about faith. The idea just dropped into my head, as always. I was having a walk and I just started to think about the obsession with respect for faith, as if the mere fact that you can call something a faith sets it apart in terms of credibility from other ideas and acts of intellect» («Он не об исламе или христианстве — он о вере. Сама идея, как обычно, просто возникла в моей голове. Я прогуливался и вдруг стал думать об одержимости уважением к вере, будто сам факт, что что-либо можно назвать верой, отделяет его, в смысле правдоподобия, от других идей и мыслительных действий») [Sutton, 2007]. В широком смысле данное произведение утверждает важность независимого мышления, желания человека понимать суть происходящего вокруг, а также приоритет науки, фактов над навязываемыми постулатами — иными словами, приоритет разума над верой (что в тексте произведения воплощено в идейном конфликте группы «гуманистов» и Храма). Так, главный герой Траффорд Сьюэлл пытается объяснить своей жене: «Я хочу дойти до чего-нибудь своим умом... Хочу прийти к какому-нибудь выводу путем своих собственных рассуждений, а не потому, что мне кто-то его подсказал» [Элтон, 2009, с. 64]. С этой точки зрения обнаруживается сходство данного текста с романом «1984», где Старший Брат приравняется к объекту слепой веры, идеология «ангсоца» и двоемыслие — к принципам этой веры, а Уинстон Смит тщетно пытается противопоставить собственные убеждения и здравый смысл безумной одержимости властью О'Брайена и его вере в идеалы Партии.

3.2. Особенности проблематики романа «Слепая Вера»

На содержательном уровне доминирует проблема прогресса материального и регресса духовности. Несмотря на всю псевдорелигиозность, жители Лондона в романе Элтона крайне бедны в духовном отношении, поскольку лишены культуры: у них нет художественной литературы, кинематографа, музыки и т. д. Достижения «Допотопной эпохи» признаны греховными и отменены, а служители Храма пропагандируют только веру; телевидение транслирует лишь бессодержательные, скандальные ток-шоу: «Те же навязчивые кадры мелькали на его проездном билете, и они же, без сомнения, сменяли друг друга на стенах проигнорированного им лифта. Везде одни и те же программы. Так много экранов — и так мало того, что можно на них увидеть» [Элтон, 2009, с. 15]. Основные занятия на до-

суге у людей: еда, вечеринки, продолжение рода, просмотр ТВ и социальных сетей. Последние нужно отметить особо, так как согласно новой вере человек должен возлюбить себя, искать всяческих удовольствий, а главное, как можно чаще и интенсивнее выражать свои эмоции («эмотировать»), делиться каждой секундой своей жизни с окружающими, выкладывая в социальные сети все и не скрывая абсолютно никаких интимных подробностей: видео свадьбы, первой брачной ночи, рождения ребенка и пр. Сам автор в интервью также подчёркивает центральные проблемы, которые он обдумывал несколько лет, прежде чем осветить: «...the end of privacy and the rise of nominal celebrity, where people can use the recording and exposing of their lives, especially physically and emotionally, as a career» [Sutton, 2007] («...конец уединения и подъем условной известности, когда люди могут физически и эмоционально использовать записанные материалы, выставлая свои жизни напоказ, чтобы сделать карьеру»).

В созданном Элтоном мире человек должен гордиться своим телом и демонстрировать его всем; только единицы рискуют считать иначе, например Траффорд: *«Он не говорил об этом никогда и никому<...>отлично понимая, как неудобно и неприятно будет людям, если он вздумает заявить, что его коробит вид их неприкрытых ягодиц. Они осудят его на своих веб-страницах; они скажут, что его нежелание одобрить ту гордость, с которой они предъявляют окружающим свои тела, попросту кощунственно. Разве не все они созданы по Божьему образу и подобию? Значит, если кому-то не нравится, как выглядит другой человек, то ему не нравится, как выглядит Бог»* [Элтон, 2009, с. 15]. Основной массе людей, по принципу контраста, противопоставляются «гуманисты», которые, являясь носителями истины о прошлой эпохе, постоянно расширяют свои знания из книг и ведут странички в социальных сетях, только чтобы не быть пойманными, а сам главный герой начинает заполнять свою страницу чужими мыслями и видео. Иными словами, эти немногие персонажи имеют богатый внутренний мир, не испытывают нужды делиться им с окружающими и готовы его защищать.

Большое внимание Элтон уделяет и экологической ситуации будущего.

Г. Клэйс утверждает, что роман Элтона представляет собой «комбинацию резкой антисевангельской социальной сатиры и антиутопии глобального потепления» [Claeys, 2017, p. 486]. Действие романа происходит в Лондоне будущего, жарком и полузатопленном вследствие «Великого Потопа» (глобального потепления), случившегося 56 лет назад. С этого момента почти половина вымышленного Лондона оказалась под водой и осталось мало места, пригодного для жизни людей, город перенаселен: *«Все проводили так много времени в очередях, ползущих со скоростью*

улитки, что ожидание вошло у народа в плоть и кровь: люди брели медленно, подволакивая ноги, даже в тех редких случаях, когда никто не загораживал им дорогу впереди и никто не наступал на них сзади» [Элтон, 2009, с. 8]. Поскольку в этом мире практически запрещена официальная медицина и вакцинация, дети постоянно умирают от эпидемий, земля усеяна поминальными открытками и флаерами, как и другим мусором, — никто не заботится о чистоте. Таким образом, в этом произведении, написанном восемнадцать лет назад, Элтон затрагивает экологические проблемы, особенно актуальные и сейчас.

3.3. Специфика композиции романа Бена Элтона

С точки зрения композиции определяющую роль в антиутопии «Слепая вера» играет литературный код. Помимо приведенных примеров, в тексте присутствуют отсылки к другим антиутопическим произведениям, ведущее место среди которых занимает канонический роман «1984». Элтон в одном из интервью вспоминал, что, когда предлагал идею романа издателям, то охарактеризовал его как «встречу» «1984» и пьесы А. Миллера «Суровое испытание», подчеркнув, что его произведение — «об обществе будущего, в котором давление в стиле «Сурового испытания» осуществляется с вездесущностью в стиле «1984» [Sutton, 2007]. В этом же интервью, однако, писатель заметил, что не перечитывал Оруэлла с юности, хотя считает, что фактически всё, что написано о будущем, написано под влиянием Оруэлла, одного из величайших англоязычных писателей [Sutton, 2007].

В тексте «Слепой веры» дается прямая отсылка к роману Оруэлла: в разговоре с Траффордом вакцинатор Кассий утверждает, что, несмотря на огромное количество видеозаписей, их никто не просматривает, так как «у нас не тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» [Элтон, 2009, с. 26] (в дальнейшем оказывается, что на самом деле эти данные используются для поиска вакцинаторов). Далее, желая рассказать про «гуманистов», Кассий прямо называет произведение: «Да, "Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый" — это история про общество, в котором...» [Элтон, 2009, с. 27], — но Траффорд не дает ему договорить из страха быть пойманным. Однако читатель не нуждается в продолжении, зная классический текст и получив достаточный намек на дальнейший ход событий. Другая, скрытая параллель с «1984» обнаруживается на уровне образной системы: персонаж Сандры Ди объединяет в себе образы Джулии и О'Брайена из романа Оруэлла. Траффорд влюбляется в Сандру Ди, делится с ней своим секретом. Позже, когда умирает дочь, его с товарищами арестовывают, только любовь и мысли о девушке спасают его от отчаяния, но затем он узнает, что Сандра Ди оказалась предательницей и виновницей всех его бед; подобно Уинстону с О'Брайеном, они разговаривают в тюрьме, и она рас-

сказывает герою о своей работе и принципах контроля в этом государстве. Обе антиутопии имеют тождество и на стилевом уровне, что будет рассмотрено далее.

В исследуемом тексте присутствует и значительное количество имплицитных отсылок к роману Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». На наш взгляд, из этого текста был заимствован образ общества «гуманистов», который, в отличие от пародийно переосмысленного Бёрджессом в антиутопии «1985», в романе Элтона выполняет важную содержательную и сюжетную функции. Не менее важен и связанный с ним мотив «книги как материализации духовности» [Шишкина, 2009, с. 30], встречающийся во многих образцах жанра, но ассоциирующийся именно с романом Брэдбери. В мире «Слепой веры» книги и художественная литература строгойше запрещены, поскольку, по мнению Храма, «вымышленные истории» отравляют человека иллюзиями и неправдой, а выдумывать истории — значит совершать грех, из которых самым великим считается тот, *«когда человек написал историю Земли, а Бога оставил в стороне!»* [Элтон, 2009, с. 28] (видимо, имеется в виду «Происхождение видов» Ч. Дарвина). На самом же деле чтение книг освобождает людей из-под власти Храма: по утверждению С. Г. Шишкиной, «обретение книги в антиутопии несет и сюжетообразующую нагрузку, поскольку, очутившись в руках человека, книга порой запускает сложные процессы, изменяющие не только событийную канву, но и его — человека — внутренний облик» [Шишкина, 2013, с. 277]. Для Траффорда книги буквально стали глотком свежего воздуха в море невежества, позволив его сознанию эволюционировать от детского до практически гуманистического. Нужно добавить, что казнят «еретиков» одновременно с уничтожением самого «греха» — сжигают на костре из книг, что также является аллюзией на текст Брэдбери.

Сближает эти два романа и критика власти компьютерных технологий над человеческим сознанием, выраженная в сходных образах: у Брэдбери жена Монтэга постоянно живет в окружении «телевизорных стен» и транслируемых «родственников», у Элтона — в квартире Траффорда одна из стен является экраном («развлекраном»), соединяющимся со всем домом (по желанию — со всемирной сетью), на котором постоянно следит за происходящим модератор чата Куколка, являющаяся *«глазами и ушами всего здания, огромным, разбухшим, прикованным к креслу часовым, который одновременно присутствовал во всех квартирах, не покидая при этом своей»* [Элтон, 2009, с. 40]. Если в американском произведении стены вызвали зависимость и лишали человека способности думать, то у Элтона отключение экрана, означающее пренебрежение жизнью соседей и нежелание делиться своей жизнью или непопулярность ее событий у других,

могло стать поводом для публичного осуждения с церковной кафедры. Кроме того, Траффорда повсюду преследует навязчивая реклама, новости и другие шоу, как и Монтэга, которому вездесущая реклама мешала сосредоточиться и связно мыслить. В обществе, изображенном Элтоном, способности мыслить трезво и рассуждать логически на одну тему от людей в принципе не требуется, так как *«важным отличительным признаком истинно верующего человека была манера всегда говорить первое, что пришло в голову, причем как можно громче. Нужды сосредотачиваться не возникало никогда: Бог знал все, а вы действовали по указке Храма. Так чего же тут сосредотачиваться?»* [Элтон, 2009, с. 91]. Изображение людей, неспособных рассуждать критически, вопреки наличию у них постоянного доступа к информации и социальным сетям, определяется как важный аспект романа Элтона и литературоведом М. Т. Хаджиевой [Hajiyeva, 2024, p. 31]. Исследуемое произведение в значительной степени развивает и мотив профанирования библейской тематики, только намеченный в антиутопии Брэдбери.

В сюжете антиутопии «Слепая вера» значим и мотив перенаселения, актуализирующий тему города. Данные элементы дифференцируются также в антиутопии «Сумасшедшее семя» Э. Бёрджесса, в котором они были связаны с библейским и языческим мифом. В обоих произведениях отмечается мотив божьей кары человечества за его грехи (у Бёрджесса — голод, у Элтона — «Потоп»), однако если в «Сумасшедшем семени» катастрофа действительно грозила вымиранием всей стране и была детально описана, то в «Слепой вере» она вынесена за пределы повествования и служит основой власти Храма и одним из средств устрашения. Необходимо добавить, что мотив божьей кары присутствует и в романе «Дитя человеческое», воплощенный в тексте в такой характеристике реальности, как отсутствие рождаемости; в мире, изображенном Элтоном, остро стоит проблема перенаселения, высока детская смертность. При этом младенец героини Джулиан в романе Ф. Д. Джеймс является спасением от вымирания для всего мира, истинным чудом; дочь Траффорда Мармеладка Кейтлин же стала святым «чудо-ребенком», искусственно получив прививку, и так же искусственно была заражена и убита агентами инквизиции, предотвратившими ее превращение в оружие против Храма. Выделенные сходства романа Элтона с антиутопиями Э. Бёрджесса и Ф. Д. Джеймс позволяют сделать вывод о принадлежности антиутопии «Слепая вера» к «демографической» разновидности жанра.

Подобные антиутопии, в которых доминировали проблемы численности населения и которые критик А. Доминго предложил назвать «демографическими антиутопиями» («demodystopias») [Domingo, 2008, p. 725],

стали появляться в 60-е годы на фоне демографического взрыва. К их первым и главным образцам исследователь отнес и антиутопию Э. Бёрджеса «Сумасшедшее семья». Здесь необходимо отметить, что в годы после Второй Мировой войны демографическая ситуация в мире стала в целом заметно колебаться: если приблизительно до 1975 года наблюдался рост населения, достигающий 2 % в год, то позже, вопреки тревожным прогнозам ученых, уровень рождаемости, в частности в Европе, стал падать (при том же уровне смертности), вызывая противоположные опасения. Вследствие этого демографические проблемы стали предметом осмысления не только научного сообщества, но и общества в целом, не исключая и литературу. С другой стороны, Дж. Хикмен и Дж. Паркер предлагают сузить термин Доминго «демографическая антиутопия» до понятия «антиутопия рождаемости» (“fertility dystopia”), подразумевая только те произведения, «сюжет которых разворачивается на фоне демографических катастроф на Земле, вызванных главным образом изменениями в уровне рождаемости» [Hickman et al., 2021, p. 207]. К ним авторы относят и антиутопию Элтона, «антинатальную и сатирическую», в которой отражена непреходящая озабоченность по поводу свободы выбора и возможностей человечества в вопросах репродуктивного здоровья [Ibid., p. 227].

К прямым литературным отсылкам в «Слепой вере» относятся и упоминания ключевых литературных произведений, которые, по мнению «гуманистов», обязан знать любой просвещённый человек: романов «Гордость и предубеждение», «Грозовой перевал», «Джен Эйр», «Сыновья и любовники», повести «Посторонний», цикла рассказов «Приключения Шерлока Холмса». Выбор произведений, как нам кажется, неслучаен, поскольку они либо повествуют о сильной личности и сильных чувствах, которые никем не навязываются, либо учат логически мыслить и анализировать факты. Заметим также, что автор в основном опирается на английскую классику XIX века, что объясняется тем фактом, что, по замечанию М. Н. Низамовой, связь с традицией становится основополагающим принципом поэтики современного английского романа [Низамова, 2021, с. 143].

3.4. Стилиевые доминанты романа «Слепая Вера»

Художественная речь антиутопии «Слепая вера» имеет несколько особенностей. Прежде всего, это закономерное обилие лексики, связанной с религиозной сферой: *temple, heretic, confession, congregation, inquisition, mitre* («храм», «еретик», «исповедь», «паства», «инквизиция», «митра») и т. д. Автор также использует неологизмы (*to Tube, beautification, Face Space pages, to Goog'* // в переводе: «выложить в сеть» «бьютификация», «персональные веб-страницы», «гуглить»), отражающие реалии жизни данного социума. На стилевом уровне текста значимую роль играет также пародия. С нашей точки

зрения, если Э. Бёрджесс в антиутопии «1985» полемизирует с классиком, предлагает свой вариант развития его идей и выражает свои взгляды даже используя пародийные формы, то Элтон такой цели не ставит, пародируя, в частности, текст Оруэлла в целях критики современных явлений действительности. Так, с помощью пародии критикуется власть социальных сетей над сознанием человека: если в романе «1984» с помощью «телекрана» Партия наблюдает за жителями Океании против их воли, то в мире, созданном Элтоном, люди, используя различные социальные сети и «развлекран», сами предоставляют всевозможную информацию о себе для контроля со стороны инквизиции. В антиутопии Оруэлла изображается Неделя ненависти к военному противнику, с маршами, грохотом военной техники, стрельбой орудий и буквально кипящей всеобщей ненавистью; в мире антиутопии Элтона проводятся еженедельные «Фестивали Веры» — концерты, на которых поют, едят и кричат одновременно; где выступают звезды и сообщают толпе, что *«...нищета, болезни и несправедливости обязательно уйдут в прошлое, если только все зрители возьмутся за руки и споют хором»* [Элтон, 2009, с. 68]. На одном из таких фестивалей был принят новый закон Уэмбли (Храма), объявленный епископом Соломоном Кентукки: *«С этого дня, если будет на то ваша воля, каждый из вас становится знаменитым! По закону! По праву!»* [Элтон, 2009, с. 61].

Ключевым элементом на стилевом уровне представляется очередное обращение к антиутопической традиции — использование оруэлловского новояза: *«Один непреременный атрибут физиприсов Трафффорд ненавидел всей душой. Это были гробья, или групповые объятия, без которых никогда не обходились встречи коллег по работе»* [Элтон, 2009, с. 18]. Здесь неологизм «физиприс» является сокращением словосочетания «физическое присутствие». Отметим удачный перевод неологизма *gr'ug* словом *гробья*, которое придает дополнительный сатирический оттенок смыслу. Кроме этого, к примерам «новояза» в тексте романа можно отнести следующие неологизмы, образованные сложением слов: *развлекран, Госбанд, Израз, ниврад* (в оригинале: *broadband, NatDat, DegSep, EvLove*). За исключением последнего, неологизмы, созданные Элтоном на основе «новояза», не выполняют особой функции сокращения сознания человека или доказательства истинности убеждений (как у Оруэлла или Бёрджесса), являясь еще одним средством пародирования канона.

Последнее слово отличается от прочих, поскольку именно оно стало кодовым для отправки электронного письма, объединившего новых единомышленников Траффорда, несогласных с политикой Храма, и положило начало будущему сопротивлению. Так как письмо было секретным, то слово-ключ также нуждалось в зашифровке: *ниврад* — это сокращение

словосочетания *Нивы радости*, общепринятого возгласа на проповедях, превращенного в анаграмму *Дарвин* — фамилию главного еретика «Допотопной эпохи», слово, олицетворяющее все, что пытается истребить Храм. В данном случае переводчику также удалось подобрать удачную аналогию: в оригинале было использовано составное слово *EvLove* (от *Everlasting Love*), выступающее анаграммой *evolve* («эволюционируйте») — в переводе). Таким образом, программа, созданная главным героем и запущенная словом *Дарвин*, послужила импульсом к началу борьбы, что в свою очередь актуализирует более позитивную трактовку трагичного финала романа. В этом отношении мы разделяем точку зрения исследователей Д. Алиходжича и С. Жеркович о наличии оптимизма в концовке классической антиутопии: «Ужасный финал героя и вместе с тем в некоторой степени оптимистичный по отношению к судьбе этого общества является гораздо более эффективным завершением, учитывая цель антиутопического романа» [Alihodžić et al., 2019, p. 60].

4. Заключение = Conclusions

Итак, жанрово-типологический и художественный анализ антиутопии «Слепая вера» современного британского прозаика Бена Элтона позволили сделать следующие выводы:

1. Идейное своеобразие данного произведения, раскрываемое, в частности, с помощью заглавия и идейного конфликта, заключается в утверждении ценности свободной мысли и стремления к знаниям и критике слепого следования пропаганде.
2. Центральная проблема произведения — проблема прогресса материального и регресса духовности, критикующая отрицательные явления сегодняшнего дня (власть социальных сетей).
3. Композиционный уровень определяет литературный код, представленный, в основном, аллюзиями на антиутопии Дж. Оруэлла «1984» (прямая отсылка, сходства образной системы и стиля) и Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (образные сходства, мотив книги, идея критики власти компьютерных технологий). Сходства «Слепой веры» с антиутопиями Э. Бёрджесса («Сумасшедшее семя») и Ф. Д. Джеймс («Дитя человеческое»), обнаруженные на уровне сюжета и образной системы (религиозный контекст, мотив перенаселения, мотив божьей кары, образ ребенка), позволяют отнести роман Элтона к демографическим антиутопиям.
4. На стилевом уровне специфику антиутопии «Слепая вера» составляют религиозная лексика, неологизмы, а также пародия. Знаковым элементом стиля данного произведения является использование оруэлловского новояза как средства пародирования антиутопического канона.

5. Поскольку антиутопия Б. Элтона «Слепая вера» совмещает признаки демографической и классической разновидностей антиутопии, она может быть обозначена как комбинированный вариант жанра.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Элтон Б. Слепая вера / Б. Элтон // Иностранная литература. — 2009. — № 4. — С. 3—179.
2. Grosvenor Myer M. Elton Benjamin Charles / M. Grosvenor Myer // The Continuum Encyclopedia of British Literature. — New York, London : Continuum International Publishing Group, 2003. — 1184 p.
3. Sutton H. Ben Elton : Is the former stand-up comedian the new Orwell? [Electronic resource] / H. Sutton // Independentio — 11 Nov. — 2007. — Access mode : <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/ben-elton-is-the-former-standup-comedian-the-new-orwell-399527.html> (accessed 05.06.2023).

Литература

1. Извекова И. Ю. О мифологической основе сюжетов в антиутопической прозе / И. Ю. Извекова // Вопросы русской литературы. — 2019. — № 2. — С. 55—74.
2. Костенкова В. В. Антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / В. В. Костенкова. — Краснодар, 2019. — 180 с.
3. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX в. : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.02 / Б. А. Ланин. — Москва, 1993. — 350 с.
4. Новикова В. Г. Бинарный архетип в романе Бена Элтона «Два брата» / В. Г. Новикова // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 164—172. — DOI: 10.24224/22 27-1295-2019-11-164-172.
5. Новикова В. Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма / В. Г. Новикова. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. — 369 с. — ISBN 978-5-91326-270-7.
6. Низамова М. Н. Концепция истории в английском романе рубежа XX—XXI веков / М. Н. Низамова // Литературный процесс на рубеже XX—XXI веков. — Нижний Новгород : НИЦ «Открытое знание», 2021. — С. 142—159. — ISBN 978-5-6046205-1-9.
7. Пономарева О. А. Архитектуральность романа Бена Элтона «Слепая вера» / О. А. Пономарева // Язык и культура (Новосибирск). — 2012. — № 1—1. — С. 215—219.
8. Пономарева О. А. Роман Бена Элтона «Слепая Вера» : жанровые признаки постантиутопии / О. А. Пономарева // Достижения вузовской науки. Филологические науки. — 2015. — № 18. — С. 92—95.
9. Пулатова В. И. Из истории английской антиутопии конца XX в. : идейно-содержательные доминанты романа Ф. Д. Джеймс «Дитя человеческое» / В. И. Пулатова // Studia Litterarum. — 2023. — Т. 8. — № 3. — С. 68—81. — DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-3-68-81.

10. Смирнова А. А. Культурная роль книги и чтения в современных антиутопиях (по произведениям Т. Толстой и Б. Элтона) / А. А. Смирнова // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017) : сборник статей. Всероссийская ежегодная научно-практическая конференция, Киров, 01—29 апреля 2017 года. — Киров : Вятский государственный университет, 2017. — С. 3135—3140.

11. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке / С. Г. Шишкина. — Иваново : Иван. гос. хим.-технол. ун-т., 2009. — 230 с. — ISBN 978-5-9616-0319-4.

12. Шишкина С. Г. Концепт "книга" в жанре литературной антиутопии / С. Г. Шишкина // Книга в современном мире : Материалы международной научной конференции, Воронеж, 26—28 февраля 2013 года. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. — С. 275—280.

13. Alihodžić D. The Boundaries of Dystopian Literature. The Genre in Context / D. Alihodžić, S. V. Jerković. — Tuzla : [b. i.], 2016. — 176 p.

14. Ashworth L. M. Dystopia and Global Utopias : A Necessary Step towards a Better World? / L. M. Ashworth // Dystopia(n) Matters : On the Page, on Screen, on Stage / Ed. F. Vieira. — Cambridge : Cambridge Scholar Publishing, 2013. — Pp. 69—71. — ISBN 978-1-4438-4743-8.

15. Claeys G. Dystopia : A Natural History. A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions / G. Claeys. — New York : Oxford University Press, 2017. — 576 p. — ISBN 978-0-19-878568-2.

16. Domingo A. "Demodystopias" : Prospects of Demographic Hell / A. Domingo // Population and Development Review. — 2008. — Vol. 34. — № 4. — Pp. 725—745.

17. Hajiyeveva M. T. Utopia and Dystopia in English Language Literature and Film Texts : D. Sc. thesis summary / M. T. Hajiyeveva. — Baku, 2024. — 51 p.

18. Hickman J. An Overabundance of Population Panics : A Rough Periodization of "Fertility Dystopias" / J. Hickman, J. D. Parker // Utopian Studies. — 2021. — № 32 (2). — Pp. 206—235. — DOI: 10.5325/utopianstudies.32.2.0206.

19. Karaca G. Lives under control : Foucauldian biopower in British post-apocalyptic novels : Ph. D. thesis / G. Karaca. — Erzurum, 2020. — 180 p.

20. Țenescu A. Images of the City in Postmodern British, Irish and American-Canadian Literature" / A. Țenescu // Cultural Encounters. New Perspectives in English and American Studies. — Tempeh : Arizona State University, 2019. — Pp. 55—66. — ISBN 978-615-5853-16-6.

Статья поступила в редакцию 04.11.2025,
одобрена после рецензирования 23.03.2026,
подготовлена к публикации 07.05.2026.

Material resources

- Elton, B. (2009). Blind Faith. *Foreign literature*, 4: 3—179. (In Russ.).
- Grosvenor Myer, M. (2003). Elton Benjamin Charles. In: *The Continuum Encyclopedia of British Literature*. New York, London: Continuum International Publishing Group. 1184 p.
- Sutton, H. (2007). Ben Elton: Is the former stand-up comedian the new Orwell? *Independent*. Available at: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/ben-elton-is-the-former-standup-comedian-the-new-orwell-399527.html> (accessed 05.06.2023).

References

- Alihodžić, D., Jerković, S. V. (2016). *The Boundaries of Dystopian Literature. The Genre in Context*. Tuzla: [b. i.]. 176 p.
- Ashworth, L. M. (2013). Dystopia and Global Utopias: A Necessary Step towards a Better World? In: *Dystopia(n) Matters: On the Page, on Screen, on Stage*. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing. 69—71. ISBN 978-1-4438-4743-8.
- Claeys, G. (2017). *Dystopia: A Natural History. A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions*. New York: Oxford University Press. 576 p. ISBN 978-0-19-878568-2.
- Domingo, A. (2008). “Demodystopias”: Prospects of Demographic Hell. *Population and Development Review*, 34 (4): 725—745.
- Hajiyeva, M. T. (2024). *Utopia and Dystopia in English Language Literature and Film Texts: D. Sc. thesis summary*. Baku. 51 p.
- Hickman, J., Parker, J. D. (2021). An Overabundance of Population Panics: A Rough Periodization of “Fertility Dystopias”. *Utopian Studies*, 32 (2): 206—235. DOI: 10.5325/utopianstudies.32.2.0206.
- Izvekova, I. Y. (2019). On the mythological basis of plots in dystopian prose. *Questions of Russian literature*, 2: 55—74. (In Russ.).
- Karaca, G. (2020). *Lives under control: Foucauldian biopower in British post-apocalyptic novels: Ph. D. thesis*. Erzurum. 180 p.
- Kostenkova, V. V. (2019). *Dystopia of the beginning of the XXI century in the dynamics of genre transformations*. PhD Diss. Krasnodar. 180 p. (In Russ.).
- Lanin, B. A. (1993). *Russian literary dystopia of the XX century*. Doct. Diss. Moscow. 350 p. (In Russ.).
- Nizamova, M. N. (2021). The concept of history in the English novel of the turn of the XX—XXI centuries. In: *Literary process at the turn of the XX—XXI centuries*. Nizhny Novgorod: Research Center “Open Knowledge”. 142—159. ISBN 978-5-6046205-1-9. (In Russ.).
- Novikova, V. G. (2013). *The British social novel in the era of postmodernism*. Nizhny Novgorod: Publishing House of N. I. Lobachevsky National Research University. 369 p. ISBN 978-5-91326-270-7. (In Russ.).
- Novikova, V. G. (2019). Binary Archetype in Ben Elton’s Novel “Two Brothers”. *Nauchnyi dialog*, 11: 164—172. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-164-172> (In Russ.).
- Ponomareva, O. A. (2012). Architectuality of Ben Elton’s novel “Blind Faith”. *Language and Culture (Novosibirsk)*, 1—1: 215—219. (In Russ.).
- Ponomareva, O. A. (2015). Ben Elton’s novel “Blind Faith”: genre signs of post-anti-utopia. *Achievements of university science. Philological sciences*, 18: 92—95. (In Russ.).
- Pulatova, V. I. (2023). From the history of English dystopia at the end of the 20th century: ideological and substantive dominants of F. D. James’ novel “The Human Child”. *Studia Litterarum*, 8 (3): 68—81. DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-3-68-81. (In Russ.).
- Shishkina, S. G. (2009). *Origins and transformations of the genre of literary dystopia in the XX century*. Ivanovo: Ivan. gos. chem.-technol. Univ. 230 p. ISBN 978-5-9616-0319-4. (In Russ.).
- Shishkina, S. G. (2013). The concept of “book” in the genre of literary dystopia. In: *Book in the modern world: Proceedings of the International scientific conference, Voronezh, February 26—28, 2013*. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS. 275—280. (In Russ.).

- Smirnova, A. A. (2017). The cultural role of books and reading in modern dystopias (based on the works of T. Tolstoy and B. Elton). In: *Society. Science. Innovations (NPK-2017): collection of articles. All-Russian Annual Scientific and Practical Conference, Kirov, April 01—29, 2017*. Kirov: Vyatka State University. 3135—3140. (In Russ.).
- Țenescu, A. (2019). Images of the City in Postmodern British, Irish and American-Canadian Literature”. In: *Cultural Encounters. New Perspectives in English and American Studies*. Tempeh: Arizona State University. 55—66. ISBN 978-615-5853-16-6.

*The article was submitted 04.11.2025;
approved after reviewing 23.03.2026;
accepted for publication 07.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мещанский А. Ю. Блокадная тема в творчестве российских драматургов XXI века / А. Ю. Мещанский, Л. А. Савелова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 295—316. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-295-316.

Meshchansky, A. Y., Savelova, L. A. (2026). Siege Theme in Works of 21st-Century Russian Playwrights. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 295-316. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-295-316. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Блокадная тема в творчестве российских драматургов XXI века

Мещанский Александр Юрьевич

orcid.org/0000-0001-5357-5543

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра литературы и русского языка
a.meshchanskiy@narfu.ru

Савелова Любовь Анатольевна

orcid.org/0000-0001-8407-5103

доктор филологических наук, доцент,
кафедра литературы и русского языка,
корреспондирующий автор
l.savelova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Siege Theme in Works of 21st-Century Russian Playwrights

Alexander Yu. Meshchansky

orcid.org/0000-0001-5357-5543

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literature
and Russian Language
a.meshchanskiy@narfu.ru

Lyubov A. Savelova

orcid.org/0000-0001-8407-5103

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Literature
and Russian Language,
corresponding author
l.savelova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
(Arkhangelsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме реактуализации темы блокады Ленинграда в современном литературно-драматургическом дискурсе. Цель исследования — выявить специфику индивидуально-авторского осмысления блокадного опыта современными российскими драматургами. В качестве основного объекта и источника текстового материала рассматриваются написанные в XXI веке пьесы Е. Греминой «67/871» и Ю. Клавдиева «Развалины». Авторы статьи стремятся раскрыть интерпретационный потенциал блокадной тематики, заложенный в анализируемых текстах. Результатом мотивно-образного, контекстуально-семантического и интертекстуального анализа текста пьес является выход на концептуальный уровень содержательной структуры произведений. Показано, что современные драматурги жанрово обогащают дискурс о блокаде Ленинграда. Отмечается, что они по-разному работают со свидетельствами эпохи и находят новые способы трансляции ключевых концептуальных смыслов блокадного текста, связанных с поиском путей выживания, сохранением человеческого облика или его утратой в экстремальных условиях. Сделан вывод о том, что разные формы репрезентации темы блокады Ленинграда, используемые Е. Греминой и Ю. Клавдиевым, обнажают аксиологическую значимость трагических событий прошлого для понимания ценностных структур настоящего и будущего времени, задают вектор нравственно-этического восприятия современного общества, побуждают к дискуссии.

Ключевые слова:

блокада Ленинграда; реактуализация темы; блокадный текст; современная пьеса; документальная драма; семантика травмы; Е. Гремина; Ю. Клавдиев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of reactualizing the Siege of Leningrad within contemporary literary and dramatic discourse. The study aims to identify the specific ways in which modern Russian playwrights individually interpret the siege experience. The primary focus is on two 21st-century plays: *67/871* by E. Gremina and *Ruins* by Yu. Klavdiev, which serve as the central textual sources for analysis. The authors seek to uncover the interpretative potential embedded in the siege theme as manifested in these works. Through a combination of motif-image, contextual-semantic, and intertextual analyses, the research delves into the conceptual level of the plays' content structures. It is demonstrated that contemporary dramatists are genre-enriching the discourse surrounding the Siege of Leningrad. The analysis reveals that these playwrights engage with historical testimonies in distinct ways, developing innovative methods for transmitting the core conceptual meanings of siege narratives—particularly those related to survival strategies, the preservation or loss of humanity under extreme conditions, and the moral dilemmas posed by catastrophe. The study concludes that the diverse forms of representing the siege theme, as employed by E. Gremina and Yu. Klavdiev, expose the axiological significance of past tragedies for understanding present and future value systems. These representations also establish a vector for the ethical perception of contemporary society and stimulate critical discussion.

Key words:

Siege of Leningrad, reactualization of the theme, siege narrative, contemporary play, documentary drama, semantics of trauma, E. Gremina, Yu. Klavdiev.

УДК 821.161.1+82-21

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-295-316

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Блокадная тема в творчестве русских драматургов XXI века

© Мещанский А. Ю., Савелова Л. А., 2026

1. Введение = Introduction

Проблема литературно-художественной рецепции трагических событий прошлого, повлиявших на мировосприятие не только их участников, но и последующих поколений людей, сохраняет актуальность для научных исследований настоящего времени. Обращение к данной проблематике обостряет дискуссию о природе человека и границах его возможностей. Блокада Ленинграда стала таким событием, которое потребовало глубокого, разностороннего осмысления и породило обширное нарративно-дискурсивное поле, до сих пор осваиваемое и в этико-эстетическом, и в исследовательском ключе. Высокий интерес ученых к разным проявлениям и последствиям блокадного опыта обеспечивает большую степень научной проработки вопроса, в частности, в трудах В. К. Дмитриева, И. А. Паперно, В. Л. Пянкевича, Г. Л. Соболева, С. В. Ярова [Дмитриев, 2020; Паперно, 2023; Пянкевич, 2014; Соболев, 2013—2017; Яров, 2018; Яров, 2021] и др. Однако малоизученной с этой точки зрения остается современная драматургия. Тем не менее в отдельных статьях и разделах монографий внимание исследователей сосредоточивается на специфике прочтения и репрезентации блокадной темы именно в пьесах авторов нашего времени. Здесь следует назвать публикации В. Г. Левицкого, И. В. Мотеюнайте, П. А. Руднева, М. И. Сизовой [Левицкий, 2019; Мотеюнайте, 2020; Руднев, 2018, с. 366—369; Сизова, 2015]. Добавим, что в одном из своих более ранних исследований мы рассматривали пьесу Н. Воробьевой и К. Журенкова «Людоед», действие которой также относится к событиям блокадного времени [Мещанский и др., 2022, с. 293—296]. Анализ данной пьесы был нацелен на установление ее интертекстуальных связей и раскрытие дискурсообразующего потенциала темы Великой Отечественной войны для драматургии XXI века.

Результаты научных исследований убеждают, что, участвуя в структурировании других свертхтекстов (в частности, военного, петербургского), тема блокады Ленинграда в то же время формирует свое, относительно

самостоятельное, узнаваемое смысловое пространство (блокадный текст). В этот процесс наряду с источниками разных типов вовлечены и драматургические произведения, что мы стремимся проследить в данной статье.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Наше исследование выполнено на материале малоизученных пьес о блокаде Ленинграда, созданных в XXI веке. Основным объектом анализа выступают тексты двух драматургических произведений: документальной пьесы Е. Греминой «67/871», написанной в 2017 году, и пьесы Ю. Клавдиева «Развалины», написанной в 2010 году. Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть способы реактуализации блокадной темы современными драматургами, дав представление о специфике авторских стратегий в создании образов ленинградцев-блокадников.

Концептуальное содержание произведений выявляется в процессе интерпретации их текста с применением методов мотивно-образного, контекстуально-семантического, композиционного, интертекстуального и сравнительного анализа.

В настоящее время предлагаются различные подходы к изучению блокадной проблематики, отраженной в художественной литературе и документалистике. В зависимости от направленности исследования в фокусе внимания филологов оказываются тематический спектр и языковой код дневниковых записей и произведений, созданных теми, кто жил в блокадном Ленинграде; образные ряды и концепты, формирующие картину обреченного на страдания города; проблема осмысления травматического опыта в разновременной перспективе; детерминированность блокадной трагедии предвоенными испытаниями значительной части населения страны; природа и формы воплощения индивидуальной и всеобщей памяти и т. д. [Адельгейм, 2021; Ефремов и др., 2023; Михайлова, 2019; Павловская, 2023; Пазио-Влазловская, 2015; Паперно, 2023; Прозорова, 2021; Прозорова, 2024 и др.].

Эти ракурсы прочтения текстов о блокаде тесно переплетены между собой и могут найти методологическое применение в процессе исследования драматургических текстов XXI века. Предлагаемые современными исследователями подходы выводят на понимание ключевых смыслов, с одной стороны, обеспечивающих единство блокадного дискурса, с другой — составляющих основу его полиинтерпретативности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Дискурсообразующий потенциал темы блокады Ленинграда

Осмысление блокады Ленинграда и ее последствий, начавшееся уже во время осады города и продолжающееся до сих пор, привело к возник-

новению множества текстов разного типа. В совокупности они образуют сложное и открытое смысловое пространство, которое имеет сверткестовую и дискурсивную природу. В проекции на современную драматургию структуру этого пространства условно можно представить в виде смысловой воронки (от общего к частному): блокадный текст русской истории и культуры — блокадный текст русской литературы — блокадный текст русской драматургии — блокадный текст современной русской драматургии.

В XX веке было написано множество художественных и документальных произведений, посвященных этой героической и одновременно глубоко трагической странице отечественной истории. Это «Ленинградский дневник», «Дневные звезды» О. Берггольц, «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича, «Блокада» А. Чаковского, «В осажденном городе» Л. Пантелеева, «Сестра печали» В. Шефнера, «Должна остаться живой» Л. Никольской, «В блокадном Ленинграде» Д. Лихачева, «Записки блокадного человека» Л. Гинзбург, «Воспоминания о блокаде» В. Глинки, «Балтийское небо», «Девочка-жизнь» Н. Чуковского, «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, «Седьмая симфония» Т. Цинберг, «Почти три года» В. Инбер, «Там, за чертой блокады», «Дети блокады» М. Сухачева, «Дорога жизни» Н. Ходза, «Сквозь всю блокаду» П. Лукницкого, «Блокада в моей судьбе» Б. Тарасова, «В плену блокадного детства» Т. Тетерской, «Блокада снится мне ночами» В. Новикова и др.

Публикация текстов блокадной тематики способствовала закреплению образа гуманитарной катастрофы в коллективной памяти. Как говорил философ М. Мамардашвили, «если воевавшая нация не извлекает опыта из войны, война будет повторяться снова и снова» [Леонтьев, 2011, с. 8]. Таким образом, литература вобрала в себя то, что тысячи безымянных свидетелей унесли за черту бытия: трагический личный опыт, ставший опытом целых поколений и всего народа.

Установка на проработку травматического опыта, заданная уже первыми произведениями, находит воплощение и в драматургической форме. Однако круг получивших известность пьес, в которых так или иначе затрагивается тема блокады Ленинграда, невелик. Это «Одна ночь» Е. Шварца (1942), «Раскинулось море широко» В. Вишневского (1942), «Они жили в Ленинграде» О. Берггольц и Г. Макогоненко (1943), «Пять вечеров» А. Володина (1958), «Мой бедный Марат» А. Арбузова (1965) и др. Историко-идеологический контекст создания этих произведений предопределяет соответствие представленной в них системы нравственных координат ценностям советского общества. Инвариантным модусом их содержания становится стоицизм, героизм и самопожертвование ленинградцев, а не тот беспрецедентный ужас, с которым им пришлось столкнуться. Сфоку-

сированность на преодолении любых страданий ради победы как бы оттесняет на второй план факт другой войны — внутренней, когда не видевшие в лицо врага люди обреченно вели борьбу за собственную личность, разрушаемую голодом, холодом, близостью смерти.

В новых ракурсах, в том числе в разрезе растабулированности, тема блокады осмысливается в драматургическом творчестве авторов XXI века, в частности в пьесах В. Леванова «Святая блаженная Ксения Петербургская в житии» (2007), Ю. Клавдиева «Развалины» (2010), П. Барсковой «Живые картины» (2015), Н. Воробьевой и К. Журенкова «Людоед» (2016), Е. Греминой «67/871» (2017). Интерес к блокадной тематике у современных драматургов не случаен. Это обусловлено тем, что, во-первых, блокадный опыт «оказался непреодолимым — и по силе травматического воздействия на человека, и по влиянию на метод интерпретации» [Паперно, 2023, с. 12]. С другой стороны, блокадная травма оставила глубокий след в коллективной памяти народа и в русской культуре в целом. В определенном смысле, она стала зеркалом, в котором отражается наше время, раскрывается социально-философская парадигма сегодняшнего дня.

Блокада по-прежнему ставит много вопросов. И, пожалуй, главный из них — что значит остаться человеком в ситуации длительной экзистенциальной катастрофы? Могут ли нравственные нормы быть незыблемыми, когда нет контроля над собой, нет критического мнения со стороны и размывается само представление о морали. Как экстремальные испытания меняют человека, его жизненные приоритеты и взгляды? Актуализация блокадной темы в современном литературном процессе связана со стремлением разобраться в прошлом, чтобы лучше понять настоящее и, возможно, предугадать будущее.

Единство блокадного дискурса при всем его тематическом и жанровом разнообразии обеспечивается устойчивыми смыслами, образами, символами, к числу которых относятся голод, холод, смерть, артобстрелы, руины, дневник Тани Савичевой, седьмая симфония Шостаковича, стихи Берггольц, Пискаревское кладбище. Смысловым инвариантом при этом выступает травма (личная, всеобщая, межпоколенческая, антропологическая, культурная): «Город пришлось заселять заново, многие традиции культуры, быта и поведения ленинградцев оказались утраченными. Но у всех осталась боль блокады, испытанная и самими горожанами, и переданная другим рассказами родных и бесконечной чередой могил» [Яров, 2018, с. 289]. Произведения современных драматургов высвечивают новые грани этого смысла, настраивают на общность переживаний и расширяют возможности рефлексивной проработки темы блокады Ленинграда.

3.2. Экзистенциально-онтологическая проблематика документальной пьесы Е. Греминой «67/871»

Новый формат освоения блокадного опыта является собой документальная пьеса Е. Греминой «67/871», ставшая последней в жизни драматурга. Художественный метод, положенный в основу произведения, оттачивался в недрах проекта «Театр.doc», созданного ею совместно с М. Угаровым в 2002 году. По мнению М. Липовецкого, этот творческий проект породил революцию в российском театре: «Они открыли дорогу документальной драме — вербатиму, основанному на живых интервью с реальными людьми» [Липовецкий, 2019, с. 5]. Материалы для пьесы «67/871» собирались актерами театра и волонтерами в ходе бесед с пережившими блокаду петербуржцами с соблюдением определенных требований, в число которых входили «фиксирование портрета интервьюируемого, его эмоциональных проявлений (вздыхает, плачет, смеется и т. п.), сохранение всех неточностей и огрехов устной речи, особенностей лексики» [Левицкий, 2019, с. 500]. Личные, практически не отредактированные свидетельства составляют текстовую основу пьесы и позволяют драматургу осуществить переход от так называемой исторической правды к субъективному переживанию, побуждающему к персонализации опыта читателя / зрителя. В центре внимания пьесы, таким образом, оказывается вопрос о человеке и его экзистенции.

По прошествии времени блокадные события могут вытесняться из коллективной памяти, не готовой интегрировать все их мрачные стороны. В частности, Д. Гранин вспоминал, как они с А. Адамовичем в процессе работы над «Блокадной книгой» столкнулись с тем, что впоследствии назвали эрозией памяти, — когда рассказчики «вспоминают не подлинное прошлое, а то, каким оно стало в настоящем» [Гранин, 2015, с. 17] под влиянием кадров кинохроники, фильмов, книг, телевидения. В результате казенная история начинает вытеснять личную память. Пьеса «67/871» стремится преодолеть эту эрозию с помощью целостного взгляда на множество трагических событий из перекрестья прошлого и настоящего, когда читатель / зритель становится непосредственным свидетелем нечеловеческих страданий.

Роль автора, казалось бы, ограничивается компоновкой собранного материала: отрывков из воспоминаний очевидцев, писем, дневниковых записей и архивных документов. Но их последовательность воспринимается как цельный текст, композиционно выстроенный, кульминационно напряженный и оказывающий сильное ментальное и психоэмоциональное воздействие на адресата. Установка на фактологическую реальность становится для Греминой способом не только осмысления катастрофического опыта, но и его преодоления, авторской реакцией на остросоциальную тему.

Название пьесы состоит из чисел, что сообщает ему строгость, лаконичность и стремление к объективности оценок. Его художественно-концептуальная нагрузка проявляется прежде всего в соотносённости с архитектуроникой и хронотопом произведения, состоящего из 67 эпизодов, связанных с 871-м днем блокады Ленинграда.

Все эпизоды пронумерованы и в большинстве случаев озаглавлены. Структурно-семантическая особенность этих заголовков заключается в том, что в них часто используется гастрономическая лексика: *хлеб, консервы, крупа, пшено, сало, сухари, бульон, лепешки из подорожника, студень, лебеда, дуранда* и др. Голод — лейтмотив пьесы, обнажающий предел возможностей человеческого существования. Человек может привыкнуть ко многому: к бедности, униженности, одиночеству, разобщенности, несправедливости, утрате свободы. К голоду привыкнуть невозможно. Многовековой человеческий опыт оказывается бессилён перед лицом голода. Классическая для русской литературы тема униженного и оскорбленного героя, у которого нет никакой возможности изменить что-либо в мире, получает в пьесе эсхатологическое звучание. Самая короткая история в пьесе словно резюмирует весь использованный автором материал: «Было очень страшно, все время хотелось есть, все время все умирали и очень много плакали (Больше никогда и ничего она про блокаду не рассказывала)» [Гремина, 2019, с. 686]. Если традиционный для классики виктимный герой оказывается заложником своей инфантильности, неспособности к поступку (вспомним «маленького человека»), то в пьесе «67/871» люди зачастую просто лишены возможности выбора как такового. Осмысляемая драматургом ситуация коррелирует с воспоминаниями ученого-филолога О. Фрейденберг (двоюродной сестры Б. Пастернака), блокадные дневники которой не были опубликованы, но в настоящее время вводятся в научный оборот благодаря работам И. Паперно: «Не было ни у кого ни в чем ни выбора, ни возможности свободы, ни избежания. Тиски жизни никого не привлекали больше тисков смерти» [Фрейденберг, 1987, с. 15].

Динамику повествования определяют множественные кульминационные точки, которые передают сильный эмоциональный накал, глубину душевных переживаний героев. Психологическое состояние очевидцев раскрывается посредством рефлексии, пауз, повторов, которые создают эмоциональный фон произведения. В их монологах часто звучат воспоминания о «самых страшных» эпизодах блокадной жизни, которые неосознанно запечатлелись в глубинной памяти. И это необязательно голод. Для одних это непроглядная темнота («самое ужасное в блокаде была темнота» [Гремина, 2019, с. 673]), для других холод («больше всего я помню холод» [Гремина, 2019, с. 663]), третьи с ужасом вспоминают период уборки трупов («вот

этот период, который я Вам назвала, был *самый тяжелый*» [Гремина, 2019, с. 683]), а для кого-то невыносимыми стали муки совести из-за украденного у сестры кусочка хлеба («*самое страшное*, потом, когда мы уже выросли <...> и я ей рассказала, как я хлеб украла» [Гремина, 2019, с. 667]).

Персонажи пьесы (респонденты, пережившие блокаду) сохраняют и транслируют память о событиях, которые навсегда изменили их жизни, связали с коллективной травмой. В пьесе поднимается вопрос о границах человечности, о моральных компромиссах, на которые люди были вынуждены пойти ради выживания. Рассказ о матери, понявшей, что «двоих детей не выкормить» [Гремина, 2019, с. 670], и вынужденной сделать страшный выбор в пользу одного ребенка, открывает правду о том, что «привычные ценности во время катастрофы неминуемо рушатся, в человеке обнажаются такие глубины и закоулки, о которых он и сам не догадывался» [Яров, 2018, с. 7]. Драматург не избегает натуралистических подробностей, не укладываясь в границы привычных социальных норм. Рассказы о каннибализме [Гремина, 2019, с. 662, 667, 670], поедании вшей [Гремина, 2019, с. 667], выносе женщиной с предприятия еды в «стыдно сказать каком месте...» [Гремина, 2019, с. 663] призваны не столько шокировать читателя, сколько вызвать в нем ответную рефлекссию, пробудить эмпатию, настроить на переосмысление устоявшихся представлений о моральных границах, размывающихся в экстремальных для человека условиях. Особый трагизм в этом контексте приобретают известные слова Шекспира: «Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать» [Шекспир, 1960, с. 113]. Таким образом, пьеса ставит вопросы о природе резилентности и моральной устойчивости человека, которые не концентрируются исключительно на событиях блокады, а выводят на уровень универсальных проблем бытия и получают онтологическое звучание.

Ключевым в смысловом пространстве пьесы является концепт СПАСЕНИЕ, оппозиционно связанный с концептами ГОЛОД, ХОЛОД, СТРАХ, СТРАДАНИЕ. Концептуальный смысл 'спасение' объективируется лексическим и интонационным строем фраз, позволяющим передать сильный эмоциональный накал и внутреннее напряжение героев: «А мать стала Богу молиться. И примерно так сказала: “Если ты есть, то, мол, это... *спасешь нас*”» [Гремина, 2019, с. 661], «Печное было отопление. Это нас *спасло*» [Гремина, 2019, с. 663], «“Знаешь, сынок! Вот этот кот — Рыжик твой — *спас* тебе жизнь”. И тогда (пауза) Гешка все понял — что он съел своего кота» [Гремина, 2019, с. 668], «...он еще бегал у нас хоронил, за кусок хлеба... Покойников. Вот. Володька очень *спасал*», «Теперь, значит, что нас *спасло*. То *спасло* — лето нас *спасло*» [Гремина, 2019, с. 664], «...я *спаслась* тем, что я спала» [Гремина, 2019, с. 676], «И, в общем, короче

говоря, когда он приехал, вот это нас и *спасло*, потому что у нас не было ни крошки хлеба» [Гремина, 2019, с. 690].

Знаками психологической травмы, оставившей след во внутреннем мире героев, становятся умолчания, незаконченные высказывания, обрывки фраз, имплицитно указывающие на те подробности, о которых не в силах говорить прямым текстом свидетели блокады. Так, четвертая история «Бульон из...» начинается с многоточия, передающего эмоциональное напряжение рассказчика, болезненность его воспоминаний о выживании в нечеловеческих условиях. Он словно пытается обойти мучительное для него слово, открывающее, из чего был приготовлен бульон: «Но он её *спас*, этот бульон. Почему они решили... какой-то не такой вкус, вроде... Ну... она выжила, короче говоря. Не удалось ей умереть» [Гремина, 2019, с. 662].

В рассматриваемой пьесе представления о спасении не ограничиваются одним только физическим выживанием блокадников. Этот концепт расширяется до метафизического измерения, где спасение становится актом человечности, духовного возрождения и обретения цельности, что соотносится с христианской идеей спасения души. В пьесе «67/871» раскрыта, пожалуй, основная тема драматургического творчества Е. Греминой о преодолении человеком зла своей волею, духом, мыслью. Идея нравственной победы эксплицируется особым текстовым микрополем, которое формируется конструкциями со значением ‘никогда не забуду’. История одиннадцатилетней блокадницы, потерявшей по пути в магазин продуктовые карточки, превращается в триумф человеческого духа: «Я как давай плакать, потому что это все. А тетки в очереди говорят, не плачь, давайте девочке соберем. И дали мне кто муки немножко, кто сахару, кто еще чего, что давали, уж и не помню... Но *никогда этих теток не забуду*» [Гремина, 2019, с. 686]. Рассказ о том, как девушка-телеграфистка спасла шестилетнюю девочку, оставшуюся без матери, завершается фразой уже пожилой женщины: «Вот это я *очень хорошо помню*» [Гремина, 2019, с. 675]. Другая блокадница на всю жизнь запечатлела в памяти христианское обращение *братья и сестры*: «Вот это обращение — оно у меня в маленькой голове, оно *осталось*» [Гремина, 2019, с. 681]. Рассказ о прибытии на спасительный берег Ладожского озера, на котором эвакуированных детей сразу же накормили рисовой кашей, резюмируется гиперболой: «Я до сих пор вспоминаю это царское блюдо, ничего более вкусного в своей жизни я не ел» [Гремина, 2019, с. 683]. Этот сквозной для пьесы мотив интерпретируется и как сохранение памяти, и как выражение благодарности, и как знак неразрывной связи прошлого с настоящим и будущим.

Примечательно, что в монологах очевидцев наиболее тяжелые эпизоды выживания передаются буднично, без пафоса и героической патетики.

Большинство рассказанных в пьесе историй лишены завязки и развязки и представляют собой обрывки воспоминаний. Эта драматургическая стратегия позволяет погрузить читателя в круговорот реальных событий, донести до него их связь и пробудить глубокое эмоциональное сопереживание. Организуя разрозненные фрагменты воспоминаний в единое текстовое пространство, автор делает акцент на вечном цикле противостояния жизни и смерти, сострадания и цинизма, надежды и отчаяния и приближает читателя к мысли, которую выразил психолог В. Франкл, прошедший через ад нацистских лагерей: «В конечном счете выясняется: то, что происходит внутри человека <...> — результат внутреннего решения самого человека» [Франкл, 2023, с. 129].

Голоса блокадников перемежаются с голосами оккупантов, определяя контрастную структуру пьесы. Это воспоминания, письма солдат вермахта, воевавших на ленинградском направлении, высказывания лидеров Третьего рейха, протокольные записи о будущей судьбе покоренной России. На их фоне трагизм ситуации ощущается еще острее. Бездна блокадного ада сказала не только на его жертвах, но и на тех, кто держал кольцо осады. Причины большинства конфликтов в человеческом обществе, как правило, связаны с тем, что одни ставят свои убеждения и принципы выше других. Изменение границ личности ведет к сдвигам в мировосприятии, а ограничивающая его индоктринация приводит к самой страшной блокаде — блокаде человеческой души. Так, в рассказе немецкого солдата о праздновании Рождества подробное описание гастрономических подарков, которые «превзошли все ожидания» [Гремина, 2019, с. 670], совмещается с осознанием торжественности момента, запечатлевшим *рождественскую тишину, рождественский мирный покой, рождественскую радость, рождественские звуки, рождественские песни* [Гремина, 2019, с. 671]. Нарочитый повтор в узком контексте атрибутива *рождественский*, связанного с одним из главных христианских праздников, актуализирует на уровне подтекста вопрос о глубинной природе человека, способного с верой в святые идеалы обрекать на страдание и смерть миллионы людей. Автор побуждает читателя задуматься: какова связь между учением Христа и тем, что из него делали люди на протяжении истории (крестовые походы, инквизиция, лозунг «*Got mit uns*» на бляшках ремней солдат вермахта).

Знаменательно, что пьеса завершается письмом офицера люфтваффе родным в Германию. Описание бомбежек густонаселенного города, сопровождаемое самооправданием — «мы бомбим только военно-стратегические цели» [Гремина, 2019, с. 691], — сочетается с эстетически искаженным восприятием «красоты» этих налетов: «Какое это жутко прекрасное зрелище, когда пересекаешь ночью линию фронта. Фронт горит от линии

на сотни километров, целые города и села. Небо пылающе-красное»; «... это так увлекательно, когда тебе навстречу летят разноцветные штучки» [Гремина, 2019, с. 691, 692]. Вывернутое сознание немецкого летчика — наглядный пример того, что жертвой диктаторской идеологии становятся не только те, кто подвергается насилию, но и те, от кого оно исходит. В сознании немецкого аса самопонимание подменяется самовыражением, за которым нет подлинной самости, а есть навязанные извне чужеродные представления о жизни и ее ценностях.

Картина дискретного, раздробленного мира, в котором одни определяют место другим, напоминает в контексте пьесы о другом голоде, концепцию которого сформулировал испанский философ Мигель де Унамуно, — голод по Богу. Библейская фраза *не хлебом единым жив человек* получает сакральное звучание, возвращающее к началу пьесы: «И вот она рассказала историю, как она поверила в Бога» [Гремина, 2019, с. 661]. Две столкнувшиеся тоталитарные системы, не признававшие божественную природу человека, обесценили принцип уникальности и незаменимости каждой личности. Патологическая идея превращения людей в государственный ресурс и расходный материал выражена в пьесе посредством цитирования выдержек из протоколов решений нацистского правительства, сухо определяющих, что «без сомнения, умрут с голода несколько миллионов человек» [Гремина, 2019, с. 687].

Пьеса Греминой может рассматриваться как поиск выхода из экзистенциального кризиса и как наглядный пример того, что условием жизнеспособности идей и вмняемости сознания является сменяемость — взглядов, принципов, убеждений. Раз и навсегда застывшие идеологиемы превращаются в мифологемы, заставляя людей принимать иллюзию за реальность и наоборот. Драматург считала, что подлинный патриотизм прежде всего связан с тем, что «заставляет думать, задавать себе вопросы, будить в себе сферу идеального, <...> с желанием что-то изменить в себе и вокруг» [Левицкий, 2019, с. 507]. Преодолевающая себя и трагические обстоятельства личность представлена у Греминой как способная к переосмыслению ценностей и внутренней метанойе. Таким образом, документальная пьеса «67/871» становится сложной формой манифестации импликационных связей эпох и поколений, целостного восприятия прошлого, настоящего и будущего в семантическом пространстве памяти, в котором скрывается правда о нас самих.

3.3. Аксиологический характер конфликта в пьесе Ю. Клавдиева «Развалины»

Иной ракурс художественной рецепции блокадной повседневности представлен в пьесе современного петербургского драматурга Ю. Клав-

диева «Развалины». Блокада здесь выступает как индикатор моральных и культурных ценностей общества, отражая неоднородность аксиологии различных социальных групп. Пьеса ставит вопросы о возможности / невозможности их примирения. При этом в блокадном нарративе пьесы особую тональность приобретает традиционная для отечественной литературы тема семьи. Показывая разные модели семейных отношений, драматург использует потенциал структуры сюжета и связывает судьбы людей с историей болезни российского общества, разлагаемого советской административно-лагерной системой, пренебрегавшей человеком.

Две живущие по соседству семьи — Ниверины и Развалины — оказываются жертвами не только блокадного голодомора, но и своеобразной аксиологической войны, вновь обостряющей полемику вокруг проблемы интеллигенции и народа. Сводя в одном узком пространстве две семьи, Клавдиев, по сути, сталкивает две разные России, разные типы культуры или, говоря словами историка В. О. Ключевского, «два враждебных склада и направления жизни нашей» [Ключевский, 1983, с. 363]. «Развалины» — драма-дискуссия [Сизова, 2015, с. 72], обнажающая конфликт не просто разных взглядов и жизненных путей, но и разных модусов мировосприятия, высвечивающих глубокий культурный и социальный разлом между интеллигенцией и народом, который автор исследует на примере своих героев.

Коренной ленинградец, профессор Ираклий Ниверин представляет образованную, интеллигентскую Россию, стремящуюся сохранить свою человечность и культурные ценности даже в эпицентре невообразимых испытаний. У его соседки, многодетной крестьянки Марии Развалиной выработан прагматичный и, может показаться, в чем-то циничный подход к решению бытовых проблем, основанный на опыте выживания, заставившем ее пересмотреть моральные принципы. Герои-ровесники, сближаемые вначале общей бедой, оказываются в итоге по разные стороны баррикад, в изоляции своих идиокультур. При этом драматург принципиально не дает «каких бы то ни было моральных оценок» [Липовецкий, 2012, с. 255] и словно провоцирует читателя на то, чтобы вжиться в образ каждого из персонажей.

Рафинированный интеллигент Ниверин, воспитанный на классической литературе, совершенно не приспособлен к бытовым хлопотам. Из-за рассеянности он теряет столь необходимые продукты, деньги, теплые вещи, не может заменить дверной замок, починить игрушку дочери, навести порядок в квартире, постирать белье, раздобыть дрова, отопить комнату. Идеализированное восприятие действительности персонажем коррелирует с его инфантильностью и непрактичностью.

Имя профессора имеет древнегреческое происхождение и ассоциативно связано с Гераклом, мифологическим героем, совершившим двенадцать

подвигам. В контексте пьесы греческое имя Ираклий получает ироническую тональность (вспомним для сравнения Фемистоклоса и Алкида из «Мертвых душ» Гоголя, Фирса из «Вишневого сада» Чехова, Васисуалия Лоханкина из «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова). При этом персонаж осознает свое духовно-нравственное превосходство над окружающими. Подобно горьковскому Сатину он произносит гимны о великом призвании человека: «Человеком надо быть, веровать в светлое <...> Нигде нет жизни в нашей Вселенной, на миллиарды километров простирается, Анечка, один только хаос и ледяная смерть! И только мы, на крошечной голубой планетке, живы и РАЗУМНЫ, Анечка, разумны, и это бесконечно нас обязывает быть венцом творения»; «Выжить можно по-разному. Можно — любой ценой, а можно — не преступив законов человеческой души»; «разум человеку на то и дан, чтобы изыскивать средства и способы в окружающем бессердечном хаосе» [Клавдиев, 2010, с. 25, 26, 38].

Доброжелательное и благодарное отношение к беженке Марии Развалиной, проявляющей заботу о нем и его дочери, вскоре сменяется брезгливостью и отвращением. Профессора возмущает неожиданно открывшаяся правда о том, что соседка и ее дети питаются человечины. Ниверин не в состоянии ни понять, ни оправдать выбор людей, которые, как он полагает, «не выбрались из Средневековья» [Клавдиев, 2010, с. 25]. Клавдиев сталкивает интеллигентский опыт жизни профессора с фактами биографии Развалиной, которым в пьесе уделяется значительное место. Сюжетная линия блокадного голода осложняется ретроспективным рассказом о крестьянском голоде, пережитом ею в годы коллективизации. Судьба Марии переплетена с трагедией русской деревни, обескровленной в ходе раскулачивания и репрессий. Память героини воскрешает страшные события, связанные с геноцидом крестьян и жестокостью большевиков, отбиравших нажитое трудом имущество «в вечной борьбе за светлое будущее своих мертвецов» [Клавдиев, 2010, с. 17]. В ее монологах открываются гнетущие сцены массовых арестов («у нас семь хуторов свезли» [Клавдиев, 2010, с. 15]), голода тридцатых годов, повлекшего вымирание множества деревень («Померли они все. Матки лежат с детьми <...> Кочуровки нет больше» [Клавдиев, 2010, с. 21], каннибализма, ставшего обыденностью («Мы ж о тогда в деревне всех собак первыми поели, если что, а потом старики сами стали говорить — вы нас не хороните, а — в суп, так хоть вы спасётесь» [Клавдиев, 2010, с. 23—24]). Государственную политику того времени Мария откровенно называет грабежом и чувствует ее пагубные последствия (разобщение крестьянства, разложение семьи): «У нас “человек человеку — волк”, это не поговорка, а жизненный факт настоящий» [Клавдиев, 2010, с. 19]. Приобретенный опыт выживания убедил Развалину в том, что человек может полагаться только

на самого себя, поскольку для государства он не представляет никакой ценности. Говорящая фамилия главной героини пьесы — иносказательная отсылка не только к ее жизни, но и к судьбам миллионов крестьян, ставших жертвой безответственных политических решений.

В понимании профессора Ниверина, убежденного, что необходимо оставаться человеком независимо от обстоятельств, поступки соседки не имеют оправданий. Однако его позиция не находит поддержки у дочери, которая подружилась с детьми Марии и не желает прекращать с ними общение, вопреки настоянию отца. Рано повзрослевшая Аня не осуждает соседей, осознавая близость собственной смерти: «Меня всё равно убьют на обстреле или ночью бомба упадёт! И так каждый день знаешь, как страшно, а с ними не так страшно, они... они знают, что делать, чтобы не умереть, а ты не знаешь» [Клавдиев, 2010, с. 25—26]. Впервые в жизни Ниверин переживает тяжелый мировоззренческий кризис, открывающий, по словам П. Руднева, новый «слой правды»: «Мародерство и каннибализм внеморальны. Это один слой правды. Слой правды, который предлагает Юрий Клавдиев: моральна ли вообще война или сама жизнь, ее условия, гуманитарная катастрофа, на которые обрекает народ его правительство» [Руднев, 2018, с. 369].

В скрытом конфликте с профессором Нивериным Развалина не признает своей нравственной ущербности, поскольку чувствует ответственность за детей. Для нее первоочередной задачей становится выживание детей, а не осознание того, как они с *этим* будут жить потом. Став жертвой абсурдных государственных экспериментов на селе, Мария усвоила, что цель оправдывает средства, а борьба за существование — любые способы сохранения жизни. Как и В. Шаламов, Клавдиев затрагивает проблему «отрицательного опыта» [Шаламов, 2010, с. 22], ведущего к распаду личности. Блокадная жизнь, как и лагерная, разрушает привычные представления о человеческой этике, когда к гулаговской заповеди «не верь, не бойся, не проси» добавляются новые негации: «не удивляться, не сердиться, не обещать, не спрашивать себя...» [Яров, 2012, с. 71]. Ценностное поле трансформируется за счет отрицания привычных эмоциональных и ментальных реакций. Так, искренне верующая в Бога Мария Развалина обнаруживает, как она полагает, «главную неточность в Писании» [Клавдиев, 2010, с. 17], заключенную в слова Христа — «просите, и дано будет вам» [Мф. 7: 7]. В ее истолковании, любое прошение становится грехом. Убеждение Марии, основанное на жизненном опыте, созвучно наставлению булгаковского Воланда Маргарите (никогда и ничего не просить), переворачивающему смысл евангельской аксиомы.

Тема социально-нравственного водораздела, проходящего между двумя семьями, находит свое отражение как на поведенческом, так и на вер-

бальном уровне. Речевые маркеры служат ярким индикатором культурных и социальных различий, а также отражением внутреннего мира персонажей. Привыкшие к обценной, грубо-просторечной лексике Развалины искренне недоумевают по поводу замечания дочери профессора: «Что вы как звери разговариваете, надо правильно!» [Клавдиев, 2010, с. 12]. Беседы Ниверина о культуре речи, грамматических и педагогических нормах, о непроявленных деталях характера детей Марии вызывают у Развалиных неприятие и язвительную насмешку над людьми, не приспособленными к условиям блокадного быта.

Жизненные интенции главных героев пьесы выражены в молитвах, раскрывающих разность их ценностных приоритетов. Оба мучительно ждут конца ежедневных нечеловеческих испытаний, с отчаянием взывая к Богу. Однако Мария молится о физическом выживании своей семьи («Господи, помоги дожить до когда оно кончится!») [Клавдиев, 2010, с. 29]), а Ираклий Ниверин фокусируется на выживании духовном, ради которого он готов расстаться с жизнью («пусть и помрём, да помрём людьми» [Клавдиев, 2010, с. 38]). Сакрально-символическое значение для профессора приобретает практикуемая им мантра «Аум», выражающая в индуистской и буддийской традиции идею вечности и первооснову всего сущего. Выход на другой уровень восприятия действительности помогает Ниверину преодолеть страх смерти, осознать ее как таинство преображения и обретения новой жизни: «... и если всем нам умереть — то мы умрём со звуком «АУМ» на устах, а не чавкая чем попало...» [Клавдиев, 2010, с. 38].

На уровне подтекста прочитывается идея о деструктивности системы, лишавшей человека привычных моральных ориентиров, обесценивающей и травмирующей личность. Эпиграф к пьесе, взятый из песни Егора Летова «Кто сильнее, тот и прав», расширяет временные рамки осмысления этой проблематики. По словам М. И. Сизовой, Клавдиев стремится «развернуть дискуссию о современной ему эпохе, где сила и способность выживать в любой ситуации становится нравственной доминантой, а человеческие ценности нивелируются до нуля» [Сизова, 2015, с. 74].

Семантика деструктивности педалируется заглавием пьесы «Развалины», смысловая структура которого совмещает различные значения существительного *развалина* в функции как имени собственного, так и нарицательного. *Развалины* в пьесе — это, как отмечалось выше, говорящая фамилия главной героини и ее детей. Данный антропоним может подвергаться апеллативизации и обозначать категорию людей, научившихся выживать в экстремальных условиях, но при этом много лишенных (поэтому они *развалины*). В узуальном употреблении за нарицательным существительным *развалина* закрепился ряд семем: «1. *Обычно мн.* Остат-

ки разрушившейся или разрушенной постройки, группы построек. <...>. 2. *Перен. Разг.* О ветхом или поврежденном предмете. <...>. 3. *Перен. Разг.* О дряхлом, слабом или разбитом болезнью человеке» [БАС, т. 22, с. 188—189]. В смысловом пространстве пьесы это слово выступает как характеристизатор: в первом значении — места действия (руинизированного города), во втором и третьем значениях — всех персонажей, в том числе профессора Ниверина и бытового уклада его жизни. Это своего рода линия соприкосновения героев-антагонистов. Таким образом, в *Развалинах* и *развалинах* концентрируется ключевой смысл, концептуально значимый для всей пьесы, — разрушено (*развалено*) почти всё: деревни, города, судьбы людей; под угрозой тотального разрушения — духовные ценности.

Средоточием и воплощением разрушительной силы становится ГОЛОД — концептуальная доминанта пьесы, организующая ее сюжет и содержательную структуру. Голод, с одной стороны, сближает, с другой — разобщает людей, толкает на трупоедство тех, кто лишен права на нормальную жизнь. Он же, воспринимаемый в контексте историко-художественных параллелей, порождает вопрос: кто настоящий людоед — Развалины или те, кто способствует физическому и духовному уничтожению людей? Всё это так или иначе является страшным и необратимым следствием духовного голода, внутренней пустоты.

Прорисовывая разные грани конфликта, автор пьесы не отдает предпочтения кому-то из своих героев и не подталкивает к этому читателя. Эмпатия к поступкам персонажей или ее отсутствие не диктуется текстом, что позволяет каждому соотнести собственные чувства и взгляды с моделируемыми ситуациями. Это создает пространство для глубокой личной рефлексии и ретроспективно-перспективного диалога настоящего с прошлым и будущим.

4. Заключение = Conclusions

Результаты анализа пьес современных драматургов подтверждают их дискурсивно-тематическую общность, включенность в смысловое пространство блокадного текста и участие в формировании его интерпретационной составляющей.

Реактуализация блокадной темы в произведениях Е. Греминой и Ю. Клавдиева осуществляется разными способами, и прежде всего — за счет их жанровых форм. Документальная пьеса «67/871» структурируется из аутентичных текстов-первоисточников, которые волею автора образуют вербально-содержательный континуум в эстетической системе одного произведения. Пьеса Клавдиева построена как литературно-драматургическое произведение со специфическим (номерным) делением на действия и

акты, авторскими ремарками, обменом репликами персонажей. Культурно-аксиологический конфликт, обнажаемый автором, придает драме дискуссионный характер.

Кроме того, драматурги придерживаются разных стратегий в создании образов блокадников. Если Клавдиев представляет своих персонажей в афише, дает им неслучайные имена, наделяет яркой речевой и психологической характеристикой, то Гремина намеренно оставляет действующих лиц безымянными. Возраст, пол, внешность, социальный статус воспринимаются как малозначимые в описываемой ситуации характеристики. Зная точное количество эпизодов (67), читатель, тем не менее, не может определить точное количество действующих лиц, так как одно интервью иногда разбивается на несколько фрагментов. Это служит созданию собирательного образа жителя блокадного города — носителя своей личной и вместе с тем общей для всех травмы, запечатлевшейся в коллективной памяти народа.

Оба автора используют универсальный художественный прием контраста. В пьесе Греминой отчетливо прослеживается противопоставление своего (нашего) и чужого (вражеского), которое перерастает в оппозицию естественного и противоестественного в восприятии одного и того же трагического события противоборствующими сторонами. В пьесе Клавдиева в лице Марии Развалиной и Ираклия Ниверина контрастируют разные характеры, типы культуры и в целом две непохожие друг на друга России. У каждой из сторон здесь особое понимание своего и чужого (чуждого).

Общей для рассматриваемых пьес, встраивающей их в блокадный дискурс наряду с другими произведениями, является концептуальная оппозиция вочеловечивания vs. расчеловечивания в условиях обретения травматического опыта. Она задает дискуссионный характер интерпретации данных произведений. Пусть и разными способами, но оба автора усложняют хронологическую организацию текста, расширяя пространственно-временные границы осмысливаемого мира и выходя на диалог с современностью. И в том и в другом случае невольно возникающий вопрос «Почему это стало возможным?» остается без прямого ответа. Но выстроенные авторами художественные параллели побуждают к глубоким размышлениям о природе человека, источниках его внутренней силы и способности противостоять губительным идеям.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БАС — *Большой академический словарь русского языка* / РАН, Институт лингвистических исследований ; ред. Л. И. Балахонова. — Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004. — Т. 1. — 661 с. — ISBN 5-02-033660-2.
2. Грeмина Е. А. Пьесы и тексты : в 2 т. / Е. А. Грeмина, М. Ю. Угаров. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — Т. 1. — 704 с. — ISBN 978-5-4448-0987.
3. Клавдиев Ю. Развалины. Пьеса [Электронный ресурс] / Ю. Клавдиев. — 2010. — Режим доступа : [uyiy-klavdiev-razvaliny.doc](#) (дата обращения 04.11.2025).
4. Мф. — *От Матфея* Святое Благовествование // Святое Евангелие. — Москва : Сибирская Благовонница, 2018. — С. 3—113. — ISBN 978-5-00127-21-8.
5. Шаламов В. Т. Сочинения: в 2 т. / В. Т. Шаламов. — Москва : АСТ : АСТ, 2010. — Т. 1. — 701 с.
6. Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. / У. Шекспир : под ред. А. Смирнова, А. Аникста. — Москва : Искусство, 1960. — Т. 6. — 687 с.

Литература

1. Адельгейм И. Е. Они, мы, я... Реконструкция семейной идентичности и процесс нравственной самоидентификации в текстах Моники Шнайдерман и Елены Чижовой / И. Е. Адельгейм // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. — 2021. — № 1. — С. 54—88. — DOI: [10.31168/2618-8554.2021.04](#).
2. Вислова А. В. Русский театр на сломе эпох. Рубеж XX—XXI веков / А. В. Вислова. — Москва : Университетская книга, 2009. — 272 с. — ISBN 978-5-98699-050-7.
3. Дмитриев В. К. Блокада Ленинграда. Размышления о подвиге и трагедии / В. К. Дмитриев. — Москва : Руда, 2020. — 231 с. — ISBN 978-5-6041907-5-3.
4. Ефремов В. А. Вербализация телесности в блокадных текстах / В. А. Ефремов, Н. А. Попович // Нефилология. — 2023. — № 9 (1). — С. 31—42. — DOI: [https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-31-42](#).
5. Ключевский В. О. Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский ; сост. Р. А. Киреева, А. А. Зимин. — Москва : Наука, 1983. — 416 с.
6. Левицкий В. Г. Спектакль о блокаде «67/871» по пьесе Е. Греминой на сцене Театра Поколений: опыт художественного осмысления документального материала / В. Г. Левицкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. — 2019. — Т. 9. — № 3. — С. 495—511. — DOI: [https://doi.org/10.21638/spbu15.2019.304](#).
7. Леонтьев Д. А. Философия жизни М. Мамардашвили и ее значение для психологов / Д. А. Леонтьев // Культурно-историческая психология. — 2011. — № 1. — С. 2—12.
8. Липовецкий М. Н. Перформансы насилия : литературные и театральные эксперименты «Новой драмы» / М. Н. Липовецкий, Б. Боймерс. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 371 с. — ISBN 978-5-86793-943-4.
9. Липовецкий М. Н. Театр времен Греминой и Угарова / М. Н. Липовецкий // Грeмина Е. А. Пьесы и тексты : в 2 т. — Москва ; Новое литературное обозрение, 2019. — Т. 1. — С. 5—26. — ISBN 978-5-4448-0987.
10. Мещанский А. Ю. Великая Отечественная война в современном драматургическом дискурсе / А. Ю. Мещанский, Л. А. Савелова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 284—300. — DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-3-284-300](#).
11. Михайлова Т. В. На грани жизни и смерти: контроль и ритуальность в пограничных ситуациях (на примере мемуарного текста «Записки блокадного человека»

Л. Я. Гинзбург) / Т. В. Михайлова // Сибирский филологический форум. — 2019. — № 4 (8). — С. 44—56. — DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-8-4-28>.

12. Мотеюнайте И. В. Постсвидетельский дискурс о войне: «Живые картины» Полины Барсковой / И. В. Мотеюнайте // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2020. — № 6. — С. 9—20.

13. Павловская А. Ю. «Малый радиус» блокады Ленинграда: множественные локальности и гетеротопия памяти в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина / А. Ю. Павловская // Новое прошлое. — 2023. — № 2. — С. 202—212. — DOI: 10.18522/2500-3224-2023-2-202-212.

14. Пазио-Влазловска Д. Концепт дом в дневниках блокадного Ленинграда (на материале записей Ольги Берггольц) / Д. Пазио-Влазловска // Славянский мир в третьем тысячелетии. — 2015. — № 10. — С. 224—233.

15. Паперно И. А. «Осада человека»: Записки Ольги Фрейденберг как мифополитическая теория сталинизма / И. А. Паперно. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 224 с. — ISBN 978-5-4448-1994-4.

16. Прозорова Н. А. Женские образы и визуализация травмы в блокадном тексте Ольги Берггольц / Н. А. Прозорова // Сибирский филологический журнал. — 2021. — № 4. — С. 110—123.

17. Прозорова Н. А. Книга стихов О. Ф. Берггольц «Узел» как художественное целое: поэтика заглавия, композиция, метасюжет / Н. А. Прозорова // Проблемы исторической поэтики. — 2024. — № 4. — С. 273—294. — DOI: 10.15393/j9.art.2024.14343.

18. Пянкевич В. Л. Люди жили слухами : неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда / В. Л. Пянкевич. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2014. — 480 с. — ISBN 978-5-93615-129-3.

19. Руднев П. А. Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950—2010-е / П. А. Руднев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 496 с. — ISBN 978-5-4448-0768-2.

20. Сизова М. И. От хоррора к драме-дискуссии: жанровые искания в пьесе «Развалины» Ю. Клавдиева и одноименных постановках Д. Егорова и К. Вытоптова / М. И. Сизова // Новейшая драма рубежа XX—XXI веков: проблема жанра : сборник научных статей. — Самара : Самарский государственный университет, 2015. — С. 72—79. — ISBN 978-5-86465-666-2.

21. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде : в 3 книгах / Г. Л. Соболев. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013—2017. — Книга 1. — 694 с. — ISBN 978-5-288-05497-6.

22. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере / В. Франкл ; пер. С нем. — 9-е изд. — Москва : Альпина нонфикшн, 2023. — 239 с. — ISBN 978-5-91671-838-6.

23. Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С. В. Яров. — Москва : Молодая гвардия, 2018. — 313 с. — ISBN 978-5-235-04101-1.

24. Яров С. В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде 1941—1942 гг. / С. В. Яров. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — 590 с. — ISBN 978-5-94380-307-9.

Статья поступила в редакцию 04.12.2025,
одобрена после рецензирования 10.04.2026,
подготовлена к публикации 07.05.2026.

Material resources

- BAS — Balakhonov, L. I. (ed.). (2004). *A large academic dictionary of the Russian language, 1*. Moscow; Saint Petersburg: Nauka. 661 p. ISBN 5-02-033660-2. (In Russ.).
- Gremina, E. A., Ugarov, Yu. (2019). *Plays and texts: in 2 volumes, 1*. Moscow: New Literary Review. 704 p. ISBN 978-5-4448-0987. (In Russ.).
- Klavdiev, Yu. (2010). *The ruins. The play*. Available at: yriy-klavdiev-razvaliny.doc (accessed 04.11.2025). (In Russ.).
- Mt. — From Matthew the Holy Gospel. (2018). In: *The Holy Gospel, 3*. Moscow: Sibirskaya Blagovonnitsa. 3—113. ISBN 978-5-00127-21-8. (In Russ.).
- Shakespeare, U. (1960). *Complete works: in 8 volumes, 6*. Moscow: Iskuststvo Publ. 687 p. (In Russ.).
- Shalamov, V. T. (2010). *Essays: in 2 volumes, 1*. Moscow: AST: AST. 701 p. (In Russ.).

References

- Adelheim, I. E. (2021). They, we, I ... The reconstruction of family identity and the process of moral self-identification in the texts of Monica Schneiderman and Elena Chizhova. *Literature in the socio-cultural space of modern Central and Southeastern Europe: axiological discourse, 1*: 54—88. DOI: 10.31168/2618-8554.2021.04. (In Russ.).
- Dmitriev, V. K. (2020). *The Siege of Leningrad. Reflections on heroism and tragedy*. Moscow: RuDa. 231 p. ISBN 978-5-6041907-5-3.
- Efremov, V. A., Popovich, N. A. (2023). Verbalization of physicality in blockade texts. *Neophilology, 9 (1)*: 31—42. DOI: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-1-31-42>. (In Russ.).
- Frankl, V. (2023). *To say “Yes to life!”: A psychologist in a concentration camp*. Moscow: Alpina Nonfiction. 239 p. ISBN 978-5-91671-838-6. (In Russ.).
- Klyuchevsky, V. O. (1983). *Unpublished works*. Moscow: Nauka Publ. 416 p. (In Russ.).
- Leontiev, D. A. (2011). Philosophy of life by M. Mamardashvili and its significance for psychologists. *Cultural and historical psychology, 1*: 2—12. (In Russ.).
- Levitsky, V. G. (2019). The play about the blockade “67/871” based on the play by E. Gremina on the stage of the Generational Theater: the experience of artistic understanding of documentary material. *Bulletin of St. Petersburg University. Art history, 9 (3)*: 495—511. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu15.2019.304>. (In Russ.).
- Lipovetsky, M. N. (2019). Theater of the times of Gremina and Ugarov. In: *Gremina E. A. Plays and texts: in 2 volumes, 1*. Moscow; New Literary Review. 5—26. ISBN 978-5-4448-0987. (In Russ.).
- Lipovetsky, M. N., Boymers, B. (2012). *Performances of violence: literary and theatrical experiments of the “New Drama”*. Moscow: New Literary Review. 371 p. ISBN 978-5-86793-943-4. (In Russ.).
- Meshchansky, A. Yu., Savelova, L. A. (2022). Great Patriotic War in Modern Dramatic Discourse. *Nauchnyi dialog, 11 (3)*: 284—300. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-284-300>. (In Russ.).
- Mikhailova, T. V. (2019). On the verge of life and death: control and ritualism in border situations (on the example of the memoir text “Notes of a Besieged Man” by L. Ya. Ginzburg). *Siberian Philological Forum, 4 (8)*: 44—56. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-8-4-28>. (In Russ.).
- Moteyunaite, I. V. (2020). Post-witness discourse on the war: “Living paintings” by Polina Barskova. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology, 6*: 9—20. (In Russ.).

- Paperno, I. A. (2023). *“The Siege of Man”: The Notes of Olga Freudenberg as a mythological theory of Stalinism*. Moscow: New Literary Review. 224 p. ISBN 978-5-4448-1994-4. (In Russ.).
- Pavlovskaya, A. Y. (2023). The “Small radius” of the siege of Leningrad: multiple localities and the heterotopy of memory in the “Book of the Blockade” by A. Adamovich and D. Granin. *A new past*, 2: 202—212. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-2-202-212. (In Russ.).
- Pazio-Vlazlovska, D. (2015). The concept of a house in the diaries of besieged Leningrad (based on Olga Bergholt’s notes). *The Slavic world in the third Millennium*, 10: 224—233. (In Russ.).
- Prozorova, N. A. (2021). Female images and visualization of trauma in the blockade text by Olga Bergholts. *Siberian Philological Journal*, 4: 110—123. (In Russ.).
- Prozorova, N. A. (2024). The book of poems by O. F. Bergholts “The Knot” as an artistic whole: poetics of the title, composition, meta-plot. *Problems of historical poetics*, 4: 273—294. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14343. (In Russ.).
- Pyankevich, V. L. (2014). *People lived by rumors: the informal communicative space of besieged Leningrad*. St. Petersburg: Vladimir Dahl. 480 p. ISBN 978-5-93615-129-3. (In Russ.).
- Rudnev, P. A. (2018). *Drama of memory. Essays on the history of Russian drama. 1950—2010*. Moscow: New Literary Review. 496 p. ISBN 978-5-4448-0768-2. (In Russ.).
- Sizova, M. I. (2015). From horror to drama—discussions: genre searches in the play “Ruins” by Yu. Klavdiev and the eponymous productions by D. Egorov and K. Vytopytova. In: *The latest drama of the turn of the XX—XXI centuries: the problem of genre: a collection of scientific articles*. Samara: Samara State University. 72—79. ISBN 978-5-86465-666-2. (In Russ.).
- Sobolev, G. L. (2013—2017). *Leningrad in the struggle for survival in the blockade: in 3 books, 1*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 694 p. ISBN 978-5-288-05497-6. (In Russ.).
- Vislova, A. V. (2009). *The Russian theater at the turn of the epochs. The turn of the XX—XXI centuries*. Moscow: University Book. 272 p. ISBN 978-5-98699-050-7. (In Russ.).
- Yarov, S. V. (2018). *Daily life of besieged Leningrad*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 313 p. ISBN 978-5-235-04101-1. (In Russ.).
- Yarov, S. V. (2021). *Blockade ethics: ideas about morality in Leningrad 1941—1942*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 590 p. ISBN 978-5-94380-307-9. (In Russ.).

*The article was submitted 04.12.2025;
approved after reviewing 10.04.2026;
accepted for publication 07.05.2026.*

Информация для цитирования:

Осмухина О. Ю. Специфика воплощения образа вампира в новеллистике Серебряного века («Он», «Материнская любовь» Е. Нагордской) / О. Ю. Осмухина, Н. М. Миронов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 317—336. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-317-336.

Osmukhina, O. Yu., Mironov N. M. (2026). Embodiment of Vampire Archetype in Silver Age Novellas: “He” and “Mother’s Love” by E. Nagrodskaya. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 317-336. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-317-336. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Специфика воплощения образа вампира в новеллистике Серебряного века («Он», «Материнская любовь» Е. Нагордской)

Осмухина Ольга Юрьевна ^{1, 2}

orcid.org/0000-0002-1456-4793

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы,
корреспондирующий автор

osmukhina@inbox.ru

Миронов Никита Михайлович ²

orcid.org/0009-0004-9583-8507

исполнитель проекта, отдел
сопровождения научных проектов
nikitamironov428@gmail.com

¹ Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

² Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 25-18-00764,
<https://rscf.ru/project/25-18-00764/>;
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского

Embodiment of Vampire Archetype in Silver Age Novellas: “He” and “Mother’s Love” by E. Nagrodskaya

Olga Yu. Osmukhina ^{1, 2}

orcid.org/0000-0002-1456-4793

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature,
corresponding author
osmukhina@inbox.ru

Nikita M. Mironov ²

orcid.org/0009-0004-9583-8507

Project executor, Scientific Project
Support Department
nikitamironov428@gmail.com

¹ National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

² Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 25-18-00764,
<https://rscf.ru/project/25-18-00764/>;
Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу новеллистического творчества Евдокии Нагродской 1910-х годов в контексте традиции западноевропейской «вампи́рской» прозы. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в рассказах «Он» и «Материнская любовь» обнаруживается основополагающая и генетически обусловленная традиция готической прозы, формирующая отечественный вампирский литературный канон. Установлено, во-первых, что в рассказе «Он» inferнальные образы служат для выражения собственно масонских и оккультных взглядов писательницы: связь с существом, пришедшим из потустороннего, ирреального мира, помогает приобрести «тайные» знания о человеке, но ценой собственного рассудка. Во-вторых, доказывается, что в рассказе «Материнская любовь» феномен вампиризма приобретает ранее не свойственные русской «вампи́рской» литературе характеристики и положения. Показано, что в данном рассказе борьба с вампиром начинает приобретать ярко выраженный гендерный подтекст, а его описание становится сотканным из многочисленных референсов западноевропейской традиции. Показано, что в проанализированных рассказах встреча с кровососущим мертвецом, перешедшим через границу жизни и смерти, обладающим оккультным знанием (таков и антигерой рассказа «Он»), для жертвы никогда не заканчивается положительным исходом.

Ключевые слова:

новеллистика Серебряного века; образ вампира в русской литературе; проза Евдокии Нагродской; западноевропейская традиция; готический хронотоп.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the novellas of Evdokia Nagrodskaya from the 1910s within the context of the Western European tradition of vampire prose. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time, the novellas “He” and “Mother’s Love” reveal a fundamental and genetically determined tradition of gothic prose that shapes the Russian vampire literary canon. It is demonstrated, firstly, that in the novella “He,” infernal imagery serves to articulate the author’s masonic and occult beliefs: a connection with a being from a supernatural, otherworldly realm grants access to “secret” knowledge about humanity, but at the cost of one’s sanity. Secondly, it is argued that in “Mother’s Love,” the phenomenon of vampirism acquires characteristics previously absent from Russian vampire literature. The analysis reveals that the struggle against the vampire takes on a pronounced gendered subtext, while its depiction is interwoven with numerous references to Western European traditions. Ultimately, it is shown that in both novellas, encounters with a blood-drinking undead entity — one that transcends the boundary between life and death and possesses occult knowledge (as does the antihero in “He”) — never result in a favorable outcome for the victim.

Key words:

Russian short stories of the Silver Age; the image of vampire in Russian literature; E. Nagrodskaya’s prose; Western European tradition; gothic chronotope.

УДК 821.161.1Нагродская.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-317-336

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Специфика воплощения образа вампира в новеллистике Серебряного века («Он», «Материнская любовь» Е. Нагродской)

© Осьмухина О. Ю., Миронов Н. М., 2026

1. Введение = Introduction

Интерес к образам народной и мифологической демонологии, наполненным мистическим, потусторонним, «иномирным» значением, нередко проявляется у писателей в эпохи кризисных (социальных, политических, экономических и других) преобразований, в условиях в том числе и упадка творческого. Подобная тенденция, как это ни парадоксально, отмечается в «рифмующиеся» порубежные эпохи: как на рубеже XVIII—XIX веков, например, в процессе становления предромантизма, так и на рубеже XIX—XX столетий, причем актуализируется она и в западноевропейской, и — с определенным опозданием — в русской литературе.

Серебряный век как время кардинальной смены «реалистической» парадигмы на «модерновую» не мог обойти стороной популярные тогда веяния и настроения Запада: оккультизм, спиритизм, развитию которого способствовало активно функционировавшее Общество психических исследований, поставившее задачу изучения оккультных феноменов с научной точки зрения, а также декадентское восприятие бытия, предполагающее, что прекрасное и безобразное, добро и зло одинаково достойны поэтизации и воспевания (достаточно вспомнить творчество З. Гиппиус, В. Брюсова, Ф. Сологуба и др.). Эти способы осмысления действительности явились мощным инструментом описания и общества, и отдельного индивидуума, в том числе и в художественных произведениях, игравших на противоречиях веры и скепсиса, ибо сама эпоха отличалась антиномичностью мировоззрения: с одной стороны, частью реальности была вера в сверхъестественное, с другой, это было время интенсивного развития научной и технической мысли.

Вампир как один из антигероев, нашедший свое яркое воплощение не только в западноевропейской (начиная с баллады И. В. Гете «Коринфская невеста»), но и в отечественной литературе (через связи с классическими

образцами «вампи́рской» новеллы Э. Раупаха, Т. Готье, Э. Т. А. Гофмана — «Упырь» А. К. Толстого, «Призраки» И. С. Тургенева и др.), продолжил свое активное «наступление» и позднее, обретая в процессе развития ряд отличительных признаков.

В новеллистике Серебряного века, однако, вампир претерпевал существенные трансформации и изменения по сравнению с широко распространенным и закрепившимся каноном. В его описании начинают преобладать недосказанность и тайна, не позволяющая соотнести его напрямую с фольклорным (упырь) или классическим литературным образом (лорд Ратвен, Кларимонда, Брунгильда и др.). Вампир начинает менять свое физическое воплощение: в отрывке «Деревья-вампиры» (1899) И. Ясинского чертами кровососущего мертвеца обладают кладбищенские растения; в «Бреде безумия» (1913) Н. Васильковской вампиры-призраки и вовсе воспринимаются в качестве «обновителей земли, очищающих земную кору от червей истребителей живущего...» [Красногубая гостя ..., 2018, т. 2, с. 112]. В связи с этим актуальность настоящего исследования определяется необходимостью углубить понимание процессов становления и развития русской «вампи́рской» литературы Серебряного века, в которой вампир как ведущий антигерой «страшного» рассказа необходим для выражения авторской идеи. При этом в выбранных для анализа рассказах Е. Нагродской («Он» и «Материнская любовь») inferнальные образы обладают узнаваемыми чертами, свойственными как западноевропейской, так и отечественной традиции, но в то же время отличаются оригинальностью и «высвечивают» нравственные и общественные воззрения не только самой писательницы, но — шире — «большого времени», говоря словами М. М. Бахтина.

Цель определила решение ключевых задач: во-первых, выявить специфику воплощения inferнальных образов в рассказе Е. Нагродской «Он»; во-вторых, определить степень влияния западноевропейской традиции на репрезентацию образа вампира в рассказе «Материнская любовь».

Объектом исследования становятся «вампи́рские» рассказы Е. Нагродской 1910-х годов, предметом — специфика воплощения образа вампира в мистико-фантастической новеллистике писательницы.

Практическая значимость статьи состоит в том, её выводы могут способствовать углубленному изучению готической традиции в русской литературе рубежа веков в рамках спецкурсов, посвященных жанрово-тематической специфике новеллы Серебряного века, а также творчеству Е. Нагродской.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужило мистико-фантастическое творчество Е. Нагродской 1910-х годов («Он» и «Материнская любовь»), в ко-

тором инфернальные образы обогащаются принципиально иными свойствами в сравнении с предшествующей «вампирской» традицией. Произведения включены в сборники рассказов «Невеста Анатоля», отечественной «вампирской» и страшной новеллистики «Красногубая гостя: Русская вампирическая проза XIX — первой половины XX в.». Для выявления собственной авторской манеры изображения фигуры вампира у Е. Нагродской мы также обращались к творчеству писателей, в произведениях которых нашла отражение «вампирская» и демонологическая тематика: И. Тургенева [Тургенев, 2021], А. Амфитеатрова [Амфитеатров, 1913], А. Рославлева [Чертова невеста ..., 2024]; в рамках анализа западноевропейской традиции была использована готическая проза XIX века [Ибо кровь ..., 2024].

Отдельно укажем, что мистико-фантастические рассказы Е. Нагродской наиболее примечательны для исследователя не только потому, что в них, как и во всем её творчестве обозначенного периода, актуализируется символистская проблематика, пропущенная сквозь феминистический фильтр и подкрепленная комплексом масонских идей [Лю Инь, 2014, с. 4], но и глубокой связью с классическими образцами западноевропейской готической и «страшной» новеллы XIX века. Как справедливо отмечает А. Шерман, рассказы Е. Нагродской «занимают весьма достойное место в рамках не слишком развитого русского вампирического текста» [Нагродская, 2018, с. 210], а исследователи творчества Е. Нагродской и вовсе указывают, что в ее малой прозе «была намечена собственная художественная программа», в рамках которой «с помощью элементов стилизации и фантастики травестируются мифы и традиционные гендерные представления» [Лю Инь, 2014, с. 30]. Романное творчество писательницы (в частности, выход в свет романа «Гнев Диониса») способствовало оформлению собственно гендерного взгляда на положение мужчины и женщины в начале XX века [Михайлова и др., 2013].

Методологической основой работы явились *сравнительно-исторический метод*, посредством которого образ вампира был проанализирован в динамике его становления в прозе западноевропейских авторов XIX века и развития в отечественной новеллистике Серебряного века; *сравнительно-типологический*, благодаря которому были обозначены ключевые типологические характеристики образа вампира; *метод целостного анализа художественного произведения*, выступивший ключевым в рассмотрении русской «страшной» новеллы, в пространстве которой западные традиции изображения фигуры вампира находят свое органичное продолжение.

Теоретической базой исследования стали работы исследователей как зарубежной [Антонов, 2007; Ковальская, 2021; Михайлова, 2009; Одесский, 2015], так и русской «вампирской» литературы [Долгих, 2012; Мо-

розова, 2013; Одесский, 2010; Сазонова, 2013], в которых прослеживаются основные этапы становления образа вампира, а также выявляется специфика его воплощения в рамках западноевропейской традиции [Вдовин, 2024; Никольский, 2016; Плошук, 2014]. Кроме того, важными источниками явились труды, в которых осмысливается творчество Е. Нагродской в контексте идейно-эстетических исканий 1910-х годов [Лю Инь, 2014; Лю Инь и др., 2018], гендерной и социальной проблематики [Михайлова и др., 2023], литературного влияния [Михайлова и др., 2016], особенностей воплощения элементов фантастического и мистического жанров [Лю Инь, 2018] и восприятия критикой и литературоведением художественных решений Е. Нагродской [Лю Инь и др., 2013].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Своеобразие воплощения инфернальных образов в рассказе Е. Нагродской «Он» (1911)

Оговоримся, что ныне фактически забытое и известное лишь литературоведам творчество Евдокии Аполлоновны Нагродской (в девичестве Головачевой) в начале XX века было весьма популярно, причем касается это не столько её приключенческих и детективных сочинений, сколько принесшего ей широкую известность романа «Гнев Диониса» (1910). И в жизни, и в художественной прозе Е. Нагродская педалировала свое пристрастие к масонству и мистицизму.

Своеобразный взгляд на фигуру вампира мы обнаруживаем в мистико-фантастических рассказах Е. Нагродской 1910-х годов. Несмотря на то, что вампир не явился центральным антигероем в романном творчестве писательницы, в отличие, например, от образа «роковой» женщины или «дионисийского» и «аполлонического» начал [Лю Инь, 2014, с. 6—7], в ее новеллистике инфернальные образы выступили идейно- и сюжетообразующими.

Сошлемся на мнение литературоведов, рассматривающих фантастику Е. Нагродской как продолжение (и, добавим, развитие) готической традиции, «которую она актуализировала в своем творчестве» [Лю Инь, 2018, с. 159]. В ее рассказах 1910-х годов «торжествуют мистические, иррациональные мотивы, а носитель фантастики выступает в виде потусторонней силы, вмешивающейся в судьбу центрального персонажа, влияющей на его поведение и ход событий всего произведения» [Лю, 2018, с. 163].

Мнение А. Шермана, считающего, что «настойчивые попытки И. Лю, М. В. Михайловой и др. [Михайлова, Бобров, 2016] увидеть в рассказе “Он” один из конкретных претекстов “Мастера и Маргариты” М. А. Булгакова не представляются состоятельными, а отмеченные этими исследователями черты сходства скорее объясняются чрезвычайной насыщенно-

стью романа Булгакова расхожими описаниями и мотивами прозы начала XX в.» [Нагородская, 2018, с. 212], представляется справедливым, равно как и утверждение ученого о том, что используемые в рассказе «Он» inferнальные образы и мотивы на самом деле принадлежат к числу наиболее распространенных в 1890—1910-х годах. Действительно, фигура существа, вводящего некую женщину в состояние полутранса, способствовавшего потере связи с реальностью и ее отходу от принятых общественных норм морали, мы находим в одноименном рассказе А. Амфитеатрова, написанном в 1893 году [Осьмухина, 2025].

Знакомство Е. Нагородской как с художественным, так и с литературно-критическим творчеством А. Амфитеатрова не вызывает сомнений. Указывает на это не только топика и героика рассказов с общим заглавием, но и ряд ключевых параллелей сюжета. Обозначим их, обратившись к текстам А. Амфитеатрова и Е. Нагородской:

1) Главные героини признаются сумасшедшими; их «исповедь» воспринимается как упомощательство, что подчеркивает взгляды «обывательского» общества на попытки мистиков обратиться к миру духов и существ, находящемуся за гранью привычного понимания: «Вы блестяще вылечили мою болезнь в самый короткий срок. Вы даже сами удивились, что галлюцинации, припадки бешенства вы исцелили несколькими баночками брома и теплыми ваннами... <...> Не сердитесь на меня и не думайте обо мне дурно. Согласитесь сами: кому охота сидеть в сумасшедшем доме? Я и притворилась, что согласна со всеми, что страдаю галлюцинациями и бредом, что все случившееся — одно мое больное воображение... Мне хотелось на свободу» [Нагородская, 2018, с. 38]. Сравним у А. Амфитеатрова: «... вы, ведь, знаете: мои родные объявили меня сумасшедшею и лечат меня, лечат ... без конца лечат! <...> Наконец, всем надоело возиться со мной, и вот посадили меня сюда — в эту скучную лечебницу... <...> Меня испытывали в губернском правлении; чиновники задавали мне формальные вопросы, и я отвечала им здраво, как следует. Только, когда губернский предводитель спросил меня: помню ли я, как меня зовут? — мне стало смешно» [Красногубая гостя ..., 2018, т. 2, с. 121].

В работе, посвященной анализу inferнальных образов дьявола / сатаны и инкубов / суккубов, «Дьявол в быте, легенде и в литературе средних веков» (1911) А. Амфитеатров, кроме подробной характеристики сущности выбранных для исследования фигур, также останавливается на том, как именно в русском обществе рубежа веков воспринимались попытки европейского сознания понять «бесовскую» природу, оформившиеся впоследствии в своеобразные духовные течения. Он пишет, что «безумія заразительны, и многіе, подходившіе къ спиритизму, теософіи, магіи и т. п., одѣвшись въ броню на-

учного скептицизма недостаточно толсто, потому сами становились спиритами, теософами, служили черныя обѣдни, заболѣвали духовидѣніемъ и съ перепуга уходили въ аскетизмъ, подъ покровительство той или другой властной церкви» [Амфитеатров, 1913, с. 196]. Применить подобное положение можно как к героине рассказа А. Амфитеатрова, поплатившейся рассудком за связь с иномирным существом, так и к героине новеллы Е. Нагродской, прикоснувшейся к загадкам и тайнам ирреального и ставшей последовательницей инфернального учения.

2) Центральными эмоциями и чувствами героинь по отношению к *нему* одновременно оказываются страх или ужас и неконтролируемое влечение, наслаждение от осознания или физического пребывания рядом с «любимым»: «Один раз, когда я шла с мамой, он вдруг повернулся и пошел рядом со мной. Я замерла от страха. <...> Я была в полном отчаянии. <...> Любила ли я его?! Теперь, во сне, я безумно, бешено целовала его и твердила: “Это сон, сон, сон”» [Нагродская, 2018, с. 49—51]. Сравним у А. Амфитеатрова: «Страх мой, по мере приближения странного существа, замирал, переходя постепенно в чувство нового для меня — и мучительного, и приятного вместе — беспокойства, томившего меня и счастьем, и тоскою. <...> То был непостижимый прилив неведомой страсти, и если я любила кого-либо больше себя, света, жизни, так именно этого незнакомого человека...» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 2, с. 126];

3) *Он* фигурирует в тексте в качестве инфернального существа, чья природа до конца не объясняется, однако ряд косвенных признаков позволяет судить о нем и как о вампире, и как об инкубе:

«... Но... но скажи, как тебя зовут и кто ты? <...>

— Дай мне сама какое-нибудь имя.

— ... Ну, как называла тебя твоя мать?

Он весело засмеялся:

— Моя мать? О, это было так давно, так давно.

— Но ты — юноша, ты, пожалуй, одних лет со мною.

— Я — ученый. У науки есть средства сохранять вечную юность».

<...> Отдаешь ли ты мне твою волю, сердце и душу?

— Отдаю, — прошептала я, полная земного восторга, склоняясь в каком-то страстном порыве к его ногам» [Нагродская, 2018, с. 63—65]; ср.: «Он — странное, непонятное существо, ни человек, ни демон, ни зверь, ни призрак... он, ежедневно налагающий на меня свою тяжелую руку; он, в чьей губительной власти моя душа и тело...» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 2, с. 123].

О природе инкуба подробно пишет сам А. Амфитеатров: «По определению специалистов черной мистики, инкубы суть демоны,

соединяющіеся плотскою любовью съ женщинами, а суккубы — дьяволицы, преслѣдующія съ тою же цѣлью мужчинъ.

Угрюмо страстное повѣрье объ инкубахъ и суккубахъ восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ человѣчества, чуть ли не къ началу міра» [Амфитеатров, 1913, с. 194].

Современные исследователи inferнальной демонологии также отмечают, что «идея инкубата сочетает два представления: первое из них — о тяжести, обездвигивающей и удушающей ночью человека; второе и, вероятно, вторичное — о ночной половой связи с неким нечеловеческим существом (демоном)» [Махов, 2006, с. 208]. Показательно, что начиная с эпохи позднего Средневековья и Возрождения «учение об инкубате обогащается огромным количеством противоречивых деталей» [Махов, 2006, с. 209], но одним из ведущих положений будет выступать присутствие взаимно дополняемых, но противоположных по своей сути «чувствований» при связи с демоном — наслаждение и ужас, а также утоление со стороны инкуба не только жажды плоти, но и жажды крови [Махов, 2006, с. 212, 213].

Уместным также представляется сослаться в числе прочего на слова Кости, брата Лены, читавшего ряд оккультных и мистических трактатов и нашедшего их расстраивающими нервы, запрещенными к чтению: «Хочешь, я дам тебе совет. Сегодня, если опять увидишь сон, дай ты своему инкубу (выделено нами. — О. О., Н. М.) по физиономии. Посмотри — прахом рассыплется» [Нагродская 2018, с. 57]. Указание на инкуба как существа, по определению соблазняющего человека, может свидетельствовать о развитии условно демонической линии вампира, в которой существом-сопротивителем выступает не классический вернувшийся к жизни мертвец, но некий зловерный дух, образ которого в западноевропейской литературе восходит к произведению Ш. Нодье «Смарра» (1821).

Однако отметим, что подобная тенденция к отсутствию четкого описания природы «монстра» не является сугубо новаторским открытием писателей Серебряного века (обратим внимание на не определенную самим автором сущность Вашиадана, главного антигероя повести Н. Мельгунова «Кто же он?» [Осьмухина, 2025, с. 341] или на схожее обращение лирического героя по отношению к «призраку» Эллис у И. Тургенева [Тургенев, 2021, с. 73]), однако в их творчестве оно оказывается наиболее разработанным и соотнесенным с мистическим и символистским миропониманием, актуальным для рубежа веков.

Основополагающим отличием двух рассказов будет выступать линия преодоления женщины «самой себя», запретов окружающих. Примечательно, что уже в раннем творчестве Е. Нагродской обнаруживаются такие женские образы, в которых гнездится какой-либо порок или при встрече

с которыми ощущается потенциальная опасность. Так, в «Дочери дьявола» (1894) загадочная женщина, ворвавшаяся в размеренную жизнь русского аристократа, оказывается добродетельной натурой, всю жизнь посвятившей тайной благотворительности; однако до момента развязки она воспринимается как дочь дьявола, несущая вред, а не благо [Русские писатели ..., 1999, с. 202]. Потенциальное «дьявольское» начало женщины станет центральным именно в мистико-фантастических рассказах Е. Нагордской 1910-х годов.

Кроме того, для героини рассказа «Он», как и для молодой гувернантки из «Материнской любви», актуальна профеминистическая позиция, которую разделяла и сама Е. Нагордская. Это выражалось, например, в медленном процессе раскрепощения женщины, скованной многочисленными патриархальными запретами и ограничениями выражения собственных чувств. Подобный тезис актуален применительно к анализируемым произведениям, а также к написанным позднее. Например, как отмечают О. Кушлина и А. Коханова, в «Снах» (1917) «едва ли не единственный раз прорвалась глубоко личная боль и обида писательницы, своими произведениями призывавшей к терпимому отношению к чужой индивидуальности — в том числе и в сексуальном плане, отстаивавшей право женщины на духовное раскрепощение через раскрепощение ее в любви и страсти и встречавшей в ответ ханжескую отповедь критики» [Русские писатели ..., 1999, с. 204].

Но стоит обозначить, что репрезентированное в рассказах Е. Нагордской «раскрепощение» души и тела не может быть осмыслено с позиций сегодняшнего феминистического учения и гендерного подхода. Женщина у Е. Нагордской еще радикально не выступает против мужчины и построенного им общества, не выбирает спутника сама, не оглядывается на мнение родителей, друзей, знакомых. Например, Лена, хотя поначалу и противится *его* способностям, многочисленным ночным встречам, сама спустя время просит заботы и внимания и соглашается со всеми *его* условиями: «Три ночи он не целовал меня! Он был ласков, приветлив, рассказывал мне много интересного, но... ни одного поцелуя, ни ласки, ни страстного слова... А сам был прекрасен, так волшебно-прекрасен! На четвертый день я лежала у его ног и с безумными слезами молила о прощении, и... он простил меня...» [Нагордская, 2018, с. 60—61]. Как справедливо отмечает Лю Инь, героиня «продолжает оставаться рабой, но она уже хочет быть повелительницей», а также «почувствовать себя царицей мира» [Лю Инь, 2018, с. 162].

Ведущее место в рассказе «Он» Е. Нагордской также отводится оккультному знанию, обладание которым становится возможным только после взаимодействия с представителем инфернального мира. Согласимся с мнением Лю Инь, считающей, что описание Е. Нагордской второй ре-

альности символизирует путь человека, желающего обрести внутреннюю свободу, проходящего, однако, через социальное непонимание и «перевернутые законы» иррационального [Лю Инь, 2014, с. 27].

Показательно, что *он* отказывает Косте в возможности соприкосновения с «тайнами науки», поскольку брат Лены «слишком слаб для этого и мог бы кончить безумием» [Нагородская, 2018, с. 76], таким образом, вводя дифференциацию доступа к необходимой, но закрытой информации. Именно вампир как один из немногих «сильных» образов, существо, уже умершее, но вернувшееся к жизни, выступает здесь в качестве проводника между миром тайн и миром обыденного. Об этом могут свидетельствовать в том числе описания «реальных» случаев вампиризма в 1910-х годах, в частности, в заметке Е. Просина мы обнаруживаем подобную тенденцию [Красногубая гостыя ..., 2018, т. 2, с. 179—182].

3.2. Западноевропейская традиция репрезентации образа вампира в рассказе Е. Нагородской «Материнская любовь» (1914)

Наиболее явным и нашедшим яркое художественное воплощение в мистико-фантастической новеллистике Е. Нагородской 1910-х годов является образ девочки-вампира Минны. В рассказе «Материнская любовь» (1914) основная задача писательницы «заключается в развенчании мифа о безраздельной материнской любви, которая может привести к тому, что мать будет уничтожать людей вокруг только для того, чтобы ее дитя процветало» [Лю Инь, 2018, с. 160].

Сюжетная линия рассказа строится на классическом литературном элементе «узнавания»: главная героиня, принимая предложение о работе гувернанткой у шестилетней девочки, приезжает в поместье баронессы Грабенгоф (фамилия, кстати, весьма примечательная: grabren + hoff в переводе с немецкого означает «канавная усадьба», «двор у канавы») и день за днем начинает чувствовать себя хуже. Решая проследить за матерью и дочерью, рассказчица обнаруживает страшную тайну: Минна — вампир, а баронесса, больная на вид и потерявшая способность к рациональному осмыслению действительности, продолжает поддерживать жизнь Минны благодаря крови молодых девушек.

Нетрудно заметить, что реализуемый Е. Нагородской сюжет во многом идентичен другому произведению западноевропейского вампирского канона — «Девушке-вампиру» (1890) Х. Нисбета. Однако при ближайшем рассмотрении текста русской писательницы обнаруживаются и другие многочисленные пересечения с классическими образцами зарубежной и отечественной литературы. Укажем на наиболее очевидные источники новеллы Е. Нагородской, принципиально значимые для конструирования фабулы рассказы и образа вампира.

Во-первых, в «Материнской любви» реализуется привычный готический топос: баронесса Грабенгоф живет в старинном поместье, «длинном здании, в два этажа, под высокой черепичной крышей» [Красногубая гостя ..., 2018, т. 1, с. 102], которое окружают «старые развесистые деревья», а вокруг всего пространства ничего не слышно, «жутко тихо» [Там же]. В самом доме нет освещения, а темные залы невозможно «рассмотреть при трепетном свете свечей» [Там же]. Подобный же дом является местом действий и в «Девушке-вампире»: «Так, один за другим, плавно текли часы, пока, преодолев около пятнадцати миль, я не увидел далеко впереди одиноко стоящий каменный дом с грубой шиферной крышей. <...> Перед домом был разбит небольшой сад, который окружала сложенная из камней ограда...» [Ибо кровь ..., 2024, с. 228].

Во-вторых, образы матери и дочери, охотниц на мужчин и / или девушек, которые обладают «живительной» молодостью для продолжения существования вампира, мы встречаем уже в «Кармилле» Д. Ш. Ле Фаню, где обман является ведущей личностной характеристикой тандема охотников за кровью. Примечательно, что не все женщины после обнаружения тайны их детей рассказывают жертве о своих мотивах и дальнейших планах (ни в «Кармилле», ни в «Девушке-вампире» такого нет). Однако объяснения баронессы Грабенгоф о недуге Минны во многом совпадают с тем, каким перед читателем предстает природа Бланш — вампира-антропофага из рассказа «Одержимость белизной» (1867) М. Форчун: «Послушайте, застонала она, ломая руки, — неужели у вас нет жалости! Ведь моя дочь, бедный ребенок умрет с голоду... Ведь она может питаться только человеческой кровью! Свою я ей отдала всю, я едва жива. Если я ее накормлю еще хоть раз, я умру! А если я умру, кто о ней позаботится?...» [Красногубая гостя, 2018, т. 1, с. 108—109]; ср.: «Бланш д'Абервиль — антропофаг, и один из членов нашего семейства уже пал жертвой ее жажды человеческой крови...» [Ибо кровь ..., 2024, с. 91].

Сошлемся на мнение Лю Инь, указывающей, что «в рассказе Наградской привычный образ вампира приобретает двойственность; кровопийцей оказывается не только дочь, но и мать, которая воплощает метафорический вампиризм» [Лю Инь, 2014, с. 28]. При этом, как и в рассказе «Он», не менее важным идейным пластом в «Материнской любви» становится феминистический подтекст. Героиня не только не проявляет жалости к баронессе, но и выказывает свое отвращение к подобному чувству привязанности (впоследствии, однако, не отказываясь ни от замужества, ни от потенциального деторождения, но отмечая личные желания и выбор как основополагающее руководство к действию): «... это не дитя, а отвратительное, вредное чудовище. Я бы на вашем месте радовалась, что умрет такой выродок... <...>

— Но я — мать! — зарыдала баронесса, — вы не имели детей, вы не знаете материнской любви — этого святого, всепоглощающего чувства. <...>

Теперь я выхожу замуж и желаю только одного: если у меня будут дети — никогда не чувствовать к ним такой сильной материнской любви» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 1, с. 109].

В-третьих, для реализации коварного плана мать и дочь, как уже было сказано, активно обманывают ничего не подозревающую жертву. Нападение вампира при этом происходит только тогда, когда человек спит, а обеспечить его глубокое «не-пребывание» в реальности помогает снотворное: «“А не подливает ли она мне чего-нибудь в чай, чтобы я спала... ведь вчера я не хотела спать”. Зачем ей это нужно? Что она скрывает? Ведь я, кажется, помещаюсь так далеко от ее комнат, что не могу ничего подслушать или подглядеть. <...> Сама не знаю почему, но недоверие мое все возрастало и возрастало и я незаметно для баронессы не выпила, а вылила за кресло, налитый ею чай» [Там же, с. 106]; ср.: «Я был утомлен больше обычного, и все, на что у меня хватило сил, — это скинуть обувь и верхнюю одежду, после чего я в изнеможении рухнул на одеяло и почти сразу заснул, так и не сделав глотка из чашки, которая всегда стояла на моем столе и из которой я всегда жадно пил перед сном» [Ибо кровь ..., 2024, с. 233].

Именно обнаружение какого-то несоответствия в привычном поведении человека (обдумывание героем факта «аномальности», свойственной любому представителю нечистой силы) приводит к развязке и последующей кульминации «вампирского» текста как у Е. Нагродской, так, например, и у Х. Нисбета: «Вдруг я услышала скрип и часть панели отодвинулась, баронесса тихонько заглянула в комнату из темного квадрата потайной двери» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 1, с. 107]; ср.: «Охваченная жаждой, вампирша в эту ночь укусила меня чуть сильнее, чем прежде, не подозревая, что я не выпил перед сном усыпляющего зелья. Очнувшись, я узрел ее в ярком свете луны...» [Ибо кровь ..., 2024, с. 234];

Наконец, в образе вампира у Е. Нагродской фигурируют как стандартные вампирские «тропы» западноевропейской словесности, так и приемы, свойственные отечественной фигуре вампира. Укажем, что имя Минны отсылает не только к героине романа Б. Стокера «Дракула», которая, будучи укушенной графом, тем не менее, не обращается в конце произведения в его последовательницу, но и к классическим героям вампирской литературы.

Так, Минна, подобно Брунгильде Э. Раупаха из сказки «Не будите мертвецов» (1822) и Кармилле Д. Ш. Ле Фаню, выходит из своих покоев предпочтительно вечером или только ночью, не появляясь во время солнечной активности: «На четвертый день я думала, что я не встану — так я

себя скверно чувствовала. Хорошо, что занятия с ученицей еще не начинались. Я ее видела только по вечерам, после обеда: она обедала отдельно» [Красногубая гостя ..., 2018, т. 1, с. 104]; ср.: «Она выходила из своих комнат лишь в более мягком и нежном свете утра и вечера, но более всего пришлись ей по вкусу гулянья под луной...» [Ибо кровь ..., 2024, с. 48].

В этом аспекте показателен и факт отказа принятия пищи вампиром, что составляет его природу, но кажется странным для живого человека: «Кажется, сама девочка добровольно подчинялась предписанию доктора, так как с жестом отвращения отказывалась от десерта, который я ей предлагала» [Красногубая гостя, 2018, т. 1, с. 105]; «... Тем не менее, позавтракал я с аппетитом, Ариадна же почти ни к чему не притронулась, но, как ни странно, встала из-за стола оживленной, с легким румянцем на щеках...» [Ибо кровь ..., 2024, с. 231].

Отметим очевидную параллель между описаниями внешнего вида Минны и многочисленных девушек-вампов западноевропейской литературы. Особенно примечательной представляется следующая: «Что еще поразило меня в ее наружности — это уши. Очень большие, оттопыренные, тонкие — они напоминали крылышки летучей мыши. Я даже слегка вздрогнула от неприятного ощущения, когда в моей руке очутилась паучья лапка девочки, но я сейчас же упрекнула себя» [Красногубая гостя ..., 2018, т. 1, с. 104]. Сравним: «Мне пригрезилась уродливая летучая мышь с лицом и локонами Ариадны, влетевшая в распахнутое окно и припавшая своими белыми зубами и алыми губами к моей руке...» [Ибо кровь ..., 2024, с. 233—234]. Как видим, вампир Е. Нагородской во многом напоминает вампира Х. Нисбета.

Несмотря на явное влияние зарубежной традиции в описании внешности Минны, считаем необходимым указать и на отечественный «след». Вероятно знакомство Е. Нагородской с рассказом А. Рославлева «Паук» (1912), в котором один из героев оказывается странным существом, напоминающим паука.

Обратимся к текстам Е. Нагородской и А. Рославлева для сличения и обнаружения связей: «Она была необыкновенно худа, ее руки и ноги были похожи на паучьи лапки. На этой скелетообразной фигурке сидела большая голова с мертвенно-бледным лицом. Большой рот с тонкими губами был, наоборот, ярко-красен, при улыбке он растягивался в длинную щель и обнажались редкие, острые зубы» [Красногубая гостя ..., 2018, т. 1, с. 103—104]. Читаем у А. Рославлева: «Руки у него были торопливые; длинные тонкие пальцы не сгибались, а вернее, скрючивались. <...> Высокий выпуклый лоб теперь был едва ли не больше всего лица...» [Чертова невеста ..., 2024, с. 311]; «Он еще больше растопырился и сгорбился. Тут-

то у меня и мелькнуло поразившее своей верностью сравнение. Это же паук...» [Там же, с. 312].

Общим элементом между Минной-вампом и Сергеем-пауком является и описание внешнего вида их жертв: «Я подошла к зеркалу и увидала, что лицо мое не так бледно, и красное пятно, которое у меня появилось на шее, почти прошло» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 1, с. 106]. Сравним у А. Рославлева: «Хозяйка постояла, пожевала губами, как бы намереваясь еще что-то сказать, но раздумала и ушла, поправляя на шее платок, из-под которого краснело пятно, как бы от укуса» [Чертова невеста ..., 2024, с. 316].

Не менее важным основанием в структуре «вампирского» текста может быть названо обращение к судьбе человека после встречи с вампиром. Герой нередко оказывается болен малокровием или поражен неясным для врачебной практики недугом. Основополагающим элементом будет выступать смена привычного вектора существования жертвы «до» и «после», актуальная как для западноевропейской, так и отечественной литературы. Читаем у Е. Нагродской: «Долго лечилась я от острого малокровия, никому не жалуясь, да и кто бы мне поверил» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 1, с. 109]. Сравним у И. Тургенева: «... собственное здоровье расстроилось: грудь заболела, бессонница, кашель. Все тело сохнет. Лицо желтое, как у мертвеца. Доктор уверяет, что у меня крови мало, называет мою болезнь греческим именем “анемией” — и посылает меня в Гастейн» [Тургенев, 2021, с. 73]. Примечателен и схожий пассаж у Д. Готорна («Тайна Кена»): «Мое здоровье оказалось серьезно подорвано; из моих жил как будто выпустили всю кровь; я был бледен и изможден, и холод... О, этот холод! <...> Я никогда не избавлюсь от него; я унесу его с собой в могилу» [Ибо кровь ..., 2024, с. 162].

При этом бытие человека после встречи с инферальным существом всегда сопряжено с переступанием через ведущие эмоции — страх и постепенно нарастающий ужас. В случае если человек и приобретает искомые им «тайные знания» о мире, паттерны в поведении (избегание вампира и / или нередкое влечение к нему) фиксируются в качестве главных и впоследствии: «О, как отвратительно было это чудовище, извивавшееся всем своим скелетообразным телом, с вытаращенными глазами и со ртом, полным крови — моей крови... Я увязывала и укладывала свои вещи. Ночь под Новый Год я провела, дрожа от ужаса, спрятавшись в конюшне» [Красногубая гостья ..., 2018, т. 1, с. 107]. Сравним: «С криком, полным ужаса, я отшвырнул ее от себя и бросил последний взгляд на ее дикие глаза, сияющее белое лицо и окровавленный рот; потом я ринулся в ночь, гонимый страхом и отвращением, и не прерывал свой безумный бег до тех пор, пока между мною и проклятым домом на вересковой пустоши не пролегли многие мили» [Ибо кровь ..., 2024, с. 234].

4. Заключение = Conclusions

В заключение настоящего исследования мы пришли к следующим выводам.

Инфернальные образы в мистико-фантастической новеллистике Е. Нагордской 1910-х годов выступают как идейно, так и сюжетообразующими основаниями. Вампир как один из главных антигероев «страшной новеллы» Серебряного века в творчестве Е. Нагордской не только обладает привычными характеристиками, закрепившимися в «вампирических» произведениях западноевропейской литературы, но и приобретает ряд новых особенностей, которые ранее кровососущий мертвец в отечественной литературе не имел.

Встреча с вампиром у Е. Нагордской символизирует поиск человеком знаний о себе и обществе с позиций оккультного мировосприятия (соединение науки и «магии», сверхъестественных, находящихся за гранью понимания фактов). Зачастую эта попытка оказывается для человека фатальной: он либо сходит с ума («Он»), либо теряет физическое здоровье и духовные силы, а его взгляды на жизнь претерпевают значительные метаморфозы («Материнская любовь»). При этом границы рационального и ирреального смешиваются, их определение и фиксация становятся практически невозможными.

Одним из базовых положений в мистико-фантастической новеллистике Е. Нагордской также будет считаться гендерная проблематика, не свойственная другим русским «вампирическим» произведениям Серебряного века («Киммерийская болезнь» А. Амфитеатрова, «Наяву или во сне» И. Головина, «Дровосек» А. Рославлева, «Вампир» С. Соломина и др.). Так, вампиризм в «Материнской любви» может пониматься с точки зрения закрепления за женщиной ряда привычных, «классических» гендерных ролей, с чем героиня Е. Нагордской не соглашается и чему вызывается противостоять.

При этом в выстраивании фабулы и героики «вампирических» произведений Е. Нагордской существенное место отводится западноевропейскому канону описания исследуемого образа. Тесная, генетическая связь с готической традицией определяет наполнение и идейную направленность рассказов «Он» и «Материнская любовь».

Перспектива дальнейшего исследования видится в углубленном изучении образа вампира как одного из центральных антигероев мистической новеллистики Серебряного века с фиксацией влияния западноевропейской традиции на становление и оформление фигуры кровососущего мертвеца в современной отечественной фэнтези- и хоррор-литературе.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Амфитеатров А. В.* Собрание сочинений в 30 томах. Т. 18 : Дьявол. Дьявол в быте, легенде и литературе средних веков / А. В. Амфитеатров. — Санкт-Петербург : Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. — 404 с.
2. *Ибо кровь* есть жизнь: сборник рассказов зарубежных писателей / пер. с англ. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — ISBN 978-5-04-192891-9.
3. *Красногубая* гостя : Русская вампирическая проза XIX — первой половины XX в. / сост., предисл. и комм. С. Шаргородского. — [Б. м.] : Salamandra P. V. V., 2018. — Т. 1. — 230 с. ; Т. 2. — 216 с.
4. *Наградская Е. А.* Невеста Анатоля: фантастические рассказы / Е. А. Наградская ; сост., подг. текста и комм. А. Шермана — [Б. м.] : Salamandra P. V. V., 2018. — 216 с.
5. *Чертова невеста* : русский хоррор начала XX века со страниц старых журналов / вступ. ст., сост. и примеч. А. Б. Танасейчука. — Москва : РИПОЛ классик. 2024. — 336 с. — ISBN 978-5-386-15066-2.
6. *Тургенев И. С.* Призраки / И. С. Тургенев. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2021. — 314 с. — ISBN 978-5-373-03996-3.

Литература

1. *Антонов С. А.* Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре / С. А. Антонов // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах : сборник. — Санкт-Петербург : Азбука-Классика, 2007. — С. 5—86.
2. *Вдовин А.* Монстры у порога. Дракула, Франкенштейн, Вий и другие литературные чудовища / А. Вдовин. — Москва : МИФ, 2024. — 208 с. — ISBN 978-5-00214-633-8.
3. *Долгих Ю. А.* Вампир как персонаж русской фантастической литературы начала XIX века / Ю. А. Долгих // Летняя школа по русской литературе. — 2012. — Т. 8. — №1. — С. 216—226.
4. *Ковальская А. С.* Генезис образа вампира в европейской прозе / А. С. Ковальская // Science Time. — 2021. — № 9 (93). — С. 34—35.
5. *Лю Инь.* Произведения Е. А. Наградской в критике и литературоведении / Лю Инь, М. В. Михайлова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. — 2013. — № 4. — С. 288—293.
6. *Лю Инь.* Творческая эволюция Е. А. Наградской в контексте идейно-эстетических исканий 1910-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Лю Инь. — Москва, 2014. — 33 с.
7. *Лю Инь.* Творчество хозяйки «нехорошей квартиры», или Феномен Е. А. Наградской / Лю Инь, М. В. Михайлова. — Москва : Common place, 2018. — 526 с. — ISBN 978-999999-0-45-5.
8. *Лю Инь.* Фантастика как элемент художественного мышления Е. Наградской / Лю Инь // Университетский научный журнал. — 2018. — № 43. — С. 159—164.

9. Махов А. Е. *Hostis antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря* / А. Е. Махов. — Москва : Intrada, 2006. — 416 с. — ISBN 5-87604-069-X.

10. Михайлова М. В., Бобров С. Читал ли Михаил Булгаков Евдокию Нагродскую? / М. В. Михайлова, С. Бобров // *Новое литературное обозрение*. — 2016. — № 2 (138). — С. 209—217.

11. Михайлова М. В. «Новая женщина» или «сверхженщина»? Проект Серебряного века / М. В. Михайлова, А. В. Назарова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. — 2023. — Т. 23. — Вып. 3. — С. 269—277.

12. Михайлова Т. А., Одесский М. П. Граф Дракула: опыт описания / Т. А. Михайлова, М. П. Одесский. — Москва : ОГИ, 2009. — 206 с. — ISBN 978-5-94282-523-2.

13. Морозова Ф. Русский вампир в поле пола. Эволюция жанра / Ф. Морозова // *Библиотечное дело*. — 2013. — №18 (204). — С. 23—27.

14. Никольский Е. В. Образы вампиров в повестях В. И. Даля и А. К. Толстого в контексте европейского романтизма / Е. В. Никольский // *Studia Humanitatis*. — 2016. — № 1. — С. 23—31.

15. Одесский М. П. Вампиры в ранней прозе А. К. Толстого. Опыт построения сюжетной топики / М. П. Одесский // *Вопросы литературы*. — 2010. — № 6. — С. 207—241.

16. Одесский М. П. Явление вампира / М. П. Одесский // *Стокер Б. Дракула*. — Москва : Энигма, 2005. — 640 с.

17. Осьмухина О. Ю. Концепт УЖАС в прозе Серебряного века (на материале «вампирских» рассказов А. Амфитеатрова / О. Ю. Осьмухина, Н. М. Миронов // *Научный диалог*. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 333—354.

18. Плошук А. Н. Тема вампиризма в сборнике П. Мериме «Гюэла» и в цикле А. С. Пушкина «Песни западных славян» / А. Н. Плошук // *Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. — 2014. — № 5. — С. 107—115.

19. *Русские писатели. 1800—1917 : биографический словарь* / гл. ред. П. А. Николаев. — Москва : Большая Российская энциклопедия. — 1999. — Т. 4 : М—П. — 720 с. — ISBN 5-85270-256-0.

20. Сазонова З. Н. Тема вампиризма в современном русском фэнтези: происхождение и своеобразие / З. Н. Сазонова // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. — 2013. — № 1 (2). — С. 269—272.

*Статья поступила в редакцию 08.12.2025,
одобрена после рецензирования 28.03.2026,
подготовлена к публикации 13.04.2026.*

Material resources

Amfiteatrov, A. V. (1913). *Collected Works in 30 Volumes. Volume 18. The Devil. The Devil in Everyday Life, Legend, and Literature of the Middle Ages*. St. Petersburg: Prosveshchenie Publishing Company, 1913. 404 p. (In Russ.)

For blood is life: a collection of stories by foreign writers. (2024). Moscow: Eksmo. 320 p. ISBN 978-5-04-192891-9. (In Russ.)

The Red-lipped Guest: Russian Vampiric Prose of the 19th — first half of the 20th century. (2018). [B.m.]: Salamandra P. V. V. (In Russ.).

- Nagrodskaya, E. A. (2018). *Anatole's Bride: fantasy stories*. [B.m.]: Salamandra P. V. V. 216 p. (In Russ.).
- The Devil's Bride: Russian Horror of the Early 20th Century from the Pages of Old Magazines*. (2024). Moscow: RIPOL classic. 336 p. ISBN 978-5-386-15066-2. (In Russ.).
- Turgenev, I. C. (2021). *Ghosts*. Moscow: OLMA Media Group. 314 p. ISBN 978-5-373-03996-3. (In Russ.).

References

- Antonov, S. A. (2007). The thin red line. Notes on the vampiric Paradigm in Western Literature and Culture. In.: *"Dracula's Guest" and other stories about vampires: a collection*. St. Petersburg: ABC Classics. Pp. 5—86. (In Russ.).
- Vdovin, A. (2024). *Monsters at the Threshold. Dracula, Frankenstein, Viy and Other Literary Monsters*. Moscow: MIF. 208 p. ISBN 978-5-00214-633-8.
- Dolgikh, Yu. A. (2012). The Vampire as a character of Russian fantasy literature of the early 19th century. *Summer school on Russian Literature*, 8 (1): 216—226. (In Russ.).
- Kovalskaya, A. C. (2021). The genesis of the vampire image in European prose. *Science Time*, 9 (93): 34—35. (In Russ.).
- Liu Yin. (2014). *The creative evolution of E. A. Nagrodskaya in the context of the ideological and aesthetic searches of the 1910^s*: PhD Dissertation abstract. Moscow. 33 p. (In Russ.).
- Liu Yin. (2018). Science fiction as an element of artistic thinking of E. Nagrodskaya. *University scientific journal*, 43: 159—164. (In Russ.).
- Liu Yin, Mikhailova, M. V. (2013). Works of E. A. Nagrodskaya in criticism and literary studies. *Bulletin of the North Ossetian Khetagurov State University*, 4: 288—293. (In Russ.).
- Liu Yin, Mikhailova, M. V. (2018). *The Work of the Owner of the "Bad Apartment", or the Phenomenon of E. A. Nagrodskaya*. Moscow: Common Place. 526 p. ISBN 978-999999-0-45-5. (In Russ.).
- Makhov, A. E. (2006). *Hostis antiquus: Categories and images of medieval Christian demonology. An attempt at a dictionary*. Moscow: Intrada. 416 p. ISBN 5-87604-069-X. (In Russ.).
- Mikhailova, M. V., Bobrov, S. (2016). Did Mikhail Bulgakov read Evdokia Nagrodskaya? *New Literary Review*, 2 (138): P. 209—217. (In Russ.).
- Mikhailova, M. V., Nazarova, A. V. (2023). "New Woman" or "Superwoman"? The Silver Age Project. *Bulletin of the Saratov University. The series "Philology. Journalism"*, 23 (3): 269—277. (In Russ.).
- Mikhailova, T. A., Odessky, M. P. (2009). *Count Dracula: the experience of description*. Moscow: OGI. 206 p. ISBN 978-5-94282-523-2. (In Russ.).
- Morozova, F. (2013). Russian vampire in the field of sex. Evolution of the genre. *Library Science*, 18 (204): P. 23—27. (In Russ.).
- Nikolsky, E. V. (2016). Images of vampires in the novels of V. I. Dahl and A. K. Tolstoy in the context of European Romanticism. *Studia Humanitatis*, 1: 23—31. (In Russ.).
- Odessky, M. P. (2015). The phenomenon of the vampire. In: Stoker, B. *Drakula*. Moscow: Enigma Publ. 640 p. (In Russ.).
- Odessky, M. P. (2010). Vampires in the early prose of A. K. Tolstoy. The experience of plot topic construction. *Voprosy literatury*, 6: 207—241. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Yu., Mironov, N. M. (2025). Concept of HORROR in Prose of Silver Age ("Vampiric" Stories of A. Amphiteatrov). *Nauchnui dialog*, 14 (6): 333—354. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-333-354. (In Russ.).

- Ploshchuk, A. N. (2014). The theme of vampirism in P. Merime's collection "Guzla" and in A. S. Pushkin's cycle "Songs of the Western Slavs". *Bulletin of the Pskov State University. The series "Social sciences and humanities"*, 5: 107—115. (In Russ.).
- Russian Writers. 1800–1917: biographical dictionary*, 4. (1999). Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 720 p. ISBN 5-85270-256-0. (In Russ.).
- Sazonova, Z. N. (2013). The theme of vampirism in modern Russian fantasy: origin and originality. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 1 (2): 269—272. (In Russ.).

*The article was submitted 08.12.2025;
approved after reviewing 28.03.2026;
accepted for publication 13.04.2026.*

Информация для цитирования:

Сердечная В. В. Русская критическая, переводческая и творческая рецепция поэмы Уильяма Блейка «Мильтон» / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 337—367. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-337-367.

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2026). Russian Critical, Translational, and Creative Reception of William Blake's "Milton". *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 337-367. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-337-367. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Русская критическая, переводческая и творческая рецепция поэмы Уильяма Блейка «Мильтон»

Сердечная Вера Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-8718-3556

доктор филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы
и сравнительного культуроведения
rintra@yandex.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич²

orcid.org/0000-0003-4768-3518

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения,
корреспондирующий автор
ivb40@yandex.ru

¹ Кубанский

государственный университет
(Краснодар, Россия)

² Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках реализации работ
по гранту Российского научного фонда
(проект № 25-18-00010
«Русский Мильтон: переводы,
исследования, библиография. Создание
научно-информационной базы данных»)

Russian Critical, Translational, and Creative Reception of William Blake's "Milton"

Vera V. Serdechnaya¹

orcid.org/0000-0001-8718-3556

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature
and Comparative Cultural Studies
rintra@yandex.ru

Dmitry N. Zhatkin²

orcid.org/0000-0003-4768-3518

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies
corresponding author
ivb40@yandex.ru

¹ Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

² Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared as part of the work
under the grant of the Russian Science Foundation
(project № 25-18-00010 "Russian Milton:
translations, research, bibliography.
Creation of a scientific information database")

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению различных направлений русской рецепции поэмы Уильяма Блейка «Мильтон» (1804—1811). Осмыслена критическая рецепция поэмы, которая, будучи впервые упомянутой в 1897 году в одной из статей З. А. Венгеровой и кратко охарактеризованной рядом исследователей советской эпохи (М. Н. Гутнер, А. А. Елистратова, Е. А. Некрасова), была впоследствии подробно изучена, среди других поэм Блейка, Т. Н. Васильевой (1960-е годы) и Г. А. Токаревой (2000-е годы). Отмечается изменение подходов исследователей: если в советский период доказывалась принадлежность Блейка к «прогрессивному романтизму», то на современном этапе наибольший интерес вызывает мифология английского поэта (в том числе отраженная в «Мильтоне»), которая привлекает мыслителей-традиционалистов. Изучена творческая рецепция поэмы, причем особое внимание уделено наиболее раннему объекту художественного переосмысления — отрывку, начинающемуся со слов «And did those feet in ancient time...»: к нему есть явные аллюзии в стихотворении С. Я. Маршака «Иерусалим» (1918), а также в «Памяти» Н. С. Гумилева (1920). Установлено, что переводческая рецепция «Мильтона» начинается с отрывка, интерпретированного С. Я. Маршаком (1918), затем следуют фрагменты из поэмы (преимущественно «And did those feet in ancient time...»), переведенные другими литераторами. Проанализирован полный перевод «Мильтона», который был осуществлен Д. Н. Смирновым и опубликован только в 2021 году, как билингва, с обширными примечаниями.

Ключевые слова:

У. Блейк; Дж. Мильтон; русско-английские литературные и историко-культурные связи; поэтический перевод; С. Я. Маршак; Н. С. Гумилев; Д. Н. Смирнов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article offers a comprehensive examination of the diverse trajectories of Russian reception of William Blake's epic poem Milton (1804–1811). The critical reception of the poem is analyzed in detail, beginning with its first mention in Russian scholarship in 1897 in an article by Z. A. Vengerova, followed by brief discussions by Soviet-era scholars such as M. N. Gutner, A. A. Elistratova, and E. A. Nekrasova. The poem was later subjected to more thorough study by T. N. Vasilieva in the 1960s and G. A. Tokareva in the 2000s, both of whom placed it within the broader context of Blake's oeuvre. The article traces the evolution of scholarly approaches: whereas Soviet criticism emphasized Blake's affiliation with “progressive Romanticism,” contemporary research is increasingly focused on the poet's mythology, particularly as it is manifested in Milton, which has attracted the attention of traditionalist thinkers. The creative reception of the poem is also explored, with particular attention devoted to its earliest object of artistic reinterpretation — the passage beginning with the famous lines “And did those feet in ancient time...”. The article establishes clear allusions to this passage in S. Ya. Marshak's poem “Jerusalem” (1918) and in N. S. Gumilev's “In Memory” (1920). Furthermore, the translational reception of Milton is shown to have commenced with Marshak's interpretation of this very excerpt in 1918, followed by subsequent translations of selected fragments — primarily the same passage — by other Russian literary figures. It is noted that the first complete Russian translation of Milton was undertaken by D. N. Smirnov and published only in 2021 as a bilingual edition, accompanied by extensive commentary.

Key words:

W. Blake; J. Milton; Russian–English literary and historical-cultural relations; poetic translation; S. Ya. Marshak; N. S. Gumilev; D. N. Smirnov.

УДК 82.091+821.161.1+82-1

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-337-367

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы

народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.3. Теория литературы

Русская критическая, переводческая и творческая рецепция поэмы Уильяма Блейка «Мильтон»

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2026

1. Введение = Introduction

Эпическая поэма Уильяма Блейка «Мильтон» (“Milton a poem”), написанная в 1804—1811 годах, одна из больших поэм английского романтика (наряду с награвированной поэмой «Иерусалим» и оставшейся в рукописи поэмой «Вала, или Четыре Зоа»), стала одним из финальных воплощений многомерного авторского мифологического мира.

Эта поэма также явилась своего рода итогом творческого диалога между двумя английскими поэтами: Уильям Блейк, несомненно, ощущал себя творческим наследником Мильтона и во многом опирался на его способ авторского мифотворчества в собственных эпосах.

Блейк написал несколько серий акварельных иллюстраций к произведениям Мильтона — к «Потерянному раю», «Возвращенному раю», «Комусу» и др. Известным примером осмысления наследия Мильтона является фраза из ранней поэмы Блейка «Бракосочетание Рая и Ада» (1790—1793): «The reason Milton wrote in fetters when he wrote of Angels & God, and at liberty when of Devils & Hell, is because he was a true Poet and of the Devils party without knowing it» [Blake, 1988, p. 35] (Причина, по которой Мильтон писал в оковах, когда писал об ангелах и Боге, и свободно, когда писал о дьяволах и аде, в том, что он был истинным поэтом и был на стороне дьявола, не зная того)¹. А. М. Зверев отмечает, что в этом высказывании заключена «целая философия, афористически выраженное кредо всего романтического миропонимания» [Зверев, 1982а, с. 26]. Фразу эту нужно понимать иносказательно, в рамках авторской аллегорической системы данной поэмы Блейка: демоны, или дьяволы, — это люди, свободные от догматического мышления.

Блейк и дальше продолжал размышлять над мильтоновским наследием, воспринимая его как образец национального эпоса; он многократ-

1 Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — В. С., Д. Ж.

но упоминал его в произведениях и письмах. Блейк отмечал у Мильтона «the extravagance of his all-personifying fancy» [Blake, 1988, p. 595] (экстравагантность его всеодушевляющей фантазии). В одном из писем Блейк сообщал, что создает свои эпические поэмы «on One Grand Theme Similar to Homers Iliad or Miltons Paradise Lost» [Blake, 1988, p. 728] (на одну великую тему, подобно «Илиаде» Гомера или «Потерянному раю» Мильтона), то есть остается в своем разнообразном творчестве, подобно великим эпикам, в рамках одной художественной вселенной.

В поэме «Мильтон», относящейся к авторскому жанру «пророчества», Блейк изображает мистическое путешествие духа Мильтона в материальный мир и его объединение с героем самого Блейка:

...Milton entering my Foot; I saw in the nether
Regions of the Imagination; also all men on Earth,
And all in Heaven, saw in the nether regions of the Imagination
In Ulro beneath Beulah, the vast breach of miltons descent.
[Blake, 1988, p. 115].

(Мильтон вошел в мою ступню; я увидел в нижних
Областях воображения; также все люди на земле,
И все на небесах, увидели в преисподних областях воображения
В Ульро под Беулой, огромную брешь от нисхождения Мильтона).

Дальнейшие метафизические превращения Мильтона в поэме связаны с переосмыслением разделения вселенной на бинарные оппозиции: мужское и женское, живое и мертвое, сознание и мир. Этот иносказательный текст, насыщенный аллюзиями и цитатами, начиная от Библии и заканчивая биографическими обстоятельствами жизни самого Блейка, весьма сложен для трактовки и восприятия, однако представляет собой мощное художественное высказывание и погружает читателя в уникальный мир авторской мифологии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

До настоящего времени русская рецепция поэмы «Мильтон» затрагивалась кратко, в рамках общего изучения творчества Блейка, в том числе исследований его восприятия в России [Зверев, 1982б; Черепенникова, 2004; Сердечная, 2021б]. Единственный существующий полный перевод Д. Н. Смирнова также практически не отрефлексирован, известны только краткие его характеристики [Сердечная, 2021а]. Вместе с тем у этой поэмы Блейка есть определенная история рецепции в русской литературе — как переводческой, так и творческой.

Методологическим основанием для данного исследования становятся историко-литературный и компаративный подходы, нацеленные на анали-

тическое изучение истории русской переводческой, критической и творческой рецепции поэмы «Мильтон».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Критическая рецепция поэмы «Мильтон»

В дореволюционной русской критике поэма «Мильтон» практически неизвестна.

Так, в первой биографической статье о Блейке на русском языке, опубликованной в 1834 году, говорится, что ранний романтик, как визионер, наследует Мильтону: «Он вступил в постоянные сношения с Гомером, Моисеем, Пиндаром, Виргилием, Дантом, Мильтоном» [Артист-поэт-сумасшедший, 1834, с. 86], — но не названа поэма «Мильтон». К. Д. Бальмонт в 1904 году пишет о взаимоотношениях Блейка и Мильтона, вольно пересказывая биографические мифы: «Мильтон приходил к нему запросто, не боясь утомить его слишком частыми посещениями, и раз даже попросил Блэка исправить одну ошибку в *Потерянном рае*» [Бальмонт, 2010, с. 321—322].

Первое упоминание о поэме «Мильтон» в русской критике встречается в подробной статье З. А. Венгеровой «Вильям Блэк, родоначальник английского символизма»: она перечисляет «Milton» среди пророческих книг Блейка [Венгерова, 1897, с. 177].

В критике советского времени произведение Блейка осмыслено подробнее; несмотря на то, что переводов поэмы не появляется, можно встретить суждения о ней и цитаты, в целом подтверждающие тезис о том, что Блейк относится к революционному, прогрессивному крылу романтизма; одним из свидетельств этой принадлежности считается творческое наследование Блейка Мильтону.

Среди ранних примеров советской критической рецепции можно назвать главу о Блейке в академической «Истории английской литературы» (1945). Ее автор М. Н. Гутнер приводит несколько фактов преемственности Мильтону со стороны Блейка: «Поэт с готовностью подхватывает религиозные мотивы республиканской героики Мильтона <...>. Мильтону Блейк обязан также тягой к нагромождению титанических образов, которые чаще всего подчеркивают абсолютную непобедимость восстающего героя» [Гутнер, 1945, с. 614]. О поэме «Мильтон» говорится как о позднем творении Блейка, в котором он «отказывается от былого бунтарства»: «На смену пламенному и беспощадному Орку приходит Мильтон, который изображен Блейком не как революционер, а как “борец в области духа”» [Гутнер, 1945, с. 622]. Через полвека эту мысль М. Н. Гутнера повторит И. И. Гарин в книге «Пророки и поэты»: «Заключительные поэмы цикла “Мильтон”

и “Иерусалим” — окончательный отказ от разрушительного бунтарства. Орка сменяет реформатор духа Мильтон» [Гарин, 1992, с. 411].

Магистральный поворот к исследованию Блейка случился в 1957 году, в юбилей поэта, когда произошло снятие запрета с его имени [Сердечная, 2021б, с. 242], что привело, в числе прочего, и к усилению внимания к поэме «Мильтон». В большой главе о Блейке в книге «Наследие английского романтизма и современность» к поэме «Мильтон» кратко обращается А. А. Елистратова [Елистратова, 1960, с. 98, 104—105].

В работах Е. А. Некрасовой произведения Блейка, в том числе и поэма «Мильтон», впервые в отечественной традиции были осмыслены как феномены сложной текстово-визуальной природы. В монографии «Творчество Уильяма Блейка» она анализирует ряд листов «Мильтона», в частности лист 21 («Лос, в виде пылающего солнца спускающийся к Блейку») [Некрасова, 1962, с. 109—110]. Приведем ее аналитическое описание графического образа Мильтона в поэме: «Мильтон, то есть поэтический гений, борется с древним косным богом закона — Юрайзеном-Иеговой, опирающимся на каменные глыбы скрижалей-заповедей <...>. На листах 29 и 33 дух Мильтона — поэтического гения принимает уже нечеловеческие формы: он в виде кометы падает на запрокинувшиеся в экстазе мускулистые фигуры самого Блейка <...> и его покойного брата <...>. Дух поэзии почему-то проникает в них через ступню правой выставленной вперед ноги, которую поражает падающая комета с пылающим огненным хвостом» [Некрасова, 1962, с. 111—112]. В приложении к своей книге Некрасова дает 68 монохромных репродукций, в том числе и листы из «Мильтона» (рис. 32—34), а также блейковские иллюстрации к «Потерянному раю» (рис. 44—46). Некрасова, вероятно, осталась единственным отечественным искусствоведам, который обращался к визуальному наследию Блейка в монографическом масштабе.

Вскоре выходит и первое отдельное издание Блейка на русском языке — это посмертный сборник переводов С. Я. Маршака. В предисловии В. М. Жирмунский пишет о наследовании Блейком у Мильтона стиля и стиха: «Эпопеи Блейка <...> в каком-то смысле примыкают к библейскому эпосу Мильтона, как истории “потерянного” и “возвращенного” рая. Мильтон, именем которого Блейк обозначил одну из своих последних “пророческих книг”, был для него не только великим поэтом прошлого (хотя и о нем Блейк высказывался критически), но пророком религиозной и политической революции и в этом смысле образцом и учителем <...>. Белый стих, которым Блейк пользовался в своих поэмах, представляет своеобразную трансформацию белого стиха Мильтона» [Жирмунский, 1965, с. 24—25].

В 1960-х годах к пророческим книгам Блейка обращается кишиневский исследователь Т. Н. Васильева; она публикует статью о поэме «Мильтон»

[Васильева, 1962], объемную аналитическую статью о пророческих поэмах [Васильева, 1969], защищает докторскую диссертацию по творчеству Блейка [Васильева, 1971]. Исследовательница отмечает: «После Мильтона Блейк самый выдающийся мастер космических пейзажей, и лирическая сила их предвещает грозное великолепие байроновских мистерий» [Васильева, 1969, с. 67]. Она называет поэму «Мильтон» «лирической громадой» [Васильева, 1969, с. 29], где, наряду с другими поздними большими поэмами, «мифология Блейка <...> окончательно сложилась» [Васильева, 1969, с. 49]. В статье о «Мильтоне» она цитирует поэму в собственном переводе, делает важные заключения о том, что Блейк — борец и революционер, а вовсе не отвлеченный мистик [Васильева, 1962]; важнейшей ее задачей является аргументация того, что Блейк является представителем прогрессивного романтизма.

К этому периоду серьезное знание авторской мифологии Блейка, в частности, описанной в поэме «Мильтон», проявляет А. М. Зверев. Так, в комментариях к работе английского исследователя утопии А. Мортон он отмечает: «В “Мильтоне” <...> Бэкон, Ньютон и Локк символизируют “сатанинскую троицу”; Мильтон призван сбросить ярмо этой троицы, освободив Альбион» [Зверев, 1970, с. 245]; «бог отождествляется с милосердием (Mercy), в одной из глав “Мильтона” — с художественным гением (Poetic Genius)» [Зверев, 1970, с. 246].

В 1982 году, в предисловии к билингвальному изданию произведений Блейка, А. М. Зверев относит «Мильтон», как и «Иерусалим», к «философским» поэмам Блейка [Зверев, 1982а, с. 10], после чего подробнее говорит о «Мильтоне» в комментариях, отмечая, что это «наиболее сложная по символике “пророческая книга” Блейка», которая «представляет собой апофеоз борьбы Блейка с механистическим, “уризеновским” миропониманием <...>. По Блейку, он [Мильтон] терпит поражение в этой борьбе не только из-за неравенства сил, но и потому, что сам Мильтон остается в плену ложного, церковно-теологического сознания» [Зверев, 1982б, с. 555].

А. М. Зверев цитирует поэму в собственном переводе: «В поэме “Мильтон” читаем: “Дух Отрицания есть Спектр, или же Рациональные Способности Человека, и это Позолота, скрывающая Бессмертный мой Дух, и это Себялюбие, которое необходимо отринуть и уничтожить навеки”. По символике Блейка, человек, обращающий себя в Спектр, неполноценен даже физически — Эманация есть утраченное “женское” начало, та духовность, которая восстанавливает целостность личности и в физическом отношении, поскольку Рай — это преодоление не только разлада между рациональным и чувственным, но и разделения Человека на начала мужское и женское» [Зверев, 1982б, с. 532]. Эти глубокие и точные заключения свидетельствуют о хорошем знакомстве А. М. Зверева с поэмой.

В «Истории английской литературы» Г. В. Аникина и Н. П. Михальской отмечено, что «в поэме “Мильтон”, размышляя о роли и предназначении поэта, Блейк развивает мысль о том, что гений должен вести неустанную “интеллектуальную битву” за освобождение человека» [Аникин, 1975, с. 199].

Новая эпоха исследований Блейка открылась в постсоветское время. Вышли новые переводы, стало возможным более предметное обращение к авторской мифологии и теологии Блейка, — однако «Мильтон» еще долго оставался недостаточно исследованным.

Так, например, А. Глебовская в сборнике новых переводов С. Степанова пишет о «Мильтоне» и других больших поэмах Блейка: они «напоминают изощренные литературные криптограммы: образы их сложны и многомерны, сюжет крайне условен, язык вычурен и архаичен даже для блейковской эпохи» [Глебовская, 1993, с. 8]. Ожидаемо, в этой книге нет даже фрагментов из «Мильтона».

Если революционный пафос лирики Блейка и его «Бракосочетания Рая и Ада» приветствовался советской критикой, то авторская мифология английского поэта обратила на себя внимание русских мыслителей-традиционалистов (вероятно, таким образом возродилась более ранняя, дореволюционная трактовка Блейка как визионера и духовидца). Например, поэму «Мильтон» в собственном переводе цитирует в книге «Приближение к Снежной Королеве» поэт и литературовед, мистик, участник Южинского кружка Е. В. Головин: «Небо — вечный тент, устроенный сыновьями Лота, и каждое пространство, которое человек видит, пребывая на своей крыше или в саду или на горе 25 локтей высоты — это пространство его вселенной...» [Головин, 2003, с. 136]. В этом сравнительно точном переводе есть значимая опечатка либо же намеренное искажение: имя блейковского титана Лоса заменено на имя библейского Лота — праведника, спасенного из Содома. Приведя еще две цитаты из поэмы, Е. В. Головин делает заключение о том, что Блейк описывает некий истинный взгляд на мир: «...существует не одно небо, которое нам пытаются всучить и указкой указывать какие-то созвездия, а у каждого человека есть свое небо. И когда он “переселяется”, оно уходит вместе с ним, т. е. человек — астроном собственной вселенной» [Головин, 2003, с. 136]. Далее Е. В. Головин соглашается и с другими постулатами Блейка, цитируя поэму «Мильтон»: «Мы верим в возможность качественной активизации органов чувств, о которой “микроскоп не знает и не знает телескоп. Они изменяют рацию наблюдателя, но не проникают в сущность объектов” (Уильям Блейк, “Мильтон”）」 [Головин, 2003, с. 356].

Среди постсоветских исследователей творчества Блейка ведущее место занимает Г. А. Токарева, защитившая докторскую диссертацию о его

авторской мифологии [Токарева, 2005]. Токарева исследует отдельные символы, приобретающие в «Мильтоне» статус мифологем. Например, она рассматривает образ сандалии: «В пророческой книге “Мильтон” появляется образ сандалии, надетой на ногу поэта. Первоначальная ассоциация, возникающая на основе контекста, — тяжелый груз, нечто закрепощающее, связывающее (ремешки сандалии). <...> Однако в поэме Блейка образ сандалии имеет и прямо противоположный смысл: застегнув сандалию, герой отправляется в полет над миром, и здесь образ уже становится напоминанием о легкокрылых сандалиях Персея» [Там же, с. 85]. Также рассмотрены присутствующие в «Мильтоне» амбивалентный образ пелены, покрывала [Там же, с. 86], символика числа «четыре» [Там же], образное отражение творческого опьянения [Там же, с. 93] и поэтического экстаза [Там же, с. 94].

Г. А. Токарева анализирует геометрию пути Мильтона в поэме: «Поражает геометрическая точность рисунка: окружности, несомненно, вычерчены с помощью циркуля. Расположение геометрических фигур абсолютно симметрично, языки пламени, заполняющие сферу Сатаны, похожи на крылья огромной бабочки и подчеркивают симметрию композиции. На рисунке траектория движения Мильтона изогнута, и воронка вихря также образована кривыми. Блейк поразительно выстраивает свою модель по законам неевклидовой геометрии» [Там же, с. 106].

В диссертации исследовательница цитирует отдельные фрагменты поэмы в собственном переводе [Там же, с. 212, 229, 276]. В основном она рассматривает поэму «Мильтон» как одну из составляющих общей мифологической авторской картины мира, однако в четвертой главе обращается конкретно к «Мильтону», замечая, что в данном произведении наиболее явно дана тема инициации поэта, которая имеет биографическое измерение: «Символика этой поэмы в силу ее автобиографичности (определение весьма условное применительно к специфическому жанру Блейка) выведет нас на духовную инициацию самого поэта в ее биографическом, реальном варианте» [Там же, с. 278]. Токарева приходит к следующим важнейшим выводам: «Мильтон призван пробудить в человечестве духовность ценой собственного страдания» [Там же, с. 288]; «Путь Мильтона — это путь самого Блейка-поэта. Существование в одном мифологическом персонаже Мильтона и Блейка позволяют создать романтический персонаж рефлексивного типа. Блейк-поэт со стороны оценивает ошибки и заблуждения Мильтона, и вместе с ним проходит духовную инициацию, позволяющую ему приобрести статус избранного поэта-пророка» [Там же, с. 289]; «Ошибка (fall), которую совершает Мильтон, по мнению Блейка, заключается в том, что поэт возлагал слишком большие надежды на разрешение

социальных конфликтов в сфере земной <...>. Вторая ошибка, которую Блейк не может простить своему кумиру, — это грех аскетизма, его пуританские убеждения» [Там же, с. 290]; «Основная функция Мильтона в поэме заключается в том, чтобы пробудить человечество (гигант Альбион) к духовной жизни» [Там же].

Диссертацию Г. А. Токаревой можно назвать наиболее масштабным исследованием мономифа Блейка в отечественной традиции; ее краткая, но емкая характеристика поэмы аналитична и точна.

«Мильтон» как средоточие авторской философии и мифологии, наряду с другой поэмой Блейка «Иерусалим», упоминается у многих позднейших исследователей [Урнов, 1989, с. 89; Афанасьева, 2002, с. 202; Богданов, 2010, с. 192; Вершинин, 2011, с. 419]. Сравнительно редко говорится о визуальном стиле награвированной поэмы, отдельных рисованных сюжетах [Вершинин, 2011, с. 426]. В статье, посвященной пророчествам Блейка, М. С. Черепенникова размышляет о «Мильтоне» в русле воссоздания общей картины блейковской мифологии, не говоря о поэме как об отдельном произведении [Черепенникова, 2004]. И. О. Бабурченкова исследует метафоры Блейка — в том числе на материале поэмы «Мильтон» [Бабурченкова, 2017]. Т. Э. Кокшарова рассматривает хронотоп Блейка как форму коммуникации с читателем, также на материале «Мильтона» [Кокшарова, 2012].

Глубокий анализ поэмы «Мильтон» предпринимает ее переводчик Д. Н. Смирнов в написанной им биографии Блейка: он расшифровывает и объясняет иносказательный текст произведения, комментирует его метафорический сюжет [Смирнов, 2016, с. 258—268].

3.2. Критическая рецепция фрагмента “And did those feet in ancient time...” («Иерусалим»)

Рассмотрим отдельно приобретший особенную популярность стихотворный фрагмент из начала поэмы “And did those feet in ancient time...”, известный также как «Иерусалим». Этот отрывок, в котором упоминается легенда о том, что некогда Христос посетил Англию и что в этой стране будет построен новый Иерусалим, довольно рано получил самостоятельное хождение как отдельное стихотворение и явился предметом культурологической и литературоведческой рецепции.

Отрывок стал популярен после того, как композитор Хьюберт Пэрри в 1916 году, в разгар Первой мировой войны, по просьбе поэта Роберта Бриджеса написал к нему музыку. Получившаяся песня так понравилась королю Георгу V, что ее стали исполнять как неофициальный гимн страны: от церквей и школ до стадионов [Carroll, 2011, p. 235—236]. Уже в 1918 году перевод “And did those feet in ancient time...” публикует С. Я. Маршак [Блэк, 1918].

Упоминания об этом фрагменте в советской критике появляются с 1957 года, причем он трактуется не как официальный (в том числе религиозный) гимн, а как революционная песня.

Так, М. С. Шагинян пишет, что «Иерусалим» «поется в наши дни рабочим классом Англии как боевая революционная песня. Композитор Хуберт Пэрри положил его на музыку, а народ широко подхватил, и последние четыре строки <...> сделались как бы революционным обетом борьбы за лучший и справедливый общественный строй...» [Шагинян, 1957, с. 3].

В монографии А. А. Елистратовой этот фрагмент также рассматривается обособленно от общего замысла поэмы «Мильтон»: «Это своего рода поэтическое завещание художника, клятва в верности великому делу борьбы за свободу и счастье людей. Весь гимн, как обычно у Блейка, соткан из фантастических библейских символов. Но в них скрыто глубоко человеческое содержание — романтическая мечта об установлении царства мира и справедливости на земле» [Елистратова, 1960, с. 104—105]. Здесь же дан перевод отрывка, выполненный В. В. Роговым.

Комментируя перевод “And did those feet in ancient time...” С. Я. Маршака, В. М. Жирмунский пишет: «На зеленых лугах Альбиона, согласно пророчеству Блейка, будет воздвигнут “новый Иерусалим” — социальная утопия будущего царства равенства и справедливости» [Жирмунский, 1965, с. 28—29]. У Г. В. Аникина и Н. П. Михальской «лирический гимн начала поэмы “Мильтон”» охарактеризован как социальная идиллия: «... выражена мечта о том времени, когда придет конец рабству на земле, человек будет свободен и восторжествуют гармония и красота» [Аникин, 1975, с. 199]. А. М. Зверев также сообщает, что лирический отрывок из начала «Мильтона», переведенный С. Я. Маршаком, стал «в XIX веке народной песней, часто исполнявшейся на рабочих митингах» [Зверев, 1982б, с. 555].

В постсоветский период “And did those feet in ancient time...” подробно анализирует А. Г. Дугин, замечая, что фрагмент из поэмы «заслуживает особого внимания, так как в нем содержится квинтэссенция романтического истолкования англо-британского историала. В основе стихотворения лежит идея о миссии Англии быть Новым Иерусалимом, избранным народом, которому суждено нести идеалы свободы и духа всему человечеству» [Дугин, 2015, с. 232]. Подробно разбирая фрагмент, Дугин акцентирует в нем ярко выраженный дух «британского израилизма», отмечает известный по романам артуровского цикла мотив посещения Гластонбери Христом, вместе с Иосифом Аримафейским [Дугин, 2015, с. 233].

Также А. Г. Дугин останавливается на ярком образе «сатанинских мельниц», которые могут трактоваться по-разному — «и как научно-эм-

пирическое мировоззрение просвещенного английского общества Нового времени, и как индустриальный капитализм, и как английская консервативная государственность, и даже как намек на Англиканскую Церковь, к которой Блейк, будучи крайним протестантским мистиком, относился весьма критически» [Дугин, 2015, с. 233]. Творческие силы, которые лирический герой предлагает использовать для построения Иерусалима в Англии, Дугин трактует как «силы Лоса, представляющие собой активное англо-британское воображение, мобилизованное к эсхатологическому рывку имажиналя» [Дугин, 2015, с. 234].

3.3. Творческая рецепция поэмы «Мильтон»

Творческая рецепция поэмы «Мильтон» в русской традиции связана прежде всего с отрывком “And did those feet in ancient time...”.

Строка из этого отрывка — “Bring me my chariot of fire!” — выбрана эпиграфом ко второй части лирического цикла «Горная тропа» (1912) поэта-символиста Юргиса Балтрушайтиса [Балтрушайтис, 1983, с. 125], в наследии которого прослеживается обращение к творчеству Блейка.

Этот же отрывок вдохновил Маршак на стихотворение «Иерусалим» (1918), опубликованное в Берлине [Маршак, 1922, с. 175]. Оно начинается со следующего катрена:

По горной царственной дороге
Вхожу в родной Иерусалим
И на святом его пороге
Стою смущен и недвижим.
[Маршак, 1922, с. 175].

Завершается произведение также профетически-идиллическим высказыванием о грядущем процветании Иерусалима:

И будут склоны и долины
Хранить здесь память старины,
Когда последние руины
Падут, веками сметены.

Во все века, в любой одежде
Родной, святой Иерусалим
Пребудет тот же, что и прежде, —
Как твердь небесная над ним!
[Маршак, 1922, с. 175].

Близость этого стихотворения с фрагментом поэмы Блейка обусловлена в том числе тем, что в том же году, когда создается «Иерусалим», С. Я. Маршак публикует перевод “And did those feet in ancient time...” [Блэк, 1918].

Рассматриваемый отрывок стал одним из творческих источников «Памяти» Н. С. Гумилева, о чем пишут и его исследователи, и А. А. Ахматова [Сердечная, 2021б, с. 124—125, 129—131]. Очевидны переклички между стихотворением Блейка и следующим четверостишием «Памяти»:

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.
[Гумилев, 2001, с. 92].

Следы пророческого мира Блейка, в том числе образности «Мильтона», можно увидеть в поэмах Бориса Анрепа, который является своего рода творческим наследником английского автора, — причем не только в поэзии, но и в изобразительном искусстве [Сердечная, 2021б, с. 157—180].

Одной из форм творческой рецепции поэмы стало воплощение отрывка “And did those feet in ancient time...”, по традиции названного «Иерусалимом», в песне и видеоклипе Леонида Федорова (лидера группы «Аукцион») в 2020 году [Сердечная, 2021б, с. 335—336]. Песня написана на перевод А. Дельфинова, а ее видеоряд представляет собой странствия одинокого героя по пустынным и заброшенным местам Санкт-Петербурга: клип был записан в период пандемии коронавируса.

3.4. Переводческая рецепция фрагмента “And did those feet in ancient time...” («Иерусалим»)

История переводческой рецепции поэмы «Мильтон» начинается с перевода ее отрывков. Ожидаемо, что первым из таких отрывков становится “And did those feet in ancient time...”.

Перевод его в 1918 году публикует С. Я. Маршак в журнале «Русская мысль» [Блэк, 1918]; впоследствии, в 1969 году, этот текст перепечатан в примечаниях к третьему тому собрания сочинений писателя. Приведем первое четверостишие:

Меж трав по склонам наших гор
Ступала ль господя нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?
[Майзельс, 1969, с. 800].

Переводы Маршака из Блейка достаточно точны, следуют ритмическому рисунку и рифмовке оригинала. Однако при прочтении данного фрагмента Маршак допускает некоторые вольности. Так, вместо облачных холмов (“clouded hills”) у него — «дол туманный»: холмы превращаются в долину. Блейковский образ «сатанинских мельниц» (“dark Satanic Mills”) трансформируется в «фабрики сатаны», то есть в большей степени инду-

стриализируется. У Блейка Бог “Shine forth upon”, то есть светит, сияет, у Маршака — «глядит».

Особенно значим и насыщен концептуальными образами третий катрен оригинала, представляющий собой череду императивных анафор, обращенных к оруженосцу или соратнику:

Bring me my Bow of burning gold:

Bring me my Arrows of desire:

Bring me my Spear: O clouds unfold!

Bring me my Chariot of fire!

[Blake, 1988, p. 95].

[Дай(те) мне мой Лук из горящего золота,

Дай(те) мне мои Стрелы страсти;

Дай(те) мне моё Копье: о облака, разойдитесь!

Дай(те) мне мою Колесницу из огня!]

В переводе С. Я. Маршака у героя уже есть вооружение, ему не хватает только колесницы:

Есть лук желанья золотой

И стрелы страсти у меня,

Пусть тучи грозные примчат

Мне колесницу из огня!

[Майзельс, 1969, с. 800].

Таким образом, существенно уменьшается риторическая «пророческая» экспрессия оригинального текста; лирический герой Блейка может обращаться и к Богу — тем более он почти что приказывает облакам.

Первое двустипшие последнего катрена у Блейка звучит так: “I will not cease from Mental Fight, / Nor shall my Sword sleep in my hand” [Blake, 1988, p. 95] (Я не прекращу Духовной Битвы, / И Меч не будет спать в моей руке). У С. Я. Маршака принципиально иное высказывание: «Мой дух в борьбе несокрушим, / Пусть грянет бой — бескровный бой...» [Майзельс, 1969, с. 800]. Русский интерпретатор подчеркивает разницу между физическим и духовным боем, однако утрачивает евангельскую метафору меча.

Таким образом, в данном переводе С. Я. Маршак намечает тенденции в русской адаптации Блейка: упрощая блейковское иносказание, он вместе с тем сохраняет основную идею духовного обновления страны через обращение к божественному опыту:

Мы возведем Ерусалим

В зеленой Англии родной.

[Майзельс, 1969, с. 800].

Следующим опубликованным переводом данного фрагмента стал перевод В. В. Рогова, включенный в монографию А. А. Елистратовой:

Топтали ль древле те стопы
Траву холмов страны моей?
И был ли агнец божий зрим
Средь наших пастбищ и полей?
[Елистратова, 1960, с. 105]

Во втором катрене появляются «хмурые фабрики Сатаны» — вероятно, образ фабрик возник под влиянием перевода С. Я. Маршака. А вот интерпретация третьего катрена у В. В. Рогова ближе, чем у С. Я. Маршака, к риторическому напору оригинала:

Стрелу мечты добыть хочу!
Копье мне дайте! Лук златой!
Развейтесь, тучи! Полечу
На колеснице огневой!
[Елистратова, 1960, с. 105]

И, хотя не вполне оправданным выглядит перевод “Arrows of desire” как «стрела мечты», в целом эта версия четверостишия гораздо созвучнее авторскому замыслу, нежели ранняя трактовка С. Я. Маршака. То же можно сказать и о начале четвертого катрена, где сохранен образ меча; хотя, конечно, “Mental Fight” — это скорее духовная борьба, чем «умственная»:

Не сникну в умственной борьбе
И меч не усыплю, устав...
[Елистратова, 1960, с. 105].

В вышедшем в 1965 году сборнике маршаковских переводов Блейка представлен новый вариант прочтения отрывка, существенно отличающийся от напечатанного несколькими десятилетиями ранее. В оригинале систематически (в трех катренах из четырех) рифмуются только 2-й и 4-й стихи; у С. Я. Маршака же в новой версии выдержана строгая перекрестная рифмовка abab: переводчик, таким образом, слегка «исправляет» Блейка, делает рифмовку более системной.

Если в 1918 году в первом четверостишии звучит «Ступала ль господя нога» [Майзельс, 1969, с. 800], то в новом прочтении упоминание о господе уходит: «Ступала ль ангела нога» [Блейк, 1965, с. 152]. В ранней версии «древний божий лик» «глядит», в поздней — «лик господний» «светит» (что ближе к оригиналу, но в то же время в большей степени указывает на то, что Бог здесь есть солнце). Вместо «туманного дола» появляются «туман и дым», что усиливает индустриальную тему — очевидно, в дополнение к «фабрикам сатаны».

Третий катрен начинается чередой риторических вопросов, а завершается пожеланием:

Где верный меч, копье и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.
[Блейк, 1965, с. 153].

При сохранении образа огненной колесницы, яркие определения лука и стрел, содержащиеся в первом варианте перевода, утрачены; «колесница из огня», которую мчит туча, выглядит как некая аллегория природного явления. Таким образом, возрастает условность изображаемого.

С. Я. Маршак возвращает в четвертом катрене образ меча, но считает нужным пояснить, что меч этот — ненастоящий: «Незримый меч всегда со мной» [Блейк, 1965, с. 153], таким образом вновь повышая уровень условности.

В 2007 году свой перевод «And did those feet in ancient time...» издает Г. С. Усова. При некоторой упрощенности лексики и синтаксиса, ее прочтение выглядит одним из самых близких к стилю и образному строю стихотворения Блейка:

А сохранились ли следы
Священных ног у этих скал?
Зеленых пастбищ луговых
Не Агнец ли Святой искал?
[Блейк, 2007, с. 44].

Во втором катрене происходит замена «мельниц Сатаны» на «трубы Сатаны», что акцентирует индустриальный характер образа. Третье четверостишие дано весьма близко к подлиннику, хотя в нем не сохраняется анафора, а также возникает образ щита:

Несите Лук мне золотой,
Стрелу Желанья дайте мне,
И легкое Копье, и Щит,
И Колесницу, всю в огне.
[Блейк, 2007, с. 44].

При интерпретации начала четвертого катрена утрачен значимый мотив духовного характера борьбы («Mental Fight»): «И не оставлю я борьбы, / Меч не уснет в моих руках» [Блейк, 2007, с. 44]. Перевод Г. С. Усовой, в котором простому и сильному стилю Блейка найдены удачные соответствия, выглядит одним из наиболее коммуникативно адекватных.

Подстрочный перевод «And did those feet in ancient time...» дан в книге А. Г. Дугина о Британии: «Ходили ли эти стопы в древние времена по зеленым холмам Англии? Могли ли видеть святого Ангца Божия на прекрасных пастбищах Англии?...» [Дугин, 2015, с. 233]; однако и здесь

“Mental Fight” передано не совсем точно — «умственная брань» [Дугин, 2015, с. 233].

В переводе А. Дельфинова, выполненном для музыкального проекта Л. Федорова в 2020 году, очевиден переход от вопросительной структуры предложения к утвердительной:

И шел он в древности седой
По зеленеющим холмам,
И в Англии прекрасной след
Оставил Агнец Божий сам!
[Сердечная, 2021б, с. 335].

В переводческой стратегии очевидна ориентация на песенное исполнение текста. Максимально близко к оригиналу интерпретированы третий катрен и начало четвертого:

Дай лук горящий, золотой,
Дай стрелы воли для меня,
Дай мне копье: о, тучи вскрой!
Дай колесницу из огня!

На бой духовный выйду вновь
С клинком недремлющим моим...
[Сердечная, 2021б, с. 335]

В 2020 году фрагменты из поэмы «Мильтон» увидели свет в переводе давней исследовательницы творчества Блейка Г. А. Токаревой. Она интерпретирует несколько отрывков, среди которых “And did those feet in ancient time...”.

Подобно С. Я. Маршаку, переводчица выдерживает строгую рифмовку abab, тем самым «исправляя» оригинал. Уже в первой строфе очевидны переводческие добавления, такие как «покой» Англии:

Бродил ли на заре времен
По горным склонам дух святой?
И был ли агнец наш влюблен
В зеленой Англии покой?
[Токарева, 2020, с. 98].

Туманные холмы (“clouded hills”) она передает как «пелены», Иерусалим подан через синекдоху: «Иерусалима храм»; при этом весьма близко к оригиналу — “dark Satanic Mills” — представлены «мрачные мельницы Сатаны». Ключевой третий катрен переведен с использованием императивов (впрочем, уже не анафорически) и с добавлением отсутствующего у Блейка адресата обращения — Бога (святого духа):

Дай мне копье и лук златой,

Чьи стрелы страсти пыл хранят.

Непобежденный дух святой,

Дай колесницу из огня.

[Токарева, 2020, с. 98].

В четвертом катрене достаточно точно и экспрессивно переданы два первых стиха, хотя вместо участника герой назван «стражем» духовной войны: «Я битвы духа вечный страж, / Чужд моему клинку покой» [Токарева, 2020, с. 98—99].

Свою русскую версию “And did those feet in ancient time...” предлагает и Д. Н. Смирнов в полном переводе поэмы, изданном в 2021 году. Здесь также можно видеть «исправленную» рифмовку abab. Переводчик начинает стихотворение чередой вопросов, что соответствует строю оригинала, однако в первом катрене исчезает упоминание Англии (оставшееся только в финале стихотворения):

Ступал ли с горней высоты

Он к нам на холмы и поля?

На Ангца Божьего черты

Взирала ль ты, моя земля?

[Блейк, 2021, с. 13].

Во втором катрене “dark Satanic Mills” переданы как «черные мельницы Сатаны», а “our clouded hills” — как «просторы облачной страны». Третья строфа решена без повторов и анафор, однако с использованием императивов и восклицаний, что создает стилистическое соответствие пламенным интонациям оригинала; вместе с тем появляется мотив борьбы с «мраком», напрямую не заявленный здесь у Блейка:

О лук мой, золотом пылай,

И стрелы страсти пусть, звеня,

Пронзают мрак! Копье мне дай

И колесницу из огня!

[Блейк, 2021, с. 13].

С сохранением ключевых образов духовной битвы и меча переведено и начало четвертого катрена: «В духовной битве я храним, / Да не уснет мой меч в руках» [Блейк, 2021, с. 13].

Проанализированные стихотворные переводы фрагмента “And did those feet in ancient time...”, вместе со значительной критической рецепцией этого отрывка и появлением новых переводов [Блейк, www], свидетельствуют о большом потенциале данного текста и его значимости. Обращаясь к сравнительно несложной лирике, поэты сосредоточиваются на различных аспектах образного мира стихотворения, и потому точный перевод системы уникальных концептов Блейка остается непростой задачей.

3.5. Переводческая рецепция поэмы «Мильтон» в отечественной литературе

В вышедшем в 1965 году первом отдельном издании произведений Блейка (в переводах С. Я. Маршака) увидели свет три фрагмента из «Мильтона»: «На этот горный склон крутой...», «Ты слышишь, первый соловей заводит песнь весны...», «Ты замечаешь, что цветы льют запах драгоценный...» [Блейк, 1965]. Первый отрывок — уже рассмотренный “And did those feet in ancient time...”, два других связаны с описанием природы: фрагменты о жаворонке («Thou hearest the Nightingale begin the Song of Spring...») и о пробуждении цветов («Thou percieveest the Flowers put forth their precious Odours!...») [Blake, 1988, p. 130—131]. У Блейка они написаны семиударным размером; Маршак переводит их скорее верлибром и не следует в этой вольной форме принципу эквилинеарности: в первом отрывке 17 строкам оригинала соответствуют 23 строки перевода, во втором, соответственно, 17 и 24.

В отрывке о жаворонке С. Я. Маршак сохраняет блейковскую лексическую композицию образов. Он отступает от своей «классицистической», нормализующей переводческой стратегии и допускает порой даже неловкие, казалось бы, дословные выражения: так, “earthy bed” он буквально переводит как «земляная постель», “With eyes of soft humility, & wonder love & awe” — как «Глазами страха, удивленья, смиренья и любви». Эта верность оригиналу позволяет интерпретатору передать метафоры и авторские мифологемы Блейка максимально корректно: “the wings of light” — «на крыльях света»; “blue & shining heavenly Shell” — «Небесной раковины синей».

В отрывке о пробуждении цветов, очищенном от имен блейковской мифологии, непонятных массовому читателю (в частности, фраза “that Og & Anak fiercely guard” передана как «Хранит невидимая стража бессменно день и ночь»), С. Я. Маршак также близко следует подлиннику, нарушая лишь строй анжамбеманов и добавляя назывные предложения, которых нет у Блейка, например: «Радость до слез» [Блейк, 1965, с. 154].

Те же три отрывка в переводе С. Я. Маршака включались в последующие советские издания Блейка [Блейк, 1978; Блейк, 1982]. Для Маршака-переводчика, а следом и для советского читателя «Мильтон» Блейка остается источником лирических фрагментов; эпический и мифологический характер поэмы не отражен в переводах.

Прошло несколько десятилетий, пока переводчики вновь не обратились к поэме Блейка.

Фрагмент «Мильтона» дан в статье английского исследователя Д. Гу-стафссона (в переводе Е. и В. Сердечных) как аргумент по поводу анти-

патии Блейка к ложной философии Бэкона, Локка и Ньютона [Густаффсон, 2014, с. 27].

В 2011 году в рамках подготовки к выставке Блейка в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина был организован семинар переводов Блейка под руководством известных поэтов и переводчиков Григория Кружкова, Марины Бородицкой и Саши Дагдейл. В журнале «Иностранная литература», как один из итогов этого семинара, увидел свет перевод небольшого (23-строчного) отрывка из поэмы «Мильтон», созданный Марией Фаликман и озаглавленный «Чертоги времени» [Блейк, 2011]. Перевод представляет собой развернутую мифологему хронотопа в мире Блейка, причем ряд образов, вследствие переводческих трансформаций, представлены с отступлением от оригинала. Так, на смену обозначению длительности кратчайшего мига как «биения пульса артерии» (“a pulsation of the artery”; [Blake, 1988, p. 127]) переводчицей представлен более предметный и даже визуальный образ — «биение жилки на вашем виске» [Блейк, 2011, с. 32]. Далее, когда Блейк говорит о том, что именно в этот краткий, но внутренне бесконечный момент «совершена работа / завершено произведение поэта» (“the Poets Work is Done”; [Blake, 1988, p. 127]) — у переводчицы происходит куда более эпическое действие — «свершается Слово поэта» [Блейк, 2011, с. 33].

Среди переводов из поэмы «Мильтон» Г. А. Токаревой — не только «And did those feet in ancient time...», но и предисловие (прозаическая его часть), а также ряд фрагментов, передающих своеобразие эпического стиля Блейка:

Лоса Давильня к востоку от Голгонузы. У места,
Где Сатана восседает, где Лува, где стонет Уризен,
Лувы потомки кровавые винные ягоды топчут
И торжествуют они, упиваясь страданием плоти.
Множество юношей тонут в кровавом вине, и тела их
Родом с Давильней кладут на шкуры зверей благородных
Или уносят их в гроты прохладные, громко стеная.
[Токарева, 2020, с. 104].

Семиударный, неровный стих Блейка в переводе Г. А. Токаревой становится близок к гекзаметру, то есть ассоциативно связывается с античной традицией; перевод эквилинеарный, дополнен комментариями, представляющими «Мильтона» как интересный, причудливый эпос.

Важнейшим переводчиком Блейка, причем не только на русский язык, но и на язык музыки, стал композитор и поэт Дмитрий Смирнов (Смирнов-Садовский), написавший новую биографию Блейка и предложивший новые прочтения практически всех его произведений [Smirnov, 2018a;

Smirnov, 20186]. Среди переводов Смирнова — и поэма «Мильтон», первое полное издание которой вышло на русском языке уже посмертно — в 2021 году [Блейк, 2021].

В силу незавершенности мифологии Блейка, ее густонаселенности, своеобразной авторской орфографии и пунктуации задача по переводу больших поэм Блейка, в том числе и «Мильтона», близка к невыполнимой; однако Смирнов сумел это сделать, что было подготовлено его многолетней работой по исследованию наследия Блейка, переводческой работой и чтением литературы Blake studies.

В переводе больших эпосов эквилинеарность и эквиритмичность — не основа перевода, но лишь подмога; однако, вооружившись комментариями и исследованиями больших поэм, переводчик отважно пускается в путь, облекая многомерные иносказательные образы Блейка в естественные русские фразы, которые зачаровывают ритмом и увлекают в историю. Издание этой поэмы как билингвы способствует точности перевода: читатель может легко сопоставлять русскую версию с оригиналом. Смирнов опирается на классическое издание произведений Блейка под редакцией Д. Эрдмана, но при этом анализирует сохранившиеся копии поэмы (известные как A, B, D), отпечатанные самим Блейком способом иллюминированной печати.

Нужно отметить, что Д. Н. Смирнов снабжает свой перевод солидным комментарием: справочный аппарат занимает в книге почти сто страниц, и в случае комментирования большого «пророческого» эпоса Блейка это вполне обоснованно. К поэме приложен также словарь основных понятий и имен, который опирается на “A Blake Dictionary” Ф. Дэймона, но дополнен и авторскими выводами переводчика.

Издание содержит комментарий по истории рукописей: «Поэма *Мильтон*, копия D была награвирована Блейком на медных пластинах и печаталась им и его женой Кэтрин в период между 1804 и 1818 годами в доме № 17 на Саут-Молтон-стрит в Лондоне, где они тогда жили. В копии 50 листов, большинство из которых снабжены иллюстрациями. Гравюры отпечатаны на веленовой (тканой) бумаге с водяным знаком J RUSE & TURNERS 1815. Для печати использовалась оранжево-красная и чёрная краски. После этого все отпечатки были раскрашены Блейком от руки. Размер листов 27,8 x 22,0 см. Размер оттисков гравюр колеблется от 13,5 x 9,6 см. до 16,9 x 12,0 см. <...>» [Блейк, 2021, с. 250].

В комментариях Смирнов проясняет иносказания Блейка, в частности, в отношении Мильтона: «...чтобы прийти к Воскресению в Судный день, надо пройти земной путь, то есть принять вечную смерть. Для этого бард Мильтон покидает пир Вечности <...>. Мильтон в поэме *Потерянный Рай* создал ад для своего Сатаны. Теперь он должен осознать, что Сатана

есть часть его самого. Он должен также осознать, что огонь этот не Ад, но важный элемент поэтической работы в горниле его творчества. Вечная Смерть — это жизнь этого мира» [Блейк, 2021, с. 264—265].

Одной из важных стилистических примет перевода становится то, что в нем сознательно нивелируется характерное для стиля Блейка и для английского языка той поры написание многих понятий с прописной буквы (правила постановки прописных букв в переводе оговорены в начале комментариев [Блейк, 2021, с. 247]). Д. Н. Смирнов, в основном, оставляет написание с прописной буквы только у имен собственных, что делает текст проще по визуальной составляющей и соответствует современному состоянию письменного узуса русского языка. Так, фразу, которая у Блейка выглядит как “Rouze up O Young Men of the New Age!” [Blake, 1988, p. 95], Смирнов переводит без использования прописных букв: «Восстаньте, о юноши нового века!» [Блейк, 2021, с. 11]. В публикации также даны монохромные копии многих листов поэмы.

По сравнению, например, с интерпретацией начала поэмы Г. А. Токаревой, переложение Д. Н. Смирнова оставляет впечатление почти подстрочного перевода: он близок к образности Блейка, автор стремится сохранить по возможности и его лаконичный синтаксис. Вот как выглядит перевод одной из фраз прозаического введения к поэме: «Шекспир и Мильтон были охвачены общим недугом, заразой, идущей от скудоумных греческих и латинских рабов меча» [Блейк, 2021, с. 11]; здесь расставлены некоторые возвышающие стилистические акценты (например, “silly” переведено как «скудоумный»), но в целом перевод практически дословный. В интерпретации Токаревой можно встретить обилие описательных оборотов и значительно более экспрессивный синтаксис: «И Шекспира, и Мильтона — обоих держала в узде общая болезнь, и эта зараза исходила от глушцов — греков и римлян, ставших рабами своего же оружия» [Токарева, 2020, с. 98].

В основном тексте поэмы для соответствия семиударной строке Блейка Смирнов подбирает вольный стих от пяти- до семиударного и также стремится к дословности. Приведем перевод листа 2, своего рода эпического пролога поэмы:

Беулы дщери! Музы! вдохновите песнь поэта, расскажите
О Мильтоне бессмертном, о его пути по вашим царствам
Сквозь страх и нежный лунный глянец, сквозь блуждания плоти,
Сквозь чары красоты, что радуют и утоляют
И жажду пылкую, и хладный голод. <...> И сперва
Скажите: что подвигло Мильтона — бродившего сто лет
По Вечности в раздумиях над лабиринтом Провиденья;
Несчастливого, хотя и в небесах; взиравшего в молчаньи

На шестерную эманацию свою, рассыпанную в бездне в муках –
Спуститься в бездну, чтоб спасти её и самому погибнуть?
Так что толкнуло Мильтона на беспримерное деянье? —
Пророческая барда песнь!
[Блейк, 2021, с. 17, 19].

Несмотря на появление здесь сложных блейковских концептов (таких как “Sixfold Emanation”), Смирнову удастся создать текст, читаемый и внутренне не противоречивый, и включение этих концептов не препятствует общему пониманию описываемого эпического действия.

Смирнов последовательно и точно переводит «Мильтона», способствуя своего рода «нормализации» восприятия больших поэм Блейка в русском языковом сознании. Внутренним ориентиром для перевода, вероятно, являлись русские версии того же «Потерянного рая» и других эпических поэм европейской традиции — однако уже не античный гекзаметр (послуживший ритмическим ориентиром для Г. А. Токаревой). Свободное обращение с ритмом и искусное использование анжамбеманов позволяют Смирнову совершить небольшое переводческое чудо: «Мильтон» звучит естественно, и недостаточная прозрачность текста кажется скорее свидетельством загадочности и сложности описываемого мира, чем доказательством «сумасшествия» его автора (версия о сумасшествии Блейка была распространена между его современниками).

Приведем в качестве примера перевод части листа 3, где описано творение человека и материального мира: создание тела человека и есть основание падшего физического мира, считает Блейк. Эта сложнейшая мифологическая концепция, имеющая гностические корни, в русском переводе представлена ярко и образно:

Во тьме лежал Уризен, одиноко, замкнутый в цепях рассудка.
Взяв молот и щипцы, трудился у неутомимой наковальни Лос
Средь бесконечных скал друидов
и снегов сомнений, рассуждений.

Бесформенный абстрактный страх
был скрыт под каменной кровлей;
И первый век прошёл, и царство было вечной скорби.

Пылающий, охваченный испугом красный шар
Тонул в пучине, трепеща, сжимаясь, задыхаясь;
И век второй прошёл, и царство было вечной скорби.

В два шара обратившись, кроясь в маленьких пещерах,

Глаза узрели бездну, кости твёрдые заоченели;
И третий век прошёл, и царство было вечной скорби.

И в стороне, от глаз недалеко, два слуховых
Отростка выросли из мрака и окаменели;
Четвёртый век прошёл, и царство было вечной скорби.

И ноздри, реявшие на ветру, вросли глубоко;
И пятый век прошёл, и царство было вечной скорби.

В мученьях страшных голода и жажды пламенел язык,
И век шестой прошёл, и царство было вечной скорби.

Дрожа снаружи и внутри, от гнева и от горя задыхаясь,
Одну длань к северу он протянул, другую к югу,
Ногами упираясь в запредельную пучину.
И век седьмой прошёл, и царство было вечной скорби.
[Блейк, 2021, с. 19, 21].

Смирнов находит весьма точные и стилистически уместные эквиваленты для парадоксальных физиологических метафор Блейка типа “Two Ears... petrified”, “Two Nostrils bent down into the Deep”, “a Tongue of hunger & thirst” [Blake, 1988, p. 97]; и в русском переводе параллелизм между строением вселенной и человеческого тела остается вполне очевидным.

Приведем перевод лирического отрывка, выбранного для перевода и Маршаком, о жаворонке:

Внемли — то соловей напев весенний зачинает,
И жаворонок пробудился средь колосьев тучных;
Завидев свет, взлетает он над золотистым полем,
И трель звенит, ей вторит нежный хор:
‘Триль-триль, триль-триль’,
На светлых крыльях уносясь в бескрайнюю пучину
И звонким эхом отзываясь в скорлупе небесной.
А маленький певец дрожит, охвачен вдохновеньем,
И грудь его наполнена божественным дыханьем.
Природа затаилась, превратившись в слух, и солнце
Восходит грозно над утёсом, но, застыв, на птаху
Взирает в кротком удивлении, с трепетом, любовью.
Чу, слышишь, как из чащи громко грянул хор пернатых:
Зарянка, дрозд, щегол, вьюрок и коноплянка разом
Запели, разгоняя солнца сладостную грёзу?

Но неуёмный соловей вновь голос свой возносит,
Весь день и ночь, гармонией, богатством, чистотою
Своих напевов поражая слух певцов окрестных.
[Блейк, 2021, с. 177, 179].

Смирнов соблюдает эквилинеарность и в основном следует ключевым образам оригинала, где-то варьируя их: так, “earthy bed” он передает как «среди колосьев тучных», “heavenly Shell” — «скорлупа небесная»; в переводе утрачен образ дрожащих перьев (“every feather / On throat & breast & wings vibrates with the effluence Divine”) [Blake, 1988, p. 130], здесь применена генерализация: «А маленький певец дрожит, охвачен вдохновеньем, / И грудь его наполнена божественным дыханьем». Однако в целом приведенный пример демонстрирует эквилинеарность и эквивалентность адаптации Смирнова.

Мильтон в поэме Блейка предстает по сути своей национальным спасителем:

И Мильтон во весь рост восстал над небом Альбиона,
И плач пророческий собранье огласил, и в лике
Его божественном стояли тени — Смерть и Ульро.
И, сняв обета ризы и освободив себя от клятвы Божьей,
Он молвил: «К вечной смерти я иду! — пока народы
Чтут мерзостных богов Приама, богохульствуют
И в спор вступают в самолюбованием спесивом.
Когда ж настанет воскресение, и тело спящее
Поднимется из тлена? О, когда придешь Ты, Иисусе?
Не медли, Господи! у смерти врат душа моя,
И я восстану, чтобы встретить радостное утро...».
[Блейк, 2021, с. 75].

Образ Мильтона в поэме Блейка многогранен: он раскрывается в мифологическом, биографическом, творческом смысле. Мильтон как творящая сила имеет отношение к самой структуре реальности, но вместе с тем он — и поэтический гений, который «входит» в самого лирического героя:

Я ж в глубочайших сферах моего воображенья
Увидел Мильтона, что мне в стопу вошёл, а также видел
Всё человечество земли и неба; и провал узрел
Великий от его схождения в Ульро под Беулой.
Но я не знал тогда, что это Мильтон, — не дано
Нам знать, что происходит с нами; время и пространство
Нам позже открывают Вечности секреты, потому что
Нет на земле существ величественней человека.
[Блейк, 2021, с. 109].

Таким образом, полный комментированный перевод «Мильтона» завершил более чем столетнюю историю обращения русских интерпретаторов к этой поэме Блейка — начиная от многократно осмысленного фрагмента “And did those feet in ancient time...”, продолжая переложением других небольших частей произведения, — и только Д. Н. Смирнов смог довести до логического финала многотрудную работу по переводу эпоса Блейка, тем самым проложив дорогу для его дальнейших исследований.

4. Заключение = Conclusions

Поэма У. Блейка «Мильтон», посвященная авторскому мифологическому осмыслению судьбы поэта, стала объектом различного типа рецепции в русской культуре: это рецепция и критическая, и переводческая, и творческая. В досоветский период «Мильтон» практически не был известен; в советское время поэму постепенно начали исследовать и переводить (фрагментами); в новейшее время был осуществлен полный комментированный перевод поэмы Д. Н. Смирновым, который обозначил завершение большого этапа продвижения произведения к российскому читателю.

Отдельной частью поэмы, вызвавшей значительный интерес, стало ее стихотворное введение “And did those feet in ancient time...”. Будучи признано в 1916 году своего рода неофициальным гимном Англии, это стихотворение было многократно переведено на русский язык, осмыслено как высказывание в критической литературе и положено на музыку Л. Федоровым.

Дальнейшее исследование поэмы «Мильтон» как факта творческой рецепции английским романтиком трудов своего предшественника может способствовать углублению знаний в области диалога романтизма с барокко и классицизмом, а также уточнению роли Мильтона в построении авторских мифологических миров.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Аникин Г. В. Уильям Блейк / Г. В. Аникин, Н. П. Михальская // История английской литературы. — Москва : Высшая школа, 1975. — С. 195—200.
2. *Артист-поэт-сумасшедший*. Жизнь Вильяма Блека // Телескоп. — 1834. — Ч. 22. — № 28. — С. 67—97.
3. *Бальмонт К. Д.* Праотец современных символистов (Вильям Блэк, 1757–1827) / К. Д. Бальмонт // Бальмонт К. Д. Собрание сочинений : в 7 т. — Москва : Книжный Клуб Книговек, 2010. — Т. 6. — С. 321—326. — ISBN 978-5-904656-88-1.

4. *Балтрушайтис Ю.* Дерево в огне : стихи / Ю. Балтрушайтис. — Вильнюс : Vaga, 1983. — 324 с.
5. *Блейк В.* Из поэмы «Мильтон» / В. Блейк. — Москва : Художественная литература, 1978. — С. 283—286.
6. *Блейк В.* Мильтон: три отрывка из поэмы (1804—1808) / В. Блейк // Блейк В. Избранное : в переводах С. Маршака. — Москва : Художественная литература, 1965. — С. 152—155.
7. *Блейк У.* Иерусалим : русские переводы [Электронный ресурс] / У. Блейк. — Режим доступа : <https://stihi.ru/2016/05/22/10481> (дата обращения 23.12.2025).
8. *Блейк У.* Из поэмы «Мильтон» / У. Блейк. — Москва : Прогресс, 1982. — С. 490—495.
9. *Блейк У.* Из поэмы «Мильтон» / У. Блейк ; пер. Г. Усовой // Дети Англии и славы. Из поэзии английского романтизма. — Санкт-Петербург : Деан, 2007. — С. 44. — ISBN 5-93630-561-9.
10. *Блейк У.* Мильтон / У. Блейк ; пер. с англ. и комм. Д. Смирнова-Садовского ; редакция В. В. Серденной. — Москва : Magreb, 2021. — 357 с. — ISBN 978-5-9500498-9-7.
11. *Блейк У.* Чертоги времени (Из поэмы «Мильтон») / У. Блейк // Иностранная литература. — 2011. — № 3. — С. 32—33.
12. *Блэк В.* Песня дикого цветка. «На этот горный склон крутой...» / В. Блэк ; пер. С. Маршака // Русская мысль. — 1918. — Т. 39. — № 3—6. — С. 135—136.
13. *Васильева Т. Н.* Поэма В. Блейка «Мильтон» / Т. Н. Васильева // Ученые записки Кишиневского государственного университета. — 1962. — № 60. — С. 137—161.
14. *Васильева Т. Н.* Поэмы В. Блейка («Пророческие книги» XVIII—XIX вв.) / Т. Н. Васильева // Ученые записки Кишиневского государственного университета. — 1969. — № 108. — С. 26—311.
15. *Васильева Т. Н.* Поэтическое творчество Вильяма Блейка : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Т. Н. Васильева. — Ленинград, 1971. — 40 с.
16. *Венгерова З. А.* Вильям Блэк — родоначальник английского символизма / З. А. Венгерова // Литературные характеристики. — Санкт-Петербург : Типо-лит. А. Э. Винеке, 1897. — С. 153—182.
17. *Вершинин И. В.* Синтез принципов и синтез искусств в предромантизме : Уильям Блейк / И. В. Вершинин // Труды по изучению предромантизма и романтизма. — Москва ; Самара : ПГСГА Социум, 2011. — С. 417—435.
18. *Гарин И.* Блейк. Пророки и поэты : [в 7 т.] / И. Гарин. — Москва : Терра, 1992. — Т. 1. — С. 393—417.
19. *Глебовская А.* Предварение / А. Глебовская // Блейк У. Songs of Innocence and of Experience = Песни Невинности и Опыта / пер. С. Степанова. — Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1993. — С. 5—23.
20. *Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. С. Гумилев. — Москва : Воскресенье, 2001. — Т. 4. — 394 с. — ISBN 5-88528-233-1.
21. *Гутнер М. Н.* Блейк / М. Н. Гутнер // История английской литературы : [в 3 т., 5 вып.]. — Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1945. — Т. 1. — Выпуск 2. — С. 613—622.
22. *Елистратова А. А.* Наследие английского романтизма и современность / А. А. Елистратова. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 506 с.
23. *Жирмунский В. М.* Вильям Блейк (1757—1827) / В. М. Жирмунский. — Москва : Художественная литература, 1965. — С. 5—34.

24. *Зверев А. М.* Величие Блейка / А. М. Зверев // Блейк У. Избранные стихи. — Москва : Прогресс, 1982а. — С. 5—33.
25. *Зверев А. М.* Комментарии / А. М. Зверев // Блейк У. Избранные стихи. — Москва : Прогресс, 1982б. — С. 497—555.
26. *Зверев А. М.* Комментарии / А. М. Зверев // Мортон А. Л. От Мэлори до Элиота. — Москва : Прогресс, 1970. — С. 233—255.
27. *Майзельс С. Р.* Примечания / С. Р. Майзельс // Маршак С. Собрание сочинений : в 8 т. — Москва : Художественная литература, 1969. — Т. 3. — С. 749—812.
28. *Маршак С.* Иерусалим / С. Маршак // Сафрут : литературно-художественный сборник / под ред. Л. Яффе. — Берлин : Изд-во С. Д. Зальцман, 1922. — С. 175.
29. *Некрасова Е. А.* Творчество Уильяма Блейка / Е. А. Некрасова. — Москва : Изд-во Московского университета, 1962. — 183 с.
30. *Токарева Г. А.* У. Блейк. Стихотворения, поэмы, проза. Р. Блэр. Могила : книга переводов / Г. А. Токарева. — Москва : Перо, 2020. — 185, [1] с. — ISBN 978-5-00171-693-8.
31. *Урнов Д. М.* Романтизм: Блейк, «Озерная школа», Вальтер Скотт, Байрон, Шелли, Китс, эссеисты и другие прозаики / Д. М. Урнов // История всемирной литературы. — Москва : Наука, 1989. — Т. 6. — С. 87—91.
32. *Шагинян М. С.* Вильям Блэйк : к двухсотлетию со дня рождения / М. С. Шагинян // Известия. — 1957. — № 282 (28 ноября). — С. 3—4.
33. *Blake W.* The complete poetry and prose / W. Blake ; ed. D. Erdman. — New York : Anchor books, 1988. — 990 p.

Литература

1. *Афанасьева К.* Уильям Блейк, Песнь свободы : Пролог, или основание, «Тириэль» и «Книга Тэль» : мытарства земной души / К. Афанасьева // Темница и свобода в художественном мире романтизма. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — С. 189—223. — ISBN 5-9208-0111-5.
2. *Бабурченкова И. О.* Вариативность стиля У. Блейка в зрелом творчестве : сопоставительный анализ двух жанров / И. О. Бабурченкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10 (76). — Ч. 3. — С. 55—59.
3. *Богданов А. В.* Мир как живая поэма : от Уильяма Блейка к Даниилу Андрееву через символизм / А. В. Богданов // Даниил Андреев : Pro et contra. Личность и творчество Д. Л. Андреева в оценке публицистов и исследователей / ред. Г. Садиков-Лансере. — Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2010. — С. 181—207. — ISBN 978-5-88812-400-0.
4. *Головин Е.* Приближение к Снежной Королеве / Е. Головин. — Москва : Арктогея-Центр, 2003. — 480 с. — ISBN 5-8186-0019-X.
5. *Густафссон Д.* Блейк и православие / Д. Густафссон // Язык. Словесность. Культура. — 2014. — № 1—2. — С. 16—36.
6. *Дугин А. Г.* Ноомахия : войны ума. Англия или Британия? Морская миссия и позитивный субъект / А. Г. Дугин. — Москва : Академический проект, 2015. — 595 с. — ISBN 978-5-8291-1795-5.
7. *Кокшарова Т. Э.* Изображение пространства и времени в пророческих эпосах У. Блейка как форма коммуникации с читателем (на примере поэмы «Мильтон») / Т. Э. Кокшарова // Коммуникация. Мышление. Личность. материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. — Саратов : Наука, 2012. — С. 664—670. — ISBN 978-5-9999-1398-2.

8. Сердечная В. В. Дмитрий Смирнов как переводчик и биограф Уильяма Блейка / В. В. Сердечная // Вопросы литературы. — 2021а. — № 5. — С. 233—245. — DOI: <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2021-5-233-245>

9. Сердечная В. В. Уильям Блейк в русской культуре (1834—2020) / В. В. Сердечная. — Москва : Городец, 2021б. — 416 с. — ISBN 978-5-907220-82-9.

10. Смирнов-Садовский Д. Блейк : биография / Д. Смирнов-Садовский. — St Albans, UK; Colorado, USA : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. — 378 с.

11. Токарева Г. А. Миф в художественной системе Уильяма Блейка : диссертация ... доктора филологических наук / Г. А. Токарева. — Воронеж, 2005. — 466 с.

12. Черепеникова М. С. Поэтические пророчества Уильяма Блейка / М. С. Черепеникова // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. — 2004. — № 1. — С. 70—78.

13. Carroll J. Jerusalem, Jerusalem : How the Ancient City Ignited Our Modern World / J. Carroll. — Boston : Houghton Mifflin Harcourt, 2011. — 418 p. — ISBN 9780547195612.

14. Smirnov D. N. My Blake. Part 1 : In Russia / D. N. Smirnov // Blake/An Illustrated Quarterly. — 2018а. — Vol. 51. — № 4. — Pp. 76—82. — DOI: <https://doi.org/10.47761/biq.211>.

15. Smirnov D. N. My Blake. Part 2 : In England / D. N. Smirnov // Blake/An Illustrated Quarterly. — 2018б. — Vol. 52. — № 1. — Pp. 41—49. — DOI: <https://doi.org/10.47761/biq.216>.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025,
одобрена после рецензирования 27.03.2026,
подготовлена к публикации 07.05.2026.

Material resources

Anikin, G. V., Mikhalskaya, N. P. (1975). William Blake. In: *The history of English literature*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 195—200. (In Russ.).

Artist-poet-madman. The Life of William Black. (1834). *The telescope*, 22 (28): 67—97. (In Russ.).

Balмонт, K. D. (2010). The forefather of modern Symbolists (William Black, 1757—1827). In: *Balмонт, K. D. Collected Works: in 7 volumes*, 6. Moscow: Knigovek Book Club. 321—326. ISBN 978-5-904656-88-1. (In Russ.).

Baltrushaitis, Yu. (1983). *A tree on fire: poems*. Vilnius: Vaga. 324 p. (In Russ.).

Black, V. (1918). The song of the wild Flower. “This mountain slope is steep...”. *Russian Thought*, 39 (3—6): 135—136. (In Russ.).

Blake, V. (1965). *From the poem “Milton”*. Moscow: Fiction. 283—286. (In Russ.).

Blake, V. (1965). Milton: three excerpts from a poem (1804—1808). In: *Blake, V. Selected works*. Moscow: Fiction152—155. (In Russ.).

Blake, W. (2007). From the poem “Milton”. In: *Children of England and glory. From the poetry of English Romanticism*. St. Petersburg: Dean. P. 44. ISBN 5-93630-561-9. (In Russ.).

Blake, W. (1982). *From the poem “Milton”*. Moscow: Progress Publ. 490—495. (In Russ.).

Blake, W. (2021). *Milton*. Moscow: Magreb. 357 p. ISBN 978-5-9500498-9-7. (In Russ.).

Blake, W. (1988). *The complete poetry and prose*. New York: Anchor books. 990 p.

Blake, U. *Jerusalem: Russian translations*. Available at: <https://stihi.ru/2016/05/22/10481> (accessed 23.12.2025). (In Russ.).

- Blake, W. (2011). The Halls of Time (From the poem “Milton”). *Foreign literature*, 3: 32—33. (In Russ.).
- Elestratova, A. A. (1960). *The legacy of English Romanticism and modernity*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 506 p. (In Russ.).
- Garin, I. (1992). *Blake. Prophets and Poets: in 7 volumes, 1*. Moscow: Terra. 393—417. (In Russ.).
- Glebovskaya, A. (1993). Introduction. In: *Blake, W. Songs of Innocence and of Experience = Songs of Innocence and Experience*. Saint Petersburg: North-West. 5—23. (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (2001). *Complete works: in 10 volumes, 4*. Moscow: Sunday. 394 p. ISBN 5-88528-233-1. (In Russ.).
- Gutner, M. N. (1945). Blake. In: *History of English literature: in 3 volumes, 5th issue., 1 (2)*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 613—622. (In Russ.).
- Maisels, S. R. (1969). Notes. In: *Marshak, S. Collected works: in 8 volumes, 3*. Moscow: Fiction. 749-812. (In Russ.).
- Marshak, S. (1922). Jerusalem. In: *Safrut: literary- art collection*. Berlin: S. D. Salzman Publishing House. P. 175. (In Russ.).
- Nekrasova, E. A. (1962). *The work of William Blake*. Moscow: Publishing House of Moscow University. 183 p. (In Russ.).
- Shahinyan, M. S. (1957). William Blake: on the bicentenary of his birth. *Izvestia*, 282: 3—4. (In Russ.).
- Tokareva, G. A. (2020). U. Blake. *Poems, poems, prose by R. Blair. The Grave: a book of translations*. Moscow: Pero. 185, [1] p. ISBN 978-5-00171-693-8. (In Russ.).
- Urnov, D. M. (1989). Romanticism: Blake, The Lake School, Walter Scott, Byron, Shelley, Keats, essayists and other prose writers. In: *History of World Literature*, 6. Moscow: Nauka Publ. 87—91. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. N. (1971). *The poetic work of William Blake*. Author’s abstract of PhD Diss. Leningrad. 40 p. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. N. (1962). V. Blake’s poem “Milton”. *Scientific notes of the Chisinau State University*, 60: 137—161. (In Russ.).
- Vasilyeva, T. N. (1969). V. Blake’s poems (“Prophetic books” of the XVIII—XIX centuries). *Scientific Notes of the Chisinau State University*, 108: 26—311. (In Russ.).
- Vengerova, Z. A. (1897). William Black — the founder of English symbolism. In: *Literary characteristics*. St. Petersburg: A. E. Vinecke Printing House. 153—182. (In Russ.).
- Vershinin, I. V. (2011). Synthesis of principles and synthesis of arts in pre-Romanticism: William Blake. In: *Works on the study of pre-Romanticism and Romanticism*. Moscow; Samara: PSGA Society. 417—435. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1965). *William Blake (1757—1827)*. Moscow: Fiction. 5—34. (In Russ.).
- Zverev, A. M. (1982b). Comments. In: *Blake, W. Selected poems*. Moscow: Progress Publ. 497—555. (In Russ.).
- Zverev, A. M. (1970). Comments. In: *Morton, A. L. From Mallory to Eliot*. Moscow: Progress. 233—255. (In Russ.).
- Zverev, A. M. (1982a). The greatness of Blake. In: *Blake, U. Selected poems*. Moscow: Progress Publ. 5—33. (In Russ.).

References

- Afanasieva, K. (2002). William Blake, The Song of Freedom: The Prologue, or the foundation, “Tyriel” and “The Book of Tel”: the ordeal of the earthly soul. In: *Prison*

- and freedom in the artistic world of Romanticism*. Moscow: IMLI RAS. 189—223. ISBN 5-9208-0111-5. (In Russ.).
- Baburchenkova, I. O. (2017). Variation of W. Blake's style in mature creativity: a comparative analysis of two genres. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 10 (76) / 3: 55—59. (In Russ.).
- Bogdanov, A. V. (2010). The world as a living poem: from William Blake to Daniil Andreev through symbolism. In: *Daniil Andreev: Pro et contra. Personality and creativity of D. L. Andreev in the assessment of publicists and researchers*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. 181—207. ISBN 978-5-88812-400-0. (In Russ.).
- Carroll, J. (2011). *Jerusalem, Jerusalem: How the Ancient City Ignited Our Modern World*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt. 418 p. ISBN 9780547195612.
- Cherepennikova, M. S. (2004). The Poetic prophecies of William Blake. *Bulletin of the Gorky Literary Institute*, 1: 70—78. (In Russ.).
- Dugin, A. G. (2015). *Noomakhia: wars of the mind. England or Britain? The naval mission and the positive subject*. Moscow: Academic Project. 595 p. ISBN 978-5-8291-1795-5. (In Russ.).
- Golovin, E. (2003). *Approaching the Snow Queen*. Moscow: Arktogeya-Center. 480 p. ISBN 5-8186-0019—X. (In Russ.).
- Gustafsson, D. (2014). Blake and Orthodoxy. Language. Literature. *Culture*, 1—2: 16—36. (In Russ.).
- Koksharova, T. E. (2012). The image of space and time in the prophetic epics of W. Blake as a form of communication with the reader (on the example of the poem “Milton”). In: *Communication. Mind. Personality. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Professors I. N. Gorelov and K. F. Sedov*. Saratov: Nauka Publ. 664—670. ISBN 978-5-9999-1398-2. (In Russ.).
- Serdechnaya, V. V. (2021a). Dmitry Smirnov as translator and biographer of William Blake. *Questions of literature*, 5: 233—245. DOI: <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2021-5-233-245>. (In Russ.).
- Serdechnaya, V. V. (2021b). *William Blake in Russian culture (1834—2020)*. Moscow: Gorodets. 416 p. ISBN 978-5-907220-82-9. (In Russ.).
- Smirnov, D. N. (2018a). My Blake. Part 1: In Russia. *Blake/An Illustrated Quarterly*, 51 (4): 76—82. DOI: <https://doi.org/10.47761/biq.211>.
- Smirnov, D. N. (2018b). My Blake. Part 2: In England. *Blake/An Illustrated Quarterly*, 52 (1): 41—49. DOI: <https://doi.org/10.47761/biq.216>.
- Smirnov-Sadovsky, D. (2016). *Blake: biography*. St Albans, UK; Colorado, USA: CreateSpace Independent Publishing Platform. 378 p. (In Russ.).
- Tokareva, G. A. (2005). *Myth in the artistic system of William Blake*. Doct. Diss. Voronezh. 466 p. (In Russ.).

*The article was submitted 01.12.2025;
approved after reviewing 27.03.2026;
accepted for publication 07.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шаравин А. В. Языковая игра с именем вождя (Ленин) в рассказах Л. Добычина / А. В. Шаравин, О. Е. Вороничев, А. М. Гришечкина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 368—388. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-368-388.

Sharavin, A. V., Voronichev, O. E., Grishechkina, A. M. (2026). Lenin's Name as a Play on Language in Prose of Leonid Dobychin. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 368-388. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-368-388. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Языковая игра с именем вождя (Ленин) в рассказах Л. Добычина

Шаравин Андрей Владимирович

orcid.org/0000-0003-1282-4229

доктор филологических наук, доцент
кафедра русской, зарубежной
литературы и массовых коммуникаций

корреспондирующий автор

ekllier@mail.ru

Вороничев Олег Евгеньевич

orcid.org/0000-0001-7983-9025

доктор филологических наук, доцент
кафедра русского языка

voonid@mail.ru

Гришечкина Анна Михайловна

orcid.org/0000-0001-6590-106X

кандидат педагогических наук, доцент
кафедра французского языка

kafedra338@mail.ru

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

Lenin's Name as a Play on Language in Prose of Leonid Dobychin

Andrey V. Sharavin

orcid.org/0000-0003-1282-4229

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian, Foreign Literature
and Mass Communications

corresponding author

ekllier@mail.ru

Oleg E. Voronichev

orcid.org/0000-0001-7983-9025

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language

voonid@mail.ru

Anna M. Grishechkina

orcid.org/0000-0001-6590-106X

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of French Language

kafedra338@mail.ru

Bryansk State Academician
I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)

© Шаравин А. В., Вороничев О. Е., Гришечкина А. М., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена обращением к ленинскому ономастическому дискурсу в прозе Л. Добычина. Статья посвящена выявлению способов языковой игры с именем Ленина в рассказах писателя. В качестве материалов исследования привлекаются тексты художественной прозы из собрания сочинений писателя, его эпистолярный, литературоведческие и лингвистические работы о ленинском культе и языковой игре. Уделяется внимание ироническому контекстному введению Добычиным ленинского мифа в традиционную христианскую образность и культурную память. Представлены результаты сопоставительного анализа приемов семантизированной, оригинальной и сакрализованно-профанирующей языковой игры. Показано, что имя Ленина функционирует как текстообразующий знак, организующий разные уровни повествования. Установлено, что каламбуры, в том числе фонетизированные, основанные на паронимии, анаграммы и межтекстовые аллюзии обеспечивают скрытую ироническую деконструкцию официального культа вождя. Доказано, что повторяемость имени в различных нарративах формирует особый ритуальный язык эпохи. Авторы приходят к выводу о том, что ленинский антропоним в прозе Добычина утрачивает сакральный статус и превращается в элемент ритуального «шума речи». Новизна исследования видится в том, что комплексно и детально описана система языковой игры с именем *Ленин* как ключевая особенность идиостиля Добычина.

Ключевые слова:

Добычин; ирония; языковая игра; Ленин; идиостиль; символ; семантика; аллюзия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this study stems from its focus on the onomastic discourse surrounding Lenin in the fiction of L. Dobychin. The article investigates the mechanisms of linguistic play with Lenin's name as deployed in the author's short stories. The research draws upon Dobychin's collected works, his correspondence, and a wide range of literary and linguistic scholarship on the cult of Lenin and the phenomenon of language games. Special attention is given to the ironic and often subversive insertion of the Lenin myth into traditional Christian imagery and cultural memory. The paper presents a comparative analysis of various techniques of semanticized, original, and sacralizing-profanizing wordplay. It demonstrates how Lenin's name operates as a textual sign that structures multiple narrative levels. The analysis reveals that puns — including phonetic plays, paronomasia, anagrams, and intertextual allusions — serve to subtly deconstruct the official cult of the leader. The study establishes that the recurrence of the name across different narratives contributes to the formation of a distinctive ritualistic language characteristic of the epoch. The authors conclude that in Dobychin's prose, the Lenin anthroponym loses its sacred status and is transformed into an element of ritualistic "speech noise." The novelty of this research lies in its comprehensive and detailed description of the system of linguistic play with Lenin's name as a defining feature of Dobychin's individual literary style.

Key words:

Dobychin; irony; language play; Lenin; idiosyle; symbol; semantics; allusion

Языковая игра с именем вождя (Ленин) в рассказах Л. Добычина

© Шаравин А. В., Вороничев О. Е., Гришечкина А. М., 2026

1. Введение = Introduction

Л. Добычин отличается от других писателей способностью к тонкому ироническому осмыслению действительности, умением создать ироническую экспрессию одним лёгким штрихом или полунамёком. Термин *ирония* в филологии далеко не однозначен. В связи с этим следует сказать о нашем понимании иронии в рамках данной статьи.

Изучению иронии как тропа, известного еще со времен Платона и Аристотеля, посвящено немало филологических работ [Николина, 1979; Походня, 1989; Ермакова, 2002; Козинцев, 2007; Яковенко, 2011; Иваненко, 2011; Шилихина, 2014; Шкицкая, 2019; Чернявская, 2025; и др.]. Этот вид комического «характеризуется наличием определенной оценочной структуры, в пределах которой происходит перемена оценочного компонента с положительного на отрицательный» [Николина, 1979, с. 79]. Однако именно потому, что смех, в том числе иронический, «способен постоянно варьировать свой образ, а следовательно, и свою функцию» [Арутюнова, 2007, с. 8], в языкознании «дискуссионным остается вопрос, какие элементы высказывания могут служить сигналами иронической интенции и какие свойства высказывания или целого текста позволяют адресату распознать иронию» [Шилихина, 2014, с. 5—6].

Среди различных интерпретаций термина *ирония*, не имеющего единого понимания в филологии, наиболее четко противопоставлены две: 1) одна из 4 категорий комического (наряду с юмором, сатирой и сарказмом); 2) троп, «состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки» [Ахманова, 1969, с. 185] (в данном значении *ирония* в определенной степени выступает как синоним терминов *эпантиосемия* и *антифразис*). Заслуживает внимания и прагматическая двуплановая оценка иронии, продиктованная функционально-когнитивным подходом к языку: как инструмента мышления и — одновременно — как феномена экспрессивной речи, «основная функция

которого — выражение отношения к несоответствию между ожидаемым и наблюдаемым положением дел» [Шилихина, 2014, с. 228]. Таким образом, ирония — объективно сложное, многоплановое и неоднозначное понятие. Как нам представляется, при лингвостилистическом определении этого феномена следует учитывать собственно языковые критерии. В то же время необходимо разграничивать два метонимически связанных понятия: «ирония как средство, техника, стилистический прием и ирония как результат — иронический смысл, созданный рядом разноуровневых единиц языка» [Походня, 1989, с. 97]. С учетом всей неоднозначности иронии представляется возможным определить ее (в самых общих чертах) с позиций лингвостилистики как имплицитную некатегоричную негативную оценку описываемого при помощи языковых средств создания комизма.

Вместе с тем подчеркнем, что в данной статье в фокусе нашего внимания будет только ирония как «средство, техника, стилистический приём», который является атрибутом идиостиля Л. Добычина в целом. В частности, мы анализируем особенности её прямого и непрямого (описательного, перифрастического) использования в рассказах, содержащих упоминания культового имени вождя пролетариата.

Также заметим, что при исследовании одной из характерных черт идиостиля Л. Добычина, сформулированной в названии данной статьи, *языковую игру* мы не отделяем от *литературной игры*, поскольку различия между данными феноменами, выявленные А. Э. Скворцовым [Скворцов, 2000, с. 8], считаем не вполне отчётливыми.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалы исследования извлечены из текстов произведений и писем русских писателей, работ литературоведов, лингвистов, социологов и культурологов, статей в толковых словарях русского языка XX века. В работе применялся описательный метод, а также приемы семантического, компонентного и лингвостилистического анализа и — частично — статистического анализа. Описательный метод использовался при отборе языкового материала и его систематизации, характеристике его состава и структуры, определении лингвистической, семантико-смысловой и функциональной специфики. Приемы семантического и компонентного языкового анализа использовались для определения семантики различных языковых единиц в идиостиле Л. Добычина. Метод лингвостилистического анализа применялся при исследовании индивидуально-авторских особенностей языка прозаических текстов Л. Добычина. Элементы статистического анализа использовались при установлении количественного соотношения и частотности употребления в исследуемом идиостиле различных средств языковой игры.

Исследователи фиксируют: культ Ленина начал формироваться к началу 1920-х годов. Во многом этому способствовали покушение Каплан, затем болезнь вождя мирового пролетариата и позднее его смерть в 1924 году. Формирование культа продолжилось до 1930-го года, чему во многом способствовали лозунги о бессмертии Ленина, единство и отождествление вождя с партией, разработка его образа как защитника и заступника всех обездоленных, поэтические практики наподобие поэмы «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского. «В годы Гражданской войны образ власти носил достаточно абстрактный характер... Но постепенно новая власть стала приобретать реальные черты, и начался процесс ее конкретизации, персонификации и ритуализации. Если к началу 1920-х годов власть ассоциировалась со многими лидерами советского государства, то уже к 1922 году самым непререкаемым авторитетом в сознании рабочих и крестьян становится Ленин, — акцентирует Н. В. Шалаева. — в этот период времени стал утверждаться культ Ленина, в котором можно увидеть черты механизма формирования культа Сталина, элементы традиционного русского сознания — веры в доброго “царя-батюшку”, заступника Отечества и простого люда. Несмотря на авторитет других лидеров советского государства, именно Ленин сознательно начинает связываться с образом власти, с коммунистическим будущим, с задачами социального контроля» [Шалаева, 2009, с. 197].

С момента захвата большевиками власти Ленин в официальной культуре выступает олицетворением всего, что реализовалось в революционных практиках эпохи, преподносимых как обновление общественного строя в пользу угнетенных. М. Вайскопф констатирует: «Если же принять во внимание богостроительскую догму насчет того, что эти массы суть верховное и бессмертное божество (“начало жизни единое”, по слову Горького), рождающее прочих “богов бывших и будущих”, то станет совершенно очевидно, что Ленин подвизается в роли того самого сына-Мессии, который у народовольцев призван был спасти Мать-землю или народ. Возникла, правда, некоторая путаница с самим полом этого родителя, представавшего теперь то в мужской, то в женской ипостаси: рабочий класс мог быть отцом, а партия или народная масса — матерью Ильича» [Вайскопф, 2001, с. 338].

К сказанному Н. В. Шалаевой и М. Вайскопф можно добавить, что Ленин как семантика, олицетворение новой народной (рабоче-крестьянской) «праведной» власти подвергся после смерти не просто ритуализации, а и канонизации: мумифицированное тело вождя — это своего рода нетленные мощи, созданные для народа властью, официально отрешившейся от церкви и религии и провозгласившей атеизм. А коммунизм — своего рода новая «ре-

лигия», вера в «светлое будущее», общество всеобщего равенства и благоденствия (мечта о котором была отражена ещё в острове «Утопия» Т. Мора или «Городе Солнца» Т. Кампанеллы), главным «проповедником» которой стал Ленин, — может быть соотнесён с раем, обещанным на земле. Вместе с тем возвеличивание нового «мессии» и фактическое причисление его «к лику святых» нового времени — это проявление всё той же укоренившейся в генетической памяти и ментальном сознании народа веры в доброго, мудрого и справедливого «помазанника Божьего» (князя, царя и т. д.), способного сделать жизнь народа безбедной и счастливой. И сам всенародный культ Ленина мог состояться (это хорошо понимали его пропагандисты) только при облачении его имени и деяний в видоизмененную, внешне новую, но по сути привычную для народа, традиционную религиозную форму: со святыми мощами в Мавзолее, памятниками-идолами для поклонения во всех городах, центральные улицы и площади которых переименованы в честь вождя, и молитвенным экстазом при произнесении сакрального имени в стихах, песнях, клятвах (при вступлении в пионеры, комсомол, партию).

В искусстве сформировался социальный заказ на образ Ленина, «эксплуатирующий» ещё существующие в сознании масс христианские представления. Через религиозные аналогии с Иисусом, мессией, призванным сделать мир лучше и совершеннее, и проецировался идеальный образ вождя совершившейся революции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Приёмы семантизированной языковой игры

Для Л. Добычина ленинский дискурс — проявление государственных усилий, которые направлены на создание новой человеческой истории, подменяющей Божественную священную евангельскую историю сакрального преобразования мира. Писатель вводит именование вождя мировой революции в четыре нарратива: «Козлова» (Ленин — три раза); «Ерыгин» (варьирует изменение названия города с Петрограда на Ленинград — два раза; вожди ленинградского пролетариата — один раз; товарищ Ленинград — два раза); «Конопатчикова» (Ильич — один раз); «Матерьял» (Ленин — один раз). В рассказе «Сад» используется перифрастический образ Ленина: «Конартдив, резерв милиции и ассенобоз по очереди проскакали к речке: подымалась пыль и затемняла солнце. Тусклое, оно спускалось к кепке памятника» [Добычин, 1999, с. 408—409].

Л. Добычин статистически (должность обязывала) точен: первый памятник Ленину в Брянске был установлен в саду Карла Маркса 7 ноября 1929 года. На сохранившихся фотографиях памятника опущенная рука Ильича сжимала кепку. Через особый ракурс экфрасиса, отразивший не-

значительную деталь памятника и дополненный пейзажной зарисовкой, писатель, подражая скульптору, из реального брянского монумента создает свой образ вождя-монумента в нарративе: Ленин замещен, репрезентирован кепкой. С позиций поэтики и лингвостилистики это можно рассматривать как особый вид метонимии — синекдоху (репрезентацию целого через его часть). Описание Солнца, естественного светила (источника жизни на земле, которому поклонялись наши предки в образе бога Ярилы), заходящего и тускнеющего на фоне кепки Ленина, по замыслу Добычина, очень точно иронически отражает культ нового времени с затенившим даже Солнце новым идолом (кумиром-мессией) в его центре. Вербальный вариант добычинского памятника Ильичу реконструирован из цитат современных ему писателей о вожде. И, что вполне логично, словесным материалом для «текстуального монумента» в рассказе «Сад» (1931) прежде всего стала реминисценция из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924) В. Маяковского: «защитник солнцелицей» [Маяковский, 1957, т. VI, с. 245]. Отметим, что упоминание промелькнувшего рядом со скульптурой ассенобоза — это еще одна мета, отсылающая к В. Маяковскому, к его личной презентации в первом вступлении к поэме «Во весь голос» («Я, ассенизатор / и водовоз, / революцией / мобилизованный и призванный, / ушел на фронт / из барских садоводств / поэзии — / бабы капризной» [Маяковский, 1958, т. X, с. 279—280]). Здесь для усиления иронической экспрессии используется и характерная для идиостиля Добычина паронимазия нескольких слов (*ассенизатор* и *водовоз*) из поэмы Маяковского и их однословного оппозиита *ассенобоз*, в котором скомпрессированы и создают фонетическую аллюзию «ключевые» звуки.

Еще один слой рассказа, организующий описание памятника вождю, включает тексты писателей 1920—30-х годов о кепке. Данный головной убор восходит к «главной кепке» революционной и постреволюционной эпохи — неотъемлемому атрибуту образа Ленина. Именно этот элемент одежды стал ассоциироваться с вождем, возглавившим октябрьский переворот, и определил этикетный атрибут гардероба простого человека из восставшей народной массы. Данный образ стал частотным и в произведениях 1920—30-х годов. В романе «Энергия» Ф. Gladkov воссоздает типичный образ-портрет Ленина как человека в кепке: «Владимир Ильич! Как всегда, он встречал Викентия Михайловича из-за рамы обычной дружеской улыбкой. В кепке с широким козырьком, надвинутым на глаза, он застыл, охваченный невидимым движением, и морщинки около глаз дрожат взволнованно» [Гладков, 1959, т. III, с. 30]. Как шаржи вводил образы кепочных персонажей в свои тексты и Л. Добычин. Героиня рассказа «Портрет» ищет понравившегося кавалера по одной примете — кепке, но в итоге она посто-

янно оказывается в комической ситуации, принимая за избранника других, так как все персонажи нарратива носят этот головной убор. Творчество Ф. Gladkova даже на фоне кепочных атрибутов в произведениях других писателей выделяется разительно. Симптоматично, что Добычин проводит ассоциацию между автором романа «Цемент» и образом Ленина, акцентируя через упоминание супруги женское звучание именованного вождя («Посылаю Вам портрет Федора Gladkova из “На посту”: больше похоже на тов. Крупскую в детстве» [Добычин, 1999, с. 289]). Примечателен образ революционной толпы в романе «Цемент»: она представлена как единый многоголовый организм в кепках («Толпы кишат, волнуются, вспыхивают красными повязками, смуглыми и бледными лицами, картузами и кепками, всюду красными крыльями взмахивают транспаранты» [Gladkov, 1959, т. II, с. 270]; можно сопоставить со строками из стихотворения «Ленин с нами!» В. Маяковского: «Литейный / залили / блузы и кепки» [Маяковский, 1958, т. VIII, с. 81]).

Кепка стала традиционным у советских писателей символом революционного времени. В произведениях В. Маяковского много текстов, «рекламирующих» кепку («А чтоб цилиндр заменила кепка, / накрахмаливать кепку крепко»; «Корона — / вот этот ночной горшок, / бриллиантов пуд — / устанешь носить. — / И морщатся дети: / — Нехорошо! / Кепка и мягше / и много красивше» [Маяковский, 1958, т. VIII, с. 9, 41]). Ф. Gladkov в целом ряде эпизодов использует этот атрибут одежды как снижающий элемент, акцентирующий пейоративные коннотации. Данный головной убор для прозаика — мета вождей, отсылающая к самому простому из людей — Ленину. Образ всесоюзного старосты Калинина, в простенькой одежде, кепке, незаметного среди прохожих, в описании Ф. Gladkova сливается с толпой, так как вождь — плоть от плоти народа, но в то же время такой образ обнажает серость и ординарность власти [Gladkov, 1959, т. VIII, с. 437]. Еще более явно пародирование кепочного аксессуара прослеживается в повести «Клятва» писателя. В первом эпизоде рабочий завода при виде «главинжа» постоянно снимает кепку, что провоцирует начальника на шуточное замечание о кепке-попрыгунье. Герой объясняет это спецификой своего характера: «Это, говорю, происходит от живости моего характера» [Gladkov, 1959, т. V, с. 353]. «Главинж» подводит разговор под шуточную сентенцию («Ну, говорит, теперь я буду знать, что и кепка есть зеркало души») [Gladkov, 1959, т. V, с. 353]. Однако если рассматривать эту фразу как аллюзию к афоризму Л. Н. Толстого, хотя первоисточник — высказывание Цицерона («Imago animi vultus est (лицо — зеркало души)»), то она одновременно отсылает к проблеме утраты психологизма советской литературой и эзоповым языком характеризует вождя пролетариата. Ленинский экфрасис Добычина

расходится с традицией стихотворения-памятника Ломоносова, Державина, Капниста, Востокова и солнца русской поэзии А. С. Пушкина («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»). Память о великом поэте осталась в русском народе, стимулированная «чувствами добрыми», воспеванием свободы и призывом «милости к падшим», тогда как правда о Ленине, в версии «провинциального сочинителя», в концентрированно-обобщенном символическом виде — это кепка. Кроме отмеченного, в текстах писателя содержатся возможные совпадения с фамилией, именем и отчеством В. И. Ленина, в том числе подтекстные, в форме уже упомянутых выше фонетических аллюзий или зашифрованные анаграммно. Рассказы с прямым или перифрастическим использованием имени вождя писались Л. Добычиным с 1923 по 1931 годы: «Козлова» (1923), «Ерыгин» (1924), «Конопатчикова» (1926), «Матерьял» (1930), «Сад» (1931).

В рассказе Л. Добычина «Козлова» важнейшую смыслообразующую стилистическую функцию выполняет троичное употребление имени вождя революции. С одной стороны, троичность всегда была в христианстве сакральна, что идентифицировало в новой знаковой системе государственности Ульянова-Ленина с сыном божьим. А с другой, в трагедии «Фауст» Гёте главный герой, приглашая Мефистофеля войти, слышит в ответ: «Заклятье повторить три раза надо» [Гете, 1976, т. II, с. 56]. Завершается рассказ «Козлова» эпизодом, в котором упоминается ленинский портрет, сделанный из цветов («Нагнала Сутыркину: — Недурная погода. С удовольствием бы съездила на выставку. Очень хороши, говорят, Ленин из цветов») [Добычин, 1999, с. 54]. Это отсылка к мифопоэтическому аспекту божественности. Портрет Ленина из цветов напоминает о религиозной традиции к пасхальным и постпасхальным дням украшать иконы с изображением Христа цветами. Флористическая поэтика сына Божьего доминирует и в стихотворении «Вот Он — Христос — в цепях и розах...», и в строчках из поэмы «Двенадцать» «В белом венчике из роз — Впереди — Иисус Христос» А. Блока [Блок, 1960, т. II, с. 84; т. III, с. 359]. Ландшафтная рамка лирического произведения поэта серебряного века совпадает и с брянским овражистым пространством («И березки и елки бегут в овраг»), и с хронотопом нарратива «Козлова» («На пригорке лежит огород капустный») [Блок, 1960, т. II, с. 84] / «Отправила Авдотью встречать корову и пошла на огород. Козлова была любительница поливать» [Добычин, 1999, с. 51]. В текстах Блока Христос всегда отмечен деталью, акцентирующей его страдания (цепи, венчик), что накладывается на «немного грустный», «нищенский» пейзаж стихотворения. Н. Ильинская отметила связь между грустным Иисусом и скудной природой: «Святыня увидена поэтом “в родном ландшафте”, и это Русский Христос. Явление “Агнца Кроткого в бе-

лых ризах”, грустного, как “скудная” природа, заставляет вспомнить национального Христа. В стихотворении Блока “мерцает” тютчевский мотив царя небесного, исходившего “в рабском виде” родную землю, что подчеркивается бедным убранством иконы — ее “простым окладом”, написанным “убогим художником» [Ильинская, 2015, с. 65]. В тексте Л. Добычина ситуация зеркальная: цветочный нарядный Ленин на фоне голодной брянской жизни. В этом плане концептуален финал блоковского стихотворения, в котором Христос, ассоциативно уподобленный «мертвому знаку», явно оппозиционен цветочному портрету Ленина у Добычина (*«Пока такой же нищий не будешь, / Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг, / Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь, / И не поблекнешь, как мертвый знак»* [Блок, 1960, т. II, с. 84]). К 20-м годам сравнение Ленина с Христом стало довольно частотным («Анна Ульянова-Елизарова: *“Одно время он думал, чтобы дать себя арестовать. Помню, он сказал тогда, что если арестуют, то очень вероятно, что с ним покончат, потом они, может быть, даже слезы прольют, крокодиловы слезы, скажут, как это нельзя было удержать, но постараются расправиться...”* Поэт Демьян Бедный, заставший его в такой момент, говорил: “Прощаясь, мы расцеловались. Владимир Ильич был в каком-то восхищенном состоянии. Глаза его горели. Лицо его было одухотворенно, как никогда, и мне бросилось в глаза, что он удивительно похож на Христа, как его рисуют лучшие художники, в тот момент, когда шел на распятие, отдаваясь в руки врагов своих”») [Майсурия, 2006, с. 218].

Флористический Ленин противопоставлен традиционному библейско-аграрному мотиву «гибнущего и прорастающего зерна» [Вайскопф, 2001, с. 342]. Описание портрета вождя из цветов контекстно соотнесено с отрывком, описывающим сжигание картонной фигурки бога-отца: *«...лу-скали ракеты, толкались, что-то выкрикивали, жгли картонного бога-отца с головой в треугольнике... стояла маленькая зеленая луна»* [Добычин, 1999, с. 51]. Смысл соотнесения двух отрывков увиден Добычиным в подтекст посредством «звукового жонглирования», позволяющего полунамеком выразить новую семантику. Так фраза «Ленин из цветов» за счет метатезы ключевых звуков преобразуется в потенциально возможную *В. Ленин-отец 3(з)* (уже упоминавшаяся троичность). Такого рода звуковое жонглирование намечает для вождя революции двойственный статус: адский (истинный, авторский) / божественный (симулятивный, декларативный, официальный, государственный). Таким образом, слово *жгли*, относящееся к картонной фигурке бога-отца, в тексте Добычина синонимично многозначному слову *горит*: мы наблюдаем «склеивание» (согласно типологии Анны Зализняк [Зализняк, 2006, с. 27—31]) первичного прямого словарного значения «Под-

даваться действию огня, уничтожаться огнём» и 6-го вторичного «Сверкать ярким, ослепительным блеском» [МАС-2, 1999, т. 1, с. 333—334].

3.2. Оригинальные приёмы языковой игры

В рассказе «Ерыгин» (1924) мы видим новые приемы языковой игры с антропонимом Ленин, отличающиеся от примененных Добычиным в других нарративах. Ленинская тема «зашифрована» и проявляется в рассказе через астионим *Ленинград* и производную от него фамилию *Ленинградов*. Имя вождя вводится Добычиным опосредованно, отражаясь в названии города и героя. Лениградский текст «Ерыгина» лаконичен. Он выстраивается писателем на оппозициях музеи / митинги, пузатые промышленники / дюжие матросы, завершаясь здравицей «вождям ленинградского пролетариата».

Обозначенные Добычиным реалии проявляют петербургский контекст русской литературы, истоком которого считается повесть «Медный всадник» и связанный с ней мотив города, созданного по замыслу демиурга, порождённого волей монарха-всадника. В рассказе «Ерыгин» сюжет пушкинской поэмы усиленно социологизирован до шаржированности. Ответственный работник Ленинградов, влюбляющийся в интеллигентку Гадову в рассказе, сочиняемом Ерыгиным по ходу развития сюжета произведения, не мог носить такую фамилию до 1924 года, когда и был переименован город. Добычин демонстративно «ломает» хронологию ради чистой языковой игры: в его тексте советский бюрократ как бы «рождался» вместе с переименованием бывшей столицы. Во вставном рассказе авторства Ерыгина имя Ленина безоговорочно и революционно вытесняет имя святого-покровителя истинного основателя города, тем самым стремясь захватить и традиционную смысловую привязку петербургского текста к Петру Великому. Триада *конь* — *всадник* — *змея* традиционно мифологична для города на Неве, в ней легко узнаваемы образы Георгия Победоносца и Медного всадника. В добычинском неомифе 1920-х годов этот сюжет переписывается: место самодержца занимает Ленин, а место царской столицы — Ленинград, город революции. Во вставном «проектном» сюжете рассказа Ерыгина (тексте, который герой только придумывает и пересказывает себе вслух) товарищ Ленинградов «на вороном коне» разгадывает заговор интеллигентки Гадовой и «мужественно преодолевает свою любовь». Черный конь и фамилия героини (*Гадова*, от *гад* ‘змея’) делают аллюзию прозрачной: перед нами пародийный вариант сюжета о змееборце, где святой Георгий заменён партийным функционером, а «гадина» — контрреволюционной интеллигенцией. Так ленинградская повесть начинающего писателя Ерыгина, вписанная в провинциальный текст Добычина, оказывается ироническим отсветом пушкинского мифа о столице почти спустя

столетие: место Медного всадника занимает партийный «ответственный работник», а великое противостояние маленького человека и города в лице его символа — монумента Фальконе — сменяется схематичным разоблачением врагов Советской власти.

Один из важнейших, но часто недооценённых мотивов «Ерыгина» — мотив вони. Уже в первой части рассказа описан «базар», но в лаконично-ироничной добычинской манере. Автор просто констатирует: *«Базар был большой. Стояла вонища»* [Добычин, 1999, с. 66]. Пространство повествования заполняют запахи дыма (*«Ленинград! Ревёт сирена, завоняло дымом»*), кислой капусты (*«воняло капустой»*), «кислятины» из дворов (*«Из дворов несло кислятиной»*) и прочие ольфакторные детали [Добычин, 1999, с. 68, 69]. Они включены в текст как бытовые маркеры обнищания и нэповских реалий, но одновременно закрепляют за описываемым провинциальным миром флёр разложения, физической смерти. Если учитывать биографический и культурный контекст, этот обонятельный мотив легко соотнести с советским мифом о смерти Ленина и скандальной историей первых мавзолеев: при рытье котлована под деревянный мавзолей была повреждена канализационная труба, весной помещение залило нечистотами, и в церковном фольклоре закрепилась реплика патриарха Тихона: «По мощам и елей». Вне зависимости от степени документальной достоверности этот контекст функционирует как симптоматический «контр-миф»: торжественно провозглашаемому бессмертию Ленина противопоставлена ольфакторная стихия нечистот, буквально заполонившая пространство всей России. В результате языковая игра с фамилиями Ленинградов, Гадова, Генералов и астионимом Ленинград оборачивается сложной сетью межтекстовых отсылок к «Медному всаднику» и петербургскому тексту, к фольклорному анекдоту о мавзолее и реплике «По мощам и елей». На пересечении этих мотивов возникает новая, сниженная ленинградская версия мифа о городе на Неве, в которой революционный всадник на вороном коне оказывается не наследником Петра, а всадником апокалипсиса, носителем запаха смерти, гниения и разложения, в контексте смерти Ленина пропитавшей весь советский континиум.

При переделке рассказа Добычин заменяет фамилию героя (товарищ Ленинградов / товарищ Генералов). По-видимому, это объясняется тем, что фамилия *Ленинградов*, модернизированная, «революционная», не имеющая благородных (древних) корней, хотя и содержит явную отсылку к имени вождя и поэтому делает замысел и отношение автора к описываемым событиям более прозрачными, всё-таки звучит слишком фантастично, вычурно: Петроград был переименован в Ленинград сразу после смерти и похорон Ленина (26 января 1924 года), в том же году Добычин пишет

рассказ «Ерыгин» и одному из персонажей дает фамилию, существование которой до переименования города было невозможным. Такую фамилию теоретически могли дать только беспризорнику или сироте, которых взяли под опеку органы Советской власти, и не ранее 1924 года, а товарищу Ленинградову — начальнику Ерыгина — в рассказе уже явно за 20 лет, скорее даже за 30. Игра писателя на созвучии фамилий Ленингр-адов / Г-адова / Генер-алов расставляет окончательные акценты в мотиве сакральности Советской власти и вождя победившего пролетариата.

Среди текстов, построенных на оригинальной ассоциативной игре с именованием вождя революции, особо выделяется рассказ «Нинон». У Добычина отрицательное отношение к написанному («Можно ли куда-нибудь приткнуть этот сухарь “Нинон”?»; «Михаил Леонидович. “Нинон” мне тоже не нравится. Пожалуйста, не печатайте») [Добычин, 1999, с. 251, 267]. Почему у автора такое отрицательное отношение к рассказу о провинциальных старухах, которых ссорила умершая Нинон и которые после ее смерти помирились и демонстрируют негативное отношение к покойнице на отпевании?

Произведение писалось в период надвигающейся смерти Ленина, и имя умершей героини *Нинон* — явная отсылка к имени *Нина* и его псевдовариации *Нинель*, которая представляет собой палиндромический трансформант антропонима Ленин. Смерть Нинон — аллюзия к смерти Ленина. Вероятно, для Л. Добычина был слишком очевиден подтекст политического памфлета. И эта политическая тенденциозность не устраивала писателя, поэта, которого основывалась на нейтральном стиле. В этом ракурсе показательно пересечение ситуации из рассказа «Нинон» с эпизодом из нарратива «Козлова», где действие переносится в провинциальный кинотеатр: «*Играют на скрипке... Девушка в красной вязаной кофте отдергивает занавеску и впускает. По сторонам холста висят Ленин и Троцкий... Бьет посуду и ломает мебель комическая тётка, красуются швейцарские озера и мелькают шесть частей роскошной драмы: Клотильда отравилась, Жанна выбросилась из окна....*» [Добычин, 1999, с. 49]. В тексте тот же механизм, что действует в «Нинон»: политические фигуры (Ленин и Троцкий), размещенные по краям экрана, — портреты, висающие «по сторонам» чужой мелодрамы и тем самым создающие необходимую писателю наглядно-образную, окрашенную в политико-идеологические тона времени рамку этой сюжетной картины. В кинофильме смешение жанров: бытовая комедия положений в духе фильмов с участием Чарли Чаплина (комическая тётка, бьющая посуду), слезливая мелодрама со смертями, экзотические пейзажи. И это на фоне портретов вождей — лишь отстраненных режиссеров революционного зрелища, которые вне «частных» бытовых страстей и трагедий XX века.

В «Нинон» смерть героини, имя которой прочитывается как криптограмма антропонима *Ленин*, запускает механизм перераспределения ненависти и примирения в маленьком провинциальном мире старух. Эпизод в кинотеатре аллегорически разворачивает подтекст «Нинон»: смерть вождя, будучи формально центральным событием эпохи, в реальной жизни провинции растворяется среди мелких бытовых ссор, примирений, сплетен и чувств. Это точный образ того, как в творческом сознании писателя идеологическое становится частью другого контекста, сочетающего трагедию, драму, комедию, буффонаду, шарж, водевиль, фарс.

3.3. Языковая игра с сакральными образами

В рассказе Л. Добычина «Конопатчикова» (1926) фамилия героя — умершего Капитанникова — и скрытая за ней аллюзия на Ленина образуют смысловой центр текста. Через сложную языковую игру с этим именем писатель переосмысляет устойчивый для русской культуры мотив небесного «сакрального брака» России с «великим мужем» — идеальным монархом, богатырем, властелином, пророком, вождём, — превращая его в профанированную, смеховую и одновременно траурную модель «Россия-вдова / Ленин-мертвец». В 1920-е годы активно формируется образ Ленина как «рулевого», «капитана» истории: партия — «команда», революция — корабль, а сам вождь — капитан, ведущий человечество через шторм. Именно этой линии отвечает и широко известное стихотворение С. Есенина «Капитан Земли» (1925), где герой управляет «кораблём» мировой революции, а партия предстает «матросами» («Он в разуме, / Отваги полный, / Лишь только прилегал / к рулю, / Чтобы об мыс / Дробились волны, / Простор давая / Кораблю. / Он — рулевой / И капитан. / Страшны ль с ним / Шквальные откосы? / Ведь, собранная / с разных стран, / Вся партия его — / Матросы») [Есенин, 1997, т. II, с. 293]. Выражение «праху Капитанникова», звучащее в первой главке, почти дословно дублируется в письме Добычина, где автор клянётся «прахом тов. Ленина» [Добычин, 1999, с. 306]. Таким образом, связь Ленин / Капитанников выстраивается как внутри художественного текста, так и в автокомментариях писателя в письмах: фамилия *Капитанников* становится «шифром», позволяющим говорить о Ленине перифрастически. Отсюда — постоянное «соседство» мотива капитана (Ленин как «капитан Земли») и «капитанского» имени героя, уже переведённого в регистр смерти и похоронной обрядности. В профанном пространстве рассказа сакральная фигура капитана-вождя сводится к «покойнику в костюмчиках», чьи вещи вдова тут же пускает в продажу. Смысловое поле, связанное с Капитанниковым, последовательно строится на лексике смерти и траура. В каждой главе появляются слова «прах», «покойник», «похоронный марш», «поминки», «скорбная» и т. п.

[Добычин, 1999, с. 73—77]. Показательно, что Добычин принципиально не даёт описания самого тела: читатель видит лишь ритуальные действия вокруг отсутствующего мертвеца.

Так соотносённостью с провинциальным героем профанируется официальная идея «бессмертия» вождя пролетариата: культ ретуширует живой образ через цепочку знаков-заместителей: прах, портрет, похороны, поминки. «Дело Ленина» в этом контексте выглядит как медленное растворение памяти о нём в тягучей провинциальной обыденщине. Брачная семантика текста задается прежде всего через фигуру Капитанничихи. В первой главе она обозначена только как «жена покойника», во второй дважды названа по фамилии мужа, а полное имя Ма-Русь-ка появляется лишь к финалу, постепенно выстраивая ассоциации с «Русью» [Добычин, 1999, с. 74—76]. Такой переход от безымянной вдовы к героине по имени Маруся («Ма-Руська», «Ма-Русенька») включается в устойчивую традицию отождествления России с женской фигурой — возлюбленной, невестой, женой, матерью.

Блоковское «О, Русь моя, жена моя!» [Блок, 1960, т. III, с. 249] и пастернаковское сближение Лары с Россией («И эта даль — Россия... Вот это-то и есть Лара» [Пастернак, 2004, т. IV, с. 618]) продолжают традицию воплощения «библейского синкретического единства» женщины-страны. У Добычина эта традиция иронически переосмысливается: Капитанничиха / Ма-Руська — егозливая, суетливая, корыстная женщина, судорожно пытающаяся «загнать костюмчики» умершего мужа. В семантической связке Ленин / Капитанников — Капитанничиха / Россия брачный миф разворачивается в мотив вдовства.

Россия предстает не невестой или женой великого богатыря, а уставшей вдовой, быстро утешившейся и готовой к новому, уже профанному союзу с революционными вождями. Рассказ открывается сценой чтения доклада «Ильич и специалисты» инженером Адольфом Адольфовичем перед аудиторией: информация о Ленине приходит из «мертвой буквы» брошюры [Добычин, 1999, с. 73]. Исследователи неоднократно в произведениях отмечали евангельскую дихотомию «мертвой буквы» и «живого духа» [Вайскопф, 1993, с. 324]: Ленин как историческая фигура растворён в официальном дискурсе, его имя не содержит никакого подлинно «живого» смысла. Фигура докладчика сама подчеркивает инфернальный характер этого дискурса: имя-отчество «Ад-ольф Ад-ольфович» легко разлагается на «ад»-«ад» (ад в дубле), удваивая мотив «нижнего», подземного, хтонического уровня просцирования на именование вождя.

Однако главным объектом языковой игры в рассказе становится фамилия Ленина. В третьей главе Полушальчиха восхищается картиной Ни-

кишки «Ленин»: это «загляденье» [Добычин, 1999, с. 76]. Ранее в тексте уже прозвучало выражение «бросая ласковые взгляды» в связи с докладом «Ильич и специалисты» [Добычин, 1999, с. 73]. Повтор корня *-гляд-* («*взгляды*» — «*загляденье*») нейтрален лишь вне контекста. В контексте фронтовой песни-агитки Д. Бедного «Танька — Ванька» (1919), рассчитанной на то, чтобы смехом нейтрализовать страх красноармейцев перед танками Антанты, корень *-гляд-* получал обценное продолжение: «танки — Танька», «глядь — ...лядь» [Бедный, 1954, т. II, с. 314], то есть автор использует здесь для создания иронического комизма эхо-приём. Слова с этим корнем контекстуально «заражены» обценно-инвективной коннотацией; перенос её на антропоним Ленин образует дополнительный пласт языковой игры, где фамилия вождя встраивается в грязный, «уличный» юмор. Отдельная линия языковой игры связана с пародийным «женским» пониманием фамилии Ленин. Уже сатирическая журналистика 1917 года фиксировала комический каламбурный эффект, возникающий при восприятии фамилии как притяжательного прилагательного, образованного от женского имени Лена. Этот каламбурный эффект обыгрывается писателем и в рассказе «Конопатчиков»: существительное *Ленин* с целью создания иронической экспрессии подвергается контекстуальной адъективации: переходит в притяжательное прилагательное. Добычин создает тонкую языковую игру на грамматическом уровне, связывая принадлежность субъекта (Ленин) женщине Лене с хреном как аналогом (эвфемистичным синонимическим наименованием) мужского полового органа: «— *Никишка, — говорила Полушальчиха и плакала над хреном, — нарисовал картину "Ленин": это — загляденье*») [Добычин, 1999, с. 77]. Это характерный для Л. Добычина прием градационного иронического снижения имени вождя.

Параллельно в текст вводится мотив «цемента»: Капитанников при жизни «заливал цементом» пол в погребу, о чем с ритуальными причитаниями вспоминает вдова [Добычин, 1999, с. 74]. В контексте романа Ф. Гладкова «Цемент» (1925), где цемент связывается с пафосом восстановления страны после гражданской войны, эта деталь приобретает дополнительный смысл: «цемент» ленинского дела оказывается в рассказе не фундаментом нового мира, а стяжкой в подвале. Не случайно сам Добычин сравнивает портрет Гладкова с «тов. Крупской в детстве» [Добычин, 1999, с. 273], стилистически стягивая в одно поле автора «Цемент» и ленинскую «вдову». Таким образом, через сеть языковых и культурных перекличек Добычин показывает, что союз России и Ленина уже необратимо «разцементирован»: вместо сакрального брака остаётся вдовство, вместо живого «дела» — обрядовая скорбь и быстрая смена объекта привязанности. Добычин производит художественную деконструкцию ленинского

культы. Именование вождя встраивается в сеть каламбуров, аллюзий, анаграмм и бытовых реплик и, оказавшись в этом дискурсе, утрачивает статус непоколебимой, вечной святыни.

Рассказ «Матерьял» (1930) выступает как эпилог добычинского текста о ленинском имени, оппозиционного советскому лозунгу и мифу о бессмертии Ленина. Имя Ленина как имя смерти в противовес лозунгу: *Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить* (вечность существования вождя революции в триединстве времен) — устойчивый мотив нарративов Добычина. В письме от 4 июня 1930 года к И. И. Слонимской прозаик использует ироничное выражение по отношению к Ленину («Клянусь прахом тов. Ленина, что больше не буду докучать Вам своими притязаниями и домогательствами» [Добычин, 1999, с.306]); в письме к К. И. Чуковскому о 21 января 1926 года: «Сегодня день скорби, и базар утыкан флагами, как карта театра войны, какими обладали иные семейства» [Добычин, 1999, с. 258]. Мотив «Ленин и специалисты», развитый в «Конопатчиковой», в «Матерьяле» реализуется в ещё более ироническом ракурсе. Если в первом рассказе инженер Адольф Адольфович читает доклад, то во втором звучит пародирующая образ вождя всех угнетенных песенка (*«Сидоровы, стоя на пороге, оба длинные, махали вслед своим гостям. Белеясь в темноте, они отмахивались. Раз Смирнов вернулся. — Да, — сказал он, — вы слышали новые куплеты “Ленин любит деток?” — оглянулся и запел вполголоса. Приблизясь, Годулевиц кашлянула. Стало тихо, дверь захлопнулась, и гости разошлись»* [Добычин, 1999, с. 105]). По нашей гипотезе, куплеты «Ленин любит деток» — это переработанная песенка «Христос любит деток» — древний детский апофеоз Творцу. Очевидно, переделка первоисточника основана на незатейливом и незамысловатом замещении имени Иисуса псевдонимом Ленин: *«Иисус любит деток. Аллилуйя (4 раза) / Иисус исцеляет. Аллилуйя (4 раза) / Умер на кресте Он. Аллилуйя (4 раза) / Аллилуйя (4 раза) / Он воскрес из мертвых. Аллилуйя (4 раза) / Скоро Он придет к нам. Аллилуйя (4 раза)»*. Замена имён, порождающая комический эффект, — негативная рефлексия писателя на пропагандируемые властью лозунги о бессмертии Ленина и его свершениях. Призывы советской государственной системы, создающие сакральный культ вождя революции, в куплетах, спетых инженером Смирновым, шаржируются и, реализуясь через прием буффонады, воплощают окарикатуренный образ главного защитника всех униженных и обездоленных.

В эпистолярной к М. Л. Слонимскому 1926 года Добычин в рамках единого песенного текста соединяет религиозное и революционное (*«Один раз вечером я обогнал пять евангелисток и трех евангелистов. Они пели благочестивый интернационал: “Никто не даст нам избавленье, / Ни меч,*

ни царь и не герой, / Дарует нам освобождение / Один Спаситель наш Святой!» [Добычин, 1999, с. 280]. Для писателя в этой сценке отразилась эклектичность эпохи, когда тенденции к новаторскому, передовому слову достижений прошлого принимали шаржированные, гротескные формы, непроизвольно пародируя новую реальность. Подобный художественный опыт воссоздания имени вождя революции смоделирован Добычиным и в рассказе «Матерьял», где синтезирована творческая практика словесной работы с именованиями вождя. Антропоним Ленин отразится в анаграммном прочтении фамилии главной героини (Годулевич) нарратива «Матерьял»: *Год* — *у* (Ульянов) — *ле* (Ленин) — *вич* (Владимир Ильич). Значение трех первых букв фамилии *Годулевич* становится понятно при сопоставлении с немецким словом *God* (бог). В контексте сказанного комическую окраску образу Ленина придает и ее профессия — библиотекарь, просветитель, общественница, активистка.

4. Заключение = Conclusions

Антропоним *Ленин* стал одним из самых узнаваемых и нагруженных знаков-символов в русской и советской культуре XX века. Он существовал не только как обозначение исторической фигуры, но и как семиотический феномен, частота употребления которого в речевой и текстовой практике превратила его в элемент особого ритуального языка. Одним из наиболее тонких и многослойных откликов на именование вождя стала проза Леонида Ивановича Добычина. Его рассказы, где главными атрибутами идиостилия является минимальное количество слов в предложении, скрытая ирония и аллюзивность, превращают имя *Ленин* в особую языковую формулу эпохи, через которую раскрывается отчуждение между словом и смыслом. Имя превращается в текстовую константу, в самоорганизующуюся структуру, формирующую семантику повествования.

Через ритуальное, повседневное повторение имени *Ленин* автор демонстрирует, как язык эпохи теряет связь с реальностью, а сакральное замыкается в официальном дискурсе. Вместо героического революционного именовании вождя проявляется «шум речи» — автоматическое тиражирование ленинского мифа. Добычин встраивает именование вождя в сеть каламбуров, аллюзий, анаграмм и бытовых реплик, и, оказавшись в этом дискурсе, слово-знак революции утрачивает сакральный статус.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1969. — 608 с.
2. *Бедный Д.* Собрание сочинений : в 5-ти т. / Д. Бедный. — Москва : Художественная литература, 1954.
3. *Блок А. А.* Собрание сочинений : в 8 т. / А. А. Блок. — Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1960—1963.
4. *Гете И. В.* Собрание сочинений : в 10-ти томах / И. В. Гете. — Москва : Художественная литература, 1975—1980.
5. *Гладков Ф.* Собрание сочинений : в 8-ми т. / Ф. Гладков. — Москва : Художественная литература, 1959.
6. *Добычин Л. И.* Полное собрание сочинений и писем / Л. И. Добычин. — Санкт-Петербург : Звезда, 1999. — 544 с. — ISBN 978-5-7439-0176-0.
7. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. А. Есенин. — Москва : Наука-Голос, 1995—2000. — ISBN 5-02-011245-3.
8. *MAC-2* — *Словарь* русского языка : в 4-х т. — Москва : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1. А-Й. — 702 с. — ISBN 5-87548-044-0.
9. *Маяковский В.* Собрание сочинений : в 13-ти т. / В. Маяковский. — Москва : Художественная литература, 1955—1961.
10. *Пастернак Б. Л.* Полное собрание сочинений : в 11-ти т. / Б. Л. Пастернак. — Москва : СЛОВО/SLOVO, 2003—2005. — ISBN 5-85050-680-2.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Эстетический и неэстетический аспекты комизма / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. — Москва : Индрик, 2007. — С. 5—17. — ISBN 5-85759-403-0.
2. *Вайскопф М.* Красный чудотворец: Ленин в еврейской и христианской традициях / М. Вайскопф // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции : сборник статей. Сэфер. Академическая серия. — 2001. — Выпуск 7. — С. 336—366.
3. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя / М. Вайскопф. — Москва : Радикс, 1993. — 592 с. — ISBN 5-86463-004-7.
4. *Ермакова О. П.* Ирония и проблемы лексической семантики / О. П. Ермакова // Известия АН. Сер. лит. и яз. — 2002. — Т. 61. — № 4. — С. 30—36.
5. *Зализняк А. А.* Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 672 с. — ISBN 5-9551-0114-4.
6. *Иваненко Т. И.* Лингвокогнитивный анализ иронии в авторском диалогическом дискурсе романа «Ярмарка тщеславия» У. М. Теккерея : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Т. И. Иванченко. — Москва, 2011. — 28 с.
7. *Ильинская Н. И.* Концепт «Русский Христос» в стихотворении А. Блока «Вот Он — Христос — в цепях и розах...» / Н. И. Ильинская // LIBRIMAGISTRI. — 2015. — № 1. — С. 60—68.
8. *Козинцев А. Г.* Юмор : до и после иронии / А. Г. Козинцев // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Индрик, 2007. — С. 238—253. — ISBN 5-85759-403-0.
9. *Майсурия А.* Другой Ленин / А. Майсурия. — Москва : Вагриус, 2006. — 480 с. — ISBN 5-9697-0292-7.

10. Николина Н. А. К вопросу о речевых средствах иронической экспрессии и ее функциях в художественной речи / Н. А. Николина // Русский язык в школе. — 1979. — № 5. — С. 79—85.
11. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / С. И. Походня. — Киев : Наукова думка, 1989. — 126 с.
12. Сковрцов А. Э. Литературная и языковая игра в русской поэзии 1970—1990 годов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Э. Сковрцов. — Казань, 2000. — 188 с.
13. Чернявская Н. А. Прагматический потенциал иронии как инструмента воздействия в современной коммуникации / Н. А. Чернявская // Верхневолжский филологический вестник. — 2025. — № 2 (41). — С. 105—113.
14. Шалаева Н. В. Механизм формирования образа власти в советской культуре 1920-х годов (к вопросу о культе В. И. Ленина) / Н. В. Шалаева // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2009. — № 5. — С. 196—200.
15. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. — Воронеж, 2014. — 399 с.
16. Шкицкая И. Ю. Феномен иронии и ее функции в манипулятивном дискурсе / И. Ю. Шкицкая // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 440. — С. 45—52. — DOI: 10.17223/15617793/440/6.
17. Яковенко Т. И. Ирония как имплицитное содержание онимических единиц / Т. И. Яковенко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2011. — № 3. — С. 85—91.

Статья поступила в редакцию 09.12.2025,
одобрена после рецензирования 15.04.2026,
подготовлена к публикации 08.05.2026.

Material resources

- Akhmanova, O. S. (1969). *Dictionary of linguistic terms. 2nd ed., stereotype*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 608 p. (In Russ.).
- Bedny, D. (1954). *Collected works: in 5 volumes*. Moscow: Fiction. (In Russ.).
- Blok, A. A. (1960—1963). *Collected works: in 8 volumes*. Moscow; Leningrad: Fiction. (In Russ.).
- Dobychin, L. I. (1999). *Complete works and letters*. Saint Petersburg: Zvezda. 544 p. ISBN 978-5-7439-0176-0. (In Russ.).
- Gladkov, F. (1959). *Collected works: in 8 volumes*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Goethe, I. V. (1975—1980). *Collected works: in 10 volumes*. Moscow: Fiction. (In Russ.).
- MAS-2 — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 1*. (1999). Moscow: Rus. yaz.; Polygrafresursy. 702 p. ISBN 5-87548-044-0. (In Russ.).
- Mayakovsky, V. (1955—1961). *Collection works: in 13 volumes*. Moscow: Fiction. (In Russ.).
- Pasternak, B. L. (2003—2005). *The Complete works: in 11 volumes*. Moscow: SLOVO/SLOVO. ISBN 5-85050-680-2. (In Russ.).
- Yesenin, S. A. (1995—2000). *Complete works: in 7 volumes*. Moscow: Nauka-Golos. ISBN 5-02-011245-3. (In Russ.).

References

- Arutyunova, N. D. (2007). Aesthetic and non-aesthetic aspects of comedy. In: *Logical analysis of language. Linguistic mechanisms of comedy*. Moscow: Indrik. 5—17. ISBN 5-85759-403-0. (In Russ.).
- Chernyavskaya, N. A. (2025). The pragmatic potential of irony as an instrument of influence in modern communication. *Upper Volga Philological Bulletin*, 2 (41): 105—113. (In Russ.).
- Ermakova, O. P. (2002). Irony and problems of lexical semantics. *Izvestia AN. Ser. lit. and yaz*, 61 (4): 30—36. (In Russ.).
- Ilyinskaya, N. I. (2015). The concept of “Russian Christ” in A. Blok’s poem “Here He is — Christ — in chains and roses...”. *LIBRIMAGISTRI*, 1: 60—68. (In Russ.).
- Ivanenko, T. I. (2011). *Linguocognitive analysis of irony in the author’s dialogical discourse of the novel “Vanity Fair” by W. M. Thackeray*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 28 p. (In Russ.).
- Kozintsev, A. G. (2007). Humor: before and after irony. In: *Logical analysis of language. Linguistic mechanisms of comedy*. Moscow: Indrik. 238—253. ISBN 5-85759-403-0. (In Russ.).
- Maysuryan, A. (2006). *The Other Lenin*. Moscow: Vagrius. 480 p. ISBN 5-9697-0292-7. (In Russ.).
- Nikolina, N. A. (1979). On the question of the speech means of ironic expression and its functions in artistic speech. *Russian language at school*, 5: 79—85. (In Russ.).
- Pokhodnya, S. I. (1989). *Linguistic types and means of realizing irony*. Kiev: Naukova dumka. 126 p. (In Russ.).
- Shalaeva, N. V. (2009). The mechanism of formation of the image of power in the Soviet culture of the 1920s (on the question of the cult of V. I. Lenin). *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 5: 196—200. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M. (2014). *Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects*. Doct. Diss. Voronezh. 399 p. (In Russ.).
- Shkitskaya, I. Y. (2019). The phenomenon of irony and its functions in manipulative discourse. *Bulletin of Tomsk State University*, 440: 45—52. DOI: 10.17223/15617793/440/6. (In Russ.).
- Skvortsov, A. E. (2000). *Literary and linguistic play in Russian poetry in the years 1970—1990*. PhD Diss. Kazan. 188 p. (In Russ.).
- Weiskopf, M. (1993). *Gogol’s plot*. Moscow: Radix. 592 p. ISBN 5-86463-004-7. (In Russ.).
- Weiskopf, M. (2001). The Red Wonderworker: Lenin in the Jewish and Christian traditions. *The concept of a miracle in the Slavic and Jewish cultural tradition: a collection of articles. Sefer. Academic series*, 7: 336—366. (In Russ.).
- Yakovenko, T. I. (2011). Irony as an implicit content of onymic units. *Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences*, 3: 85—91. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2006). *Ambiguity in language and ways of its representation*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 672 p. ISBN 5-9551-0114-4. (In Russ.).

*The article was submitted 09.12.2025;
approved after reviewing 15.04.2026;
accepted for publication 08.05.2026.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Айсен Данилович Васильев, канд. истор. наук (Якутск)
Алевтина Михайловна Сафронова, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Александр Геннадьевич Нестеров, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Андрей Александрович Нарышкин, д-р полит. наук (Москва)
Ахмет Челик, доцент (Элязыг, Турция)
Баходир Манглибой угли Сатимов, канд. истор. наук (Ургенч, Узбекистан)
Дмитрий Владимирович Буяров, канд. филос. наук (Благовещенск)
Екатерина Олеговна Науменкова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Кадер Алтын, PhD (Эрзинджан, Турция)
Ни Мэн, аспирант (Екатеринбург)
Ольга Анатольевна Полянина, канд. истор. наук (Уфа)
Ольга Николаевна Науменко, д-р истор. наук (Ургенч, Самарканд, Узбекистан)
Рустэм Асхатович Хазиев, д-р истор. наук (Уфа)
Умрбек Бахтиёрович Махмудов, канд. истор. наук (Ургенч, Узбекистан)
Харун Бингёль, магистрант (Элязыг, Турция)
Элиф Кёмюрджю, PhD (Эрзинджан, Турция)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Алтын К. Положение женщин в государственном управлении Ак-Коюнлу в XV веке (Сарай-хатун и Деспина-хатун) / К. Алтын, Э. Кёмюрджю // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 390—408. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-390-408.

Altyn, K., Kemurju, E. (2026). Status of Women in State Administration of Aq Qoyunlu in 15th Century: Saray-Khatun and Despina-Khatun. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 390-408. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-390-408. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Положение женщин в государственном управлении Ак-Коюнлу в XV веке (Сарай-хатун и Деспина-хатун)

Алтын Кадер

orcid.org/0000-0002-4874-0652

PhD, доцент,

исторический факультет,

корреспондирующий автор

kpolat@erzincan.edu.tr

Кёмюрджю Элиф

orcid.org/0000-0003-0674-1769

PhD, научный сотрудник,

исторический факультет

elifkmrcu@gmail.com

Эрзинджанский университет
имени Бинали Йылдырма
(Эрзинджан, Турция)

Status of Women in State Administration of Aq Qoyunlu in 15th Century: Saray-Khatun and Despina-Khatun

Kader Altyn

orcid.org/0000-0002-4874-0652

PhD, Associate Professor,

Faculty of History,

corresponding author

kpolat@erzincan.edu.tr

Elif Kemurju

orcid.org/0000-0003-0674-1769

PhD, Researcher,

Faculty of History

elifkmrcu@gmail.com

Erzincan University
named after Binali Yildrym
(Erzincan, Turkey)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ политического влияния женщин на историю государства Ак-Коюнлу. Рассматриваются вопросы участия хатун — супруг и матерей правителей — во внутренней и внешней политике, а также их роли в дипломатических и династических процессах. Источниками выступили письменные памятники эпохи, а также научные публикации по истории тюркских народов. Вводятся в научный оборот данные о дипломатической активности Сарай-хатун и Деспины-хатун, а также их влиянии на баланс сил в государстве. Уделяется внимание особенностям положения женщин при дворе Ак-Коюнлу и их участию в принятии стратегических решений. Поднимается вопрос о значении династических браков для укрепления власти и внешней политики государства. Сообщается, что Сарай-хатун сыграла ключевую роль в урегулировании конфликтов между сыновьями и в дипломатических переговорах с соседними державами. Показано, что Деспина-хатун (Кирия Катерина), будучи христианкой, сумела занять влиятельное положение при мусульманском дворе и активно участвовала в международной переписке. Доказано, что оба брака — как Сарай-хатун, так и Деспины-хатун — имели стратегическое значение для Ак-Коюнлу. Установлено, что женщины не только поддерживали внутреннюю стабильность, но и способствовали формированию новых политических союзов. Сделан вывод о том, что хатун Ак-Коюнлу были не просто супругами правителей, а самостоятельными и значимыми политическими фигурами, оказавшими существенное влияние на историю государства.

Ключевые слова:

Ак-Коюнлу; хатун; Узун Хасан; Сарай-хатун; Деспина-хатун.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article offers an in-depth analysis of the political influence exercised by women on the history of the Aq Qoyunlu state. The study focuses on the participation of khatuns—wives and mothers of rulers — in both domestic and foreign policy, as well as their roles in diplomatic and dynastic affairs. The research is based on contemporary written sources and modern scholarship on the history of Turkic peoples. New data on the diplomatic activities of Saray-Khatun and Despina-Khatun are introduced into academic discourse, along with an assessment of their impact on the balance of power within the state. Special attention is given to the unique position of women at the Aq Qoyunlu court and their involvement in strategic decision-making processes. The article also explores the significance of dynastic marriages as instruments for consolidating authority and advancing foreign policy objectives. It is demonstrated that Saray-Khatun played a pivotal role in mediating conflicts among her sons and in conducting diplomatic negotiations with neighboring powers. Furthermore, Despina-Khatun (Kirya Katerina), despite her Christian background, managed to secure a prominent position at a Muslim court and actively participated in international correspondence. The study establishes that both marriages — those of Saray-Khatun and Despina-Khatun — were of strategic importance to the Aq Qoyunlu. It is concluded that these women not only supported internal stability but also contributed to the formation of new political alliances. Ultimately, the article argues that the khatuns of the Aq Qoyunlu were not merely consorts of rulers but independent and influential political actors who left a lasting imprint on the history of their state.

Key words:

Aq Qoyunlu; khatun, Uzun Hasan; Sarai-khatun; Despina-khatun.

УДК 94(55)“14”+94(564.3).01+94(479.24)“14”+94(479.25)“14”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-390-408

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Положение женщин в государственном управлении Ак-Коюнлу в XV веке (Сарай-хатун и Деспина-хатун)

© Алтын К., Кёмюрджю Э., 2026

1. Введение = Introduction

Актуальность исследовательской проблемы данной работы заключается в том, что роль женщин в государственном управлении и дипломатии Ак-Коюнлу до настоящего времени в историографии остаётся недостаточно освещённой. В традиционных исторических нарративах женщины преимущественно рассматривались в рамках дворцовой жизни, семейных ролей или благотворительной деятельности, тогда как их политическая и дипломатическая субъектность оставалась на заднем плане. Однако примеры Сарай-хатун и Деспины-хатун убедительно свидетельствуют о том, что женщины в государстве Ак-Коюнлу являлись не только представительницами правящей династии, но и самостоятельными политическими акторами, осуществляющими посредническую деятельность в международных отношениях. В связи с этим целью данного исследования является анализ их участия в переговорных процессах, дипломатических миссиях, формировании международных альянсов и поддержании внутривнутриполитической стабильности.

Обзор имеющихся исследований показывает, что история Ак-Коюнлу не является достаточно исследованной темой. Она рассматривалась преимущественно в контексте взаимоотношений с Трапезундской империей, с Османской империей, конкуренции с Кара-Коюнлу и династических распрей. Отдельные аспекты рассматриваемой темы затрагивались академиком С. П. Карповым в его статьях и в капитальном труде «История Трапезундской империи» (1984, второе издание 2007; книга переведена на греческий и турецкий языки) [Карпов, 2007], а также в книге Ш. М. Мустафаева «Восточная Анатолия: от Ак-Коюнлу к Османской империи» [Мустафаев, 1994] и в диссертациях Б. Ш. Шабиева [Шабиев, 1995] и Я. М. Махмудова [Махмудов, 1989].

При этом политическому влиянию женщин уделялось недостаточно внимания. Несмотря на наличие отдельных работ, посвящённых Сарай-хатун, положение Деспины-хатун при дворе Ак-Коюнлу, с учётом её христи-

анской идентичности, а также её роль в формировании союзов с европейскими державами до сих пор не получили исчерпывающего анализа. Необходимо отметить, что роль Деспины-хатун затрагивалась в публикациях Р. Ф. Али [Али, 2009], Д. Коробейникова [Korobeynikov, 2022], А. Араяджана [Araýacan, 2011], Й. Башкана [Başkan, 2016] и в классических исследованиях известного византиниста Шарля Дилля [Diehl, 1913].

Новизна настоящей статьи заключается в сравнительном рассмотрении деятельности Сарай-хатун и Деспины-хатун, что позволяет установить, как женщины с разным происхождением и положением в обществе оказывали существенное влияние на политическую сферу государства Ак-Коюнлу.

В частности, в исследовании акцентируется внимание на дипломатических инициативах и строительной деятельности Сарай-хатун, а также на стратегической роли Деспины-хатун в установлении союзов с Венецией и другими европейскими государствами. Тем самым показывается, что династические браки являлись не только символическими актами политического союза, но и инструментом прямого участия женщин в дипломатии и политике. В этом отношении работа вносит современный и оригинальный вклад в турецкую историографию как с точки зрения гендерного анализа, так и с позиции истории международных отношений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли женщин в политической истории периода расцвета Османской империи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данное исследование было проведено на основе комплексного анализа исторических источников, биографического метода и сравнительно-исторического подхода. В качестве первичных источников были использованы хроники Ак-Коюнлу и Османской империи, византийские свидетельства и записки путешественников, а также современная научная литература. Интерпретация ролей Сарай-хатун и Деспины-хатун осуществлялась в рамках гендерной истории. Такой подход позволил выявить, что женщины являлись не просто инструментом династических браков, но и независимыми политическими и дипломатическими деятелями.

Источниковую базу работы составляют османские хроники, труды историков эпохи Ак-Коюнлу и византийско-греческие источники. Они дают прямые сведения о политической роли хатун, брачной дипломатии и внутридворцовых отношениях. Основное место среди источников заняли сочинения Иоанна Дуки [Dukas, 1956], Джованни Мариа Ангиолелло [Angioloello, 2012], а также сочинения Абу Бакра Тихрани [Ebu Bekr-i Tîhranî, 2014], Мухийи-и Гюльшена [Gülşen-i Muhyî-yî, 2014], Хаджи Садеддина Эфенди [Sadettin, 1979], Ибн Кемаля [İbn-i Kemal, 1991].

Для обеспечения всестороннего анализа в работе привлекаются не только хроники Ак-Коюнлу, но и османские, византийские и кара-коюнлуйские тексты, что позволяет рассмотреть исторические события с разных перспектив и избежать предвзятости.

Работы последних лет показали, что фигуры вроде Сары Хатун выполняли функции посредников, дипломатов и даже играли ключевую роль в управлении государством. Настоящее исследование также опирается на этот подход, рассматривая хатун как самостоятельных политических субъектов. Ряд исследователей сопоставляют женские фигуры при дворах Ак-Коюнлу с их аналогами в османском, кара-коюнлуйском и тимуридском окружении. Данная статья использует эти сопоставления, что позволяет рассматривать деятельность хатун в широком контексте тюркско-исламской политической традиции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Политические браки в государстве Ак-Коюнлу

Под давлением Хулагуидов в XIII веке государство Ак-Коюнлу переместилось на территорию Южного Кавказа, где до XV века расширяло свои владения вплоть до Восточной Анатолии [Панченко, 2023, с. 71—72]. Поскольку племя ак-коюнлу было ответвлением племени Байындыра, относящегося к огузам, в иранских источниках их называли также «государством Байындырийе» [Sümer, 1989, с. 270; Uzunçarşılı, 2011, с. 188]. Правитель Ак-Коюнлу Узун Хасан (Нусрат ад-дин Абу Наср Хасан бек, 1453—1478) считается одним из наиболее талантливых правителей и полководцев Передней Азии XV века. Государство Ак-Коюнлу охватывало область Азербайджана (за исключением Ардебильского округа), восточные области Малой Азии, Арабский Ирак, а также значительную часть Иранского нагорья. В период правления Узун Хасана государство Ак-Коюнлу достигло значительного уровня политической мощи и влияния, и его правители приняли титул «падишах-и Иран» (повелитель Ирана), тем самым претендуя на наследие государства Хулагуидов [Erdem, 2007, s. 61; Сейидов, 2011, с. 181].

С целью прекратить усилившееся давление и набеги тюрок-огузов император Трапезунда Алексей III (1349—1390) выдал свою сестру деспину Марию замуж за сына Тур Али-бея Кутлу-бея. Таким образом, посредством установления родственных связей тюркские набеги удалось остановить вплоть до 1362—1363 годов. В «Китаб-и Диярбекрийе» об этом союзе говорится: «Тур Али-бей победил императора Алексия и, пленив его сестру Деспину, отдал её своему сыну в жёны» [Ebu Bekr-i Tihranî, 2014, s. 20]. В результате этого брака в 1353 году родился Кара Юлюк Осман-бей, ко-

торый в 1402—1435 годах возглавлял Ак-Коюнлу, проявив политические и военные способности и объединив разрозненные племена. Заключение династических браков и установление родственных связей не только облегчало правителям поиск союзников, но и способствовало реализации их политических целей. Браки, как один из инструментов политики, широко использовались, как это видно на примере брака Кутлу-бека с Марией, представительницей династии Великих Комнинов Трапезунда.

Известно, что у Осман-бея было два брака. Один из них был заключён в 1358 году с одной из дочерей трапезундского императора Алексея [Dukas, 1956, с. 75]. Другой его супругой была Сельджук-хатун. От брака с Сельджук-хатун у Осман-бея родилось десять сыновей — Баязид, Хамза, Касым, Якуп, Шейх Хасан, Хабил, Мехмед, Мурат, Ибрахим, Пир Али — и три дочери. Имена двух дочерей точно не установлены, тогда как третья дочь носила имя Рукие-султан [Miller, 2017, с. 36; Ebu Bekr-i Tihranî, 2014, с. 73].

Государство Ак-Коюнлу с помощью таких браков стремилось удерживать военную и политическую власть, устанавливая связи с соседними государствами и правителями областей. Так, например, сообщалось, что сын тимуридского правителя Шахруха Джуки Мирза желал жениться на дочери Кара Юлюка Осман-бея — Ханым, чтобы укрепить связи с Ак-Коюнлу. Кара Юлюк Осман-бей, будучи весьма доволен этим положением, выдал свою дочь замуж за шахзаде Джуки Мирзу, стремясь заручиться поддержкой Тимуридов [Woods, 2007, s. 127]. С другой стороны, правитель Ак-Коюнлу Али-бей женил своего сына Узун Хасан-бея на дочери правителя города Эгиль [Ağayasan, 2011, s. 291]. Эти браки правители Ак-Коюнлу заключали не только с целью укрепления отношений с другими государствами, но и для поддержания единства внутри династии. Так, старший брат Кара Юлюка Осман-бея — Пир Али-бей — после освобождения из плена Тимура вернулся в свои владения (дирлик) в Кигы. Вследствие этого Осман-бей женил своего сына Али-бея на дочери старшего брата Пир Али-бея — Сарай-хатун. После этого брака у Али-бея родилось восемь детей: Джихангир, Хусейн, Узун Хасан, Искандер, Ибрахим, Джаханшах, Увейс и Хатидже-Бегум [Erdem, 2019, s. 416].

3.2. Сарай-хатун: её влияние на внутреннюю и внешнюю политику

В ак-коюнлуysком дворце женщины играли значительную роль в политических процессах, управлении государством, дипломатии и заключении мира. Такие фигуры, как Сарай (Сара / Саре / Сарай Шах) хатун, Сельджук-хатун, Сельджук-шах-бегум, Деспина-хатун, своими решениями оказывали серьёзное влияние на изменяющийся баланс сил в управлении. В источниках Сарай-хатун упоминается как женщина решительная и обладающая весомым авторитетом [Sümer, 1990, с. 6].

Например, стремление Осман-бея установить контроль над Малатсией неоднократно приводило к столкновениям между государством Мамлюков и Ак-Коюнлу в 1249—1433 годах. В частности, в 1249 году захват Ак-Коюнлу Хапута заставил его эмира Сулейман-бея обратиться за помощью к мамлюкскому правительству, однако, несмотря на это, успеха достичь не удалось. Впоследствии жена Осман-бея, Сельджук-хатун, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие, выступила посредником и добилась заключения мира. Таким образом, управление регионом Хапута перешло к их сыну Али-бею [Sümer, 1990, s. 12—13].

Сарай-хатун, ведя дипломатические переговоры с правителями государств Мамлюков, Кара-Коюнлу и Османского государства, предпринимала важные шаги ради сохранения государственности. После смерти мужа, Али-бея, она оставалась влиятельной и активной участницей политического процесса. Особенно важную роль в дипломатической деятельности Сарай-хатун играла в период обострения конфликтов между Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу в 1452 году. В этот период Рустем-и Тархан вторгся в область Насыр с целью овладения Амида; Узун Хасан, объединившись с Джихангир-мирзой, прибыл в область Верхнего Тигра, чтобы преградить ему путь. Джихангир-мирза направил Сарай-хатун с младшим сыном к правителю Кара-Коюнлу Джаханшаху, однако тот потребовал прибытия самого Узун Хасана или Джихангир-мирзы. На это Сарай-хатун ответила: «Их прибытие невозможно; если я дам слово и будет иначе, окажусь лгуньей». Управитель Джаханшаха возразил: «Если сыновья не придут — вина на них». Она же сказала: «Эмир верующих Хусейн (мир ему) пал мученической смертью в пустыне Кербела. Не исключено, что и мои сыновья погибнут от рук угнетателей. У нас нет силы отменить предначертанное. Ведь предопределение Аллаха нельзя предотвратить: Он совершает то, что пожелает, и распоряжается по своей воле». Войдя в ставку Рустем-и Тархана, она, преуменьшая силу его войска, уведомила Джихангир-мирзу и Сахиб-и-кирана о близкой победе; получив весть, Джихангир-мирза не позволил посланнице явиться к Сахиб-и-кирану. Сарай-хатун возвратилась в резиденцию владыки без даров, обычно сопровождавших подобные миссии. Впоследствии Рустем-и Тархан собрал войско и осадил Амид, а затем Мардинскую крепость; Узун Хасан, узнав об этом, выступил с армией, и в последовавшем сражении войско Рустем-и Тархана потерпело поражение. Большая часть племён Ак-Коюнлу отвернулась от Джихангир-мирзы, вышла из Мардина и укрылась у Узун Хасана. В итоге Сарай-хатун стала посредницей в мирных переговорах между двумя братьями [Çakmak, 2005, s. 93].

Мы также видим деятельность Сарай-хатун, направленную на достижение примирения между её сыновьями в ходе борьбы Ак-Коюнлу и Кара-

Коюнлу. Узун Хасан потребовал от своей матери, Сарай-хатун, чтобы Джихангир отказался от престола Ак-Коюнлу и отправил своего сына Хамзу в заложники. Однако Джихангир не принял этих требований, и между ними возникло противостояние. В ходе этих сражений Узун Хасан сумел оттеснить войска Джихангира с территории до нижней части Акабе. После поражения Джихангир направил свою мать, Сарай-хатун, к брату с целью добиться примирения. В это время Узун Хасан вступил в борьбу с Кара-Коюнлу и осадил Мардин. Оказавшись в трудном положении, жители Мардина собрались и обратились к Джихангиру со словами: «Послушай своего брата и отдай ему сына в заложники; если Узун Хасан продолжит войну против нас, мы больше не сможем ему сопротивляться». После этого Сарай-хатун прилагала усилия для устранения разногласий между своими сыновьями. В результате достигнутого соглашения Мардин остался за Джихангиром, а Амид — за Узун Хасаном [Arayacan, 2011, s. 291; Erdem, 2007, s. 83; Ebu Bekt-i Tihranî, 2019, s. 248; Woods, 2007, s. 127].

Сарай-хатун также сыграла активную роль в дипломатических отношениях между османским султаном Мехмедом II и Узун Хасаном. Мехмед II предпринял ряд шагов с целью окончательного решения трапезундского вопроса и ликвидации Трапезундской империи. После этого внезапного шага султана Узун Хасан направил к нему свою мать Сарай-хатун и бея Чемишгезек Хасана в качестве послов. Благодаря усилиям Сарай-хатун, прибывшей к Мехмеду II с ценными дарами, между сторонами было достигнуто соглашение. После этого примирения султан «простил» Узун Хасана, однако заявил: «Раз Узун Хасан не прибыл на мою службу и лишился заслуги гази, тогда его мать и люди останутся при войске». Он выступил против Трапезунда. Этот город был взят 15 августа 1461 года [İnan, 2003, s. 57].

Целью Мехмеда II, удерживавшего Сарай-хатун при себе в качестве заложницы, было воспрепятствовать возможным враждебным действиям Узун Хасана. Позднее султан направил Узун Хасану письмо, в котором сообщал: «Поскольку Узун Хасан не прибыл на службу к престолу державы и не удостоился награды за участие в газавате и моих милостей, пусть хотя бы его мать и доверенные лица пребывают при счастливом престоле» [Kılıç, 2003, s. 100]. Этим письмом он уведомлял, что мать Узун Хасана и послы будут возвращены только после взятия Трапезунда [Arayacan, 2011, s. 297; Kılıç, 2003, s. 100].

Сарай-хатун была известна не только в Ак-Коюнлу, но и за ее пределы. Узун Хасан не ограничивался лишь тем, что советовался со своей матерью Сарай-хатун по вопросам дипломатических отношений с другими государствами, но также желал её участия в дипломатических переговорах.

В 1473 году одному из венецианских послов, отправленных к Узун Хасану, дож дал следующие указания: «Оказывай почтение матери правителя Узун Хасана Сарай-хатун, подари ей дары, встречай её согласно обычаям, принятым в Азербайджане, достойным её имени и положения, и призови её продолжать войну с Османской империей. Объясни с надлежащим уважением, насколько это важно для её сыновей, братьев и внуков». Эти слова показывают, что Сарай-хатун занимала весьма значимое место как во внутренней, так и во внешней политике [Araуacan, 2011, s. 298].

Благодаря энергичному вовлечению во внутреннюю и международную дипломатию государства Ак-Коюнлу, а также посредством политических решений, разработанных ею, Сарай-хатун смогла утвердиться в качестве значимой фигуры. Её вклад в политическую жизнь государства был обусловлен не только участием в переговорах и дипломатических миссиях, но и непосредственной разработкой стратегических шагов. Однако её роль этим не ограничивалась: Сарай-хатун способствовала оживлению социальных и культурных институтов государства, инициируя строительство таких объектов, как мечети и завии (суфийские школы). Так, во время пребывания в Харпите она уделяла особое внимание благоустройству региона. В частности, Сарай-хатун внесла значительный вклад в организацию религиозной жизни в данном районе, где по её распоряжению была возведена мечеть [Sümer, 1990, с. 210]. Эта мечеть, расположенная на южной стороне главной площади города — Бугдай Мейданы (площади Пшеницы), первоначально была построена как месджид (малая мечеть без минбара), а затем преобразована в большую мечеть. Сооружение, возведённое из дерева в 1465 году, подверглось ремонту в 1585 году [Karataş, 2020, s. 65]. Кроме того, надпись на здании завии в местности Кельтит, содержащая слова «Сарай-хатун Валиде-и Узун Хасан», свидетельствует о принадлежности этого объекта Саре Хатун [Araуacan, 2011, с. 297—298].

Али-бей и Сарай-хатун имели сына Хасана (обычно именуемого как Узун Хасан, то есть Большой / Длинный Хасан), о котором известно, что он состоял в пяти браках. Первой его супругой была Сельдук-шах-бегум, дочь Мехмед-бея Ак-Коюнлу. В источниках она упоминается под различными именами: Сельджук-шах-ханым, Сельджук-шах-хатун, Бигем, Бегум, Мехд-и Ула [Gülşen-i Muhyi-yi, 2014, s. 105—108; Ebu Bekr-i Tihranî, 2019, s. 348]. На протяжении всей жизни эта женщина пользовалась уважением и почётом. Сведения о времени и месте её рождения в источниках отсутствуют. Известно, что Сельджук-шах-бегум была дочерью дяди Узун Хасана, Мухаммеда, и что брак с ней был заключён, когда Хасан достиг пятнадцатилетнего возраста [Sümer, 1990, s. 261—266]. Узун Хасан питал к Сельджук-шах-бегум особые чувства и, поскольку она была его первой

женой, выделял её среди прочих супругов [Sadettin, 1979, с. 330]. От этого брака родились сыновья Юсуф, Якуб, Халил и Месих.

Бегум-хатун, занимавшая значительное и влиятельное положение в государственном управлении, после болезни Узун Хасана во время его похода в Грузию, с целью предотвратить вакуум власти на троне Ак-Коюнлу, вызвала своего сына Халил-бей из Шираза во дворец. Однако когда она попыталась управлять делами государства через своего сына, Халил-бей отправил её к своему брату Якуб-бей. В этой ситуации Сельджукшах Бегум приложила большие усилия для возведения Якуб-бей на престол. Таким образом, после восшествия Якуб-бей на престол в 1478 году влияние и авторитет хатун значительно возросли [Öztuna, 1991, с. 768; Woods, 1993, с. 543]. Кроме того, источники отмечают, что Сельджук-шах-бегум принимала активное участие в междоусобной борьбе между её сыновьями за престол и открыто занимала одну из сторон, вплоть до приготовления ядовитого напитка. В хрониках указывается, что хатун проявляла пристрастие к своим сыновьям, особенно выделяя Мирзу Юсуфа, которого она любила больше, чем Султана Якуба, и стремилась возвести на престол, вследствие чего имеются сведения о её причастности к отравлению Султана Якуба [Arayacan, 2011, s. 5; Sadettin, 1979, s. 330].

Сельджук-шах-бегум проявляла активную деятельность не только в политической, но и в социальной сфере: ею были построены завия, а также восстановлена Голубая мечеть Тебриза, на восстановление которой было израсходовано 1000 динаров. Кроме того, для удобства омовения она провела воду снаружи, однако о местоположении завии сведений не сохранилось.

Свой третий брак Узун Хасан-бей заключил в 1141/1142 году с дочерью Эгильского бей Девлетшаха Булдукани. Имя этой хатун точно неизвестно, но от этого брака у Узун Хасана родился сын по имени Угурлу Мехмед Мирза [Ebu Bekr-i Tihranî, 2019, s. 106].

Еще один династический брак Узун Хасан заключил с дочерью Омер-бей из рода Терджильских беев. Этот союз, носивший политический характер, был направлен на укрепление дружественных отношений с Терджильскими бейями. В рамках данного брака Омер-бей были переданы Тержил, Атак, Нушад и Михрани. От этого брака у Узун Хасана родился сын по имени Зейнел Мирза [Baykal, 1957, с. 264]. Другой династический брак правителя Ак-Коюнлу Узун Хасана был заключён с Феодорой Комниной. После того как Трапезундская империя была обложена данью со стороны Османского государства, император Трапезунда Иоанн IV Великий Комнин (1429—1460) обратился за помощью к Ак-Коюнлу. Узун Хасан согласился оказать помощь при условии заключения брака с дочерью трапезундского императора — Феодорой Комниной, а также передачи ему ряда террито-

рий. От этого брака около 1469 года родился сын по имени Месих Мирза [Babinger, 2022, с. 171].

3.3. Деспина-хатун: её влияние во внутренней и внешней политике

Как уже отмечалось, одним из браков Узун Хасана был союз с принцессой Трапезундской империи, дочерью императора Иоанна IV Комнина, получившей известность в Ак-Коюнлу под именем Деспина-хатун [Рамазанипачи, 2015, с. 16]. В источниках её имя упоминается в различных формах: Феодора, Екатерина, Деспина, Кира Катерина, Мария Катерина Комнина, Мария Катерина [Özcan, 2010, s. 375], хотя собственно в грекоязычных текстах по имени она никогда не упоминается (только как «дочь императора Трапезунда»), и Шарль Диль обоснованно утверждал, что реальное её имя было Феодора Великая Комнина (Θεοδώρα Μεγάλη Κομνηνή) [Diehl, 1913, p. 88—89]. Заключение данного брака последовало после того, как Узун Хасан, одержав победу над Кара-Коюнлу и их правителем Джаханшахом и установив контроль над Эрзинджаном, укрепил свою власть в государстве Ак-Коюнлу. В источниках этот союз описывается следующим образом: «Деспина, христианская принцесса, вступившая в брак с Узун Хасаном, была дочерью христианского императора Трапезунда — Иоанна IV Великого Комнина. Именно поэтому, когда шахи Сефевидов заявляли о своей дружбе с европейскими христианскими монархами, подобные утверждения не были лишены оснований, поскольку кровь одной из наследниц византийской династии Константинополя, согласно источникам, действительно текла в жилах значительной части этой династии» [Muhy-i Gülşeni, 2014, s. 86].

В 1458—1478 годах, поскольку ни венецианцы, ни трапезундский ромейский император не располагали достаточными военными или политическими ресурсами для противостояния Османскому государству, обе стороны вступили в соперничество за установление союза с государством Ак-Коюнлу. В этом контексте трапезундский император Иоанн IV Комнин, опираясь на крестоносный союз, возникший как следствие захвата Константинополя османами в 1453 году и сформированный в период понтификата папы Пия II (1458—1464), принял решение о создании единого фронта с Грузией против Османского государства. Вслед за этим Иоанн IV выдал свою дочь Феодору замуж за Узун Хасана, тем самым оформив союз между двумя династиями. Таким образом, трапезундский император фактически возложил оборону своих владений на Ак-Коюнлу [Babinger, 1953, s. 41—82].

В результате брака, заключённого в 1458 году, у Узун Хасана и этой супруги родился сын по имени Максуд (1458), а также три дочери — Алемшах Марта (1460), Алиэль и Эзиэль [Angiolello, 2012, s. 31—32; Рамазанипачи, 2016, с. 34; Woods, 1993, s. 165] Дочь Алемшах Марта

впоследствии была выдана замуж за Шейха Хайдара [Muhy-i Gülşeni, 2014, s. 34], тогда как две другие дочери до смерти матери продолжали проживать в Харпите [Angiolello, 2012, с. 172]. Сын Максуд же после кончины Узун Хасана был отравлен и убит султаном Халилом, взошедшим на престол в 1478 году. Деспина-хатун некоторое время после замужества проживала в Амиде, а позднее — в Тебризе и Дамаске [Tellioglu, 2009, с. 132]. Этот брак, имевший ярко выраженные политические цели, сопровождался требованием со стороны Деспины-хатун передать ей в качестве приданого области Каппадокии. Кроме того, император настаивал на возвращении части земель, ранее завоёванных Ак-Коюнлу, и на сохранении свободы вероисповедания своей дочери Деспины-хатун [Baykal, 1957, s. 73]. В то же время, в соответствии с византийскими брачными обычаями, предполагающими выплату приданого жениху (т. н. «драхома»), Узун Хасану были переданы некоторые земли в сёлах Сесера и Халаник, расположенных в районах Мачка и Сюрмена [Akgündüz, 1992, s. 131—133].

После заключения брака брат императора Иоанна IV Комнина — Давид Комнин — направил к Узун Хасану посольство с просьбой вступить в переговоры с османским падишахом Мехмедом II Фатихом с целью отмены дани, выплачиваемой Османскому государству. В ответ на это в 1459 году Узун Хасан отправил в Константинополь делегацию с требованием прекратить взимание дани с Давида [Korobeynikov, 2022]. Таким образом, в том же году Узун Хасан направил своего племянника Мурад-бея ко двору султана Мехмеда II с просьбой об освобождении Трапезундской империи от ежегодной дани. Кроме того, он потребовал возврата даров — чалмы, молитвенного коврика и конской упряжи, — которые ранее обещал Кара-Юлюку Осман-бею в обмен на нападение на земли османов [Baykal, 1957, с. 74]. Однако султан Мехмед решительно отверг эти требования, ответив: «Ступайте спокойно, в будущем году я сам приду и рассчитаюсь по долгу» [Turan, 1965, с. 68; Yücel, 1985, с. 298].

В период 1463—1464 годов взаимодействие между Ак-Коюнлу и Венецианской республикой претерпело существенную трансформацию, ознаменовав начало нового этапа в их дипломатической истории. Направление венецианских дипломатических миссий к Хасан-бею было обусловлено стремлением предотвратить дальнейшую экспансию Османской империи. Под давлением венецианских, русских, венгерских и польских послов, а также под воздействием подстрекательств Деспины-хатун усилилось стремление Хасан-бея к войне против Османской державы [Tursun Bey, 1973, с. 140—141]. Венецианцы направили ко двору Ак-Коюнлу в качестве посла Катерино Дзено, женатого на племяннице императора Иоанна IV Вилланте Криспо (сестра Иоанна IV была замужем за Никколо Криспо, братом

герцога Архипелага Гульельмо II Криспо). Его кандидатура объяснялась как глубоким знанием Востока, так и родством с Деспиной-хатун, благодаря чему через семейные связи предполагалось установить дружеские отношения [Babinger, 2022, s. 266]. Прибыв в Тебриз, Катерино Дзено был благосклонно принят Узун Хасаном и своей тётёй Деспиной-хатун, удостоен наилучшего приёма. Благодаря родственным связям с Деспиной-хатун он имел возможность в любое время беспрепятственно являться к Узун Хасану. В ходе переговоров с Деспиной-хатун Катерино Дзено просил её убедить мужа выступить против турок. В результате настойчивых уговоров Деспина-хатун склонила Хасан-бея к вооружённой борьбе с Османами [Erdem, 2007, s. 418]. Хатун собственноручно написала письмо грузинскому царю, управляющему Горгорой, с призывом начать войну против Османской державы. В период подготовки к военной кампании, когда Узун Хасан собирал войско, он поспешно отправил в Венецию сопровождавшего Катерино монаха с письмами. Однако, несмотря на заверения Катерино Дзено о готовности венецианцев к войне против Османов и об облегчении положения Ак-Коюнлу, ожидаемое наступление так и не состоялось, что подорвало доверие Узун Хасана к Катерино Дзено.

Узун Хасан, рассчитывая на военную помощь со стороны Венеции, в 1473 году начал Отлугбелинскую войну. В первых столкновениях войско Ак-Коюнлу проявило превосходство и вынудило османскую армию к отступлению. 11 августа 1473 года, в среду, османские войска, стремясь измотать ак-коюнлуские подразделения, расположили свой лагерь в окрестностях Терджана. Однако в сражении, произошедшем в местности Отлугбели, армия Ак-Коюнлу, не выдержав ударов огнестрельного оружия османов, потерпела поражение и была рассеяна, а Хасан-бей оставил поле боя [Afyoncu, 1988, s. 4—6; Erdem, 1993, с. 151—159].

Со смертью Узун Хасана между его сыновьями разгорелась борьба за престол, что привело к ослаблению центральной власти [Рамазанипачи, 2016, с. 21]. Из числа сыновей Хасан-бея на трон Ак-Коюнлу взойшли султан Халил, а позднее султан Якуб. В этот период жёны и дети Хасан-бея фактически развернули борьбу против Деспины-хатун. Одновременно вмешательство самой Деспины-хатун, её властолюбие и интриги свидетельствуют о её стремлении восполнить возникший во дворце Ак-Коюнлу вакуум власти [Erdem, 2007, s. 419].

Обращает на себя внимание борьба Сельджук-шах-бегум после смерти Узун Хасана с его жёнами и пасынками. Максуд-мирза был задушен своими братьями. Старшая дочь Марта ещё при жизни Узун Хасана была выдана замуж за правителя Ардебилля — Шейх Хайдара, предка династии Сефевидов. В этом браке у них родились три дочери и три сына. Дочери Алиэль

и Эзиэль проживали вместе с матерью, пользуясь её имущественным положением. После смерти матери они обосновались в Амиде. Однако, узнав о смерти отца и убийстве брата, они забрали ценности и бежали сначала в Алеппо, а затем в Дамаск. Источники сообщают: «Муж повелел выделить для неё значительные доходы и сделал Харпут, находившийся на границе с областью Амиды, её резиденцией». Эта хатун долгое время правила здесь и вместе с двумя дочерьми жила по христианским обычаям. После смерти она была погребена в городе Амиде, в церкви св. Георгия. Даже сегодня её могила сохранилась на этом месте [Angiolello, 2012, s. 31—32].

Деспина-хатун являлась одной из наиболее религиозных женщин своего времени и сохраняла приверженность христианской вере. Она совершала своё богослужение по обрядам греческой церкви. Несмотря на принадлежность к иной религиозной традиции, Узун Хасан относился с уважением к верованиям своей супруги и не принуждал её к изменению веры [Gündüz, 1992, с. 24]. Согласно сведениям источников, согласие между супругами, исповедовавшими разные религии, описывается следующим образом: «Хотя её муж принадлежал к другой религии и враждебно относился к её вере, он никогда не говорил ей ни слова по этому поводу и не заставлял её отказаться от своей религии» [Sanjian, 1969, с. 227].

Достоверные сведения о дате смерти Деспины-хатун в источниках того времени отсутствуют, однако предполагается, что она скончалась в период между 1474—1478 годами. В ряде источников сообщается, что в последние годы своей жизни «Деспина покинула мужа и проживала в городе Харпут, находившемся на границе Амиды. Там она умерла. Её похоронили в городе, в церкви Святого Георгия. Гробница до сих пор почитается как место поклонения». Могила хатун располагалась у входа в церковь, под простой надгробной конструкцией. В источниках относительно её захоронения отмечается следующее: «С презрением её похоронили возле церкви, под сводом арки; над могилой возвели сооружение, напоминавшее сандуку, высотой в один шаг, шириной в один шаг и длиной в три шага, сложенное из кирпича и сырца» [Angiolello, 2012, s. 132].

4. Заключение = Conclusions

Правители Ак-Коюнлу, ради укрепления своей власти на политической арене и сохранения достигнутого могущества, неоднократно прибегали к заключению династических браков. Эти браки способствовали не только обеспечению внутренней стабильности, но и упорядочению отношений с соседними державами, а также созданию новых союзов.

Сарай-хатун после смерти своего супруга Али-бея заняла активное и значимое место в политике государства. В критический момент эскала-

ции конфликта между державами Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу, примерно в 1452 году, её вклад в сферу дипломатии был весьма существенным. В частности, именно её усилия были направлены на достижение примирения между сыновьями в условиях междоусобной борьбы. Кроме того, Сарай-хатун сыграла важную роль в дипломатических отношениях между Мехмедом II и Узун Хасаном. Когда султан предпринял неожиданные шаги с целью окончательного решения вопроса Трапезунда, Узун Хасан отправил к нему послов во главе с матерью и беом Чемишгезека Хасаном. Благодаря усилиям Сарай-хатун, сопровождавшей миссию с богатыми дарами, удалось достичь соглашения. Более того, Узун Хасан не только советовался со своей матерью в вопросах дипломатии, но и поручал ей выступать в переговорах, что свидетельствует о её значительной роли во внутренней и внешней политике.

Заключение брака Узун Хасана с Деспиной-хатун, дочерью императора Иоанна IV, имело большое значение для укрепления связей между государством Ак-Коюнлу и Трапезундской империей. Оно оказало заметное влияние на формирование политической структуры общества. В то же время благодаря этому браку родственник Деспины-хатун, Катерино Дзено, получил возможность беспрепятственно обращаться к Узун Хасану.

Будучи христианкой, Деспина-хатун заняла особое место в ак-коюнлуском дворе. Её родственные связи придавали ей влияние в дипломатии, и она активно участвовала во внешнеполитических отношениях, в частности — в переписке между Османами, Венецией, Трапезундской империей и Ак-Коюнлу, а также принимала иностранных послов. Сохраняя культурные и религиозные традиции в условиях мусульманского двора, Деспина-хатун продолжала жизнь супруги правителя, одновременно проявляя интерес к сохранению территориальной целостности Трапезундской империи, что подтверждается данными источников.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Angiolello G. M.* Seyyahların gözüyle sultanlar ve savaşlar Giovanni Maria Angiolello, Venedikli bir tüccar ve Vincenzo D'Alessandri'nin seyahatnameleri. — İstanbul : Yeditepe Yayınları, 2012. — 246 p. — ISBN 978-975-648-069-4.
2. *Dukas İ.* Bizans Tarihi / İ. Dukas ; transl. V. Mirmiroğlu. — İstanbul : TTK, 1956. — 223 p.
3. *Ebu Bekr-i Tihranî.* Kitab-ı Diyarbekriyye / Ebu Bekr-i Tihranî ; transl. M. Öztürk. — Ankara : TTK, 2014. — 418 p. — ISBN 978-975-162-752-0.

4. *Gülşen-i Muhyî-yî*. Menakıb-ı İbrahim-i Gülşeni / Gülşen-i Muhyî-yî ; haz. M. Koç, E. Tanrıverdi. — İstanbul : Türkiye Yazma Eserler Kurumu Başkanlığı Yayınları, 2014. — 414 p. — ISBN 978-975-17-3719-9.
5. *İbn-i Kemal*. Tevârih-i Âl-i Osman / İbn Kemal ; nşr. Ş. Turan. — Ankara : TTK, 1991. — 265 p. — ISBN 975-160-399-4.
6. *Sadettin H. E. Tâcüt-Tevârih* / H. E. Sadettin ; haz. İ. Parmaksızoğlu. — İstanbul : Kültür Bakanlığı Yayınları, 1979. — 348 p.

Литература

1. Али Р. Ф. Роль царицы Деспины в войне Ирана с османидами во времена правления Узун Хасана / Р. Ф. Али // Вестник Таджикского технического университета. — 2009. — Т. 4—8. — № 8. — С. 75—77.
2. Карпов С. П. История Трапезундской империи / С. П. Карпов. — Санкт-Петербург : Алетея, 2007. — 623 с. — ISBN 978-5-903354-07-8.
3. Махмудов Я. М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV — начало XVII вв.) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.03 / Я. М. Махмудов. — Москва, 1989. — 52 с.
4. Мустафаев Ш. М. Восточная Анатолия : от Ак-Коюнлу к Османской империи / Ш. М. Мустафаев. — Москва : Восточная литература РАН, 1994. — 224 с. — ISBN 5-02-017841-1.
5. Панченко К. А. Арабское книгописание в горах Самцхе : к истории антиохийско-грузинских связей второй половины XV в. / К. А. Панченко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3 : Филология. — 2023. — № 77. — С. 69—89. — DOI: 10.15382/sturIII202377.69-89.
6. Рамазанипачи А. История взаимоотношений Ирана с Венецией во второй половине XV—XVI вв. : по материалам «Путевых записок венецианцев в Иране» : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / А. Рамазанипачи. — Душанбе, 2016. — 166 с.
7. Сейидов М. Н. Особенности законодательства Узун Хасана Ак-Коюнлу в Азербайджане в XV веке / М. Н. Сейидов // Среднерусский вестник общественных наук. — 2011. — № 3. — С. 180—184.
8. Шабиев Б. Ш. Взаимоотношения государства Ак-Коюнлу с Османской империей в правление Узун Хасана Ак-коюнлу (1453—1478) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Б. Ш. Шабиев. — Москва, 1995. — 26 с.
9. Afyoncu E. “Otlukbeli Savaşı” / E. Afyoncu // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm ansiklopedisi. — İstanbul : TDV Yayınları, 1988. — S. 4—6. — ISBN 978-975-389-456-2.
10. Akgündüz A. “Başlık” / A. Akgündüz // Diyanet İslam Ansiklopedisi. — İstanbul : TDV Yayınları, 1992. — S. 131—133. — ISBN 978-975-389-432-6.
11. Arayacan A. A. Akkoyunlu ve Karakoyunlu Kadının Devlet Yönetimi ve Diplomasisinde Önemine İki Örnek : Hatun Can Begüm ve Sara Hatun / A. A. Arayacan // Türkiye Araştırmaları Dergisi. — 2011. — № 29. — Pp. 285—301.
12. Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve İtalya / F. Babinger // TTK Belleten. — 1953. — Vol. 17. — № 65. — Pp. 41—82.
13. Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamani / F. Babinger ; transl. D. Körpe. — İstanbul : Alfa Yayınları, 2022. — 800 p. — ISBN 978-625-449-360-7.
14. Başkan Y. Despina Hatun’un Mezarı Meselesi / Y. Başkan // İnönü Üniversitesi Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi. — 2016. — Vol. 5. — № 1. — Pp. 39—48.

15. Baykal B. S. Uzun Hasan'ın Osmanlılara Karşı Kati Mücadeleye Hazırlıkları ve Osmanlı-Akkoyunlu Harbinin Başlaması / B. S. Baykal // TTK Belleten. — 1957. — Vol. XXI. — № 82. — Pp. 261—284.
16. Çakmak M. A. Akkoyunlu-Karakoyunlu Mücadelesi / M. A. Çakmak // Gazi Eğitim Fakültesi Dergisi. — 2005. — Vol. 25. — № 3. — Pp. 75—105.
17. Diehl Ch. Catherine ou Théodora? / Ch. Diehl // Byzantinische Zeitschrift. — Berlin : Verlag B. G. Teubner, 1913. — Vol. 22 (1). — Pp. 88—89.
18. Erdem İ. Ak-Koyunlu Devleti Tarihi Siyaset-Teşkilat-Kültür / K. Erdem. — Ankara : Birleşik Kitabevi, 2007. — 224 p. — ISBN 978-975-000-093-5.
19. Erdem İ. Akkoyunlu Devleti Tarihi / İ. Erdem, K. Erdem. — Ankara : Birleşik Yayınevi, 2007. — 224 p. — ISBN 978-975-000-093-5.
20. Erdem İ. Akkoyunlu Kaynaklarına Göre Otlukbeli (Başkent) Savaşı / İ. Erdem // OTAM Dergisi. — 1993. — Vol. 4. — № 4. — Pp. 151—160.
21. İnan K. Trabzon'un Osmanlılar Tarafından Fethi / K. İnan // Erciyes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. — 2003. — Vol. 1. — № 64. — Pp. 71—84.
22. Karataş A. Yeni Bilgiler Işığında Harputlu Şâir Rahmî Efendi ve Sâre Hatun (Sara-hatun) Camii'nin Yeniden İnşasına Yazdığı Kaside / A. Karataş // Fırat Üniversitesi Harput Araştırmaları Dergisi. — 2020. — Vol. 7. — № 13. — Pp. 53—86.
23. Korobeynikov D. On the Byzantine-Mongol Marriages / D. Korobeynikov // Istorija. — 2022. — Vol. 13. — № 11 (121). — Pp. 57—72. — DOI: 10.18254/S207987840023180-7.
24. Miller W. Son Trabzon İmparatorluğu / W. Miller ; transl. N. Süleymangil. — İstanbul : Heyamola Yayınları, 2007. — 128 p. — ISBN 978-975-6121-24-5.
25. Özcan A. T. Leh Kroniği Historiae Polonicae'de Uzun Hasan Beğ'e Dair Bilgiler / A. T. Özcan // Tarih İncelemeleri Dergisi. — 2010. — Vol. XXV. — № 1. — Pp. 371—378.
26. Öztuna Y. Devletler ve Hanedanlar, (Kaynak eserler dizisi) / Y. Öztuna. — Ankara : TTK, 1991. — 1044 p. — ISBN 975-170-469-3.
27. Sanjian A. K. Colophons of Armenian Manuscripts, 1301—1480 : A Source for Middle Eastern History (Armenian Texts) / A. K. Sanjian. — Cambridge : Massachusettes, 1969. — 460 p. — ISBN 674-14285-3.
28. Sümer F. "Akkoyunlular" / F. Sümer // Diyanet İslam Ansiklopedisi. 2. Cilt. — İstanbul : TDV Yayınları, 1989. — S. 270—274. — ISBN 978-975-389-429-6.
29. Sümer F. Doğu Anadolu'da Moğol ve Türkmen Devirlerine Ait Bazı Tarihi Yapılar Hakkında Düşünceler / F. Sümer // Türk Tarih Kurumu Belleten. — 1990. — Vol. 54. — № 210. — Pp. 631—640.
30. Uzunçarşılı İ. H. Anadolu Beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu Devletleri / İ. H. Uzunçarşılı. — Ankara : TTK, 2019. — 297 p. — ISBN 978-975-16-2457-4.
31. Woods J. E. Akkoyunlular: Aşiret, Konfederasyon, İmparatorluk / J. E. Woods ; transl. S. Özbudun. — İstanbul : Milliyet Yayınları, 1993. — 424 p. — ISBN 975-506-124-X.
32. Yiğit F. A. Ak Koyunlu Beyi Osman Bey'in Unvanı : Yülük mü İlig mi? / F. A. Yiğit // Dil Araştırmaları Dergisi. — 2015. — № 16. — Pp. 191—198.
33. Yücel Y. Fatih'in Trabzon'u Fethi Öncesinde Osmanlı-Trabzon-Akkoyunlu İlişkileri / Y. Yücel // TTK Belleten. — 1985. — Vol. 49. — № 194. — Pp. 287—311.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025,
одобрена после рецензирования 28.04.2026,
подготовлена к публикации 15.05.2026.

Material resources

- Angiolello, G. M. (2012). *Seyyahların gözüyle sultanlar ve savaşlar Giovanni Maria Angiolello, Venedikli bir tüccar ve Vincenzo D'Alessandri'nin seyahatnameleri*. İstanbul: Yeditepe Yayınları. 246 p. ISBN 978-975-648-069-4. (In Turk.).
- Dukas, İ. (1956). *Bizans Tarihi*. İstanbul: TTK. 223 p. (In Turk.).
- Ebu Bekr-i Tihrani. (2014). *Kitab-ı Diyarbekriyye*. Ankara: TTK. 418 p. ISBN 978-975-162-752-0. (In Turk.).
- Gülşen-i Muhyî-yî. (2014). *Menakıb-ı İbrahim-i Gülşeni*. İstanbul: Türkiye Yazma Eserler Kurumu Başkanlığı Yayınları. 414 p. ISBN 978-975-17-3719-9. (In Turk.).
- İbn-i Kemal. (1991). *Tevârih-i Âl-i Osman*. Ankara: TTK. 265 p. ISBN 975-160-399-4. (In Turk.).
- Sadettin, H. E. (1979). *Tâciüt-Tevârih*. İstanbul: Kültür Bakanlığı Yayınları. 348 p. (In Turk.).

References

- Afyoncu, E. (1988). “Otlukbeli Savaşı”. In: *Türkiye Diyanet Vakfı İslâm ansiklopedisi*. İstanbul: TDV Yayınları. 4—6. ISBN 978-975-389-456-2. (In Turk.).
- Akgündüz, A. (1992). “Başlık” In: *Diyanet İslam Ansiklopedisi*. İstanbul: TDV Yayınları. 131—133. ISBN 978-975-389-432-6. (In Turk.).
- Ali, R. F. (2009). The role of Queen Despina in Iran's war with the Ottomans during the reign of Uzun Hassan. *Bulletin of the Tajik Technical University*, 4—8 (8): 75—77. (In Russ.).
- Arayacan, A. A. (2011). Akkoyunlu ve Karakoyunlu Kadının Devlet Yönetimi ve Diplomasisinde Önemine İki Örnek: Hatun Can Begüm ve Sara Hatun. *Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 29: 285—301. (In Turk.).
- Babinger, F. (1953). Fatih Sultan Mehmed ve İtalya. *TTK Belleten*, 17 (65): 41—82. (In Turk.).
- Babinger, F. (2022). *Fatih Sultan Mehmed ve Zamanı*. İstanbul: Alfa Yayınları. 800 p. ISBN 978-625-449-360-7. (In Turk.).
- Başkan, Y. (2016). Despina Hatun'un Mezarı Meselesi. *İnönü Üniversitesi Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi*, 5 (1): 39—48. (In Turk.).
- Baykal, B. S. (1957). Uzun Hasan'ın Osmanlılara Karşı Kati Mücadeleye Hazırlıkları ve Osmanlı-Akkoyunlu Harbinin Başlaması. *TTK Belleten*, XXI (82): 261—284. (In Turk.).
- Çakmak, M. A. (2005). Akkoyunlu-Karakoyunlu Mücadelesi. *Gazi Eğitim Fakültesi Dergisi*, 25 (3): 75—105. (In Turk.).
- Diehl, Ch. (1913). Catherine ou Théodora? In: *Byzantinische Zeitschrift*, 22 (1). Berlin: Verlag B. G. Teubner. 88—89. (In Turk.).
- Erdem, İ. (1993). Akkoyunlu Kaynaklarına Göre Otlukbeli (Başkent) Savaşı. *OTAM Dergisi*, 4 (4): 151—160. (In Turk.).
- Erdem, İ. (2007). *Ak-Koyunlu Devleti Tarihi Siyaset-Teshilat-Kültür*. Ankara: Birleşik Kitabevi. 224 p. ISBN 978-975-000-093-5. (In Turk.).
- Erdem, İ., Erdem, K. (2007). *Akkoyunlu Devleti Tarihi*. Ankara: Birleşik Yayınevi. 224 p. ISBN 978-975-000-093-5. (In Turk.).
- İnan, K. (2003). Trabzon'un Osmanlılar Tarafından Fethi. *Erciyes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 1 (64): 71—84. (In Turk.).
- Karataş, A. (2020). Yeni Bilgiler Işığında Harputlu Şâir Rahmî Efendi ve Sâre Hatun (Sara-hatun) Camii'nin Yeniden İnşâsına Yazdığı Kaside. *Fırat Üniversitesi Harput Araştırmaları Dergisi*, 7 (13): 53—86. (In Turk.).
- Karpov, S. P. (2007). *The history of the Trebizond Empire*. St. Petersburg: Aleteya. 623 p. ISBN 978-5-903354-07-8. (In Russ.).

- Korobeynikov, D. (2022). On the Byzantine-Mongol Marriages. *Istoriya*, 13 / 11 (121): 57—72. DOI: 10.18254/S207987840023180-7. (In Turk.).
- Mahmudov, Ya. M. (1989). *Relations of the Akkoyunlu and Safavid states with Western European countries (II half of the XV — beginning of the XVII centuries)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 52 p. (In Russ.).
- Miller, W. (2007). *Son Trabzon İmparatorluğu*. İstanbul: Heyamola Yayınları. 128 p. ISBN 978-975-6121-24-5. (In Turk.).
- Mustafayev, Sh. M. (1994). *Eastern Anatolia: from Ak-Koyunlu to the Ottoman Empire*. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 224 p. ISBN 5-02-017841-1. (In Russ.).
- Özcan, A. T. (2010). Leh Kroniği Historiae Polonicae'de Uzun Hasan Beğ'e Dair Bilgiler. *Tarih İncelemeleri Dergisi*, XXV (1): 371—378. (In Turk.).
- Öztuna, Y. (1991). *Devletler ve Hanedanlar; (Kaynak eserler dizisi)*. Ankara: TTK. 1044 p. ISBN 975-170-469-3. (In Turk.).
- Panchenko, K. A. (2023). Arabic book writing in the mountains of Samtskhe: on the history of Antiochian-Georgian relations of the second half of the XV century. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 3: Philology*, 77: 69—89. DOI: 10.15382/sturIII202377.69-89. (In Russ.).
- Ramazanipachi, A. (2016). *The history of Iran's relations with Venice in the second half of the XV—XVI centuries: based on the materials of "Travel notes of the Venetians in Iran"*. PhD Diss. Dushanbe. 166 p. (In Russ.).
- Sanjian, A. K. (1969). *Colophons of Armenian Manuscripts, 1301—1480: A Source for Middle Eastern History (Armenian Texts)*. Cambridge: Massachusetta. 460 p. ISBN 674-14285-3. (In Turk.).
- Seyidov, M. N. (2011). Peculiarities of Uzun Hasan Ak-Koyunlu legislation in Azerbaijan in the XV century. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 3: 180—184. (In Russ.).
- Shabiev, B. S. (1995). *The relationship of the Ak-Koyunlu state with the Ottoman Empire during the reign of Uzun Hassan Ak-koyunlu (1453—1478)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).
- Sümer, F. (1989). "Akkoyunlular". In: *Diyanet İslam Ansiklopedisi. 2. Cilt*. İstanbul: TDV Yayınları. 270—274. ISBN 978-975-389-429-6. (In Turk.).
- Sümer, F. (1990). Doğu Anadolu'da Moğol ve Türkmen Devirlerine Ait Bazı Tarihi Yapılar Hakkında Düşünceler. *Türk Tarih Kurumu Belleten*, 54 (210): 631—640. (In Turk.).
- Uzunçarşılı, İ. H. (2019). *Anadolu Beylikleri ve Akkoyunlu, Karakoyunlu Devletleri*. Ankara: TTK. 297 p. ISBN 978-975-16-2457-4. (In Turk.).
- Woods, J. E. (1993). *Akkoyunlular: Aşiret, Konfederasyon, İmparatorluk*. İstanbul: Milliyet Yayınları. 424 p. ISBN 975-506-124-X. (In Turk.).
- Yiğit, F. A. (2015). Ak Koyunlu Beyi Osman Bey'in Unvanı: Yülük mü İlig mi? *Dil Araştırmaları Dergisi*, 16: 191—198. (In Turk.).
- Yücel, Y. (1985). Fatih'in Trabzon'u Fethi Öncesinde Osmanlı-Trabzon-Akkoyunlu İlişkileri. *TTK Belleten*, 49 (194): 287—311. (In Turk.).

*The article was submitted 17.09.2025;
approved after reviewing 28.04.2026;
accepted for publication 15.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Буяров Д. В. Развитие системы высшего образования в Королевстве Камбоджа в первой четверти XXI века / Д. В. Буяров // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 409—431. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-409-431.

Buyarov, D. V. (2026). Development of Higher Education System in Kingdom of Cambodia in First Quarter of 21st Century. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 409-431. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-409-431. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Развитие системы высшего образования в Королевстве Камбоджа в первой четверти XXI века

Буяров Дмитрий Владимирович
orcid.org/0000-0002-8337-6817
кандидат философских наук, доцент,
кафедра всеобщей истории,
философии и культурологии
buyarov_d@mail.ru

Благовещенский государственный
педагогический университет
(Благовещенск, Россия)

Development of Higher Education System in Kingdom of Cambodia in First Quarter of 21st Century

Dmitry V. Buyarov
orcid.org/0000-0002-8337-6817
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of General History,
Philosophy and Cultural Studies
buyarov_d@mail.ru

Blagoveshchensk State
Pedagogical University
(Blagoveshchensk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится анализ трансформации системы высшего образования в Камбодже. Целью работы является подтверждение гипотезы о том, что, несмотря на активные попытки модернизации, система высшего образования страны развивается противоречиво, демонстрируя формальные успехи при сохранении системных проблем. Показано, что ключевыми проблемами современного камбоджийского высшего образования остаются относительно низкое качество преподавания и учебных программ, их слабая связь с потребностями рынка труда, дефицит высококвалифицированных академических кадров, недостаточный уровень государственного финансирования вузов. Утверждается, что часть мероприятий правительства (принятие Стратегии развития высшего образования, создание Аккредитационного комитета, открытие частных вузов и др.) носят декларативный характер, не решая структурных проблем. К числу препятствий для полноценной модернизации высшего образования отнесена недостаточная институциональная автономия вузов, ограничивающая их способность гибко реагировать на вызовы времени. Отмечается, что королевское правительство концентрируя свое внимание на бюрократическом контроле вузов, оказывается, в силу финансовой слабости, не в состоянии обеспечить камбоджийским выпускникам широкий доступ к системе высшего образования.

Ключевые слова:

Королевство Камбоджа; Министерство образования, молодежи и спорта; модернизация высшего образования; государственные и частные высшие учебные заведения; педагогические кадры.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article provides an in-depth analysis of the transformation of Cambodia's higher education system during the early twenty-first century. The study seeks to substantiate the hypothesis that, despite vigorous modernization efforts, the development of the country's higher education sector remains contradictory, characterized by formal achievements alongside persistent systemic challenges. The research demonstrates that the principal issues facing contemporary Cambodian higher education include relatively low teaching and curricular standards, a weak alignment between academic programs and labor market demands, a shortage of highly qualified academic personnel, and insufficient state funding for universities. It is argued that a number of government initiatives — such as the adoption of a Higher Education Development Strategy, the establishment of an Accreditation Committee, and the expansion of private higher education institutions — are largely declarative in nature and fail to address fundamental structural deficiencies. A significant obstacle to comprehensive modernization is identified as the limited institutional autonomy of universities, which constrains their ability to adapt flexibly to emerging challenges. Furthermore, the analysis highlights that the Royal Government's focus on bureaucratic oversight of higher education institutions, combined with financial constraints, limits broad access to tertiary education for Cambodian graduates.

Key words:

Kingdom of Cambodia; Ministry of Education, Youth, and Sport; modernization of higher education; public and private universities; academic personnel.

Развитие системы высшего образования в Королевстве Камбоджа в первой четверти XXI века

© Буяров Д. В., 2026

1. Введение = Introduction

История высшего образования в Камбодже берет свое начало с 1947 года, когда Франция основала Королевский лицей имени Сисовата. Национальная система высшего образования Камбоджи стала формироваться в 1960-х годах и была связана с реформаторской деятельностью Нородома Сианука. Символической датой можно считать 1960 год, когда был основан Королевский университет Пномпеня. В 1964 году был создан Королевский сельскохозяйственный университет, а в 1965 году — Королевский университет изобразительных искусств. Во многом система образования Камбоджи заимствовала французскую модель. К концу 1960-х годов в Камбодже было 9 высших учебных заведений, в период геноцида, организованного красными кхмерами во главе с Пол Потом (1975—1979 годы), система образования в стране фактически перестала существовать, и позже ее пришлось создавать заново. На 1980—90-е годы приходится период медленного восстановления системы образования в Камбодже. В 1980-е годы страна находилась в условиях кризиса власти и глубокого социально-экономического упадка. Фактически в это время страна пережила вторую гражданскую войну. Парижское мирное соглашение 1991 года ознаменовало собой важный шаг на пути перехода Камбоджи от социалистической и коммунистической идеологии к демократии, от плановой экономики к рыночной и от изоляции к региональной и глобальной интеграции.

В 1993 году было провозглашено создание Королевства Камбоджа, и начинается постепенный переход к демократии. В период 1993—2003 годов в Камбодже происходят позитивные изменения, формируется гражданское общество, но в то же время у правительства катастрофически не хватает средств на развитие народного образования. В 1990-е годы образование в Камбодже развивается благодаря участию частного бизнеса [Дмитриева и др., 2021, с. 667]. В первое десятилетие XXI века социально-экономическая ситуация несколько улучшается, уменьшается зависимость Камбоджи от гуманитарной и экономической помощи Запада [Бектимиро-

ва, 2018, с. 119—127]. В результате складываются условия и для возрождения и реформирования системы высшего образования в Камбодже.

Актуальность данного исследования обуславливается отсутствием в отечественной науке специальных работ, посвящённых развитию высшего образования в Камбодже в первой четверти XXI века. Несмотря на значительный комплекс проблем, система высшего образования Камбоджи представляет собой во многом уникальный исследовательский кейс для отечественной науки, демонстрирующий модель «догоняющего развития» и восстановления образовательной инфраструктуры после ее почти полной ликвидации во второй половине 1970-х годов.

В условиях стратегического «поворота на Восток» и углубления российско-камбоджийских отношений продолжает сохраняться дефицит страноведческих исследований, что становится определенным препятствием в развитии двухсторонних отношений. Данное исследование вносит определенный вклад в комплексное изучение современной Камбоджи, систематизируя знания о ключевом социальном институте — системе образования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эмпирической базой исследования служат официальные документы Министерства образования, по делам молодежи и спорта Королевства Камбоджа, в которых отражены планы и государственные программы по развитию высшего образования в стране, публикации камбоджийских СМИ, материалы камбоджийской компании Loma Technology, специализирующейся на туризме, интернет-индустрии, информационных технологиях. Исследование основывается на анализе законодательных актов, принятых королевским правительством Камбоджи, и официальных отчетах о социально-экономическом развитии страны.

Также данная статья опирается на анализ работ отечественных и зарубежных ученых, посвящённых исследованию высшего образования в Королевстве Камбоджа. В научном дискурсе проблематика развития высшего образования в Камбодже является новой и недостаточно изученной. В России практически отсутствуют работы, посвященные данной тематике. Среди отечественных исследователей следует назвать работы И. А. Дмитриевой, Н. А. Ивановой, С. Шруна, А. В. Бережной «Проектная деятельность в области модернизации высшего инженерного образования в Камбодже» [Дмитриева и др., 2021], А. А. Кирилловых «Конституционные основы права на образование в Королевстве Камбоджа» [Кирилловых, 2023]. Отсутствие комплексных исследований системы высшего образования Королевства Камбоджа обуславливает высокую степень актуальности новых научных работ в данном направлении.

Среди зарубежных исследователей данная тематика является более изученной. Проблемы развития высшего образования в Королевстве Камбоджа анализируются в работах австралийского ученого кхмерского происхождения К. Хэнга «Высшее образование в Камбодже: реформы, направленные на укрепление исследовательского потенциала университетов» [Heng, 2021]. Также необходимо отметить исследования К. Хэнга и К. Сола «Система образования Камбоджи: новые тенденции и сохраняющиеся проблемы» [Heng et al., 2021], С. Пхана «Создание системы высшего образования для XXI века: Камбоджа» [Phan, 2015], К. Чета «Высшее образование в Камбодже» [Chet, 2009], Л. Уна и К. Сола «Система высшего образования и учебные заведения Камбоджи» [Un et al., 2018]. Камбоджийские авторы и их зарубежные коллеги акцентируют внимание на таких проблемах в системе высшего образования, как проблема качества, недостаток государственного финансирования, нехватка педагогических кадров, неудовлетворительный уровень вузовской науки.

Настоящая статья продолжает начатое нами ранее исследование проблем, существующих в секторах общего и высшего образования Камбоджи на современном этапе. В своей предшествующей статье «Современные тенденции и перспективы развития системы образования Королевства Камбоджа» [Буяров, 2026] мы рассматриваем отдельные вопросы организации высшего образования в Камбодже. Далее будут представлены результаты комплексного анализа данной сферы с акцентом на таких аспектах, как формирование образовательной политики, внедрение цифровых технологий и развитие профессионального образования. Такой подход позволяет глубже понять динамику изменений в образовательной системе страны и выявить ключевые направления для дальнейших преобразований. В ходе работы используется интегративная методологическая модель анализа образовательных систем, сочетающая историко-генетический, социокультурный и институциональный подходы, что может быть продуктивно применено для исследования других стран Юго-Восточной Азии. Исследование позволяет перейти от общих характеристик социально-экономического и политического развития Камбоджи к анализу социокультурных оснований современного камбоджийского общества, где университет выступает агентом и зеркалом одновременно традиционных ценностей и процессов модернизации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблемы развития системы высшего образования Королевства Камбоджа

Согласно классификации Всемирного банка, Камбоджа относится к числу стран с доходами населения ниже среднего уровня. При среднем

ВВП на душу населения в 2024 году в 2600 долларов [GDP ..., 2024] около 17 % населения живет за чертой бедности. По данным за 2024 год, 47 % населения считается уязвимым, находясь чуть выше черты бедности, из них три четверти вынуждены жить менее чем на 3 доллара в день [Cambodia Annual ..., 2024]. Проблемы бедности населения, низкого и дефицитного государственного бюджета, комплексная отсталость экономики страны в свою очередь обуславливают проблемы и в развитии высшего образования Камбоджи на современном этапе.

Установление мира в Камбодже совпало с усилением глобализации после окончания холодной войны и растущим распространением рыночных моделей предоставления общественных благ. Под влиянием «неолиберальных» идей политическая и экономическая элиты страны стали видеть в образовании источник дохода, в этом контексте высшее образование стало рассматриваться как один из важнейших ключей к повышению национальной конкурентоспособности и как сфера, подчиняющаяся законам спроса и предложения, где учебные заведения конкурируют за привлечение студентов-потребителей и коммерческих «клиентов» [Leang et al., 2016]. В условиях слаборазвитой экономики и низких доходов правительство Королевства Камбоджа пошло по пути частичной приватизации, разрешив создание частных вузов и сохранении крайне ограниченного финансирования государственных высших учебных заведений.

Одной из ключевых проблем развития высшего образования Камбоджи является ограниченное государственное финансирование. Проблема развития национального образования стоит перед многими странами Глобального Юга, но если некоторые из них (например, Королевство Саудовская Аравия) находят средства и ресурсы для развития собственной системы высшего образования [Ахмадуллин, 2024], то многие из стран сталкиваются с серьезными трудностями на этом пути, что обусловлено низким уровнем экономического развития. Среди стран Юго-Восточной Азии Камбоджа выделяется крайне низким уровнем финансирования вузов: по одним оценкам — менее 0,01 % ВВП [Mak et al., 2019b], по другим 0,05 % ВВП [Im, 2020, p. 132]. Как следствие этого, большинство государственных вузов Камбоджи в значительной степени зависят от доходов, получаемых за платное обучение студентов [Ros et al., 2021, p. 29]. В 2024 году в бюджете королевства на всю систему образования было заложено около 911 млн долларов, что составило 2,83 % от ВВП, или 11,75 % государственных расходов [Optimizing Financial ..., 2024]. Однако у Камбоджи есть серьезные обязательства по поддержке детских садов и начального и среднего образования. Поэтому существенный приток бюджетных средств в систему высшего образования является маловероятным.

Высшее образование в Камбодже продолжает оставаться дорогим, в результате многие студенты либо изначально отказываются от учебы в университете, либо бросают обучение из-за финансовых ограничений. Стоимость годового обучения в государственных вузах Королевства Камбоджа составляет от 200 до 800 долларов в зависимости от учебного заведения и программы, в частных вузах плата за обучение составляет от 1000 до 3000 долларов. Помимо оплаты за обучение расходы на жилье, питание, транспорт, учебники могут составлять от 150 до 300 долларов в месяц [Cost of University ..., 2025].

Достаточно остро в Камбодже стоит проблема педагогических кадров. Эта проблема имеет исторические истоки и во многом обусловлена геноцидом красных кхмеров, в результате которого погибло около 2 млн камбоджийцев, часть которых были представителями интеллигенции. В результате политики Пол Пота было уничтожено целое поколение преподавателей и ученых, недостаток которых сказывается по сей день.

По данным Министерства образования, молодежи и спорта (Ministry of Education, Youth and Sport, MoEYS), в 2018 году только 1309 (около 8 %) из 16 167 преподавателей высших учебных заведений имели докторскую степень — степень PhD [MoEYS ..., 2025], в 2022 году из 16 438 сотрудников высших учебных заведений (из которых 3518 женщины) 24,01 % имели степень бакалавра, 67,24 % — степень магистра и только 8,74 % имели степень доктора философии [Education Congress ..., 2025]. Как видно из официальных данных, динамика повышения квалификации ППС остается низкой. В 2000-е годы в Камбодже среди чиновников становится модным и доступным получение докторской степени (в первую очередь по философским наукам), в результате на сегодняшний день в королевстве насчитывается более 8000 докторов наук, большинство из которых не занимаются научной деятельностью и преподаванием. Как следствие, не хватает остепененных специалистов в системе высшего образования Камбоджи [Thun, 2021, p. 45]. Также проблема нехватки кадров усугубляется низким уровнем заработной платы.

По мнению отечественных авторов, преподаватели государственных вузов вынуждены искать работу в частных университетах, поскольку средняя зарплата в вузе составляет 120 долларов. В свою очередь низкая заработная плата в государственных университетах приводит к оттоку кадров и низким перспективам карьеры. Как следствие, только 8—10 % кадрового состава государственных высших учебных заведений являются докторами наук [Дмитриева и др., 2021, с. 668].

Западные и камбоджийские ученые представляют более позитивные цифры, отмечая, что преподаватели государственных вузов имеют нагруз-

ку, равную 24—30 часам в неделю, с оплатой от 6 до 20 долларов за час [Ros et al., 2018, p. 21; Heng et al., 2022b, p. 5]. Соответственно, минимальная месячная заработная плата в вузе составляет около 600 долларов.

Низкая заработная плата вынуждает многих ученых сосредотачиваться на преподавании и совместительстве, часто в нескольких учреждениях, для получения дополнительного дохода, что практически не оставляет времени на проведение научных исследований [Ros et al., 2018, p. 22].

По мнению камбоджийских исследователей, к числу наиболее серьезных проблем в сфере высшего образования принадлежат «низкие зарплаты, большая преподавательская нагрузка и отсутствие возможностей для академической карьеры» [Heng et al., 2022, p. 3; Heng et al., 2023]. Как следует из исследований, проводимых западными и камбоджийскими учеными, преподаватели вузов не мотивированы к занятию наукой. Так, большинство преподавателей сконцентрированы на выполнении учебной нагрузки, являющейся основным источником дохода. При этом научные исследования и публикации не входят в круг прямых обязанностей профессорско-преподавательского состава и, как правило, не поощряются дополнительно в рамках эффективного контракта, в то же время существенным ограничивающим фактором научных исследований является отсутствие финансирования со стороны государства [Heng, 2024, p. 1601]. Таким образом, необходимо отметить, что сфера высшего образования в Камбодже характеризуется слабой исследовательской и инновационной экосистемой [Буюров, 2026, с. 21].

В настоящее время ни один камбоджийский университет не представлен в Мировом рейтинге университетов (WUR). Одна из основных причин заключается в том, что у вуза должно быть не менее 1000 актуальных исследовательских статей за 5 лет — критерий, которого большинство камбоджийских вузов достичь пока не могут [Cambodia's Higher ..., 2025]. Так, за период 2010—2020 годов камбоджийские ученые опубликовали около 3500 статей в журналах, индексируемых в Scopus, что поставило королевство на 8-е место среди 10 государств-членов АСЕАН с точки зрения научно-исследовательской продуктивности. При этом соседние Таиланд и Вьетнам заняли 4-е и 5-е места соответственно [Heng, 2021, p. 72].

Определенной проблемой системы высшего образования Королевства Камбоджа является фрагментация в управлении высшими учебными заведениями и несогласованность действий основных заинтересованных сторон: правительственных учреждений, государственных и частных вузов, частных компаний как основных заказчиков. Подробнее эта проблема рассматривается ниже.

Также негативным фактором для развития системы высшего образования в Королевстве Камбоджа является сохранение авторитарного режима.

Исследование, проведенное Камбоджийским институтом сотрудничества и мира в 2016 году, назвало «политическую чувствительность» одним из основных препятствий для научных исследований и публикаций. В исследовании отмечалось, что политическое давление и страх возмездия поощряют самоцензуру среди исследователей, ограничивая круг актуальных тем. Авторитаризм и несформированность гражданского общества влияют на отсутствие автономии государственных вузов, в том числе в вопросах назначения преподавателей, деканов, ректоров [Heng et al., 2022, p. 8]. У ученых советов высших учебных заведений практически нет реальных полномочий. Управленческий персонал вузов очень сильно ограничен бюрократическими рамками со стороны чиновников из министерств, которые руководят подведомственными высшими учебными заведениями. Кроме того, в местной культуре принято максимально избегать риска при принятии решений [Hayden, 2019, p. 20]. Таким образом, ограниченная академическая свобода профессорско-преподавательского состава тормозит развитие системы высшего образования в стране.

В свою очередь экономические проблемы, недостаток финансирования вузов, несформированность институтов гражданского общества способствуют коррупции. Так, в некоторых университетах предъявляются низкие требования к поступающим, в том числе к результатам их аттестатов. Некоторые называют «магазинами дипломов» камбоджийские университеты, где студенты могут их получить, не прилагая особых усилий [Dem, 2017, p. 340; Heng et al., 2023].

3.2. Государственная политика по развитию высшего образования в Королевстве Камбоджа

Система высшего образования Камбоджи претерпела значительные изменения с конца 1990-х годов. В середине 1997 года правительство Камбоджи разрешило создание частных высших учебных заведений. До этого Камбоджа была одной из немногих стран в Юго-Восточной Азии, которая предоставляла бесплатное высшее образование [Duggan, 1997, p. 11]. Изменение политики было вызвано двумя факторами: резко возросшим спросом на высшее образование и ограниченными возможностями государства по его финансированию. Наряду с созданием частных высших учебных заведений правительство Камбоджи также ввело платные занятия в государственных высших учебных заведениях в 2000 году [Chet, 2009, p. 159]. Как следствие этого, государственные вузы смогли принимать студентов на договорной основе. В постановлении правительства говорилось, что одна треть студентов, поступающих в государственные высшие учебные заведения, могут обучаться на платной основе, а остальные две трети — на «стипендиальной основе» [Mak et al., 2019a, p. 97].

В целом, это нововведение способствовало расширению доступа к высшему образованию, что привело, в частности, к росту числа поступающих на бакалавриат. После этой реформы число студентов вузов резко возросло, увеличившись примерно в 20 раз: с примерно 10 000 студентов в 1990-х годах до примерно 219 000 в 2010-х годах. Также выросло и число вузов: с 8 в 1997 году до 121 в 2018 году [Un et al., 2018, p. 8]. Однако в целом уровень охвата высшим образованием оставался низким (11 %) по сравнению с другими развивающимися странами региона [Mak et al., 2019a, p. 101].

Коммерческий сектор высшего образования, ориентированный на спрос, позволил камбоджийским студентам самим определять содержание учебного плана и курсы, являющиеся актуальными. На специальности, связанные с экономикой и бизнес-администрированием, приходится более 50 % от общего числа обучающихся. По сообщению Министерства образования, молодежи и спорта, в 2020—2021 учебном году количество студентов, обучающихся по естественно-научным специальностям, составило всего 5 %, по информационным технологиям — 10 %, по инженерии — 8 %, по здравоохранению — 5 % и по сельскому хозяйству — 3 %, тогда как количество студентов, обучающихся по социальным наукам, в том числе таким специальностям, как бизнес, туризм, юриспруденция, иностранные языки, составило 69 % от общего числа студентов бакалавриата [Education Congress ..., 2025; Ek et al., 2023, p. 127]. В то же время Королевство Камбоджа, как преимущественно сельскохозяйственная страна, нуждается в большем количестве квалифицированных кадров в этой области [Bruni et al., 2013, p. 57].

По данным 2020—2021 учебного года, 73 % магистрантов и 88 % аспирантов обучались по специальностям в области социальных наук [Education Congress ..., 2025]. Таким образом, сохраняется тенденция к преобладанию гуманитарного образования, и, следовательно, высоки риски недостатка в будущем специалистов в области естественно-научных специальностей и информационно-коммуникативных технологий.

Также исследователи отмечают такую проблему, как несоответствие между компетенциями выпускников, сформированными в вузах, и реальными запросами работодателей. Многие вузы Камбоджи используют традиционные подходы в преподавании; делается акцент на теоретической подготовке в ущерб учебным и технологическим практикам, в результате выпускники, как правило, испытывают трудности на будущих рабочих местах. Эта проблема усугубляется невостребованностью части выпускников на рынке труда. Так, распространены примеры, когда специалисты с модными дипломами экономистов вынуждены работать автозаправщиками [Ek et al., 2023, p. 127].

К актуальному направлению реформ можно отнести преобразование государственных высших учебных заведений в общественные автономные административные учреждения в 1997 году. Эта реформа была направлена на снижение финансового бремени правительства, сокращение бюджетных процедур государственных вузов и повышение качества высшего образования для удовлетворения потребностей рынков труда и социально-экономического развития [Governance Reforms ..., 2014, p. 50]. К 2010 году восьми камбоджийским университетам был присвоен статус общественных автономных. Зарубежные исследователи оценивают данное нововведение как тенденцию к децентрализации, эффективное средство управления высшими учебными заведениями и позитивный шаг в модернизации камбоджийского высшего образования. Цель этой модели заключалась в том, чтобы предоставить сотрудникам, студентам, выпускникам, сообществу, промышленным предприятиям и другим клиентам возможность участвовать в управлении университетом через своих представителей в руководящем органе вуза [Governance Reforms ..., 2014, p. 51]. В то же время имели место и определенные недостатки. Например, в правлении было мало внешних членов и преобладали представители университета и правительства. Также сохранялось противоречие между желанием правительства повысить эффективность и самостоятельность высших учебных заведений и сохранением контроля над их деятельностью [Chet, 2009, p. 158].

Еще одной реформой в сфере высшего образования стало создание в марте 2003 года Аккредитационного комитета Камбоджи (АКК). Это явилось ответом на серьезные опасения по поводу актуальности и качества высшего образования, особенно после массового расширения частного сектора высшего образования. Этот орган был создан как правительственное учреждение, действующее под руководством Совета министров. Аккредитационный комитет Камбоджи отвечает за аккредитацию и обеспечение качества как государственных, так и частных учреждений высшего образования в Камбодже [Accreditation Committee ..., 2025]. В то же время из-за нехватки технических и финансовых ресурсов в сочетании со сложным управлением камбоджийских высших учебных заведений (они находятся под надзором различных министерств-учредителей при ограниченной координации на национальном уровне) АКК не может осуществлять эффективный контроль за качеством образования. К тому же аккредитация в Камбодже остается добровольной. Отсутствие строгих методов оценки качества приводит к тому, что многие университеты продолжают предоставлять низкокачественное образование, неконкурентоспособное на национальном, региональном и глобальном рынках [Doeur, 2022, p. 119—121]. На сегодняшний день в ведении АКК находятся 43 частных

высших учебных заведения королевства. Согласно отчету Комитета, в период с 2019 года по 2023 год аккредитацию получили 39 высших учебных заведений: 16 государственных и 23 частных [Cambodia's Higher ..., 2025].

Следующим важным шагом в реформировании камбоджийского высшего образования стала ратификация Сенатом в 2007 году Закона об образовании. Закон состоит из 54 статей и регулирует образовательные программы как государственных, так и частных учебных заведений всех уровней. Основной целью высшего образования, согласно этому закону, является «формирование у обучающихся целостной личности с навыками и умениями, способствующими научным, техническим, культурным и социальным исследованиям для развития страны» [Royal Government ..., 2007, р. 6]. Впервые в истории высшего образования Камбоджи категории высших учебных заведений были относительно четко определены в Законе об образовании. Статья 18 кодифицировала две категории этих учебных заведений: университеты и институты. Принятие Закона об образовании стало важным шагом по пути демократических реформ в соответствии с Конституцией 1993 года, оно соответствовало правительственной стратегии развития людских ресурсов. Тем не менее в фактическом применении Закона об образовании имеются существенные пробелы и несоответствия. На самом деле в Королевстве Камбоджа существует четыре различных категории высших учебных заведений. Двумя другими дополнительными категориями являются школы и академии. Так, например, в королевстве функционируют две сельскохозяйственные школы и военное училище, находящиеся в ведении Министерства сельского хозяйства и Министерства национальной обороны соответственно. Также в систему высшего образования страны входят две академии: Королевская академия Камбоджи и Академия национальной полиции. Следует отметить, что в ряде случаев Закон об образовании нарушается, например, частными университетами, не отвечающим требованиям государственной аккредитации [Phan, 2015, р. 48].

Управление высшим образованием в Камбодже остается фрагментированным, поскольку около 16 министерств и государственных учреждений контролируют работу 132 вузов [Mak et al., 2019b, р. 109]. Среди всех вузов 84 (60 %) находятся в ведении Министерства образования, молодежи и спорта, остальные подотчетны другим министерствам. При этом Министерство образования напрямую курирует 13 государственных и 71 частное высшее учебное заведение [Cambodia's Higher ..., 2025]. Различные заинтересованные стороны в камбоджийском высшем образовании — правительство, партнеры по развитию, вузы и промышленность — демонстрируют ограниченное сотрудничество между собой, что препятствует развитию сектора высшего образования [Heng et al., 2022a, р. 7].

Еще одной из реформ стали изменения в учебных планах. В 2000 году учебная программа камбоджийских высших учебных заведений была изменена с семестровой и модульно-блочной на кредитную систему. Министерство образования, молодежи и спорта также предприняло попытку разработать систему профилей подготовки для высшего образования, чтобы она способствовала мобильности, прозрачности, признанию профилей и перезачету дисциплин при переходе из одного учебного заведения в другое, в соответствии с новой политикой высшим учебным заведениям была предоставлена автономия в разработке собственных учебных программ. Однако фактическая реализация этого направления продвигалась очень медленно из-за явного отсутствия руководства со стороны министерства и слабой координации между самими высшими учебными заведениями [Chet, 2009, p. 157]. Государственные и частные высшие учебные заведения, располагающие лучшими материальными, финансовыми и кадровыми ресурсами, быстрее приступили к разработке новых учебных программ. Однако многим вузам не хватает необходимых ресурсов для обеспечения того, чтобы их учебные программы соответствовали требованиям рынка труда. Кроме того, на институциональном уровне отсутствуют механизмы и нормативные акты, позволяющие оценивать эффективность и качество учебных программ, разработанных университетами [UNESCO, 2009; Heng et al., 2023].

Одним из направлений образовательной реформы стало изменение системы вступительных экзаменов. Еще в середине 1990-х годов правительство Камбоджи приступило к пересмотру процедуры приема абитуриентов в вузы, так, в частности, вместо устных экзаменов было введено тестирование. В 2002 году правительство отменило вступительные экзамены в национальные университеты, разрешив всем высшим учебным заведениям использовать результаты итоговых школьных экзаменов для приема студентов. Также были отменены возрастные ограничения для поступления в вузы. До реформы возраст абитуриентов ограничивался 20 годами [Phan, 2015, p. 50]. Внедрение этого механизма позволило правительству сэкономить средства на другие мероприятия по развитию высшего образования. Таким образом, главным критерием приема в государственный вуз является аттестат о получении среднего образования (12 классов). При этом некоторые университеты могут требовать рекомендательные письма от предыдущих учебных заведений или преподавателей, мотивационное письмо от абитуриента для оценки мотивации кандидата. Для ряда специальностей устанавливаются дополнительные испытания, например, по английскому языку [Heng et al., 2023].

Несмотря на усилия правительства по созданию единой системы приема в высшие учебные заведения, достичь единообразия не удалось. Не-

которые учебные заведения, особенно те, которые имеют международные связи, ввели и используют собственные критерии приема. Они предоставляют приоритетные места студентам, которые продемонстрировали высокие достижения в своих целевых областях обучения, либо отбирают студентов с помощью внутренних экзаменационных процедур; в качестве примера можно привести отбор студентов первого курса для поступления на программы бакалавриата по английскому языку и медиа в Королевском университете Пномпеня. Кроме того, камбоджийские вузы обладают полной автономией в приеме студентов на коммерческой основе.

По мнению отечественных исследователей, «с функциональной точки зрения реализация права на образование обеспечивает решение задачи повышения общего культурного и образовательного уровня граждан, сохранение социальной стабильности и солидарности в обществе» [Кирилловых, 2023, с. 19]. Однако этот вывод нельзя в полной мере экстраполировать на ситуацию в высшем образовании, поскольку конституционное право еще не означает наличие реальных возможностей по получению высшего образования. Это наглядно иллюстрируется достаточно низкой численностью студентов, обучающихся в вузах Камбоджи.

Также согласно национальной стратегии в области образования (2009—2013 годы) правительство Камбоджи стремится к расширению доступа к образованию для студентов из малоимущих семей, выходцев из отдаленных районов, женщин. Они получают дополнительные возможности поступления в вузы благодаря государственным стипендиальным программам [Master Plan ..., 2011].

В 2000-е годы Камбоджей был предпринята попытка быстрого перехода от элитного к массовому высшему образованию, характеризующемуся увеличением числа вузов и ростом количества студентов. Менее чем за два десятилетия с момента провозглашения второго королевства количество вузов увеличилось с менее чем 10 до более чем 100, а уровень охвата высшим образованием — примерно с 1 % до 16 % [Leang et al., 2016].

В настоящее время в Камбодже функционирует 132 вуза, из которых 84 находятся в частной собственности [MoEYS, 2025]. Из них 35 располагаются в Пномпене, а остальные — в крупных провинциальных городах. Общее количество студентов составляет более 200 000 человек при населении страны в 17,9 млн человек. На сегодняшний день доля студентов составляет около 1,12 % от общей численности населения страны, а общий уровень охвата высшим образованием (количество имеющих высшее образование) составляет около 19,1 % [Cambodia's Education ..., 2025].

Среди всех вузов 84 (63 %) находятся в ведении Министерства образования, молодежи и спорта, остальные контролируются 15 другими ми-

нистерствами и государственными учреждениями [MoEYS, 2025]. Число обучающихся в высших учебных заведениях в 2020—2021 учебном году составило 198 363 человека, 49,6 % из которых были женщинами. Данные цифры свидетельствуют о достижении прогресса в области гендерного равноправия. Численность преподавателей вузов составила 16 438 человек (из них 21,4 % женщины), при этом только 8,74 % из них имели степень доктора философии [MoEYS, 2025].

С начала 2010-х годов Министерство образования, молодежи и спорта стало реализовывать несколько ключевых программ, связанных с научными исследованиями и развитием высшего образования в Камбодже. К ним относятся «Политика развития исследований в секторе образования», «Генеральный план развития научных исследований в секторе образования на 2011—2015 годы», «Политика в отношении человеческих ресурсов в секторе образования», «Политика в отношении высшего образования: Видение 2030» и «Стратегия высшего образования на 2021—2030 годы» [Heng et al., 2021, p. 19]. Реализация этих программ играет важную роль в обеспечении дорожной карты для содействия исследованиям в камбоджийском высшем образовании и Камбодже в целом. Например, одной из целей «Генерального плана развития научных исследований в секторе образования на 2011—2015 годы» было развитие потенциала камбоджийских исследователей и вузов посредством предоставления исследовательских грантов и стипендий [Master Plan ..., 2011]. В результате была предложена национальная схема исследовательских грантов в рамках «Проекта повышения качества и потенциала высшего образования» (HEQCIP) [Higher Education ..., 2015]. На реализацию данного грантового проекта, который был продлен до 2017 года, было выделено 23 млн долларов. Кроме HEQCIP, Министерство образования запустило еще один важный проект в области высшего образования — «Проект улучшения высшего образования» (Higher Education Improvement Project — HEIP), направленный на развитие потенциала вузов, совершенствование управления высшим образованием, повышение качества преподавания и обучения, а также научные исследования. Проект стоимостью 92,5 млн долларов реализуется с 2018 года по 2024 год [Heng et al., 2021, p. 21]. Оба проекта финансировались Всемирным банком посредством грантов и кредитов.

В 2025 году проект HEIP был продлен до 2030 года. На сегодняшний день он финансируется Международной ассоциацией развития в размере 80 млн долларов и Королевским правительством Камбоджи в размере 1,7 млн долларов. Проект направлен на повышение качества образования, расширение равного доступа к образованию, приоритетную поддержку девяти ведущих вузов, в рамках реализации HEIP особое внимание уделяется

программам STEM, готовящим студентов к карьере в научно-технической сфере [Cambodia's Higher ..., 2025].

Аналогичным образом «Стратегия высшего образования на 2021—2030 годы» направлена на увеличение количества практических исследований, связанных с социально-экономическим развитием, в пять раз, а также на обеспечение того, чтобы не менее 50 % выпускников камбоджийских университетов обладали знаниями и навыками, требуемыми на рынке труда [Education Congress ..., 2022].

Несмотря на серьезные проблемы с финансированием, можно говорить и об определенных позитивных сдвигах в области университетской науки. Как уже отмечалось выше, правительство королевства реализует «Проект повышения качества и потенциала высшего образования» и «Проект улучшения высшего образования», поддерживаемые Всемирным банком. Также позитивные изменения наблюдаются в увеличении числа ежегодных научно-практических конференций и форумов, а также в выпуске новых академических журналов, в том числе таких как «Cambodia Education Review», «The Cambodia Journal of Basic and Applied Research», «Cambodian Journal of Educational Research» и «Cambodian Journal of Education and STEM» [Heng et al., 2021, p. 17]. За последнее десятилетие в Камбодже был налажен выпуск 17 новых журналов, посвященных науке и высшему образованию [Heng et al., 2023, p. 97].

Таким образом, в Камбодже предпринимаются определенные усилия по реформированию системы высшего образования в таких направлениях, как оптимизация системы управления и контроля, повышение качества образования, расширение доступа к высшему образованию, развитие вузовской науки, стимулирование конкурентоспособности камбоджийского образования.

4. Заключение = Conclusions

В настоящее время в Камбодже постепенно формируются основы гражданского общества, развивается экономическая жизнь, значительно улучшается инфраструктура, усиливается горизонтальная и вертикальная мобильность, ускоряются процессы урбанизации [Бектимирова, 2018, с. 132], что в целом положительно влияет на развитие системы высшего образования. Правительство страны стремится к модернизации системы высшего образования, и в этом отношении можно говорить о некотором прогрессе как в количественном, так и в качественном отношении.

В Глобальном инновационном индексе Камбоджа заняла 21-е место из 38 стран с низким уровнем дохода [Cambodia's Education ..., 2025]. В политической сфере сохраняется авторитарная модель, бюрократическая

система оказывается неэффективной, и в ряде случаев реформы носят формальный характер, растет имущественное неравенство, что в совокупности способствует нерешенности многих проблем в системе образования Королевства Камбоджа.

Королевское правительство предпринимает попытки к решению проблем в системе высшего образования, но зачастую реформы отличаются декларативным характером, и новые инструменты оказываются малоэффективными. Так, например, функционирование институциональной автономии предполагает, что государственные вузы обладают частичной управленческой автономией, которая включает собственные критерии приема и разработку собственных учебных программ, в реальности эта автономия крайне ограничена бюрократическим контролем со стороны ведомственных министерств, а главным критерием приема являются результаты в аттестате о завершении среднего образования. Еще одним примером декларативной реформы, направленной на повышение качества образования в королевстве, служит создание Аккредитационного комитета Камбоджи. У данного органа отсутствует реальный инструментарий контроля за вузами и повышения уровня преподавания в них. При сохраняющейся практике добровольного прохождения аккредитации значительная часть высших учебных заведений отказывается от аккредитации.

С целью развития высшего образования правительство Камбоджи осуществляет стратегическое планирование. Однако нередко программы страдают от недостатка финансирования, проблем управления в министерствах и вузах, а также коррупции, в ряде случаев программы развития образования в Камбодже получают финансовую поддержку со стороны международных организаций, в том числе Всемирного банка. Эта помощь имеет положительное значение, но она явно недостаточна.

Также наблюдаются проблемы соответствия требованиям рынка труда, в Камбодже не хватает квалифицированных специалистов в области высшего образования; не хватает квалифицированных выпускников вузов по сельскохозяйственным специальностям, а также в области строительства, легкой промышленности, информационных технологий. Выпускники часто не обладают необходимыми навыками и практическими компетенциями, что снижает их конкурентоспособность [Буяров, 2026, с. 21]. Традиционно популярным является получение специальностей, связанных с экономикой и бизнесом, что в результате не всегда дает достаточное количество специалистов для реальных секторов экономики.

В то же время в заключение необходимо отметить, что, несмотря на наличие значительных вызовов, система высшего образования Королевства Камбоджа демонстрирует потенциал для дальнейшего развития. Услови-

ями реализации этого потенциала является переход от централизованного администрирования к политике стимулирования институциональной автономии высших учебных заведений и рост финансирования. Также ожидается, что улучшение общей социально-экономической обстановки в стране, усиление конкуренции, растущие запросы со стороны рынка труда на качественных специалистов, накопленный опыт международного сотрудничества станут драйверами позитивных изменений в камбоджийской высшей школе в ближайшей перспективе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Accreditation Committee of Cambodia* [Electronic resource]. — 2025. — Access mode : <https://acc.gov.kh/> (accessed 17.11.2025).
2. *Cambodia Annual Country Report 2024*. Country Strategic Plan 2024—2028 [Electronic resource]. — Access mode : <file:///C:/Users/Home/Downloads/ELR%203505%20.pdf> (accessed 15.11.2025).
3. *Cambodia's Higher Education : Progress, Challenges, and the Road Ahead* [Electronic resource] // Cambodianess. — 2025. — Access mode : <https://cambodianess.com/article/cambodias-higher-education-progress-challenges-and-the-road-ahead> (accessed 15.11.2025).
4. *Cambodia's Education Ministry Rejects Recent School Ranking Results* [Electronic resource] // The Nation. 2025. — Access mode : <https://www.nationthailand.com/news/asean/40048151> (accessed 20.11.2025).
5. *Cost of University in Cambodia : What You Need to Know in 2025* [Electronic resource] // Loma Technology. — Access mode : [https://lomatechnology.com/blog/cost-of-university-in-cambodia-2025/4505#:~:text=Frequently%20Asked%20Questions,add%20\\$150%E2%80%93\\$300/month](https://lomatechnology.com/blog/cost-of-university-in-cambodia-2025/4505#:~:text=Frequently%20Asked%20Questions,add%20$150%E2%80%93$300/month) (accessed 15.11.2025).
6. *Education Congress : The Education, Youth and Sport Performance in the Academic year 2020—2021 and Goals for the Academic year 2021—2022*. Ministry of Education, Youth and Sport [Electronic resource]. — 2022. — Access mode : <https://planipolis.iiep.unesco.org/en/2022/education-congress-education-youth-and-sport-performance-academic-year-2020-2021-and-goals?site=> (accessed 15.11.2025).
7. *GDP per capita* (current US\$) — Cambodia. [Electronic resource]. — 2024. — Access mode : <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KH> (accessed 16.11.2025).
8. *Heng K. Cambodia's Education System : New Developments and Persistent Challenges* [Electronic resource] / K. Heng, K. Sol. — 2023. — Access mode : <https://cefcambodia.com/2023/09/18/cambodias-education-system-new-developments-and-persistent-challenges/> (accessed 14.11.2025).
9. *Higher Education Quality and Capacity Improvement Project* [Electronic resource] // The University of Cambodia. — 2015. — Access mode : <https://www.uc.edu.kh/ucb/archivs/26/1639/> (accessed 15.11.2025).
10. *Leang U. N. Higher Education Development in Cambodia* [Electronic resource] / U. N. Leang, K. Sothy // Center for Khmer Studies. — 2016. — Access mode : <https://khemerstudies.org/higher-education-development-in-cambodia/> (accessed 10.11.2025).

11. *Master Plan for Research Development in the Education Sector 2011—2015* [Electronic resource]. — 2011. — Access mode : chrome-extension://efaidnbmninnibpcajpgclclefindmkaj/https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/cambodia_master_plan_research_development_education_2011-2015.pdf (accessed 11.11.2025).
12. MoEYS — *Ministry of Education, Youth and Sports of Cambodia* [Electronic resource]. — 2025. — Access mode : <https://emis.moeys.gov.kh/#/dashboard> (accessed 10.11.2025).
13. *Optimizing Financial Management and Budget Planning for the Next Fiscal Year* [Electronic resource]. — 2024. — Access mode : chrome-extension://efaidnbmninnibpcajpgclclefindmkaj/https://www.cambodianbudget.org/files-tinymce/Final_Budget_Analysis_Infographic_Eng_20240327.pdf (accessed 15.11.2025).
14. *Royal Government of Cambodia. Law on Education*. Phnom Penh, Cambodia [Electronic resource]. — 2007. — Available at : <chrome-extension://efaidnbmninnibpcajpgclclefindmkaj/https://ibccambodia.com/wp-content/uploads/2019/09/EducationLaw-EN-1.pdf> (accessed 16.11.2025).
15. UNESCO — *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Cambodia-UNESCO Country Programming Document 2009—2010*. Phnom Penh, Cambodia [Electronic resource]. — 2009. — Access mode : <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000186552> (accessed 12.11.2025).

Литература

1. Ахмадуллин В. В. Система высшего образования в Королевстве Саудовская Аравия во второй половине XX—XXI веке / В. В. Ахмадуллин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 311—336. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-311-336.
2. Бектимирова Н. Н. Судьба демократического проекта в Камбодже : этапы, итоги и перспективы / Н. Н. Бектимирова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2018. — Т. I. — № 1 (38). — С. 119—133.
3. Буяров Д. В. Современные тенденции и перспективы развития системы образования Королевства Камбоджа / Д. В. Буяров // Гуманитарные науки и образование. — 2026. — Т. 17. — № 1. — С. 17—24.
4. Дмитриева И. А. Проектная деятельность в области модернизации высшего инженерного образования в Камбодже / И. А. Дмитриева, Н. А. Иванова, С. Шрун, А. В. Бережная // Инженерный вестник Дона. — 2021. — № 12 (84). — С. 667—676.
5. Кирилловых А. А. Конституционные основы права на образование в Королевстве Камбоджа / А. А. Кирилловых // Юрист ВУЗа. — 2023. — № 12. — С. 19—24.
6. Bruni M. Skills Shortages and Skills Gaps in the Cambodian Labour Market : Evidence from Employer Skills Needs Survey / M. Bruni, L. Luch, S. Kuoch. — Bangkok : ILO, 2013. — 101 p.
7. Chet C. Higher Education in Cambodia / C. Chet // Political Economy of Educational Reforms and Capacity Development in Southeast Asia. — Dordrecht : Springer, 2009. — Pp. 153—165.
8. Dem T. Higher Education in Cambodia : Current Situation, Problems and Solutions / T. Dem // GJRA — Global Journal for Research Analysis. — 2017. — Vol. 6. — № 6. — Pp. 339—341.
9. Doeur B. Promoting Higher Education Reforms in Cambodia : Challenges and the Way Forward / B. Doeur // Cambodian Journal of Educational Research. — 2022. — Vol. 2. — № 2. — Pp. 116—128.

10. *Duggan J. S.* The Role of International Organizations in Financing of Higher Education in Cambodia / J. S. Duggan // *Journal of Higher Education*. — 1997. — № 34. — Pp. 1—22.
11. *Ek E.* University and Graduate Issues in Cambodian Higher Education / E. Ek, S. Muth // *Cambodian Journal of Educational Research*. — 2023. — Vol. 3. — № 1. — Pp. 122—131.
12. *Governance Reforms in Higher Education : A Study of Institutional Autonomy in Asian Countries* / Ed. by N. V. Varghese, M. Martin. — Paris : International Institute for Educational Planning, 2014. — 141 p.
13. *Hayden M.* Challenges to Higher Education in Laos and Cambodia / M. Hayden // *International Higher Education*. — 2019. — № 97. — Pp. 20—21.
14. *Heng K.* Challenges and Developments in University Research in Cambodia : a Case Study of Two Universities / K. Heng // *Higher Education*. — 2024. — № 87. — Pp. 1593—1613.
15. *Heng K.* Higher Education in Cambodia : Reforms for Enhancing Universities Research Capacities / K. Heng // *Academic Praxis*. — 2021. — № 1. — Pp. 67—78.
16. *Heng K.* Academics' Conceptions of Research and the Research-Teaching Nexus : Insights from Cambodia / K. Heng, M. O. Hamid, A. Khan // *International Journal of Educational Development*. — 2022a. — № 90. — Pp. 1—11.
17. *Heng K.* Research Engagement of Academics in the Global South : The Case of Cambodian Academics / K. Heng, M. O. Hamid, A. Khan // *Globalisation, Societies and Education*. — 2022b. — Vol. 1. — № 1. — Pp. 1—16.
18. *Heng K.* Promoting Research in Cambodian Higher Education : Opportunities, Challenges, and Policy Implications / K. Heng // *Cambodian Journal of Education and STEM*. — 2023. — Vol. 1. — № 1. — Pp. 93—104.
19. *Heng K.* Academic Research in Cambodia : Progress, Challenges, and Ways Forward / K. Heng, K. Sol // *Cambodian Journal of Educational Research*. — 2021. — Vol. 1. — № 2. — Pp. 6—23.
20. *Heng K.* Research Development in Cambodia : Key Challenges and Recommendations / K. Heng, K. Sol // *Cambodian Journal of Educational Research*. — 2022. — Vol. 2. — № 2. — Pp. 1—14.
21. *Im K.* Higher Education in Cambodia : Engendered, Postcolonial Western Influences and Asian Values / K. Im // *Cambodia Journal of Basic and Applied Research*. — 2020. — Vol. 2. — № 1. — Pp. 119—151.
22. *Mak N.* Governance in Public Higher Education in Cambodia / N. Mak, S. Sok, L. Un, R. Bunry, S. Chheng, S. Kao. — Phnom Penh : Cambodia Development Resource Institute, 2019a. — № 114. — 41 p.
23. *Mak N.* Finance in Public Higher Education in Cambodia / N. Mak, S. Sok, L. Un, R. Bunry, S. Chheng, S. Kao. — Phnom Penh : Cambodia Development Resource Institute, 2019b. — № 115. — 32 p.
24. *Phan S.* Envisioning a higher education system for the 21st century : Cambodia : Doctoral dissertation for the degree of Doctor of Philosophy / S. Phan. — Vancouver : The University of British Columbia, 2015. — 296 p.
25. *Ros V.* Policy Misalignments and Development Challenges in the Cambodian Academic Profession: Insights from Public University Lecturers / V. Ros, A. Oleksiyenko // *Higher Education Policy*. — 2018. — Vol. 31. — № 1. — Pp. 19—35.
26. *Ros V.* The Quest for World-class Universities : A Goal for Cambodian Universities? / V. Ros, K. Sol // *Cambodian Journal of Educational Research*. — 2021. — Vol. 1. — № 2. — Pp. 24—40.

27. Thun T. PhD Inflation and the Lack of PhDs in Higher Education in Post-civil War Cambodia / T. Thun // *Universities & Intellectuals*. — 2021. — Vol. 1. — № 1. — Pp. 3—48.
28. Un L. Higher Education Systems and Institutions, Cambodia / L. Un, S. Sok // *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions*. — Dordrecht : Springer, 2018. — Pp. 1—10.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025,
одобрена после рецензирования 28.03.2026,
подготовлена к публикации 12.05.2026.

Material resources

- Accreditation Committee of Cambodia*. (2025). Available at: <https://acc.gov.kh/> (accessed 17.11.2025).
- Cambodia Annual Country Report 2024. Country Strategic Plan 2024—2028*. Available at: <file:///C:/Users/Home/Downloads/ELR%203505%20.pdf> (accessed 15.11.2025).
- Cambodia's Higher Education: Progress, Challenges, and the Road Ahead. (2025). *Cambodianess*. Available at: <https://cambodianess.com/article/cambodias-higher-education-progress-challenges-and-the-road-ahead> (accessed 15.11.2025).
- Cambodia's Education Ministry Rejects Recent School Ranking Results. (2025). *The Nation*. Available at: <https://www.nationthailand.com/news/asean/40048151> (accessed 20.11.2025).
- Cost of University in Cambodia: What You Need to Know in 2025. *Loma Technology*. Available at: [https://lomatechnology.com/blog/cost-of-university-in-cambodia-2025/4505#:~:text= Frequently%20Asked%20Questions,add%20\\$150%E2%80%93\\$300/month](https://lomatechnology.com/blog/cost-of-university-in-cambodia-2025/4505#:~:text= Frequently%20Asked%20Questions,add%20$150%E2%80%93$300/month) (accessed 15.11.2025).
- Education Congress: The Education, Youth and Sport Performance in the Academic year 2020—2021 and Goals for the Academic year 2021—2022*. Ministry of Education, Youth and Sport. (2022). Available at: <https://planipolis.iiep.unesco.org/en/2022/education-congress-education-youth-and-sport-performance-academic-year-2020-2021-and-goals?site=> (accessed 15.11.2025).
- GDP per capita (current US\$) — *Cambodia*. (2024). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=KH> (accessed 16.11.2025).
- Heng, K., Sol, K. (2023). *Cambodia's Education System: New Developments and Persistent Challenges*. Available at: <https://cefcambodia.com/2023/09/18/cambodias-education-system-new-developments-and-persistent-challenges/> (accessed 14.11.2025).
- Higher Education Quality and Capacity Improvement Project. (2025). *The University of Cambodia*. Available at: <https://www.uc.edu.kh/ucb/archivs/26/1639/> (accessed 15.11.2025).
- Leang, U. N., Sothy, K. (2016). Higher Education Development in Cambodia. *Center for Khmer Studies*. Available at: <https://khmerstudies.org/higher-education-development-in-cambodia/> (accessed 10.11.2025).
- Master Plan for Research Development in the Education Sector 2011—2015*. (2011). Available at: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpgclefindmkaj/https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/cambodia_master_plan_research_development_education_2011-2015.pdf (accessed 11.11.2025).
- MoEYS — *Ministry of Education, Youth and Sports of Cambodia*. (2025). Available at: <https://emis.moeys.gov.kh/#/dashboard> (accessed 10.11.2025).

- Optimizing Financial Management and Budget Planning for the Next Fiscal Year.* (2024). Available at: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpgclefindmkaj/https://www.cambodianbudget.org/files-tinymce/Final_Budget_Analysis_Infographic_Eng_20240327.pdf (accessed 15.11.2025).
- Royal Government of Cambodia. Law on Education. Phnom Penh, Cambodia.* (2007). Available at: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpgclefindmkaj/https://ibc-cambodia.com/wp-content/uploads/2019/09/EducationLaw-EN-1.pdf> (accessed 16.11.2025).
- UNESCO — United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. (2009). *Cambodia-UNESCO Country Programming Document 2009—2010. Phnom Penh, Cambodia.* Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000186552> (accessed 12.11.2025).

References

- Akhmadullin, V. V. (2024). Higher Education System in Kingdom of Saudi Arabia in Second Half of 20th Century and 21st Century. *Nauchnyi dialog*, 13 (10): 311—336. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-311-336>. (In Russ.).
- Bektimirova, N. N. (2018). The fate of the democratic project in Cambodia: stages, results and prospects. *South-East Asia: actual problems of development*, 1 / 1 (38): 119—133. (In Russ.).
- Bruni, M., Luch, L., Kuoch, S. (2013). *Skills Shortages and Skills Gaps in the Cambodian Labour Market: Evidence from Employer Skills Needs Survey*. Bangkok: ILO. 101 p.
- Buyarov, D. V. (2026). Current trends and prospects for the development of the education system of the Kingdom of Cambodia. *The Humanities and Education*, 17 (1): 17—24. (In Russ.).
- Chet, C. (2009). Higher Education in Cambodia. In: *Political Economy of Educational Reforms and Capacity Development in Southeast Asia*. Dordrecht: Springer. 153—165.
- Dem, T. (2017). Higher Education in Cambodia: Current Situation, Problems and Solutions. *GJRA — Global Journal for Research Analysis*, 6 (6): 339—341.
- Dmitrieva, I. A., Ivanova, N. A., Shrun, S., Berezhnaya, A. V. (2021). Project activity in the field of modernization of higher engineering education in Cambodia. *Engineering Bulletin of the Don*, 12 (84): 667—676. (In Russ.).
- Doeur, B. (2022). Promoting Higher Education Reforms in Cambodia: Challenges and the Way Forward. *Cambodian Journal of Educational Research*, 2 (2): 116—128.
- Duggan, J. S. (1997). The Role of International Organizations in Financing of Higher Education in Cambodia. *Journal of Higher Education*, 34: 1—22.
- Ek, E., S. Muth. (2023). University and Graduate Issues in Cambodian Higher Education. *Cambodian Journal of Educational Research*, 3 (1): 122—131.
- Hayden, M. (2019). Challenges to Higher Education in Laos and Cambodia. *International Higher Education*, 97: 20—21.
- Heng, K. (2021). Higher Education in Cambodia: Reforms for Enhancing Universities Research Capacities. *Academic Praxis*, 1: 67—78.
- Heng, K. (2023). Promoting Research in Cambodian Higher Education: Opportunities, Challenges, and Policy Implications. *Cambodian Journal of Education and STEM*, 1 (1): 93—104.
- Heng, K. (2024). Challenges and Developments in University Research in Cambodia: a Case Study of Two Universities. *Higher Education*, 87: 1593—1613.

- Heng, K., Hamid, M. O., Khan, A. (2022a). Academics' Conceptions of Research and the Research-Teaching Nexus: Insights from Cambodia. *International Journal of Educational Development*, 90: 1—11.
- Heng, K., Hamid, M. O., Khan, A. (2022b). Research Engagement of Academics in the Global South: The Case of Cambodian Academics. *Globalisation, Societies and Education*, 1 (1): 1—16.
- Heng, K., Sol, K. (2021). Academic Research in Cambodia: Progress, Challenges, and Ways Forward. *Cambodian Journal of Educational Research*, 1 (2): 6—23.
- Heng, K., Sol, K. (2022). Research Development in Cambodia: Key Challenges and Recommendations. *Cambodian Journal of Educational Research*, 2 (2): 1—14.
- Im, K. (2020). Higher Education in Cambodia: Engendered, Postcolonial Western Influences and Asian Values. *Cambodia Journal of Basic and Applied Research*, 2 (1): 119—151.
- Kirillov, A. A. (2023). Constitutional foundations of the right to education in the Kingdom of Cambodia. *Lawyer of the University*, 12: 19—24. (In Russ.).
- Mak, N., Sok, S., Un, L., Bunry, R., Chheng, S., Kao, S. (2019a). *Governance in Public Higher Education in Cambodia*, 114. Phnom Penh: Cambodia Development Resource Institute. 41 p.
- Mak, N., Sok, S., Un, L., Bunry, R., Chheng, S., Kao, S. (2019b). *Finance in Public Higher Education in Cambodia*, 115. Phnom Penh: Cambodia Development Resource Institute. 32 p.
- Phan, S. (2015). *Envisioning a higher education system for the 21st century: Cambodia*. Doct. Diss. Vancouver: The University of British Columbia. 296 p.
- Ros, V., K., Sol. (2021). The Quest for World-class Universities: A Goal for Cambodian Universities? *Cambodian Journal of Educational Research*, 1 (2): 24—40.
- Ros, V., Oleksiyenko, A. (2018). Policy Misalignments and Development Challenges in the Cambodian Academic Profession: Insights from Public University Lecturers. *Higher Education Policy*, 31 (1): 19—35.
- Thun, T. (2021). PhD Inflation and the Lack of PhDs in Higher Education in Post-civil War Cambodia. *Universities & Intellectuals*, 1 (1): 3—48.
- Un, L., Sok, S. (2018). Higher Education Systems and Institutions, Cambodia. In: *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions*. Dordrecht: Springer. 1—10.
- Varghese, N. V., Martin, M. (eds.). (2014). *Governance Reforms in Higher Education: A Study of Institutional Autonomy in Asian Countries*. Paris: International Institute for Educational Planning. 141 p.

*The article was submitted 28.11.2025;
approved after reviewing 28.03.2026;
accepted for publication 12.05.2026.*

Информация для цитирования:

Васильев А. Д. Привилегии государственной службы в Якутии в 1780—1840-е годы / А. Д. Васильев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 432—449. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-432-449.

Vasilyev, A. D. (2026). Privileges of State Service in Yakutia in 1780s–1840s. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 432–449. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-432-449. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Привилегии государственной службы в Якутии в 1780—1840-е годы

Васильев Айсен Данилович

orcid.org/0000-0002-4428-4856

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
aysen_vasilev@mail.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 25-78-00226,
<https://rscf.ru/project/25-78-00226/>

Privileges of State Service in Yakutia in 1780s–1840s

Aysen D. Vasilyev

orcid.org/0000-0002-4428-4856

PhD in History,
research scientist
aysen_vasilev@mail.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-78-00226,
<https://rscf.ru/project/25-78-00226/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема административной интеграции Якутии в состав Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX веков. В центре исследования находятся вопросы кадрового обеспечения. Собраны сведения о том, какие меры предпринимал имперский центр для комплектования административного аппарата в одном из наиболее отдалённых и климатически сложных регионов страны. Установлено, что ответом государства стала целенаправленная политика привлечения и удержания чиновников, представлявшая собой комплекс льгот и привилегий. Выявлены ее основные инструменты: гарантированное ускоренное чинопроизводство, существенные единовременные выплаты (подъемные и прогонные деньги), особые пенсионные правила. На конкретных примерах кадровых назначений показано, что для многих чиновников служба в Якутии стала формой компенсаторной карьеры. Показано, что данная политика представляла собой сложный симбиоз формальных законодательных норм и гибких личных решений, что порой порождало бюрократические парадоксы, однако, несмотря на это, система в целом оказалась работоспособной. Автор отмечает, что в итоге в Якутии был сформирован и стабильно функционировал корпус гражданских чиновников, состоявший в значительной своей части из назначенцев из других частей империи.

Ключевые слова:

государственная служба; привилегии; льготы; провинциальная бюрократия; Якутия; Сибирь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:**Abstract**

This article examines the issue of administrative integration of Yakutia into the Russian Empire during the late 18th and early 19th centuries. The focus of the research is on the challenges of staffing the administrative apparatus in one of the most remote and climatically challenging regions of the empire. The study reveals that the imperial center implemented a targeted policy aimed at attracting and retaining officials, which included a range of benefits and privileges. The main instruments of this policy were guaranteed accelerated promotion, substantial one-time payments (such as travel and relocation allowances), and special pension regulations. Through specific examples of personnel appointments, it is shown that for many officials, service in Yakutia became a form of compensatory career advancement. The article argues that this policy represented a complex interplay of formal legislative norms and flexible personal decisions, which sometimes led to bureaucratic paradoxes. Nevertheless, the system proved to be generally effective. The author concludes that a stable corps of civil officials was established in Yakutia, consisting largely of appointees from other parts of the empire.

Key words:

state service; privileges; benefits; provincial bureaucracy; Yakutia; Siberia.

УДК 35.08(571.56)“178/184”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-432-449

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Привилегии государственной службы в Якутии в 1780—1840-е годы

© Васильев А. Д., 2026

1. Введение = Introduction

Конец XVIII — первая половина XIX веков ознаменовались для Якутии периодом административной трансформации в рамках общеимперских реформ. Из отдаленной и во многом обособленной территории, управляемой по упрощенным процедурам, Якутия постепенно превращалась в полноценный элемент управленческой системы Российской империи. Этот процесс был напрямую связан с двумя ключевыми тенденциями: постепенным повышением административного статуса региона и формированием на месте разветвленной сети новых государственных учреждений.

Данные изменения с особой остротой поставили ранее второстепенный вопрос о кадровом обеспечении местного аппарата власти. Если ранее управление могло опираться на узкий круг воевод и присланных офицеров, то теперь потребовались десятки грамотных чиновников для заполнения штатов судов, областного правления и иных присутственных мест. Суровый климат, чудовищная удаленность от столиц и центров цивилизации, высокая стоимость жизни и культурная изоляция делали Якутский край одним из наименее привлекательных мест для службы в империи.

В связи с этим перед центральной властью встала сложная и актуальная задача: разработать и внедрить комплекс эффективных мер для привлечения, закрепления и мотивации квалифицированных управленческих кадров в этом стратегически важном, но экстремальном регионе. Ответом стала целенаправленная политика привлечения и удержания чиновников, основанная на комплексе льгот, призванных компенсировать все тяготы «сибирской службы». Изучение этой политики позволяет понять, каким образом имперский центр пытался интегрировать периферийные территории, преодолевая сопротивление пространства и создавая лояльную управленческую элиту на местах.

Вопросы системы сибирских служебных привилегий нашли отражение в работах В. К. Андриевича, Л. М. Дамешека, И. Н. Мамкиной, А. В. Ремнева, Н. П. Матхановой, А. В. Сивковой, В. А. Воропанова, Е. А. Съема

щикова и других ученых [Андриевич, 1889; Ремнев, 1997; Ремнев, 2004; Матханова, 2002; Сивкова, 2007; Воропанов, 2015; 2014; Съемщиков, 2016; Дамешек, 2021; Дамешек, 2022]. Их подход, в целом, заключался в анализе законодательной базы — императорских указов, правительственных положений и ведомственных инструкций, — что позволило дать обобщенную нормативную характеристику этого института. Рассмотрению данной проблематики с привлечением массива архивных источников на материалах конкретного региона по XIX веку было посвящено специальное исследование Т. Г. Карчаевой [Карчаева, 2012], избравшей в качестве примера соседнюю с Якутией Енисейскую губернию. Также более узкую проблематику разрабатывали Д. В. Андриянова и Е. А. Крестьянников [Андриянова и др., 2018], анализирующие механизмы мотивации чиновников административных и судебных органов Сибири на рубеже XIX—XX веков. В этот же период И. Н. Мамкина исследовала положение восточносибирского учительства как особой категории государственных служащих [Мамкина, 2016]. Отдельного внимания заслуживают труды историков, посвященные специфике служебных льгот во второй половине XIX — начале XX веков в контексте исследования якутского чиновничества, в частности, института губернаторства [Архипова, 2023; Третьякова, 2019].

В развитие этой темы автор данной статьи уже обращался к проблеме льгот в чинопроизводстве, рассмотрев их на примере чиновников, назначаемых на должность якутского областного начальника в первой половине XIX века [Васильев, 2020б]. Вместе с тем региональный бюрократический аппарат конца XVIII — первой половины XIX веков, равно как и вся система служебных привилегий, до настоящего времени не выступали в качестве самостоятельного предмета исследования.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковая база статьи комплексна и включает три основных блока: 1) нормативные акты (указы 1765, 1783, 1798, 1810 годов, «Сибирское учреждение» 1822 года и др.), составлявшие законодательную основу системы льгот, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи; 2) архивные материалы из Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург, Россия) и Российского государственного архива военно-морского флота (г. Санкт-Петербург, Россия) (формулярные и послужные списки, переписка о назначениях и производстве в чины, прошения и докладные записки), позволяющие через биографии конкретных чиновников реконструировать практику применения этих норм; 3) справочные издания («Адрес-календари») и научная историография для верификации данных и контекстуального анализа. Именно синтез зако-

нодательных и персональных документов позволяет автору показать, что система льготирования в Якутии была симбиозом формального права и гибкой кадровой практики империи.

Исследование основывается на методологии историко-системного анализа, позволяющего рассмотреть государственную политику привлечения и удержания чиновников как комплексный элемент интеграции периферии в имперское пространство. Применяется институциональный подход для изучения данных о создании и функционировании управленческих структур, а также просопографический метод, который позволяет через анализ коллективных биографий и карьерных траекторий чиновников выявить практические механизмы и результаты кадровой политики. Используется сравнительно-исторический метод для соотнесения якутского материала с общероссийскими и сибирскими административными процессами.

3. Результаты и обсуждение — Results and Discussion

3.1. Формирование системы льготирования в конце XVIII века и первые кадры в Якутии

В 1783 году, в рамках губернской реформы Екатерины II 1775 года, было создано Иркутское наместничество. Его территорию составили четыре области: Иркутская, Нерчинская, Охотская и Якутская. С этим преобразованием в регион, в том числе и в Якутию, прибыло множество чиновников из разных частей империи. Управление Якутской областью (1783—1797) осуществляли коменданты; при ней были созданы совестный суд, губернский магистрат и верхняя расправа. В городах (Жиганске, Олекминске, Оленске, Жиганске, Зашиверске) сохранялась уездная система, в них функционировали уездное казначейство, нижний земский суд, нижняя расправа, присутствовали в некоторых городах уездные землемеры, соляные приставы. По данным исследователя А. А. Борисова, численность чиновников увеличилась в 3,5 раза по сравнению с периодом воеводского правления [Борисов, 2019, с. 18].

С созданием Иркутского наместничества в 1783 году в Якутию начали прибывать чиновники из европейской части России. Согласно указу Екатерины II от 31 октября 1765 года для чиновников, занимавших в Сибири штатные должности, и для тех, кого специально туда командировали, были установлены льготы по службе [ПСЗРИ, 1765]. Их продвижение в следующий чин происходило в особом, ускоренном порядке, а для командированных служащих предусматривалось дополнительное повышение после шести лет добросовестной работы. Этим государство стремилось решить проблему нехватки квалифицированных кадров в отдаленном регионе. С образованием Иркутского наместничества император утвердил регламент, регулирующий

статус чиновников, изъявивших добровольное желание нести службу в Восточной Сибири [ПСЗРИ, 1783; Воропанов, 2015, с. 92]. К их числу принадлежал, например, дворянин П. А. Куприянов, выходец из «сенатской России», начавший карьеру рядовым. Получив чин капитана при направлении в Сибирь, он был назначен Оленским соляным приставом, а впоследствии долгое время служил судьей — сначала Олекминского, а затем и Якутского уездного судов (1810-е годы) [РГИА, ф. 1349, оп. 6, д. 471, л. 82 об. –83]. Дворянин С. А. Валь в том же 1783 году был переведен в Якутскую область поручиком лейб-гвардии Преображенского полка с производством в коллежские асессоры и занял должность стряпчего уголовных дел в губернском магистрате. Его служба в регионе также оказалась продолжительной: более 15 лет он занимал пост якутского городничего, оставаясь на нем вплоть до 1820-х годов [РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 341, л. 113]. В качестве примера карьеры, целиком связанной с Якутией, можно привести биографию дворянина А. Н. Ачкасова. Поручик Оренбургского драгунского полка, начав службу в 1785 году с заседателя Жиганского земского суда в чине коллежского асессора, он не покидал область до 1826 года. Пройдя путь от уездного заседателя, Ачкасов дослужился до исправляющего должность якутского областного начальника в 1820-х годах и вышел в отставку в возрасте 71 года [РГИА, ф. 1286, оп. 4, 1826, д. 448, л. 13—14].

Некоторые чиновники оказывались в Якутии, пройдя предварительную службу в Иркутске, например С. А. Гарновский, малороссийский шляхтич, экс-поручик лейб-гвардии Преображенского полка, перед направлением в Сибирь служивший при самом Г. А. Потемкине-Таврическом. С учреждением наместничества в 1783 году он получил чин коллежского асессора и пять лет занимал должность секретаря в Иркутском Приказе общественного призрения, после чего в 1788 году был направлен исправником в Якутский нижний земский суд [РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1824, д. 197, л. 406 об. –407]. Данный чиновник входил в число составителей проекта «О благоустроении Якутской области» совместно с местным дворянином И. А. Эверсом. Опыт сотрудничества столичного назначенца и местного чиновника позволил реализовать инициативу, нацеленную на повышение административного ранга региона и улучшение служебного положения местного чиновничества. Проект был направлен в Санкт-Петербург в конце XVIII века и в 1805 году лег в основу реформы, учредившей новую систему областного управления [Васильев, 2020а, с. 131]. Приведем еще примеры. В 1789 году уволенный от службы Переславского казачьего полка воинским корнетом дворянин И. Г. Кардашевский поступил на службу в 1-й департамент Иркутского нижнего надворного суда заседателем, но уже в 1792 году перевелся в Якутию в Оленский земский суд земским ко-

миссаром, где в конце 1793 года был произведен в титулярные советники. Он прослужил в Якутии более 20 лет, до пенсии [РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 974, л. 50—53]. В 1795 году подпоручик (XIV класс), происходивший из солдатских детей, Н. Ф. Пошетанин был назначен заседателем в 1-й департамент Иркутского нижнего надворного суда. Спустя два года его перевели на аналогичную должность в Якутский нижний земский суд [РГИА, ф. 1349, оп. 6, д. 471, л. 79 об. —80]. Несмотря на то, что повышение в чине к нему пришло не сразу, уже к 1805 году он дослужился до титулярного советника [Адрес-календарь ..., 1805, с. 231].

Перевод большинства этих лиц в Сибирь происходил после увольнения с военной службы по состоянию здоровья. Вероятно, они рассматривали статскую службу в регионе как возможность для компенсаторной карьеры, обещавшей быстрое чинопроизводство. Эта практика подтверждается случаем И. Г. Кардашевского, достигшего чина надворного советника всего за 9 лет (6 лет до коллежского асессора и 3 года в этом чине) [РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 974, л. 50]. Однако более распространенной была иная картина. Для таких чиновников, как С. А. Валь и А. Н. Ачкасов, чья гражданская служба началась лишь с назначения в Якутию, производство в надворные советники заняло полных 19 лет [РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 341, л. 115; РГИА, ф. 1286, оп. 4, 1826, д. 448, л. 13—19]. Этот срок не был случайностью, он отражал ключевое требование: получение чина 7-го класса было возможно только при наличии 19-летнего общего стажа гражданской службы, который чиновники накапливали, служа в сибирском регионе. Общий стаж гражданской службы И. Г. Кардашевского был накоплен с момента начала его карьеры, которая стартовала с канцелярской работы в Переславской канцелярии [РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 974, л. 50—53].

Ускоренное чинопроизводство выступало главным стимулом для службы в Якутии, компенсируя как тяжёлые климатические условия, так и значительные расходы. Однако именно карьерный застой стал одной из причин отставки областного начальника И. Г. Кардашевского. Несмотря на неоднократные обещания и ходатайства вышестоящих начальников (в 1812 и 1814 годы) о его производстве в следующий чин — коллежского советника, представления не были удовлетворены. Хотя власти, испытывая кадровый дефицит, уговаривали Кардашевского остаться, в 1816 году он уволился, сославшись также на подорванное долгой службой в суровом климате здоровье. Задержка с награждением, вероятно, была связана с расследованием дела иркутского откупщика Передовщикова, в котором Кардашевский фигурировал. Лишь в 1819 году Государственный совет признал его невиновным, и в 1821 году, уже будучи в отставке, он наконец получил чин коллежского советника [Васильев, 2021, с. 33].

Согласно указу императора Павла I от 12 декабря 1796 года «О новом разделении государства на губернии» была проведена административная реформа. Иркутское наместничество было ликвидировано и преобразовано в Иркутскую губернию. На территории Якутии также упразднили областное управление, заменив его уездным делением. Уезды возглавляли городничие, при этом общая численность чиновников практически не изменилась. Старые органы власти, такие как нижние расправы, были заменены новыми учреждениями — например, на уровне уездов создавались уездные суды, что сохранило численность чиновничества в регионе [Борисов, 2019, с. 19]. Павел I продолжил политику привлечения служащих в сибирский регион и ее совершенствование. На основании закона от 21 марта 1798 года «Об определении чиновников в присутственные места Иркутской губернии с награждением чинов и с выдачею прогонных денег на проезд» было предоставлено право на получение казенных прогонов, которые должны были покрывать расходы на проезд; а при определении в присутственные места осуществлялось награждение чинов [ПСЗРИ, 1798].

3.2. Эволюция кадровой политики в первой четверти XIX века, ее гибкость и бюрократические парадоксы

Кадровая политика в Якутии по-прежнему предусматривала назначение на статские (гражданские) должности офицеров, уволенных с военной службы по состоянию здоровья. Действующее законодательство также позволяло чиновникам, уже служившим в Сибири, получать повышение в чине при переводе из одного сибирского региона в другую. Ярким примером такой практики стал случай с начальником Охотского порта М. И. Миницким, который был определен начальником Якутской области в 1818 году из-за невозможности нести службу в порту по состоянию здоровья: «испытыв всю тягость тамошней жизни (Охотской. — А. В.), желая перемены» [РГАВМФ, ф. 203, оп. 1, д. 600, л. 4 об.].

По ходатайству сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля, ссылавшегося в письме морскому министру И. И. де Траверсе на закон от 1798 года, Миницкий при переходе из военно-морского ведомства в гражданское был повышен в чине с капитана 1-го ранга (VI класс) до статского советника (V класс). При этом Пестель, отмечая заслуги Миницкого перед Охотском и Якутией (тот в 1816—1818 годах из-за кадрового дефицита управлял двумя регионами одновременно), ходатайствовал о сохранении для него прежнего финансового обеспечения. Вопреки установленному окладу якутского начальника (2000 руб. в год без столовых), для Миницкого сохранили его прежнее, более высокое охотское жалованье: двойной оклад 2400 руб. в год плюс 1500 руб. столовых в месяц [Васильев, 2020б,

с. 90]. Этот случай показывает, что особо ценных руководителей в Якутии могли назначать с особыми условиями вне общих правил.

В первой половине XIX века, после образования в 1805 году Якутской области с особым гражданским управлением, сосредоточившим в областном правлении финансовые, полицейские и судебные функции, льготное чиновничество по-прежнему оставалось ключевым стимулом для привлечения чиновников на службу в Сибирь. Наиболее привлекательными эти привилегии были, конечно, для высшего руководства региона — областного начальника, являвшегося одновременно председателем областного правления. Этим стимулом воспользовались, например, бывшие служащие Адмиралтейства Д. Я. Рудаков и Н. И. Мягков, получившие повышение до статского советника [Васильев, 2020б, с. 91]. В своем обращении к императору Николаю I Мягков прямо указывал на важность «... дарования определяющимся в сибирский край чиновникам выгод», то есть присвоения ему следующего чина — «подобно как воспользовался такой наградой и бывший пред сим там областной начальник Рудаков...» [РГИА, ф. 1286, оп. 3 1825, д. 210, л. 13 об.].

Система льгот и поощрений была сложной и зависела от ведомства. Мягков, чиновник V класса Хозяйственной экспедиции Адмиралтейства, должен был быть произведен в звание действительного статского советника (IV чин), однако он был произведен в V класс на основании закона от 21 марта 1812 года, позволявшего производить в чины с VIII по V класс без обязательных экзаменов. Эта мера была призвана удержать кадры в ведомстве, поскольку при переходе на гражданскую службу они теряли эти классы и подчинялись общим правилам чиновничества. Именно в эту логическую ловушку и попал Мягков при назначении в Якутскую область. Покидая Адмиралтейство, он формально терял свой ведомственный V класс и должен был получить по общему гражданскому порядку лишь чин VI класса. Однако здесь вступил в силу другой правовой механизм — указ от 21 марта 1810 года, который в качестве стимула сулил чиновникам, определенным на службу в Иркутскую губернию, награждение чином при условии трехлетней выслуги [ПСЗРИ, 1810; Васильев, 2020б, с. 91].

Таким образом, назначение Мягкова обернулось карьерным парадоксом: чтобы сохранить прежний уровень V класса, он был вынужден принять его заново, но уже как гражданский чин статского советника и с условием обязательной трехлетней службы в отдаленном крае. Фактически он остался при своем прежнем статусе, не получив ожидаемого повышения до действительного статского советника (IV класс) [Васильев, 2020б, с. 91].

Эта ситуация вызывала разочарование даже в высших кругах. Министр внутренних дел В. С. Ланской, вероятный покровитель Мягкова,

в своем ходатайстве прямо настаивал на присвоении ему чина IV класса, что подчеркивало несоответствие между заслугами чиновника и итогом бюрократической ротации [Васильев, 2020б, с. 91]. Дело Мягкова наглядно демонстрирует, как переплетение различных, часто противоречащих друг другу ведомственных норм могло тормозить карьеру даже при наличии высочайшей поддержки.

Важной мерой материальной поддержки назначенных чиновников являлось предоставление им подъемных и прогонных денег. Так, Н. И. Мягкову, ввиду чрезвычайной удаленности Якутской области, было назначено единовременное пособие из казны в размере 5000 рублей, а также оплата проезда (прогоны) [Васильев, 2020б, с. 91]. Аналогичную сумму в размере 5000 рублей ранее ходатайствовал для М. И. Миницкого и сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель при его переводе на службу из Охотска в Якутск [Васильев, 2020б, с. 90].

3.3. Регламентация льгот и унификация системы во второй четверти XIX века

Во второй четверти XIX века назначение на должности областных начальников в Якутии получили морские офицеры В. Н. Щербачёв и И. Д. Рудаков, которым были присвоены соответствующие чины. Для обоих служба в данном регионе стала завершающим этапом их карьеры: они скончались, находясь при исполнении служебных обязанностей. Назначение Щербачева, переведенного из Черноморского флота с повышением до коллежского советника, полностью соответствовало новой правовой норме — «Сибирскому учреждению» 1822 года, разработанному М. М. Сперанским [ПСЗРИ, 1822]. Согласно этому документу, чиновникам, согласившимся на службу в отдаленном крае, разрешалось повышение в чине лишь до коллежского советника. В качестве компенсации они получали треть годового жалования единовременно и оплату проезда к месту службы, но с обязательством прослужить там не менее трех лет [Васильев, 2020б, с. 91].

Что касается Н. И. Мягкова, то при его назначении на должность в Якутскую область в 1825 году российское правительство не стало строго руководствоваться недавно изданными законодательными актами. Это объяснялось тем, что административные преобразования 1822 года в Сибири еще не были полноценно реализованы на практике и старые подходы к кадровым решениям иногда сохранялись [Васильев, 2020б, с. 91].

В 1834 году чиновник VI класса И. Д. Рудаков, ранее занимавший пост правителя Камчатки, подал прошение о возвращении на Северо-Восток Сибири. Несмотря на то, что он был уже переведен в Адмиралтейское ведомство Санкт-Петербурга, его желанием было занять должность в Якутской области. Это назначение происходило в ситуации введения в действие

новых бюрократических правил. Закон от 15 июля 1833 года предписывал награждать чиновников «единственно за действительные заслуги и особенное усердие», стремясь к умеренности в поощрениях. Вскоре вступило в силу «Положение о преимуществах службы в губерниях и областях Сибирских...» от 26 мая 1835 года [ПСЗРИ, 1835]. Оно сохраняло для сибирских служащих льготу в виде единовременной выплаты годового жалования, но сокращало обязательный срок службы с трех лет до одного. При этом чинопроизводство теперь должно было регулироваться общероссийскими нормами. Повышение Рудакова до статского советника (чин V класса) затянулось и состоялось лишь в конце 1830-х годов. Решающую роль здесь сыграл закон от 24 декабря 1838 года, который законодательно повысил статус поста начальника Якутской области, приравняв его к председателям губернских присутственных мест и установив соответствие V, а не VI классу [Васильев, 2020б, с. 91]. Таким образом, можно сказать, что для карьерного роста И. Д. Рудакова были созданы исключительно благоприятные, «тепличные» условия, совпавшие по времени с изменением статуса самой должности.

На низшие управленческие должности в Якутской области, от канцелярских чинов до поста старшего советника, также продолжали назначаться чиновники со стороны. Их карьерный рост в отдаленном регионе часто был заметным. Например, в 1801 году карьера московского почтальона, дворянина Ф. А. Миллера сдвинулась с места лишь после перевода в Олекминскую почтовую экспедицию Якутии. На прежней должности он продолжительное время не получал никаких повышений, однако уже через два года службы в регионе был произведен в унтер-офицеры [РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1833, д. 119, л. 560]. География назначений в Якутскую область простиралась на всю империю, от западных окраин до южных губерний. Это подтверждается рядом кадровых перемещений: в 1821 году чиновник XIV класса Д. А. Гостинов был определен в канцелярский штат Якутского областного правления с награждением чина губернского секретаря из Кронштадской конторы [РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1842, д. 405, л. 1732]. В 1828 году Н. М. Попов из Тамбовской губернии получил назначение старшим советником с повышением в чине до коллежского асессора [РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1831, д. 82, л. 545 об. – 547]. В 1833 году А. П. Патрусов приехал из Витебской губернии, чтобы занять должность советника с присвоением чина коллежского асессора [РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1835, д. 323, л. 841]. Еще дальше находилась прежняя служба В. С. Ринга — он прибыл в 1834 году напрямую из Великого княжества Финляндского, где служил чиновником 9-го класса, и сразу был произведен в коллежские асессоры с назначением советником Якутского областного правления

[РГИА, ф. 1349, оп. 6, д. 237, л. 98 об. - 99]. В 1849 году завершивший военную службу в Одессе М. Я. Нестеров был переаттестован в губернские секретари и занял пост чиновника по особым поручениям [РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1551, л. 115—116].

Иркутск и в дальнейшем служил для некоторых чиновников своего рода «перевалочным пунктом» на пути к службе в Якутии. Например, И. Г. Клевенской, начав в 1830 году с перевода из МВД в Иркутск и получения чина коллежского асессора, уже в 1832 году занял пост советника в Якутском правлении [РГИА, ф. 1349, оп. 6, д. 126, л. 80]. Показательна и карьера *П. А. Белоусова*: уволившись по здоровью из армии в 1840 году, он был принят на гражданскую службу в Иркутске в 1842 году, а год спустя стал советником в Якутском областном правлении [РГИА, ф. 1349, оп. 6, д. 24, л. 11 об. - 12]. В Якутию был направлен на службу даже выпускник элитного Царскосельского лицея (1835 года) А. И. Кайданов. Практически сразу после окончания лицея он начал карьеру в Восточной Сибири. В 1840—1841 годах, находясь в Иркутске, он занимал должность столоначальника по сольному отделению, инспектировал хозяйственные и полицейские учреждения по Ленскому тракту до Якутска, а также участвовал в работе Совета Института благородных девиц Восточной Сибири. Уже в 1841 году его назначили также советником в правлении [РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 405, л. 1644—1646]. Последние два примера показывают, что закон 1835 года начал действовать в Сибири, и чиновничество стало осуществляться по общероссийским нормам, при этом в Сибирь продолжали привлекать чиновников из разных регионов, в том числе и высокообразованных, как, например, А. И. Кайданов.

Чиновничья карьера в Российской империи нередко строилась по модели «Сибирь — другие регионы — снова Сибирь», что было эффективным способом продвижения по службе. Яркой иллюстрацией является путь И. П. Тимашева. Его первое назначение в Томскую губернию (1811) завершилось получением чина титулярного советника (1814). После череды перемещений (Санкт-Петербург, Бессарабия, Псков, Баку) он в 1825 году целенаправленно вернулся в Сибирь уже на более высокую должность красоярского городничего с одновременным повышением до коллежского асессора. Этот шаг стал карьерным трамплином: последующая служба в Якутии принесла ему к 1830 году чин надворного советника [РГИА, ф. 1349, оп. 6, д. 281, л. 103 об. - 108]. Показателен также карьерный путь сибиряка Н. Я. Каргопольцева, начавшийся в Омске и Тобольске. В 1824 году он получил назначение в Санкт-Петербург, но уже через два года вернулся в Тобольскую губернию с повышением до коллежского асессора. После многих лет службы в Иркутской губернии, отмеченной

множеством наград, в 1845 году он был переведен в Якутскую область на должность исправляющего обязанности областного начальника, где вскоре получил чин статского советника [РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 974, л. 24—41].

Одним из наиболее острых для сибирских чиновников был пенсионный вопрос. Характерный пример — ранее упомянутый И. Г. Кардашевский, который, даже уволившись, в течение пяти лет не мог добиться назначения пенсии, положенной ему по окладу областного начальника. Эта задержка и стала одной из причин его отставки с поста. Одной из норм «Сибирского учреждения» 1822 года стало введение досрочной пенсии для чиновников Сибири. Согласно ему после 10 лет службы треть жалования шла в пенсионный зачет, после 20 лет — половина, а 30 лет службы давали право на пенсию в полном размере оклада. При этом пенсию можно было получать, продолжая службу, сверх действующего жалования [Съемщиков, 2016, с. 48]. Позже законы 1832 года лишь закрепили эти нормы. Так, к примеру, за 10-летнюю службу в Сибири была назначена пенсия сверх жалования якутским чиновникам И. Н. Веригину, Б. П. Уракову и Н. Я. Каргопольцеву [РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 385, л. 29; РГИА, ф. 1349, оп. 6, д. 291, л. 138 об.; РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 974, л. 36].

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в конце XVIII — первой половине XIX веков в Якутии формировалась и эволюционировала целостная система служебных привилегий. Она стала ключевым инструментом имперской власти для решения кадровой задачи: формирования и удержания управленческого аппарата на одной из самых отдаленных и суровых территорий Российской империи. Анализ кадровых назначений и карьерных траекторий выявил основные черты этой политики, которая показала действенность: в Якутию на протяжении десятилетий удавалось привлекать чиновников из самых разных регионов империи — от столиц и западных губерний до Великого княжества Финляндского на самые разные должности. Однако ключевой особенностью стало преобладание назначений именно на руководящие должности. Эти высокие посты зачастую занимали отставные военные, морские офицеры или чиновники, для которых переход на гражданскую службу в отдаленный край становился формой компенсаторной карьеры, позволявшей сохранить статус и получить повышение. Ключевыми стимулами выступали гарантированное повышение в чине при назначении, различные денежные выплаты и, на позднем этапе, льготная пенсия.

При этом случаи с М. И. Миницким и Н. Я. Мягковым наглядно демонстрируют, что кадровая политика в отношении чиновников, направля-

емых в отдаленные регионы, представляла собой сложный симбиоз общих правил и персональных исключений, регулируемых разными, порой пересекающимися правовыми актами. Система, с одной стороны, допускала гибкость и особые условия для ценных кадров, а с другой — создавала бюрократические ловушки, где сохранение статуса могло заменять собой карьерный рост.

Таким образом, на протяжении данного периода благодаря этой целенаправленной политике в Якутии сформировался корпус гражданских чиновников, где немалую часть составляли служащие, привлеченные из других регионов империи. Он обеспечил функционирование новых институтов власти, созданных в ходе административных реформ, и стал проводником имперской политики на местах. Система служебных привилегий превратила Якутию в управляемый регион, интегрированный в общеимперское правовое и бюрократическое поле.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Адрес-календарь, 1805 — *Адрес-календарь*. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на лето 1805 от Рождества Христова, 1805. — 704 с.
2. ПСЗРИ, 1765 — *О произведении служащих в Сибирской и Иркутской губерниях в чины чрез шесть лет*. — Санкт-Петербург : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XVII, собрание первое, 1765. — № 12524. — С. 462.
3. ПСЗРИ, 1783 — *Об устройстве Иркутского наместничества*. — Санкт-Петербург : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXI, собрание первое, 1783. — № 15680. — С. 875.
4. ПСЗРИ, 1798 — *Об определении чиновников в Присутственные места Иркутской губернии с награждением чинов и с выдачею прогонных денег на проезд*. — Санкт-Петербург : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXV, собрание первое, 1798. — № 18450. — С. 171.
5. ПСЗРИ, 1810 — *О распространении на Тобольскую Губернию силы указов, данных 21 марта 1798 и 17 ноября 1803 года для Иркутской и Томской Губерний, о награждении чинами определяемых в оные губернии чиновников*. — Санкт-Петербург : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXXI, собрание первое, 1810. — № 24162. — С. 98.
6. ПСЗРИ, 1822 — *Учреждение для управления Сибирских губерний*. — Санкт-Петербург : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. XXXVIII, собрание первое, 1822. — № 29125. — С. 345.
7. ПСЗРИ, 1835 — *Высочайше утвержденное Положение о преимуществе службы в губерниях и областях Сибирских, в Грузии и областях Кавказской и Закавказских*, опубликованное 19 июня. — Санкт-Петербург : Типография II отделения Собственной

Его Императорского Величества канцелярии, 1835. — Т. X, собрание второе, 1830—1885. — № 8164. — С. 639.

8. РГАВМФ — *Российский* государственный архив военно-морского флота. Ф. 203 (Военная по флоту Канцелярия Министерства морских сил г. Санкт-Петербург (1801—1802 гг.)). Оп. 1. Д. 600.

9. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 3. 1825. Д. 210 ; Ф. 1349 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)). Оп. 3. Д. 385 ; Оп. 3. Д. 974 ; Оп. 3. Д. 1551 ; Оп. 4. 1831. Д. 82 ; Оп. 4 1833. Д. 119 ; Оп. 4. 1835. Д. 323 ; Оп. 4. Д. 405 ; Оп. 6. Д. 24 ; Оп. 6. Д. 126 ; Оп. 6. Д. 237 ; Оп. 6. Д. 281 ; Оп. 6. Д. 291.

Литература

1. *Андреевич В. К.* Сибирь в XIX столетии / В. К. Андреевич. — Санкт-Петербург : Типография и литография В. В. Комарова, 1889. — 754 с.

2. *Андриянова Д. В.* Модели служебного мотивирования чиновников администрации и юстиции Сибири в конце XIX — начале XX в. / Д. В. Андриянова, Е. А. Крестьяников // *Вопросы истории*. — 2018. — № 3. — С. 3—19.

3. *Архипова А. И.* Управление северо-востоком России: институт губернаторства (2-я половина XIX — начало XX века) / А. И. Архипова. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2023. — 232 с. — ISBN 978-5-6049399-4-9.

4. *Борисов А. А.* Якутское чиновничество в 1775—1803 гг. / А. А. Борисов // *Гуманитарные науки в Сибири*. — 2019. — Т. 26. — С. 16—22. — DOI: 10.15372/HSS20190202.

5. *Васильев А. Д.* Вопросы административного преобразования Якутского края в представлениях сибирского чиновничества : 1790—1800-е годы / А. Д. Васильев // *Гуманитарный вектор*. — 2020а. — Т. 15 (3). — С. 127—134. — DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-3-127-134.

6. *Васильев А. Д.* Государственная политика привлечения и удержания чиновников в Якутской области (первая половина XIX в.) / А. Д. Васильев // *Клио*. — 2020б. — № 10 (166). — С. 88—93.

7. *Васильев А. Д.* Первый областной начальник Якутии И. Г. Кардашевский (1805—1816 гг.) / А. Д. Васильев // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. — 2021. — № 1 (34). — С. 28—36. — DOI: 10.15372/HSS20160215.

8. *Воропанов В. А.* Развитие системы государственной гражданской службы Российской империи во второй половине XVIII в. Управление канцелярскими кадрами / В. А. Воропанов // *Социум и власть*. — 2014. — № 5 (49). — С. 106—111.

9. *Воропанов В. А.* Развитие системы государственной гражданской службы Российской империи во второй половине XVIII в. Управление карьерой классных чиновников / В. А. Воропанов // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. — 2015. — № 8 (5). — С. 90—97. — DOI: 10.23932/2542-0240-2015-8-5-90-97.

10. *Воропанов В. А.* Государственная кадровая политика и управление гражданской службы в Сибири : общеимперские стандарты и местная специфика в 1800—1860-е гг. / В. А. Воропанов // *Уральский исторический вестник*. — 2023. — № 2 (79). — С. 169—177. — DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-169-177.

11. *Дамешек Л. М.* Государственная гражданская служба в Сибири : закон и практики (XVIII — начало XIX в.) / Л. М. Дамешек, И. Н. Мамкина // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. — 2021. — Т. 38. — С. 4—20. — DOI: 10.26516/2222-9124.2021.38.4.

12. Дамешек Л. М. «Особые преимущества» государственной гражданской службы в Сибири / Л. М. Дамешек, И. Н. Мамкина // Журнал Фронтирных Исследований. — 2022. — № 1. — С. 1—17. — DOI: 10.46539/jfs.v7i1.375.
13. Карчаева Т. Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии : исторический аспект (1822—1917) / Т. Г. Карчаева // Вестник КрасГАУ. — 2012. — № 4. — С. 229—236. — DOI: 10.36718/1819-4036-2012-4-229-236.
14. Мамкина И. Н. Восточносибирское учительство в системе государственной службы Российской империи в конце XIX — начале XX вв. / И. Н. Мамкина // Гуманитарные науки в Сибири. — 2016. — № 4. — С. 110—113. — DOI: 10.15372/HSS20160419.
15. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века : Проблемы социальной стратификации / Н. П. Матханова. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. — 250 с. — ISBN 5-87550-141-1.
16. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX в. / А. В. Ремнев. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. — 552 с. — ISBN 5-7779-0498-8
17. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. — Омск : Изд-во Омского ун-та, 1997. — 253 с. — ISBN 5-7779-0118-0.
18. Съемщиков Е. А. Государственная гражданская служба в Сибири в XIX в. : особенности структуры и кадрового обеспечения / Е. А. Съемщиков // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2016. — № 4. — С. 47—53. — DOI: 10.24866/1997-2857-2016-4-47-53.
19. Сивкова А. В. Законодательное регулирование государственной службы в Сибири в конце XVIII — первой половине XIX века / А. В. Сивкова. — Новосибирск : Рипэл, 2007. — С. 45—57.
20. Третьякова Н. В. Особенности службы чиновников в Якутской области во второй половине XIX — начале XX веков / Н. В. Третьякова // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. — № 1 (79). — Ч. 2. — С. 46—50. — DOI: 10.23670/IRJ.2019.79.1.037.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026,
одобрена после рецензирования 28.03.2026,
подготовлена к публикации 11.05.2026.

Material resources

- Calendar address, 1805 — Calendar address. (1805). *General painting of the superiors and other officials in all departments in the Russian Empire for the summer of 1805 from the Birth of Christ*. 704 p. (In Russ.).
- PSRI, 1810 — *On the extension to the Tobolsk Province of the force of the decrees given on March 21, 1798 and November 17, 1803 for the Irkutsk and Tomsk Provinces, on awarding ranks to officials designated in these provinces, XXXI (24162)*. (1810, 1830). St. Petersburg: Printing House of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. P. 98. (In Russ.).
- PSRI, 1835 — *The most highly approved Regulation on the advantages of service in the provinces and regions of Siberia, in Georgia and the regions of the Caucasus and Transcaucasia, published on June 19, X (8164)*. (1835, 1830—1885). St. Petersburg: Printing House of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. P. 639. (In Russ.).

- PSZRI, 1765 — *On the promotion of employees in the Siberian and Irkutsk provinces to the ranks after six years, XVII (12524)*. (1830, 1765). St. Petersburg: Printing House of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. P. 462. (In Russ.).
- PSZRI, 1783 — *On the establishment of the Irkutsk viceroyalty, XXI (15680)*. (1830, 1783). St. Petersburg: Printing House of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. P. 875. (In Russ.).
- PSZRI, 1798 — *On the appointment of officials to the Offices of the Irkutsk province with the awarding of ranks and with the issuance of travel money, XXV (18450)*. (1830, 1798). St. Petersburg: Printing House of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. P. 171. (In Russ.).
- PSZRI, 1822 — *An institution for the administration of the Siberian provinces, XXX-VIII (29125)*. (1830, 1822). St. Petersburg: Printing House of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. P. 345. (In Russ.).
- RGAVMF — *Russian State Archive of the Navy. F. 203 (Military Naval Chancellery of the Ministry of Naval Forces, St. Petersburg (1801—1802.)). Op. 1. D. 600*. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1286 (Police Department of the Executive Ministry of Internal Affairs)*. (In Russ.).

References

- Andrievich, V. K. (1889). *Siberia in the 19th century*. Saint Petersburg: V. V. Komarov Printing and Lithography. 754 p. (In Russ.).
- Andriyanova, D. V., Krestyannikov, E. A. (2018). Models of service motivation of officials of the administration and justice of Siberia in the late XIX — early XX century. *Questions of History*, 3: 3—19. (In Russ.).
- Arkhipova, A. I. (2023). *Management of the North—East of Russia: Institute of Governorship (2nd half of the 19th — early 20th century)*. Irkutsk: Ottisk Publishing House. 232 p. ISBN 978-5-6049399-4-9. (In Russ.).
- Borisov, A. A. (2019). Yakut officialdom in 1775—1803. *Humanities in Siberia*, 26: 16—22. DOI: 10.15372/HSS20190202. (In Russ.).
- Dameshek, L. M., Mamkina, I. N. (2021). State civil service in Siberia: law and practice (XVIII — early XIX century). *Izvestiya Irkutsk State University. The "History" series*, 38: 4—20. DOI: 10.26516/2222-9124.2021.38.4. (In Russ.).
- Dameshek, L. M., Mamkina, I. N. (2022). "Special advantages" of the state civil service in Siberia. *Journal of Frontier Studies*, 1: 1—17. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.375. (In Russ.).
- Karchaeva, T. G. (2012). Privileges of public service in the Yenisei province: a historical aspect (1822—1917). *Bulletin of KrasGAU*, 4: 229—236. DOI: 10.36718/1819-4036-2012-4-229-236. (In Russ.).
- Mamkina, I. N. (2016). East Siberian teaching in the civil service system of the Russian Empire in the late 19th — early 20th centuries. *Humanities in Siberia*, 4: 110—113. DOI: 10.15372/HSS20160419. (In Russ.).
- Matkhanova, N. P. (2002). *The Supreme Administration of Eastern Siberia in the middle of the 19th century: Problems of social stratification*. Novosibirsk: Siberian Chronograph. 250 p. ISBN 5-87550-141-1. (In Russ.).
- Remnev, A. V. (1997). *Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century*. Omsk: Publishing House of Omsk University. 253 p. ISBN 5-7779-0118-0. (In Russ.).

- Remnev, A. V. (2004). *Russia of the Far East. The Imperial geography of power of the XIX — early XX century*. Omsk: Publishing House of Omsk State University. 552 p. ISBN 5-7779-0498-8. (In Russ.).
- Sivkova, A. V. (2007). *Legislative regulation of public service in Siberia at the end of the XVIII — first half of the XIX century*. Novosibirsk: Ripel Publ. 45—57. (In Russ.).
- Tretyakova, N. V. (2019). Features of the service of officials in the Yakut region in the second half of the XIX — early XX centuries. *International Scientific Research Journal*, 1 (79) / 2: 46—50. DOI: 10.23670/IRJ.2019.79.1.037. (In Russ.).
- Vasiliev, A. D. (2020). Issues of administrative transformation of the Yakut territory in the views of the Siberian bureaucracy: the 1790s—1800s. *Humanitarian vector*, 15 (3): 127—134. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-3-127-134. (In Russ.).
- Vasiliev, A. D. (2020). The state policy of attracting and retaining officials in the Yakut region (the first half of the 19th century). *Klio*, 10 (166): 88—93. (In Russ.).
- Vasiliev, A. D. (2021). The first regional chief of Yakutia, I. G. Kardashevsky (1805—1816). *Northeastern Humanitarian Bulletin*, 1 (34): 28—36. DOI: 10.15372/HSS20160215. (In Russ.).
- Voropanov, V. A. (2014). Development of the state civil service system of the Russian Empire in the second half of the XVIII century. *Management of clerical personnel. Society and power*, 5 (49): 106—111. (In Russ.).
- Voropanov, V. A. (2015). Development of the state civil service system of the Russian Empire in the second half of the XVIII century. *Career management of class officials. Contours of global transformations: politics, economics, law*, 8 (5): 90—97. DOI: 10.23932/2542-0240-2015-8-5-90-97. (In Russ.).
- Voropanov, V. A. (2023). State personnel policy and civil service management in Siberia: general imperial standards and local specifics in the 1800s and 1860s. *Ural Historical Bulletin*, 2 (79): 169—177. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-169-177. (In Russ.).
- Zhilshchikov, E. A. (2016). State civil service in Siberia in the 19th century: features of the structure and staffing. *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*, 4: 47—53. DOI: 10.24866/1997-2857-2016-4-47-53. (In Russ.).

*The article was submitted 12.01.2026;
approved after reviewing 28.03.2026;
accepted for publication 11.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Нарышкин А. А. Антиколониальная политика Коминтерна в Африке южнее Сахары (1920—1930-е годы) / А. А. Нарышкин // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 450—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-450-466.

Naryshkin, A. A. (2026). Comintern's Anti-Colonial Policy in Sub-Saharan Africa (1920s–1930s). *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 450-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-450-466. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Антиколониальная политика Коминтерна в Африке южнее Сахары (1920—1930-е годы)

Нарышкин Андрей Александрович

orcid.org/0000-0002-9815-0693

доктор политических наук,
доцент кафедры дипломатии
andr-naryshkin@yandex.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Comintern's Anti-Colonial Policy in Sub-Saharan Africa (1920s–1930s)

Andrey A. Naryshkin

orcid.org/0000-0002-9815-0693

Doctor of Political, Associate Professor,
Department of Diplomacy
andr-naryshkin@yandex.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена эволюции антиколониальной политики Коммунистического интернационала в Африке южнее Сахары в 1920—1930-е годы. Рассматривается вопрос о том, какими инструментами Коминтерн пытался связать классовую повестку с задачами национального и расового освобождения. В качестве материалов привлекаются архивные документы Коминтерна, доклады его представителей, письма и резолюции. Исследуется формирование организационной структуры работы в Африке южнее Сахары. Методически исследование опирается на структурно-содержательный анализ документации, сравнительный анализ политической риторики Коминтерна и антиколониальных движений. Показано, что включение «негритянского вопроса» в повестку Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) в 1921 году запустило процесс институционализации африканского направления: оформилось Бюро колониальных стран, затем специализированные структуры по работе среди африканцев и афродиаспоры, а к концу 1920-х годов — Международный комитет негритянских рабочих как транснациональный канал мобилизации и коммуникации. Выявлено, что Коминтерн создал набор организационных и медийных инструментов антиколониальной работы в Африке южнее Сахары и предложил модель соединения классовой борьбы с антирасизмом и самоопределением, сформировав важную платформу культурного и политического пространства.

Ключевые слова:

Коминтерн; антиколониальное движение; негритянский вопрос; Коммунистическая партия Южной Африки; панафриканизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the evolution of the anti-colonial policy pursued by the Communist International (Comintern) in sub-Saharan Africa during the 1920s and 1930s. It explores the mechanisms through which the Comintern sought to integrate class-based politics with the imperatives of national and racial liberation. The research is grounded in a wide array of archival sources, including Comintern documents, reports of its representatives, correspondence, and resolutions. The study traces the formation and development of the organizational infrastructure for anti-colonial work in sub-Saharan Africa. Methodologically, the article relies on structural and content analysis of primary documentation, as well as comparative analysis of the Comintern's political rhetoric and that of contemporary anti-colonial movements. The findings demonstrate that the incorporation of the so-called "Negro Question" onto the agenda of the Executive Committee of the Communist International (ECCI) in 1921 marked the beginning of institutionalization of African affairs: first, through the establishment of the Bureau of Colonial Countries, followed by specialized bodies for work among Africans and the African diaspora, and culminating by the late 1920s in the creation of the International Trade Union Committee of Negro Workers as a transnational channel for mobilization and communication. The article argues that the Comintern developed a distinctive set of organizational and media tools for anti-colonial activism in sub-Saharan Africa, proposing a model that linked class struggle with anti-racism and self-determination, thereby contributing to a significant cultural and political platform.

Key words:

Comintern; anti-colonial movement; Negro Question; Communist Party of South Africa; Pan-Africanism.

УДК 94(397)“192/193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-450-466

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Антиколониальная политика Коминтерна в Африке южнее Сахары (1920—1930-е годы)

© Нарышкин А. А., 2026

1. Введение = Introduction

Создание Коммунистического интернационала в 1919 году стало мировым институциональным отражением стремления социалистического движения связать борьбу пролетариата с освобождением народов колоний. Ленинские «Тезисы по национально-колониальному опросу» 1920 года (II конгресс Коминтерна) устанавливали обязанность коммунистических партий метрополий вести борьбу против империализма в собственной стране и поддерживать освободительные движения в колониях [Тезисы по национально-колониальному вопросу ..., 1931, с. 262—297]. Антиимпериализм был закреплён в самих принципах формирования Интернационала как наднационального центра революционного движения.

В более широком контексте создание Коминтерна означало попытку институционализировать новую модель международной солидарности, выходящую за пределы классовой борьбы в Европе. Если до Первой мировой войны социалистические партии относились к колониальному вопросу как к второстепенному, то ленинская концепция впервые превратила его в часть глобальной революционной стратегии. Африканский континент рассматривался не только как поле эксплуатации, но и как источник возможных революционных союзников, что означало кардинальный поворот в идеологическом восприятии колониального мира.

Уже на втором году существования Коммунистического интернационала в Москве впервые официально поставили вопрос о «негритянском вопросе» — об освобождении чернокожих народов Африки и афродиаспоры. Это произошло 25 января 1921 года, когда на заседании Исполкома Коминтерна (ИККИ) с докладом выступил его председатель Г. Зиновьев. В своём заявлении он рассматривал угнетённые народы Африки как естественных союзников мирового пролетариата и инициировал разработку документов и создания Комитета по негритянскому вопросу с привлечением представителей из Южной Африки [Заявление ..., 1921, с. 57].

Это заявление стало отправной точкой систематического внимания Коминтерна к африканскому вектору борьбы против империализма. В результате в структуре ИККИ появились специальные организационные звенья для координации работы в колониях и среди народов вне зависимости от цвета кожи: в 1921 году при Исполкоме было создано Бюро колониальных стран, а впоследствии появились отделы по работе в Востоке и Африке [РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 76, л. 1].

Уже в первые годы существования Интернационала были заложены основы комплексного подхода к проблеме колониального угнетения. Этот подход сочетал идеологию интернационализма, практику революционной организации и стремление к интеграции колониальных народов в мировое социалистическое движение. В этом заключалась одна из ключевых инноваций Коминтерна, превратившая колониальный вопрос из периферии в центральное направление мировой революционной теории.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковую базу настоящего исследования составляют преимущественно архивные документы Коммунистического интернационала (Коминтерна), отражающие процесс выработки и реализации антиколониальной политики в 1920—1930-е годы. Основу корпуса источников составляют материалы Российского государственного архива социально-политической истории [РГАСПИ], в частности — фонды 495 («Исполнительный комитет Коминтерна») и 535 («Крестьянский интернационал»). Использованы протоколы заседаний, директивные телеграммы, письма активистов и отчетные документы, отражающие деятельность таких структур.

Дополнительные сведения почерпнуты из опубликованных сборников документов «Коминтерн и Африка: Документы» (2003), где представлены письменные обращения и решения ИККИ в отношении африканских и караибских активистов. Ценный материал для анализа медиастратегии Коминтерна предоставил журнал «The Negro Worker» — орган Международного комитета негритянских рабочих, освещавший антиимпериалистические кампании в Африке.

В числе научных трудов, оказавших влияние на формирование исследовательской концепции, использованы работы выдающегося африканиста А. Б. Давидсона, в которых ранняя история отечественной африканистики рассматривается как продукт и одновременно «заложник» коминтерновской инфраструктуры конца 1920-х — середины 1930-х годов [Давидсон, 2006; Давидсон, 2009а; Давидсон, 2009б; Давидсон, 2019, Давидсон, 2022]. А. Б. Давидсон показывает связь усиления внимания к Африке с решениями VI конгресса Коминтерна (1928) и последующим возникновением в Москве

исследовательско-образовательного узла, а также подчеркивает роль африканцев, обучавшихся в коминтерновских учебных заведениях и включавшихся в производимый тогда дискурс, в том числе через «The Negro Worker» [Давидсон, 2009a]. Также автор опирался на работы А. Хакима — англоязычные исследования взаимодействия Коминтерна с африканской диаспорой [Nakim, 2013; Nakim, 2018]; статьи А. А. Прохоровой о классификации многосторонних международных объединений [Прохорова, 2016], а также И. А. Суздальцева о трансформации политики народного фронта [Суздальцев, 2025; Суздальцев, 2022]. Важным дополнением к указанному блоку литературы являются работы отечественных африканистов [Сидорова, 2017; Сидорова, 2011; Петров, 2019], а также оценки прагматичного характера сотрудничества Советского Союза на африканском направлении [Скубко, 2017].

Методологически работа основана на принципах историзма и системного анализа, предполагающих рассмотрение антиколониальной стратегии Коминтерна в широком контексте мировой революции, национально-освободительных движений и международных идеологических конфликтов 1920—1930-х годов.

Основные методы исследования следующие.

Во-первых, структурно-содержательный анализ документов, позволивший выделить ключевые положения программ Коминтерна, формы институционализации африканского направления и механизмы идеологического влияния;

Во-вторых, компаративный подход, использованный при сопоставлении риторики Коминтерна с позицией социалистических партий в колониях и с лидерами panaфриканизма;

В-третьих, контент-анализ официальных документов ИККИ и публикаций журнала «The Negro Worker» — для выявления тематических приоритетов и динамики терминологии;

В-четвертых, дискурс-анализ, направленный на изучение идеологических концептов и их трансформации в официальных формулировках.

Такое сочетание исторического и дискурсивного анализа позволяет рассматривать Коминтерн не только как политическую, но и как коммуникативную сеть, обеспечивавшую идеологическую мобилизацию антиколониальных движений.

В результате источниковедческий и методологический инструментарий исследования обеспечивает комплексное понимание эволюции антиколониальной стратегии Коминтерна от первых решений 1920-х годов до формирования африканских коммунистических организаций и публицистики 1930-х годов, что создает основу для научной реконструкции африканского вектора политики Интернационала.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Идейные основы антиколониальной политики Коминтерна (1919—1923)

В первые послереволюционные годы Коминтерн осмысливал антиколониальную повестку через призму марксистско-ленинской теории мировой революции. Речь шла о том, чтобы привлечь в движение угнетенные нации в качестве «резерва пролетарской революции». Ленинская трактовка совмещала социальную и национальную освободительную борьбу, но в реальной практике Коминтерн поначалу ориентировался прежде всего на европейский пролетариат и революции в развитых странах. С целью вовлечения эксплуатируемого населения стран Африки южнее Сахары советское государство начало действовать через Коминтерн [Беспалова, 2024; Емельянова, 2016]. Африканский континент оставался «в тени» этих планов до 1921 года, когда вопрос об освобождении чернокожего населения был официально включен в повестку ИККИ.

Упомянутое заявление Зиновьева оказало значительное влияние на первые документы Интернационала, в которых подчеркивалась необходимость воспитания революционного сознания среди народов Африки и американского континента. Одновременно в Южной Африке шла работа над формированием первых коммунистических структур. В 1921 году на базе Интернациональной социалистической лиги возникла Коммунистическая партия Южной Африки (КПЮА). Ее лидер Д. Айвон Джонс направил письма Л. Д. Троцкому [РГАСПИ, ф. 495, оп. 64, д. 2, л. 4—6], а затем и В. И. Ленину [РГАСПИ, ф. 5, оп. 3, д. 135, л. 1], излагая положение рабочих Юга и расовую сегрегацию.

В 1921 году южноафриканские делегаты подготовили подробный документ «Коммунизм в Южной Африке», представленный III конгрессу Коминтерна как первый официальный отчет африканских коммунистов. Доклад давал оценку состояния рабочего движения и указывал на «расовый барьер», разделявший белых и африканских трудящихся. Исполком Коминтерна признал, что в условиях Южной Африки соединение борьбы против капитализма и против расизма становится неотъемлемой частью революционного процесса [РГАСПИ, ф. 495, оп. 64, д. 5, л. 46 (Полный текст см. там же, л. 46—57)].

Вскоре после этого Джонс предложил создать при Коминтерне специальное информационно-аналитическое бюро по колониальным вопросам [РГАСПИ, ф. 495, оп. 64, д. 8, л. 8—9]. Идея получила поддержку, и 24 августа 1921 года ИККИ утвердил структуру Бюро колониальных стран — первого органа, координировавшего связи Коминтерна с колониями и контактами в Африке [РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 76, л. 1].

Знаковым периодом стали 1922—1923 годы, когда под влиянием восточной политики и доклада японского коммуниста Сэн Катаямы Коминтерн начал рассматривать «негритянский вопрос» в рамках общемировой антиимпериалистической борьбы. Катаяма придавал особое значение соединению движений угнетенных народов Азии и Африки и в своей докладной записке К. Радеку рассматривал «негритянскую расу как фактор грядущей мировой социальной революции» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 64, д. 8, л. 8—9].

В результате к 1923 году Коминтерн не только задекларировал, но и институционально оформил направление работы по Африке через Бюро колониальных стран, коммуникацию с КПЮА и планы созыва Всемирного негритянского конгресса [РГАСПИ, ф. 495, оп. 155, д. 3, л. 1—3]. Эти инициативы стали фундаментом дальнейшей антиимпериалистической деятельности ИККИ в Африке.

3.2. Коминтерн и Южная Африка: политика «туземной республики» (1924—1930)

После III и IV конгрессов Коминтерна африканское направление оказалось в центре внимания Бюро колониальных стран и секретариата по Востоку. Руководство Интернационала все более убеждалось, что Африка становится уязвимым участком империалистической системы, в частности — Британской империи. В докладных материалах 1924—1925 годов ИККИ отмечались рост рабочих волнений и радикализация африканского пролетариата, в частности, в Бельгийском Конго [РГАСПИ, ф. 535, оп. 2, д. 9, л. 10].

Главным партнером Коминтерна в регионе в тот период выступала Коммунистическая партия Южной Африки. Однако ее внутренняя структура, характеризовавшаяся преобладанием белых членов и слабым представительством африканцев, ставила вопрос о соответствии партии установкам Интернационала на интернационализм и антирасизм.

В целях преодоления подобных противоречий и укрепления партийной работы Коминтерн в своих рекомендациях указывал на необходимость организационного и идейного переустройства партии. Так, в дальнейшем развитии майской резолюции было подчеркнуто, что ЦК КПЮА должен «немедленно приступить к реорганизации самого аппарата» и выделить бюро, руководящее работой партии «в промежутках между пленумами ЦК» и разрешающее «все текущие вопросы руководства парторботой». Особое внимание уделялось усилению агитационно-пропагандистской деятельности: партийный орган должен был стать «не только средством агитации и пропаганды, но и организатором» [Письмо ИККИ руководству КПЮА ..., 1930].

Важнейшей задачей признавалось расширение социальной базы партии и вовлечение в движение наиболее эксплуатируемых слоев рабочего класса. Согласно резолюции, «основу всей работы местных комитетов составляет правильная постановка работы на фабриках, заводах, шахтах, плантациях и фермах», где надлежало организовать коммунистическое «воспитание членов партии» и обеспечивать вербовку новых членов партии как повседневную обязанность каждой партийной ячейки [Там же].

В контексте Южной Африки это означало необходимость реальной работы среди чернокожих и беспартийных рабочих. В указаниях Коминтерна прямо подчеркивалось, что партия должна «организационно закреплять за собой широкие слои сочувствующих беспартийных рабочих» и «снять предрассудки между белыми и черными рабочими» [Там же].

Таким образом, Коминтерн рассматривал реорганизацию КПЮА не только как вопрос внутренней структуры, но и как условие успешного проведения интернационалистской и антиколониальной политики — политики, в которой объединение белых и черных рабочих выступало залогом революционного успеха.

Коминтерн в конце 1920-х годов начинает последовательно требовать от южноафриканских коммунистов открытой агитации среди африканских и цветных трудящихся и вовлечения их в дело революции. Вот пример директивы Исполкома Коминтерна КПЮА 1927 года: «Не ослабляя своей работы среди белого населения, партия уделяла особое внимание туземным слоям населения и особенно в корне изменяла соотношение числа белых и туземных членов КП; кроме того, партия должна сделать все, что в ее силах для того, чтобы помочь туземным товарищам проникнуть в руководящие органы партии» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 64, д. 70, л. 66—67].

На заседаниях ИККИ и подведомственных секретариатов было сформулировано знаменитое требование создания «независимой Туземной Южно-Африканской республики» в Южной Африке. Оно базировалось на анализе национального состава страны и должно было стать объединяющим лозунгом для всех угнетенных народов. Сам задел этой идеи появился в 1928 году на VI конгрессе Коминтерна [РГАСПИ, ф. 495, оп. 155, д. 56, л. 111—112]. Отечественные исследователи-африканисты без преувеличения называют данные события «переломными», так как посредством активизации всемирной пролетарской революции «разрабатывалась тактика нанесения ударов по тылам западного империализма, одним из которых считалась Африка» [Давидсон, 2019, с. 73].

Таким образом, несмотря на угрозу ухудшения взаимодействия с белыми рабочими, оставлявшими костяк коммунистического движения в Африке в 1920-е годы, ИККИ жестко настаивал на том, что через само-

определение африканского народа возможно ускорение наступления коммунистической революции в Африке.

3.3. От работы через партийные каналы к специализированным транснациональным структурам

Во второй половине 1920-х годов деятельность Коминтерна в Африке вступила в новую фазу. Если в начале десятилетия Интернационал действовал преимущественно через национальные партии, то с 1925 года начала формироваться обособленная структура для работы среди африканцев и афродиаспоры: «Коминтерн поставил задачей создание широкой революционно-негритянской организации, которая находилась бы под его влиянием» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 258, л. 415].

ИККИ видел в развивающемся panaфриканском движении идеологически близкую, но социально расплывчатую силу: лидеры первых Panaфриканских конгрессов 1919 и 1921 года, такие как У. Э. Б. Дюбуа, не исповедовали марксизм, однако содействовали росту политического сознания черных интеллектуалов. В связи с этим организация обозначалась в бумагах Коминтерна «пацифистской panaфриканской организацией, ... проповедующей своего рода негритянский сионизм (возвращение в Африку и создание там негритянской республики)» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 258, л. 415]. Коминтерн стремился внедрить в panaфриканизм социальную платформу классовой борьбы — через создание революционной рабочей организации международного масштаба. Современные отечественные исследования отмечают результативность работы Коминтерна с известными общественными фигурами того времени; так, например, взгляды У. Э. Б. Дюбуа эволюционировали от «расплывчатых левых идей ко все более полному принятию марксизма-ленинизма» [Панова, 2020, с. 103].

Зарубежные исследователи развития Африки отмечают, что стремление Коминтерна наладить сотрудничество с активистами афродиаспоры не было случайным — оно отражало осознание того, что «черная пролетарская масса» является частью глобального революционного субъекта. Партия и организациям, ориентированным на марксизм, предлагалось рассматривать борьбу против расовой дискриминации как часть антиимпериалистической стратегии [Nakim, 2013].

В этом контексте важно отметить, что структурное оформление Коминтерновских инициатив по работе с колониальными и постколониальными пространствами можно рассматривать не только как мировой идеологический центр, но и как сетевое многоуровневое объединение, где формы институционализации были гибридными — от наднациональной координации до саммитных механизмов обсуждения и распределения повесток [Прохорова, 2016].

Так, в 1928 году возник Международный комитет негритянских рабочих, принципы работы которого были окончательно сформированы в рамках подготовки к Международной негритянской конференции в Гамбурге [РГАСПИ, ф. 495, оп. 155, д. 86, л. 7—8].

Организация занималась изучением положения рабочих в колониях, поддержкой забастовок, агитацией против расовой дискриминации и гарнизонной политики империалистических государств. Одновременно она стала печатью голоса африканского марксизма — журналом «The Negro Worker». Первоначально журнал назывался «The International Negro Workers' Review», но уже в марте 1931 года получил имя «The Negro Worker». Публикации выходили на английском. Журнал служил инструментом Коминтерна для распространения социалистических и антиколониальных идей среди чернокожих рабочих, координации международного революционного движения в Африке, Карибском бассейне и среди афроамериканцев, критики «буржуазного» и «реформистского» профсоюзного движения, в особенности британского лейборизма, освещения борьбы против империализма, расизма и колониального угнетения. Журнал был важным свидетельством попыток объединить трудящиеся массы африканского происхождения в рамках глобальной антиимпериалистической борьбы [The Negro Worker].

К 1932—1933 годам деятельность Международного комитета негритянских рабочих (Комитет) оказалась в эпицентре дебатов о характере революционной борьбы в колониях. Сотрудники Комитета все чаще утверждали, что необходимо включать национально-освободительное движение в глобальное антиимпериалистическое единство, но без прямого подчинения коминтерновским структурам. Можно утверждать, что в этом заключался корень будущего разрыва руководителя Комитета и главного редактора упомянутого выше журнала Пэдмора с Коминтерном, произошедшего в 1933—1934 годах, закончившегося исключением его из компартии [РГАСПИ, ф. 495, оп. 64, д. 132, л. 10].

Тем не менее, период 1930—1933 годов стал решающим для формирования африканского революционного дискурса. Коминтерн смог через Международный комитет негритянских рабочих создать международную сеть контактов — от Дакара до Лондона, от Нью-Йорка до Лагоса.

Именно через Международный комитет негритянских рабочих Коминтерн фактически заложил организационную базу для будущих национальных коммунистических партий в ряде африканских стран. Кадровая работа осуществлялась через учебу в Международной ленинской школе в Москве, куда направлялись активисты из Сьерра-Леоне, Нигерии и Южной Африки, что впоследствии сформировало целое поколение африканских марк-

систов. Прошедшие обучение специалисты получили не только теорию, но и навыки подпольной работы, организации ячеек, агитации и пропаганды.

Кадровая работа через Международную ленинскую школу была системной. Эта подготовка действительно стала решающим фактором в формировании поколения африканских марксистов-интеллектуалов и организаторов, чье влияние ощущалось в политике и идеологии континента на протяжении всего XX века. Однако важно помнить об ограниченных масштабах этой работы и о сложном историческом контексте, в котором она происходила.

Таким образом, Международный комитет негритянских рабочих стал связующим звеном между мировым рабочим движением и новыми африканскими элитами, впервые утвердившими идею соединения социального и национального освобождения в единый революционный проект.

3.4. Коминтерн в условиях кризиса 1930-х годов и трансформация африканской политики

Начало 1930-х годов ознаменовалось общим идеологическим и структурным кризисом в Коминтерне. Мировой экономический кризис начала 1930-х годов вызвал дестабилизацию социальных систем в Европе и колониальном мире, а становление фашистских режимов в Германии и Италии поставило перед Интернационалом вопрос о формировании антифашистского блока. На этом фоне работа среди колониальных народов, включая африканские, перестала быть на первом плане. ИККИ вынужден был сократить расходы на зарубежные структуры, включая Международный комитет негритянских рабочих.

В 1934—1935 годах Коминтерн все чаще обращался к задаче создания народных фронтов — антифашистских, антиимпериалистических и профсоюзных [Суздальцев, 2025]. Ключевым решением стал в 1935 году VII конгресс Коминтерна, на котором генеральный секретарь Коминтерна Г. Димитров объявил об инициировании народных фронтов. Для африканского направления это означало широкий курс на сотрудничество с либеральными и национально-демократическими движениями в колониях. Вместо жесткой установки на создание коммунистических партий в каждой стране Интернационалом ставилась цель объединения всех антиимперских сил.

4. Заключение = Conclusions

Антиколониальная политика Коммунистического интернационала в 1920—1930-х годах стала одним из наиболее оригинальных и малоизученных направлений его деятельности. На африканском материале Коминтерн впервые смог интегрировать три идеологических пласта: марк-

системную концепцию мировой революции, национально-освободительную повестку и идею расового равенства. Коминтерн оказал решающее влияние на формирование дискурса «черного интернационализма», создав теоретические и коммуникационные каналы, по которым идеи социального равенства перетекали из революционных центров Европы в Африку [Nakim, 2013].

Первую половину 1920-х годов можно назвать систематизацией работы Коминтерна в Африке.

Как следствие, во второй половине 1920-х годов деятельность Коминтерна приобрела более организованный характер: образование Коммунистической партии Южной Африки, введение в обращение тезиса о «независимой туземной республике», появление Международного комитета негритянских рабочих позволили соединить идею социального освобождения с борьбой против расизма и колониализма. Эти практики заложили основы для формирования первых африканских марксистских сетей и для взаимодействия между левыми движениями.

Кризис 1930-х годов, усиление фашизма и смена стратегических приоритетов в Коминтерне привели к сворачиванию активных структур Коминтерна в Африке, однако их интеллектуальное наследие оказалось востребовано в позднейшей истории — в литературе, в национальных движениях и в пропаганде за самоопределение народов колоний. Через московскую школу Коминтерна прошли будущие идеологи африканской независимости, а публикации журнала «The Negro Worker» сыграли роль «печатного мостика» между социалистическим центром и периферией.

Тем не менее значение коминтерновского опыта не ограничивается идеологией. Он способствовал становлению целого культурного и политического пространства, в котором возникли первые контакты между африканскими, карибскими и афроамериканскими активистами. Коминтерн фактически стал катализатором транснациональных сетей солидарности, предвосхитивших движение panaфриканизма второго поколения середины XX века [Потехин, 1964; Nakim et al., 2003]. В этом смысле деятельность Интернационала стала не только политическим, но и цивилизационным опытом переосмысления отношений между центром и периферией мировой системы.

В целом опыт 1920—1930-х годов показал, что Коминтерн впервые политизировал вопрос о расовом и колониальном угнетении в рамках марксистской парадигмы. Это было принципиальным новшеством, опередившим десятилетия в развитии левого антиколониализма и интернационалистской солидарности. Хотя деятельность Коминтерна на африканском направлении оставалась ограниченной, она внесла весомый вклад в фор-

мирование политического языка борьбы за независимость и социальное равенство на континенте.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Директивная* телеграмма Исполкома Коминтерна VI съезду Коммунистической партии Южной Африки в связи с резолюцией Политсекретариата ИККИ от 27 июля 1927 г. Декабрь 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 64. Д. 70. Л. 66—67.
2. *Заявление* Председателя Исполкома Коминтерна Г. Зиновьева по негритянскому вопросу на заседании ИККИ. 25.1.1921 г. // Коминтерн и Африка: Документы / Центр африкан. исслед. Ин-та всеобщей истории РАН ; Федер. архив. служба России ; Рос. гос. архив соц.-полит. истории; сост. В. Городнов ; ред. А. Давидсон. — Санкт-Петербург : Алетея, 2003. — 352 с.
3. *Из докладной* записки Сен Катаямы К. Радеку. 14 VII 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 17. Л. 23.
4. *Из документа* «Коммунизм в Южной Африке», подготовленного Д. А. Джонсом и представленного С. Бэрлином председателю ИККИ Г. Зиновьеву как официальный доклад Интернациональной социалистической лиги (Южная Африка) III Конгрессу Коминтерна. 24 V 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 64. Д. 5. Л. 46 ; полный текст см. там же, л. 46—57.
5. *Из Информационного* обзора Восточного секретариата ИККИ о развитии мирового негритянского движения. Ноябрь 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 258. Л. 415.
6. *Из стенограммы* заседания Негритянской подкомиссии Колониальной комиссии VI Конгресса Коминтерна в связи с обсуждением вопроса об отношении КПЮА к лозунгу «Независимой туземной Южно-Африканской республики». 11 VIII 1928 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 56. Л. 111—112.
7. *Инструкция* по проведению в Гамбурге международной негритянской конференции, представленная Профинтерном на утверждение ИККИ. 19 VI 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 86. Л. 7—8.
8. *Письмо* Д. А. Джонса секретарю ИККИ М. Ракоши о создании информационно-аналитического бюро по колониальным проблемам. Июль–август 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 64. Д. 8. Л. 8—9.
9. *Письмо* Д. А. Джонса, представителя КПЮА в Коминтерне, Л. Троцкому. 2 VI 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 64. Д. 2. Л. 4—6.
10. *Письмо* Д. Айвона Джонса в Исполком Коминтерна с предложениями в связи с предполагаемым созывом Всемирного негритянского конгресса. 8 I 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 3. Л. 1—3.
11. *Письмо* Д. Айвона Джонса В. И. Ленину. 5 IV 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 135. Л. 1.
12. *Письмо* из отдела Востока и колоний Крестинтерна ЦК компартии Бельгии в связи с волнениями в Бельгийском Конго. 15 IX 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 9. Л. 10.
13. *Письмо ИККИ руководству КПЮА*. 10 IX 1930 г. // Коминтерн и Африка: Документы / Центр африкан. исслед. Ин-та всеобщей истории РАН ; Федер. архив. служба

России ; Рос. гос. архив соц.-полит. Истории ; сост. В. Городнов ; ред. А. Давидсон. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. — 352 с.

14. *Решение* Бюро колониальных стран ИККИ о своей структуре и сфере деятельности. 24 VIII 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 76. Л. 1.

15. *Сообщение* Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна ИККИ об исключении из компартии Дж. Пэйдмора. 19 III 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 64. Д. 132. Л. 10.

16. *Тезисы по национально-колониальному вопросу* // Материалы и документы по истории Коминтерна. — Москва : [б. и.], 1931. — Выпуск 1. — 440 с.

17. *The Negro Worker: A Comintern Publication of 1928–37* // Marxists.org [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.marxists.org/history/international/comintern/negro-worker/> (accessed 25.12.2025).

Литература

1. Беспалова К. А. На пути к созданию антиимпериалистической лиги : всемирный конгресс в Брюсселе (1927 г.) / К. А. Беспалова // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. — 2024. — № 1. — С. 103—113. — DOI: 10.31857/S086919080028820-9.

2. Давидсон А. Б. Африканистика в институте всеобщей истории — итоги исследований / А. Б. Давидсон // Новая и новейшая история. — 2006. — № 5. — С. 57—69.

3. Давидсон А. Б. Двойное рождение отечественной африканистики / А. Б. Давидсон // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. — 2009а. — № 1. — С. 5—13.

4. Давидсон А. Б. Истоки отечественной африканистики / А. Б. Давидсон // Азия и Африка сегодня. — 2009б. — № 4 (621). — С. 49—52.

5. Давидсон А. Б. Предисловие / А. Б. Давидсон // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2013. — № 3 (19). — С. 1.

6. Давидсон А. Б. Первое поколение отечественных африканистов / А. Б. Давидсон // Новая и новейшая история. — 2019. — № 5. — С. 69—80. — DOI: 10.31857/S013038640006345-7.

7. Емельянова Е. Н. Политика Советской России по отношению к странам Среднего Востока в начале 20-х гг. XX века / Е. Н. Емельянова // Научный диалог. — 2016. — № 7(55). — С. 171—185.

8. Панова О. Ю. Пять путешествий Уильяма Дюбуа в СССР / О. Ю. Панова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2020. — № 3 (100). — С. 92—105. — DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-92-105.

9. Петров Н. И. Африка, о которой мы почти ничего не знали / Н. И. Петров // Азия и Африка сегодня. — 2019. — № 6. — С. 75—77. — DOI: 10.31857/S032150750005170-9.

10. Прохорова А. А. К вопросу о классификации многосторонних международных объединений / А. А. Прохорова // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. — 2016. — № 1. — С. 21—37.

11. Потехин И. И. Характерные черты распада колониальной системы империализма в Африке / И. И. Потехин // Проблемы востоковедения. — 1960. — № 1. — С. 12—29.

12. Потехин И. И. Панафриканизм и борьба двух идеологий / И. И. Потехин // Коммунист. — 1964. — № 1. — С. 101—108.

13. Сидорова Г. М. Армия и общество в Африке : история и современность / Г. М. Сидорова // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. — 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 130—143. — DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-3-130-143.

14. Сидорова Г. М. К 50-летию Советско/российско-конголезских отношений. Россия и демократическая республика Конго : история и перспективы сотрудничества / Г. М. Сидорова // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. — 2011. — № 1. — С. 124—133.
15. Скубко Ю. С. Алмазы для апартеида. сотрудничество СССР с «Де Бирс» : новый прагматизм или развитие старого партнерства? / Ю. С. Скубко // Ученые записки Института Африки РАН. — 2017. — № 3 (40). — С. 53—65. — DOI: 10.31132/2412-5717-2021-56-3-120-126.
16. Суздальцев И. А. Оценки современными англоязычными историками политики Коминтерна в Африке / И. А. Суздальцев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2022. — № 5. — С. 217—226. — DOI: 10.31857/S086919080020061-4.
17. Суздальцев И. А. Политика народного фронта Коминтерна в оценках современных англоязычных историков / И. А. Суздальцев // Вестник Омского университета. Серия : Исторические науки. — 2025. — Т. 12. — № 1 (45). — С. 83—88. — DOI: 10.24147/2312-1300.2025.12(1).83-88.
18. Hakim A. Pan-Africanism : A History / A. Hakim. — New York : Bloomsbury Academic, 2018. — 312 p.
19. Hakim A. Pan-Africanism and Communism : The Communist International, Africa and the Diaspora, 1919—1939 / A. Hakim. — Trenton : Africa World Press, Inc., 2013. — 494 p.
20. Hakim A. Pan-African History : Political Figures from Africa and the Diaspora since 1787 / A. Hakim, M. Sherwood. — London : Routledge, 2003. — 216 p.

*Статья поступила в редакцию 07.01.2026,
одобрена после рецензирования 28.04.2026,
подготовлена к публикации 14.05.2026.*

Material resources

- A letter from D. Ivon Jones to V. I. Lenin. 5 IV 1922. *RGASPI. F. 5. Op. 3. D. 135. L. 1.* (In Russ.).
- A letter from the Department of the East and Colonies of the Communist International of the Central Committee of the Communist Party of Belgium in connection with the unrest in the Belgian Congo. 15 IX 1925. *RGASPI. F. 535. Op. 2. D. 9. L. 10.* (In Russ.).
- Davidson, A. (ed.). (2003). Letter from the ICCI to the leadership of the Communist Party of the Soviet Union. 10 IX 1930. In: *Comintern and Africa: Documents / African Center: research. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; Feder. archive. Service of Russia; Russian State Archive of Social and Political Sciences history.* St. Petersburg: Aleteya Publ. 352 p. (In Russ.).
- Davidson, A. (ed.). (2003). Statement by Chairman of the Executive Committee of the Comintern G. Zinoviev on the Negro issue at a meeting of the ICCI. 25.1.1921. In: *Comintern and Africa: Documents / African Center: research. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; Feder. archive. Service of Russia; Russian State Archive of Social and Political Sciences history.* St. Petersburg: Aleteya Publ. 352 p. (In Russ.).
- Directive telegram from the Executive Committee of the Comintern to the Sixth Congress of the Communist Party of South Africa in connection with the resolution of the Po-

- litical Secretariat of the ICCI dated July 27, 1927. December, 1927. *RGASPI. F. 495. Op. 64. D. 70. L. 66—67*. (In Russ.).
- From a memo by Sen Katayama K. Radek. 14 VII, 1923. *RASPI. F. 495. Op. 155. D. 17. L. 23*. (In Russ.).
- From the document "Communism in South Africa" prepared by D. A. Jones and presented by S. Barlin to the Chairman of the ICCI G. Zinoviev as an official report of the International Socialist League (South Africa) to the III Congress of the Comintern. 24 V 1921. *RGASPI. F. 495. Op. 64. d. 5. L. 46*; for the full text, see *ibid.*, l. 46—57. (In Russ.).
- From the Information Review of the Eastern Secretariat of the ICCI on the development of the world Negro movement. November 1925. *RGASPI. F. 495. Op. 154. D. 258. L. 415*. (In Russ.).
- From the transcript of the meeting of the Negro Subcommittee of the Colonial Commission of the Sixth Congress of the Comintern in connection with the discussion of the question of the attitude of the Communist Party of the Soviet Union to the slogan of the "Independent Indigenous Republic of South Africa." 11 VIII 1928. *RGASPI. F. 495. Op. 155. D. 56. L. 111—112*. (In Russ.).
- Instructions for holding an international Negro conference in Hamburg, submitted by the Profinterm for approval by the ICCI. 19 VI 1930. *RGASPI. F. 495. Op. 155. D. 86. L. 7—8*. (In Russ.).
- Letter from D. A. Jones to the Secretary of the ICCI, M. Rakosi, on the establishment of an information and analytical bureau on colonial issues. July–August, 1921. *RGASPI. F. 495. Op. 64. D. 8. L. 8—9*. (In Russ.).
- Letter from D. A. Jones, representative of the Communist Party of the Soviet Union in the Comintern, to L. Trotsky. 2 VI 1921. *RGASPI. F. 495. Op. 64. D. 2. L. 4—6*. (In Russ.).
- Letter from D. Ivan Jones to the Executive Committee of the Comintern with proposals in connection with the proposed convening of the World Negro Congress. 8 I 1923. *RGASPI. F. 495. Op. 155. D. 3. L. 1—3*. (In Russ.).
- The decision of the Bureau of Colonial Countries of the ICCI on its structure and field of activity. 24 VIII, 1921. *RGASPI. F. 495. Op. 154. D. 76. L. 1*. (In Russ.).
- The message of the International Control Commission of the Comintern of the ICCI on the expulsion of J. Padmore. 19 III, 1934. *RGASPI. F. 495. Op. 64. D. 132. L. 10*. (In Russ.).
- The Negro Worker. A Comintern Publication of 1928—37. Marxists.org*. Available at: <https://www.marxists.org/history/international/comintern/negro-worker/> (accessed 25.12.2025).
- Theses on the national-colonial question. (1931). *Materials and documents on the history of the Comintern, I*. Moscow: [b. i.]. 440 p. (In Russ.).

References

- Bespalova, K. A. (2024). On the way to creating the League Against Imperialism: the World Congress in Brussels (1927). *Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity, 1*: 103—113. DOI:10.31857/S086919080028820-9. (In Russ.).
- Davidson, A. B. (2006). African studies at the Institute of World History: research results. *Modern and Contemporary History, 5*: 57—69. (In Russ.).
- Davidson, A. B. (2009). Origins of Russian African studies. *Asia and Africa Today, 4 (621)*: 49—52. (In Russ.).

- Davidson, A. B. (2009). The double birth of Russian African studies. *Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, 1: 5—13. (In Russ.).
- Davidson, A. B. (2013). History. *Online Research and Educational Journal*, 3 (19): P. 1. (In Russ.).
- Davidson, A. B. (2019). The First Generation of Domestic Africanists: Birth, Death and Leaving. *Modern and Contemporary History*, 5: 69—80. DOI: 10.31857/S013038640006345-7. (In Russ.).
- Emelyanova, E. N. (2016). Soviet Russia's policy toward the countries of the Middle East in the early 1920s. *Nauchnyy dialog*, 7 (55): 171—185. (In Russ.).
- Hakim, A. (2013). *Pan Africanism and Communism: The Communist International, Africa and the Diaspora, 1919—1939*. Trenton: Africa World Press. 494 p.
- Hakim, A. (2018). *Pan Africanism: A History*. New York: Bloomsbury Academic. 312 p.
- Hakim, A., Sherwood, M. (2003). *Pan African History: Political Figures from Africa and the Diaspora since 1787*. London: Routledge. 216 p.
- Panova, O. Y. (2020). Five journeys of W. E. B. Du Bois to the USSR. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*, 3 (100): 92—105. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-100-03-92-105. (In Russ.).
- Petrov, N. I. (2019). Africa, of which we knew almost nothing. *Asia and Africa Today*, 6: 75—77. DOI: 10.31857/S032150750005170-9. (In Russ.).
- Potekhin, I. I. (1960). Characteristic features of the disintegration of the colonial system of imperialism in Africa. *Problems of Oriental Studies*, 1: 12—29. (In Russ.).
- Potekhin, I. I. (1964). Pan-Africanism and the struggle of two ideologies. *Kommunist*, 1: 101—108. (In Russ.).
- Prokhorova, A. A. (2016). On the classification of multilateral international associations. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science*, 1: 21—37. (In Russ.).
- Sidorova, G. M. (2011). On the 50th anniversary of Soviet/Russian—Congoese relations. Russia and the Democratic Republic of the Congo: history and prospects for cooperation. *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, 1: 124—133. (In Russ.).
- Sidorova, G. M. (2017). The army and society in Africa: history and modernity. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 10 (3): 130—143. doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-3-130-143. (In Russ.).
- Skubko, Y. S. (2017). Diamonds for apartheid: Soviet cooperation with De Beers—new pragmatism or evolution of an old partnership? *Proceedings of the Institute for African Studies RAS*, 3 (40): 53—65. DOI: 10.31132/2412-5717-2021-56-3-120-126. (In Russ.).
- Suzdaltsev, I. A. (2022). Assessments by modern English-speaking historians of the policy of the Comintern in Africa. *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, 5: 217—226. DOI: 10.31857/S086919080020061-4. (In Russ.).
- Suzdaltsev, I. A. (2025). The People's Front policy of the Comintern in the assessments of modern English language historians. *Bulletin of Omsk University. Historical Sciences*, 12 (1) / 45: 83—88. DOI:10.24147/2312-1300.2025.12(1).83-88. (In Russ.).

*The article was submitted 07.01.2026;
approved after reviewing 28.04.2026;
accepted for publication 15.05.2026.*

Информация для цитирования:

Науменко О. Н. Реформирование советского исторического образования в 1920-х — начале 1940-х годов (на материалах Хорезмской области Узбекской ССР) в контексте распространения нацизма в Германии / О. Н. Науменко, У. Б. Махмудов, Б. М. Сатимов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 467—485. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-467-485.

Naumenko, O. N., Makhmudov, U. B., Satimov, B. M. (2026). Reforming Soviet History Education in 1920s – Early 1940s: Case of Khorezm Region of Uzbek SSR in Context of Rise of Nazism in Germany. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 467-485. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-467-485. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Реформирование советского исторического образования в 1920-х — начале 1940-х годов (на материалах Хорезмской области Узбекской ССР) в контексте распространения нацизма в Германии

Науменко Ольга Николаевна^{1,2}

orcid.org/0009-0005-1504-9805

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории,

корреспондирующий автор

oolgann@mail.ru

Махмудов Умрбек Бахтиёрович³

orcid.org/0009-0007-6782-4521

кандидат исторических наук,
кафедра истории

umrbekmakhmudov0088@gmail.com

Сатимов Баходир Манглибой угли³

orcid.org/0009-0004-5127-2898

кандидат исторических наук,
кафедра истории

bsatimov263@gmail.com

¹ Ургенчский государственный университет имени Абу Райхана Бируни (Ургенч, Узбекистан)

² Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова (Самарканд, Узбекистан)

³ Ургенчский инновационный университет (Ургенч, Узбекистан)

Reforming Soviet History Education in 1920s – Early 1940s: Case of Khorezm Region of Uzbek SSR in Context of Rise of Nazism in Germany

Olga N. Naumenko^{1,2}

orcid.org/0009-0005-1504-9805

Doctor of History, Professor,
Department of History,

corresponding author

oolgann@mail.ru

Umrbek B. Makhmudov³

orcid.org/0009-0007-6782-4521

PhD in History,
Department of History
umrbekmakhmudov0088@gmail.com

Bahodir M. Satimov³

orcid.org/0009-0004-5127-2898

PhD in History,
Department of History
bsatimov263@gmail.com

¹ Urgench State University named after Abu Rayhan Biruni (Urgench, Uzbekistan)

² Samarkand State University named after Sharof Rashidov (Samarkand, Uzbekistan)

³ Urgench Innovation University (Urgench, Uzbekistan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводятся временные параллели между государственной политикой СССР в сфере исторического образования и процессом распространения нацизма в Германии в 1920-х — начале 1940-х годов. Доказано, что усиление исторической подготовки в учебных заведениях СССР коррелировало с этапами укрепления партии Гитлера в Германии. Отмечается, что приход нацистов к власти в 1933—1934 годах стал переломным моментом, и в СССР дисциплина «История» была введена во всех учебных заведениях страны. Показано, что реформа проводилась форсированными темпами, продолжаясь в годы Великой Отечественной войны с учетом событий на советско-германском фронте. В качестве источников привлечены нормативные акты в сфере образования за 1920—1940-е годы и документы Государственного архива Хорезмской области. Методология исследования основана на сочетании теории «нелогического действия» В. Парето и научных представлений о формировании идеологии на основе образа общего врага. Авторы приходят к выводу: опыт СССР показал не только значимость исторических знаний для создания устойчивых патриотических представлений, но также важность государственной политики, направленной на своевременное определение деструктивных явлений, формирующихся в идеологии соседних государств, и быстрое на них реагирование с целью консолидации общества для противодействия возникшим угрозам.

Ключевые слова:

историческое образование; реформа образования; нацизм; Хорезмская область; СССР; Великая Отечественная война; Вторая мировая война; патриотическое воспитание; подготовка кадров историков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the temporal parallels between Soviet state policy in the field of history education and the rise of Nazism in Germany during the 1920s and early 1940s. It is demonstrated that the intensification of history instruction in Soviet educational institutions correlated with key stages in the consolidation of power by Hitler's party. The authors argue that the Nazi seizure of power in 1933–1934 marked a turning point, after which the discipline of “History” was introduced as a mandatory subject across all educational establishments in the USSR. The reform was implemented at an accelerated pace and continued throughout the Great Patriotic War, adapting to developments on the Eastern Front. The research draws on normative educational acts from the 1920s–1940s and archival documents from the State Archive of the Khorezm Region. The methodology combines Vilfredo Pareto's theory of “non-logical action” with scholarly approaches to ideology formation based on the construction of a common external enemy. The authors conclude that the Soviet experience underscores not only the importance of historical knowledge for fostering stable patriotic values, but also the necessity of proactive state policy aimed at promptly identifying and responding to emerging ideological threats in neighboring states, thereby consolidating society to counter potential dangers.

Key words:

history education; educational reform; Nazism; Khorezm region; USSR; Great Patriotic War; World War II; patriotic education; training of historians.

УДК 94(575.1)“192/194”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-467-485

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Реформирование советского исторического образования в 1920-х — начале 1940-х годов (на материалах Хорезмской области Узбекской ССР) в контексте распространения нацизма в Германии

© Науменко О. Н., Махмудов У. Б., Сатимов Б. М., 2026

1. Введение = Introduction

Изменения в подходах к историческому образованию в современной России, начатые в период роста неонацистских настроений в Европе, требуют анализа предшествующего опыта: в СССР подобная реформа проводилась также в условиях нарастания военной угрозы от Германии. Советское историческое образование обеспечивало воспитание патриотизма: этот процесс начался в 1920-е годы, усилился с середины 1930-х годов и максимально активизировался в годы Великой Отечественной войны. Через систему образования и воспитания оказывалось воздействие на самую многочисленную возрастную группу населения: по данным Всесоюзной переписи 1939 года, в СССР молодые люди в возрасте от 12 до 29 лет составляли 34,8 % (в том числе в РСФСР — около 34,4 %) [Савин, 2022, с. 288]. Значительная часть этой молодежи участвовала в Великой Отечественной войне, и именно на эту группу советского общества в начале 1930-х годов пришлось наиболее активная фаза реформы исторического образования.

В СССР одна из задач педагогов гуманитарного профиля состояла в формировании коммунистического мировоззрения, призванного закрепить в общественном сознании образ идеального государства и, соответственно, создать базу для устойчивых патриотических представлений. Таким образом, курс истории рассматривался как важнейшее звено в системе гражданского воспитания. Между тем, понимание значимости этой дисциплины пришло не сразу.

В начале 1920-х годов среди советских ученых развернулась острая дискуссия о предназначении исторических знаний, результатом чего стал вывод о «вредности» изучения прошлого для построения нового общества [Огоновская, 2018]. В 1923 году состоялся отказ от ее преподавания, но

отдельные исторические сюжеты вошли в курс обществоведения. Реформа этим не ограничилась, так как для нужной государству интерпретации событий необходима была новая концепция мировой истории, учебники и методические пособия, а также подготовленные учителя. Однако сложная международная обстановка требовала форсированных темпов реализации задачи, и реформу пришлось проводить с учетом внешних угроз. В результате во второй половине 1920-х годов в СССР началась подготовка системы образования к возврату истории в учебные планы, но с новым идеологическим содержанием.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования: на материалах Хорезмской области Узбекистана рассмотреть связь государственной политики СССР в сфере исторического образования с процессом распространения нацизма в Германии в 1920-х — начале 1940-х годов.

В историографии тема настоящей статьи пока не исследована. Применительно к Хорезмской области научный интерес представляет монография Н. К. Нуруллаевой о культурных и образовательных связях Каракалпакстана с Хорезмом [Нуруллаева, 2024], так как до открытия в 1942 году в Ургенче исторического факультета подготовка учителей для этого региона осуществлялась в соседней Каракалпакии. Также отметим биографический сборник О. Абдуллаева об историках Хорезмской области, включающий материалы об учителях — участниках Великой Отечественной войны [Абдуллаев, 2007], и статью Б. Б. у. Кенджаева и О. Н. Науменко о распространении исторических знаний в Хорезме в 1920-х годах [Кенджаев и др., 2025]. Исследования, касающиеся других регионов, отразили эволюцию советского исторического образования в целом, преимущественно в период 1930-х — 1940-х годов. Как правило, авторы рассматривают этапы и особенности преподавания этой дисциплины в СССР, ее нормативную базу, учебные программы и процесс подготовки учебников [Багрова, 2001; Гришаев, 2014; Дущенко, 2010; Никандров, 2021; Огоновская, 2018; Пепелина, 2011; Хорошенкова, 2012; Щулепникова, 2014 и др.]. Между тем ни в одной из публикаций не отражена связь реформы исторического образования в СССР с активизацией германского нацизма.

Вторая группа исследований многочисленна и касается истории Германии и Второй мировой войны. Авторы рассматривают советско-германские экономические и политические отношения перед войной [Аблизин, 2015; Лавренов, 2021; Швейцер, 2020; Янборисов и др., 2018 и др.], социальную базу нацизма и этапы его распространения в Германии [Галкин, 1989; Хавкин, 2014 и др.], идеологическое противостояние СССР в годы

войны и другие вопросы [Гашенко, 2022; Кайгусуз и др., 2025; Цветков, 2012 и др.]. Однако ни одна из публикаций также не затрагивает связь между укреплением нацизма и реформированием советского исторического образования.

Третья группа исследований обширна и включает дискуссию о терминах *фашизм* и *нацизм*, а также об их применимости к характеристике Германии периода 1920-х — середины 1940-х годов. Авторы статьи стоят на позиции одного из исследователей этого вопроса — В. Э. Багдасаряна, который поддерживает расширительное толкование термина «фашизм» применительно ко всем радикальным националистическим движениям межвоенного периода: «Целесообразно использовать широкую трактовку понятия “фашизм”, которое в то же время соотносилось бы и с феноменом нацизма. В этом соотношении под фашизмом было бы правильно понимать идеологию и вытекающую из неё политическую практику антропологического превосходства и неравенства. Нацизм, соответственно, следует в этой логике понимать как один из видов фашизма, связанный с расовым и этническим превосходством, воплощаемым в нации» [Багдасарян, 2024, с. 23].

Дискуссия о фашизме и нацизме в истории Германии была начата историками ФРГ [Корнева, 2007, с. 53], которые выполняли важнейшую идеологическую задачу: с одной стороны, знание теоретических основ этих явлений должно было предотвратить их возникновение в будущем, а с другой стороны, снизить степень исторической вины Германии. Эти исследования приводили к пониманию Холокоста и других преступлений фашизма и нацизма как чудовищных, но все же закономерных явлений, а это граничило с их оправданием сложившимися историческими обстоятельствами.

Перестройка 1985 года и распад СССР вызвали всплеск исследований «белых пятен истории», и тогда появилось понимание, что в Германии сложился не фашизм, а нацизм. Его трактовки были разными, но объединяющим признаком стало отмежевание нацизма от фашизма. Этот подход отражен в ряде публикаций, в том числе российских ученых, которые также стали избегать термина *фашизм* относительно Германии [Хавкин, 2014 и др.], поскольку возникло осознание, что собственно *фашизм* был чисто итальянским явлением, идеологически очень существенно отличавшимся от «нацизма». Так как в советской политической традиции именно «германский фашизм» ассоциировался с особым историческим явлением, а победа над ним являлась мощным объединяющим фактором, то отказ от понятия «германский фашизм» разрушал сложившиеся основы историко-идеологического сознания в бывшем СССР [Багдасарян и др., 2017, с. 13]. Более того, юридические исследования показывают, что в ходе этих

политических манипуляций в России возникли сложности при квалификации соответствующих преступлений, так как термины *нацизм* и *фашизм* оказались четко не определены, их базовые признаки не получили ясного обоснования и разграничения [Рыжов, 2018, с. 387].

В настоящее время понятия «фашизация Германии» и «германский фашизм» вновь возвращаются в российскую историографию, а нацизм в ряде публикаций снова начинает рассматриваться как одна из разновидностей фашизма [Бадалова и др., 2025, с. 13; Багдасарян, 2024 и др.]. Тем не менее необходимо отметить, что авторы понимают односторонность данного расширительного толкования, связанного с установившейся еще в 1920—1930-х годах пропагандистской концепцией фашизма, направленной на устранение негативной коннотации термина *социализм* в понятии «нацизм» и поэтому подменявшей термин *национал-социализм* термином *фашизм*, подробнее см.: [Михайленко и др., 2000, с. 23—45; Нестеров, 2014, с. 148—151].

Источники исследования включают три группы:

Нормативные акты за 1920—1940-е годы: Постановления ЦК ВКП (б), ЦИК СССР и СНК СССР о системе образования. Эти документы можно считать программными, так как в них даются установки, ориентиры, цели, задачи и сроки их реализации. Нормативные акты опубликованы в сборниках документов и в периодической печати, в том числе «Известиях ЦИК Союза ССР и ВЦИК». Часть документов сохранилась в архивах [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 916, л. 65—66]. Сопоставление хронологии принятия этих актов и событий в Германии позволяет выявить временные связи между реформой исторического образования в СССР и этапами распространения немецкого нацизма.

Материалы Государственного архива Хорезмской области [ГАХО], которые разделены на две подгруппы. Первая включает учебные планы и программы и дает возможность проанализировать содержание курса «История» на разных этапах реформы. Вторая подгруппа — это делопроизводственная документация, показывающая процесс реализации исторического образования, в том числе в сфере подготовки кадров. Значительная часть материалов из фондов ГАХО касается периода Великой Отечественной войны, когда проводились краткосрочные курсы по формированию и восстановлению штата учителей. Эта группа источников позволила проследить механизм противодействия внешней опасности с помощью исторических знаний.

Тексты учебников истории [История ..., 1940а; История ..., 1940б; Краткий ..., 1937 и др.] и методические указания к проведению уроков [Карцов, 1947; О преподавании ..., 1937 и др.], которые отразили идеологическую и патристическую направленность учебных материалов и требуемый уро-

вень знаний детей и молодежи. Эта группа источников показывает высокую степень ответственности советского государства при организации исторического образования.

Методология исследования основана на сочетании теории «нелогического действия» В. Парето [Парето, 2008] и научных представлений о формировании идеологии на основе образа общего врага [Хомяков, 2017]. Согласно В. Парето, «нелогическое действие» проявляется в чувствах человека и содействует сохранению общественных идей; с другой стороны, «где чувства... не имеют достаточной силы, там люди... быстро забывают о высших интересах коллектива» [Парето, 2008, с. 410]. Именно историческое образование было призвано за короткий срок сформировать устойчивое чувство патриотизма, а молодежь в этой системе оказалась ключевым звеном. Эмоционально-политическое воздействие на граждан содействовало консолидации общества, усиливаясь образом общего внешнего врага — мира империализма, капитализма, фашизма.

Опыт эмоционального воздействия на общество через демонстрацию непримиримости к врагу был апробирован еще в дореволюционный период и в первые годы советской власти [Науменко и др., 2023; Науменко и др., 2017, с. 201—202]. Таким образом, психологический механизм формирования в обществе нужных идеологических установок был хорошо известен советскому правительству, а историческое образование стало одним из инструментов этого воздействия.

В исследовании использованы сравнительно-исторический и ретроспективный методы. Первый позволил сопоставить этапы распространения нацизма в Германии со временем реформирования исторического образования в СССР и сделать выводы о совпадении основных хронологических событий. С помощью второго метода знание современной государственной политики в сфере исторического образования было использовано для более глубокого понимания процессов, происходивших в схожих внешнеполитических условиях 80—100 лет назад.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Фашизм и нацизм находились в сфере внимания советского руководства еще в процессе формирования этих социально-политических течений. В решениях Коммунистического Интернационала за 1933—1935 годы фашизм характеризовался «как ни с чем не сравнимая опасность... для социализма и мира» [Рыжов, 2018, с. 384]. В рамках советской идеологии эта опасность усиливалась представлениями о нарастании классовой борьбы по мере построения социализма, что, с одной стороны, обусловило репрессивную политику внутри СССР; а с другой стороны, подталкивало

правительство к форсированной подготовке страны в случае нападения внешнего врага. Хорезмская область Узбекской ССР, будучи составной частью Советского Союза, считалась важнейшим стратегическим регионом: вдоль Амударьи располагались поля по выращиванию хлопка — сырья, из которого получали порох. Особая стратегическая роль Хорезма (и в целом Узбекистана) обусловила внимание к идеологической подготовке молодежи, поэтому регион прошел те же этапы введения советского исторического образования, как и страна в целом.

В 1923 году в школах СССР история была отменена как самостоятельная дисциплина [Огоновская, 2018, с. 465], но уже через три года встал вопрос о ее возвращении в учебные планы. Это обсуждалось на заседании Наркомпроса СССР в сентябре 1926 года [ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 6], а в 1927 году на основе новой учебной программы в ряде школ появились отдельные уроки истории. Они еще не были систематическими и лишь иллюстрировали курс обществоведения [Огоновская, 2018, с. 466].

26 августа 1932 года в СССР было принято два важных нормативных акта: Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» [Об учебных ..., 1932a] и Постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высших школах и техникумах» [Об учебных ..., 1932b], — в этих документах правительство поставило задачу разработать программы по истории для всех видов учебных заведений и начать подготовку педагогов. В феврале 1933 года также вышло Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 916, л. 65—66]. Согласно этому документу, устанавливались форсированные темпы создания и тиражирования учебников по истории — до июля 1933 года, чтобы начать ее изучение в школах с 1 сентября [Огоновская, 2018, с. 468]. Задача оказалась невыполнимой, но история все же была введена с 1 сентября 1934 года, а основанием стали два новых нормативных акта: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 года [О преподавании ..., 1952, с. 72—73] и Постановление ЦК ВКП(б) от 9 июня 1934 года «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР» [О введении ..., 1952, с. 76]. Уроки истории начались независимо от наличия учебников, которые стали вводиться в образовательный процесс только в 1937 году [Дущенко, 2010, с. 281]. Обратим внимание, что датировки принятия этих нормативных актов уже со второй половины 1920-х годов соотносительны с этапами распространения нацизма в Германии (табл. 1).

Как показывает таблица, в начале 1920-х годов зарождающийся нацизм еще не рассматривался как актуальная международная проблема (табл. 1).

Таблица 1

**Реформа исторического образования в СССР
в контексте общественно-политических трансформаций в Германии
в 1920—1930-е годы: временные параллели**

Нарастание нацизма в Германии	Государственная политика СССР в сфере исторического образования
1923 год: общегерманский съезд партии Гитлера, парад штурмовиков в Мюнхене, попытка государственного переворота и «Пивной путч» [Хавкин, 2014, с. 185].	Уроки истории в школах СССР отменены с 1 сентября 1923 года [Огоновская, 2018, с. 465].
С середины 1920-х годов возрождение штурмовых отрядов СС, рост числа изданий нацистского содержания [Хавкин, 2014, с. 186].	Сентябрь 1926 года: поставлен вопрос о возврате истории в учебные планы [ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 6], в 1927 году разработана первая учебная программа, появились отдельные уроки истории [Огоновская, 2018, с. 466].
Июль 1932 года: партия Гитлера на выборах в рейхстах получила 31 % голосов, а в ряде германских земель нацисты вошли в состав правительств [Хавкин, 2014, с. 186].	Август 1932 года: поставлена задача разработать программы по истории для всех учебных заведений и приступить к подготовке учителей [Об учебных..., 1932а; Об учебных..., 1932б].
30 января 1933 года Гитлер назначен главой правительства [Хавкин, 2014, с. 187].	12 февраля 1933 года — решение о введении дисциплины «История» с 1 сентября 1933 года и о форсированных темпах создания учебников [Огоновская, 2018, с. 468].
30 января 1934 года принят закон «О новом устройстве рейха», в результате чего ликвидированы ландтаги и рейхстаг [Хавкин, 2014, с. 188].	С 1 сентября 1934 года во всех учебных заведениях СССР введена дисциплина «История» [О введении..., 1952, с. 76].

Между тем уже во второй половине 1920-х годов советское правительство отреагировало на его укрепление, осознавая потенциальную угрозу и усиливая систему идеологического воспитания. Приход нацистов к власти в 1933—1934 годах стал переломным моментом в советском образовании: правительство ввело историю во всех учебных заведениях, не дожидаясь создания учебников.

История стала важнейшей дисциплиной. В начальной школе сначала работала специальная государственная методическая комиссия, которая после апробации уроков определила оптимальный объем изучаемого материала для детей младших классов, который поступательно увеличивался:

от 0,5 страницы в начале обучения до 2,5—4 страниц в конце начальной школы [Душенко, 2014, с. 281]. К каждому уроку разрабатывались подробные методические указания [О преподавании ..., 1936; Карцов, 1947 и др.], а в 1934 году возобновил работу журнал «Преподавание истории в школе» [Преподавание...]. На примере Хорезмской области можно утверждать, что в средней школе преподавание истории было самым длительным по сравнению с другими дисциплинами, охватывая все классы — с пятого по десятый [ГАХО, ф. 9, оп. 3, д. 87, л. 64 об.].

Начало Великой Отечественной войны показало эффективность проведенной реформы. В 1941 году инструкция Г. Геббельса по идеологической работе на оккупированной территории СССР гласила: «... никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства...» [Цит. по: Ковалёв, 2016, с. 169]. Достичь такого уровня патриотизма и идеологической устойчивости можно было лишь при правильной расстановке акцентов в процессе воспитания и преподавания дисциплин гуманитарного цикла.

В период Великой Отечественной войны историческая составляющая образования усилилась. Инструкция Наркомпроса Узбекской ССР закрепила следующие положения: «Основное внимание обратить на... воспитание патриотизма» [ГАХО, ф. 9, оп. 3, д. 87, л. 74 об.]; «Должна быть обеспечена высокая марксистско-ленинская идейно-политическая направленность преподавания в соответствии с задачами и требованиями Великой Отечественной войны» [ГАХО, ф. 9, оп. 3, д. 87, л. 20]. Значительный упор был сделан на историю борьбы народов СССР, победоносные войны, изучение роли национальных героев и подобные темы. В соответствии с этой установкой в начале сентября 1941 года изменились учебные планы. В задачи педагогов входило воспитание у детей уважения ко всем участникам войны, представленным как единый сплочённый народ [ГАХО, ф. 9, оп. 3, д. 87, л. 20]. Новые методические указания на 1941—1942 учебный год содержали рекомендации учителям истории формировать в детях чувство ненависти к «фашистским захватчикам» [ГАХО, ф. 9, оп. 3, д. 87, л. 91], а конкретные разработки содержались в учрежденном правительством регулярном издании «Методическое пособие о преподавании истории в условиях Великой Отечественной войны советского народа» [ГАХО, ф. 9, оп. 3, д. 87, л. 96].

В этот период динамика изменений в историческом образовании соответствовала событиям на фронте. Зима 1941—1942 годов показала, что война приобрела затяжной характер, и в январе 1942 года Управление подготовки учителей при Наркомпросе Узбекской ССР разработало сокращенный учебный план для историков. Он включал 1424 часа, из которых основная часть отводилась на исторические дисциплины, а остальное на марксизм-

ленинизм, основы методики, педагогики и психологии, а также военную подготовку [ГАХО, ф. 9, оп. 3, д. 87, л. 197]. Набор будущих учителей шел форсированными темпами по всему Узбекистану: занятия начались 1 февраля 1942 года, в то время как учебный план был официально утвержден лишь 12 февраля. Срок подготовки учителей истории составлял 7 месяцев, чтобы они смогли приступить к работе в школе с 1 сентября 1942 года. Отпуск между окончанием курсов и началом учебного года был отменен.

Между тем в середине 1942 года ситуация в историческом образовании изменилась, и срок обучения с 7 месяцев сокращался дважды — до 6 и 4 месяцев [ГАХО, ф. 9, оп. 3, д. 87, л. 221]. Хотя на территории Узбекистана это коснулось всех будущих учителей-предметников, но отметим еще один значимый факт: именно летом 1942 года было принято решение об открытии исторического факультета в Хорезмском учительском институте, расположенном в г. Ургенче. 22 июня 1942 года Народный Комиссар Просвещения УзССР И. Раззаков подписал учебный план подготовки историков [ГАХО, ф. 9, оп. 3, д. 87, л. 221]. Обратим внимание, что сокращение сроков подготовки учителей и открытие исторического факультета произошли в самый сложный период Великой Отечественной войны: летом 1942 года Красная Армия несла огромные потери, нацисты захватили Керченский полуостров, двигаясь на Северный Кавказ и в районы бакинской нефти, враг также прорвался к Волге [Цветков, 2012]. В июле 1942 года бои шли уже непосредственно в Сталинграде, а в сентябре 1942 года немцы захватили Сталинградский тракторный (танковый) завод [Цветков, 2012, с. 98]. В этот период на всех фронтах решалась судьба страны.

Исторический факультет в Хорезмском учительском институте начал работать как система курсов, но сроки подготовки периодически менялись даже при утвержденном плане. Анализ архивных документов вывел закономерность: чем сложнее было Красной Армии сдерживать врага на фронте, тем динамичней шла подготовка учителей в тылу, и наоборот: чем ближе победа, тем продолжительней оказывалось обучение. В частности, коренной перелом 1943 года внес следующие коррективы: на курсах увеличился срок подготовки, и появились вступительные экзамены, а в программах усилена методическая составляющая. Новая инструкция Наркомпроса УзССР подтвердила, что цель обучения прежняя — быстрая замена учителей, ушедших на фронт [ГАХО, ф. 9, оп. 3, д. 87, л. 51], но теперь акцент ставился на качество подготовки, максимально возможное в тех условиях. В 1943 году в Ташкенте также была открыта Академия наук УзССР с сильным составом историков [Кремков, 2024].

В 1944 году, когда заканчивалось освобождение территории СССР, Хорезмский учительский институт получил статус государственного педагоги-

ческого института и был переведен на полное 4-летнее обучение. Первый набор историков приступил к учебе 1 сентября 1945 года, как и в других высших учебных заведениях страны. Важнейшим разделом в учебных программах стала история Великой Отечественной войны и разгром Германии.

4. Заключение = Conclusions

В 1920—1930-е годы советское правительство следило за событиями в Германии, реагируя на процессы распространения нацизма. В мировой истории нацизм и процесс его оформления в государственную идеологию были явлением беспрецедентным. Способность распознать исходящую от него угрозу на раннем этапе свидетельствует о бдительности и проницательности советского руководства. В результате историческое образование в СССР, будучи важнейшим звеном в системе идеологического противостояния с западным миром, реформировалось в соответствии с процессом движения немецких нацистов к власти.

Дискуссия о роли истории для построения нового общества, характерная для послереволюционного периода, завершилась не только признанием необходимости этой дисциплины, но также показала ее превентивное значение: ослабление и фрагментарность исторических знаний (как произошло в 1920-е годы) создавали образовательный пробел, на который определенное воздействие мог оказывать враг, особенно на оккупированной территории. В зону риска попадала молодежь, составлявшая в СССР более трети населения. Советской образовательной системой 1930-х — начала 1940-х годов этот возникший пробел заполнялся целенаправленно, системно и осторожно, с обязательной апробацией создаваемых механизмов. Ошибок допускать было нельзя, и наибольшее внимание уделялось учебникам и методам усвоения материала. В тот период в СССР сложилось понимание, что изучение истории ни в коем случае не должно носить формальный характер, а директивный характер управления, как предполагалось, был призван обеспечить точное выполнение поставленной задачи.

Таким образом, в течение нескольких лет перед началом Великой Отечественной войны советское правительство смогло эффективно использовать исторические знания для формирования патриотизма в среде молодежи, сочетая три основные идеи: величие Советского Союза, братство советского народа и образ общего врага, которого нужно победить любой ценой. Нападение Германии на СССР подтвердило реальность внешней опасности и, соответственно, идеологическую силу этой теоретической конструкции.

Рассмотренные материалы показывают значимость исторических знаний для укрепления и сохранения государственности, так как они обеспечивают формирование устойчивых патриотических представлений, затрагивающих

глубинные уровни общественного сознания. Фрагментарность, неполнота, бессистемность и формальность изучения истории создают образовательный вакуум, а качественное образование и воспитание, наоборот, формируют механизмы внутренней защиты от внешнего воздействия. Кроме этого, опыт СССР показал важность государственной политики, направленной на своевременное определение деструктивных явлений, формирующихся в идеологии соседних государств, и необходимость быстрого на них реагирования с целью консолидации общества и противодействия возникшим угрозам.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАХО — *Государственный архив* Хорезмской области. Ф. 9 (Отдел народного образования исполнительного комитета Хорезмского областного Совета депутатов трудящихся УзССР, с 07.10.1977 Народных депутатов (1940—1991 гг.) ; Ф. 194 (Хорезмский окружной отдел народного образования).

2. *История Древнего мира*. Учебник для 5—6 классов средней школы / Под ред. проф. Мишулина. — Москва : Госучпедгиз, 1940а. — 254 с.

3. *История СССР*. Учебник для 8 класса средней школы / Под ред. проф. Панкратовой. — Москва : Госучпедгиз, 1940б. — 224 с.

4. *Карцов В. Г.* Методика истории СССР в начальной школе (В помощь учителю) / В. Г. Карцов. — Москва, Ленинград : Учпедгиз, 1947. — 208 с.

5. *Краткий курс истории СССР : учебник для 3-го и 4-го классов* / под редакцией проф. А. В. Шестакова. — Москва : Учпедгиз, 1937. — 224 с.

6. Наркомпрос Узбекской ССР — *Народный Комиссариат Просвещения* Узбекской Советской Социалистической Республики.

7. *О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР* / Сборник руководящих материалов о школе. — Москва : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1952. — С. 76.

8. *Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе* : Постановление ЦК ВКП(б) от 25/VIII 1932 г. — Москва : Наркомпрос РСФСР, 1932а. — 13 с.

9. *Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах* : Постановление ЦИК СССР // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. — 1932б. — 19 сентября.

10. *Преподавание истории в школе* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://руни.рф/Преподавание_истории_в_школе (дата обращения 04.12.2025).

11. РАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС)).

12. *О преподавании истории в школе*. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) и руководящие статьи. — Москва : ОГИЗ—УЧПЕДГИЗ, 1936. — 99 с.

13. *О преподавании гражданской истории в школах СССР*. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. / Сборник руководящих материалов о школе. — Москва : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1952. — С. 72—73.

14. СНК СССР — *Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических республик.*

15. ЦК ВКП(б) — *Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).*

16. ЦИК СССР — *Центральный исполнительный комитет Союза Советских Социалистических республик.*

Литература

1. *Абдуллаев О. Хоразмлик тарихчи олимлар / О. Абдуллаев. — Урганч : [б. и.], 2007. — 84 с.*

2. *Аблизин В. А. Накануне. СССР и Германия в преддверии Великой Отечественной войны / В. А. Аблизин // Клио. — 2015. — № 6 (102). — С. 96—100.*

3. *Багдасарян В. Э. Современный фашизм : новые облики и проявления / В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. — Москва : Наука и политика, 2017. — 328 с. — ISBN 978-5-906673-00-0.*

4. *Багдасарян В. Э. Нация, нацизм и фашизм : социогуманитарные парадигмы политологических определений / В. Э. Багдасарян // Вестник Государственного университета просвещения. Серия : История и политические науки. — 2024. — № 2. — С. 7—28. — DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-7-28.*

5. *Багрова Н. А. Становление школьного исторического образования в советской России, 1920—1934 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. А. Багрова — Ростов-на-Дону, 2001. — 198 с.*

6. *Бадалова Е. В. Фашизм Италии, национал-социализм Германии : истоки, сходство, отличия / Е. В. Бадалова, Б. А. Ершов, В. А. Тонких // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. — 2025. — № 28 (30). — С. 11—18.*

7. *Галкин А. А. Германский фашизм / А. А. Галкин. — Москва : Наука, 1989. — 352 с.*

8. *Гашенко В. А. Идеологическое противоборство СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / А. В. Гашенко // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2022. — Т. 5. — С. 15—22. — DOI: 10.33764/2618-981X-2022-5-15-22.*

9. *Гришаев О. В. Историческое образование и историческая наука в СССР в конце 1920 — начале 1930-х годов / О. В. Гришаев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — 2014. — № 15 (186). — С. 144—151.*

10. *Дущенко Е. С. К вопросу о советских учебниках по истории : деятельность А. В. Шестакова / Е. С. Дущенко // Вестник Тамбовского университета. — 2010. — № 6 (86). — С. 279—283.*

11. *Кайгусуз Д. Открытие второго фронта в Европе по материалам британской региональной прессы / Д. Кайгусуз, Ю. Г. Кокорина, М. М. Вагабов // Научный диалог. — 2025. — № 4. — С. 441—457. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-441-457.*

12. *Кенджаев Б. Б. у. Формирование историко-идеологического компонента в системе образования Хорезмской области Узбекистана в 1924—1929 гг. / Б. Б. у. Кенджаев, О. Н. Науменко // Манускрипт. — 2025. — Т. 18. — № 2. — С. 600—609. — DOI: 10.24224/2227-1295.*

13. *Ковалёв Б. Н. Досуг как форма пропаганды на оккупированной нацистами территории России (1941—1944) / Б. Н. Ковалёв // Россия и современный мир. — 2016. — № 2 (91). — С. 169—179.*

14. *Корнева Л. Н. Германская историография национал-социализма : проблемы исследования и тенденции современного развития (1985—2005) / Л. Н. Корнева. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. — 275 с. — ISBN 5-202-00023-5.*

15. *Кремков М. В.* К истории создания, становления и развития Академии наук Узбекистана / М. В. Кремков // Наука, образование и культура. — 2024. — № 1 (67). — С. 36—42.
16. *Лавренов С. Я.* СССР и нацистская Германия накануне войны : последние приготовления / С. Я. Лавренов // Обозреватель. — 2021. — № 5 (376). — С. 98—113. — DOI: https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_5_98.
17. *Мельникова А. Р.* Историческое образование в СССР в 1930—1950-х годах / А. Р. Мельникова // Вопросы педагогики. — 2020. — № 12—2. — С. 198—202.
18. *Михайленко В. И.* Тоталитаризм в XX веке : теоретический дискурс / В. И. Михайленко, Т. П. Нестерова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. — 196 с.
19. *Науменко О. Н.* «Синдром Брейвика» в Тобольском тюремном замке / О. Н. Науменко, Е. А. Науменко // Новейшая история России. — 2017. — № 3 (20). — С. 198—208.
20. *Науменко О. Н.* Теория ненасильственных революций Дж. Шарпа и методы психологической борьбы политкаторжан в Тобольском тюремном замке : к вопросу о политическом плагиате / О. Н. Науменко, Е. А. Науменко // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 83. — С. 60—65. — DOI: 10.17223/19988613/83/8.
21. *Нестеров А. Г.* Фашизм глазами советских людей / А. Г. Нестеров // Путешествие в Италию — путешествие в Россию : сборник статей по материалам итало-российских исторических конференций. — Москва : Типография ВП-принт, 2014. — С. 148—151.
22. *Никандров А. В.* Историческое образование в СССР : сталинский поворот 1930-х годов / А. В. Никандров // Философия политики и права. — 2021. — № 12. — С. 104—123.
23. *Нуруллаева Н. К.* Культурные связи Хорезмской области и Каракалпакстана (1925—2005 гг.) / Н. К. Нуруллаева. — Бухара : Sadrididin Salim Buxoriy, 2024. — 144 с.
24. *Огоновская И. С.* Школьный курс отечественной истории как инструмент формирования советского человека образца 1930-х годов / И. С. Огоновская // «Советский проект. 1917—1930-е гг. : этапы и механизмы реализации». — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. — С. 463—477. — ISBN 978-5-7996-2489-7.
25. *Парето В.* Компендиум по общей социологии / В. Парето ; пер. с итальянского. — Москва : ВШЭ, 2008. — 511 с. — ISBN 978-5-7598-0454-3.
26. *Пепелина Н. И.* Опыт создания советского школьного учебника по истории / Н. И. Пепелина // Вестник Московского городского педагогического университета. — 2011. — № 2 (8). — С. 96—109.
27. *Рыжов П. С.* Разграничение понятий фашизма и нацизма / П. С. Рыжов // Проблемы в российском законодательстве. — 2018. — № 3. — С. 383—388.
28. *Савин А. И.* Советская молодежь в годы Великой Отечественной войны глазами органов государственной безопасности / А. И. Савин // Новейшая история России. — 2022. — № 2 (2). — С. 288—302.
29. *Хавкин Б. Л.* Германский национал-социализм / Б. Л. Хавкин // Берегиня. 777. Сова. — 2014. — № 4 (23). — С. 183—193.
30. *Хомяков С. В.* Методы формирования национальных идеологий / С. В. Хомяков // Власть. — 2017. — № 1 (25). — С. 173—176.
31. *Хорошенкова А. В.* История государственной политики в области высшего исторического образования в СССР 20—30-х гг. XX века / А. В. Хорошенкова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2012. — № 4 (11). — С. 171—178.

32. Швейцер В. Я. СССР и Германия : на пути к 22 июня 1941 года / В. Я. Швейцер // Современная Европа. — 2020. — № 6 (99). — С. 202—213. — DOI: 10.15211/soveurope62020202213.

33. Щупленникова Е. И. Почему в 1920-е годы в школах не преподавали историю / Е. И. Щупленникова // Преподавание истории в школе. — 2014. — № 5. — С. 26—29.

34. Цветков А. И. 1942-й : трагедия и коренной перелом / А. И. Цветков // Обзор-атель. — 2012. — № 1 (264). — С. 98—107.

35. Янборисов М. Х. СССР и Германия накануне Второй мировой войны / М. Х. Янборисов Э. Н. Фазуллина // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. — 2018. — № 2 (46). — С. 104—106.

Статья поступила в редакцию 04.12.2025,
одобрена после рецензирования 29.04.2026,
подготовлена к публикации 13.05.2026.

Material resources

About teaching history at school. Resolutions of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU(b) and guiding articles. (1936). Moscow: OGIZ—UCHPEDGIZ. 99 p. (In Russ.).

Council of People's Commissars of the USSR — *Council of People's Commissars of the Union of Soviet Socialist Republics.* (In Russ.).

GAKHO — *The State Archive of the Khorezm region. F. 9 (Department of Public Education of the Executive Committee of the Khorezm Regional Council of Worker's Deputies of the Uzbek SSR, from 07.10.1977 People's Deputies (1940—1991); F. 194 (Khorezm District Department of Public Education).* (In Russ.).

Kartsov, V. G. (1947). *Methods of the history of the USSR in elementary school (To help the teacher).* Moscow, Leningrad: Uchpedgiz. 208 p. (In Russ.).

Mishulina. (ed.). (1940). *The history of the Ancient World. Textbook for grades 5—6 of secondary school.* Moscow: Gosuchpedgiz. 254 p. (In Russ.).

Narkompross of the Uzbek SSR — *People's Commissariat of Education of the Uzbek Soviet Socialist Republic.* (In Russ.).

On curricula and regime in primary and secondary schools: Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) of 25/VIII, 1932. (1932a). Moscow: Narkompros RSFSR. 13 p. (In Russ.).

On educational programs and regime in higher education and technical schools: Resolution of the Central Executive Committee of the USSR. (1932b). *News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee.* (In Russ.).

On the introduction of an elementary course in general history and the history of the USSR in elementary and lower secondary schools / Collection of guidance materials about the school. (1952). Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. 76 p. (In Russ.).

On the teaching of civil history in schools of the USSR. Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) and the Council of People's Commissars of the USSR dated May 15, 1934 / Collection of guidance materials on the school. (1952). Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. 72—73. (In Russ.).

- Pankratova. (ed.). (1940). *The history of the USSR. Textbook for the 8th grade of secondary school*. Moscow: Gosuchpedgiz. 224 p. (In Russ.).
- RASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17 (Central Committee of the CPSU (CC CPSU))*. (In Russ.).
- Shestakov, A. V. (ed.). (1937). *A short course in the history of the USSR: a textbook for 3rd and 4th grades*. Moscow: Uchpedgiz. 224 p. (In Russ.).
- Teaching history at school*. Available at: <https://руни.Russian Federation/Teachinghistory in School> (accessed 04.12.2025). (In Russ.).
- The Central Committee of the CPSU (b) is the Central Committee of the All—Union Communist Party (Bolsheviks)*. (In Russ.).
- The Central Executive Committee of the USSR is the Central Executive Committee of the Union of Soviet Socialist Republics and Socialist Republics*. (In Russ.).

References

- Abdullaev, O. (2007). *Khorazmlik tarikhchi olimlar*. Urgench: [b. i.]. 84 p. (In Russ.).
- Ablizin, V. A. (2015). The day before. The USSR and Germany on the eve of the Great Patriotic War. *Klio*, 6 (102): 96—100. (In Russ.).
- Badalova, E. V., Ershov, B. A., Tonkikh, V. A. (2025). Fascism in Italy, National socialism in Germany: origins, similarities, differences. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*, 28 (30): 11—18. (In Russ.).
- Baghdasaryan, V. E. (2024). Nation, Nazism and fascism: socio-humanitarian paradigms of political definitions. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2: 7—28— DOI: 10.18384/2949-5164-2024-2-7-28. (In Russ.).
- Baghdasaryan, V. E., Sulakshin, S. S. (2017). *Modern fascism: new forms and manifestations*. Moscow: Nauka i Politika Publ. 328 p. ISBN 978-5-906673-00-0. (In Russ.).
- Bagrova, N. A. (2001). *The formation of school historical education in Soviet Russia, 1920—1934*. PhD Diss. Rostov-on-Don. 198 p. (In Russ.).
- Duschenko, E. S. (2010). On the issue of Soviet history textbooks: the activities of A. V. Shestakov. *Bulletin of Tambov University*, 6 (86): 279—283. (In Russ.).
- Galkin, A. A. (1989). *Germansky fascism*. Moscow: Nauka Publ. 352 p. (In Russ.).
- Gashenko, V. A. (2022). Ideological confrontation between the USSR and Germany during the Great Patriotic War of 1941—1945. *Interexpo Geo-Siberia*, 5: 15—22. DOI: 10.33764/2618-981X-2022-5-15-22. (In Russ.).
- Grishaev, O. V. (2014). Historical education and historical science in the USSR in the late 1920s and early 1930s. *Scientific Bulletin of Belgorod State University*, 15 (186): 144—151. (In Russ.).
- Kaygusuz, C., Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. (2025). Second Front in Europe: Analyzing Coverage in British Regional Press. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 441—457. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-4-441-457>. (In Russ.).
- Kenjaev, B. B. U., Naumenko, O. N. (2025). The formation of the historical and ideological component in the education system of Khorezm regions of Uzbekistan in 1924—1929. *Manuscript*, 18 (2): 600—609. DOI: 10.24224/2227-1295. (In Russ.).
- Khavkin, B. L. (2014). German National Socialism. *Bereginya*. 777. *Owl*, 4 (23): 183—193. (In Russ.).
- Khomyakov, S. V. (2017). Methods of formation of national ideologies. *Power*, 1 (25): 173—176. (In Russ.).

- Khoroshenkova, A. V. (2012). History of state policy in the field of higher historical education in the USSR in the 20—30s of the twentieth century. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 4 (11): 171—178. (In Russ.).
- Korneva, L. N. (2007). *German historiography of National Socialism: research problems and trends in modern development (1985—2005)*. Kemerovo: Kuzbass Publishing House. 275 p. ISBN 5-202-00023-5. (In Russ.).
- Kovalev, B. N. (2016). Leisure as a form of propaganda in the Nazi-occupied territory of Russia (1941—1944). *Russia and the modern world*, 2 (91): 169—179. (In Russ.).
- Kremkov, M. V. (2024). On the history of the creation, formation and development of the Academy of Sciences of Uzbekistan. *Science, education and culture*, 1 (67): 36—42. (In Russ.).
- Lavrenov, S. Ya. (2021). The USSR and Nazi Germany on the eve of the war: final preparations. *The Observer*, 5 (376): 98—113. DOI: https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_5_98. (In Russ.).
- Melnikova, A. R. (2020). Historical education in the USSR in the 1930s and 1950s. *Questions of pedagogy*, 12—2: 198—202. (In Russ.).
- Mikhaylenko, V. I., Nesterova, T. P. (2000). *Totalitarianism in the 20th century: Theoretical discourse*. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 196 p. (In Russ.).
- Naumenko, O. N., Naumenko, E. A. (2017). “Breivik syndrome” in the Tobolsk prison castle. *The modern history of Russia*, 3 (20): 198—208. (In Russ.).
- Naumenko, O. N., Naumenko, E. A. (2023). Theory of nonviolent revolutions. Sharpe and methods of psychological struggle of political prisoners in the Tobolsk prison castle: on the issue of political plagiarism. *Bulletin of Tomsk State University*, 83: 60—65. DOI: 10.17223/19988613/83/8. (In Russ.).
- Nesterov, A. G. (2014). Fascism through the eyes of Soviet people. In: *Journey to Italy — Journey to Russia: Collection of Articles Based on the Proceedings of Italian-Russian Historical Conferences*. Moscow: Tipografiya VP-print. Pp. 148—151. (In Russ.).
- Nikandrov, A. V. (2021). Historical education in the USSR: the Stalinist Turn of the 1930s. *Philosophy of Politics and Law*, 12: 104—123. (In Russ.).
- Nurullayeva, N. K. (2024). *Cultural relations of Khorezm region and Karakalpakstan (1925—2005)*. Bukhara: Sadrididdin Salim Buxoriy. 144 p. (In Russ.).
- Ogonovskaya, I. S. (2018). The school course of national history as a tool for shaping the Soviet man of the 1930s. In: “*The Soviet project. 1917—1930s: stages and mechanisms of implementation*”. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 463—477. ISBN 978-5-7996-2489-7. (In Russ.).
- Pareto, V. (2008). *Compendium on general Sociology*. Moscow: HSE. 511 p. ISBN 978-5-7598-0454-3. (In Russ.).
- Pepelina, N. I. (2011). The experience of creating a Soviet school textbook on history. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University*, 2 (8): 96—109. (In Russ.).
- Ryzhov, P. S. (2018). Differentiation of the concepts of fascism and Nazism. *Gaps in Russian legislation*, 3: 383—388. (In Russ.).
- Savin, A. I. (2022). Soviet youth during the Great Patriotic War through the eyes of state security agencies. *The modern history of Russia*, 2 (2): 288—302. (In Russ.).
- Schweitzer, V. Ya. (2020). USSR and Germany: on the way to June 22, 1941. *Modern Europe*, 6 (99): 202—213. DOI: 10.15211/soveurope62020202213. (In Russ.).
- Shchulepnikova, E. I. (2014). Why history was not taught in schools in the 1920s. *Teaching history at school*, 5: 26—29. (In Russ.).

- Tsvetkov, A. I. (2012). 1942: tragedy and a fundamental turning point. *Obozrevatel*, 1 (264): 98—107. (In Russ.).
- Yanborisov, M. H., Fazullina, E. N. (2018). The USSR and Germany on the eve of the Second World War. *Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Ak-mulla*, 2 (46): 104—106. (In Russ.).

*The article was submitted 04.12.2025;
approved after reviewing 29.04.2026;
accepted for publication 13.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Наumenkova E. O. Трансформация образа СССР во время Второй мировой войны на страницах центральной и региональной британской прессы / Е. О. Наumenkova // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 486—505. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-486-505.

Naumenkova, E. O. (2026). Transformation of Soviet Union's Image in British Central and Regional Press during World War II. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 486-505. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-486-505. (In Russ.).

Web of Science®

DOAJ

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Трансформация образа СССР во время Второй мировой войны на страницах центральной и региональной британской прессы

Наumenkova Екатерина Олеговна
0000-0002-5692-5913

кандидат исторических наук, доцент
кафедры социально-гуманитарных
дисциплин
enaumenkova@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный
химико-фармацевтический университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Transformation of Soviet Union's Image in British Central and Regional Press during World War II

Ekaterina O. Naumenkova
0000-0002-5692-5913

PhD in History, Associate Professor,
Department of Social Sciences
and Humanities
enaumenkova@yandex.ru

Saint Petersburg State Chemical
and Pharmaceutical University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется эволюция образа Советского Союза во время Второй мировой войны (1939—1945 годы) на страницах британских периодических изданий. Актуальность исследования обусловлена современными попытками пересмотра западными странами решающей роли Советского Союза в разгроме нацизма. Цель исследования заключается в выявлении основных этапов изменения образа Советского Союза, происходившего под влиянием различных факторов. Источниками выступили как ведущие центральные издания, так и региональные печатные СМИ. Впервые в научный оборот вводятся исторические источники, практически не известные российскому читателю. В исследовании показано, как образ СССР претерпел сложную эволюцию: от потенциального союзника через агрессора до «несгибаемого союзника». Выявлено, что в 1944—1945 годах, по мере приближения победы, в публицистическом дискурсе начала производиться коррекция, ставившая вклад СССР в зависимость от помощи союзников. Автор приходит к выводу о том, что изменение образа СССР напрямую коррелировало с ходом военных действий и политической конъюнктурой. Исследование проводится в рамках имагологии как относительно нового направления в исторической науке.

Ключевые слова:

британская пресса; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; Великобритания; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the evolution of the Soviet Union's image in British periodicals during World War II (1939–1945). The study is particularly relevant in light of contemporary Western attempts to revise the decisive role of the USSR in the defeat of Nazism. The research aims to identify the key stages in the transformation of the Soviet Union's image, influenced by various political and military factors. The sources include both leading national and regional British print media, with many historical documents introduced into academic discourse for the first time, offering fresh insights for Russian readers. The analysis demonstrates how the portrayal of the USSR underwent a complex evolution — from a potential ally, to an aggressor, and finally to an “indomitable ally.” It is shown that in 1944–1945, as victory approached, British public discourse began to adjust, increasingly framing the Soviet contribution as contingent upon Allied assistance. The author concludes that the shifts in the Soviet image were directly correlated with the course of military events and the prevailing political climate. The research is situated within the framework of imagology, a relatively new direction in historical scholarship.

Key words:

British press, World War II, Great Patriotic War, United Kingdom, USSR.

УДК 94(100)“1939/45”+94:070(410)

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-486-505

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Трансформация образа СССР во время Второй мировой войны на страницах центральной и региональной британской прессы

© Науменкова Е. О., 2026

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия, в условиях серьезного информационного и идеологического противоборства между Россией и западными странами, под пристальным вниманием оказываются события Второй мировой войны. В западном медиапространстве нередко наблюдаются тенденции к ревизии решающей роли Советского Союза в разгроме нацизма, что делает крайне востребованным анализ того, как формировался и эволюционировал образ СССР в странах антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. Британские печатные издания от столичных таблоидов до провинциальных изданий стали важным хроникером событий военных лет, формирующим общественное мнение и отражающим официальную позицию Лондона. Именно СМИ конструировали образ союзника и противника в зависимости от политической конъюнктуры.

В данной статье мы ставим задачи проследить трансформацию образа СССР в британских СМИ во время Второй мировой войны, выделить ключевые компоненты формирующегося героического образа Красной Армии и советского народа, исследовать изменения в медиадискурсе на заключительном этапе войны (1944—1945 годы), связанные с постепенным смещением акцентов в оценке вклада СССР в общую победу.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1939 года до 1945 года, от начала англо-франко-советских переговоров до капитуляции Германии. Научная новизна работы обусловлена комплексным подходом, совмещающим анализ как ведущих общенациональных газет, так и широкого спектра региональной периодики, что позволяет преодолеть ограниченность исследований, сфокусированных исключительно на столичных изданиях. Значимость работы заключается в углублении понима-

ния механизмов пропаганды и формирования общественного мнения в условиях войны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой исследования послужили материалы периодической печати. Всего было проанализировано 39 газет и журналов. Среди них ведущие лондонские журналы (либеральный «Экономист», консервативный «Спектейтор») и газеты («Таймс», «Дейли Ньюз», иллюстрированная еженедельная газета «Иллюстрейтед Лондон Ньюз»). Был задействован широкий спектр региональной прессы, в том числе малоизвестные российскому читателю: старейшая провинциальная вечерняя газета «Дерби Дейли Телеграф», шотландская газета «Данди Ивнинг курьер» и пр. Таким образом, мы видим, что важность событий, происходящих на Восточном фронте, осознавали не только крупнейшие СМИ, но и скромные провинциальные издания. Поскольку возможность отправить корреспондентов на фронт была не у всех изданий, ряд небольших локальных газет выборочно перепечатывали публикации из центральных, изредка делая небольшие комментарии.

Отметим, что на протяжении Второй мировой войны формирование образа Советского Союза на страницах британской прессы зависело от политической конъюнктуры и было связано с ходом боевых действий. Во время Второй мировой войны издания в целом давали объективную информацию о событиях на Восточном фронте. Однако при этом материалы публиковались в середине номера, а не на первых полосах. Следовательно, основное внимание уделялось событиям внутри страны и операциям, проводимым британскими и американскими войсками, в частности действиям британских ВВС, войне на море, сражениях союзных войск в Африке, высадке войск в Италии и Нормандии.

Предваряя историографический обзор, отметим, что данное исследование выполнено в рамках исторической имагологии как современного междисциплинарного направления в историографии, изучающего «образ чужого». Обратимся к трудам отечественных исследователей, внесших вклад в развитие данного направления. А. С. Сенявский и Е. С. Сенявская анализируют проблему формирования «образа врага» и «образа союзника» применительно к России и её противникам или партнёрам в войнах XX века. Исследователи ставят вопрос о причинах формирования «образа врага», среди которых выделяют не только определенные интересы властных элит, но и социокультурные и психологические предпосылки в общества [Сенявский и др., 2006; Сенявский и др., 2007]. Особый интерес представляет статья этих же авторов, посвященная проблеме эволюции исторической памяти о Второй мировой войне в России и на Западе в связи с изменением междуна-

родной обстановки конца 1980—1990-х годов [Сенявский и др., 2009]. Русофобский нарратив в трудах ведущих британских авторов о Второй мировой войне как фактор формирования современного британского общественного мнения стал темой специального исследования А. В. Ильичева [Ильичев, 2023]. Большое значение для темы имеет монография А. В. Голубева и О. С. Поршневой, посвящённая образу союзника в российском и советском общественном сознании в контексте двух мировых войн и содержащая сравнительный анализ восприятий [Голубев и др., 2012].

В 1985 году, вышел сборник, отчасти познакомивший советского читателя с реакцией иностранной прессы, включая британскую, на события в Советском Союзе во время Второй мировой войны [Величие ..., 1985]. Важный вклад в изучение данной темы внесла Л. В. Поздеева, монография которой представляет сбалансированный взгляд на формирование образа СССР в восприятии британской общественности, а также содержит анализ методов работы английской пропаганды [Поздеева, 2000].

Особый интерес отечественных исследователей вызывает отражение прессой одной из крупнейших битв на Восточном фронте во время Второй мировой войны — Сталинградской. Советский историк М. И. Семиряга, одним из первых проанализировавший материалы американской и английской прессы, пришел к выводу, что иностранные обозреватели высоко оценивали значение разгрома Красной Армией немецко-фашистских войск и признавали его переломным моментом во Второй мировой войне [Семиряга, 1969]. Современные историки Т. Н. Гелла, Д. В. Семикин, Ю. Г. Семикина, Д. Кайгусуз, М. Озтюрк, Ю. Г. Кокорина, М. М. Вагабов, анализируя отдельные издания («Британский союзник», «Вестерн Пост», «Спектейтор»), приходят к выводу, что во время Второй мировой войны указанные издания в целом объективно освещали роль и значение Сталинградской битвы [Гелла, 2023; Семикин и др., 2023; Озтюрк и др., 2024; Кайгусуз и др., 2023]. При этом отмечается, что газета «Британский союзник» не уделила специального внимания этому важнейшему событию [Кайгусуз и др., 2023].

Особый интерес представляет сборник материалов «Чудо на востоке. Западные военкоры рассказывают. 1941—1945» под ред. Н. А. Нарочницкой, в котором содержатся публикации ведущих британских, американских и канадских СМИ того времени, посвященные Восточному фронту («Таймс», «Нью-Йорк таймс», журналы «Тайм», «Лайф» и др).

Общественно-политическому, научному и культурному сотрудничеству СССР с Великобританией посвящено диссертационное исследование Л. Н. Мыцык [Мыцык, 1993]. Внутренние механизмы взаимодействия власти и прессы в Великобритании также становятся предметом исследования; в частности, политика правительства У. Черчилля в отношении цен-

тральных СМИ освещается в статье В. В. Малаховской и А. К. Малаховского [Малаховская и др., 2019].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Трехсторонние переговоры и первый период войны (весна 1939—21 июня 1941)

В преддверии Второй мировой войны передовицы ведущих британских изданий были посвящены трехсторонним англо-франко-советским переговорам. Пресса единодушно отстаивала необходимость тесного сотрудничества с Советами. Причины крылись в значительном людском и все возрастающем военном потенциале Советского Союза [Britain and Russia ..., 1939, p. 422; Military Talks ..., 1939, p. 308; Russian Alliance ..., 1939, p. 7; Russian Near ..., 1939, p. 656; Russian army ..., 1939, p. 6; Russia and The Axis ..., 1939, p. 298; The Anglo-Russian Seria ..., 1939, p. 109]. Ведущий британский журнал «Экономист» пророчески предупреждал британское правительство, что союз нужно заключать как можно скорее, «любое промедление пойдет на пользу Германии» [Russia and the Axis ..., 1939, p. 298] (здесь и далее перевод наш. — Е. Н.). Однако упорное нежелание Н. Чемберлена заключать соглашение подтолкнуло Москву к переговорам с немцами. Подписание 23 августа 1939 года пакта Молотова — Риббентропа произвело эффект разорвавшейся бомбы. В местной прессе этот шаг был встречен с горькой иронией. Издания острили, что новой советской эмблемой отныне станут «молот и свастика». Другой юморист распространил слух, что якобы Россия решила присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, а И. Сталин назначен генеральным секретарем Восточной Пруссии [Entre nous ..., 1939, p. 5; Laughing ..., 1939, p. 4; Round about action ..., 1939, p. 3].

Издания единодушно подчеркивали лицемерие советских и нацистских лидеров. Пакт Молотова — Риббентропа интерпретировался как аморальный сговор двух тоталитарных режимов, разрушивший последние надежды на сдерживание Гитлера. Пресса начинает использовать термин «*красные нацисты*» (Red Nazis). Ввод советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года закрепляет этот образ [After Twenty-one Years ..., 1939, p. 8; Communist Agitators ..., 1940, 2; Entre nous ..., 1939, p. 5; Laughing ..., 1939, p. 4; Red Nazis ..., 1939, p. 553; Round about action ..., 1939, p. 3; Russia's Choice ..., 1939, p. 3]. Единственным изданием, пытавшимся обосновать прагматичные мотивы Сталина — недопущение выхода немцев к советским границам; предотвращение оккупаций территорий с украинским и белорусским населением и превращения их в плацдармы для агитации против Советского Союза, был «Экономист» [Red Nazis ..., 1939, p. 553].

Несмотря на антисоветские настроения, корреспонденты, стремясь сохранить объективность, констатировали, что, за исключением редких стычек, население не оказывало советской армии вооруженного сопротивления. Более того, подчеркивалась разница в поведении немецких и советских солдат. Так, «русские не проявляли завоевательского рвения, в отличие от немцев», экспроприировавших продовольствие, имущество и частную собственность. Советские солдаты, напротив, стремились расположить к себе местное население. При этом отмечался ярко выраженный спрос советских военнослужащих на предметы повседневного потребления: часы, авторучки, духи, мыло, сладости. Данные факты интерпретировались очевидцами как прямое свидетельство сильного товарного дефицита и низкого уровня жизни в Советском Союзе [In Occupied Poland ..., 1939, p. 328; Russia's conquests ..., 1939, p. 12]. Польские беженцы в интервью «Спектейтор» отмечали высокую дисциплинированность войск и высокий моральный дух рядового состава, покоящиеся на чувстве выполнения «священной миссии». Однако последняя, по наблюдениям авторов, носила расплывчатый, пропагандистский характер и не была подкреплена конкретными и ясными целями, понятными солдату [Russia's conquests ..., 1939, p. 12].

Анализируя территориальные приращения Советского Союза за счет возвращения западной Украины и Белоруссии, лондонские обозреватели отмечали сложность для советского правительства управления землями со значительным польским населением, такими как Вильно и Львов. Соответственно, передача г. Вильно Литве представлялась как прагматичный шаг, позволяющий переложить экономические и административные трудности на литовцев, а также «избавиться от населения с ярко выраженным национальным сознанием» [Russia's conquests ..., 1939, p. 12].

На фоне вступления советских войск в Польшу ряд изданий стал высказывать опасения о возможности вторжения германо-советских сил на британское побережье, в связи с чем давались различные подсчеты советских вооруженных сил. В среднем, ведущими изданиями («Дейли Телеграф» и «Монинг Пост») советская армия оценивалась в 4 000 000 человек, включая военно-морской флот и береговую охрану [Russian army ..., 1939, p. 6; Russia has 4.000.000 ..., 1939, p. 4]. В провинции среди населения стали распространяться слухи об уже состоявшейся высадке тысяч русских солдат на берегах туманного Альбиона. «Уовик энд Уорвикшиэр Эдвэрттайзер» с иронией пересказывала домыслы местных жителей и толки о вторжении: «Это были здоровенные чернобородые парни, которые ни слова не говорили по-английски. Некоторые якобы собственными глазами, видели, как переполненные ими поезда проезжали через железнодорожные станции» [The Russian Myth ..., 1939, p. 6].

3.2. Второй и третий период войны (22 июня 1941 — декабрь 1943)

Нападение Германии на Советский Союз было встречено британским обществом и правительством во главе с У. Черчиллем с чувством глубокого облегчения и даже радости: теперь Великобритании не придется сражаться с Германией в одиночку. В лице СССР Британия получала мощное подкрепление на Востоке, куда, как хорошо понимали в руководстве страны, будут стянуты огромные немецкие силы. Обозреватели были уверены, что СССР обладает достаточным людским потенциалом, чтобы хотя бы на время сдержать Гитлера [Russia in the War ..., 1941, p. 2].

В 9 вечера 22 июня премьер выступил по радио с речью в поддержку советского народа. Важную роль играли национальные интересы. Черчилль прямо заявил, что нападение на СССР является лишь «прелюдией к вторжению на Британские острова» [Aid for Russia ..., 1941, p. 2; Unity in face ..., 1941, p. 4]. Начиная с этой речи Черчилля враждебный нарратив в отношении СССР был официально отброшен. И хотя предшествующая «агрессивная политика» в отношении Польши и Прибалтики не была забыта, подчеркивалось, что начался новый этап и что «Советский Союз, как и Великобритания, борется за свою жизнь» [Russia in The War ..., 1941, p. 2]. Причины немецкой агрессии на Востоке издания объясняли стремлением Гитлера захватить огромные природные ресурсы СССР, прежде всего «Украину с ее пшеничными полями и нефтяные месторождения Кавказа» [Hitler's aims ..., 1941, p. 10; Russia and the new Europe ..., 1941, p. 4].

Основной вопрос первых месяцев войны заключался в том, как долго сможет Советский Союз сопротивляться нацистским полчищам. Военкоры не скрывали, что ситуация была тяжелой, а порой даже катастрофической [Fighting spirit ..., 1941, p. 4; Russian defences ..., 1941, p. 5]. Корреспондент «Таймс» пророчески указывал: «Русские выдержали только первую немецкую волну, за ней последуют другие, гораздо более тяжелые» [Unity in face ..., 1941, p. 4]. Однако надежда, что СССР выстоит, существовала. Среди причин назывались значительные людские резервы, усовершенствованное вооружение, массовый героизм и мужество советских граждан. Корреспонденты сообщали о колхозниках, под угрозой оккупации покидавших родные места и сжигавших посевы; рабочих, уничтожавших заводы; партизанских отрядах, воюющих «в гуще вторгшихся армий». Таким образом, «боевой дух советских граждан не сломлен», а война для русских стала Отечественной», — заключает корреспондент «Таймс» [Fighting spirit ..., 1941, p. 4; Current events ..., 1941, p. 2; Dying ..., 1942, p. 1; Russia in the War ..., 1941, p. 2; Russians won't run away ..., 1941, p. 3].

В этот же период, когда разворачивались первые сражения, шла перестройка жизни страны на военные рельсы. Восхищение обозревателей

вызывали масштабы и темпы массовой эвакуации населения, скота, промышленности из тех районов, которым угрожала фашистская оккупация. «Железные дороги, десять лет назад бывшие притчей во языцех», сейчас показали себя очень хорошо, — констатирует «Таймс» [Fighting spirit ..., 1941, p. 4; Russian defences ..., 1941, p. 5]. Корреспонденты, посещавшие предприятия, эвакуированные на Урал, отмечали самоотверженную работу тружеников тыла, значительную долю которых занимали женщины и дети. Готовность, с которой советские граждане стекались на заводы, сравнивалась с бурлящим потоком и служила примером того, «насколько силен и сплочен был дух национальной обороны» [A Soviet example ..., 1941, p. 2].

Анализируя моральный потенциал советских войск, британские газеты отмечали, что в Красной армии по сравнению с царской гораздо выше сплоченность и осознание общественного интереса. Новая идеологическая основа, помноженная на природную инициативность и твердость характера, порождала, по их словам, сильное национальное сопротивление [Russia's army ..., 1941, p. 4]. Этим фактором объяснялась способность советских войск, невзирая на тяжелейшие потери и отступления 1941—1942 годов, не просто выстоять, но и оказывать яростное сопротивление врагу. Другим серьезным отличием новой армии стало преобладание военнослужащих, имеющих образование, неграмотный солдат стал исключением. Данные изменения естественным образом связывались с масштабными социальными преобразованиями в СССР [Russia leads ..., 1941, p. 5; The Soul ..., 1941, p. 4].

В то же время журналисты видели и глубокую преемственность между старой и новой армиями. Несмотря на другую форму и красную звезду вместо кокарды, главными характеристиками русского солдата по-прежнему были безграничная любовь к родине, простота в общении, чувство юмора, приспособляемость, находчивость. Хитроумные и непредсказуемые приемы, используемые советскими солдатами, ирландская журналистка Мэри Делстон объясняет особой смесью европейского и азиатского начал [The Soul ..., 1941, p. 4; Tough fighters ..., 1941, p. 3; Russian tactics ..., 1941, p. 6]. Другой особенностью была исключительная устойчивость к усталости. «Солдат, способный после изнурительного марша петь и танцевать под гармошку у костра, получивший порцию традиционного питательного свекольника (борща. — *Е. Н.*), каши и ржаного хлеба», — этот образ был узнаваем и для тех, кто помнил Первую мировую войну [Love of country ..., 1943, p. 1; The Soul ..., 1941, p. 4; The man who won ..., 1943, p. 2]. Отличительным качеством русских было милосердие. Корреспондент «Вестерн Мейл», ставший свидетелем освобождения советской армией пленных из концентрационного лагеря, сообщал: «Того, что они могли бы дать осво-

божденным заключенным, было немного, но они щедро делились своей едой с измученными узниками» [Generous Russians ..., 1945, p. 3].

Другой характерной чертой русского солдата на протяжении веков была сверхчеловеческая способность преодолевать невыносимые условия. «Ливерпуль Дейли Пост» проводила параллель между чудо-богатырями Суворова, штурмовавшими Альпы, и красноармейцами, форсировавшими разлившиеся в распутицу реки и наступавшими в условиях, непосильных даже для отборных немецких частей. «Нельзя недооценивать способность русских солдат смело преодолевать физические трудности. С советской армией не сравнятся никакие войска в мире», — заключал автор статьи [Historical Misconception ..., 1944, p. 2].

Свидетельства и факты безграничной храбрости и самоотверженности советских воинов регулярно находили место на страницах британских изданий. Фотокорреспондент «Иллюстрирет Лондон Ньюз», не раз бывший свидетелем подвигов красноармейцев, признавал: «Русские — крепкая раса мужчин... Свирепый и бесстрашный, советский солдат показал всю свою отвагу на этой войне» [The Germans drove ..., 1942, p. 8; Russia fights on ..., 1941, p. 15; The indomitable ..., 1942, p. 5]. Однако сражались не только мужчины. Издания публиковали яркие зарисовки девушек и женщин, мужественно отстаивавших свободу своей страны [Nurse Pavlova ..., 1941, p. 6; Nurse saves soldiers ..., 1941, p. 4; Pavlova the nurse ..., 1941, p. 5; Russian soldier ..., 1941, p. 5]. Журналист «Дейли Миррор» приводил слова немецкого «очевидца»: «Наступление продвигается медленно. Везде все сражаются. В битве принимают участие ДАЖЕ женщины» [Women battle ..., 1941, p. 1]. И хотя примеры мужества, стойкости и героизма советских граждан содержались практически в каждой публикации, посвященной Восточному фронту, «Таймс» резюмировала: «Все, что можно было о них написать, уже написано, а между тем и половины не сказано ни о русской доблести, ни о лишениях, которые испытывают русские» [How Russia stands ..., 1942, p. 5].

Размышляя о судьбе России, журналисты часто обращались к ее истории. Проводя исторические параллели, одна из ведущих Лондонских газет — «Дейли Ньюз» — отмечала: «Поляки, когда-то обосновавшиеся в Кремле, были изгнаны. Наполеон спал в Москве, но был разбит и закончил свои дни на острове Святой Елены» [Invaded ..., 1941, p. 2; Historical Misconception ..., 1944, p. 2]. Эта историческая ретроспектива вела к одному выводу: напасть на Россию — роковая ошибка. Ряд изданий, включая авторитетную «Таймс», прямо называли Гитлера сумасшедшим, который, подобно Наполеону, «не подсчитал цену своего ужасного решения» [How Russia stands ..., 1942, p. 5; Russia in the War ..., 1941, p. 2].

Тема борьбы с врагами красной нитью проходит сквозь всю русскую культуру. Журналисты напоминали читателям об опере Бородина «Князь Игорь», основанной на легендарном «Слове о полку Игореве» — исторической поэме о борьбе с половцами; грандиозном шедевре Л. Толстого «Война и мир», воссоздавшем картину наполеоновского нашествия; увертюре Чайковского «1812», воспевающей горящую Москву и отступление французской армии. На пьедестал вновь были возведены писатель Антон Чехов и выдающийся баснописец XIX века Иван Крылов [Invaded ..., 1941, p. 2; Iswolsky ..., 1944, p. 158; New Russian Horizons ..., 1944, p. 5]. Таким образом, как верно отметил журналист «Таймс», «война породила “повторное обретение прошлого России”, сыгравшее огромную роль в формировании сознания современного россиянина... знание о том, что предшественники указали им дорогу» [New Russian Horizons, 1944, p. 5].

В тяжелейшие дни сражений осени — зимы 1941 года британские издания сначала робко, а затем более настойчиво призывают правительство и общественность «ускорить оказание содействия этим героическим людям» [Russia fights on ..., 1941, p. 15]. Помощь виделась в открытии второго фронта, увеличении поставок вооружения, сборе пожертвований для Красной армии, перечислении средств для раненых красноармейцев. «Щедрое пожертвование — это дань уважения, которую вы можете отдать нашим нестигаемым союзникам». Примечательно, что призывы о помощи раздавались со страниц не только крупнейших лондонских изданий, но и скромных провинциальных газет [Coventry Salutes ..., 1943, p. 5; This Russian hopes ..., 1943, p. 3; This Russian hopes ..., 1943, p. 4; This Russian hopes ..., 1943, p. 5; This Russian hopes ..., 1943, p. 3; This Russian hopes ..., 1943, p. 2; This Russian hopes ..., 1943, p. 6; This Russian hopes ..., 1943, p. 6; This Russian hopes ..., 1943, p. 4; This Russian hopes ..., 1943, p. 4; This Russian hopes ..., 1943, p. 4; This Russian hopes ..., 1943, p. 4]. Второй фронт не был открыт ни в 1942, ни в 1943 годах, Красной Армии пришлось в одиночку переламывать ход войны.

Окончание Сталинградской битвы в феврале 1943 года ознаменовало начало перелома во Второй мировой войне. Центральными для британских СМИ стали такие темы, как ощущение неизбежности победы, послевоенное мироустройство и роль в нем Советского Союза. Обозреватели задумывались о будущих границах Польши, сферах влияния на Балканах, послевоенном устройстве Германии, позиции СССР в международных организациях. СССР стал не просто союзником, а великой державой, с волей которой приходилось считаться [Progress Report ..., 1944, p. 534; Russia Strikes ..., 1945, p. 71; The approaching victory ..., 1944, p. 4].

Особенностью прессы 1943—1944 годов стала публикация описаний советских полководцев, чей талант во многом предопределил будущую по-

беду. Западные авторы не только уделяли внимание их заслугам на поле боя, но и создавали яркие и колоритные портреты. Жуков: «Невысокий коренастый мужчина с лысиной и кустистыми бровями». Василевский: «Высокий, светловолосый казак мощного телосложения, с густыми волосами и свисающим на казачий манер челкой-чубом». Малиновский: «Этот украинский герой, красавец в мундире, сидящем на нем настолько безупречно, что у нас прославил бы сшившего его портного, — заставит трепетать сердце любой женщины». Рокоссовский: «Высокий, красивый, спокойный и молодой, ни разу не потерпевший неудачу, один из самых популярных военачальников в Советском Союзе» [Чудо на востоке ..., 2024, с. 159; Marshal Constantine Rokossovsky ..., 1944, p. 11]. Таким образом, журналисты показывали, что собой представлял высший комсостав советской армии.

3.3. Заключительный этап войны

С 1944 года британские СМИ начали по-иному расставлять акценты. Признавая безусловные заслуги Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии и отдавая должное мужеству советских солдат, издания стали подчеркивать, что это было бы невозможно «без безвозмездной помощи союзников, направленной в то время, когда их собственные ресурсы были ограничены», и вклада союзнических войск в сковывание огромного количества немецких дивизий в Северной Африке и Италии. «Дейли Ньюз» полагала, что было бы справедливым за оказанную помощь предоставить союзникам военные базы в Сибири в качестве обратного ленд-лиза [10,000 Planes ..., 1944, p. 8; Current events ..., 1944, p. 2; The approaching victory ..., 1944, p. 4; Washington report ..., 1944, p. 4]. Восьмого мая 1945 года в «Таймс» вышла многостраничная статья, представляющая собой ретроспективу всей Второй мировой войны. Основная часть публикации посвящена действиям союзнических войск, о Западном фронте и Красной армии информации гораздо меньше [Rise and fall ..., 1945, P. 2]. Следовательно, мы наблюдаем, как уже в 1944—1945 годах оценки событий Второй мировой войны начинали постепенно меняться.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что образ Советского Союза в британской прессе в период 1939—1945 годов претерпел сложную и многогранную трансформацию, напрямую связанную и с ходом военных действий, и с политическими интересами Великобритании. В 1939 году, высоко оценивая людские и материальные ресурсы Советского Союза, британская пресса видела в нем союзника в борьбе с нацистской Германией. После пакта Молотова—Риббентропа СССР стал восприниматься как идеологический противник и соучастник нацистской агрессии. Однако

сразу после нападения Германии на СССР в июне 1941 года британские СМИ, вслед за официальной позицией Лондона, совершили резкий поворот. Советский Союз стал представляться как жизненно важный союзник, чьё сопротивление было ключом к выживанию самой Британии.

На протяжении наиболее тяжёлых периодов войны на Восточном фронте британская пресса, включая не только столичные издания, но и региональную периодику, активно формировала образ красноармейца как стойкого, выносливого, находчивого и беззаветно храброго воина. Журналисты подчёркивали массовый героизм советских солдат и гражданского населения, масштабы эвакуации промышленности, силу национального духа, проводя исторические параллели с победами России над захватчиками в прошлом. Этот нарратив не только служил информационным целям, но и мобилизовал британское общество на поддержку союзника.

Однако по мере того, как победа над Германией становилась все более очевидной, в британском медиадискурсе началась заметная коррекция. Успехи Красной Армии начали ставиться в зависимость от помощи по ленд-лизу и действий союзников на других театрах военных действий. Следовательно, британская пресса выступала не просто хроникером событий, а активным инструментом формирования общественного мнения, чья позиция гибко менялась в соответствии с государственными интересами и политической конъюнктурой военно-политического союза.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *10,000 Planes to Russia* // Derby Daily Telegraph : [newspaper]. — 1944. — August 01. — P. 8.
2. *A soviet example* // Shields Daily News : [newspaper]. — 1941. — June 28. — P. 2.
3. *After Twenty-one Years* // Clitheroe Advertiser and Times : [newspaper]. — 1939. — September 08. — P. 8.
4. *Aid for Russia* // Birmingham Mail : [newspaper]. — 1941. — June 23. — P. 2.
5. *Britain and Russia* // The Economist. — 1939. — May 20. — Vol. 135. — № 4995. — P. 422.
6. *British Newspapers Online* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (accessed 24.01.2025).
7. *Communist Agitators* // The Spectator. — 1940. — December 20. — № 5869. — P. 2.
8. *Coventry Salutes the Allies* // Coventry Evening Telegraph : [newspaper]. — 1943. — February 25. — P. 5.
9. *Current events* // Dundee Evening Telegraph : [newspaper]. — 1941. — June 26. — P. 2.
10. *Current events* // Dundee Evening Telegraph : [newspaper]. — 1944. — June 22. — P. 2.
11. *Dying of Like Dogs* // Liverpool Daily Post : [newspaper]. — 1942. — January 22. — P. 1.
12. *Entre nous* // Truth : [newspaper]. — 1939. — September 01. — P. 5.

13. *Fighting spirit of Russia*. War for the fatherland. Loyalty to leaders // The Times : [newspaper]. — 1941. — July 17. — P. 4.
14. *Generous Russians* // Western Mail : [newspaper]. — 1945. — March 31. — P. 3.
15. *Historical Misconception* // Liverpool Daily Post : [newspaper]. — 1944. — March 31. — P. 2.
16. *Hitler's aims in Russia* // The Spectator. — 1941. — July 3. — № 5897. — P. 10.
17. *How Russia stands* // The Times : [newspaper]. — 1942. — June 20. — P. 5.
18. *In occupied Poland* // The Economist. — 1939. — December 2. — Vol. 137. — № 5023. — P. 328.
19. *Invaded : but never conquered* // Daily News (London) : [newspaper]. — 1941. — June 23. — P. 2.
20. *Iswolsky H. SOUL OF RUSSIA* / H. Iswolsky // Bookseller : [newspaper]. — 1944. — August 03. — P. 158.
21. *Laughing in the face of fate by don warner* // Liverpool Evening Express : [newspaper]. — 1939. — September 01. — P. 4.
22. *Love of country* // Central Somerset Gazette : [newspaper]. — 1943. — February 19. — P. 1.
23. *Marshal Constantine Rokossovsky* // The Sphere : [newspaper]. — 1944. — August 12. — P. 11.
24. *Military Talks in Moscow* // The Economist. — 1939. — August 12. — Vol. 136. — № 5007. — P. 308.
25. *New Russian Horizons* // The Times : [newspaper]. — 1944. — September 30. — P. 5.
26. *Nurse Pavlova saved wounded* // Gloucestershire Echo : [newspaper]. — 1941. — July 25 — P. 6.
27. *Nurse saves soldiers* // Derby Daily Telegraph : [newspaper]. — 1941. — July 25. — P. 4.
28. *Pavlova the nurse* // Belfast Telegraph : [newspaper]. — 1941. — July 25. — P. 5.
29. *Progress Report from Moscow* // The Economist. — 1944. — October 21. — Vol. 147. — № 5278. — P. 534.
30. *Red Nazis* // The Economist. — 1939. — September 23. — Vol. 136 — № 5013. — P. 553.
31. *Rise and fall of the third Reich*. The long road to victory // The Times : [newspaper]. — 1945. — May 8. — P. 2.
32. *Round about action* // Acton Gazette : [newspaper]. — 1939. — September 01. — P. 3.
33. *Russia and the Axis* // The Economist. — 1939. — May 6. — Vol. 125 — № 4993. — P. 298.
34. *Russia and the new Europe* // The Spectator. — 1941. — June 19. — № 5895. — P. 4.
35. *Russia fights on : pictures from the vast eastern battlefield* // Illustrated London News : [newspaper]. — 1941. — October 04. — P. 15.
36. *Russia has 4.000.000 under arms* // Scunthorpe Evening Telegraph : [newspaper]. — 1939. — September 12. — P. 4.
37. *Russia in the War* // Edinburgh Evening News : [newspaper]. — 1941. — June 23. — P. 2.
38. *Russia leads* // Kinematograph Weekly : [newspaper]. — 1941. — August 07. — P. 5.
39. *Russia Strikes* // The Economist. — 1945. — January 20. — Vol. 148 — № 5291. — P. 71.
40. *Russia's army* // Hartlepool Northern Daily Mail : [newspaper]. — 1941. — June 23. — P. 4.

41. *Russian Alliance Prediction* // Liverpool Daily Post : [newspaper]. — 1939. — April 13. — P. 7.
42. *Russian army might* // Belfast Telegraph : [newspaper]. — 1939. — September 12. — P. 6.
43. *Russian defences* // The Times : [newspaper]. — 1941. — October 16. — P. 5.
44. *Russian Near-War Policy* // The Economist. — 1939. — June 17. — Vol. 135. — № 4999. — P. 656.
45. *Russian soldier and girl* // Belfast News-Letter : [newspaper]. — 1941. — October 04. — P. 5.
46. *Russian tactics* // Birmingham Mail : [newspaper]. — 1941. — July 09. — P. 6.
47. *Russians won't run away* // Dundee Courier : [newspaper]. — 1941. — October 18. — P. 3.
48. *Russia's Choice* // The Economist. — 1939. — October 7. — Vol. 137 — № 5015. — P. 3.
49. *Russia's conquests* // The Spectator. — 1939. — November 10. — № 5811. — P. 12.
50. *The Anglo-Russian Seria* // The Economist. — 1939. — July 15. — Vol. 136. — № 5003 — P. 109.
51. *The approaching victory* // Bromley & West Kent Mercury : [newspaper]. — 1944. — August 04. — P. 4.
52. *The Germans drove a tank over him* // Manchester Evening News : [newspaper]. — 1942. — June 24. — P. 8.
53. *The indomitable Russian soldier a good friend, but a fierce foe* // Illustrated London News : [newspaper]. — 1942. — September 05. — P. 5.
54. *The man who won at Stalingrad* // Newcastle Evening Chronicle : [newspaper]. — 1943. — February 12. — P. 2.
55. *The Russian Myth* // Warwick and Warwickshire Advertiser : [newspaper]. — 1939. — September 02. — P. 6.
56. *The Soul of the Russian Soldier* // Larne Times : [newspaper]. — 1941. — August 23. — P. 4.
57. *This Russian hopes to fight again* // Coventry Evening Telegraph : [newspaper]. — 1943. — January 28. — P. 3.
58. *This Russian hopes to fight again* // Daily Mirror : [newspaper]. — 1943. — January 22. — P. 4.
59. *This Russian hopes to fight again* // Daily News (London) : [newspaper]. — 1943. — January 11. — P. 2.
60. *This Russian hopes to fight again* // Hull Daily Mail : [newspaper]. — 1943. — January 20. — P. 4.
61. *This Russian hopes to fight again* // Liverpool Echo — 1943. — January 29. — P. 4.
62. *This Russian hopes to fight again* // Manchester Evening News Monday Mirror : [newspaper]. — 1943. — 18 January. — P. 4.
63. *This Russian hopes to fight again* // Newcastle Evening Chronicle Mirror : [newspaper]. — 1943. — January 13. — P. 5.
64. *This Russian hopes to fight again* // Portsmouth Evening News Mirror : [newspaper]. — 1943. — January 25. — P. 4.
65. *This Russian hopes to fight again* // Sunday Mirror Mirror : [newspaper]. — 1943. — February 07. — P. 6.
66. *This Russian hopes to fight again* // The People Mirror : [newspaper]. — 1943. — February 07. — P. 3.
67. *This Russian hopes to fight again* // Yorkshire Evening Post Mirror : [newspaper]. — 1943. — January 28. — P. 6.

68. *Tough fighters* // Edinburgh Evening News Mirror : [newspaper]. — 1941. — July 02. — P. 3.
69. *Unity in face of common foe. Russian will to victory* // The Times Mirror : [newspaper]. — 1941. — July 14. — P. 4.
70. *Washington report of U.S. bases in Siberia* // Daily News (London) Mirror : [newspaper]. — 1944. — October 10. — P. 4.
71. *Women battle* // Daily Mirror Mirror : [newspaper]. — 1941. — June 25. — P. 1.

Литература

1. *Величие подвига советского народа : Зарубежные отклики и высказывания 1941—1945 годов о Великой Отечественной войне / составители : А. И. Бабин и др. — Москва : Международные отношения, 1985. — 384 с.*
2. *Гелла Т. Н. Сталинградская битва в оценках британских современников / Т. Н. Гелла // Орловско-курская битва в истории великой отечественной войны 1941—1945 гг. : сборник статей международной научно-практической конференции (Россия, Орел, 20 апреля 2023 г.). — Орел : Изд-во Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС, 2023. — Т. 1. — С. 76—85. — ISBN 978-5-93179-764-9.*
3. *Голубев А. В. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн / А. В. Голубев, О. С. Поршнева. — Москва : Новый хронограф, 2012. — 392 с. — ISBN 978-5-94881-175-8.*
4. *Ильичев А. В. Русофобский нарратив в исследованиях ведущих британских авторов по Второй мировой войне как фактор формирования современного мировоззрения британского общества / А. В. Ильичев // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. — 2023. — № 3. — С. 85—107.*
5. *Кайгусуз Д. Я разделяю восхищение моего народа славными подвигами Советских вооруженных сил» : газета «Британский союзник» о Сталинградской битве / Д. Кайгусуз, М. М. Вагабов, Ю. Г. Кокорина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 330—345. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-330-345.*
6. *Малаховская В. В. Британские СМИ в период Второй мировой войны : особенности функционирования / В. В. Малаховская, А. К. Малаховский // Манускрипт. — 2019. — Т. 12, вып. 1. — С. 66—72.*
7. *Мыцык Л. Н. Общественно-политические, научные и культурные связи СССР и Великобритании в годы Великой Отечественной Войны (1941—1945 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. Н. Мыцык. — Москва, 1993. — 21 с.*
8. *Озтюрк М. Сталинградская битва в зеркале региональной британской прессы (на материале газеты «Western Post», 1942—1943) / М. Озтюрк, Ю. Г. Кокорина, М. М. Вагабов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 448—465. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-448-465.*
9. *Поздеева Л. В. Лондон-Москва. Британское общественное мнение и СССР / Л. В. Поздеева. — Москва : ИВИ РАН, 2000. — 305 с. — ISBN 5-201-00531-4.*
10. *Семикин Д. В. Специфика освещения событий Сталинградской битвы зарубежными журналистами / Д. В. Семикин, Ю. Г. Семикина // Сталинградская битва : правда и вымыслы (по материалам мировой печати) : материалы 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Сталинградской битвы (Россия, Москва, 23 октября 2023 г.). — Москва : Московский Политех, 2023. — С. 211—214. — ISBN 978-5-276-02819-4.*

11. Семиряга М. И. Эхо Сталинградской битвы : монография / М. И. Семиряга. — Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1969. — 248 с.
12. Сенявский А. С. Вторая мировая война и историческая память : образ прошлого в контексте современной геополитики / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская // Вестник ГИМО-университета. — 2009. — № 4 — С. 299—310.
13. Сенявский А. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская // Вестник РУДН. Серия «История России». — 2006. — № 2 (6). — С. 54—72.
14. Сенявский А. С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская // Отечественная история. — 2007. — № 2. — С. 139—151.
15. Чудо на востоке. Западные военкоры рассказывают. 1941—1945 / под ред. Н. А. Нарочницкой. — Москва : Вече, 2024. — 368 с. — ISBN 978-5-4484-4996-3.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026,
одобрена после рецензирования 18.04.2026,
подготовлена к публикации 11.05.2026.

Material resources

- 10,000 Planes to Russia. (1944). *Derby Daily Telegraph*: [newspaper]. P. 8.
A soviet example. (1941). *Shields Daily News*: [newspaper]. P. 2.
After Twenty-one Years. (1939). *Clitheroe Advertiser and Times*: [newspaper]. P. 8.
Aid for Russia. (1941). *Birmingham Mail*: [newspaper]. P. 2.
Britain and Russia. (1939). *The Economist*, 135 (4995): P. 422.
British Newspapers Online. Available at: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (accessed 24.01.2025).
Communist Agitators. (1940). *The Spectator*, 5869: P. 2.
Coventry Salutes the Allies. (1943). *Coventry Evening Telegraph*: [newspaper]. P. 5.
Current events. (1941). *Dundee Evening Telegraph*: [newspaper]. P. 2.
Current events. (1944). *Dundee Evening Telegraph*: [newspaper]. P. 2.
Dying of Like Dogs. (1942). *Liverpool Daily Post*: [newspaper]. P. 1.
Entre nous. (1939). *Truth*: [newspaper]. P. 5.
Fighting spirit of Russia. War for the fatherland. Loyalty to leaders. (1941). *The Times*: [newspaper]. P. 4.
Generous Russians. (1945). *Western Mail*: [newspaper]. P. 3.
Historical Misconception. (1944). *Liverpool Daily Post*: [newspaper]. P. 2.
Hitler's aims in Russia. (1941). *The Spectator*, 5897: P. 10.
How Russia stands. (1942). *The Times*: [newspaper]. P. 5.
In occupied Poland. (1939). *The Economist*, 137 (5023): P. 328.
Invaded: but never conquered (1941). *Daily News (London)*: [newspaper]. P. 2.
Iswolsky, H. (1944). SOUL OF RUSSIA. *Bookseller*: [newspaper]. P. 158.
Laughing in the face of fate by don warner. (1939). *Liverpool Evening Express*: [newspaper]. P. 4.
Love of country. (1943). *Central Somerset Gazette*: [newspaper]. P. 1.
Marshal Constantine Rokossovsky. (1944). *The Sphere*: [newspaper]. P. 11.
Military Talks in Moscow. (1939). *The Economist*, 136 (5007): P. 308.
New Russian Horizons. (1944). *The Times*: [newspaper]. P. 5.
Nurse Pavlova saved wounded. (1941). *Gloucestershire Echo*: [newspaper]. P. 6.

Nurse saves soldiers. (1941). *Derby Daily Telegraph*: [newspaper]. P. 4.

Pavlova the nurse. (1941). *Belfast Telegraph*: [newspaper]. P. 5.

Progress Report from Moscow. (1944). *The Economist*, 147 (5278): P. 534.

Red Nazis. (1939). *The Economist*, 136 (5013): P. 553.

Rise and fall of the third Reich. The long road to victory. (1945). *The Times*: [newspaper]. P. 2.

Round about action. (1939). *Acton Gazette*: [newspaper]. P. 3.

Russia and the Axis. (1939). *The Economist*, 125 (4993): P. 298.

Russia and the new Europe. (1941). *The Spectator*, 5895: P. 4.

Russia fights on: pictures from the vast eastern battlefield. (1941). *Illustrated London News*: [newspaper]. P. 15.

Russia has 4.000.000 under arms. (1939). *Scunthorpe Evening Telegraph*: [newspaper]. P. 4.

Russia in the War. (1941). *Edinburgh Evening News*: [newspaper]. P. 2.

Russia leads. (1941). *Kinematograph Weekly*: [newspaper]. P. 5.

Russia Strikes. (1945). *The Economist*, 148 (5291): P. 71.

Russia's army. (1941). *Hartlepool Northern Daily Mail*: [newspaper]. P. 4.

Russia's Choice. (1939). *The Economist*, 137 (5015): P. 3.

Russia's conquests. (1939). *The Spectator*, 5811: P. 12.

Russian Alliance Prediction. (1939). *Liverpool Daily Post*: [newspaper]. P. 7.

Russian army might. (1939). *Belfast Telegraph*: [newspaper]. P. 6.

Russian defences. (1941). *The Times*: [newspaper]. P. 5.

Russian Near-War Policy. (1939). *The Economist*, 135 (4999): P. 656.

Russian soldier and girl. (1941). *Belfast News-Letter*: [newspaper]. P. 5.

Russian tactics. (1941). *Birmingham Mail*: [newspaper]. P. 6.

Russians won't run away. (1941). *Dundee Courier*: [newspaper]. P. 3.

The Anglo-Russian Seria. (1939). *The Economist*, 136 (5003): P. 109.

The approaching victory. (1944). *Bromley & West Kent Mercury*: [newspaper]. P. 4.

The Germans drove a tank over him. (1942). *Manchester Evening News*: [newspaper]. P. 8.

The indomitable Russian soldier a good friend, but a fierce foe. (1942). *Illustrated London News*: [newspaper]. P. 5.

The man who won at Stalingrad. (1943). *Newcastle Evening Chronicle*: [newspaper]. P. 2.

The Russian Myth. (1939). *Warwick and Warwickshire Advertiser*: [newspaper]. P. 6.

The Soul of the Russian Soldier. (1941). *Larne Times*: [newspaper]. P. 4.

This Russian hopes to fight again. (1943). *Coventry Evening Telegraph*: [newspaper]. P. 3.

This Russian hopes to fight again. (1943). *Daily Mirror*: [newspaper]. P. 4.

This Russian hopes to fight again. (1943). *Daily News (London)*: [newspaper]. P. 2.

This Russian hopes to fight again. (1943). *Hull Daily Mail*: [newspaper]. P. 4.

This Russian hopes to fight again. (1943). *Liverpool Echo*. P. 4.

This Russian hopes to fight again. (1943). *Manchester Evening News Monday Mirror*: [newspaper]. P. 4.

This Russian hopes to fight again. (1943). *Newcastle Evening Chronicle Mirror*: [newspaper]. P. 5.

This Russian hopes to fight again. (1943). *Portsmouth Evening News Mirror*: [newspaper]. P. 4.

This Russian hopes to fight again. (1943). *Sunday Mirror Mirror*: [newspaper]. P. 6.

This Russian hopes to fight again. (1943). *The People Mirror*: [newspaper]. P. 3.

This Russian hopes to fight again. (1943). *Yorkshire Evening Post Mirror*: [newspaper]. P. 6.

Tough fighters. (1941). *Edinburgh Evening News Mirror*: [newspaper]. P. 3.

Unity in face of common foe. Russian will to victory. (1941). *The Times Mirror*: [newspaper]. P. 4.

Washington report of U.S. bases in Siberia. (1944). *Daily News (London) Mirror: [newspaper]*. P. 4.

Women battle. (1941). *Daily Mirror Mirror: [newspaper]*. P. 1.

References

- Babin, A. I. et al. (eds.). (1985). *The greatness of the feat of the Soviet people: Foreign responses and statements of 1941—1945 about the Great Patriotic War*. Moscow: International Relations. 384 p. (In Russ.).
- Gella, T. N. (2023). The Battle of Stalingrad in the assessments of British contemporaries. In: *The Battle of Oryol-Kursk in the history of the Great Patriotic War 1941—1945. Collection of articles of the international scientific and practical conference (Orel, Russia, April 20, 2023), 1*. Orel: Publishing House of the Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPa. 76—85. ISBN 978-5-93179-764-9. (In Russ.).
- Golubev, A. V., Porshneva, O. S. (2012). *The image of an ally in the consciousness of Russian society in the context of world wars*. Moscow: New Chronograph. 392 p. ISBN 978-5-94881-175-8. (In Russ.).
- Ilyichev, A. V. (2023). The Russophobic narrative in the research of leading British authors on World War II as a factor in the formation of the modern worldview of British society. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Cultural studies. Political science*, 3: 85—107. (In Russ.).
- Kaygusuz, C., Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. (2023). “I Share Admiration of My People for Glorious Feats of Soviet Armed Forces”: Newspaper ‘British Ally’ on Battle of Stalingrad. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 330—345. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-330-345. (In Russ.).
- Malakhovskaya, V. V., Malakhovsky, A. K. (2019). British media during the Second World War: peculiarities of functioning. *Manuscript*, 12 (1): 66-72. (In Russ.).
- Mytsyk, L. N. (1993). *Socio-political, scientific and cultural relations between the USSR and Great Britain during the Great Patriotic War (1941—1945)*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 21 p. (In Russ.).
- Narochnitskaya, N. A. (ed.). (2024). *Miracle in the East. Western military commanders tell. 1941—1945*. Moscow: Veche Publishing House, LLC. 368 p. ISBN 978-5-4484-4996-3. (In Russ.).
- Öztürk, M., Kokorina, Yu. G., Vagabov, M. M. (2024). Stalingrad Battle in Mirror of Regional British Press (Western Post Newspaper, 1942—1943). *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 448—465. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-448-465. (In Russ.).
- Pozdeeva, L. V. (2000). *London-Moscow. British Public Opinion and the USSR*. Moscow: IVI RAS. 305 p. ISBN 5-201-00531-4. (In Russ.).
- Semikin, D. V., Semikina, Yu. G. (2023). Specifics of the coverage of the events of the Battle of Stalingrad by foreign journalists. In: *The Battle of Stalingrad: Truth and Fiction (based on the materials of the world press): proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Battle of Stalingrad (Russia, Moscow, October 23, 2023)*. Moscow: Moskovsky Polytech. 211—214. ISBN 978-5-276-02819-4. (In Russ.).
- Semiryaga, M. I. (1969). *Echo of the Battle of Stalingrad: a monograph*. Volgograd: Nizh.-Volzhsky Publishing house. 248 p. (In Russ.).
- Senyavsky, A. S., Senyavskaya, E. S. (2006). Historical imagology and the problem of forming the “image of the enemy” (based on the materials of Russian history of the XX cen-

ture). *Bulletin of the RUDN University. The series "History of Russia"*, 2 (6): 54—72. (In Russ.).

Senyavsky, A. S., Senyavskaya, E. S. (2007). Historical memory of the wars of the XX century. as an area of ideological, political and psychological confrontation. *Russian history*, 2: 139—151. (In Russ.).

Senyavsky, A. S., Senyavskaya, E. S. (2009). The Second World War and historical memory: the image of the past in the context of modern geopolitics. *Bulletin of MGIMO University*, 4: 299—310. (In Russ.).

*The article was submitted 25.01.2026;
approved after reviewing 18.04.2026;
accepted for publication 11.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Нестеров А. Г. Концепция гуманитарного сотрудничества в контексте инициативы «Один пояс — один путь» / А. Г. Нестеров, Ни Мэн // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 506—522. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-506-522.

Nesterov, A. G., Ni Meng. (2026). Concept of Humanitarian Cooperation in Context of Belt and Road Initiative (2015–2025). *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 506-522. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-506-522. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Концепция гуманитарного сотрудничества в контексте инициативы «Один пояс — один путь» (2015—2025)

Нестеров Александр Геннадьевич

orcid.org/0000-0002-3349-6204

доктор исторических наук, профессор
кафедры зарубежного регионоведения

корреспондирующий автор

alexander.nesterov@urfu.ru

Ни Мэн

orcid.org/0000-0001-9857-9257

аспирант кафедры

зарубежного регионоведения

756427012@qq.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Concept of Humanitarian Cooperation in Context of Belt and Road Initiative (2015–2025)

Alexander G. Nesterov

orcid.org/0000-0002-3349-6204

Doctor of History, Professor,
Department of Foreign Regional Studies

corresponding author alexander.

nesterov@urfu.ru

Ni Meng

orcid.org/0000-0001-9857-9257

post-graduate student,

Department of Regional Studies

756427012@qq.com

Ural Federal University
named after the First President of Russia

B. N. Yeltsin

(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию концептуальных подходов к международному гуманитарному сотрудничеству. Оно рассматривается в контексте инициативы «Один пояс и один путь», выдвинутой в Китае в 2013 году и подразумевавшей создание широкомасштабной системы экономических и культурных связей между большинством стран Евразии, а также включавшей развитие системы политического сотрудничества между государствами, входящими в данную инициативу. Авторы выявили существование исторических основ у концепции такого сотрудничества и доказали, что китайские политические мыслители во многом при формировании рассматриваемой инициативы опирались на китайскую политическую, философскую и культурную традицию, восходящую к трудам Конфуция и Лао-цзы. Авторам также удалось доказать, что современные китайские исследователи также интерпретируют понятия международного гуманитарного сотрудничества, опираясь на китайские традиционные подходы к межгосударственным отношениям, и подобное толкование имеет право на существование и может рассматриваться как одна из основ внешнеполитической доктрины современного Китая.

Ключевые слова:

международное гуманитарное сотрудничество; внешняя политика Китая; инициатива «Один пояс и один путь»; китайская политическая традиция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the conceptual frameworks underpinning international humanitarian cooperation, with a particular focus on the Belt and Road Initiative (BRI), launched by China in 2013. The initiative is examined as a comprehensive effort to establish extensive economic, cultural, and political linkages across the majority of Eurasian states. The authors trace the historical roots of the concept of humanitarian cooperation, demonstrating that contemporary Chinese policymakers have drawn significantly from China's rich political, philosophical, and cultural heritage, notably the teachings of Confucius and Laozi. Furthermore, the study reveals that modern Chinese scholars interpret the principles of international humanitarian cooperation through the lens of traditional Chinese approaches to interstate relations. The authors argue that this interpretative framework constitutes a legitimate and foundational element of contemporary China's foreign policy doctrine.

Key words:

international humanitarian cooperation; China's foreign policy; Belt and Road Initiative; Chinese political tradition

УДК 94(510).093

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-506-522

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Концепция гуманитарного сотрудничества в контексте инициативы «Один пояс — один путь»

© Нестеров А. Г., Ни Мэн, 2026

1. Введение = Introduction

Осенью 2013 года Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин во время визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии выдвинул инициативу «Один пояс и один путь», концептуально подразумевавшую создание экономического пояса «Шелковый путь» и морского «Шелкового пути XXI века» [Прекрасные перспективы ..., 2015, с. 1]. Идея о создании Нового Шелкового пути как экономического пояса была высказана Си Цзиньпином в Астане во время визита в Казахстан в 2013 году. Как было заявлено, целью представленной инициативы является стремление «укрепить экономические связи и сотрудничество для расширения пространства развития стран Евразии» [Выступление Председателя ..., 2013]. В октябре 2013 года в Индонезии была заявлена аналогичная инициатива для развития сотрудничества со странами Юго-Западной, Южной и Юго-Восточной Азии под названием «Морской Шелковый путь XXI века» [Форум «Один пояс...», 2019].

Исторически Шелковый путь (Великий Шелковый путь) — караванная дорога, связывающая Китай и страны Западной Азии, примыкающие к Средиземному морю. Термин *Шелковый путь* как обозначение комплекса караванных путей, идущих из Китая на запад, был впервые введен немецким географом, президентом Германского географического общества Фердинандом фон Рихтгофеном в 1877 году [Мамлева, 1999, с. 53].

Расцвет караванного Шелкового пути как торговой артерии приходится на IV—VIII века, когда роль международных торговых посредников выполняли в основном согдийские купцы. Арабские завоевания привели к прекращению китайского влияния на государства Центральной Азии, и основной торговый путь передвинулся из Ирана на север — через Казахстан и Поволжье к Русской равнине. Караваны из Китая и Центральной Азии огибали Каспий с Севера, опорными точками нового маршрута стали

Волжская Булгария, Хазарский каганат и Кавказская Албания, территория которой в основном соответствует современному Азербайджану [Мамлева, 1999, с. 56]. Турецкие завоевания XV—XVI веков и создание Османской империи в Западной Азии и Юго-Восточной Европе перекрыли традиционную трассу движения товаров из Восточной в Западную Азию и подтолкнули европейские страны к поискам морских путей к источникам товаров — Индии и Китаю. Эпоха великих географических открытий и глобализация системы морских коммуникаций привели к упадку древней трансазиатской торговли по Шелковому пути [Нестеров, 2021, с. 44].

Принципиальное отличие современной концепции Нового Шелкового пути от предшествующих концепций — значительно более широкий охват как в географическом, так и в содержательном аспекте. Концептуально «Один пояс и один путь» охватывает развитые экономики Восточной Азии и Европы, а также расположенные между ними территории с огромным потенциалом экономического развития. Кроме того, пространство «пояса Нового Шелкового пути» должно стать не только транспортным коридором, но и экономическим поясом, через который проходят маршруты из Китая через Центральную Азию и Россию до стран Европейского Союза, а маршруты «морского Шелкового пути XXI века» из морских портов Китая должны идти в Индийский океан и дальше до Европы, а также в южную акваторию Тихого океана вплоть до Австралии и Новой Зеландии [Прекрасные перспективы ..., 2015, с. 1].

Экономика не является единственной составляющей концепции Нового Шелкового пути. Не менее существенной является гуманитарная составляющая этой концепции, которую Е. И. Сафронова охарактеризовала как «носителя “мягкой силы” Китая» [Сафронова, 2016]. Анализ этого аспекта рассматриваемой концепции и посвящена данная статья.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Естественно, что исследователи обращают основное внимание на экономическую составляющую инициативы «Пояса и пути», так как основные задачи этой инициативы непосредственно связаны с экономическим развитием и укреплением экономических связей Китая со странами, соотносимыми с данной концепцией. При этом необходимо подчеркнуть, что в современных публикациях, посвященных данной инициативе, рассматриваются как общие положения экономической составляющей «Пояса и пути», так и конкретные особенности взаимодействия Китая со странами, участвующими в инициативе, прежде всего со странами Центральной Азии.

Культурное сотрудничество, являющееся одним из трех столпов двусторонних отношений между Китаем и Россией, всегда было ключевой

областью исследований для ученых обеих стран. Уделялось внимание его концептуальному определению, оценке расширения масштабов, анализу практических подходов. Китайские и российские ученые несколько расходятся в понимании концепции и масштабов гуманитарного сотрудничества. Китайские ученые, сосредоточившись на «дипломатии между народами и китайско-иностранных гуманитарных обменах», изучают также синергетическую логику между двусторонним китайско-российским гуманитарным сотрудничеством и национальными стратегиями — в соответствии с потребностями китайской дипломатической практики и инициативой «Один пояс, один путь». Основываясь на существующем опыте, Чжоу Цинган и Лю Бэй разработали точный коммуникационный план для стран Глобального Юга и конкретных целевых аудиторий [Чжоу Цинган и др., 2024, с. 5]. Этот план не только укрепляет идеологическую основу для сосуществования и взаимного обучения различных цивилизаций, но и предлагает новый подход к китайско-иностранным гуманитарному обмену в рамках публичной дипломатии, эффективно расширяя исследовательскую перспективу в смежных областях. Сун Иньнань, используя конструктивистскую теорию в качестве аналитической перспективы, утверждает, что глубокое взаимодействие между Китаем и Россией в культурной сфере обусловлено высокой степенью взаимосвязи их стратегических интересов [Сун Иньнань, 2025, с. 24]. Суть этого взаимодействия заключается в практическом исследовании нового типа международных отношений двумя крупными державами, обладающими как национальными, так и цивилизационными особенностями, на фоне перестройки международного порядка. Это обеспечивает теоретическую поддержку глубинной логики китайско-российского гуманитарного сотрудничества и углубляет исследование китайско-российского гуманитарного сотрудничества и национальной стратегической синергии с точки зрения политологии.

Кроме того, китайские исследователи достаточно подробно анализируют опыт гуманитарного сотрудничества именно в контексте инициативы «Один пояс, один путь». В исследовании Ян Бинь, Ли Дунхуна и Тан Линлин самостоятельный раздел посвящен культурному сотрудничеству в контексте инициативы «Один пояс, один путь» и рассматривается роль и особенности такого сотрудничества в системе китайской внешней политики [Ян Бинь и др., 2023, с. 96—111].

Российские ученые, сосредоточившись на «международном гуманитарном сотрудничестве», делают акцент на концептуальном определении, анализе терминологии и международном сравнении. Они изучают определение и модели международной практики гуманитарного сотрудничества, связывая его с национальной культурной безопасностью и построением

международного порядка. Например, В. В. Комлева дифференцировала понятие международного гуманитарного сотрудничества и определение гуманитарной деятельности, предложила новую перспективу для последующих исследований в этой области [Комлева, 2020, с. 58]. Д. А. Самусев уточнил основные понятия и категории управления международными гуманитарными отношениями, указал направление развития нового международного гуманитарного порядка и уточнил практическое понимание международных гуманитарных отношений [Самусев, 2024, с. 184]. Е. А. Кузнецова и Т. А. Никонова, проводя сравнительный анализ терминологии «международного гуманитарного сотрудничества», уделяют внимание вопросам оценки эффективности гуманитарного сотрудничества в Российской Федерации [Кузнецова и др., 2023, с. 256].

Для анализа концепции международного сотрудничества в контексте инициативы «Пояса и пути» необходимо также привлечение произведений классической китайской политической и философской мысли — трудов Конфуция, Лао-цзы, Мэн-цзы и других авторов, заложивших основу мировоззрения китайской цивилизации. Обращение к классическим текстам китайской традиции позволяет показать историческую основу, которая оказала существенное влияние на формирование концепции инициативы «Пояса и пути» в XXI веке.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Международное гуманитарное сотрудничество как концепция

Гуманитарное сотрудничество — это междисциплинарное понятие, одновременно всеобъемлющее и практическое. Его смысл постоянно обогащается с развитием международных отношений, и его необходимо точно определить, сочетая сущность гуманистического духа с атрибутами международного сотрудничества, опираясь на соответствующие теории. Этимологически «гуманитарные науки» фокусируются на духовном мире человека, культурном созидании и стремлении к ценностям, в основе которых лежит уважение к человеческой субъективности и признание многообразия цивилизаций; «сотрудничество», с другой стороны, акцентирует внимание на совместных действиях множества заинтересованных сторон на основе общих интересов или целей, предполагая равноправное взаимодействие и взаимную выгоду. Сочетание этих двух аспектов составляет суть гуманитарного сотрудничества.

В контексте международных отношений ключевые составляющие определений *гуманитарного сотрудничества* можно резюмировать следующим образом: общий термин для различных обменов, сотрудничества и совместной строительной деятельности, осуществляемых

суверенными государствами, международными организациями, неправительственными организациями и отдельными гражданами в областях культуры, образования, науки и техники, спорта, искусства, СМИ и фольклора на основе принципов равенства, уважения, взаимной выгоды и взаимовыгодного сотрудничества. Эта концепция содержит три основных элемента: во-первых, многообразие субъектов, преодолевающее ограничения, присущие одной национальной единице, и охватывающее множество уровней субъектов, включая официальные и неправительственные организации. Среди них неправительственные организации являются важным дополнением ряда акторов, вовлеченных в гуманитарное сотрудничество, поскольку они обладают преимуществами гибкости и устойчивости. Во-вторых, инклюзивность принципов, в основе которых лежат равноправный диалог и уважение к различиям, отказ от культурной гегемонии и теории цивилизационного превосходства и подчеркивание ценности цивилизационного многообразия. В-третьих, в отличие от борьбы за власть в политическом сотрудничестве и стремления к прибыли в экономическом сотрудничестве, неутилитарный характер целей в сотрудничестве между людьми в большей степени ориентирован на эмоциональную связь, признание ценностей и цивилизационное сосуществование, то есть цели обладают как атрибутами общественного блага, так и долгосрочной ценностью.

Важно уточнить, что гуманитарное сотрудничество в международных отношениях не является изолированным, оно находится во взаимосвязи с политическим и экономическим сотрудничеством. С точки зрения теории мягкой силы, гуманитарные сотрудничества являются основным инструментом распространения и развития национальной мягкой силы, а их концептуальное значение в большой степени соответствует культурным и ценностным измерениям мягкой силы. С точки зрения теории диалога между цивилизациями, гуманитарные сотрудничества представляют собой практический путь разрешения конфликтов и достижения гармоничного сосуществования между ними, а их основная концепция воплощает цивилизационный идеал «гармонии без единообразия». По сравнению с традиционным международным сотрудничеством, гуманитарные сотрудничества характеризуются отсутствием принуждения, тонким влиянием и долгосрочной эффективностью. Их роль не основана на силовом принуждении или стимулировании интересов, а скорее на формировании познавательного консенсуса посредством культурного погружения и эмоционального резонанса. Будучи соседними крупными державами и древними цивилизациями, Китай и Россия на протяжении многих лет постоянно углубляли гуманитарное сотрудничество.

3.2. Гуманитарное сотрудничество: концепция в исторической ретроспективе китайской цивилизации

Сложившиеся еще в эпоху Чжоу (XI—III века до н. э.) китайские учения конфуцианства и даосизма, как ключевая составляющая китайской традиционной культуры, содержат в себе концепции гармонии, толерантности и мирного сосуществования. Они привносят уникальное восточное этическое ядро и практические ориентиры в гуманитарное сотрудничество, образуя яркое взаимодополнение и глубокое созвучие с западной философской и политической мыслью. Этот факт получил широкое признание и глубокое осмысление со стороны китайских ученых. Традиционная китайская гуманитарная мысль, развивавшаяся на протяжении тысячелетий, сформировала теоретическую систему, ядром которой являются учения конфуцианства и даосизма, обладающую как инклюзивностью, так и практичностью. Ее концепции, такие как «Благородные живут в согласии (с другими людьми), но не следуют за ними» (Лунь юй, XIII, с. 23: 君子和而不同) [Кун цзы, 2016] (все цитаты из книги «Лунь юй» далее приводятся по данному изданию), «Человеколюбивый любит людей, учтивый относится к ним с уважением» (Мэн цзы, 8, 28: 仁者爱人, 有礼者敬人) [Мэн цзы, 1999, с. 123—124], «Путь таков, каков он есть сам по себе» (Дао дэ цзин, с. 25: 道法自然) [Лао цзы, 1954], перекликаются с такими западными гуманитарными идеями, как ценностный плюрализм и теория коммуникативного действия, совместно формируя теоретический фундамент гуманитарного сотрудничества. Конфуцианство, основанное Конфуцием и развитое такими мыслителями, как Мэн-цзы и Сюнь-цзы, постепенно сформировало систематическую теоретическую систему. Его ядром является понятие «человеколюбивый» (仁), подчеркивающее ценность и достоинство человека, гармоничные отношения между людьми, а также мирное сосуществование между государствами.

В «Лунь юй» («Книге бесед и суждений») Конфуций сказал: «Благородные живут в согласии (с другими людьми), но не следуют за ними, низкие — следуют (за другими людьми), но не живут с ними в согласии» (Лунь юй, XIII, с. 23). Подчеркиваемое конфуцианством понятие «гармония» (he, 和) — это не «слепое единообразие», лишенное различий, а гармоничное сосуществование на основе уважения к различиям и терпимости к многообразию, мудрое воплощение принципа «искать общее при сохранении различий», иероглиф 和 часто толкуется как «единение / согласие». В трактате «Речи царств» («Го юй», V—IV века до н.э.) подчеркивается, что «гармония, по существу, рождает все вещи, в то время как единообразие не приносит потомства», и, следуя гармонии, народы всех государств «жили спокойно и радостно как одна семья. В этом и есть высшее проявление

ние гармонии» [Го юй, 1987, с. 240—241]. Концепция «Благородные живут в согласии (с другими людьми), но не следуют за ними» требует в общении уважения различий между людьми, терпимого отношения к разногласиям и достижения гармоничного сосуществования через взаимопонимание и взаимообогащение. Как отмечалось ранее, данная идея созвучна принципам ценностного плюрализма, сформулированным Исайей Берлином, и может рассматриваться как фундаментальная основа для развития гуманитарного сотрудничества между странами и цивилизациями, предполагающая уважение к различиям и равноправное взаимообогащение. Кроме того, в даосской традиции понятие «Единение и согласие» (和合) нашло воплощение в божествах гармонии и союза — близнецах Хэ-Хэ эр сянь (和合二仙), охраняющих как благополучие брачного союза, так и спокойствие в межгосударственных отношениях.

Конфуций считал, что сущность понятия «человеколюбивый» (仁) заключается в любви к людям, в уважении, заботе и терпимости к другим, он видел во взаимности любви и помощи между людьми основу для достижения гармоничного сосуществования. Ключевые установки — уважать человека, заботиться о нем и способствовать его самореализации. Подчеркивание ценности и достоинства человека заложило гуманистическую основу гуманитарного сотрудничества: его ядром является «человек», его духовный обмен, эмоциональные связи и ценностная идентификация, преодоление разобщенности и консолидация, достижение консенсуса через глубокое взаимодействие между людьми. Это в высокой степени созвучно концепции «равноправного диалога между субъектами» в теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса.

Конфуцианские принципы жизненного поведения «Не делай людям того, чего не желаешь себе» (Лунь юй, XV, с. 23: 己所不欲, 勿施于人) и «Человеколюбивый человек — это тот, кто, стремясь укрепить себя [на правильном пути], помогает в этом и другим; стремясь добиться лучшего осуществления дел, помогает в этом и другим» (Лунь юй, VI, с. 28: 己欲立而立人, 己欲达而达人) предоставляют конкретные практические ориентиры для гуманитарного сотрудничества. Они требуют уважать желания другой стороны, учитывать интересы обеих сторон, добиваясь двустороннего взаимообогащения, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша.

Данные принципы реализуются в рамках китайско-российского гуманитарного сотрудничества. Взаимодействие в сферах культуры, образования и науки строится на основе взаимного уважения, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша. Такой подход способствует не только сохранению и развитию национальной культуры каждой из сторон, но и стимулирует расцвет и прогресс культуры партнёра.

Кроме того, конфуцианский идеал «Великого единения Поднебесной» (天下大同), стремящийся к модели сосуществования, при которой «В пределах четырех морей ему все — братья» (Лунь юй, XII, с. 5: 四海之内皆兄弟), поднимает гуманитарное сотрудничество с уровня двустороннего взаимодействия на высоту общего развития человечества, наделяя его политическим значением и гуманистическим пафосом, выходящим за границы государств. Это в высокой степени согласуется с логикой «конструирования партнерской идентичности, достижения кооперации и сосуществования» в конструктивизме Вендта, а также созвучно ключевой концепции инициативы «Один пояс, один путь» — «совместное обсуждение, совместное строительство и совместное использование» (共商共建共享), что задаёт вектор долгосрочного развития гуманитарного сотрудничества. «Великое единение Поднебесной» (天下大同) — это высший идеал конфуцианства, провозглашающий принципы «весь мир — одна семья», равенства всех людей и гармоничного сосуществования.

Концепция терпимости и открытости выступает значимой идейной основой, способствующей поступательному углублению китайско-российского гуманитарного сотрудничества. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» Китай и Россия придерживаются принципа уважения к путям развития и цивилизационным традициям друг друга, не допуская культурной гегемонии и одностороннего насаждения. Напротив, через естественное, мягкое гуманитарное взаимодействие достигается взаимообогащение и сближение цивилизаций. Например, совместные китайско-российские фестивали культуры и искусств демонстрируют выдающиеся достижения Китая (пекинская опера, театр Куньцзюй, традиционная китайская медицина) и России (балет, живопись, классическую музыку и др.). Взаимное уважение становится фундаментом для долгосрочного партнёрства и доверия между странами.

Концепция «Шунь управлял, не действуя. Как он это делал? Он ничего не делал другого, кроме как почтительно сидел повернувшись лицом к югу» (Лунь юй, XV, с. 4) подразумевает не пассивное бездействие, а следование закономерностям и минимизацию вмешательства. Она означает, что, уважая законы развития вещей, нужно дать проявиться их собственной активности для достижения естественного развития. В гуманитарном сотрудничестве эта идея проявляется в уважении к желаниям и потребностям сотрудничающих сторон. Вместо принудительного продвижения совместных проектов, создаются платформы и условия, позволяющие гуманитарному сотрудничеству развиваться естественно и неуклонно углубляться. Например, создание Китайско-российской комиссии по гуманитарному сотрудничеству направлено на создание координационного

механизма и платформы для развития гуманитарного сотрудничества, позволяя сторонам самостоятельно, исходя из собственных потребностей и желаний, осуществлять кооперацию в области культуры, образования, на общественном уровне и т. д. Такой подход, уважающий волю обеих сторон и способствующий долгосрочному развитию китайско-российского гуманитарного сотрудничества, является яркой практической реализацией идеи «недеяния» (无为) и служит важным ориентиром для долговременного развития отношений между странами.

3.3. Концепция гуманитарного сотрудничества в китайской исторической и политической науке: особенности интерпретации

Исследования китайских учёных, в которых традиционная китайская мысль интегрируется с современной практикой гуманитарного сотрудничества и учитывается исторический контекст инициативы «Один пояс, один путь», направлены на углублённое осмысление, теоретическое развитие и поиск инновационных подходов в сфере гуманитарного взаимодействия. Это способствует обогащению теоретической базы гуманитарного сотрудничества, а также предоставляет значимые образцы китайской мудрости и практические решения для обоснования и развития современного международного гуманитарного сотрудничества.

Китайский социолог Фэй Сяотун в 1990 году выдвинул теорию «культурного самосознания», обогатив содержание таких понятий, как «гуманитарное» и «гуманитарное сотрудничество», с точки зрения культурной идентичности. Фэй Сяотун считает, что суть «гуманитарного» заключается в культурной идентичности и саморефлексии. Все народы и цивилизации должны ясно осознавать ценность и преимущества собственной культуры, одновременно уважая различия и особенности других культур, достигая собственного развития и совершенствования через взаимообогащение и взаимообучение. Эта теория задаёт значимые векторы для гуманитарного сотрудничества: оно выступает не просто как двусторонний обмен или взаимодействие, но как процесс внутреннего самопознания, критической саморефлексии и поступательного самосовершенствования каждой цивилизации, а также как путь к совместному развитию через взаимное обогащение культурных традиций [Фэй Сяотун, 1990].

Развивая точку зрения Фэй Сяотуна, авторы приходят к выводу: суть китайско-российского гуманитарного сотрудничества заключается в достижении «самосознания» и «взаимообогащения» культур двух стран. Россия обладает глубоким западным культурным фундаментом, Китай опирается на давние восточные культурные традиции. Посредством гуманитарного сотрудничества обе страны могут учиться друг у друга, перенимать лучшее, достигая совместного развития культуры.

Кроме того, Фэй Сяотун выдвинул концепцию: «Ценить красоту своей культуры, ценить красоту чужой культуры, объединять красоты всех культур — и тогда наступит великая гармония Поднебесной» (各美其美, 美人之美, 美美与共, 天下大同) [Фэй Сяотун, 1990, с. 9]. Она призвана разъяснить отношения между различными цивилизациями. Данная концепция включает в себя три смысловых уровня: во-первых, она требует, чтобы все народы дорожили корнями собственной культуры, уважая культурное многообразие; во-вторых, она призывает при понимании и восхищении чужой культурой отказываться от предвзятых оценок по принципу «лучше — хуже»; в-третьих, она побуждает через многообразное сосуществование достигать культурной гармонии и единения. Эта концепция является современной интерпретацией традиционных китайских конфуцианских и даосских идей «гармонии», «терпимости» и «сосуществования».

Тан Ицзе в работе «Гармония при различиях: важный принцип межцивилизационного диалога и развития» указал на то, что гуманистический дух традиционных китайских учений конфуцианства, буддизма и даосизма является важным идейным ресурсом для современного межцивилизационного диалога. Тан Ицзе считает, что суть «гуманитарного» заключается в «гармонии при различиях, всеобъемлющей гармонии и сосуществовании», а сущность гуманитарного сотрудничества — это равноправный диалог и двустороннее взаимообогащение между различными цивилизациями, целью которого является разрешение цивилизационных конфликтов и достижение многообразного сосуществования [Тан Ицзе, 2002, с. 8—9].

Фэн Тяньюй, известный китайский историк и культуролог, в работе «Великий смысл китайской гуманитарной мысли» подчеркнул необходимость «впитывать сущность различных цивилизаций, формируя открытую, терпимую и многообразно-целостную структуру». Он указывает, что в условиях глобализации конфликты цивилизаций стали важным фактором, влияющим на стабильность международного порядка, а ключом к их разрешению является развитие межцивилизационного диалога и гуманитарного сотрудничества, следование принципу «гармонии при различиях». Китай и Россия, как две великие державы с различными цивилизационными традициями, посредством непрерывного гуманитарного сотрудничества не только способствуют совместному развитию культур двух стран, но и предоставляют ценный опыт для разрешения цивилизационных конфликтов и достижения многообразного сосуществования [Фэн Тяньюй, 2024, с. 52—55].

Профессор Янь Хайпин фокусируется на транснациональной практике гуманитарного сотрудничества, подчеркивая, что гуманитарное сотрудничество является важным путем для создания платформы инклюзивного

и справедливого диалога человеческих цивилизаций [Янь Хайпин, 2024, с. 322—323].

Таким образом, можно увидеть, что гуманитарное сотрудничество характеризуется в научных публикациях как обладающее общим ценностным стремлением, выходящим за рамки одной цивилизации. Конфуцианско-даосские идеи «взаимовыгодного сосуществования» направлены на накопление социального капитала, достижение гармонии сосуществования цивилизаций и построение единой судьбы человечества.

3.4. Гуманитарное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

Гуманитарное измерение проекта «Один пояс, один путь» зиждется на наследии Шёлкового пути, утверждая ценности открытости, терпимости и диалога между цивилизациями. Предполагается, что страны-участницы будут уделять внимание укреплению культурных обменов, туризма и академического сотрудничества, содействовать взаимопониманию и доверию, развивать дружеские отношения между народами. Во-первых, в ходе реализации инициативы «Один пояс, один путь» учреждена Программа стипендий «Шёлковый путь», направленная на развитие образовательных обменов. Данные показывают, что в Китае обучаются иностранные студенты из 195 стран и регионов, причем 76 % из них — студенты магистратуры. В 2023 году иностранные студенты из стран, участвовавших в инициативе «Один пояс, один путь», составили 60 % от общего числа иностранных студентов в китайских вузах. Во-вторых, Китай подписал официальные соглашения о культурном сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь» со всеми странами-участницами. Углубление гуманитарных и культурных связей является важнейшим элементом инициативы «Один пояс, один путь»: она выступает важным мостом для народной дипломатии.

Анализируя сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы в рамках концепции «Один пояс, один путь», группа китайских исследователей — Ян Бинь, Ли Дунхун, Тан Линлин — показали значительную роль культурного аспекта международного сотрудничества. В их публикации подчеркнуто, что особую роль даже в развитии китайских инвестиционных программ в регионе играет толерантность принимающей страны к китайской культуре, позитивное отношение к расширению сети Институтов Конфуция и снижение непредвиденных рисков и конфликтов, возникающих на фоне культурных различий [Ян Бинь и др., 2023, с. 96—97].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, на макроуровне гуманитарное сотрудничество выступает в качестве «мягкой силы», преодолевающей логику силовой борьбы

и верховенства интересов в традиционных международных отношениях. Оно является ключевым инструментом поддержания стабильности международных отношений и оптимизации глобального управления.

Во-первых, оно укрепляет фундамент стратегического взаимного доверия между государствами, устраняя цивилизационные барьеры и укоренившиеся предрассудки через взаимодействие межобщественных обменов и официальных механизмов. Во-вторых, оно транслирует ценности многообразия и терпимости, противостоит евроцентризму и культурной гегемонии, способствуя плюрализации глобальной ценностной системы. В-третьих, оно стимулирует высококачественное национальное развитие, способствуя преодолению транснациональных ресурсных барьеров и обеспечивая взаимодополнение и совместное использование потенциала в сферах культуры, образования, науки, технологий и кадров, обеспечивая трансформацию гуманитарной «мягкой силы» в «жесткую силу» развития. В-четвертых, оно способствует межкультурному взаимообогащению, смягчает когнитивные конфликты и риски цивилизационного противостояния, выступая в роли стабилизирующей «буферной зоны» в международных отношениях.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Выступление* Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. — Нур-Султан. — 2013. — Режим доступа : <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (дата обращения 21.03.2026).
2. *Го юй* : (Речи царств) / пер. с китайского, вступление и примечания В. С. Таскина. — Москва : Наука, 1987. — 472 с.
3. *Кун-цзы*. Лунь юй (Беседы и суждения) / Кун-цзы. — Гуанчжоу: Гуанлин чубаньше, 2016. — 463 с. — ISBN 978-7-5554-0515-3. (孔子. 論語. 廣州: 廣陵出版社, 2016. — 463 頁. — ISBN 978-7-5554-0515-3).
4. *Лао цзы*. Дао дэ цзин / Лао цзы. — Шанхай : Чжуцзы цзичэн, 1954. — 133 с. (老子. 道德經. 上海: 褚濟成, 1954. — 133 頁).
5. *Мэн-цзы*. Предисловие Л. Н. Меньшикова, перевод В. Л. Колоколова. — Санкт-Петербург : Центр «Петербургское востоковедение», 1999. — 272 с. — ISBN 5-85803-136-6.
6. *Форум «Один пояс — один путь»* [Электронный ресурс] // РИА новости. — Москва. — 2019. — 26 апреля. — Режим доступа : <https://ria.ru/20190426/1553005226.html> (дата обращения 21.03.2026).

Литература

1. *Комлева В. В.* Международное гуманитарное сотрудничество : к вопросу о понимании сущности и определении понятия / В. В. Комлева // Россия и мир : диалоги. 2020. Материалы международной научно-практической конференции. — Москва : Научная библиотека, 2020. — С. 56—67.
2. *Кузнецова Е. А.* «Международное гуманитарное сотрудничество» : понимание в отечественной литературе / Е. А. Кузнецова, Т. А. Никонова // Интеллектуальный потенциал Сибири. 31-я Региональная научная студенческая конференция : материалы конференции. — Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2023. — С. 254—257.
3. *Мамлева Л. А.* Становление Великого Шелкового пути в системе трансквиализационного взаимодействия народов Евразии / Л. А. Мамлева // Vita antiqua. — 1999. — № 2. — С. 53—61.
4. *Нестеров А. Г.* Концепция Нового Шелкового пути в контексте интересов России / А. Г. Нестеров // Znanstvena Misel. — 2021. — № 57. — С. 43—47.
5. *Прекрасные перспективы* и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2015. — 32 с.
6. *Самусев Д. А.* Методология международного гуманитарного сотрудничества : сущность и специфика / Д. А. Самусев // Логика и методология научных исследований. Сборник научных статей и докладов V международной научно-практической конференции. — Орёл : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. — С. 183—187.
7. *Сафронова Е. И.* Стратегия «Один пояс, один путь» как носитель «мягкой силы» Китая / Е. И. Сафронова // Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В. Е. Петровского (отв. ред.), А. Г. Ларина (сост.), Е. И. Сафроновой. — Москва : ДеЛиплюс, 2016. — 234 с. — ISBN 978-5-905170-93-5.
8. *Сун Инънань.* Сотрудничество в области гуманитарных наук в рамках «Китайско-российского года культуры» с точки зрения конструктивистской теории / Сун Инънань // Российские исследования. — 2025. — № 15. — С. 24—42 (宋胤男.建构主义理论视域下“中俄文化年”的人文合作 / 胤男 宋 // 俄罗斯学刊. — 2025. — № 15. — С. 24-42).
9. *Тан Ицзе.* Гармония при различиях : важный принцип межкультурного диалога и развития / Тан Ицзе // Вэньмин (Цивилизация). — 2002. — № 10. — С. 8—25 (汤一介.和而不同: 文明交流和发展的原则. // 文明, 2002(10): 8-25).
10. *Фэй Сяотун.* Отсутствующий диалог / Фэй Сяотун // Социологические исследования в Китае. — 1997. — № 10. — С. 8—25 (费孝通. 缺席的对话 // 人的研究在中国. 1997(10): 8-25).
11. *Фэн Тяньюй.* Великий смысл китайской гуманитарной мысли / Фэн Тяньюй. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2024. — 331 с. (冯天瑜. 中国人文大义. 北京: 北京大学出版社, 2024. 331 p.).
12. *Чжоу Цинган.* Новые идеи китайско-иностранный культурного обмена с точки зрения публичной дипломатии / Чжоу Цинган, Лю Бэй // Международная коммуникация. — 2024. — № 2. — С. 4—8 (周庆安, 刘北.公共外交视域下的中外人文交流新思路 / 庆安周, 北刘 // 对外传播. — 2024. — №2. — С. 4-8).
13. *Ян Бинь.* Один пояс, один путь : Взаимовыгодное сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы / Ян Бинь, Ли Дунхун, Тан Линлин. — Москва : Шанс, 2023. — 259 с. — ISBN 978-5-907584-61-7.

14. Янь Хайпин. Переосмысляя гуманитарные науки : Китайско-британский гуманитарный диалог / Янь Хайпин. — Шанхай : Шаньу иншугуань, 2024. — 560 p. (颜海平. 重塑人文学: 中英人文对话. 上海: 商务印书馆, 2024. 560 p.).

Статья поступила в редакцию 09.11.2025,
одобрена после рецензирования 25.03.2026,
подготовлена к публикации 14.05.2026.

Material resources

- Guo yu: (Speeches of the Kingdoms)*. (1987). Moscow: Nauka Publ. 472 p. (In Russ.).
- Kung-tzu. (2016). *Lun yu (Conversations and Judgments)*. Guangzhou: Guangling chubanshe. 463 p. ISBN 978-7-5554-0515-3. (In Chin.).
- Lao Tzu. (1954). *The Tao te Ching*. Shanghai: Zhuji Jicheng. 133 p. (In Chin.).
- Meng Tzu. (1999). *Preface by L. N. Menshikov*. Saint Petersburg: Center for Petersburg Oriental Studies. 272 p. ISBN 5-85803-136-6. (In Russ.).
- One Belt — One Road Forum. (2019). *RIA Novosti*. Moscow. Available at: <https://ria.ru/20190426/1553005226.html> (accessed 21.03.2026). (In Russ.).
- Speech by Chinese President Xi Jinping at Nazarbayev University. (2013). *Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Kazakhstan*. Nur Sultan. Available at: <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (accessed 21.03.2026). (In Russ.).

References

- Excellent prospects and practical actions for the joint creation of the Silk Road economic belt and the maritime Silk Road of the XXI century*. (2015). Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages. 32 p. (In Russ.).
- Fei Xiaotong. (1997). The Missing Dialogue. *Sociological Research in China*, 10: 8—25. (In Chin.).
- Feng Tianyu. (2024). The Great Meaning of Chinese Humanitarian Thought. Beijing: Peking University Press. 331 p. (In Chin.).
- Komleva, V. V. (2020). International humanitarian cooperation: on the question of understanding the essence and definition of the concept. In: *Russia and the world: dialogues. 2020. Materials of the international scientific and practical conference*. Moscow: Scientific Library Publishing House. 56—67. (In Russ.).
- Kuznetsova, E. A., Nikonova, T. A. (2023). “International humanitarian cooperation”: understanding in Russian literature. In: *The intellectual potential of Siberia. 31st Regional Scientific Student Conference: conference proceedings*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. 254—257. (In Russ.).
- Mamleva, L. A. (1999). The formation of the Great Silk Road in the system of transcivilizational interaction of the peoples of Eurasia. *Vita antiqua*, 2: 53—61. (In Russ.).
- Nesterov, A. G. (2021). The concept of the New Silk Road in the context of Russia's interests. *Znanstvena Misel*, 57: 43—47. (In Russ.).
- Safronova, E. I. (2016). The “One Belt, One Road” strategy as a carrier of China's “soft power”. In: *The New Silk Road and its significance for Russia*. Moscow: Delhi Plus. 234 p. ISBN 978-5-905170-93-5. (In Russ.).
- Samusev, D. A. (2024). Methodology of international humanitarian cooperation: essence and specifics. In: *Logic and methodology of scientific research. Collection of scientific*

- articles and reports of the V International Scientific and Practical Conference*. Orel: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 183—187. (In Russ.).
- Song Yingnan. (2025). Cooperation in the field of humanities within the framework of the “Chinese-Russian Year of Culture” from the point of view of Constructivist theory. *Russian Studies*, 15: 24—42. (In Chin.).
- Tang Yize. (2002). Harmony with differences: an important principle of inter-civilizational dialogue and development. *Wenming (Civilization)*, 10: 8—25. (In Chin.).
- Yan Haiping. (2024). *Rethinking the Humanities: A Chinese-British Humanitarian Dialogue*. Shanghai: Shangwu Yingshuguan. 560 p. (In Chin.).
- Yang Bin., Li Donghong., Tang Lingling. (2023). *One Belt, One Road: Mutually Beneficial Cooperation between China and the countries of Central and Eastern Europe*. Moscow: Chance. 259 p. ISBN 978-5-907584-61-7. (In Russ.).
- Zhou Qinggang., Liu Bei. (2024). New ideas of Chinese-foreign cultural exchange from the point of view of public diplomacy. *International communication*, 2: 4—8. (In Chin.).

*The article was submitted 09.11.2025;
approved after reviewing 25.03.2026;
accepted for publication 14.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сафронова А. М. Первый аптекарский огород в Екатеринбурге (1739—1753) / А. М. Сафронова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 523—541. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-523-541.

Safronova, A. M. (2026). First Pharmaceutical Garden in Yekaterinburg (1739—1775). *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 523-541. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-523-541. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Первый аптекарский огород в Екатеринбурге (1739—1753)

Сафронова Алевтина Михайловна

orcid.org/0000-0002-4692-3025

доктор исторических наук, профессор
кафедры документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления
Alevtina.Safronova@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

First Pharmaceutical Garden in Yekaterinburg (1739—1775)

Alevtina M. Safronova

orcid.org/0000-0002-4692-3025

Doctor of History, Professor,
Department of Documentation,
Archival Science and History
of Public Administration
Alevtina.Safronova@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе архивных документов проведено исследование, посвященное организации аптекарского огорода в Екатеринбурге главным провизором аптеки, немцем Людвигом Христианом Мейндерсом, прибывшим на Урал в августе 1738 года. Установлено, что огород был организован весной 1739 года, засеян семенами, которые Мейндерс приобрел на свои средства по пути в Екатеринбург. Сообщается, что с 1740 года он стал использовать и семена растений, выращиваемых в аптекарском огороде. Впервые идентифицирован состав растений: мак, иссоп, мелисса, настурция, майоран, любисток, шалфей, чабер, мята, аквилегия, алтея, просвирник, папоротник и др. Представлены данные о суммах ежегодной экономии средств за счет отказа от выписывания трав из аптек Москвы с 1738 по 1744 годы. Установлено расширение территории поиска лекарственных трав и ассортимента растений, выращиваемых на огороде в 1740-е годы. Раскрыты места и условия хранения заготавливаемых растений, меры по улучшению полива, ухода за высаженными травами. Показано, что Мейндерс составил первый гербарий лекарственных растений, которые собирались на территории Урала и выращивались в огороде, и использовал его для обучения аптекарских учеников. Приводятся свидетельства того, что аптекарский огород, ставший первым на территории Урала и Сибири, сыграл большую роль в обеспечении лекарственными средствами госпиталя Екатеринбурга и госпиталей других казенных заводах.

Ключевые слова: Екатеринбург; провизор Мейндерс; аптекарский огород; сбор трав; состав растений.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Drawing on extensive archival research, this article examines the establishment of the first pharmaceutical garden in Yekaterinburg under the direction of Chief Pharmacist Ludwig Christian Meynders, a German specialist who arrived in the Urals in August 1738. The study demonstrates that the garden was laid out in the spring of 1739 and initially stocked with seeds purchased by Meynders at his own expense en route to Yekaterinburg. From 1740 onward, Meynders began to utilize seeds from plants cultivated in the garden itself. For the first time, the article identifies the range of cultivated species, which included poppy, hyssop, lemon balm, nasturtium, marjoram, lovage, sage, savory, mint, aquilegia, althaea, mallow, fern, and others. The research presents data on the annual cost savings achieved by ceasing to import medicinal herbs from Moscow pharmacies between 1738 and 1744. It also traces the expansion of both the search for medicinal plants and the variety of species grown in the garden during the 1740s. The article details the locations and conditions for storing harvested plants, as well as measures taken to improve irrigation and overall care of the garden plots. It is shown that Meynders compiled the first herbarium of medicinal plants collected in the Urals and grown in the garden, which he used for the training of apprentice pharmacists. The study concludes that this pharmaceutical garden — the first of its kind in the Urals and Siberia — played a crucial role in supplying medicinal supplies to the Yekaterinburg hospital and other state-run hospital facilities at industrial plants across the region.

Key words:

Yekaterinburg; Chief Pharmacist Meynders; pharmaceutical garden; medicinal herb collection; plant species composition.

УДК 94:712.27(470.54-25)“1739/1753”+929Мейндерс+633.88

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-523-541

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Первый аптекарский огород в Екатеринбурге (1739—1753)

© Сафронова А. М., 2026

1. Введение = Introduction

История организации первых аптекарских огородов и садов в России привлекает особое внимание исследователей. Уже в первой монографии, посвященной истории медицины в России, затрагивался вопрос и об организации аптекарских огородов [Рихтер, 1820], специальное внимание уделялось и истории заготовки лекарственных средств в XVIII веке [Лахтин, 1903]. В работах современных исследователей анализируются ассортимент растений, выращивавшихся в аптекарских огородах в XVII—XVIII веках и применение их на практике [Худин, 2014; Коротков, 2019; Цицилин, 2021]; прошлое и настоящее российских ботанических садов [Новиков и др., 2017; Фирсов и др., 2021].

Но история появления аптекарских огородов в отдельных регионах России изучена очень слабо. Известный историк медицины М. Б. Мирский отмечает, что в расположении Медицинской коллегии в XVIII веке находилось четыре ботанических сада — в Петербурге, Москве, Дубно, Тобольске — и семь садовых заведений в Астрахани, Воронеже, Смоленске, Выборге, Карасубазаре, Оренбурге и Херсоне [Мирский, 1995]. Появилась обстоятельная статья об открытии в конце XVIII века аптекарского огорода в столице Сибирской губернии, городе Тобольске, и его развитии в последующие годы [Садыкова и др., 2023]. Уральский историк Н. С. Корепанов сообщил о факте организации в 1740 году аптечного огорода в Екатеринбурге аптекарем Мейндерсом, на котором засеивались семена местных трав и присланных из Москвы [Корепанов, 2005, с. 57; Корепанов, 2023, с. 658]. Эти данные, со ссылкой на Корепанова, продублировал В. И. Старков [Старков, 2007, с. 31]. Нами в статье, посвященной деятельности первой аптеки Екатеринбурга, приведены краткие сведения о мерах Мейндерса по организации аптекарского огорода в Екатеринбурге в 1739—1741 годах; в статье о первом докторе медицины на Урале Дж. Гриве — о начале сбора им трав для госпиталя в 1735 году [Сафронова, 2019, с. 70, 72; 2025, с. 717].

Учитывая слабую изученность истории появления первых аптекарских огородов в отдаленных регионах России, мы решили раскрыть историю создания аптекарского огорода в Екатеринбурге в первой половине XVIII века, где уже действовал госпиталь для лечения мастеровых уральских заводов, а в 1734 году появилась и аптека, первая на территории Урала и Сибири. Аптекарский огород также стал первым заведением, известным на сегодняшний день в урало-сибирском регионе.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

В делах Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов отсутствуют какие-либо комплексы дел, касающиеся медицины, даже на уровне одного дела. Документы об этом рассредоточены по объемным делам до тысячи листов, посвященным разнообразным вопросам заводской деятельности. Для воссоздания источниковой базы просматривались протоколы заседаний Канцелярии Главного заводов правления, составлявшиеся ежедневно и формировавшиеся в дела помесечно. В потоке многочисленных входящих документов выявлялись доношения провизора заводов бергмейстера Мейндерса по различным вопросам его деятельности, приговоры и указы членов канцелярии по ним; доношения уральского начальства, отправлявшиеся в Генерал-берг-директориум и Берг-коллегию. Особую ценность имеют реестры, «каталогусы», «инфентариум» — списки лекарственных препаратов, включавшие и лечебные травы, семена, которые заказывались в Москве и Санкт-Петербурге; реестры трав и кореньев, собиравшихся на территории Урала и выращиваемых в аптекарском огороде.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Начало сбора лекарственных трав на территории Урала

Хотя первый лекарь немец Иоганн Спринцель появился на горнозаводском Урале в 1722 году, какого-либо сбора трав он не проводил, готовые травы поступали в составе партий лекарственных препаратов из аптек Москвы. В октябре 1734 года новый глава заводов В. Н. Татищев привез на Урал целую команду медиков: англичан доктора медицины Джейкоба Грива, лекаря Эваргарта Симменса; аптекаря, уроженца Голштинии, Генриха Тамма. С этого времени в заводских делах стали откладываться списки заказывавшихся в центр лекарств, среди них мы видим и названия лечебных трав. 28 декабря 1734 года доктор Грив подал в канцелярию первый реестр лекарств на 1735 год, содержавший около 100 латинских названий, которые по поручению членов канцелярии были «переведены» якобы с немецкого на русский язык и сохранились в русской транслитерации. Среди них упоминались и растительные средства: «абсинт», «танацети», «руте»,

«куркун», «пиретр», «малфе», «аниси», «кардамони» и т. д. Это полынь, пижма, рута, куркума, пиретрум, мальва или просвирник, кардамон, анис, календула, майоран и др. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 561, с. 394—395].

В 1735 году Грив положил начало организации сборов лекарственных трав для больных, проходивших лечение в госпитале Екатеринбурга или лечившихся на дому, за плату. Он выявил жителей, занимавшихся траволечением и знавших толк в местных травах. Весной 1735 года нашел «жителя» Екатеринбурга Ивана Рыкова, который по его заданию вел поиск и заготовку трав в течение двух месяцев, с 20 мая по 25 июля. Об этом становится известно благодаря распоряжению начальства выдать ему по плакату за счет аптеки 1 руб. 50 коп. [Там же, оп. 12, д. 225, с. 75]. В июне того же года Грив обратился с доношением в канцелярию «о присылке к нему для прииску трав в лекарства Ивана Росковалова, которой де к прииску трав сам охоту имеет». Начальство распорядилось: «Оного Коновалова, сыскав, отдать доктору, а чьей он команды явится, туда дать знать», то есть уральская администрация согласилось отстранить его на время от главного дела, признав важность заготовки лекарственных трав [Там же, д. 221, с. 227—228].

Незнание и неприменение местных трав для лечения больных в госпитале с этого времени стало расцениваться уральским начальством в качестве недостатка в деятельности первого аптекаря Екатеринбурга Генриха Тамма. В. Н. Татищев и А. Ф. Хрущев 27 февраля 1737 года в своем доношении в Генерал-берг-директориум, критически отзываясь о Тамме, сообщали: «Он же лекарства по рецептам составляет только ис присланных из Главной аптеки из Москвы, а чтоб самому сделать из находящихся здесь трав, того не знает А когда б в том знающей был, то б некоторых лекарств немалого числа не понуждены были требовать и деньги платить в Медицинскую канцелярию, которых на лекарства в год исходит от трехсот до пятисот рублей. А в бытность бы искусного аптекаря от уменьшения за оные платы, могла быть казне немалая прибыль, сверх того ученики определенные, быв при нем, присмотрясь, могли впредь оное сами составлять и делать» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 775, л. 228]. В июне 1737 года, когда Грив подписал новый контракт о службе при Татищеве в составе Оренбургской комиссии и готовился к отъезду с ним в Самару, Тамм не смог даже составить список лекарств для заказа в центр на 1738 год с указанием их цены [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 678, л. 768 об.].

В сентябре 1737 года Тамм был уволен, аптека временно перешла в ведение лекаря Симменса. В декабре ему была вручена «аптека, присланная из Генерал-берг-директориума», которую поручили описать: сколько в ней лекарств, какой ценой. При этом никакого документа к лекарствам не прилагалось, и уральское начальство вынуждено было отправить за-

прос, только ли из Медицинской канцелярии были отпущены лекарства, ибо о направлении их в Екатеринбург ниоткуда письменного известия не поступило [Там же, оп. 12, д. 251, с. 44, 246]. Симменс в июне 1738 года досрочно, до окончания срока контракта, отбыл в столицу, аптека во второй раз временно перешла в ведение нового лекаря, немца Иоганна Шнезе.

Только в августе 1738 года в Екатеринбург прибыл наконец-то настоящий аптекарь, провизор и бергмейстер Людвиг Христиан Мейндерс, ранее служивший на Олонецких заводах [Там же, оп. 1, д. 893, л. 343]. Он и приступил к описанию медицинских препаратов, числившихся за аптекой. Прием лекарств длился в течение двух месяцев, и 1 октября 1738 года за подписями Шнезе и Мейндерса был подан обширный «инфентариум» на латинском языке, занявший 24 страницы текста [Там же, д. 808, л. 791—802]. Среди учтенных материалов числились и растения, выделенные под рубрикой «Herba», по нашим подсчетам, 42 названий [Там же, л. 798—798 об.]. Вероятно, это были остатки пришедших из центра «материалов», заказывавшихся еще Гривом в 1734—1735 годах, возможно, поступивших из Медицинской канцелярии в декабре 1737 года, а также сохранившихся в аптеке в результате сбора трав, организованных Гривом до его отъезда с Урала в июне 1737 года.

3.2. Первые сборы трав провизором Мейндерсом и устройство аптекарского огорода в Екатеринбурге в 1739 году

Если доктор Грив впервые организовал сбор полевых, лесных трав на Урале, то Мейндерс наряду с продолжением их сборов, причем в более широких масштабах, решил заняться и выращиванием лекарственных трав на месте, то есть устройством в Екатеринбурге аптекарского огорода. Выявленные нами документы позволяют датировать его появление не 1740 годом, как полагал Н. С. Корепанов, а годом ранее, 1739-м. Вероятно, Мейндерс обдумал эту идею сразу же по приезде на Урал, обсудил ее с членами канцелярии, получил одобрение и в первую же весну приступил к действиям: в апреле подал доношение начальству о выдаче в аптеку кайлов и железных лопат, и 13 апреля их предписывалось выдать от Екатеринбургской заводской конторы [Там же, оп. 12, д. 267, л. 150].

Сразу же Мейндерс поставил перед начальством вопрос о выделении земельного участка для разведения трав. Предложил, видимо, использовать для этого пустующий огород при командирском доме В. Н. Татищева на Вознесенской горке, за городом, на месте, где сейчас стоит храм Вознесения Господня. Но, по мнению канцелярии, этот участок под огород не годился. Екатеринбургская заводская контора 11 мая запросила членов канцелярии, не повелено ли будет для аптеки «под сад» отвести место, где прежде был огород советника Томилова. Капитан Антон Томилов, будущий

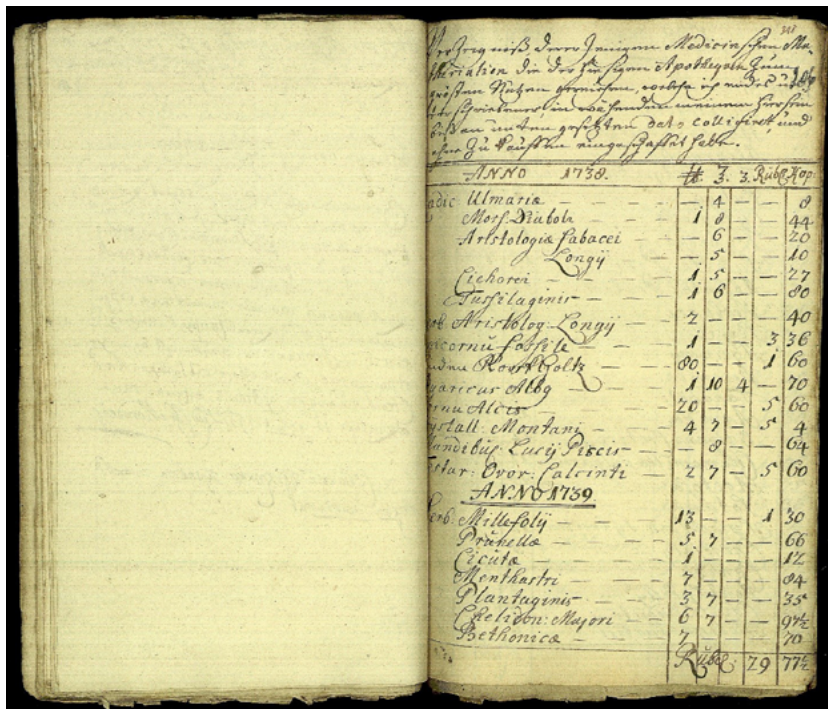
президент Берг-коллегии, возглавлял присутствие в Сибирском обер-берг-амте в 1729—1732 годах. Начальство согласилось с этим предложением: учредить там, поскольку огород при доме Татищева к тому «неспособен»: земля для сеяния плоха, один навоз [Там же, д. 268, л. 76]. Как видим, Мейндерс действовал очень активно, и его инициатива по организации аптекарского огорода была поддержана уральской канцелярией.

Одновременно с хлопотами по организации огорода Мейндерс продолжил практику сбора местных трав для лечения больных. 11 октября 1739 года он докладывает в канцелярию о результатах своей деятельности в течение первого года пребывания на Урале: «С прибытием моего суда, в Екатеринбург, *коликое число запасено мною в здешнюю аптеку трав и кореньев, из которых лекарство сочиняется, оным при сем прилагаю роспись со объявлением цены /коим она цена [по]казана против того, как в Москве таковые становяцца, не прикладывая привозу*» (курсив в цитатах здесь и далее наш. — А. С.). Напротив каждого названия указывался вес травы, коренья в фунтах (фунт — 358, 3 г) и унциях (унция — 1/12 фунта, 29,86 г).

Отсюда следует, что из собранных растений провизор Мейндерс стал составлять особые сборы, и он был прекрасно осведомлен о ценах, по которым эти травы продавались в Москве. При этом он заявляет: «...и *впредь можно здесь в аптеку доставать, а не из Москвы оные сюда выписывать, в чем может гораздо и быть способ и излишней убыток миноватца*». Помета на доношении гласила: «По слушании приказано принять по повытью, впредь для ведома» [Там же, оп. 1, д. 808, л. 205].

Роспись на латинском языке заняла 4 листа, в ней было учтено, по нашим подсчетам, 86 трав и кореньев, «запасенных» Мейндерсом. Наряду с собранными на территории Урала дикорастущими растениями сюда вошли и первые травы, выращенные в аптекарском огороде Екатеринбурга, к сожалению, не выделенные особо в документе среди прочих [Там же, л. 206—207 об.].

Отметим наличие в росписи двух рубрик — «Anno 1738» и «Anno 1739», то есть подразделение заготовленных растений по хронологии, выделение сбора, произведенного в последние летние месяцы 1738 года. Мейндерс добирался до Урала с Олонецких заводов очень долго, через Санкт-Петербург, Москву на лошадях, от Москвы до Егошихи — водным путем, по рекам, потом снова на лошадях [Там же, д. 893, л. 343]. Наличие в росписи сбора трав, датированного 1738 годом, позволяет говорить о том, что Мейндерс не стал терять времени и приступил к их сбору сразу же по прибытии. За 1738 год в росписи фигурирует 14 названий трав: “ulmaria” — таволга, или лабазник; “Morf. Diaboli” — душица обыкновенная, “aristolog. Longii” — кирказон; “montani” — коровяк, “calcinti” —

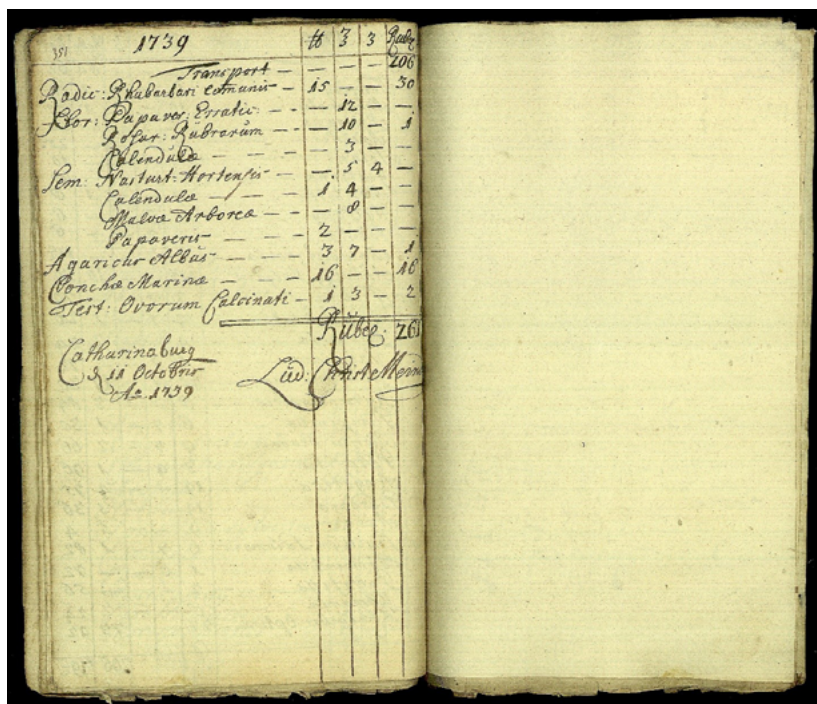
ANNO 1738.		fl. 3. 3. Rubel Kop.	
ad. Ulmaria	1	4	0
Mor. Diaboli	1	0	44
Aristol. Sabacci	1	6	20
Longy	1	5	10
Cichorei	1	5	27
Tagilaginii	1	6	00
Mor. Longy	2	—	40
Scorpi. foliol.	1	—	3 36
Ror. Ror.	00	—	1 60
Galic. Albog	1	10 4	70
Alta.	20	—	5 60
Montan.	4	7	5 4
Lucij. Piscis	—	0	64
Oror. Calenti	2	7	5 60
ANNO 1739			
Millefolij	13	—	1 30
Prickella	5	7	66
Cicuta	1	—	12
Montan.	7	—	04
Plantagin.	3	7	35
Celid. Mayori	6	7	9 1/2
Boethonica	7	—	70
		Rubel	79 77 1/2

Рис. 1. Роспись местных растений, заготовленных Мейндерсом на Урале в 1738—1739 гг. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 808, л. 206]

сцилла или пролеска и др. Среди собранных и выращенных на протяжении лета 1739 года числилось 72 названия: мелисса, майоран, буквица, иссоп, вероника, валериана, шалфей, морозник, лабазник, арника, подорожник и десятки других, требующих атрибуции.

В конце списка под рубрикой «Flor» были учтены цветы мака («Paraver Erratii») — 12 унций; календулы («Calendula») — 3 унции, «Roruz rubrarum», оставшейся нам неизвестной, — 10 унций. Поскольку ни мак, ни календула и, по-видимому, последний цветок не являлись дикорастущими, они были выращены на аптекарском огороде в первое же лето 1739 года. Далее под рубрикой «Семена» (Lem.) были перечислены семена растений, которые могли быть выращены только в огороде: того же мака (2 фунта); календулы (1 фунт 4 унции), настурции («Nasturt. Hortensis» — 5 унций 4 драхмы). Неслучайно выращенные на огороде цветы и семена шли без указания цены [Там же, л. 207 об]. Таким образом, уже в первый год пре-

бывания на Урале Мейндерс приложил большие усилия по проведению широкого сбора лекарственных трав, произраставших близ уральских заводов, и в 1739 году успел засеять в Екатеринбурге аптекарский огород, вырастить первые травы, заготовить от них собственные цветы и семена.

	lb	3	3	Grains
1739				
Transp. port				206
Radix: Galbani cotinui	15			50
Bot: Papaver. Strati.		12		
Refar: Rubraum		10		1
Calendula		3		
Scm. Nasturt. Hortens.		5	4	
Calendula		1	4	
Malva. Arborea		0		
Papaveru		2		
Agathich. Albas		3	7	1
Concha Marina		16		16
Test: Ovorum falcinati		1	3	2
Calmarinaburg				
18 October				
1739				
Rubor: 26				
Law. Part. Mon				

Рис. 2. Первые растения, выращенные в аптекарском огороде в 1739 году, и их семена [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 808, 207 об.]

По пути на Урал, в Москве, Мейндерс наверняка посетил какую-то аптеку, приобрел там (по-видимому, и ранее приобретал) на свои средства лекарства, травы, семена. Заметим, что все лекари (доктор Грив и др.) привозили в Екатеринбург собственные запасы. Мейндерс прямо указал на это в доношении 1741 года в канцелярию: «Учредил я медицинской огород в удобном месте, где я привезенные мною из дальних степей коренья, былия (растения. — А. С.), семена насадил, також де и выписанны из Москвы семена насеял, чтоб я всегда свежия травы, цветы, коренья и семена имел, которы б в здешнем воздухе росли, ибо оные здешным болящим весьма способнее и прибыльные, нежели те, которые из другой страны выписыва-

ютса» [Там же, д. 916, л. 138—138 об.]. Мейндерс был хорошо осведомлен о ценах на травы в аптеках Москвы.

Сбор трав 1738—1739 годов был самым большим по сравнению с последующими, что следует из справки об объемах заготовленных трав по годам, составленной Мейндерсом в августе 1745 года, — «о материалах», которые им «к пользе здешней аптеки собраны», считая по московской цене. Она показывает, какие суммы удалось сэкономить, отказавшись от выписывания трав из аптек Москвы, без учета цены за их доставку в Екатеринбург.

Таблица 1

Средства, вырученные за счет растений,
собранных и выращенных на территории Урала*

Год	Сумма
1738—1739	261 руб. 37 1/2 коп.
1740	149 руб. 10 1/2 коп.
1741	47 руб. 58 1/2 коп.
1742	28 руб. 62 1/2 коп.
1743	76 руб. 74 коп.
1744	57 руб. 27 коп.
ИТОГО	620 руб. 40 коп.

* Составлено по: [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1059, л. 7—8].

В доношении 1741 года Мейндерс сообщил канцелярии и ценные для нас данные о составлении им первого гербария уральских трав: «Собран и изготовлен мною живой травник о всех здешних трав, наклея траву на картузную бумагу по цвету ея живности, чтоб имеющийся при мне мои ученики в познании и разбирание трав по сей книге следовать могли [Там же, д. 916, л. 138 об.]. Аптекарских учеников у Мейндерса было двое, он обучал их составлению лекарств и поочередно брал с собой для поиска трав. Заметим если Грив лишь организовывал сбор трав силами местных травников, то Мейндерс отправлялся за травами сам с помощниками.

3.3. Расширение территории поиска лекарственных трав и ассортимента выращиваемых на огороде растений в 1740-е годы

Если поначалу Мейндерс вел сбор растений вблизи Екатеринбурга, то на третье лето он решает отправиться за новыми их видами, произраставшими на Южном Урале. 16 июня 1741 года он докладывает начальству о намерении «ехать чрез Багаряцкую до Течинской слободы для сыску ... трав и коренья к сочинению лекарств, понеже при здешних ближних слободах таких трав не сыскиваетца». Теченская слобода — это уже террито-

рия современных Челябинской и Курганской областей, где в то время нередко были случаи военных столкновений: «шалили» башкиры. Мейндерс просил выделить для этой поездки шесть казенных лошадей с хомутами, телегами, трех конюхов; для охраны — солдата с ружьем, выдать подорожную; издать «прочетный указ» для местных властей об обеспечении конвоем «от места до места по надлежащему пути». Вместе с Мейндерсом в поездку отправлялся его аптекарский ученик Емельян Углов и работник Козьма Лобанов. Начальство удовлетворило все требования для организации поездки, включая выделение конвоя от Багарянской слободы до Течи, «смотря по опасности» [Там же, д. 894, л. 526—527 об.].

В делах канцелярии за 30 октября 1741 года сохранилось доношение Мейндерса с требованием заказать в Медицинскую канцелярию для аптеки наряду с сосудами, лекарствами, ланцетами цветы и семена растений для посадки, чтобы они пришли еще по зимнему пути [Там же, л. 558]. В приложенной росписи фигурировало 31 название, переданное с латинского в русской транслитерации с указанием количества в фунтах. Среди них — крокуса 1 фунт, по 2 фунта розмарина, кардамона, 4 фунта «флорус лавендули», то есть цветов лаванды; 5 фунтов «олибанума» (смолы ладанного дерева), по 6 — «колофони» (живицы, смолы, выделяемой из разрезов хвойных деревьев) и «радикс куркуме» (куркумы) и др. [Там же, л. 559—560]. Особый интерес для нас представляет роспись 10 названий семян лекарственных трав, подлежащих разведению в аптекарском огороде Екатеринбурга [Там же, л. 559 об.].

Семена первого растения, «картами», идентифицировать не удалось. «Кухлеария» — это ложечница лекарственная (лат. *Cochlearia officinalis*), применяемая как противочинготное средство и при кожных заболеваниях. «Гисопи» — это иссоп (лат. *Hyssópus*), известный своими целебными свойствами, подтверждёнными ещё «отцом медицины» Гиппократом. «Капуцин» — настурция (лат. *Tropaéolum*) — растение, у которого съедобны все части, кроме корня. В народной медицине она применялась для лечения заболеваний легких, печени, верхних дыхательных путей, цинги, малокровия, мочевыводящих путей. «Ливистицы» — это любисток (лат. *Levisticum*), корни которого применяли при отёках, болезни почек, сердца, хрипоте, при нервных расстройствах. Майоран (лат. *Orīganum majorāna*) — это душица садовая, используемая еще с Античности: считалось, что она увеличивает продолжительность жизни, заживляет порезы, растяжения и вывихи; применяется наружно, в виде масла и мазей, а отвары и настойки эффективны при лечении насморка, камней в почках, сердца и дыхательных путей. «Сальфие» — это шалфей (лат. *Folium Salviae*), у которого используются листья или цветущие верхушки. Настои и отвары применялись

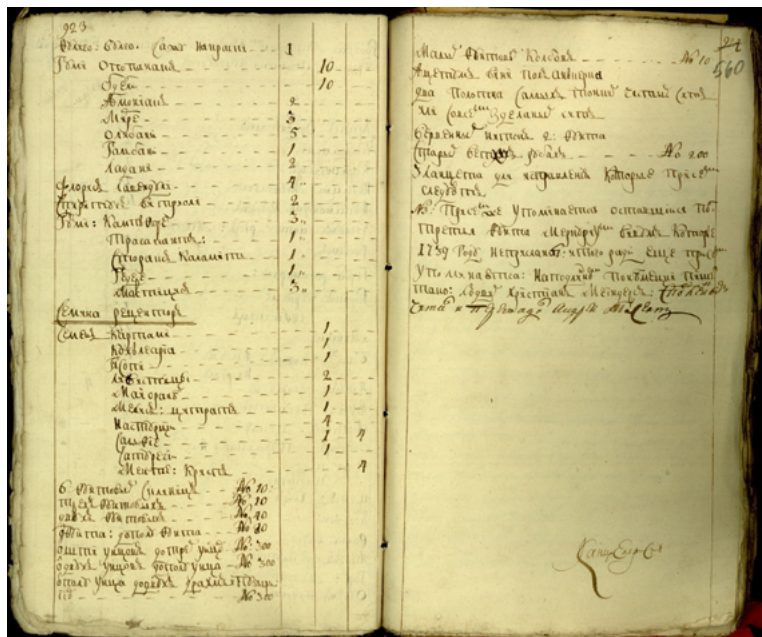

Рис. 3. Семена лекарственных растений, заказанных в Москву в сентябре 1741 года для выращивания в аптекарском огороде [ТАСО, ф. 24, оп. 1, д. 894, л. 559 об.]

в русской народной медицине для лечения туберкулеза легких, при бронхите — как болеутоляющее и успокаивающее при желудочных коликах. «Сатурей» — это чабер зимний или горный (*Satureja montana*) или чабер летний (*Satureja hortensis*), применяемый как противорвотное средство, при кишечных коликах, цистите, для изгнания глистов. Последнее растение, фигурирующее в списке заказанных семян как «менте крисп», — это один из сортов мяты — мята кудрявая (*Mentha spicata Crispa*), используемая как гомеопатическое средство. Получив доношение Мейндерса уральское начальство на следующий же день, 31 октября 1741 года, предписало заказать запрошенные лекарства, семена и прочие материалы в Генерал-берг-директориум в Петербург с тем, чтобы Медицинская канцелярия закупила их и выслала в Екатеринбург [Там же, л. 558 об.].

21 декабря 1745 года Мейндерс подает в канцелярию рапорт о том, «коликое число запасено мною трав, коренья и протчего, ис которых лекарства сочиняютца, и оным при сем прилагаю роспись со объявлением цены против того, как в Москве таковые становятца, не прикладывая провозу...» [Там же, д. 1112, л. 356]. К доношению прилагается «Роспись ме-

дицинским материалом, которые в 1745-м году в Екатеринбургскую аптеку в Екатеринбургском ведомстве собраны» [Там же, л. 357—357 об]. Таким образом, мы имеем каталог местных трав, собранных на территории Екатеринбургского ведомства, то есть без учета территории Прикамья, а также выращенных в Екатеринбурге в аптекарском огороде в 1745 году. По нашим подсчетам, в них числится 64 «материала», названия которых приведены на латинском языке в русской транслитерации. Названия некоторых из них упомянуты дважды. Судя по весу, это сами заготовленные высушенные растения, вес которых указан в фунтах, а также их семена, вес которых фигурирует в унциях.

Из росписи следует, что в лекарском огороде Мейндерс не только выращивает сами растения, но и успевает собирать их семена, обеспечивая будущие посадки. Расширен и ассортимент выращиваемых трав. Так, среди них указана «аквилегие», называемая в народе «водосбором» — 3 фунта, в другом месте росписи упомянуто 5 ее унций, то есть семена. «Альте» — это алтея лекарственная, растение семейства мальвовых, которой заготовлено 8 фунтов, в другом месте числится 1 унция ее семян; «мальфе» (просвирник) — 9 фунтов и 6 унций семян; «менте криспе» (мяты) — 7 унций, «кохлеарие» (ложечницы лекарственной) — 7 унций; «папаверис ерпатице» (мака) — 3 унции. «Фумари» — это амброзия, обладающая рядом полезных свойств, используемая как антисептическое, вяжущее и жаропонижающее средство, а также для борьбы с паразитами (гельминтами). «Сатурегиум» — это чабер горный (лат. *Satureja montana*). «Полиподи» — это папоротник, многоножка обыкновенная, или сладкий папоротник (*polypodium vulgare*), корневища которого имеют сладкий вкус, поэтому в голодные годы они использовались в пищу.

Справка, составленная в канцелярии о расходах на аптекарский огород в 1742—1744 годах, гласила, что при огороде был летом 1743 года «в работе и в карауле ссыльной каторжной» с 1 июня по 20 сентября, в 1744 — с 4 апреля до 1 октября, в 1742 году «людей дано не было». В 1743 году было отпущено 6 бревен сосновых, 2 бруса, «горбин пильных средних» 74 и 200 гвоздей, на все потрачено 13 руб. 49 ½ коп. [Там же, д. 1243, л. 107 об., 102]. Отсюда следует, что при аптекарском огороде имелся сторож, не только охранявший растущие растения, но и выполнявший работы по их поливу, прополке. Видимо, лес и гвозди пошли на постройку беседки для больных на территории огорода и укрытия сторожа.

3.4. Действия Мейндерса по улучшению условий хранения растений и их выращивания

Из доношений Мейндерса в канцелярию мы получаем информацию о месте хранения заготавливаемых трав и попытках улучшить условия

их хранения. В сентябре 1741 года он жалуется начальству на плохое состояние помещения аптеки, которая «стенами весьма изгнила, а сего лета осела книзу вершка на полтора». Лаборатория для изготовления лекарств построена вблизи, «когда бывает в той лаборатории огонь, то в аптеке великой от огня случаетца дым, отчего посуда и материалы коптеют. Да *под сараем, между конюшнею и погребом, вделан чулан для содержания присланных из Москвы материалов и собираемых здесь трав и коренья, которой весьма плох*, в мокрое погоды оные материалы от сырости гниют, а в ведренные дни весьма высыхают, и от того во оных материалах великия ущербы бывают». Мейндерс просит выделить под аптеку «свободные хоромы», построить каменную лабораторию «поблизости воды, *так же б и пространные были огороды*» [Там же, л. 88—88 об.].

Но начальство на это доношение не отреагировало. Были оставлены без внимания и тревоги провизора в отношении порчи материалов. По прошествии почти четырех лет, 26 апреля 1745 года Мейндерс снова поднимает вопрос об аптеке: «...оная весьма обетшала и от гнилости села к земли, к тому ж и потолок, и матка очень погнулись, и задняя стена назад отвалилась и пол гораздо огнил, и опасно того, чтоб в ней людей не убило и содержащие лекарства не роздавило... и убытка не учинилось». К тому же из-за близости лаборатории существовала опасность возгорания. Провизор снова обращает внимание начальства на плохие условия содержания трав: «...лежат в сарае, и оной покрыт весьма ретко и воздух теплой ходит и от того травы и материалы сохнут, а в мокрое погоды оные гниют и во употребление в лекарства не таковы способны, как свежие бывают». Мейндерс предлагает аптеку «разломать», на этом же месте «построить новую, и наверху сделать для держания трав и материалов камору, и лаблаторию от аптеки немного поотнести». Далее он добавляет: «...требую в непродолжительном времени решения» [Там же, л. 89—89 об.]. Русские служащие в такой форме к начальству не обращались.

Члены канцелярии отреагировали лишь 12 июня: поручили управляющему заводской канторой механику Н. Бахореву и плотинному мастеру Л. Грамотчикову осмотреть помещения, 6 июля они донесли: их «починить можно», в том числе и чулан с лекарствами и травами, заделав щели в крыше, сделанной из тесу [Там же, л. 91 об.]. 21 августа 1745 года начальство предписало: починить помещения немедленно «от заводской канторы», но щели в крыше заделать не тесом, а «драницами», лабораторию от пожара «хранить накрепко... определенным работникам и сторожу и сверх того для наилутчей предосторожности от пожару быть в каждую ночь в зимние дни по одному, а весною и летом, и в засушливые времена, по два человека ис тех солдат, что посылаются за арестантами» [Там же, л. 92]. Таким

образом, Мейндерсу с трудом, но удалось улучшить условия хранения заготовок, а от опасности возгорания аптечных построек начальство дополнительно к постоянному сторожу ввело охрану из солдат.

1 мая 1746 года Мейндерс подает доношение, касающееся организации работ на аптекарском огороде, где «сеютца разные травы для употребления в лекарства, и во оном имеетца небольшой пруд для полевания вышеозначенных трав, у которого плотина стала быть худа и никак воды спрудить невозможно и починивана была, токмо течет и укрепить невозможно». Ясно, что пруд был нужен для полива аптекарского огорода, но воды в нем было явно недостаточно, и Мейндерс просит «выкопать глубже, дабы воды на поливку держать можно было. Ежели не выкопать, то не токмо чтоб одному человеку за дальностию из реки Исети для поливки воду носить, но и трем человеком не изуправить». По данным Н. С. Корепанова, этот водоем был устроен еще в 1726 году секретарем Обер-бергамта Феоктистом Кузнецовым, имевшим двор на этом месте, запрудившим малую речку Черемшанку для своих гусей. Бывший гусиный прудок пришелся как раз кстати для полива. «В центре огорода срубили беседку для госпитальных больных» [Корепанов, 2005, с. 58].

Мимоходом Мейндерс сообщает важную для нас деталь — о значительных размерах аптечного огорода, увеличении его площади к 1746 году: «... огород большей и гряд довольно, да сверх того в засушливые дни бывает поливка раза три» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1113, л. 175]. О больших размерах огорода свидетельствует и просьба Мейндерса определить «в летнее времена работника для остерегания поливки и полотья гряд, человека здорового, а не такого, как напредь сего присылали..., понеже тут труда довольно, а малосильным работником бывает остановка в вышеозначенных при оном огороде работах».

Для углубления пруда Мейндерс просит прислать от заводской конторы человек 15 работников, чтобы ускорить копку, и направить работника на огород в первых числах мая. Но только через месяц, 4 июня, доношение было рассмотрено, для углубления пруда работников велели дать «пристойное число», а для полива и прополки — «дать тогда, когда оной ему, Мендерсу, вознаграбитца, из заводской канторы, из могутных». Лишь 11 июня указ был отправлен в кантору [Там же, л. 175—175 об., 177 об.]. Как видим, начальство и в данном случае не спешило решить поднятый Мейндерсом вопрос. Нужда и в поливе, и в прополке растений наступала с момента их посадки, начальство же этого понимать не желало.

Отметим такой факт: при заключении нового контракта с Мейндерсом в июле 1746 года (всего на один год — из-за нежелания канцелярии повысить ему жалованье) значительное внимание было уделено организации

сбора трав: «... при порученной ему аптеке в собирании трав, коренья и других материалов, способных в надлежащая времена и в хранении оных для употребления в лекарства.... будет он иметь радетельное смотрение» [Там же, д. 1243, л. 114]. В октябре 1746 года Мейндерс сообщил о своем желании остаться в Екатеринбурге на прежних условиях на неопределенный срок, отбыть в Санкт-Петербург, когда пожелает. В случае его смерти отправить семью в столицу на тех же условиях [Там же, л. 117 об.].

Только в 1755 году в Екатеринбурге появилось новое каменное здание аптеки на месте старой, напротив здания Главного заводов правления, но Мейндерс не дожид до завершения ее строительства, он скончался 14 октября 1753 года [Корепанов, 2005, с. 71].

4. Заключение = Conclusions

15 лет своей жизни главный провизор Людвиг Христиан Мейндерс отдал развитию аптечного дела в Екатеринбурге. Основным его детищем, главной заслугой стала организация весной 1739 года аптекарского огорода, первого на огромных пространствах Урала и Сибири, засеянного семенами, привезенными им с собой. С 1740 года на огороде стали выращиваться лекарственные травы уральского региона наряду с семенами растений, выписываемых из Москвы. Постепенно расширялся ассортимент растений, увеличивались площади выращиваемых трав, улучшалась организация их прополки, полива. Благодаря аптекарскому огороду удалось сэкономить значительные суммы за счет отказа от выписывания лекарственных трав из Москвы и использовать выращенные на огороде растения для изготовления в аптеке лекарств. Этими лекарствами обеспечивались все госпитали, действовавшие при казенных заводах Урала и Сибири. После смерти Мейндерса в 1753 году огород захирел. С 1758 года, после перехода аптеки в ведение штаб-лекаря Иоганна Шнезе, главы Екатеринбургского госпиталя до 1774 года, аптекарский огород был восстановлен. Требуется дальнейшее выявление и изучение архивных документов, чтобы раскрыть его историю во второй половине XVIII века.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 561. С. 394—395 ; Д. 678. Л. 768 об. ; Д. 808. Лл. 205, 206—207 об., 798—798 об., 791—802 ; Д. 893. Л. 343 ; Д. 894. Лл. 526—527 об. ; Д. 894. Л. 526—527 об., 558, 559—560 ; Д. 916. Лл. 138—138 об. ; Д. 1059. Лл. 7—8 ; Д. 1113. Лл. 175—175 об., 177 об. ; Д. 1112. Л. 356—357 об. ; Д. 1243. Л. 88—88 об., 89—89 об.,

91 об., 92, 102, 107 об., 114, 117 об. ; Оп. 12. Д. 221 ; Д. 225. С. 75, 227—228 ; Д. 251. С. 44, 246 ; Д. 267. Л. 150 ; Д. 268. Л. 76.

2. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 271 (Берг-коллегия). Оп. 1. Д. 775. Л. 228.

Литература

1. *Корепанов Н. С.* Мейндерс (Meinders) Людвиг Христиан / Н. С. Корепанов // Екатеринбург : Энциклопедия : в 2 т. [гл. ред. В. В. Маслаков] — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. — Т. 1. — С. 658. — ISBN 5-93472-068-6.

2. *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. — 274 с. — ISBN 978-5-91356-204-3.

3. *Коротков С. А.* Из истории аптекарских огородов России / С. А. Коротков // Вестник ландшафтной архитектуры. — 2019. — № 18. — С. 43—49.

4. *Лахтин М. Ю.* Заготовка лекарственных средств в XVIII веке (Из истории аптечного дела в России) / М. Ю. Лахтин // Фармацевт. — 1903. — № 35. — С. 1198—1199.

5. *Мирский М. Б.* Очерки истории медицины в России XVI—XVIII вв. / М. Б. Мирский. — Владикавказ : РСО-А, 1995. — 170 с. — ISBN 5-87860-045-5.

6. *Новиков В. С.* Прошлое и настоящее российских ботанических садов / В. С. Новиков, А. В. Раппопорт, С. В. Ефимов // Бюллетень МОИП. Отдел биологический. — 2017. — № 3. — С. 38—44.

7. *Рихтер В.* История медицины в России [в 3 т. ч.] / В. Рихтер. — Москва : В Унив. тип., 1820. — Ч. 3. — 678 с.

8. *Садыкова Э. Ф.* Аптекарские сады Тобольской губернии в XVIII — начале XX веков / Э. Ф. Садыкова, Г. А. Сулкарнаева, Т. А. Мирюгина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 467—485. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-467-485.

9. *Сафронова А. М.* Деятельность английского доктора медицины Джейкоба Грива в России в первой половине XVIII в. / А. М. Сафронова // Quaestio Rossica. — 2025. — Т. 13. — № 2. — С. 707—722. — DOI: 10.15826/qr.2025.2.989.

10. *Сафронова А. М.* Первая аптека Екатеринбурга и ее роль в медицинском обслуживании населения казенных заводов Урала и Сибири (1734—1750-е гг.) / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность : Сб. науч. тр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — Выпуск 19. — С. 56—79. — ISBN 978-5-7996-2747-8.

11. *Старков В. И.* Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII — первой половине XIX вв. / В. И. Старков. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. — 152 с. — ISBN 5-7851-0664-7.

12. *Фирсов Г. А.* Роль и значение ботанического сада Петра Великого в научной, образовательной и просветительской деятельности : веки истории / Г. А. Фирсов, В. Т. Яришко // Ботанические сады в современном мире. Сб. науч. статей. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбЭТУ «ЛЭТИ», 2021. — Выпуск 1. — С. 104—107. — ISBN 978-5-6048133-6-2.

13. *Фомина И. Р.* История ботаники в России : Измайловский сад и Московский аптекарский огород / И. Р. Фомина // История ботаники в России. К 100-летию юбилею РБО. — Тольятти : РБО, 2015. — С. 174—177. — ISBN 978-5-91687-158-6.

14. *Худин К. С.* Аптекарский огород и его роль в деятельности Аптекарского приказа (1620—1630 гг.) / К. С. Худин. // Аптекарские огороды — вчера, сегодня. — Москва : АОЗТ «Русские», 2014. — С. 119—122.

15. Цицилин А. Н. Аптекарские огороды в Москве : история и современность. В кн. : Генетические ресурсы лекарственных и ароматических растений. — Москва : ВИЛАР, 2004. — Т. 1. — С. 129—132.

16. Цицилин А. Н. Ассортимент лекарственных растений в аптекарских огородах Москвы в XVII веке / А. Н. Цицилин // Биосфера. — 2021. — Т. 13. — № 1—2. — С. 15—20.

Статья поступила в редакцию 09.11.2025,
одобрена после рецензирования 25.04.2026,
подготовлена к публикации 15.05.2026.

Material resources

GASO — *The State Archive of the Sverdlovsk region. F. 24 (Ural Mining Administration). Op. 1. 561. pp. 394—395; 678. L. 768 vol.; 808. Ll. 205, 206—207 vol., 798—798 vol., 791—802; 893. L. 343; 894. Ll. 526—527 vol.; 894. L. 526—527 vol., 558, 559—560; d. 916. Ll. 138—138 vol.; d. 1059. Ll. 7—8; D. 1113. Ll. 175—175 vol., 177 vol.; D. 1112. L. 356—357 vol.; D. 1243. L. 88—88 vol., 89—89 vol., 91 vol., 92, 102, 107 vol., 114, 117 vol.; Op. 12. d. 221; D. 225. pp. 75, 227—228; D. 251. pp. 44, 246; D. 267. L. 150; D. 268. L. 76. (In Russ.).*

RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 271 (Berg-collegium). Op. 1. D. 775. L. 228. (In Russ.).*

References

Firsov, G. A., Yarmishko, V. T. (2021). The role and significance of the Peter the Great Botanical Garden in scientific, educational and enlightenment activities: milestones of history. In: *Botanical gardens in the modern world. Collection of scientific. Articles, 1*. Saint Petersburg: Publishing House of SPbETU “LETI”. 104—107. ISBN 978-5-6048133-6-2. (In Russ.).

Fomina, I. R. (2015). History of botany in Russia: Izmailovsky Garden and Moscow apothecary garden. In: *The history of botany in Russia. To mark the 100th anniversary of the RBO*. Tolyatti: RBO. 174—177. ISBN 978-5-91687-158-6. (In Russ.).

Khudin, K. S. (2014). The Apothecary's garden and its role in the activities of the Apothecary's Order (1620—1630). In: *Apothecary's gardens — yesterday, today*. Moscow: Russian Automobile Plant. 119—122. (In Russ.).

Korepanov, N. S. (2005). *The first century of Yekaterinburg*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 274 p. ISBN 978-5-91356-204-3. (In Russ.).

Korepanov, N. S. (2023). Meinders Ludwig Christian. In: *Yekaterinburg: Encyclopedia: in 2 volumes, 1*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. P. 658. ISBN 5-93472-068-6. (In Russ.).

Korotkov, S. A. (2019). From the history of apothecary gardens in Russia. *Bulletin of Landscape Architecture*, 18: 43—49. (In Russ.).

Lakhtin, M. Yu. (1903). Procurement of medicines in the XVIII century (From the history of pharmacy in Russia). *Pharmacist*, 35: 1198—1199. (In Russ.).

Mirsky, M. B. (1995). *Essays on the history of medicine in Russia of the XVI—XVIII centuries*. Vladikavkaz: RSO-A. 170 p. ISBN 5-87860-045-5. (In Russ.).

Novikov, V. S., Rappoport, A. V., Efimov, S. V. (2017). The past and present of Russian Botanical Gardens. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Department of Biology*, 3: 38—44. (In Russ.).

- Richter, V. (1820). *The history of medicine in Russia: in 3 volumes*, 3. Moscow: In the Univ. type. 678 p. (In Russ.).
- Sadykova, E. F., Sulkarnaeva, G. A., Miryugina, T. A. (2023). Pharmaceutical Gardens of Tobolsk Province in 18th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 467—485. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-467-485> (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2019). The first pharmacy in Yekaterinburg and its role in the medical care of the population of state-owned factories in the Urals and Siberia (1734—1750s). In: *Document. Archive. History. Modernity: Collection of scientific papers*, 19. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 56—79. ISBN 978-5-7996-2747-8. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2025). Activity Jacob Grieve, English Doctor of Medicine, in Russia in the first half of the XVIII century. *Quaestio Rossica*, 13 (2): 707—722. DOI: 10.15826/qr.2025.2.989. (In Russ.).
- Starkov, V. I. (2007). *Historical experience of the development of the healthcare system in the mining Urals in the XVIII — first half of the XIX centuries*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 152 p. ISBN 5-7851-0664-7. (In Russ.).
- Tsitsilin, A. N. (2004). Apothecary's gardens in Moscow: history and modernity. In: *Genetic resources of medicinal and aromatic plants*, 1. Moscow: VILAR. 129—132. (In Russ.).
- Tsitsilin, A. N. (2021). Assortment of medicinal plants in apothecary gardens of Moscow in the XVII century. *Biosphere*, 13 (1—2): 15—20. (In Russ.).

*The article was submitted 09.11.2025;
approved after reviewing 25.04.2026;
accepted for publication 15.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Хазиев Р. А. «Приискание» служащих в системе земского и городского самоуправления Уфимской губернии в конце XIX — начале XX веков / Р. А. Хазиев, О. А. Полянина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 542—559. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-542-559.

Khaziev, R. A., Polyagina, O. A. (2026). Recruitment of Personnel in Zemstvo and Municipal Self-Government of Ufa Gubernia in Late 19th and Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 542-559. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-542-559. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Приискание» служащих в системе земского и городского самоуправления Уфимской губернии в конце XIX — начале XX веков

Хазиев Рустэм Асхатович

orcid.org/0000-0002-8754-7791

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России,
историографии и источниковедения
Khazievra@mail.ru

Полянина Ольга Анатольевна

orcid.org/0000-0001-5668-0904

кандидат исторических наук,
кафедра государственного управления,
корреспондирующий автор
olga-polyanina@mail.ru

Уфимский университет
науки и технологий
(Уфа, Россия)

Recruitment of Personnel in Zemstvo and Municipal Self-Government of Ufa Gubernia in Late 19th and Early 20th Centuries

Rustem A. Khaziev

orcid.org/0000-0002-8754-7791

Doctor of History, Professor,
Department of Russian History,
Historiography and Source Studies
Khazievra@mail.ru

Olga A. Polyagina

orcid.org/0000-0001-5668-0904

PhD in History,
Department of Public Administration,
corresponding author
olga-polyanina@mail.ru

Ufa University
of Science and Technology
(Ufa, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена процессу подбора служащих земских и городских органов самоуправления Уфимской губернии в конце XIX — начале XX веков. В качестве источников впервые привлекаются объявления «о споре на труд», размещенные Уфимским земством в общероссийских периодических изданиях, и резюме кандидатов. В научный оборот также вводятся архивные материалы переписки земских и городских управ с потенциальными сотрудниками. Авторами установлено, что способ поиска служащих зависел от конкретной вакансии. Сделан вывод о том, что при замещении рядовых должностей достаточно распространенным явлением оставался протекционизм со стороны гласных и членов управ. При этом отмечено, что сотрудники, которым предстояло возглавить муниципальное предприятие или учреждение, должны были иметь рекомендации профессионального сообщества. Авторы подробно рассматривают процесс поиска земских и городских служащих через общественно-политические и специализированные периодические издания. Как показывает анализ объявлений, органы местного самоуправления постепенно ужесточали требования к образовательному уровню и стажу служащих. Подчеркивается, что на публикации в газетах и журналах обычно откликалось несколько претендентов, что позволяло проводить конкурсный отбор на ключевые должности.

Ключевые слова:

земское самоуправление; городское самоуправление; земские служащие; городские служащие; подбор кадров; Уфимская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of recruiting personnel for the zemstvo and municipal self-government institutions of Ufa Gubernia during the late 19th and early 20th centuries. For the first time, the authors utilize “labor demand” advertisements published by the Ufa Zemstvo in all-Russian periodicals, as well as candidates’ résumés. Additionally, archival correspondence between zemstvo and municipal administrations and prospective employees is introduced into scholarly discourse. The study finds that recruitment methods varied depending on the specific vacancy. It is concluded that, for lower-level positions, patronage on the part of council members and board members remained a widespread practice. At the same time, it is noted that individuals appointed to head municipal enterprises or institutions were expected to possess recommendations from their professional communities. The authors provide a detailed analysis of the recruitment process through socio-political and specialized periodicals. As demonstrated by an examination of the advertisements, local self-government bodies gradually tightened requirements regarding the educational background and professional experience of applicants. It is emphasized that newspaper and journal announcements typically elicited responses from multiple candidates, enabling competitive selection for key positions.

Key words:

zemstvo self-government; municipal self-government; zemstvo employees; municipal employees; personnel recruitment; Ufa Gubernia.

«Приискание» служащих в системе земского и городского самоуправления Уфимской губернии в конце XIX — начале XX веков

© Хазиев Р. А., Полянина О. А., 2026

1. Введение = Introduction

Качество городского и земского управления, во многом определявшееся в конце XIX — начале XX веков уровнем подготовки наемных служащих, является актуальной междисциплинарной темой. Новизна работы состоит в том, что изучение механизма подбора и оценки профессиональных навыков «человеческого капитала» в лице городских и земских служащих позволяет выявить важнейшую институционную категорию — эффективность реализации на периферии социально-экономической политики местного самоуправления. Вне фокуса внимания отечественных и зарубежных исследователей остается практически значимая тема — анализ и обоснование системы отбора кадров, которая позволит выявить текущую квалификацию сотрудников городского и земского управления.

Исследование земских и городских служащих как особой социальной и профессиональной группы стало самостоятельным направлением научных исследований в конце XIX — начале XX веков. Множество работ, посвященных так называемому «третьему элементу», стали объектом историографического анализа [Чернышева, 2011]. Однако следует отметить значительную неравномерность в изучении как отдельных аспектов данной темы, так и конкретных регионов.

В исследованиях, посвященных истории Уфимской губернии, вопросы назначения и увольнения земско-городских служащих обычно рассматриваются в контексте взаимоотношений между органами государственной власти и местным самоуправлением. Эта традиция была заложена в знаменитом четырехтомнике Б. Б. Веселовского «История земства за сорок лет». По мнению Бориса Борисовича, Уфимская губерния была второй по интенсивности и продолжительности конфликта между земством и губернской администрацией, уступая лишь Тверской губернии. Одним из аспектов этого противостояния стали репрессии против «третьего элемента», включая увольнения и высылку специалистов [Веселовский, 1911, с. 407].

Современные ученые продолжают уделять особое внимание полномочиям государственных органов и действиям отдельных губернаторов, стремящихся расширить свое влияние на процесс подбора земских и городских специалистов [Азаматова, 2021, с. 86; Беседовская, 2004, с. 227, 232—233, 252—253.]. Значительную роль губернской администрации в кадровой политике Уфимского земства отмечает Н. С. Мысляева [Мысляева, 2005, с. 103—120]. Вместе с тем большинство авторов в той или иной мере разделяют позицию С. В. Любичанковского о включении земских и городских органов власти в единый аппарат государственного управления, поскольку государство реализует через них свои функции [Любичанковский, 2003, с. 44—46]. Вследствие этого в научных публикациях произошел отказ от тезиса о негативном характере существовавшего государственного надзора [Габдрафикова, 2008, с. 25]. Особенности поступления на службу представителей отдельных профессиональных групп отражены в ряде монографических и диссертационных исследований [Азаматова, 2005; Алешин, 2010; Власова, 2009].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods. Review

Цель — рассмотреть, как в позднеимперской России на периферии происходил процесс подбора кадров на вольнонаемные должности в органы городского и земского самоуправления.

Эмпирическую базу исследования составляют разнообразные исторические источники: нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, публикации периодической печати. Среди законодательных материалов определяющую роль играли земские и городские положения, а также Высочайше утвержденные положения Комитета министров, циркуляры Министерства внутренних дел, разъяснения Правительствующего Сената. Сопоставление нормативно-правовых актов с делопроизводственной документацией конкретных органов власти позволяет оценить эффективность управленческих решений относительно «приискания» служащих земского и городского самоуправления.

Что касается впервые вводимых в научный оборот неопубликованных источников, то персонализированный анализ прошений претендентов и переписка управ с потенциальными сотрудниками позволяют не только конкретизировать процесс подбора служащих, но и определить разнообразные ведомственные, общественные и индивидуальные точки зрения по отдельным «кадровым вопросам». Соответствующие документы сохранились в фондах Уфимской губернской земской управы (ф. И-132) и Уфимской городской управы (ф. И-340) Национального архива Республики Башкортостан, а также в фонде Златоустовской уездной управы (ф. И-11 Архива Златоустовского городского округа).

Обращение к периодическим изданиям позволило получить недостающую информацию о подборе кадров, в том числе через сопоставление архивных и газетно-журнальных новостных источников.

Исследование, основанное на конкретно-историческом подходе, предопределяет применение исторических методов. Однако цель статьи предполагает также использование аналитических инструментов, заимствованных из смежных общественных наук, таких как правоведение, социальная философия, социология и конфликтология. Идеи М. Вебера о бюрократии и его теория социального действия, а также концепция социальной мобильности П. А. Сорокина обусловили логику исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Нормативно-правовые основы назначения земских и городских служащих

Нормативно-правовая база, регулировавшая процесс назначения земских и городских служащих, состояла из нескольких взаимодополняющих документов. В июле 1866 года было издано Высочайше утвержденное Положение Комитета министров «О пространстве и пределах власти губернаторов». «Административные губернские места и учреждения» должны были немедленно сообщать губернатору «все распоряжения и постановления <...> об определении <...> подчиненных им чиновников вновь на службу или к должностям, или о перемещении их с одной должности на другую <...> а также при замещении должностей по найму». Если губернатор признавал таких лиц неблагонадежными, он мог отменить кадровое решение. В качестве примечания указывалось, что неполучение от губернатора уведомления в течение двухнедельного срока признавалось за изъятие им согласия на определение или перемещение чиновника [О пространстве, 1883, с. 953—954].

Данная правовая норма практически дословно была включена в циркуляр Министерства внутренних дел «О пределах власти губернаторов» [Циркуляр ..., 1894, с. 1], а также в «Общее губернское учреждение» — ключевой законодательный акт, регулировавший систему местного управления в Российской империи. До 1906 года статья имела номер 511, затем 286, примечание о двухнедельном сроке стало ее составной частью [Учреждение губернское, 1912, с. 27, 61]. В декабре того же 1866 года Правительствующий Сенат дополнительно разъяснил, что губернаторам было дано право отказывать в утверждении всех избранных земскими собраниями лиц, если губернатор признает их неблагонадежными. Либеральные общественные деятели ожидаемо расценили эти нормативные документы как выражение «страха перед служилою земскою интеллигенцией» [Белокопский, 1914, с. 3].

В августе 1879 года Высочайше утвержденное Положение распространило действие статьи 511 на «земские и городские учреждения при замещении ими тех из постоянных по сим учреждениям должностей, утверждение в коих не поставлено действующим законом в прямую зависимость от губернатора или министра внутренних дел» [О предоставлении ..., 1881, с. 56]. Подчеркнем, что речь шла именно о постоянных должностях. С 1881 года «в местностях, объявленных в положении усиленной охраны», эта норма касалась замещения «всех вообще должностей по земским, городским и судебно-мировым установлениям» [О мерах, 1881, с. 264].

Земское Положение 1890 года и Городовое Положение 1892 года содержали прямые отсылки к статье 511 Общего учреждения губернского, указывая, что она регулирует порядок «определения, перемещения или приглашения» лиц, занимающих должности по найму. Вместе с тем оба Положения в статье 105 закрепляли за органами местного самоуправления право «приглашать посторонних лиц» для управления муниципальным имуществом, а также «для исполнения обязанностей, которые, по свойству своему, требуют особых познаний и подготовки» [Земское Положение, 1890, с. 508; Городовое Положение, 1892, с. 449].

В начале XX века необходимость изменения существовавшей системы осознавалась представителями различных политических сил. Так, законодательное предположение кадетов о реформе Городового Положения, обсуждавшееся в Государственной Думе в 1912—1913 годах, содержало пункт 8 о том, что лица, приглашенные в городские управы по найму, не подлежат утверждению губернской администрацией. Весной 1914 года в Министерстве внутренних дел было сформировано Собрание членов Отдела городского хозяйства по пересмотру Городового Положения. Проект, подготовленный Собранием к осени 1916 года, в свою очередь, предусматривал отказ от утверждения губернатором служащих по найму [Далина, 2004, с. 89—103, 109—112].

3.2. Протекционизм на земской и городской службе

Все попытки реформировать Земское и Городовое Положения не увенчались успехом, и система найма вольнонаемных служащих оставалась неизменной до 1917 года. Тем не менее органы муниципальной власти активно использовали свое право приглашения («приискания») служащих. В системе земско-городского самоуправления часто встречался протекционизм. Многие представители «третьего элемента» устраивались на службу и продолжали работать под покровительством одного из гласных или членов управы.

Известный публицист и общественный деятель Александр Иванович Новиков, заняв пост городского головы Баку, быстро убедился, что боль-

шинство сотрудников управы были приняты на службу по протекции того или иного гласного. «Всех родственников, приятелей, знакомых — куда сбыть? Понятно, на службу городу», — иронизировал Новиков. Он запретил рекомендации гласных при приеме на службу, но это не решило проблему поиска сотрудников [Новиков, 1905, с. 67—79].

Анонимный автор журнала «Городское дело» обращал внимание читателей на то, что места десятников очень часто предоставляются по протекции влиятельных гласных или членов управы тем лицам, которые «не имели ничего общего со строительным делом». Среди таких сотрудников встречались бывшие швейцары, вахмистры и т. д. [Инженер, 1910, с. 1321—1323]. В 1915 году группа петербургских общественных деятелей, близких к партии конституционалистов-демократов, опубликовала «Опыт муниципальной программы». Пункт «Организация городских служащих», в частности, включал тезис о приеме сотрудников «только на основании требований от них определенных знаний и подготовленности» [Городское дело, 1915, № 22, с. 1172—1191].

О протекционизме в земской среде писал Л. Д. Брюхатов, рассматривавший деятельность органов местного самоуправления через призму борьбы «третьего» и цензового элемента. Не указывая конкретные земства, Брюхатов отмечал, что заведующие отделами не соглашались «безропотно принимать себе в помощники дальних родственников или просто “своих людей” прямых начальников», а врачи отказывались создавать в больницах «синекуры для экономок» [Брюхатов, 1914, с. 197—200].

Исследователи чиновничества дореволюционной России выделяют несколько видов служебной протекции: коррупционная, альтруистическая, протекция родственников, протекция друзей по совместной учебе или работе [Шатохин, 2012, с. 65]. Данная классификация вполне применима к системе местного самоуправления. Благодаря протекции председателя управы в Уфимское земство поступил будущий знаменитый оперный певец Ф. И. Шаляпин. В 1890 году 17-летний Федор с успехом дебютировал на уфимской сцене, но постоянного источника дохода у него не было. Впоследствии Шаляпин вспоминал: «... решили, что лучше мне не уезжать из Уфы, а жить здесь, участвовать в любительских спектаклях и служить в управе, где председатель даст мне место рублей на 25—30». За это время поклонники певца должны были собрать необходимую сумму для поездки в столицу [Шаляпин, 1959, с. 86—88]. Шаляпин прослужил в Уфимском земстве несколько месяцев, переписывая «бесконечные цифры недоимок местного населения» [Там же, с. 226].

В 1916 году член Уфимской городской управы В. Т. Комаров пригласил в продовольственный отдел двух бухгалтеров (Азария Никифорова и

Генриетту Дзевицкую) и сотрудника канцелярии В. П. Лестова. Управа утвердила это назначение и сделала необходимое представление губернатору [НА РБ, ф. И-340, оп. 1, д. 58, л. 4].

Формы дружеского протекционизма могли быть достаточно разнообразны. Многие претенденты имели своего рода «инсайдерскую» информацию об открывшихся вакансиях. Так, в феврале 1914 года Златоустовская земская управа получила письмо от выпускника Ляховской сельскохозяйственной школы А. Ф. Демина. «Мой знакомый, заведующий сельскохозяйственным складом, — писал Демин, — сообщает мне, что он уходит со своей должности». Соответственно, автор прошения предлагал земству свои услуги [АЗГО, ф. И-11, оп. 1, д. 673, л. 4].

Отставной прапорщик В. А. Латкин, служивший до призыва в армию в Бирском земстве, в своем прошении в адрес Уфимской губернской управы сообщал: «Мне известно, что должность заведующего Белебеевской низшей сельскохозяйственной школой оказывается свободной...» [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 113, л. 64—65]. П. П. Воробьев обращался в земство, «услышав, что при Аксеновской сельскохозяйственной школе освобождается место фельдшера» [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 88, л. 16—17]. И Латкину, и Воробьеву было отказано, но управа сохранила их прошения вместе с аналогичными документами.

3.3. Лоббирование на должность профессиональными сообществами

По мере усложнения земско-городского хозяйства важным фактором принятия кадровых решений стали рекомендации от общественных организаций, объединявших специалистов определенной профессии. Одной из целей таких обществ было «приискание занятий своим членам», включая сбор информации о вакансиях и о тех, кто ищет работу.

Органы местного самоуправления Уфимской губернии вели соответствующую переписку с Обществом взаимопомощи русских агрономов, Обществом десятников строительных работ (г. Москва) [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 197, л. 8], Киевским обществом взаимопомощи земледельцев и лесоводов [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 88, л. 47], Обществом ветеринарных врачей (г. Казань) [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 345, л. 80] и другими. Такие контакты не всегда приводили к быстрому успеху. Общество взаимопомощи русских агрономов, например, не смогло выполнить обещание о рассылке списков лиц, ищущих место по агрономической специальности, так как число вакансий значительно превышало «наличность свободных агрономов» [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 114, л. 30].

Более эффективным было прямое взаимодействие с высшими учебными заведениями, выпускавшими специалистов нужного профиля. В 1904 году в связи с крайне неудовлетворительной работой уфимской электростанции

городская дума постановила пригласить особого специалиста для надзора за электрическим освещением. Переговоры с кандидатами были поручены городскому голове, при этом претендент должен был иметь «солидные рекомендации» от техническо-строительного комитета МВД либо от руководства Санкт-Петербургского электротехнического института [Журналы, 1904, с. 185—208]. По совету директора данного института Уфимская дума пригласила инженера-электрика А. А. Иванова. Проработав в Уфе чуть более трех лет, Иванов перешел на службу в Казанскую городскую управу и рекомендовал на освободившееся место другого выпускника электротехнического института — А. А. Багатурьянца [Журналы, 1907, с. 572].

В поисках ветеринарного врача, которому предстояло осуществлять надзор за молочными продуктами, Уфимская дума обращалась к профессору Юрьевского ветеринарного института Карлу Гаппиху [НА РБ, ф. И-340, оп. 1, д. 92, л. 58—59]. Губернское земство также использовало данный метод подбора кадров. В телеграмме, направленной в Институт гражданских инженеров (г. Санкт-Петербург), управа просила рекомендовать двух инженеров «с не менее трехлетней практикой» для наблюдения за дорожными гражданскими работами [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 197, л. 37].

При этом городские и земские управы, в свою очередь, могли выступить в роли поручителя. В 1903 году Самарский губернатор просил Уфимское земство сообщить о «служебных и нравственных качествах» агронома Александра Книзе. Управа подготовила характеристику с указанием точных дат работы Книзе в Уфимской губернии и отметила, что он «зарекомендовал себя в высшей степени хорошим и трудолюбивым работником» [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 42, л. 162—163].

3.4. Вакансии в газетах от прямых работодателей

Еще одним способом «приискания» сотрудников являлась публикация объявлений в общероссийских газетах и журналах (например, «Русские ведомости», «Русское слово», «Новое время»). Широкая аудитория таких изданий позволяла «переманить» земско-городских служащих из других регионов, а также привлечь специалистов, работавших в других сферах экономики (на промышленных предприятиях, железных дорогах и т. д.).

Бирское уездное земство в 1879—1880 годах несколько раз публиковало в медицинских изданиях объявления о поиске врачей. На первую публикацию откликнулось не менее 25 человек, однако некоторые требовали возмещения дорожных расходов, другие ставили различные условия, третьи отказывались «по ограниченности жалования»... в результате один из участков уезда оставался без врача около 10 месяцев [Вестник, 1881, с. 115 (3 паг)]. Стерлитамакская уездная земская управа в 1898 году в представлении на имя губернатора подчеркивала, что в ответ «на неоднократные приглашения

и публикации наконец откликнулась желающая занять место фельдшерицы Екатерина Иосифовна Никитина» [НА РБ, ф. И-9, оп. 1, д. 601, л. 212].

Уездные города также периодически испытывали нехватку медицинских кадров. В феврале 1905 года Златоустовская городская управа опубликовала в газетах «Русские ведомости» и «Русский врач» объявление о приглашении врача и двух фельдшеров «для борьбы с ожидаемой холерой». Параллельно город искал специалистов по борьбе с эпизоотиями, разместив сообщение в журнале «Ветеринарный фельдшер». На объявление откликнулись фельдшеры из Тверской, Пензенской и Самарской губерний, с Кавказа, и вскоре вакансии были закрыты [АЗГО, ф. И-40, оп. 1, д. 2, л. 10—12, 96—105].

Предварительное согласие даже нескольких кандидатов еще не означало успешного завершения поисков. Управа вступала с претендентами в переписку, в ходе которой запрашивались копии документов, подробно обсуждались требования обеих сторон. За это время тот или иной специалист мог попросить «не считать его более кандидатом», занять другое место, заявить о невозможности выехать по семейным обстоятельствам. В этом случае подбор служащих приходилось начинать снова [НА РБ, ф. И-340, оп. 1, д. 92, л. 15—60 и др.].

В начале октября 1903 года газета «Новое время» опубликовала объявление Уфимской губернской земской управы о поиске «опытного бухгалтера для ведения счетоводства по складу сельскохозяйственных машин». К прошению необходимо было приложить диплом бухгалтерских курсов. В течение трех недель управа получила около 20 откликов. На должность претендовали сразу несколько жителей Санкт-Петербурга, окончивших либо Коммерческое училище, либо частные бухгалтерские курсы [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 42, л. 79—96].

Также управа получила прошения от счетовода Правления Общества юго-восточных железных дорог, бухгалтера Можайской уездной земской управы, служащего акцизного управления из Восточной Сибири... Выбор был сделан в пользу Елабужского мещанина Александра Полева, 27 октября губернатор дал согласие на его назначение. Но трудоустройство не состоялось, управа отправила Полеву обратно все присланные оригиналы документов, и поиск бухгалтера продолжился [Там же, л. 86, 167].

Прощения, поступившие в органы местного самоуправления «самотеком», то есть по инициативе соискателей, рассматривались управами, подшивались по годам (или отделам) и хранились вместе с остальной документацией. Большинство таких заявлений получали визу «вакансий нет», «свободной вакансии не имеется» [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 42, л. 13—24; д. 45, л. 5—45; д. 208, л. 1—30]. Иногда претенденту сообщали, что вопрос

может быть решен позднее [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 114, л. 2] или что «управа вашу просьбу будет иметь в виду» [Там же, л. 10]. В некоторых случаях соискателям предлагали временные должности [НА РБ, ф. И-132, оп. 1, д. 345, л. 10—11, 34].

3.5. Объявления «о спросе на труд» в профессиональных печатных изданиях

В 1909 году группа общественных деятелей Санкт-Петербурга начала издавать два специализированных журнала: «Городское дело» и «Земское дело». Авторский коллектив под руководством Д. Д. Протопопова и Л. А. Велихова ставил своей целью всестороннее освещение деятельности и нужд местного самоуправления. В каждом номере была рубрика «спрос на труд», где управы могли на платной основе размещать свои объявления.

Органы самоуправления Уфимской губернии, подведомственные им учреждения и отдельные должностные лица являлись постоянными подписчиками обоих журналов. При этом городские управы практически не публиковали объявления о «спросе на труд». Земства, напротив, активно использовали новую возможность для приискания служащих. Объявления о поиске сотрудников размещала не только губернская, но и все уездные управы, что было нехарактерно для других земств. Мензелинский уезд приглашал статистиков и бухгалтера [Земское дело, 1911, № 1, с. 20; 1912, № 23, с. 26], Стерлитамакский и Белебеевский — агрономов [Земское дело, 1912, № 6—7, с. 28]. Уфимская уездная управа искала техников и других специалистов [Земское дело, 1912, № 3, с. 29].

Каждое объявление состояло из двух частей: условий службы и требований к кандидатам. Как правило, управы указывали размер жалования и так называемых «разъездных», наличие периодических прибавок и служебного жилья, необходимость участия в пенсионной кассе. Уфимское губернское земство являлось единственным органом местного самоуправления, который гарантировал своим служащим ежегодный оплачиваемый отпуск и ежегодную выплату наградных в размере месячного жалования. Главным требованием было «истечение года службы» [Земское дело, 1912, № 3, с. 28; 1912, № 23, с. 27; 1913, № 4, с. 20; 1913, № 21, с. 21—23].

Объем требований, предъявляемых к служащим, был различным. Так, Самарская губернская управа объявляла конкурс на вакантное место врача, претендент был обязан представить ученые труды [Земское дело, 1911, № 17, с. 19]. Некоторые другие управы требовали «солидные» (либо «авторитетные») рекомендации и «земский служебный стаж» [Земское дело, 1912, № 23, с. 25]. Земства Уфимской губернии в первые годы издания журнала всего несколько раз указали конкретные требования к потенциальным служащим. Будущий агроном Мензелинского уезда должен был

иметь высшее сельскохозяйственное образование [Земское дело, 1910, № 15, с. 1154], а для заведывания делом внешкольного образования были «желательны кандидаты с земским опытом» [Земское дело, 1912, № 3, с. 28]. Врач-бактериолог и врач-гигиенист могли прислать «печатные труды, если таковые имелись» [Земское дело, 1911, № 4, с. 14].

Заметные изменения произошли в объявлениях 1913 года, что косвенно могло быть связано с земскими выборами 1912 года и новым составом гласных. Уфимская уездная управа приглашала лицо «опытное и достаточно знакомое с делом народного образования» [Земское дело, 1913, № 10, с. 18—23]. Стерлитамакская управа искала секретаря с образованием не ниже среднего и земским стажем не менее трех лет [Земское дело, 1913, № 22, с. 21]. В объявлении Бирского уезда указывалось, что от кандидата требуется среднее образование и «опытность в ведении делопроизводства». Бухгалтер губернской управы должен был иметь не менее пяти лет стажа земской службы и быть «основательно знаком теоретически и практически с земским счетоводством» [Земское дело, 1913, № 4, с. 20].

Несмотря на свою популярность, журналы «Земское дело» и «Городское дело» не стали единственными средствами массовой информации, где публиковались объявления о поиске служащих. Многие издания («Русские ведомости» и т. д.) имели гораздо больший тираж. Преимуществом отраслевых журналов была целевая аудитория, состоявшая из специалистов определенной профессии. Например, Уфимское губернское земство в 1915 году искало заведующих районными библиотеками через журнал «Библиотекарь». В объявлении максимально подробно описывались все должностные обязанности и условия службы (оклад, периодические прибавки, бесплатные разъезды, участие в пенсионной кассе). Оговаривались даже такие детали, как время предоставления отпуска («в период наиболее слабой деятельности библиотеки летом») [Библиотекарь, 1915, вып. 1, с. 84].

В годы Первой мировой войны органы местного самоуправления нередко сталкивались с необходимостью экстренного решения кадровых проблем. В результате обычную переписку заменили телеграммы. В августе 1915 года в газетах «Русские ведомости» и «Русское слово» появилось объявление: «Уфимская городская управа приглашает до окончания войны ветеринарного врача или студента 4 курса ветеринарного института на временную городскую службу». Управа просила напечатать этот текст два раза через день на первой странице» [НА РБ, ф. И-340, оп. 1, д. 94, л. 3—6].

На объявление откликнулось достаточно много претендентов: из Риги, Челябинска, Орши, других городов [Там же, л. 28—50]. Некоторое время уфимцы обменивались телеграммами сразу с тремя ветеринарами. Первоначально управа предполагала пригласить Субботина из Калуги, но по-

сколько он не телеграфировал о своем окончательном решении, 3 сентября телеграмма «Назначены выезжайте» была направлена Алексею Владимировичу Витевскому из Нижегородской губернии. Он занял должность городского ветеринарного врача с 20 сентября [Там же, л. 21].

4. Заключение = Conclusions

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что законодательство пореформенной России не лишало органы местного самоуправления права подбора кадров на должности вольнонаемных служащих. Полномочия губернской администрации ограничивались вопросами утверждения или отклонения предложенных кандидатур. Настаивая на своем выборе, городские и земские управы в представлении на имя губернатора нередко подчеркивали, что других претендентов на данную должность нет.

Анализ документов позволяет выделить несколько путей рекрутирования сотрудников. Наиболее традиционным из них был протекционизм со стороны кого-либо из гласных либо членов управы. Формой дружеского протекционизма также следует признать передачу информации об открывшихся вакансиях. Для подбора квалифицированных сотрудников, которые должны были занять ключевые управленческие позиции, управы обращались непосредственно в высшие учебные заведения соответствующего профиля. Такая форма кадровой работы требовала длительной переписки, но гарантировала необходимый результат.

Популярным способом «приискания» земских и городских служащих были объявления в периодической печати. Находясь на периферии земской России, Уфимская губерния активно использовала возможность приглашения специалистов из других регионов. Публикации «о спросе на труд» фиксируют постепенный рост требований Уфимского земства к потенциальным сотрудникам, включая уровень образований, наличие земского стажа, научных трудов. На некоторые объявления откликались 10—20 претендентов, что создавало конкурсную ситуацию и, значит, позволяло пригласить наиболее подходящего кандидата.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АЗГО — *Архив* Златоустовского городского округа. Ф. И-11 (Златоустовская уездная земская управа). Оп. 1. Д. 673. Л. 4 ; Ф. И-40 (Златоустовская городская управа). Оп. 1. Д. 2. Л. 10—12, 96—105.

2. *Библиотекарь* : [журнал] — 1915. — Выпуск I.
3. Вестник — *Вестник* Уфимского земства 1881 года. Год 3-й, выпуск 3-й. — Уфа : Печатня Н. Блохина, 1881. — V, 22, 187, 243, 42, 27 с.
4. *Городское дело* : [журнал] — 1915. — № 22.
5. Городовое Положение, 1892 — *Высочайшее* утвержденное Городовое Положение. 11 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание третье. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1895. — Т. XII. — С. 430—456.
6. Журналы, 1904 — *Журналы* Уфимской городской думы. 1904 год. — Уфа : Электрическая типо-литография Т-ва Ф. Г. Соловьев и К, 1906. — 356 с.
7. Журналы, 1907 — *Журналы* Уфимской городской думы. 1907 год. — Уфа : Электрическая типо-литография Т-ва Ф. Г. Соловьев и К, 1908. — 772 с.
8. *Земское дело* : [журнал] — 1910, № 15 ; 1911, № 1 ; 1911, № 4 ; 1911, № 17 ; 1912, № 3 ; 1912, № 6—7 ; 1912, № 23 ; 1913, № 4 ; 1913, № 10 ; 1913, № 21 ; 1913, № 22.
9. Земское Положение, 1890 — *Высочайшее* утвержденное «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». 12 июня 1890 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание третье. Отд. первое. 1890. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1893. — Т. X. — С. 493—511.
10. НА РБ — *Национальный архив* Республики Башкортостан. Ф. И-9 (Уфимское губернское правление). Оп. 1. Д. 601. Л. 212 ; Ф. И-132 (Уфимская губернская земская управа). Оп. 1. Д. 42. Л. 13—24, 79—96, 162—163, 167 ; Д. 45. Л. 5—45 ; Д. 88. Л. 16—17, 47 ; Д. 113. Л. 64—65 ; Д. 114. Л. 2, 10, 30 ; Д. 197. Л. 8, 37 ; Д. 208. Л. 1—30 ; Д. 345. Л. 10—11, 34, 80 ; Ф. И-340 (Уфимская городская управа). Оп. 1. Д. 58. Л. 4 ; Д. 92. Л. 15—60 ; Д. 94. Л. 3—6, 21, 28—50.
11. О мерах — *Высочайшее* утвержденное Положение Комитета министров «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание третье. Со дня вступления на престол Государя Императора Александра Александровича по 31 декабря 1881 года. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1885. — Т. 1. — С. 261—264.
12. О предоставлении — *Высочайшее* утвержденное Положение Комитета министров «О предоставлении губернаторам особых прав при замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям». 19 августа 1879 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Отделение второе. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1881. — Т. LIV. — С. 56.
13. О пространстве — *Высочайшее* утвержденное Положение Комитета министров «О пространстве и пределах власти губернаторов». 22 июля 1866 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Отделение первое. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1883. — Т. XLI. — С. 953—954.
14. Учреждение губернское — *Общее* учреждение губернское // Свод законов Российской Империи. В пяти книгах / Под редакцией и с примечаниями И. Д. Мордухай-Болтовского. — Санкт-Петербург : Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. — Книга 1. — Т. II. — С. 2—208.
15. Циркуляр — *Циркуляр* Департамента общих дел Министерства внутренних дел «О пределах власти губернаторов». 12 октября 1866 г. // Сборник циркуляров и распоряжений Министерства Внутренних Дел, относящихся до гг. Губернаторов, Вице-Губернаторов, Советников Губернских Правлений, Канцелярий гг. Губернаторов, Губернских Типографий, Строительных и Врачебных Отделений с 1858 по 1894 год. Составил со-

ветник Московского губернского правления князь В. П. Урусов. — Москва : Губернская типография, 1894. — С. 1—3.

16. Шалапин — Федор Иванович Шалапин. Литературное наследство [Страницы из моей жизни. Маска и душа. Статьи]. Письма. И. Шалапина. Воспоминания об отце. — Москва : Искусство, 1959. — Т. 1. — 767 с.

Литература

1. Азаматова Г. Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874—1917 гг.) / Г. Б. Азаматова. — Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. — 364 с. — ISBN 978-5-91608-211-1.

2. Азаматова Г. Б. Уфимское земство (1874—1917 гг.) : социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования / Г. Б. Азаматова. — Уфа : Гилем, 2005. — 252 с. — ISBN 5-7501-0629-2.

3. Алешин П. Н. Деятельность Уфимского губернского земства в развитии агрономии края (1875—1917) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / П. Н. Алешин — Уфа, 2010. — 28 с.

4. Белокопский И. П. Земское движение / И. П. Белокопский — 2-е изд. — Москва : Задруга, 1914. — VIII, 397 с.

5. Беседовская А. В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества (вторая половина XIX — начало XX века) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. В. Беседовская — Оренбург, 2004. — 330 с.

6. Брюхатов Л. Д. Значение «третьего элемента» в жизни земства / Л. Д. Брюхатов // Юбилейный земский сборник: 1864—1914 / под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. — Санкт-Петербург : Издание т-ва О. Н. Поповой, 1914. — С. 186—205.

7. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет / Б. Б. Веселовский — Санкт-Петербург : Издательство О. Н. Поповой, 1911. — Т. 4. — VIII, 696, 104, XXIX, XXVI с.

8. Власова Н. Л. Развитие земской статистики на Южном Урале (1875—1918 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. В. Власова. — Уфа, 2009. — 26 с.

9. Габдрафикова Л. Р. Место городского самоуправления в аппарате государственного управления в пореформенный период (по материалам Уфы) / Л. Р. Габдрафикова // Известия Алтайского государственного университета. — 2008. — № 4—1 (60). — С. 25—28.

10. Далина О. А. Проблемы городского самоуправления в деятельности правительства и Государственной думы в начале XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. А. Далина. — Москва, 2004. — 177 с.

11. Инженер. К вопросу о составе и штатах строительных десятников при городских управах // Городское дело. — 1910. — № 19. — С. 1321—1323.

12. Любичанковский С. В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской Империи (на материалах Урала) / С. В. Любичанковский. — Екатеринбург : Издательство Урал. ун-та, 2003. — 275 с. — ISBN 5-7525-1154-2.

13. Мысляева Н. С. Земские учреждения Уфимской губернии : образование, организационно-правовая основа, деятельность / Н. С. Мысляева — Уфа : РИО БашГУ, 2005. — 212 с. — ISBN 5-7477-1268-3.

14. Новиков А. И. Записки городского головы / А. И. Новиков. — Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1905. — 241 с.

15. Чернышева Е. В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х — 1914 годы) в отечественной историографии : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Чернышева — Челябинск, 2011. — 687 с.

16. Шатохин И. Т. Социально-психологическая мотивация протекции в среде чиновничества Российской империи второй половины XIX — начала XX века / И. Т. Шатохин // Региональное управление и проблемы эффективности власти в России (XVIII — начало XXI вв.) : сб. ст. Всероссийской научной конференции Региональное управление и проблемы эффективности власти в России (XVIII — начало XXI вв.) (г. Оренбург, 30 октября — 2 ноября 2012 года). — Оренбург : [б. и.], 2012. — С. 65—68.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025,
одобрена после рецензирования 23.03.2026,
подготовлена к публикации 14.05.2026.

Material resources

- AZGO — *Archive of the Zlatoust city district. F. I-11 (Zlatoust district zemstvo council). Op. 1. 673. l. 4; F. I-40 (Zlatoust city council). Op. 1. D. 2. L. 10—12, 96—105.* (In Russ.).
- Bulletin — *Bulletin of the Ufa Zemstvo in 1881. Year 3, 3.* (1881). Ufa: Printing House of N. Blokhin. V, 22, 187, 243, 42, 27 p. (In Russ.).
- Chaliapin — *Fyodor Ivanovich Chaliapin. Literary legacy [Pages from my life. Mask and soul. Articles]. Letters of I. Chaliapin. Memories of my father, I.* (1959). Moscow: Iskustvo Publ. 767 p. (In Russ.).
- Circular — *Circular of the Department of General Affairs of the Ministry of Internal Affairs “On the limits of the power of governors.” October 12, 1866. (1894). In: Collection of circulars and orders of the Ministry of Internal Affairs, relating to the Governors, Vice-Governors, Advisers to Provincial Boards, Offices of Governors, Provincial Printing Houses, Construction and Medical Departments from 1858 to 1894. It was compiled by the advisor to the Moscow Provincial Government, Prince V. P. Urusov.* Moscow: Gubernskaya tipografiya. 1—3. (In Russ.).
- City Regulations, 1892 — *The most highly approved City Regulations. June 11, 1892. (1895). In: The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). The third meeting, XII.* St. Petersburg: [b. i.]. 430—456. (In Russ.).
- IN the Republic of Bashkortostan — *The National Archive of the Republic of Bashkortostan. F. I-9 (Ufa provincial Government). Op. 1. D. 601. L. 212; F. I-132 (Ufa provincial Zemstvo Council).* (In Russ.).
- Journals, 1904 — *Journals of the Ufa City Duma. 1904. (1906).* Ufa: Electrical Printing Company F. G. Solovyov and Co. 356 p. (In Russ.).
- Librarian: [journal], I. (1915). (In Russ.).
- Magazines, 1907 — *Magazines of the Ufa City Duma. 1907. (1908).* Ufa: Electrical Printing Company F. G. Solovyov and Co. 772 p. (In Russ.).
- On granting — *The most highly approved Regulation of the Committee of Ministers “On granting special rights to Governors when filling permanent positions in Zemstvo and city institutions.” August 19, 1879. (1881). In: The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). The second meeting. Department two, LIV.* St. Petersburg: [b. i.]. S. 56. (In Russ.).
- On measures — *The highly approved Regulation of the Committee of Ministers “On Measures to protect Public Order and Public Peace.” August 14, 1881. (1885). In: The Com-*

plete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). The third meeting. From the day of the accession to the throne of Emperor Alexander Alexandrovich to December 31, 1881, 1. St. Petersburg: [b. i.]. 261—264. (In Russ.).

On space — The highly approved Regulation of the Committee of Ministers “On the space and limits of the power of Governors.” July 22, 1866. (1883). In: *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). The second meeting. Department one, XLI. St. Petersburg: [b. i.]. 953—954. (In Russ.).*

Provincial institution — General provincial institution. (1912). In: *Code of Laws of the Russian Empire. In five books, 1 (II). St. Petersburg: The Russian Book Association “The Doer”. 2-208. (In Russ.).*

Urban affairs: [journal], 22. (1915). (In Russ.).

Zemstvo business: [magazine]. (In Russ.).

Zemstvo Regulations, 1890 — The most highly approved “Regulations on provincial and county zemstvo institutions.” June 12, 1890. (1893). In: *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). The third meeting. Department one. 1890, X. St. Petersburg: [b. i.]. 493—511. (In Russ.).*

References

- Alyoshin, P. N. (2010). *Activity of the Ufa provincial Zemstvo in the development of agronomy of the region (1875—1917)*. PhD Diss. Ufa. 28 p. (In Russ.).
- Azamatova, G. B. (2005). *Ufa Zemstvo (1874—1917): social composition, budget, activities in the field of public education*. Ufa: Gilem. 252 p. ISBN 5-7501-0629-2. (In Russ.).
- Azamatova, G. B. (2021). *Zemstvo self-government in a multinational region of Russia (on the example of Ufa province, 1874—1917)*. Ufa: IIAL UFIC RAS. 364 p. ISBN 978-5-91608-211-1. (In Russ.).
- Belokonsky, I. P. (1914). *Zemstvo movement*. Moscow: Zadruga. VIII, 397 p. (In Russ.).
- Besedovskaya, A. V. (2004). *The system of local self-government in the Southern Urals during the modernization of Russian society (the second half of the XIX — early XX century)*. PhD Diss. Orenburg. 330 p. (In Russ.).
- Bryukhatov, L. D. (1914). The significance of the “third element” in the life of the Zemstvo. In: *Jubilee Zemstvo Collection: 1864—1914*. St. Petersburg: Publishing house of O. N. Popova. 186—205. (In Russ.).
- Chernysheva, E. V. (2011). *The social appearance and social activity of zemstvo employees (the second half of the 1860s — 1914) in Russian historiography*. Doct. Diss. Chelyabinsk. 687 p. (In Russ.).
- Dalina, O. A. (2004). *Problems of urban self-government in the activities of the government and the State Duma at the beginning of the 20th century*. PhD Diss. Moscow. 177 p. (In Russ.).
- Engineer. (1910). On the issue of the composition and staff of construction foremen at city councils. *Urban affairs, 19: 1321—1323. (In Russ.).*
- Gabdrafikova, L. R. (2008). The place of urban self-government in the state administration apparatus in the post-reform period (based on Ufa materials). *Proceedings of the Altai State University, 4—1 (60): 25—28. (In Russ.).*
- Lyubichankovsky, S. V. (2003). *Provincial government in the system of gubernatorial power in the last decade of the existence of the Russian Empire (based on materials from the Urals)*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 275 p. ISBN 5-7525-1154-2. (In Russ.).

- Myslyayeva, N. S. (2005). *Zemstvo institutions of Ufa province: education, organizational and legal basis, activity*. Ufa: RIO BASHGU. 212 p. ISBN 5-7477-1268-3. (In Russ.).
- Novikov, A. I. (1905). *Notes of the mayor*. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publishing house. 241 p. (In Russ.).
- Shatokhin, I. T. (2012). Socio-psychological motivation of patronage among the bureaucracy of the Russian Empire in the second half of the XIX — early XX century. In: *Regional governance and problems of government effectiveness in Russia (XVIII — early XXI centuries): collection of articles of the All—Russian Scientific Conference Regional Governance and problems of government effectiveness in Russia (XVIII — the beginning of the XXI century) (Orenburg, October 30 — November 2, 2012)*. Orenburg: [b. i.]. 65—68. (In Russ.).
- Veselovsky, B. B. (1911). *History of the Zemstvo for forty years, 4*. St. Petersburg: Publishing House of O. N. Popova. VIII, 696, 104, XXIX, XXVI p. (In Russ.).
- Vlasova, N. L. (2009). *Development of zemstvo statistics in the Southern Urals (1875—1918)*. PhD Diss. Ufa. 26 p. (In Russ.).

*The article was submitted 08.12.2025;
approved after reviewing 23.03.2026;
accepted for publication 14.05.2026.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Челик А. Трансформация образа России в учебниках истории Турции в контексте государственной исторической политики периода холодной войны (1945—1991 годы) / А. Челик, Х. Бингёль // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 560—588. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-560-588.

Çelik, A., Bingöl, H. (2026). Transformation of Russia's Image in Turkish History Textbooks in Context of State Historical Policy during Cold War (1945–1991). *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 560–588. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-560-588. (In Russ.).

Web of Science®

DOAJ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Трансформация образа России в учебниках истории Турции в контексте Государственной исторической политики периода холодной войны (1945—1991 годы)

Челик Ахмет

orcid.org/0000-0002-0624-6701

доцент кафедры истории
(история Турецкой Республики)

Института социальных наук,

корреспондирующий автор

ahmetcelik2@firat.edu.tr

Бингёль Харун

orcid.org/0009-0009-4685-585X

магистрант кафедры истории
(история Турецкой Республики)

Института социальных наук

e.harun.bingol@gmail.com

¹Фыратский университет
(Элязыг, Турция)

Transformation of Russia's Image in Turkish History Textbooks in Context of State Historical Policy during Cold War (1945–1991)

Ahmet Çelik

orcid.org/0000-0002-0624-6701

Associate Professor, Department of
History

(History of the Turkish Republic),

Institute of Social Sciences,

corresponding author

ahmetcelik2@firat.edu.tr

Harun Bingöl

orcid.org/0009-0009-4685-585X

Master's degree student,

Department of History

(History of the Turkish Republic),

Institute of Social Sciences

e.harun.bingol@gmail.com

¹Firat University
(Elazığ, Turkey)

© Челик А., Бингёль Х., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Настоящее исследование посвящено анализу того, каким образом внешне- и внутриполитические ориентации Турции в период Холодной войны (1945—1991) формировали восприятие Советской России и России в целом, а также тому, как данный процесс отражался в школьных учебниках истории. Целью данного исследования стало выявление особенностей образа России, представленного в учебниках истории, который изменялся под воздействием трансформаций внутренней и внешней политики в период Холодной войны. Исследование также направлено на объяснение того, как данный образ отражался в дискурсе исторического образования, соответствуя политической атмосфере эпохи и служа определенным целям. Материал исследования составляют учебники истории, использовавшиеся в системе образования Турции в рассматриваемый период. Результаты контент-анализа показывают, что нарратив о России в учебниках истории тесно связан с идеологическими установками и внешнеполитическими предпочтениями Турции. Исследование также демонстрирует, что историческое образование функционирует не только как средство передачи знаний, но и как инструмент формирования коллективной памяти и идентичности. В работе в сравнительной перспективе анализируется, каким образом внешнеполитические ориентиры, сформированные в Турции в условиях Холодной войны, а также внутренние политические и социальные процессы отражались на репрезентации образа России и Советского Союза в учебниках истории.

Ключевые слова:

Холодная война; Турция; образ России; историческое образование; школьные учебники; коллективная память.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines how Turkey's external and internal political orientations during the Cold War (1945–1991) shaped the perception of Soviet Russia and Russia in general, as well as how this process was reflected in school history textbooks. The aim of the research is to identify the distinctive features of the image of Russia presented in these textbooks, which evolved under the influence of changes in both domestic and foreign policy during the Cold War. The study also seeks to explain how this image was represented in the discourse of historical education, aligning with the political atmosphere of the time and serving specific objectives. The research material consists of history textbooks used in Turkey's educational system during the specified period. The results of the content analysis indicate that the narrative about Russia in these textbooks is closely linked to Turkey's ideological frameworks and foreign policy preferences. Furthermore, the study demonstrates that historical education functions not only as a means of knowledge transmission but also as a tool for shaping collective memory and identity. The paper provides a comparative analysis of how Turkey's foreign policy orientations, formed under the conditions of the Cold War, as well as internal political and social processes, influenced the representation of Russia and the Soviet Union in history textbooks.

Key words:

Cold War, Turkey, image of Russia, historical education, school textbooks, collective memory.

УДК 94:327(560)+37.035.43::94(47)“1945/1991”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-560-588

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Трансформация образа России в учебниках истории Турции в контексте государственной исторической политики периода холодной войны (1945—1991 годы)

© Челик А., Бингёль Х., 2026

1. Введение = Introduction

Государство, являясь одним из наиболее влиятельных регуляторов общественного мнения, посредством принадлежащих ему институциональных механизмов формирует общественное восприятие в соответствии с требованиями политических и социальных условий, прибегая при этом к различным инструментам. Эти инструменты были систематически осмыслены Луи Альтюссером в рамках концепции «идеологических аппаратов государства». В классификации Альтюссера «образовательный идеологический аппарат» указывает на воспроизводство идеологии на общественном уровне посредством системы образования, включающей государственные и частные учебные заведения [Althusser, 2010, s. 169].

В процессе конструирования коллективной памяти государства используют идеологические аппараты как функциональные инструменты, ориентированные на определённые социальные и политические цели. Особенно в странах с обязательным образованием система обучения и учебные программы играют центральную роль в формировании общественного восприятия и национальной идентичности. В этом отношении ситуация в Турции, с момента своего основания рассматривающей образование как средство передачи национального единства и общественной солидарности, является показательной. Турецкая Республика под влиянием опыта империалистической оккупации и исторических травм выработала защитную позицию как во внутренней, так и во внешней политике, что нашло отражение и в образовательной политике. В данном контексте образование выполняло не только функцию передачи знаний, но и стратегическую роль в сохранении национального существования и формировании общественного сознания.

Межгосударственные отношения формируются под воздействием не только текущих политических процессов, но и исторически накопленных

представлений. Для целостного понимания образа России в системе турецкого образования необходимо кратко обратиться к историческому фону турецко-российских отношений. Согласно историческим источникам, отношения с Россией, которую с точки зрения турецкой стороны можно охарактеризовать как «сложного соседа», на протяжении веков развивались преимущественно в русле конфликтов интересов и войн. Первый дипломатический контакт Османской империи с Россией, находившейся тогда в статусе княжества, был установлен в 1497 году в период правления Ивана III посредством посольства Михаила Плещеева в Стамбул [Kurat, 1987, s. 117]. В последующие столетия османо-российские отношения длительное время характеризовались соперничеством и напряжённостью в связи со стремлением России к выходу к тёплым морям, политикой панславизма на Балканах, кавказским вопросом и вооружёнными конфликтами.

Данный исторический фон и преемственность коллективной памяти обуславливают необходимость осознанного разграничения используемых в исследовании понятий. В этой связи термин *Советский Союз* применяется для обозначения конкретной историко-политической государственной структуры, тогда как сочетание *Советская Россия* используется с целью подчеркнуть идеологический и дискурсивный образ, формируемый в учебниках и коллективной памяти в контексте исторических отношений.

Анализ научной литературы по турецко-российским отношениям показывает, что они преимущественно рассматриваются в конфликтной плоскости. Вместе с тем внимание уделяется и ограниченному числу периодов взаимного сближения. Эти исключительные этапы сводятся к временному союзу конца XVIII века, сложившемуся в условиях экспансионистской политики Наполеона, а также к периоду после Октябрьской революции, когда Турецкая национально-освободительная борьба велась против империалистических держав [Широкоград, 2016, с. 4]. Поддержка, оказанная Советами Турецкому освободительному движению, способствовала кратковременному улучшению отношений; эта тенденция в определённой степени сохранялась и в первые годы после основания Турецкой Республики, особенно в период правления Мустафы Кемаля Ататюрка. Однако после Второй мировой войны отношения вновь обострились, и в годы Холодной войны исторически укоренившийся в турецкой коллективной памяти образ «московита» укрепился, соединившись с антикоммунистическим дискурсом [Çelik, 2020a, s. 406].

Период Холодной войны стал этапом, на котором идеологические расхождения в турецко-российских отношениях проявились наиболее отчётливо. Анализ того, каким образом в Турции формировалось восприятие России и Советской России в этот период, имеет большое значение для по-

нимания процессов конструирования коллективной памяти. В этом контексте исследование направлено на демонстрацию того, что образ России и Советского Союза в учебниках истории в годы Холодной войны представлял собой не статичный и неизменный идеологический нарратив, а контекстуально изменяющийся дискурс, трансформировавшийся в зависимости от внешнеполитических ориентиров Турции и международной конъюнктуры, что рассматривается в периодическом и сравнительном измерении.

Историческое образование играет ключевую роль в формировании и реконструкции коллективной памяти. В соответствии с этим данное исследование ставит целью проанализировать учебники истории, использовавшиеся в Турции в 1945—1991 годах, с применением методов контент- и дискурсивного анализа, чтобы выявить соотносительность образов России и Советского Союза с внешнеполитическими предпочтениями Турции на различных этапах Холодной войны и их дискурсивные трансформации. Работа не только вносит вклад в изучение восприятия России и Советского Союза в турецкой системе образования, но и способствует более глубокому пониманию дискурсивных усилий, направленных на формирование общественного мышления.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В рамках данного исследования проанализированы учебники истории и обществознания, изданные в Турции в период с 1945 по 1991 годы. Материальный корпус исследования включает как оригинальные издания, доступ к которым был получен через частные коллекции и букинистические источники, так и реконструированные тексты, сформированные на основе вторичных публикаций, содержащих цитаты из учебников, недоступных для непосредственного анализа. Такой методологический подход позволил оценить содержательные тенденции школьного исторического нарратива соответствующего периода на максимально широкой эмпирической выборке.

Для каждого хронологического этапа в рамках исследования были отобраны не менее трёх учебников; в совокупности проанализировано шестнадцать учебников, включая издания, изученные непосредственно, а также пять учебников, рассмотренных на основе вторичных источников. Полный перечень проанализированных учебников представлен в разделе «Библиография».

Методологическая рамка исследования основана на сочетании трёх взаимосвязанных подходов:

(1) контент-анализа, направленного на выявление ключевых тематических характеристик образа России и СССР;

(2) дискурс-анализа, ориентированного на выявление трансформаций образных представлений в учебниках в зависимости от периодов политической разрядки и обострения в ходе холодной войны;

(3) сравнительного текстового анализа, позволяющего сопоставить содержание учебников с хронологией международных событий периода 1945—1991 годов.

Комплексное применение указанных методов позволяет проследить, каким образом изменения во внутренней и международной политической конъюнктуре находили отражение в образовательном дискурсе как на качественном уровне, так и в контексте тематической частотности.

Несмотря на наличие в существующей историографии значимых исследований по данной проблематике, большинство из них характеризуется определёнными ограничениями. Так, в статье М. Шахина и М. Сойсала (2018), посвящённой анализу репрезентации советского и российского образа в турецких учебниках истории, основное внимание уделяется учебным программам и нарративным структурам, тогда как полученные выводы в недостаточной степени соотносятся с периодическими политическими изменениями эпохи холодной войны [Şahin et al., 2018, s. 332—339]. Аналогичным образом в статье Акташа (2013), посвящённой анализу исторической эволюции образа России в турецких учебниках истории, не осуществляется систематическое сопоставление содержания учебников с международными событиями соответствующего периода [Aktaş, 2013, s. 186—206].

В русскоязычной научной литературе оценивается роль учебников в формировании национальных интересов и коллективной исторической памяти. Так, в статье С. И. Алиевой (2021), в которой анализируются российские учебники истории, показано, что Турция и тюркский мир в целом представлены преимущественно в качестве военной угрозы, исторического соперника и «другого». Работа демонстрирует, что учебники функционируют как политический ресурс, воспроизводящий исторический дискурс, ориентированный на геополитические приоритеты в области национальной безопасности государства и согласованный с его внешнеполитическим курсом [Алиева, 2021]. В отличие от данного подхода, в нашей работе предлагается хронологически дифференцированная перспектива, в рамках которой аналогичная проблематика рассматривается на примере Турции в контексте холодной войны.

Кроме того, коллективная монография под редакцией В. А. Аваткова (2024) «Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая» показывает, что в учебниках стран постсоветского пространства образ России воспроизводится в тесной связи с национальной

идентичностью и политическими ориентациями, что свидетельствует о том, что историческое образование выступает не только педагогическим, но и идеологическим каналом трансляции смыслов [Аватков, 2024]. Указанное исследование, однако, в силу своего хронологического охвата обращается к иному историческому контексту по сравнению с периодом холодной войны, находящимся в фокусе настоящего исследования.

Несмотря на то, что перечисленные исследования подчёркивают тесную взаимосвязь учебников с государственной политикой, в них отсутствует целостный сопоставительный анализ динамики составляющих образа России и Советского Союза в турецких учебниках истории в соотношении с ключевыми политическими переломами холодной войны. Настоящая работа, опираясь на более широкий корпус источников и используя сравнительно-исторический метод, ставит своей целью выявить, как образ России и СССР в учебниках истории Турции воспроизводился и трансформировался в зависимости от динамики внешнеполитических факторов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Направленность исторической политики Турции периода холодной войны в контексте взаимосвязи коллективной памяти и образования

Коллективная память представляет собой форму общественного воспоминания, включающую совокупность общих для социума переживаний, нарративов и символов, связанных с прошлым. Выходя за пределы индивидуальной памяти, она определяет способы осмысления исторических событий социальными группами, а также влияние этих интерпретаций на актуальные идентичности и социальные отношения. Социологические основания данного понятия были впервые систематически разработаны Морисом Хальбваксом [Hasanov, 2016, s. 1438]. По Хальбваксу, индивидуальная память формируется при содействии коллективной памяти, поскольку жизненный опыт индивида не может рассматриваться вне того коллективного исторического контекста, в котором он существует [Halbwachs, 2023, s. 65]. Данная форма общественного воспоминания выступает одной из ключевых отправных точек исторической политики, формируемой государствами в соответствии с их стратегическими целями.

Развивая подход Хальбвакса, Ян Ассман рассмотрел долговременное и институционализированное измерение памяти в рамках концепции «культурной памяти». Согласно Ассману, культурная память выходит за рамки индивидуального воспоминания и представляет собой внешне опосредованное измерение человеческой памяти, обеспечивающее сохранение идентичности и преемственности сообществ; она служит конструирова-

нию социальной непрерывности посредством селективного сохранения прошлого [Assmann, 2015, s. 48].

В этом контексте историческое образование, в рамках которого осуществляется селективное сохранение прошлого, занимает центральное место в формировании, воспроизводстве и, при необходимости, реконструкции коллективной и культурной памяти. Национальные государства, прежде всего посредством преподавания истории, формируют представления граждан о прошлом и стремятся обеспечить устойчивость национальной идентичности. С этой точки зрения система образования выступает не только инструментом передачи знаний, но и идеологическим механизмом, фиксирующим, трансформирующим и направляющим общественную память.

Взаимодействие между коллективной памятью и образовательной политикой носит двусторонний характер. Образовательная политика, с одной стороны, формируется под воздействием доминирующих в обществе ценностей, а с другой — воспроизводит и трансформирует эти ценности. Государства, формируя учебные программы в соответствии со своими идеологическими ориентациями, играют определяющую роль в конструировании общественной памяти. Тем самым создаются условия для педагогического формирования образа «другого» в международных отношениях.

Образование обладает всеобъемлющим характером и оказывает влияние на все сферы социокультурной структуры общества, в котором оно осуществляется [Çelik, 2020b, s. 439]. Турецкая Республика, сформировавшаяся как национальное государство, выстроила свою образовательную политику в данном русле, опираясь на принцип национального сознания. Аналогичным образом и другие современные национальные государства нуждались в централизованном управлении и, в особенности, в системе образования для поддержания социальных структур, основанных на общих исторических корнях и культурных нормах. Данная необходимость сыграла важную роль в формировании специфических моделей национальных государств [Boyer et al., 2015, s. 14—15].

Протекционистский характер Турции как национального государства, сложившийся под воздействием исторических и географических факторов, обусловил неизбежное усиление влияния государства на систему образования, прежде всего в сфере преподавания истории. Историческое образование, выходя за рамки простого изложения прошлого, может функционировать как прагматичный инструмент, который на политическом уровне, опосредованном соображениями безопасности и интересов, формирует идеологический мост либо линию разграничения в восприятии обществами друг друга. В силу этого историческое образование в процессе конструирования общественной памяти может как способствовать формированию

мирного общественного сознания по отношению к другим государствам, так и — в зависимости от конкретных политических условий — усиливать конфликтогенные и исключаяющие тенденции.

В период холодной войны, который оказал определяющее влияние на направление и динамику турецкой исторической политики, трансляция исторического знания посредством системы образования в Турции стала одним из ключевых инструментов реконструкции общественной памяти в соответствии с политическими ориентирами государства. В исторической памяти Турции, связанной с Россией и русскими, поляризованная политическая атмосфера данного периода создала предпосылки для позиционирования образа России в образовательной политике как «стратегического другого». Таким образом, период холодной войны представляет собой критический этап, в ходе которого в Турции предпринимались попытки переосмысления и перестройки коллективной и культурной памяти посредством системы образования, что позволяет отчетливо проследить данный процесс.

Настоящая теоретическая оценка показывает, что историческое образование представляет собой идеологическое пространство, тесно связанное с внешнеполитическими ориентирами государств. Для понимания того, каким образом данная взаимосвязь проявлялась в турецком контексте, необходимо обратиться к анализу идеологической и геополитической структуры холодной войны, а также к рассмотрению положения Турции в рамках данной системы.

3.2. Идеологические и геополитические рамки холодной войны и положение Турции

Исторический опыт показывает, что международные отношения в значительной степени формируются на основе интересов, и данная закономерность сохранялась и после Второй мировой войны. США и СССР, выступавшие союзниками в годы войны, в послевоенный период заняли позиции в противоположных идеологических лагерях. Это противостояние оказало долговременное структурное влияние на мировую политику; термин *холодная война* впервые был использован Бернардом Барухом в 1947 году [Çelik, 2020b, s. 37, 45].

Сформировавшийся биполярный миропорядок привёл к масштабному идеологическому, политическому, экономическому и технологическому соперничеству между США и СССР, которое затронуло не только баланс сил, но и внутреннюю и внешнюю политику государств, их идеологические ориентиры и системы образования. Проявления холодной войны выразились в идеологической поляризации, прокси-войнах, региональных кризисах и дипломатическом давлении, что позволяет рассматривать её

как комплексный исторический процесс, переопределивший политические и культурные балансы XX века.

Эрик Хобсбаум подчёркивает, что холодная война, основанная на ядерном сдерживании, гонке вооружений и идеологической конфронтации, сформировала устойчивую атмосферу коллективного страха. Принцип «гарантированного взаимного уничтожения», предотвращая прямой конфликт, одновременно закрепил в общественном сознании постоянное ощущение ядерной угрозы [Hobsbawm, 2011, s. 302].

Холодная война не была однородной по своему характеру. В 1945—1960 годах доминировала жёсткая поляризация, в 1960-е годы при сохранении конфронтации усилились дипломатические контакты, а в 1970-е годы утвердилась политика разрядки (детанта). Армаоглу характеризует этот этап как фазу ослабления биполярной системы без перехода к многополярности [Armaoğlu, 2018, s. 409]. В 1980—1991 годах система вступила в стадию распада, завершившуюся распадом СССР в 1991 году.

Турция оказалась одной из стран, наиболее затронутых данным глобальным противостоянием, что было обусловлено её географическим положением и стратегическими связями с Западом. В условиях холодной войны вопросы безопасности заняли центральное место во внешней политике Анкары, а процесс принятия политических решений во многом формировался под влиянием биполярного соперничества.

Особую роль сыграли требования СССР, затрагивавшие суверенитет Турции, что ускорило её ориентацию на западный блок. Этот процесс начался с Доктрины Трумэна 1947 года и был институционализирован вступлением Турции в НАТО в 1952 году. В связи с этим анализ идеологических и геополитических параметров холодной войны и положения Турции в данной системе представляет собой необходимый контекст для понимания последующих социальных, политических и культурных трансформаций, рассматриваемых в исследовании.

3.3. Образ России в турецких учебниках истории в начальный период холодной войны (1945—1950 годы)

После Второй мировой войны Турция в период однопартийного правления Республиканской народной партии под руководством Исмета Инёню вступила в фазу заметных трансформаций как во внутренней, так и во внешней политике. В условиях формирования послевоенного мирового порядка Турция оказалась одной из стран, непосредственно затронутых соперничеством двух сверхдержав. Особенно в сталинский период угрожающее отношение Советского Союза к Турции стало одним из ключевых факторов, определявших внешнеполитические ориентиры Анкары. Как отмечает Ильбер Ортайлы, осторожная позиция правительства Инёню

в ответ на необоснованные требования сталинской России, затрагивавшие суверенитет Турции, привела к постепенному охлаждению двусторонних отношений [Ortaylı, 2023, s. 167].

Международная конъюнктура, сложившаяся после войны, обусловила формирование стратегических предпочтений Турции в контексте таких событий, как Ялтинская и Потсдамская конференции, доктрина Трумэна и план Маршалла. В этот период были заложены основы институционального сотрудничества между Турцией и США в сфере образования: в 1946 году в Каире были предложены соответствующие инициативы, а в 1949 году они получили устойчивую институциональную форму с подписанием Фулбрайтского соглашения в Анкаре. Эти процессы подготовили почву для существенных трансформаций не только во внутренней и внешней политике Турции, но и в ее образовательной политике [Arslan et al., 2021, s. 6012].

Ялтинская конференция (4—11 февраля 1945 года), которую можно рассматривать как один из первых ключевых эпизодов, определивших позицию Турции по отношению к Советскому Союзу в период холодной войны, имела для Анкары критическое значение [Çelik, 2020b, s. 100]. На конференции Сталин поднял вопрос о проливах, потребовав пересмотра Конвенции Монтрё, а в 1946 году эти требования приобрели форму открытой угрозы в виде советских нот [Ogan, 2009, s. 472—475]. Советский Союз потребовал возврата Карса и Ардагана, а также выдвинул требование о размещении военных баз в проливах. Данные шаги были восприняты как прямое посягательство на суверенитет Турции и стали одним из важнейших факторов, сделавших ориентацию Анкары на западный блок практически неизбежной.

После Потсдамской конференции (июль—август 1945 года) военно-политическое давление Советского Союза на Турцию продолжилось, что побудило руководство страны к дальнейшему сближению с Соединёнными Штатами. Символическим проявлением этого сближения в общественном восприятии стал визит в 1946 году линкора Миссури, доставившего в Турцию тело скончавшегося в США турецкого посла в Вашингтоне Мюнира Эртегюна [Çelik, 2020b, s. 259].

Турецко-американское сближение получило официальное оформление с провозглашением доктрины Трумэна в 1947 году. Доктрина была направлена на оказание экономической и военной помощи Турции и Греции с целью защиты этих стран от советского влияния [Akşin, 2022, s. 240]. Как подчёркивал сам президент Трумэн, богатые природные ресурсы и стратегическое положение Ближнего Востока имели для США первостепенное значение [Güler, 2004, p. 210]. В результате Турция приняла внешнеполи-

тический курс, ориентированный на США, а в экономическом и идеологическом плане — на Запад [Çelik, 2020b, s. 279].

Реализация плана Маршалла (1947 год), последовавшая за доктриной Трумэна, способствовала более глубокой экономической интеграции Турции в западный блок [Güler, 2004, s. 220]. Наиболее осязаемое влияние в сфере образования проявилось с подписанием Фулбрайтского соглашения в 1949 году. В рамках программы, инициированной сенатором Дж. Уильямом Фулбрайтом, положение о предоставлении окончательного права принятия решений послу США в случае равенства голосов в Фулбрайтской комиссии вызвало серьёзную критику с точки зрения независимости турецкой образовательной системы [Arslan et al., 2021, s. 6012—6015]. Несмотря на предоставление стипендиальных и академических обменных возможностей, данная структура институционализировала влияние США на образовательную политику Турции.

Хотя невозможно говорить о прямом отражении стратегических реакций Турции на советскую угрозу в образовательных учебных программах в первые годы холодной войны (1945—1950 годы), Фулбрайтское соглашение создало институциональную основу, способствующую формированию идеологических ориентиров в сфере образования в последующие годы.

Анализ учебников истории за 1945—1950 годы показывает отсутствие прямых идеологических изменений в отношении образа России и русских в данный период. Стремительное развитие внешнеполитических процессов после Второй мировой войны, по-видимому, сместило приоритеты правительства в сторону дипломатических и военных вопросов, оставив сферу образования на второстепенных позициях. Кроме того, тот факт, что обновлённая версия учебной программы 1928 года — программа 1936 года — оставалась в силе до 1948 года, свидетельствует о том, что текущие политические изменения ещё не нашли отражения в образовательных стандартах [Boyko, 2011, s. 159].

Для выявления возможных изменений в восприятии России в послевоенных учебных программах целесообразно обратиться к учебникам истории, использовавшимся в школах до 1940-х годов. Анализ данных источников показывает, что образ России в турецких учебниках истории в целом носил нейтральный, а местами и позитивный характер. Так, в учебнике «История» для 3 класса средней школы, подготовленном Министерством национального образования Турции в 1939 году, подчёркивается, что «новая Россия видит свои интересы в дружественной и поддерживающей позиции по отношению к туркам» [Şahin et al., 2018, s. 335], что свидетельствует о стремлении к переосмыслению негативного образа царской России после большевистской революции.

В «Истории», учебнике для 5 класса начальной школы, изданном в 1945 году, царская Россия характеризуется как государство, «наносившее ущерб Османской империи» в контексте экспансионистской политики; при этом отсутствует негативная репрезентация Советского Союза, что указывает на неотражённость актуальной политической напряжённости в образовательном дискурсе данного периода [Şahin et al., 2018, s. 335].

Аналогичную линию демонстрирует «История III», учебник для средних школ, опубликованный в 1947 году, в котором подчёркиваются «дружественные отношения» между Турцией и большевистской Россией после Национально-освободительной борьбы, а также отмечается, что идеологические различия между двумя странами не препятствовали сохранению сотрудничества [Duru et al., 1947, s. 166—168]. В данном контексте Россия ещё не конструируется как идеологический противник.

В целом в учебниках истории 1945—1950 годов образ России формируется в рамках бинарной нарративной структуры: царская Россия представляется как исторический источник угрозы Османскому государству, тогда как Советская Россия интерпретируется в категориях «дружбы» и «антиимпериалистического партнёрства». Это свидетельствует о том, что, несмотря на наличие исторически закреплённого образа угрозы, в указанный период Россия ещё не трансформируется в образ идеологического врага в турецком образовательном дискурсе.

Данная конфигурация претерпит существенные изменения после 1950 года, когда с углублением холодной войны в турецкой системе образования начнёт формироваться отчётливо выраженная антисоветская и антикоммунистическая идеологическая рамка.

3.4. Период интеграции Турции в западный блок и формирование образа Советской России в школьных учебниках (1950—1960 годы)

Изменение глобального баланса сил после Второй мировой войны оказало глубокое влияние и на внутреннюю политику Турции в период правления Республиканской народной партии и Исмета Инёню. В целях обеспечения собственной безопасности и адаптации к новому мировому порядку Турция приняла прозападный внешнеполитический курс; данная ориентация ускорила процесс перехода к многопартийной системе. Требование демократического режима, выдвинутое Атлантической хартией и условиями членства в Организации Объединённых Наций, сделало внутренние политические реформы неизбежными; вступление Турции в ООН в качестве государства-учредителя 24 октября 1945 года сыграло решающую роль в завершении однопартийного периода [Çelik, 2020b, s. 303—304].

В период 1950—1960 годов трансформация турецкой политической структуры начала отражаться и в сфере образования; особенно антирос-

сийские и антикоммунистические установки приобрели выраженную идеологическую интерпретацию. Однако для корректного анализа образа России, сформированного в учебниках данного периода, прежде всего необходимо рассмотреть внутреннее и внешнеполитическое позиционирование Турции.

Демократическая партия, пришедшая к власти в 1950 году, продолжила прозападный внешнеполитический курс, сложившийся после Второй мировой войны; данная ориентация, сформированная в контексте Доктрины Трумэна, Плана Маршалла и требований Советского Союза к Турции, получила подкрепление. В этот период негативное отношение к Советскому Союзу стало более отчётливым, а процесс интеграции Турции в западный блок ускорился [Aslan et al., 2021, s. 297].

Отправка Турцией войск на Корейскую войну, начавшуюся 25 июня 1950 года, стала наглядным проявлением её приверженности западному блоку; направление 4500-членного турецкого контингента в Корею в соответствии с призывом ООН от 27 июня 1950 года ускорило процесс, завершившийся вступлением Турции в НАТО [Kurban, 2014, s. 255—256].

С точки зрения США Турция рассматривалась как ключевой региональный актор в стратегии сдерживания советского экспансионизма. В этом контексте оценка Дуайта Д. Эйзенхауэра, направленная президенту Трумэну и определявшая Турцию и Югославию как основные элементы южной оборонительной линии, наглядно демонстрирует стратегическое значение Турции для США [Hale, 2003, s. 119]. В результате при поддержке США Турция в 1952 году стала членом НАТО и официально вошла в состав западного блока [Kurban, 2014, s. 256].

Несмотря на то, что период 1950—1960 годов в целом характеризовался напряжённостью в отношениях между Турцией и Советским Союзом, после смерти Иосифа Сталина в 1953 году были предприняты шаги в направлении смягчения двусторонних отношений. Заявление Молотова от 30 мая 1953 года, сделанное турецкому послу и содержавшее отказ от прежних территориальных претензий [Gürün, 1991, s. 310], свидетельствовало о пересмотре отношений на дипломатическом уровне. Однако турецкое правительство расценило данный шаг как «тактический манёвр Советского Союза» и продолжило придерживаться прозападного курса [Aslan et al., 2021, s. 303].

Одним из наиболее показательных проявлений отражения идеологического позиционирования Турции 1950-х годов в образовательной сфере стало закрытие Институтов сельских учителей (Köy Enstitüleri). Основанные в 1940 году, данные институты были направлены на распространение образования в сельской местности и подготовку сельской молодёжи,

прежде всего учителей, в целях социального развития. Однако в условиях холодной войны данные учреждения стали объектом обвинений в «пропаганде коммунизма».

Символическим выражением реакции правоконсервативных кругов стала позиция Неджипа Фазыла Кысакюрека, который в работе «Коммунизм и сельские институты в Турции» охарактеризовал эти учреждения как «духовные бойни, подавляющие нравственность анатолийского ребёнка и сознательно внедряющие коммунизм» [Kısakürek, 1962, s. 34]. Подобная риторика демонстрирует, что Институты сельских учителей рассматривались уже не в рамках образовательной политики, а как поле идеологической борьбы.

В 1954 году Институты сельских учителей были закрыты, а на их месте созданы педагогические училища. В тот же период обращает на себя внимание и попытка исключения произведений русских авторов из учебных материалов [Akandere et al., 2017, s. 311]. Эти процессы свидетельствуют о том, что в турецком образовании понятия «Россия» и «коммунизм» начали восприниматься не только как политическая, но и как культурная угроза.

Ещё одним кризисным фактором в турецко-советских отношениях стал сирийский вопрос. Начиная с 1955 года Турция, в соответствии с региональной стратегией США, ужесточила свою позицию в отношении Сирии, сближавшейся с Советским Союзом. В ответ сирийское руководство заявило, что США через Турцию и Ирак пытаются свергнуть сирийское правительство, и выслало сотрудников американского посольства. В дальнейшем Турция перебросила войска к сирийской границе, что вызвало активизацию советских сил на кавказском участке турецкой границы [Ahmad, 1996, s. 508].

После инцидента с американским разведывательным самолётом У-2, сбитым в мае 1960 года над территорией Советского Союза, и выяснения факта его вылета с базы Инджирлик в Турции, страна оказалась вовлечённой в кризис. Несмотря на осторожную позицию Анкары, отрицавшей свою ответственность, данный инцидент привёл к дальнейшему обострению турецко-советских отношений [Gülmez et al., 2014, s. 231—237].

Одним из значимых событий 1960 года также стало то, что запланированная встреча премьер-министра Турции Аднана Мендереса с советским лидером Никитой Хрущёвым не состоялась из-за военного переворота 27 мая 1960 года. После переворота Хрущёв направил письмо главе нового правительства Джемалю Гюрселю, в котором подчёркивал необходимость проведения Турцией нейтральной политики и предлагал организовать переговоры по общим вопросам; однако правительство Гюрселя не ответило на данное обращение, продолжив демонстрировать приверженность западному блоку [Hale, 2003, s. 123].

Период 1950—1960 годов стал этапом существенных трансформаций во внутренней и внешней политике Турции, идеологические следствия которых непосредственно отразились в сфере образования. В данный период образ России в учебниках истории начинает формироваться преимущественно в негативном ключе.

Анализ учебников истории за 1950—1960 годы фиксирует резкий идеологический сдвиг в восприятии России и Советского Союза в турецком образовательном дискурсе. В учебнике «История» для 3 класса средней школы, написанном Мустафой Джезаром и опубликованном в 1951 году, Коммунистическая партия характеризуется как сила, «стремящаяся установить коммунистический режим во всём мире», а Россия — как государство, «коварно скрывавшее свои истинные намерения» в мирный период и годы Второй мировой войны [Cezar, 1951, s. 207]. Подобные оценки отражают институционализацию антикоммунистической позиции Турции через систему образования в данный период.

Более радикальная риторика представлена в учебнике «История» для 3 класса лицея («Новое и новейшее время»), написанном Эмином Октаем и изданном в 1952 году, где Россия определяется как «крупнейшая колониальная империя в мире», а Советский Союз — как государство, ориентированное на «коммунизацию всего мира». Подчёркиваются особенности российского «колониализма», основанного на прямом присоединении территорий и русификации, а СССР описывается как «мнимая народная республика» и «жестокая красная диктатура», что демонстрирует целенаправленное конструирование образа России как негативного «Другого» [Şahin et al., 2018, s. 336—337].

Аналогичный дискурс воспроизводится в «Истории 3», учебнике для лицеев («Новое и новейшее время»), опубликованном в 1953 году Бедрие Атсыз и Хильми Ораном. В нём акцентируются ликвидация частной собственности, установление «диктатуры рабочего класса» и концентрация власти в руках генерального секретаря Коммунистической партии; подчёркивается нарушение личных свобод и подчинение многомиллионного населения узкой правящей группе [Şahin et al., 2018, s. 334, 337].

В «Истории», учебнике для средних школ, изданном Фаиком Решитом Унатом и Камилем Су в 1954 году, ключевым понятием становится «железный занавес»: Советский Союз представлен как сила, навязавшая собственный режим Восточной Европе и ограничившая деятельность ООН, тогда как создание НАТО интерпретируется как реакция демократического мира на советскую угрозу [Unat et al., 1954, s. 154—155].

В учебнике «История Турецкой Республики 1918—1953» для лицеев, опубликованном Энвером Зией Каралом в 1958 году, подчёркивается, что

разрыв турецко-российской дружбы в 1945 году был инициирован Советским Союзом, что закрепляет отказ от позитивного образа российско-турецких отношений раннего республиканского периода [Kara], 1958, s. 223].

В целом в период правления Демократической партии внешнеполитическая позиция Турции по отношению к СССР формировалась в рамках системы безопасности, выстроенной в союзе с западными державами [Ahmad, 1996, s. 506]. Это напрямую отразилось в учебниках 1950—1960 годов, где образовательный дискурс приобрёл жёсткий и отчуждающий характер. Образ России был институционализирован как «наиболее значимая внешняя угроза», а коммунистическая идеология — как антилиберальная и репрессивная, что свидетельствует о трансформации антироссийского нарратива из защитной реакции в устойчивый идеологический конструкт.

3.5. Идеологическая поляризация в Турции и образ России в школьных учебниках (1960—1980 годы)

Период 1960—1980 годов стал этапом, в ходе которого Турция обратилась к новым внешнеполитическим поискам, а идеологические внутренние конфликты приобрели особенно острый характер. Военный переворот 27 мая 1960 года, ставший отправной точкой данного периода, привёл к отмене Конституции 1924 года, принятию Конституции 1961 года и вынесению жёстких приговоров руководителям Демократической партии, что вызвало глубокий перелом в политической истории Турции [Akşin, 2022, s. 259].

После этих событий Турция вступила в фазу интенсивной политической поляризации, продолжавшуюся вплоть до 1980 года; общество оказалось резко разделённым по линиям правых и левых идеологий. Особенно с середины 1970-х годов нарастание уличных столкновений и политического насилия втянуло страну в атмосферу серьёзной нестабильности.

Развитие внешней политики также определило характер данного периода. Кипрская миротворческая операция 1974 года стала важной вехой в формировании турецких представлений о безопасности и внешнеполитических ориентирах. Кипрский вопрос, с одной стороны, привёл к переосмыслению прозападного курса Турции, а с другой — стал одним из многих направлений, по которым Турция и СССР с 1960-х годов выработали общую позицию против энозиса [Canar, 2018, s. 242—243].

Интенсивные идеологические столкновения между правыми и левыми силами способствовали тому, что понятия «Россия» и «коммунизм» начали восприниматься не только как внешняя угроза, но и как символ внутреннего идеологического противостояния. Лозунги типа «Коммунисты — в Москву!» и «Долой фашизм!» свидетельствуют о том, что Россия в коллективной памяти отождествлялась одновременно с образом внешнего и внутреннего врага.

Относительная либерализация политической среды в начале 1960-х годов создала условия для роста партий, основанных на идеологических принципах. Основание Турецкой рабочей партии в 1964 году и самоопределение Республиканской народной партии как партии «левого центра» усилили идеологическое разнообразие периода [Akşin, 2022, s. 266]. Данное направление можно рассматривать как попытку демократической переинтерпретации отдельных элементов социалистической мысли, таких как социальная справедливость и равенство.

Плюралистическая политическая структура этого периода способствовала усилению не только левых движений, но и исламистских и националистических правых сил. Партия справедливости, движение «Национальное видение» и Партия националистического движения стали ключевыми акторами идеологической карты того времени.

Глобальное влияние студенческих движений 1968 года в Турции особенно остро проявилось среди университетской молодёжи, что ещё более углубило идеологическую поляризацию. В то время как такие структуры, как ТИП (Рабочая партия Турции), ТХКО (Народно-освободительная армия Турции) и «Дев-Генч» (Революционная молодёжь), черпали вдохновение в советской идеологии, ПНД (Партия националистического движения), «Идеалистические очаги» и Ассоциации по борьбе с коммунизмом распространяли про-НАТОВский и антикоммунистический дискурс [Коса, 2018, s. 90—92].

Внешняя политика Турции в данный период продолжала формироваться в оси США — СССР. Карибский кризис 1962 года и решение США о выводе ракет «Юпитер», размещённых в Турции, без согласия Анкары вызвали сомнения в союзнических отношениях. Аналогичным образом «Письмо Джонсона» 1964 года стало серьёзным переломным моментом в турецко-американских отношениях [İlyas, 2015, s. 167].

В этих условиях Турция начала искать пути пересмотра своего позиционирования и в отношениях с Советским Союзом. Заявление президента Джемдета Суная в ходе встречи с президентом США Джонсоном в 1967 году о необходимости поддержания добрых отношений с СССР является одним из показателей данного поиска [Derman et al., 2015, s. 21—22]. В этом же русле визиты Сулеймана Демиреля и Джемдета Суная в СССР положили начало периоду смягчения турецко-советских отношений, основанному на экономическом сотрудничестве [Topsakal, 2016, s. 47].

Политика баланса, проводимая Турцией в середине 1970-х годов, была чётко артикулирована в ходе визита Бюлента Эджевита в Советский Союз в 1976 году. Подчеркнув исторические основы турецко-советской дружбы, Эджевит заявил о необходимости поддержания Турцией сбалансирован-

ных отношений с Москвой, несмотря на членство в НАТО [Derman et al., 2015, s. 27).

В целом экономические трудности, политическая нестабильность и атмосфера общественного насилия, характеризующие данный период, — более обобщённо обозначаемые как «хаотическая среда», — завершились военным переворотом 12 сентября 1980 года.

Анализ учебников периода 1960—1980 годов показывает, что в первой половине данного этапа идеологическое давление холодной войны на образ России и Советского Союза в турецком образовательном дискурсе в значительной степени сохранялось, тогда как во второй половине периода фиксируются признаки относительного смягчения.

В «Истории», учебнике для средних школ, опубликованном Мюкремом Кямилом Су в 1963 году, коммунизм представлен как угроза Европе на фоне экономического кризиса, а позиция Советского Союза охарактеризована как «служащая империалистическим устремлениям», в том числе в контексте советско-германского соглашения начала Второй мировой войны [Aktaş, 2013, s. 196, 198]. Подобная интерпретация демонстрирует устойчивое воспроизводство негативного образа СССР и поддержку прозападной политической линии через образовательный дискурс.

Аналогичная риторика присутствует в «Истории Турецкой Республики», учебнике для лицеев, написанном Энвером Бехнаном Шаполью и изданном в 1966 году. Германско-советский пакт о дружбе характеризуется как союз, «повергший весь мир в страх», а действия СССР в отношении Польши и Финляндии описываются как проявления агрессии и военной несостоятельности [Şapolyo, 1966, s. 161—162]. Конфликты между Германией и Советским Союзом интерпретируются как борьба «двух тоталитарных государств», взаимно уничтожающих друг друга [Şapolyo, 1966, s. 163]. Кроме того, подчёркивается создание Советским Союзом «государств-саттелитов» в Восточной Европе и на Дальнем Востоке, а также систематическое блокирование деятельности ООН посредством права вето; распространение коммунизма в Китае представлено как результат прямого советского вмешательства [Ibid., s. 168—169].

В «Истории», учебнике для 3 класса лицея, опубликованном Йылмазом Озтуной в 1976 году, революция 1917 года описывается как «немыслимо кровавое» крушение царского режима и установление коммунистического строя [Öztuna, 1976, s. 263]. Коммунизм представлен как утопическая и деструктивная система, превосходящая фашизм по жёсткости в вопросах прав человека и охватившая значительную часть человечества. Ответственность за его распространение автор возлагает на США, одновременно позиционируя их как единственный фактор сдерживания СССР

[Ibid., s. 267—268]. При этом Озтуна отмечает и сдерживание колониального империализма коммунизмом, что объясняется историческим контекстом Османской империи и значением большевистской помощи в период Турецкой войны за независимость [Öztuna, 1976, s. 268].

Идеологическая рамка холодной войны сохраняется и в «Истории Турецкой Республики 1918—1965», учебнике для лицеев, изданном в 1978 году, где подчёркиваются стремление Советской России извлечь односторонние выгоды из итогов Второй мировой войны и создание «государств-сателлитов», тогда как Турецкая революция легитимируется через её соотнесение с западными демократиями [Karal, 1978, s. 221, 225].

Вместе с тем в «Социальных знаниях», учебнике для 2 класса средней школы, изданном в 1979 году, фиксируются признаки смягчения турецко-советских отношений: наряду с историческими противоречиями упоминаются шаги по развитию добрососедства и расширению экономического сотрудничества, включая торговые связи между Турцией и Советским Союзом [Akşit et al., 1979, s. 179—180].

В целом учебники периода 1960—1980 годов демонстрируют, что турецкая система образования продолжала находиться под влиянием идеологической атмосферы холодной войны. В течение длительного времени Советский Союз представлялся как «коммунистическая угроза», посредством чего западные ценности легитимировались в глазах учащихся. Вместе с тем к концу 1970-х годов смягчение турецко-советских отношений нашло ограниченное и относительно нейтральное отражение в учебниках, что привело к частичному уравниванию негативного образа России.

3.6. Период прагматического подхода и репрезентация России в школьных учебниках (1980—1991 годы)

Период 1980—1991 годов стал этапом глубоких политических, экономических и социальных трансформаций как для Турции, так и для международной системы в целом. С точки зрения внутренней политики Турции наиболее значимым переломным моментом данного периода стали военный переворот 12 сентября 1980 года и последующее принятие Конституции 1982 года, одобренной на референдуме с результатом 92 %, что ознаменовало формирование нового политического порядка [Ortaylı, 2023, s. 155—156]. Политика, проводимая после переворота, оказала влияние на широкий круг сфер — от системы образования до общественной жизни.

Анализируя идеологическое измерение периода 12 сентября, Акшин отмечает, что турецкая политика 1970-х годов, сместившаяся вправо, под воздействием США приняла установку о том, что «наиболее эффективным противоядием от коммунизма является ислам», в результате чего турецко-исламский синтез был оформлен в качестве официальной идеологической

рамки. В этом контексте было введено обязательное религиозное образование, в университетах стали доминировать кадры правой ориентации, а выступления лидера переворота Кенана Эврена с религиозной риторикой превратились в символические выражения данного идеологического курса [Akşin, 2022, s. 279].

В то же время на фоне ослабления общей атмосферы холодной войны турецко-советские отношения в данный период демонстрировали тенденцию к прагматическому сотрудничеству, а не к идеологической жёсткости. В правительственной программе, принятой после 12 сентября, особое внимание уделялось «дружественному развитию» отношений с Советским Союзом. Этот подход был подкреплён конкретными шагами, прежде всего в сфере энергетики и экономики. Газовое соглашение, подписанное 18 сентября 1984 года, наглядно зафиксировало формирование новой модели отношений, основанной на взаимной выгоде [Oran, 2010, s. 163].

Несмотря на относительное смягчение в двусторонних отношениях, членство Турции в НАТО продолжало оставаться ключевым фактором, определяющим политические границы взаимодействия. Вследствие этого отношения не развивались полностью бесконфликтно: такие события, как отказ Михаила Горбачёва принять Тургута Озала во время его визита в Москву в 1986 году или давление на болгарских турок, вызывали периодические напряжения [Ibid., s. 165].

К началу 1990-х годов отношения приобрели более институционализированный и многоуровневый характер. Хотя интервенция в Азербайджане в 1990 году вызвала негативную реакцию в Турции, Анкара расценила произошедшее как внутреннее дело СССР. Рост торгового оборота, соглашения о культурном сотрудничестве, визит Эдуарда Шеварднадзе в Анкару и инициатива Чёрноморского экономического сотрудничества свидетельствуют о переходе отношений в фазу прагматического взаимодействия [Ibid., s. 166].

В этот же период сохранялось стремление Турции к интеграции с западным альянсом. Подача заявки на полноправное членство в Европейском союзе в 1987 году стала наиболее наглядным выражением данной ориентации. Осторожное отношение Запада к Турции, по выражению Ортаылы, переключается с взглядами Тойнби и отражает историческую преемственность «тенденции Запада удерживать Турцию и Россию за пределами культурных и политических союзов» [Ortaylı, 2023, s. 183].

На международном уровне заявление президента США Рональда Рейгана, назвавшего Советский Союз «империей зла», указывало на сохранение идеологической поляризации [Akşin, 2023, s. 441]. В противоположность этому реформы гласности и перестройки, инициированные Михаи-

лом Горбачёвым после его прихода к власти в 1985 году, были направлены на смягчение жёсткого климата холодной войны; однако они не смогли сохранить систему. После отставки Горбачёва 25 декабря 1991 года Советский Союз официально прекратил своё существование, что ознаменовало завершение холодной войны.

В последние годы холодной войны турецко-советские отношения вышли за рамки открытой враждебной риторики и вступили в осторожный процесс нормализации. Эти политические трансформации затронули не только внешнюю политику, но и конструирование коллективной памяти посредством исторического образования, создав условия для формирования более прагматичной и смягчённой дискурсивной рамки образа России в учебниках.

Анализ учебников периода 1980—1991 годов свидетельствует о заметной трансформации образовательного дискурса в условиях позднего этапа холодной войны. Введённый в 1981 году курс «История турецкой революции» был ориентирован на систематическое изложение принципов Республики и рассматривал исторические отношения в выраженном идеологическом контексте. Так, в учебнике «История турецкой революции», подготовленном Су и Мумджу и изданном в 1981 году, в разделе «Армянский вопрос и войны с армянами» утверждается, что русские «беспощадно» подстрекали армян в Восточной Анатолии, что формирует образ России как актора, манипулирующего региональными конфликтами в собственных интересах [Mumcu et al., 1981, s. 117].

В то же время в данном учебнике обращает на себя внимание более сдержанная трактовка советско-турецких отношений периода Национально-освободительной борьбы. Совместное упоминание США и Советской России как держав, проявлявших интерес к туркам, а также указание на позитивное отношение большевистского руководства к национальному движению в Анатолии, мотивированное соображениями безопасности, свидетельствуют об отходе от жёсткой антикоммунистической риторики и отражают осторожную внешнеполитическую линию Турции в образовательной сфере [Ibid., s. 141—143].

Более развёрнутая интерпретация представлена в учебнике «История турецкой революции», написанном Хамзой Эроглу и опубликованном в 1982 году, где сближение Турции и Советской России объясняется международными факторами, включая вопрос Мосула, Локарнские соглашения и подписание Договора о ненападении 1925 года. Одновременно подчёркивается, что ориентация Турции на Запад и антикоммунистические меры Анкары вызвали негативную реакцию СССР и стали источником напряжённости [Eroglu, 1982, s. 356—357]. Советский Союз при этом пози-

ционируется как актор, оказывающий помощь с учётом собственных идеологических интересов, то есть как «полезный, но ненадёжный» партнёр.

В учебнике «История» для 3 класса лица, написанном Ниязи Акшитом и изданном в 1986 году, в разделе «Россия и большевизм» коммунизм описывается в более нейтральном и объяснительном ключе: отмечаются его практическая реализация в ленинский период, формирование системы общественной собственности и попытки экспорта идеологии — без прежней жёсткой полемики холодной войны [Akşit, 1986, s. 261]. Вместе с тем в разделе «Колониализм европейских государств» сохраняется критическая оценка исторической роли России, представленной как создатель «колониальной империи» после захвата Кавказа, Туркестана и Сибири, что подчёркивает функцию образования в поддержании национального и культурного сознания [Ibid., с. 263].

В целом анализ периода 1980—1991 годов показывает, что восприятие России в турецкой системе образования постепенно смещалось от жёсткого и враждебного тона предыдущих десятилетий к более осторожной и нейтральной линии. Вопросы коммунизма и холодной войны рассматривались поверхностно, а основной целью стало удержание учащихся от идеологической поляризации. Хотя подобный подход затруднял формирование у молодого поколения целостного понимания международных отношений эпохи, он соответствовал приоритетной задаче государства после 12 сентября — обеспечению общественной стабильности. В этот период образование использовалось как инструмент идеологической нейтрализации и балансирования: образ России в целом был смягчён, крайние антикоммунистические клише в коллективной памяти сглажены и заменены более рациональным, контролируемым и уравновешенным нарративом.

4. Заключение = Conclusions

Образование является одним из ключевых инструментов формирования коллективной памяти обществ, при этом данная память подлежит переосмыслению в соответствии с политическими и идеологическими условиями конкретного исторического периода. Настоящее исследование показало, каким образом в турецкой системе образования в 1945—1991 годы конструировался образ России и как данный образ трансформировался в зависимости от внешнеполитических ориентиров Турции и изменяющейся международной конъюнктуры холодной войны. Проанализированные учебники демонстрируют, что историческое образование функционировало не только как сфера передачи знаний, но и как механизм производства коллективной памяти, отражающий восприятие безопасности государства, его идеологические предпочтения и внешнеполитические приоритеты.

С точки зрения преемственности коллективной памяти следует учитывать, что отношение Турции к Советскому Союзу в период холодной войны не ограничивалось исключительно актуальными политическими обстоятельствами, но также было связано с воспроизводством укоренившегося в турецкой исторической памяти образа «москофа». Данное историческое восприятие могло находить отражение в образовательных нарративах и оказывать влияние на формирование устойчивых представлений в сфере исторического обучения.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в период 1945—1950 годов политические и идеологические противоречия между Турцией и СССР ещё не получили прямого отражения в образовательной сфере, а образ России в учебниках сохранял относительно нейтральный, а местами и позитивный характер. Однако после 1950 года, по мере усиления двусторонней напряжённости и радикализации холодной войны, Советский Союз стал однозначно позиционироваться в учебных материалах как идеологическая угроза; антикоммунистическая риторика приобрела системный характер, а образ России был заново сконструирован в координатах «чужого» и «опасного». В этот период образование превратилось в функциональный инструмент легитимации прозападной внешнеполитической ориентации на уровне общественного сознания.

В 1960—1980 годы данная идеологическая рамка в целом сохранялась, однако к концу 1970-х годов относительное смягчение турецко-советских отношений начало ограниченно и осторожно отражаться в содержании учебников. После 1980 года внутренняя политическая трансформация Турции, а также процессы распада международной системы, связанные с политикой гласности и перестройки в Советском Союзе, создали предпосылки для перехода к более сбалансированному и нейтральному языку в образовательных нарративах о России.

В данном контексте становится очевидным, что от исторического образования не всегда можно ожидать полной независимости от приоритетов государственной безопасности и внешнеполитических ориентиров, равно как и абсолютной объективности. Вместе с тем данное обстоятельство не делает излишним стремление к реконструкции исторического знания и коллективной памяти на более объективной и многомерной основе. Рассматриваемый период представляет собой показательный пример того, каким образом историческое образование может трансформироваться в зависимости от политической конъюнктуры.

С точки зрения вклада в научную литературу настоящее исследование раскрывает особенности восприятия России через призму образовательной политики и учебных нарративов Турции — страны-члена НАТО —

в контексте холодной войны, тем самым проливая свет на процессы формирования образа России во внешней и оппозиционной коллективной памяти. В этом отношении статья представляет собой оригинальный пример анализа зачастую игнорируемой перспективы «России извне» на основе дискурса государственного контроля в сфере образования. Кроме того, исследование демонстрирует, каким образом представления о России институционализировались посредством педагогических инструментов в условиях идеологического соперничества, внося теоретический и эмпирический вклад в сравнительные исследования взаимосвязи между образованием, коллективной памятью и политическим контекстом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Akşit N. Sosyal Bilgiler : Ortaokul 2. Sınıf / N. Akşit, F. Sanır, T. Asal. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1979. — 326 s.
2. Akşit N. Tarih : Lise 3. Sınıf / N. Akşit. — İstanbul : Remzi Kitabevi, 1986. — 200 s.
3. Cezar M. Tarih : Ortaokul 3 / M. Cezar. — İstanbul : Okul Kitapları, 1951. — 245 s.
4. Duru K. N. Tarih : Orta III / K. N. Duru, K. Su. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1947. — 208 s.
5. Eroğlu H. Türk İnkılap Tarihi / H. Eroğlu. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1982. — 559 s.
6. Karal E. Z. Türkiye Cumhuriyeti Tarihi 1918—1953 / E. Z. Karal. — İstanbul : Maarif Basımevi, 1958. — 230 s.
7. Karal E. Z. Lise Kitapları : Türkiye Cumhuriyeti Tarihi 1918—1965 / E. Z. Karal. — Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1978. — 294 s.
8. Mumcu A. Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi / A. Mumcu, M. Su. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1981. — 262 s.
9. Öztuna Y. Tarih III : Lise Kitapları / Y. Öztuna. — Ankara : Milli Eğitim Bakanlığı, 1976. — 478 s.
10. Şapolyo E. B. Türkiye Cumhuriyeti Tarihi : Lise Kitapları / E. B. Şapolyo. — İstanbul : Rafet Zaimler Kitabevi, 1966. — 269 s.
11. Unat F. R. Tarih Kitabı : Ortaokul 3 / F. R. Unat, K. Su. — İstanbul : Kanaat Yayınevi, 1954. — 194 s.

Литература

1. Алиева С. И. Турция и тюркский мир в российских учебниках истории / С. И. Алиева // Постсоветские исследования. — 2021. — Т. 4. — № 1. — С. 7—21. — DOI: 10.34905/PC.2021.24.1.002.
2. Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая : реферативный сборник / ИНИОН РАН ; отв. ред. В. А. Аватков. — Москва : ИНИОН РАН, 2024. — 155 с. — ISBN 978-5-248-01107-0.
3. Широкоград А. Б. Россия и Турция : анатомия противостояния / А. Б. Широкоград. — Москва : Вече, 2016. — 432 с. — ISBN 978-5-4444-2343-7.

4. *Ahmad F.* Demokrasi Sürecinde Türkiye 1945—1980 / F. Ahmad. — İstanbul : Hil Yayın, 1996. — 335 s. — ISBN 975-7639-19-7.
5. *Akandere O.* Köy enstitülerinin ideolojik yapısı / O. Akandere, N. Yıldız // *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*. — 2017. — T. 17. — № 35. — S. 275—316.
6. *Akşin S.* Kısa Türkiye Tarihi / S. Akşin. — İstanbul : İş Bankası Kültür Yayınları, 2022. — 400 s. — ISBN 978-625-405-718-8.
7. *Akşin S.* Kısa 20. Yüzyıl Tarihi / S. Akşin. — İstanbul : İş Bankası Kültür Yayınları, 2023. — 312 s. — ISBN 978-625-405-512-2.
8. *Aktaş Ö.* Osmanlı Devleti'nden Türkiye Cumhuriyeti'ne tarih ders kitaplarında Rusya imgesi / Ö. Aktaş // *Millî Eğitim*. — 2013. — T. 43. — № 199. — S. 186—206.
9. *Althusser L.* İdeoloji ve Devletin İdeolojik Aygıtları / L. Althusser. — İstanbul : İthaki Yayınları, 2010. — 168 s. — ISBN 978-605-375-135-9.
10. *Armaoğlu F.* 20. Yüzyıl Siyasi Tarihi (1914—1995) / F. Armaoğlu. — İstanbul : Kronik Kitap, 2018. — 960 s. — ISBN 978-975-2430-25-3.
11. *Arslan L.* Siyasal ve kültürel diplomasi sarmalında Türk Amerikan ilişkilerinin gelişimi / L. Arslan, N. Aysal // *OPUS Uluslararası Toplum Araştırmaları Dergisi*. — 2021. — T. 18. — № 42. — S. 6001—6024. — DOI: 10.17522/opus.904838.
12. *Aslan Z.* Demokrat Parti döneminde Türkiye—SSCB ilişkileri / Z. Aslan, S. Erdoğan // *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*. — 2021. — T. 21. — № 42. — S. 295—317.
13. *Assmann J.* Kültürel Bellek / J. Assmann. — İstanbul : Ayrıntı Yayınları, 2015. — 400 s. — ISBN 978-975-539-117-3.
14. *Boyer P.* Zihinde ve kültürde bellek / P. Boyer, J. W. Wertsch. — İstanbul : İş Bankası Kültür Yayınları, 2015. — 264 s. — ISBN 978-605-332-120-0.
15. *Boykoy S.* Türkiye'de 1939—1945 yıllarında tarih öğretim programları / S. Boykoy // *U.Ü. Sosyal Bilimler Dergisi*. — 2011. — T. 12. — № 21. — S. 157—181.
16. *Canar B.* SSCB—Türkiye İlişkilerinde Kıbrıs Sorunu / B. Canar // *ViraVerita*. — 2018. — № 8. — S. 223—246.
17. *Çelik A.* Soğuk savaşın başlarında Türkiye'de anti-komünizm / A. Çelik // *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. — 2020a. — T. 30. — № 1. — S. 399—411.
18. *Çelik A.* Soğuk Savaş'ın Oluşum Süreci ve Türkiye'ye Etkileri / A. Çelik. — İstanbul : Hiperyayın, 2020b. — 234 s. — ISBN 978-605-281-323-9.
19. *Derman G. S.* Türkiye'nin SSCB ve ABD ile ilişkileri / G. S. Derman, V. Kurban // *SDÜ Sosyal Bilimler Dergisi*. — 2015. — № 35. — S. 19—46.
20. *Güler Y. II.* Dünya Harbi Sonrası Türk—Amerikan İlişkileri / Y. Güler // *Gazi Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi*. — 2004. — T. 5. — № 2. — S. 209—224.
21. *Gülmez N.* U-2 uçak krizi / N. Gülmez, B. Tahancı // *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*. — 2014. — T. 14. — № 28. — S. 225—252.
22. *Gürün K.* Türk-Sovyet İlişkileri (1920—1953) / K. Gürün. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 1991. — 384 s. — ISBN 975-16-0418-7.
23. *Halbwachs M.* Kolektif Bellek / M. Halbwachs. — İstanbul : Pinhan Yayıncılık, 2023. — 224 s. — ISBN 978-605-72546-7-2.
24. *Hale W.* Türk Dış Politikası 1774—2000 / W. Hale. — İstanbul : Mozaik, 2003. — 424 s. — ISBN 975-8648-15-X.
25. *Hasanov B.* İbn Haldun'da asabiyet kavramı / B. Hasanov // *Elektronik Sosyal Bilimler Dergisi*. — 2016. — T. 15. — № 59. — S. 1437—1446.
26. *Hobsbawm E.* Kısa 20. Yüzyıl / E. Hobsbawm. — İstanbul : Everest Yayınları, 2011. — 448 s. — ISBN 978-975-289-799-5.

27. İlyas A. Johnson Mektubu / A. İlyas // Sosyal Bilimler Dergisi. — 2015. — № 10. — S. 163—177.
28. Kısakürek N. F. Türkiye’de Komünizma ve Köy Enstitüleri / N. F. Kısakürek. — İstanbul : Doğan Güneş, 1962. — 132 s.
29. Koca M. 68 Öğrenci Olayları / M. Koca // Birey ve Toplum. — 2018. — T. 8. — № 1. — S. 87—109.
30. Koca M. Türk sağının 68 olayları üzerinden komünizme bakışı / M. Koca // Eğitim ve Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi. — 2021. — S. 52—82.
31. Kurat A. N. Dünya Tarihi : Rusya Tarihi / A. N. Kurat. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 1987. — 632 s. — ISBN 978-975-1604-70-9.
32. Kurban V. 1950—1960 yıllarında Türkiye—SSCB ilişkileri / V. Kurban // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. — 2014. — T. 14. — № 28. — S. 253—282.
33. Oran B. (ed.). Türk Dış Politikası / B. Oran (ed.). — İstanbul : İletişim Yayınları, 2009. — T. 1. — 936 s. — ISBN 978-975-0504-56-5.
34. Oran B. (ed.). Türk Dış Politikası / B. Oran (ed.). — İstanbul : İletişim Yayınları, 2010. — T. 2. — 816 s. — ISBN 978-975-0504-57-2.
35. Ortaylı İ. Türkiye’nin Yakın Tarihi / İ. Ortaylı. — İstanbul : Kronik Kitap, 2023. — 304 s. — ISBN 978-625-8431-93-9.
36. Şahin M. Türkiye’de tarih ders kitaplarında Sovyet/Rus imgesi / M. Şahin, M. Soysal // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. — 2018. — T. 11. — № 61. — S. 332—339.
37. Topsakal İ. Tarihi süreçte Rusya-Türkiye ilişkileri / İ. Topsakal // Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi. — 2016. — T. 3. — № 2. — S. 33—53.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025,
одобрена после рецензирования 10.04.2026,
подготовлена к публикации 14.05.2026.

Material resources

- Akşit, N., Sanır, F., Asal, T. (1979). *Sosyal Bilgiler: Ortaokul 2. Sınıf*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. 326 s. (In Turkish.).
- Akşit, N. (1986). *Tarih: Lise 3. Sınıf*. İstanbul: Remzi Kitabevi. 200 s. (In Turkish.).
- Cezar, M. (1951). *Tarih: Ortaokul 3*. İstanbul: Okul Kitapları. 245 s. (In Turkish.).
- Duru, K. N., Su, K. (1947). *Tarih: Orta III*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. 208 s. (In Turkish.).
- Eroğlu, H. (1982). *Türk İnkılap Tarihi*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. 559 s. (In Turkish.).
- Karal, E. Z. (1958). *Türkiye Cumhuriyeti Tarihi 1918—1953*. İstanbul: Maarif Basımevi. 230 s. (In Turkish.).
- Karal, E. Z. (1978). *Lise Kitapları: Türkiye Cumhuriyeti Tarihi 1918—1965*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 294 s. (In Turkish.).
- Mumcu, A., Su, K. (1981). *Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. 262 s. (In Turkish.).
- Öztuna, Y. (1976). *Tarih III: Lise Kitapları*. Ankara: Milli Eğitim Bakanlığı. 478 s. (In Turkish.).
- Şapolyo, E. B. (1966). *Türkiye Cumhuriyeti Tarihi: Lise Kitapları*. İstanbul: Rafet Zaimler Kitabevi. 269 s. (In Turkish.).
- Unat, F. R., Su, K. (1954). *Tarih Kitabı: Ortaokul 3*. İstanbul: Kanaat Yayınevi. 194 s. (In Turkish.).

References

- Ahmad, F. (1996). *Demokrasi Sürecinde Türkiye 1945—1980*. İstanbul: Hil Yayın. 335 s. ISBN 975-7639-19-7. (In Turkish.).
- Akandere, O., Yıldız, N. (2017). Köy enstitülerinin ideolojik yapısı. *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*, 17 (35): 275—316. (In Turkish.).
- Akşin, S. (2023). *Kısa 20. Yüzyıl Tarihi*. İstanbul: İş Bankası Kültür Yayınları. 312 s. ISBN 978-625-405-512-2. (In Turkish.).
- Akşin, S. (2022). *Kısa Türkiye Tarihi*. İstanbul: İş Bankası Kültür Yayınları. 400 s. ISBN 978-625-405-718-8. (In Turkish.).
- Aktaş, Ö. (2013). Osmanlı Devleti'nden Türkiye Cumhuriyeti'ne tarih ders kitaplarında Rusya imgesi. *Milli Eğitim*, 43 (199): 186—206. (In Turkish.).
- Alieva, S. I. (2021). Turkey and the Turkic world in Russian history textbooks. *Post-Soviet studies*, 4 (1): 7—21. DOI: 10.34905/PC.2021.24.1.002. (In Russ.).
- Althusser, L. (2010). *İdeoloji ve Devletin İdeolojik Aygıtları*. İstanbul: İthaki Yayınları. 168 s. ISBN 978-605-375-135-9. (In Turkish.).
- Armaoğlu, F. (2018). *20. Yüzyıl Siyasi Tarihi (1914—1995)*. İstanbul: Kronik Kitap. 960 s. ISBN 978-975-2430-25-3. (In Turkish.).
- Arslan, L., Aysal, N. (2021). Siyasal ve kültürel diplomasi sarmalında Türk Amerikan ilişkilerinin gelişimi. *OPUS Uluslararası Toplum Araştırmaları Dergisi*, 18 (42): 6001—6024. DOI: 10.17522/opus.904838. (In Turkish.).
- Aslan, Z., Erdoğan, S. (2021). Demokrat Parti döneminde Türkiye—SSCB ilişkileri. *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*, 21 (42): 295—317. (In Turkish.).
- Assmann, J. (2015). *Kültürel Bellek*. İstanbul: Ayrıntı Yayınları. 400 s. ISBN 978-975-539-117-3. (In Turkish.).
- Avatkov, V. A. (ed.). (2024). *Russia in the textbooks of the history of the countries of the Near and Post-Soviet East, China: an abstract collection*. Moscow: INION RAS. 155 p. ISBN 978-5-248-01107-0. (In Russ.).
- Boyer, P., Wertsch, J. W. (2015). *Zihinde ve kültürde bellek*. İstanbul: İş Bankası Kültür Yayınları. 264 s. ISBN 978-605-332-120-0. (In Turkish.).
- Boyko, S. (2011). Türkiye'de 1939—1945 yıllarında tarih öğretim programları. *U.Ü. Sosyal Bilimler Dergisi*, 12 (21): 157—181. (In Turkish.).
- Canar, B. (2018). SSCB—Türkiye İlişkilerinde Kıbrıs Sorunu. *ViraVerita*, 8: 223—246. (In Turkish.).
- Çelik, A. (2020b). *Soğuk Savaş'ın Oluşum Süreci ve Türkiye'ye Etkileri*. İstanbul: Hiperyayın. 234 s. ISBN 978-605-281-323-9. (In Turkish.).
- Çelik, A. (2020a). Soğuk savaşın başlarında Türkiye'de anti-komünizm. *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 30 (1): 399—411. (In Turkish.).
- Derman, G. S., Kurban, V. (2015). Türkiye'nin SSCB ve ABD ile ilişkileri. *SDÜ Sosyal Bilimler Dergisi*, 35: 19—46. (In Turkish.).
- Güler, Y. (2004). II. Dünya Harbi Sonrası Türk—Amerikan İlişkileri. *Gazi Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi*, 5 (2): 209—224. (In Turkish.).
- Gülmez, N., Tahancı, B. (2014). U-2 uçak krizi. *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*, 14 (28): 225—252. (In Turkish.).
- Gürün, K. (1991). *Türk-Sovyet İlişkileri (1920—1953)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 384 s. ISBN 975-16-0418-7. (In Turkish.).
- Halbwachs, M. (2023). *Kolektif Bellek*. İstanbul: Pinhan Yayıncılık. 224 s. ISBN 978-605-72546-7-2. (In Turkish.).

- Hale, W. (2003). *Türk Dış Politikası 1774—2000*. İstanbul: Mozaik. 424 s. ISBN 975-8648-15-X. (In Turkish.).
- Hasanov, B. (2016). İbn Haldun'da asabiyet kavramı. *Elektronik Sosyal Bilimler Dergisi*, 15 (59): 1437—1446. (In Turkish.).
- Hobsbawm, E. (2011). *Kısa 20. Yüzyıl*. İstanbul: Everest Yayınları. 448 s. ISBN 978-975-289-799-5. (In Turkish.).
- İlyas, A. (2015). Johnson Mektubu. *Sosyal Bilimler Dergisi*, 10: 163—177. (In Turkish.).
- Kısakürek, N. F. (1962). *Türkiye'de Komünizma ve Köy Enstitüleri*. İstanbul: Doğan Güneş. 132 s. (In Turkish.).
- Koca, M. (2018). 68 Öğrenci Olayları. *Birey ve Toplum*, 8 (1): 87—109. (In Turkish.).
- Koca, M. (2021). Türk sağının 68 olayları üzerinden komünizme bakışı. *Eğitim ve Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi*. 52—82. (In Turkish.).
- Kurat, A. N. (1987). *Dünya Tarihi: Rusya Tarihi*. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 632 s. ISBN 978-975-1604-70-9. (In Turkish.).
- Kurban, V. (2014). 1950—1960 yıllarında Türkiye—SSCB ilişkileri. *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*, 14 (28): 253—282. (In Turkish.).
- Oran, B. (ed.). (2009). *Türk Dış Politikası, 1*. İstanbul: İletişim Yayınları. 936 s. ISBN 978-975-0504-56-5. (In Turkish.).
- Oran, B. (ed.). (2010). *Türk Dış Politikası, 2*. İstanbul: İletişim Yayınları. 816 s. ISBN 978-975-0504-57-2. (In Turkish.).
- Ortaylı, İ. (2023). *Türkiye'nin Yakın Tarihi*. İstanbul: Kronik Kitap. 304 s. ISBN 978-625-8431-93-9. (In Turkish.).
- Şahin, M., Soysal, M. (2018). Türkiye'de tarih ders kitaplarında Sovyet/Rus imgesi. *Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi*, 11 (61): 332—339. (In Turkish.).
- Shirokorad, A. B. (2016). *Russia and Turkey: the anatomy of confrontation*. Moscow: Veche. 432 p. ISBN 978-5-4444-2343-7. (In Russ.).
- Topsakal, İ. (2016). Tarihi süreçte Rusya—Türkiye ilişkileri. *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 3 (2): 33—53. (In Turkish.).

*The article was submitted 26.12.2025;
approved after reviewing 10.04.2026;
accepted for publication 14.05.2026.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:

<https://www.sciencedirect.com/>

<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>

<https://doaj.org/>

<https://mjl.clarivate.com/home>

сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47—48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

Averina, A. V. Types of Relations in Asyndetic Sentences in German.....	9
Alimov, T. E., Adjeminova, E. R. Cognitive-Pragmatic Mechanisms of Euphemization of Alcoholization in Russian and Uzbek Linguistic Cultures.	37
Barannikova, T. B., Suleymanova, F. N., Khanbalaeva, S. N. Lexicographic Aspects of Synonymy in Dagestani Linguistics: Historical Background, Challenges, and Prospects	62
Bylkova, S. V., Shalkov, D. Yu. Linguistic Representation of Product Placement in Russian Literature: Cultural and Semiotic Specifics of Pragmatonyms	86
Vlavatskaya, M. V. Suggestive Analysis Method as a Tool for Identifying Speech Influence Mechanisms in English-Language Horoscope Discourse.....	108
Griber, Yu. A., Ivleva, A. I., Elkind, G. V. Cognitive Representation of Color in Individuals with Autism Spectrum Disorder: A Linguistic and Psycholinguistic Analysis.....	129
Zubkova, O. S., Logvina, S. A. Relational Nature of Euphemization: A Cognitive-Discourse Approach	152
Ivanyan, E. P., Klyushina, A. M., Miroshnichenko, M. R. Verbal and Gesture Representation of Mental Deviations in Russian Discourse.....	177
Chaylak, H., Tokarev, G. V. A Comparative Study of Russian and Turkish Folk Measurement Units	198
Shidlovskaya, D. Yu. Causative Semantics in English Phraseological Units with Verbs from Semantic Fields of “Push” and “Pull”.....	218

COMMUNICATIONS. MEDIA TECHNOLOGIES. JOURNALISM

Buzheninov, A. E., Li Tianying. Linguocultural Type “Philologist” in Russian and Chinese Creolized Texts.....	241
Petkova, D. P. Media Culture and Media Trust: an Empirical Research in Bulgaria.....	260

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Abdullaeva, S. Kh., Dospanova, D. U., Pulatova, V. I. Contemporary British Dystopia: Typological Features of the Genre in Ben Elton’s “Blind Faith”.	277
Meshchansky, A. Y., Savelova, L. A. Siege Theme in Works of 21st-Century Russian Playwrights.....	295
Osmukhina, O. Yu., Mironov N. M. Embodiment of Vampire Archetype in Silver Age Novellas: “He” and “Mother’s Love” by E. Nagrodskaya	317

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. Russian Critical, Translational, and Creative Reception of William Blake's "Milton"	337
Sharavin, A. V., Voronichev, O. E., Grishechkina, A. M. Lenin's Name as a Play on Language in Prose of Leonid Dobychin	368

HISTORY

Altyn, K., Kemurju, E. Status of Women in State Administration of Aq Qoyunlu in 15th Century: Saray-Khatun and Despina-Khatun	390
Buyarov, D. V. Development of Higher Education System in Kingdom of Cambodia in First Quarter of 21st Century	409
Vasilyev, A. D. Privileges of State Service in Yakutia in 1780s–1840s.....	432
Naryshkin, A. A. Comintern's Anti-Colonial Policy in Sub-Saharan Africa (1920s–1930s).....	450
Naumenko, O. N., Makhmudov, U. B., Satimov, B. M. Reforming Soviet History Education in 1920s – Early 1940s: Case of Khorezm Region of Uzbek SSR in Context of Rise of Nazism in Germany.....	467
Naumenkova, E. O. Transformation of Soviet Union's Image in British Central and Regional Press during World War II	486
Nesterov, A. G., Ni Meng. Concept of Humanitarian Cooperation in Context of Belt and Road Initiative (2015–2025).	506
Safronova, A. M. First Pharmaceutical Garden in Yekaterinburg (1739–1775).	523
Khaziev, R. A., Polyamina, O. A. Recruitment of Personnel in Zemstvo and Municipal Self-Government of Ufa Gubernia in Late 19th and Early 20th Centuries.....	542
Çelik, A., Bingöl, H. Transformation of Russia's Image in Turkish History Textbooks in Context of State Historical Policy during Cold War (1945–1991).	560
TO AUTHORS	589

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 18.05.2026. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 34,75. Тираж 500 экз. Заказ 18/05-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2026

Свободная цена

